Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт российской истории Российской академии наук

На правах рукописи

Юрасов Михаил Константинович

ВЕНГРИЯ И РУССКИЕ КНЯЖЕСТВА В XII ВЕКЕ

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

диссертация на соискание учёной степени
доктора исторических наук

Москва – 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 4

Глава I. Обзор источников

1. Русские летописи 14
2. Венгерская хронистика 39
3. Письменные памятники стран Центральной Европы 54
4. Византийские источники 72
5. Восточные источники 76

Глава II. Историографический очерк

1. XVIII – первая половина XIX в. 78
2. Вторая половина XIX – начало XX в. 95
3. 20–40-е годы XX в. 113
4. Вторая половина XX в. 120
5. Конец XX – начало XXI в. 137

Глава III. Русско-венгерские отношения первой четверти XII в.

1. Политическая ситуация на Руси, в Венгрии и Польше в начале XII в. 151
2. Святополк Изяславич и борьба за власть в Польше и Венгрии 167
3. Неудачная попытка Владимира Мономаха заключить союз с Арпадами 191
4. Отношения Иштвана II с князьями юго-западной Руси (до 1125 г.) 207

Глава IV. Время Бориса Калмановича

1. Мстислав Великий, Иштван II и междоусобица Володаревичей 231
2. Начало политической деятельности Бориса Калмановича 250
3. Попытка Бориса свергнуть Белу II с престола в 1132 г. 265
4. Провал иностранной интервенции в поддержку Бориса 288

Глава V. Поиски венгерскими королями новых союзников на Руси

1. Нормализация Белой II отношений с соседними государями 301
2. Изменение политической ситуации на Руси и в Венгрии в 1139–1141 гг. 310
3. Венгерский фактор во внешней политике Всеволода Ольговича 328

Глава VI. Походы войска Гезы II на Русь в 1148–1152 гг.

1. Причины и начало активного привлечения Изяславом Мстиславичем венгерской военной помощи 343
2. Изменение политической ситуации в южной Руси и международного положения Венгрии в 1148–1149 гг. 358
3. Участие венгров в борьбе Изяслава Мстиславича с Юрием Долгоруким осенью 1150 г. 379
4. Участие венгров в военных операциях на юге Руси в 1151 г. 398
5. Поход Гезы II в Галицкую Русь 1152 г. 419

Глава VII. Венгрия и русские княжества в 50–60-е годы XII в.

1. Политическая ситуация в южной Руси и на границах Венгрии на рубеже 1152–1153 гг. 444
2, Безуспешные попытки русских союзников Гезы II получить от короля военную помощь 459
3. Новый виток венгерско-византийского противостояния, вызванный смертью Гезы II (1162), и русские княжества 479
4. Византия, Венгрия и русские княжеств в середине – второй половине 1160-х гг. 499

Глава VIII. Русь и Венгрия в годы правления Белы III (1172–1196)

1. Последний период гегемонии Византии на Балканах 519
2. Политическая ситуация в Юго-Восточной Европе и на Руси после смерти Мануила I Комнина 534
3. Вмешательство Белы III во внутрирусские дела после смерти Ярослава Осмомысла 544
4. Русь и Венгрия в последние годы правления Белы III 580

Заключение 594

Библиография 605

ВВЕДЕНИЕ

Изучение различных направлений внешнеполитической истории Древней Руси никогда не было столь же популярным в научной среде, как многообразные аспекты её социальной истории или вопросы междукняжеских отношений. Кроме того, на степень интереса учёных к решению проблем истории взаимоотношений Руси с её западными соседями большое влияние оказывал языковой фактор. Например, национальные историографии славянских государств более доступны российским учёным, чем работы, написанные на германских или романских языках. Что же касается исследований венгерских историков, то о них советские и российские коллеги могли судить лишь из небольшого количества их изданий в переводе на некоторые мировые языки, а также из работ квалифицированных отечественных специалистов по истории Венгрии. Поскольку таких историков в нашей стране считанные единицы, исследование русско-венгерских отношений в целом остаётся на уровне разработки «смежных вопросов», связанных опять же с изучением социальной истории или междукняжеских отношений.

В связи с этим до сих пор не написана во всей возможной полноте история русско-венгерских отношений в эпоху Средневековья. Исследователи как в бывшем СССР и возникших после его распада независимых России и Украине, так и в Венгрии, в лучшем случае, ограничиваются последовательным рассмотрением династических связей и совместных военных действий венгерских королей и союзных им русских князей. При этом упускается из виду то, что на отношения между Рюриковичами и Арпадами заметное (а в отдельные эпохи и определяющее) влияние оказывали правители соседних с ними государств – Византии, Германии, Польши и Чехии. Кроме того, специалисты по внешнеполитической истории Руси недостаточно полно учитывают тонкости междукняжеских отношений внутри рода Рюриковичей и их отражение на выборе венгерскими королями союзников на Руси. Российские и украинские историки мало внимания обращают на политическую борьбу

при дворе Арпадов в работах по внешнеполитической истории русских земель. Почти не затрагивается исследователями история восточнославянского населения бассейна Верхней Тисы домонгольского времени, которое не могло не оказывать влияния на русско-венгерские отношения. Специалисты по внешнеполитической истории Руси также не учитывают в своих исследованиях факты, связанные с формированием русско-венгерской границы.

Среди венгерских историков последнего десятилетия распространено мнение, что все значимые проблемы истории русско-венгерских отношений эпохи Арпадов (X–XIII вв.) решены и ничего принципиально нового в этой области исторического знания сказать уже невозможно. При этом целый ряд сведений источников, прямо или косвенно касающихся контактов между русскими и венграми в рассматриваемое время остаётся без внимания венгерских исследователей. Вышедшие в Венгрии итоговые труды, посвящённые русско-венгерским отношениям X–XIII вв., вмещают в пределах 20 п. л. весь этот период.

После распада «социалистического содружества» у венгерских историков заметно снизился интерес к выходящим в России работам, посвящённым ранним этапам истории русско-венгерских отношений. Если в последние десятилетия существования СССР достижения отечественной историографии были лучше известны в Венгерской Народной Республике, чем вклад венгерских историков их советским коллегам, то теперь ситуация прямо противоположная. Похоже, тезис о полной исследованности истории взаимоотношений Венгрии и русских земель в домонгольское время не только получил всеобщее признание в венгерской исторической науке, но и способствовал отказу венгерских коллег от учёта новейших достижений российских историков в этой области на фоне пробудившегося к ней интереса в России.

В связи с этим пришла пора представить «российскую версию» разработки рассматриваемой научной проблематики, в которой учтены не только достижения венгерских коллег, но и новейшие исследования в области летопи-

севедения, а также отношения между двумя соседними средневековыми народностями показаны в широком контексте европейской внешней политики.

Объектом настоящего исследования являются политические взаимоотношения между Венгрией и русскими княжествами на различных уровнях, насколько это позволяет сделать материал дошедших до нас источников. *Предмет* исследования – династические браки, военные союзы, дипломатические контакты, совместное участие в составе военных коалиций с соседними государствами; изменение политических приоритетов венгерских королей из династии Арпадов относительно Руси; эволюция целей, которые ставили перед собой Арпады и их окружение в отношениях с восточными соседями.

Хронологические рамки диссертации соответствуют началу и концу XII в. Этот период наиболее ярко демонстрирует постепенную смену главной цели венгерской правящей верхушки в отношении Руси. Первое серьёзное вмешательство Арпадов в междоусобия русских князей в 1099 г. закончилось военной катастрофой королевского войска, что на последующие полвека предопределило осторожность во внешнеполитических акциях венгерских королей на Руси. Однако неспособность боровшихся между собой наиболее сильных Рюриковичей обойтись без иностранной помощи способствовала появлению у Арпадов планов присоединения части юго-западной Руси к владениям венгерской короны. Первая такая попытка была предпринята в 1188–1190 гг. и закончилась неудачей, а создание в 1199 г. Романом Мстиславичем Галицко-Волынского княжества заставило Арпадов временно отказаться от своих экспансионистских планов.

Цель исследования – на основании данных всех дошедших до нас источников, а также достижений отечественной и зарубежной историографии воссоздать историю русско-венгерских отношений XII в. с выявлением не только основных тенденций их развития, но и влияния правящей верхушки соседних государств в разные десятилетия этого столетия. Такая постановка вопроса определяет *задачи исследования*:

1) установление всей цепи династических связей Арпадов и Рюриковичей, в том числе через родство с правящими родами Византии, Польши и Чехии;

2) воссоздание полной хронологической канвы событий, прямо или косвенно связанных с историей русско-венгерских отношений XII в.;

3) нахождение причинно-следственных связей между событиями внутриполитической борьбы в Венгрии и на Руси и русско-венгерскими контактами в рассматриваемое время;

4) определение степени влияния противоборства соседних держав на русско-венгерские отношения в XII в.;

5) нахождение глубинных причин изменения внешнеполитического курса венгерских королей по отношению к русским князьям;

6) оценка степени заселённости восточными славянами владений Арпадов и масштабов миграций русского населения в рассматриваемую эпоху.

Методологической основой исследования являются принципы историзма и научной объективности. Принцип историзма предусматривает: опору на наиболее достоверные источники, их всесторонний и комплексный анализ, изучение рассматриваемых явлений с учётом исторической динамики и в контексте представлений, свойственных их современникам. Принцип научной объективности предусматривает непредвзятость исследователя, отказ от априорных подходов и идеологической ангажированности, максимально полный анализ всей информации источников вне зависимости от её соответствия или несоответствия той или иной научной концепции.

Что касается в целом внешнеполитической истории, то с методологической точки зрения она не является «полем битвы» различных школ исследователей, дискутирующих по поводу содержания того или иного термина, сути изменений, происходивших в отдельно взятой стране или группе стран в определённую историческую эпоху, и т. п. Здесь важно, прежде всего, выявить все контакты различного рода между соседними государствами, о которых сохранились прямые или косвенные сведения в источниках, а также степень влияния третьих стран на эволюцию взаимоотношений между этими

государствами. Кроме того, в исследованиях по внешнеполитической истории эпохи Средневековья необходимо учитывать перипетии борьбы различных «партий» при дворе, отражавшейся на принятии решений, касающихся отношений с соседними государями, вопросов войны и мира и т. п.

В области исследования русско-венгерских отношений домонгольского периода венгерскими историками предпринимались попытки выявить их главный «стержень», определявший их общий характер. Так, ещё в XIX в. Л. Таллоци заявлял о том, что русские князья и население Руси сохраняло в своей исторической памяти сведения о том, что их предки платили дань древним венграм во время пребывания последних на землях «Внешней Хазарии» в IX в.[1] Это не имело под собой серьёзной научной аргументации, но вполне соответствовало политической линии тогдашних правящих кругов Австро-Венгерской империи, боровшихся с усилением влияния России на Балканах.

В межвоенную эпоху Й. Деер выдвинул концепцию, согласно которой все внешнеполитические акции правящего венгерского рода Арпадов определялись не высокими политическими целями, а династическими, семейными причинами. При этом Й. Деер, опираясь на свидетельство средневековых венгерских хроник об отказе вассалов Иштвана II в 1123 г. штурмовать Владимир-Волынский ради отмщения за гибель под его стенами стремившегося вернуть свою «отчину» Ярослава Святополковича, замечает, что в словах лидера непокорных вассалов Козьмы из рода Пазмань «ярче всего проявляется патримониальное мировоззрение. Агрессивную политику раннего Средневековья он считает собственным делом правителя, которое народ может, в крайнем случае, поддержать добровольно»[2]. Разумеется, под «народом» в данном случае понимаются исключительно воины, находившиеся на королевской службе.

С середины XX в. специалисты по истории русско-венгерских отношений рассматриваемого времени занимались, главным образом, выявлением всех

---

[1] *Thállóczy Lajos*. III. Béla és a magyar birodalom. Bp., 1906. 89. l.
[2] *Deér József*. A magyar törzsszövetség és a patrimoniális királyság külpolitikája. Kaposvár, 1928 [Repr.: Máriabesnyő–Gödöllő, 2003]. 114. l.

возможных контактов между русскими и венграми на различных уровнях, не отвлекаясь на разработку новых концепций внешнеполитической истории и новой исследовательской методологии. Лишь недавно американский историк К. Раффенспергер в рамках начатой работы по обновлению научного языка современной медиевистики терминами, которые точнее передают суть некоторых явлений средневековой политической жизни, предложил ввести термины «паутина родства» (*kinship web*) и «ситуативное родство» (*situational kinship*). При этом в качестве предмета своего исследования, призванного доказать необходимость введения названных терминов, К. Раффенспергер избрал биографию неудачливого претендента на венгерский престол – внука Владимира Мономаха Бориса Калмановича[3].

Терминологические искания К. Раффенспергера лишь немного уточнили концепцию Й. Деера: в случаях, когда средневековый государь имел родственные связи с представителями обеих враждующих сторон, призывавших его оказать им военную помощь, ему действительно, приходилось делать выбор, обусловленный конкретной внешнеполитической ситуацией. Однако научная ценность рассматриваемой работы американского учёного невелика, поскольку он допускает грубые ошибки в генеалогии русских князей и почти не пользуется оригинальные текстами источников, специально оговорив, что ему достаточно их английских переводов.

Внешнеполитическая история Европы эпохи Средневековья хорошо изучена с точки зрения родственных связей правящих домов и высшей знати, достаточно хорошо (с незначительными упущениями) составлена хронологическая канва событий, касающихся этой сферы исторического знания, но при этом мало кто из учёных задумывался над стратегическими целями того или иного государя, стремившегося расширить свои пределы за счёт владений своих соседей. Примеры такого отношения к проблемам истории русско-венгерских отношений также имеют место.

---

[3] *Raffensperger Chr*. Identity in flux: finding Boris Kolomanovich in the interstices of medieval European history // The Medieval Glob. 2016. N 1. P. 15–39.

Это ярко видно при изучении историографии событий, связанных с первой попыткой распространения власти Арпадов на Галич в 1188–1190 гг. Исследователи рассматривают княжение венгерского принца Андраша в Галиче в указанные годы, как правило, с точки зрения сущности «ряда», который отец Андраша Бела III заключил с галичанами, в лучшем случае пытаясь найти причины того, почему жители Галича вскоре отказались поддерживать принца, вынудив венгров ради сохранения своей власти в юго-западной Руси устроить там режим жестокого террора. Трудно поверить в то, что стремление венгерского короля удержать Галич любой ценой диктовалось лишь тактическими соображениями создания плацдарма по другую сторону линии Карпатских хребтов, сохранение контроля над которым потребовало бы огромных сил и средств. Если же принять во внимание то, что одним из важных элементов политической стратегии Белы III на Балканах было стремление максимально воспользоваться ослаблением Византии после смерти Мануила Комнина (1180) и подчинить только что отпавшую от «империи ромеев» Болгарию, то утверждение власти венгерской короны над юго-западной Русь позволило бы Беле III напасть на Болгарию одновременно с северо-запада и северо-востока, используя немалые ресурсы Галичского княжества.

Таким образом, при решении проблем внешнеполитической истории Древней Руси важную роль играет оценка международной обстановки, сложившейся вокруг изучаемого региона, с учётом всех её нюансов, в том числе географического положения и стратегической важности этой территории. Порой иностранное влияние на русско-венгерские отношения обнаруживается там, где интересы Арпадов и Рюриковичей никогда не пересекались. Так, в 1165 г. новгородскому владыке был дарован сан архиепископа, что явилось одним из следствий попыток византийского императора Мануила Комнина создать коалицию из русских князей для войны с венгерским королём Иштваном III. Посланный на Русь в качестве посла родственник и тёзка императора Мануил Комнин использовал любые средства для достижения поставленной перед ним цели, в том числе уступки Руси в церковной сфере. К со-

жалению, исследователи до сих пор не обратили внимания на связь этой миссии с повышением статуса главы новгородской епархии.

Научная новизна диссертации заключается в комплексном изучении сведений о фактах и процессах, происходивших в сфере русско-венгерских отношений рассматриваемого времени с учётом изменения внутриполитической ситуации на Руси и в Венгрии, а также международной обстановки в Восточной и Юго-Восточной Европе. Автором диссертационного исследования предлагаются пути решения некоторых проблем внешнеполитической истории Руси, на которые специалисты затрудняются дать аргументированный ответ.

Одной из таких проблем является датировка времени разорения владений краковского князя Казимира II Справедливого бежавшим в 1189 г. из венгерского плена галичским князем Владимиром Ярославичем. Польские средневековые хроники содержат различную недатированную информацию, связанную с этими событиями, которая плохо стыкуется с твёрдой убеждённостью исследователей в том, что разорения могли иметь место только в 1189 г. В диссертационном исследовании приведены аргументы в пользу правильности летописной датировки рассматриваемых событий – 1190 г., при которой можно сложить разнообразную информацию польских хроник различных эпох в логически стройную хронологическую канву.

Автору чуждо гиперкритическое отношение к уникальным «татищевским известиям», среди которых немало таких, что непосредственно касаются русско-венгерских отношений. Безусловно, среди них есть явные домыслы и амплификации. Но в «Истории Российской» В. Н. Татищева есть сведения, появление которых нельзя объяснить использованием одним из последних российских «летописцев» сочинений польских историков XV–XVII вв., чешского хрониста XVI в. Вацлава Гаека, автора «Гессенской хроники» В. Дилиха (XVII в.) и др. Если же предположить, что эти отдельно стоящие сведения, не связанные с какой-либо развиваемой В. Н. Татищевым «сюжетной линией», были сочинены самим историком, то мы должны признать наличие у него

весьма глубоких познаний в истории европейского Средневековья. Прежде всего, В. Н. Татищев должен был знать некоторые малоизвестные факты, связанные с отношением Арпадов с правителями соседних государств, Византии, Германии и др. Наличие таких познаний и вообще знакомство В. Н. Татищева со средневековой немецкой и византийской хронистикой не подтверждается ни текстом «Истории Российской», ни списком книг личной библиотеки В. Н. Татищева. Всё это заставляет автора отказаться в ряде случаев от гиперкритического отношения к некоторым «татищевским известиям», выдвигая тогда, когда их информацию можно соотнести с реальными фактами венгерской истории, осторожные гипотезы относительно её происхождения.

К сожалению, современная зарубежная историография русско-венгерских отношений XII в. до конца не освободилась от мифов, связанных с деятельностью неудачливого претендента на венгерский престол – внука Владимира Мономаха Бориса Калмановича (1113/4 – ок. 1156). Хотя вроде бы по отдельности каждый из таких историографических мифов разоблачён, и в начале XXI в. некоторыми исследователями предпринимаются попытки привлечь один или несколько мифов и даже найти аргументацию, якобы подтверждающую реальность некоторых деяний, приписываемых Борису Калмановичу. В настоящем исследовании показана несостоятельность всех попыток такого рода.

Научно-практическая значимость работы. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы для создания общих и специальных лекционных курсов и написания научно-популярных работ по внешнеполитической истории Древней Руси, для сравнительно-исторических исследований средневековых государств Восточной и Юго-Восточной Европы. Отечественные исследователи получают возможность использовать в своих работах научные результаты, полученные их венгерскими коллегами. Учёт выявленных в диссертации основных тенденций развития русско-венгерских отношений поможет специалистам по другим направлениям внешней политики

русских князей домонгольского периода более точно представить основные принципы и подходы правящей верхушки Древней Руси к выстраиванию отношений с соседними государствами.

ГЛАВА I
ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

1. Русские летописи

Ранние летописные памятники. Как признает подавляющее большинство исследователей, *Повесть временных лет* (далее: ПВЛ) была создана в начале XII в. При этом филологами и историками выделяются две или три редакции этого произведения. Первая из них («Несторова») относится к 1113 г. и в полном объёме до нас не дошла. Текстологи, признающие её наличие, видят её следы в ряде известий последующих редакций. Создатель наиболее обоснованной схемы развития древнерусского летописания А. А. Шахматов в своей фундаментальной работе, вышедшей в 1908 г., ещё не выделял эту редакцию ПВЛ, заявляя о наличие лишь двух других[4]. Окончательно его концепция о трёх редакциях ПВЛ была сформулирована во вводной части к изданию восстановленного им текста ПВЛ[5]. Вторая (или первая) редакция читается в летописях Лаврентьевской, Радзивилловской и Московско-Академической и датируется исследователями 1116 г. Изложение в ней доведено до 1110 г. Третья (или вторая) редакция относится к 1118 г. и дошла до нас в составе различных списков Ипатьевской летописи. Здесь изложение доведено до 1117 г. включительно.

В последние десятилетия эта концепция, основы которой были заложены А. А. Шахматовым, подвергается критике рядом исследователей. Так, немецкий учёный Л. Мюллер считает недоказанным существование третьей редакции ПВЛ. По его мнению, вторая редакция этого памятника дошла до нас как в составе Ипатьевской, так и в составе Лаврентьевской летописей, но в по-

---

[4] *Шахматов А. А*. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 2.
[5] *Шахматов А. А*. Повесть временных лет // *Он же*. История русского летописания. Т. I. Кн. 2. СПб., 2003. С. 528–554 (первое издание вышло в 1916 г.).

следней – с утраченным концом[6]. Однако аргументация Л. Мюллера пока не признана достаточной для того, чтобы отказаться от концепции А. А. Шахматова. Более того, А. А. Гиппиус в ответ на высказываемые сомнения привёл достаточно убедительные доказательства правоты А. А. Шахматова[7]. Правда, в самые последние годы А. А. Гиппиус в своих работах фактически возвращается к «раннему Шахматову», его концепции о двух редакциях ПВЛ (без «Несторовой»). При этом первая редакция, по мнению исследователя, была создана около 1115 г., а вторая – в 1117 г.[8]

Что касается темы настоящего исследования, то в ПВЛ содержатся лишь два известия о династических браках, заключенных между Арпадами и Рюриковичами в начале XII в. Первое из них помещено под 1104 г. и свидетельствует о том, что 21 августа дочь великого князя Святополка Изяславича Предслава была отправлена в Венгрию «за королевича»[9], т. е. за герцога Алмоша – младшего брата тогдашнего венгерского короля Калмана Книжника (1095–1116). При этом в Радзивилловской и Московско-Академической летописях не указан день, когда Предслава покинула Киев[10]. Второе известие касается уже брака самого Калмана, второй женой которого стала дочь Владимира Мономаха Евфимия. Свидетельство об этом содержится под 1112 г.[11], и, следовательно, принадлежит непосредственно составителю третьей/второй редакции ПВЛ (хотя оно могло быть взято им из редакции, приписываемой Нестору) и потому отсутствует в Лаврентьевской, Радзивилловской и Московско-Академической летописях. Венгерская земля упоминается в третьей редакции ПВЛ в связи с победоносным походом русских князей на половцев,

---

[6] См. подробнее об этом: *Клосс Б. М*. Повесть временных лет // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотир. каталог-справочник. Под ред. Я. Н. Щапова. СПб., 2003 (далее: ППИДР). С. 21–23.

[7] *Гиппиус А. А*. К проблеме редакций Повести временных лет // Славяноведение. 2007, № 5. С. 20–44; 2008, № 2. С. 3–24.

[8] *Гиппиус А. А*. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. Отв. ред. Н. А. Макаров. М. – Вологда, 2012. С. 61.

[9] Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). Т. I. Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е. Л., 1926–1928 [Репр.: М., 1997]. Стб. 280; Т. II. Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб., 1908 [Репр.: М., 1998] Стб. 256.

[10] ПСРЛ. Т. I. Стб. 280, примеч. 35, 37.

[11] ПСРЛ. Т. II. Стб. 273.

состоявшимся в 1111 г., как одна из стран, куда докатилась слава об этом походе[12].

Основным летописным памятником, на основании которого исследователи восстанавливают историю русско-венгерских отношений XII в., является т. н. *Киевский свод* – средняя часть Ипатьевской летописи (лл. 106 об. – 245), повествующая о событиях 1118–1198 гг[13]. Киевский свод 1198 г., согласно А. А. Шахматову и М. Д. Присёлкову, был составлен игуменом Выдубицкого монастыря Моисеем. Среди источников Киевского свода М. Д. Присёлков выделял семейную хронику смоленских князей Ростиславичей, занимавших киевский стол во второй половине XII в., и летописец Переяславля-Южного князя Владимира Глебовича, а также Черниговский летописец князя Игоря Святославича. А. А. Шахматов также находил в тексте Киевской летописи вкрапления из Галицко-Волынского свода, начиная с 40-х годов XII в., а также информацию, взятую из ростово-суздальского летописания[14].

Первое известие Киевского свода, касающееся рассматриваемой темы, помещено под 6626 (1118/9)[15] г. Оно информирует о бегстве князя Ярослава Святополковича из своей столицы Владимира-Волынского в Венгрию. Никаких подробностей при этом не сообщается[16]. Аналогичным образом описано участие венгров в событиях 1123 г., когда основное внимание летописца сосредоточено на изложении обстоятельств, приведших к смерти Ярослава Святополковича – князя-изгоя, пытавшегося с венгерской помощью вернуть себе власть над Владимиром-Волынским, куда тогдашний киевский князь Владимир Мономах посадил управлять своего сына Андрея. В рассматривае-

---

[12] Там же.

[13] Сюжеты и известия Киевского свода, имеющие прямое или косвенное отношение к Венгрии и русско-венгерским отношениям, собраны и изданы в оригинале с переводом на венгерский язык и научными комментариями М. Фонт. См.: *Font Márta.* Magyarok a Kijevi Évkönyvben. Szeged, 1996.

[14] Подробнее о составе Киевской летописи и научных дискуссиях по этому поводу см.: *Лихачева О. П.* Летопись Ипатьевская // Словарь книжников и книжности древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV в.). Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987 (далее: СККДР). С. 236–238.

[15] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 127.

[16] ПСРЛ. Т. II. Стб. 285.

мом известии упоминается лишь о приходе угров, ляхов и чехов на помощь Ярославу и уходе их всех после его смерти «кождо въ свояси»[17].

Более частыми становятся упоминания о венграх в Киевском своде с описания конца правления в Киеве Ярополка Владимировича (1132–1139). Под 6647 г., после известий о смерти нелюбимой жены Калмана Книжника Евфимии и изгнании новгородцами князя Святослава Ольговича, следует рассказ о междоусобице брата последнего – сидевшего в Чернигове Всеволода Ольговича и правившего в Киеве Ярополка Владимировича[18], в которой венгры были союзниками Ярополка. В данной летописной статье не только ничего не сказано о конкретных действиях венгерского отряда на Руси, но, в отличие от предыдущего примера, даже не сообщается о его уходе на родину.

Следующее «угорское» известие содержится в рассматриваемом источнике под 6652 (1144/5)[19] г. Оно открывает ряд сведений подобного рода, связанных с деятельностью галицкого князя Владимира Володаревича (1141–1153), отстаивавшего всеми правдами и неправдами независимость своего княжества от Киева. Здесь также содержится лишь одно упоминание угров как союзников Владимира и ничего не говорится ни об их действиях, ни об уходе их на родину.

С 6656 (1148/9) г. в Киевском своде начинается описание серии походов венгерских войск против бывшего союзника – галицкого князя Владимира Володаревича. Причиной смены внешнеполитического курса Гезы II (1141–1162) стала его женитьба на сестре киевского князя Изяслава Мстиславича Евфросинии. Источники не сохранили нам известия о самой женитьбе, но под 6657 (1149/50) г. венгерский король назван шурином великого князя[20].

---

[17] Там же. Стб. 287. Информация об этом события помещена в Ипатьевской летописи под 6631 г.

[18] Там же. Стб. 301–302. Данная статья Ипатьевской летописи содержит известия, относящиеся как к 6647 мартовскому (1139/40), так и к 6647 ультрамартовскому (1138/9) годам. При этом самое первое известие – о смерти Евфимии Владимировны, датируемой 4 апреля 1139 г., предшествует описанию похода Ярополка Владимировича на Чернигов, состоявшегося в 1138 г. См. об этом: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 138.

[19] ПСРЛ. Т. II. Стб. 315. О дате похода см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 146.

[20] ПСРЛ. Т. II. Стб. 384.

В летописных статьях 6656 (1148/9) – 6660 (1152/3) гг. содержится наибольшее количество упоминаний угров и их короля[21], хотя Геза II нигде не назван по имени. При этом летописец создаёт образ венгерского правителя, готового придти на помощь своему русскому родственнику даже в условиях, когда он сам вёл тяжелую войну с византийским императором Мануилом I Комнином (1143–1180). По свидетельству летописца, Геза II не менее шести раз направлял свои войска на помощь Изяславу Мстиславичу, воевавшему с черниговскими князьями, Юрием Долгоруким и его союзником – галичским князем Владимиром Володаревичем. Активно помогая зятю своего короля, венгры тем не менее были не очень надежными союзниками Изяслава, поскольку легко поддавались на подкуп, чем умело пользовался Владимир Володаревич[22]. В рассматриваемых летописных статьях подробнейшим образом описаны передвижения войск, битвы и осады городов, что не оставляет сомнений в том, что их автор был современником, а в ряде случаев, возможно, и непосредственным очевидцем этих событий.

Б. А. Рыбаков в вышедшем в 1963 г. исследовании, посвящённом анализу материала древнерусских сказаний, былин и летописей, выделяет целый ряд княжеских летописцев второй – третьей четверти XII в., сведения которых вошли в состав Ипатьевской летописи[23]. Наиболее подробной среди них является т. н. «Летопись Изяслава Мстиславича», автор которой «использует самые разнообразные формы фиксации событий; в его летописи мы находим стратегическую обрисовку кампаний, записи княжеских съездов и боярских дум, посольские отчёты, выдержки из дипломатической переписки и мастерски составленные характеристики друзей и врагов»[24]. По мнению Б. А. Рыбакова, автором этой летописи был образованный киевский боярин Петр Бориславич[25], однако широкой поддержки исследователей эта гипотеза не нашла.

---

[21] Там же. Стб. 360–362, 384–388, 401, 404–406, 413–418, 418–425, 433–435, 441–443, 446–450, 450–452, 461–462. Относительно датировок этих походов см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 147–153.
[22] ПСРЛ. Т. II. Стб. 407.
[23] *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 301–345.
[24] Там же. С. 311.
[25] Там же. С. 315, 336–345.

В тексте Ипатьевской летописи Б. А. Рыбаков также выявил предположительные тексты 62-х грамот, по его мнению, включённых в свод из архива Изяслава Мстиславича. Некоторые из них имеют отношение к теме настоящего исследования. Так, грамота № 23 (по нумерации Б. А. Рыбакова) является посланием венгерского короля Гезы II Изяславу Мстиславичу во Владимир-Волынский, отправленным после 25 декабря 1149 г., в котором Геза сообщает о посылке венгерского войска на помощь Изяславу и о своих намерениях помешать Владимиру Володаревичу оказать военную поддержку Юрию Долгорукому; в следующей грамоте, датируемой историком рубежом 1149/50 гг., княживший тогда в Пересопнице Вячеслав Владимирович сообщает своему брату Юрию о приходе венгров и поляков на волынскую землю[26]. В грамоте № 25 польские князья Болеслав и Индрих, а также венгерские воеводы, находившиеся в волынском городе Чемерине, предлагают Юрию Владимировичу условия мира с племянником Изяславом, а в грамоте № 26 содержится ответ Юрия на предложения своих противников[27]. Обе грамоты датируются Б. А. Рыбаковым началом 1150 г. В грамотах №№ 32–35 отражена переписка Изяслава Мстиславича с Гезой II осенью 1150 г., после изгнания Изяслава из Киева Юрием Долгоруким[28]. Ещё больше грамот такого рода датируются 1151–1152 гг., все они рассматриваются в главе VI настоящего исследования.

Концепция Б. А. Рыбакова о «вплетении» в ткань летописного рассказа отрывков из реальных посланий дипломатического характера была поддержана В. Т. Пашуто и в целом принята А. В. Юрасовским, который, однако, заметно ужесточил критерий выявления цитат из княжеских или королевских грамот в русских летописях на основании сравнения вычлененных Рыбаковым отрывков с текстами реальных грамот, дошедших до нас от переписки венгерских королей XII–XIII вв. с правителями Центральной и Западной Европы. В результате А. В. Юрасовский подверг сомнению обоснованность вы-

[26] Там же. С. 325.
[27] Там же. С. 326.
[28] Там же. С. 327–328.

членения в качестве текстов или цитат из посольских документов большей части материалов, собранных Б. А. Рыбаковым[29].

Однако даже такое ужесточение требований в методике выявления рассматриваемых источников не способствовало закреплению концепции Рыбакова–Юрасовского в советском и постсоветском летописеведении. Украинский исследователь Я. Р. Дашкевич решительно осудил попытки найти в летописном материале цитаты из реальных дипломатических документов, поскольку, по его мнению, это противоречит самой посольской практике того времени, основой которой были не грамоты, а устные речи послов, их дискуссии с правителями, к которым они были посланы[30]. В данном случае Я. Р. Дашкевич присоединился к мнению Д. С. Лихачева[31] и развил его в рамках полемики с Б. А. Рыбаковым и А. В. Юрасовским. В настоящей работе при цитировании летописного материала в примечаниях указывается (в необходимых случаях) номер выявленной Б. А. Рыбаковым «грамоты», хотя всё это не более чем догадки.

Характеризуя в целом совокупность «угорских» известий Киевского свода, дошедших до нас в составе Ипатьевской летописи, следует выделить некоторые характерные особенности изложения этого материала. Во-первых, венгры представлены здесь по большей части как источник вспомогательных военных сил князей, являющихся их союзниками либо по причине непосредственного соседства их владений с венгерскими землями, либо в связи с наличием матримониальных связей с родом Арпадов. Во-вторых, венгерские отряды почти всегда действуют в «общей массе» участников междоусобиц, и лишь какие-то их экстраординарные действия, как, например, игнорирование предупреждения не идти по тонкому льду замерзшего озера или неумеренное пьянство, следствием чего в обоих случаях стала гибель большого числа «уг-

---

[29] *Юрасовский А. В.* Грамоты XI – середины XIV в. в составе русских летописей // История СССР, 1982, № 4. С. 141–150; *Он же.* К вопросу о степени аутентичности венгерских грамот XII в. Ипатьевской летописи // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1981 г. М., 1983. С. 189–194.

[30] *Дашкевич Я. Р.* Спорные вопросы дипломатической практики Древней Руси // Вопросы истории. 1991. № 4. С. 100–111.

[31] См.: *Лихачев Д. С.* Русский посольский обычай XI–XII вв. // Исторические записки. М., 1946. Т. 18. С. 42–55.

ров», побуждали летописца посвятить венграм специальное описание. Всё это не дает исследователю возможности восстановить подробную картину участия венгерского войска в боевых действиях в юго-западной Руси в первой половине XII в.

Что касается второй половины рассматриваемого столетия, то вплоть до 1188 г. упоминания венгров в Киевском своде имеют лапидарный характер. Под 6663 (1155/6) г. здесь содержится крайне скупой рассказ о том, как мать волынского князя Владимира Мстиславича ездила в Венгрию «ко королеви, зятеви своему»[32], видимо, просить очередной раз помощи против захватившего Киев Юрия Долгорукого. Не говоря ничего о цели поездки вдовы Мстислава Великого к Гезе II, летописец свидетельствует лишь о том, что король «вда много имения тещи своеи»[33].

Венгерский король (без имени) упоминается в Киевском своде под следующим (6664) г. при описании борьбы за Владимир-Волынский, разгоревшейся в 1156 г., в ходе которой Владимира Мстиславича «изъездомъ» согнал со стола его племянник Мстислав Изяславич. По свидетельству летописца, Мстислав захватил то «имение», которое дал своей тёще Геза II, а лишившийся отчины Владимир «бѣжа въ Оугры къ королевѣ»[34]. Продолжение этой усобицы описано в начале следующей летописной статьи – под 6665 (1157/8) г. Здесь содержится свидетельство о возвращении Владимира Мстиславича из Венгрии, однако никаких сведений о том, что вместе с ним пришли посланные королём военные отряды, в рассматриваемом источнике нет[35].

Следующий сюжет Киевского свода, в котором появляются венгры, содержится в статье под 6667 г. и датируется исследователями 1158 г.[36] Здесь в описании попытки галицкого князя Ярослава Осмомысла (1153–1187) с помощью русских князей и соседних правителей добиться от тогдашнего киев-

[32] ПСРЛ. Т. II. Стб. 482–483.
[33] Там же. Стб. 483.
[34] Там же. Стб. 484–485.
[35] Там же. Стб. 486.
[36] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 170–171.

ского князя Изяслава Давыдовича (1157–1158, вторично) выдачи мятежного представителя галичской ветви Рюриковичей Ивана Берладника упоминается «король», под которым следует понимать Гезу II, отправившего, как и другие сторонники Ярослава, «мужа своего» в Киев[37]. Никаких конкретных сведений об имени венгерского посла и его действиях во время этой миссии летопись не содержит.

Следующий раз летописец упоминает «угров» в начале статьи под 6682 г., где содержится нелестная характеристика умершего в мае 1171 г. в Киеве Владимира Мстиславича, скрывавшегося от своего более удачливого племянника (и противника) Мстислава Изяславича в разных регионах Руси, а также в Венгрии[38]. Никакого серьёзного значения эта информация не имеет, поскольку является по сути своей припоминанием более ранних известий, на основании которых древнерусский книжник хотел показать негативные черты характера умершего князя. Бегство Владимира Мстиславича от племянника Мстислава в Венгрию было одним из эпизодов междоусобной войны, разгоревшейся между волынскими князьями в 1156 г. (см. выше).

После этого Киевский свод надолго забывает о венграх, если не считать вложенного летописцем (под 6682 г.) в уста черниговского князя Святослава Всеволодича выражения: «Я не Оугринъ, ни Ляхъ, но одиного дѣда есмы внуци»[39], которое встречается в летописях не единожды. Последний пласт информации о пребывании венгров на Руси в XII в. связан с событиями, развернувшимися в Галиче после смерти Ярослава Осмомысла (1187) и изгнания галичанами его сына и преемника Владимира (1188).

Статья Киевского свода под 6696 г. начинается описанием причин, побудивших жителей Галича к открытому выступлению против своего князя, за чем последовало бегство последнего в Венгрию[40]. Вторая половина этой летописной статьи посвящена борьбе за освободившийся галицкий стол, закон-

[37] ПСРЛ. Т. II. Стб. 497.
[38] Там же. Стб. 567.
[39] Там же. Стб. 578.
[40] Там же. Стб. 659–660.

чившейся утверждением власти венгерского принца Андраша (Эндре)[41] над Галичем. По мнению Н. Г. Бережкова, разделяемому другими исследователями, все описанные в данной статье события датируются 1188 г.[42] Следующая статья Киевского свода (под 6697 г.) также прямо или косвенно повествует о событиях, связанных с пребыванием венгров в Галиче[43], которые произошли в том же 1188 г.[44] Сосредоточенность летописца на истории одного из русских княжеств на протяжении двух летописных статей явно свидетельствует об использовании им местного источника, хотя начало статьи под 6697 г., где речь идет о неудачном походе на Галич князей-соправителей Киевской земли Рюрика Ростиславича и Святослава Всеволодовича, возможно, принадлежит к основному тексту Киевского свода 1198 г.[45]

Особо хотелось бы остановиться на статье Киевского свода под 6698 г. После известий о смерти Святополка Юрьевича и белгородского епископа Максима здесь помещен рассказ о бегстве Владимира Ярославича из башни, куда его заточил венгерский король Бела III (1172–1196), и его возвращение на галичский стол с помощью польских отрядов, после чего Владимир обратился с просьбой о покровительстве к владимиро-суздальскому князю Всеволоду Большое Гнездо (1176–1212), а последний добился от русских князей и соседних правителей, в том числе от венгерского короля, признания Владимира Ярославича законным правителем Галича[46]. Этот сюжет многократно и детально исследовался российскими, украинскими, польскими и венгерскими историками. При этом одни исследователи датируют возвращения Владимира в Галич 1189 г., другие – 1190 г., опираясь в первом случае на *характер* рассказа Ипатьевской летописи, наводящий на мысль о том, что Владимир вернул Галич в том же году, когда германский император Фридрих I Барбаросса (1152–1190) отправился в крестовый поход, т. е. в 1189 г.[47], а во втором

[41] Там же. Стб. 660–662.
[42] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 204.
[43] ПСРЛ. Т. II. Стб. 662–665.
[44] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 204–205.
[45] Там же. С. 204.
[46] ПСРЛ. Т. II. Стб. 665–667.
[47] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 205.

случае – на его *датировку* в том же летописном памятнике, где рассматриваемый рассказ помещён под 6698 (1190/1) г. По мнению автора настоящей работы, датировка рассматриваемых событий 1189 г. плохо стыкуется с рассказом польских источников о возвращении краковским князем Казимиром II Справедливым (1177–1194) Владимира Ярославича на галицкий стол. В главе VIII настоящей работы приводятся аргументы в пользу того, что, хотя бегство Владимира из башни произошло в 1189 г., его возвращение в Галич следует датировать 1190 г.[48]

В последующем при описании событий, относящихся к XII в., Киевский свод ничего не сообщает о присутствии «угров» на русских землях. Венгры упоминаются в этой части текста лишь один раз в традиционной «формуле», которую употребляли князья домонгольской Руси, пытаясь избежать конфликтной ситуации: «Мы есмы не Оугре, ни Ляхове, но единого дѣда есмы вноуци»[49]. На этот раз с такими словами обратились черниговские князья к Всеволоду Большое Гнездо.

Таким образом, информация Киевской (Ипатьевской) летописи об участии венгров в междоусобиях русских князей периода после окончания походов Гезы II на Русь (1152) в основном происходит из источника (или источников), созданных в юго-западной Руси. При этом летописец ни разу не упоминает имён венгерских королей, вмешивавшихся в междукняжеские отношения на Руси, хотя называет имя принца (Андрей), который был правителем Галича в 1188–1190 гг. При описании событий этого правления автор данной части текста Киевского свода представляет процесс возвращения Владимира Ярославича на родину как быстротечный и беспроблемный, в то время как польские источники рисуют совершенно иную картину (см. ниже).

Ипатьевская летопись является хотя и самым подробным, но не единственным из дошедших до нас письменных источников, в которых описаны междоусобицы князей юго-западной Руси с венгерским участием. Более

[48] См. также об этом: *Юрасов М. К.* Роль Перемышля в борьбе Владимира Ярославича за возвращение Галича (1189–1190) // Przemyśl i ziemia Przemyska w strefie wplywów ruskich X – połowa XIV w. / Colloquia Russica. Series II. T. I. Kraków, 2013. С. 67–77.
[49] ПСРЛ. Т. II. Стб. 689.

краткое и во многом самостоятельное повествование о некоторых из этих событий можно найти в той части *Лаврентьевской летописи*, которая следует после окончания текста ПВЛ, обрывающегося здесь на 1110 г.[50] Как показал в своём фундаментальном исследовании русского летописания А. Н. Насонов, «южнорусский текст XII в., попавший в Лаврентьевскую летопись (разумеем преимущественно текст до 1157 г.), составлялся с помощью к и е в с к о г о летописного источника, который уже в Переяславле-Русском был подвергнут обработке и сокращению. Несомненно также, что этот киевский летописный источник, хотя был очень близок к Ипатьевской летописи, однако несколько отличался от текста последней, представляя более раннюю редакцию…»[51]. Во многих местах текст Лаврентьевской летописи после ПВЛ до 1157 г. является кратким конспектом Киевского свода, более полно отразившегося в Ипатьевской летописи. Северо-восточное происхождение рассматриваемого памятника определяет не только точку зрения его автора на описываемые события, но и сам подбор известий о южной Руси. Это ярко проявляется, в том числе, и в сообщениях, касающихся участия венгров в междоусобиях русских князей.

Первым из известий такого рода является свидетельство о привлечении «угров» киевским князем Ярополком Владимировичем (1132–1139) для войны с черниговскими Ольговичами, помещённое в Лаврентьевской летописи под 6646 (1138/9) г.[52] Чуть выше под этим же годом содержится известие о смерти Евфимии Владимировны[53], которое есть и в Ипатьевской летописи. Однако, если Ипатьевская летопись, в тексте которой отразилась вторая/третья редакция ПВЛ, под 6620 г. упоминает об отъезде дочери Владимира Мономаха в Венгрию для вступления в брак с королём этой страны (см. выше), то читателю Лаврентьевской летописи имя Евфимии Владимировны, нигде более в этом памятнике не встречающееся, ни о чём не говорило.

---

[50] См.: ПСРЛ. Т. I. Вып. 2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку [Стб. 289–488]. Л., 1927.
[51] *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века. М., 1969. С. 111.
[52] ПСРЛ. Т. I. Стб. 305–306.
[53] Там же. Стб. 305. Относительно датировки обоих событий см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 51–52.

Под 6652 (1144/5) г. в тексте Лаврентьевской летописи содержится упоминание о прибытии венгров во главе с Баном, «королевым уем», на помощь галичскому князю Владимиру Володаревичу[54]. В отличие от Киевского свода, где ни разу не называется имя командира венгерского вспомогательного отряда, здесь оно вроде бы приведено. Однако на самом деле «бан» является не именем, а титулом, который венгерские короли давали правителям подвластных им больших административно-территориальных образований, населённых южными славянами. Настоящее же имя бана (Белуш или Белош) мы знаем из Венгерского хроникального свода XIV в., о котором речь пойдёт ниже.

В рассматриваемом памятнике отсутствуют известия о просьбе Всеволода Ольговича к венгерскому королю о военной помощи против Владимира Володаревича и о прибытии венгерских отрядов на Русь в 1147 (6655/6) и 1148 (6656/7) гг., имеющиеся в Киевском своде, поскольку эти междоусобицы непосредственно не касались Северо-Восточной Руси. Под 6657–6660 гг. Лаврентьевская летопись содержит рассказ о борьбе Изяслава Мстиславича с Юрием Долгоруким за Киев[55] – более краткий (по сравнению с Киевским сводом) и написанный с позиций княжеского летописания Владимиро-Суздальской земли. В этом рассказе крайне редко встречаются фразы, отсутствующие в Ипатьевской летописи. Что же касается добавлений Лаврентьевской летописи, касающихся участия венгров в событиях 1149–1152 гг., то все они находятся в рассказе о походе Гезы II на Галич, закончившемся сокрушительным поражением Владимира Володаревича. В начале статьи под 6660 (1152/3) г. в Лаврентьевской летописи, в отличие от Ипатьевской, содержится известие о том, что Изяслав Мстиславич отправил сына Мстислава не только в Венгрию, но и в Польшу. За этой фразой следует отсутствующая в Ипатьевской: «Ляхове же не идоша, а Оугри идоша»[56].

---

[54] ПСРЛ. Т. II. Стб. 311–312. О датировке известия см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 55.
[55] ПСРЛ. Т. I. Стб. 323, 326–327, 329–330, 331–332, 335–336, 336–338.
[56] Там же. Стб. 336. Параллельный текст Ипатьевской см.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 446.

Другие добавления такого рода, являющиеся уникальными известиями Лаврентьевской летописи, находятся в эпизоде отступления Владимира Володаревича перед вступившим в его владения венгерским войском – после выражения «за твердь ста»[57]. При этом из повествования Лаврентьевской летописи можно сделать вывод о том, что Владимир дважды спасался бегством от войска Гезы II, что не соответствует версии Ипатьевской, согласно которой это имело место лишь один раз. Корифеи отечественного летописеведения (А. А. Шахматов, М. Д. Присёлков, А. Н. Насонов) отдавали предпочтение версии Ипатьевской летописи, заявляя о том, что в тексте Лаврентьевской в данном случае имеет место повтор[58], но это утверждение исследователи не сопровождали параллельным текстологическим анализом. Однако, с точки зрения логики боевых действий и учитывая стремление Владимира Володаревича во что бы то ни стало не пустить врагов в свои владения, версия о повторе выглядит малоправдоподобной (см. об этом ниже, гл. VI)[59].

К памятникам раннего летописания относится также *Летописец Переяславля Суздальского*, который был закончен в 1215 г. и описывает события с 1138 по 1214 г. Оригинал этого источника до нас не дошёл, и его текст восстанавливается по компиляции XV в., имеющей название «Летописець русских царей» и созданной в XIII в. в Галицко-Волынской Руси[60]. Никаких новых сведений по истории русско-венгерских отношений XII в., по сравнению с Ипатьевской и Лаврентьевской летописями, Летописец Переяславля Суздальского не содержит, хотя в нем особую главу составляет сказание «Како приходи король с Угры к Изяславу (Мстиславичу) на помощь»[61].

---

[57] ПСРЛ. Т. I. Стб. 337; Т. II. Стб. 448.

[58] См.: *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописей XIV–XVI вв. М.–Л., 1938. С. 17; *Присёлков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. С. 64; *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII в. С. 95.

[59] Предварительные результаты моего исследования данного вопроса см.: *Юрасов М. К.* Сколько раз Владимир Володаревич спасался в 1152 г. бегством от войска, возглавляемого Гезой II? // Дрогичинъ 1253. Матеріали Міжнародної наукової конференції з нагоди 755-ї річиці коронації Даниила Романовича. Івано-Франківськ, 2008. С. 153–158.

[60] Подробнее об этом см.: *Клосс Б. М.* Летописец Переяславля Суздальского // ППИДР. С. 33–36.

[61] ПСРЛ. Т. XLI. М., 1995. С. 82. Издатели Летописца Переяславля Суздальского в тексте это название не приводят.

К раннему русскому летописанию исследователи также относят фрагменты Киевского свода 1198 г. в составе Московского свода 1479 г. и Ермолинской летописи[62]. Содержащиеся в названных памятниках XV в. уникальные известия по истории южной Руси XII в., отсутствующие в Ипатьевской летописи, по мнению исследователей, свидетельствуют о том, что существовало по меньшей мере два списка Киевского свода 1198 г., один из которых не был известен редакторам-составителям Ипатьевской летописи. Так, Московский летописный свод 1479 г. и Ермолинская летопись сообщают важную подробность по поводу причины бегства волынского князя Ярослава Святополковича в Венгрию в 1118 г. Согласно содержащемуся здесь (под 6626 г.)[63] известию, отсутствующему в более ранних летописях, Владимир Мономах отправился в поход на Владимир-Волынский после того, как Ярослав отослал от себя жену, являвшуюся внучкой тогдашнего киевского князя[64]. Другое уникальное известие касается похода Гезы II 1152 г. против Владимира Володаревича. В Московском своде 1479 г., в отличие от Ипатьевской летописи, рассказ о том, как решалась судьба побеждённого галицкого князя дополнен фразой об уговорах венгерского короля его вельможами[65]. В Ермолинской летописи аналогичная фраза отсутствует.

Лаврентьевская и Ипатьевская летописи признаются историками в качестве письменных источников, содержащих подавляющее большинство наиболее ранних по происхождению летописных известий. Что же касается новгородского летописания, то имеющийся в нашем распоряжении материал не позволяет использовать представленные в нём памятники в качестве источников по теме настоящей работы. Удалённость Великого Новгорода от русско-венгерской границы, видимо, способствовала тому, что в местном летописании не нашёл своего отражения ни один эпизод из истории южной и

---

[62] См. об этом: *Кучкин В. А.* Фрагменты Киевского свода 1198 г. в составе Московского свода 1479 г. и Ермолинской летописи // ППИДР. С. 39–40.

[63] В Ермолинской летописи в датировках статей отсутствует первая цифра (тысяч лет от С. М.), т. е. данная статья начинается словами: «В лѣто 626» (ПСРЛ. Т. XXIII. Ермолинская летопись. М., 1910 [Репр.: М., 2004]. С. 29).

[64] ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М., 1949 [Репр.: М., 2004]. С. 28; Т. XXIII. С. 29–30.

[65] ПСРЛ. Т. XXV. С. 55–56.

юго-западной Руси, в котором принимали участие венгерские военные отряды. В Новгородской Первой летописи старшего извода первое «венгерское» известие датируется 6727 (1219/20) г.[66], а в Новгородской I летописи младшего извода предыдущее по отношению к аналогичному свидетельству «венгерское» известие касается гибели в 1015 г. Георгия Угрина вместе со своим князем Борисом Владимировичем от рук убийц, посланных Святополком «Окаянным»[67].

Таким образом, древнерусские летописные памятники, хотя и содержат в себе наибольший объём информации о русско-венгерских контактах XII в., повествуют о совместных военных операциях вспомогательных венгерских отрядов и русских дружин, как правило, не упоминая о венграх. Авторы рассматриваемых известий не знали имён венгерских королей того времени и плохо разбирались в титулатуре венгерской знати. Они также имели смутное представление о венгерско-византийских войнах, шедших при Гезе II, хотя и передали в летописном тексте его ответ шурину Изяславу Мстиславичу о том, что он ведёт войну с Византией. Тем не менее, погодный принцип изложения материала, написанного современником рассматриваемых событий, делает Киевский свод самым достоверным и точным источником с точки зрения темы настоящего исследования.

Позднее летописание. Летописные памятники XV–XVII вв. почти не содержат каких-либо новых достоверных данных по истории русско-венгерских отношений XII в. В целом они либо воспроизводят информацию предшествующих сводов, прежде всего Лаврентьевской летописи, как это делали составители последующих летописных памятников Северо-Восточной Руси, либо ограничиваются случайными упоминаниями, как, например, *Новгородская IV летопись* (вторая четверть XV в.), где «угров» можно найти

[66] ПСРЛ. Т. III. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова. М.–Л., 1950 [Репр.: М., 2000]. С. 59.
[67] Там же. С. 171.

лишь в летописном рассказе под 6644 г. в списке «воев», собранных Ярополком Владимировичем для войны с черниговскими Ольговичами[68].

«Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью», более известный как *Никоновская летопись*, был составлен в годы пребывания на посту предстоятеля Русской Православной Церкви митрополита Даниила (1522–1539)[69]. Этот источник содержит много уникальных известий, начиная с описания времени правления в Киеве Аскольда и Дира (60-е годы IX в.), что вызывает сомнения исследователей в их достоверности. Кроме того, в некоторых рассказах Никоновской летописи встречаются детали, отсутствующие в более ранних летописных памятниках. Так, здесь есть уникальное известие об отправке незадолго до смерти киевским князем Всеволодом Ольговичем (1139–1146) послов в соседние страны – Чехию, Польшу и Венгрию, «собирая многое воинство на великого князя Володимера Галичскаго»[70]. Замышлявшийся Всеволодом большой поход на Галич не состоялся, поскольку его организатор тяжело заболел и вскоре скончался. В Киевском своде в аналогичной статье (под 6654 = 1146/7 г.) сообщается лишь о том, что Всеволод «съвкоупи братью свою» и ни слова о его намерении привлечь иностранную помощь[71], что наводит на мысль о том, что уникальное известие Никоновской летописи, скорее всего, было домыслом книжника XVI в.

Перечисление в одной фразе «Угров, Чахов и Ляхов» является в Никоновской летописи своеобразной «формулой», которая встречается как в отрывках, посвящённых внешнеполитической деятельности Владимира Святославича (978/80–1015), так и в рассказах о междоусобиях князей XII в.[72] Иногда это соответствует действительности и подтверждается известиями Киевского свода, как в рассказе о поиске Изяславом Мстиславичем военной помощи

---

[68] ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Новгородская Четвертая летопись. Вып. 1. Пг., 1915 [Репр.: М., 2000]. С. 147.
[69] *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 19–54.
[70] ПСРЛ. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1862 [Репр.: М., 2000]. С. 168.
[71] Там же. Т. II. Стб. 319.
[72] Под 6646 г., при перечислении союзников киевского князя Ярополка Владимировича (1132–1139), с которыми он отправился в поход на Чернигов против Всеволода Ольговича, названная формула имеет вид «Югричи, Чяхи, Ляхи…» (ПСРЛ. Т. IX. С. 162).

против Юрия Долгорукого в Польше, Венгрии и Чехии в 1149 г.[73], в других случаях это является не более чем формулой, как в перечислении составителем этой же статьи Никоновской летописи союзников Юрия Долгорукого, отправившегося в ответный поход на племянника Изяслава (1149)[74], и союзников Андрея Боголюбского, учинивших погром Киева в 1169 г.[75] Привлечение суздальскими князьями военных сил названных европейских государств явно является плодом фантазии летописца. Таким образом, достоверность уникальных известий Никоновской летописи вызывает большие сомнения. Скорее всего, книжник XVI в. стремился (применительно к рассматриваемому периоду) нарисовать как можно более масштабную картину княжеских междоусобиц, в которых принимали участие Всеволод Ольгович, Юрий Долгорукий и Андрей Боголюбский.

Среди поздних летописных памятников, касающихся истории русско-венгерских отношений XII в., следует также отметить *Густинскую летопись*, созданную на Украине и дошедшую до нас в списках не ранее начала XVII в. При описании событий до конца XIII в. основой этой очень пёстрой компиляции, вобравшей в себя сведения ряда зарубежных исторических сочинений, в том числе венгерских[76] и польских, является один из списков Ипатьевской летописи, текст которой здесь заметно сокращён. В исторической науке господствует скептическое отношение к уникальным известиям, содержащимся в Густинской летописи, однако при отсутствии некоторых необходимых сведений в Ипатьевской летописи и в других дошедших до нас ранних письменных памятниках (например, о смерти галицких князей Олега и Владимира Ярославичей) исследователи вынуждены опираться на известия Густинской летописи[77].

Помимо краткого изложения сюжетов Ипатьевской летописи, касающихся темы настоящего исследования, Густинская летопись содержит также уни-

[73] См.: Там же. Т. II. Стб. 384; Т. IX. С. 179.
[74] Там же. Т. IX. С. 180.
[75] Там же. С. 237.
[76] При описании событий XII в. Густинская летопись нигде не приводит сведения, взятые из венгерских источников.
[77] ПСРЛ. Т. XL. Густинская летопись. СПб., 2003. С. 102, 107.

кальные известия о контактах русских и венгров в XII в., которые при внимательном рассмотрении оказываются фактическими ошибками. Так, под 6652.1144 г.[78] здесь сообщается о том, что двоюродный брат галицкого князя Владимира Володаревича Иван Ростиславич (Берладник), которого галичане пригласили княжить к себе во время нахождения Владимира на охоте, бежал, почувствовав провал этой авантюры, не к Дунаю, а оттуда в Киев, как свидетельствует Ипатьевская летопись[79], а сразу «во Угры»[80], что представляется явной ошибкой, ибо выше в этой же статье Ипатьевской летописи содержатся сведения о том, что венгры приходили на помощь Владимиру Володаревичу во время его конфликта с тогдашним киевским князем Всеволодом Ольговичем (см. выше). Вряд ли Иван Берладник стал бы искать убежища у союзника своего врага, поэтому версия Ипатьевской летописи выглядит гораздо более правдоподобной.

Под 6658.1150 г. в Густинской летописи содержится ещё одно ошибочное известие о том, что брат киевского князя Изяслава Мстиславича Владимир женился на дочери венгерского короля Белы II Слепца[81]. В данном случае западнорусский летописец перепутал бана Белуша (Белоша) с названным королём. Возможно, в отличие от автора параллельного текста Ипатьевской летописи[82], знавшего, что Владимир Мстиславич женился на дочери *бана*, но не знавшего *имени* отца невесты, книжник XVI в. (или его источник) был наслышан о том, что Владимирова тестя звали (почти) так же, как четырёх венгерских королей, и, в конечном счёте, счёл, что речь в данном случае идёт о дочери короля Белы II, умершего за девять лет до брака Владимира Мстиславича со знатной венгеркой. Кстати, как видно из последующего рассказа, автор этой части Густинской летописи (или его источник) не сознавал, что Белы II уже давно не было в живых. Под 6660.1152 г. он пишет о том, что Изя-

[78] Такие двойные датировки содержатся в тексте Густинской летописи.
[79] ПСРЛ. Т. II. Стб. 317.
[80] ПСРЛ. Т. XL. С. 81.
[81] Там же. С. 84.
[82] ПСРЛ. Т. II. Стб. 406–407.

слав Мстиславич «призва Белю, короля Угорского, зятя своего…»[83], явно спутав Белу II с его сыном Гезой II.

Густинская летопись приводит свою версию событий, связанных с попытками венгерского короля Белы III утвердить на галичском княжении своего младшего сына Андраша (Эндре) в конце 80-х годов XII в. и борьбой Владимира Ярославича за Галич. В данном случае рассматриваемый летописный памятник учитывает известия польских хроник, что позволяет его создателям дать более правдоподобную (с хронологической точки зрения) картину многомесячной борьбы бежавшего в Венгрию князя за возвращение своей волости, в то время как Ипатьевская летопись, – несомненно, заслуживающая в целом большего доверия, чем Густинская, – представляет версию о быстром и беспроблемном приходе Владимира в Галич с польской помощью. Кроме того, Густинская летопись даёт ответ на вопрос о том, кто скрывается в «Польской истории» Яна Длугоша под именем загадочного князя Мстислава – родственника Казимира II, посаженного им на галицкий стол (см. ниже), отождествляя его с Олегом Ярославичем («Настасьичем»)[84], на что первым обратил внимание М. С. Грушевский[85].

Проблема происхождения «татищевских известий» о венграх XII в. Как известно, главной основой, на которой Василий Никитич Татищев (1685–1750) создал главы своей «Истории Российской», посвящённые периоду XII в., была Радзивилловская летопись, в текст которой он «вплетал» известия находившегося в его распоряжении одного из списков Ипатьевской летописи[86], а также сведения других доступных ему письменных памятников, в том числе иностранных, – прежде всего, сочинений польских историков, живших

[83] ПСРЛ. Т. XL. С. 84.
[84] Там же. С. 102.
[85] *Грушевський М*. Історія України–Руси. Вид. 2. Т. II. У Львові, 1905. С. 575–576.
[86] По мнению М. Б. Свердлова, это был Ермолаевский список (*Свердлов М. Б.* Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009. С. 67). Разночтения Ермолаевского списка Ипатьевской летописи опубликованы в приложении к Т. II ПСРЛ. В. А Кучкин считает, что В. Н. Татищев использовал летопись, в составе которой находился протограф Ермолаевского списка, отредактированный по другим источникам (*Кучкин В. А*. К спорам о Татищеве // Проблемы истории общественного движения в историографии. М., 1971. С. 259–260).

в раннее Новое время (см. ниже). Кроме того, В. Н. Татищев не считал для себя зазорным делать различного рода добавления, причём не только в виде амплификаций, но и придуманных фактов, делающих более понятной логику описываемых событий, сочинённых речей исторических деятелей и т. п. Хотя в первой редакции «Истории Российской» В. Н. Татищев в целом стремился создать некое подобие летописного свода, содержащего точные цитаты из имевшихся в его распоряжении источников, все перечисленные особенности его работы проявились уже в ней, правда, не в таких масштабах, как во второй редакции этого многотомного труда.

Помимо логически объяснимых дополнений и распространений летописных текстов в «Истории Российской» имеются и уникальные сведения, никак не связанные с логикой изложения событий, а также ошибочные исправления летописных известий неясного происхождения. К сожалению, до сих пор не проведено исследования всех уникальных «татищевских» известий, а вместо этого историки пытаются на основании различного количества отобранных примеров делать далеко идущие выводы обо всей «Истории Российской» и методах работы её автора. Наибольшее количество примеров распространения В. Н. Татищевым текстов имевшихся в его распоряжении источников, а также уникальных известий привёл в своей недавно вышедшей монографии М. Б. Свердлов[87]. Среди сюжетов, привлёкших внимание исследователя, некоторые непосредственно связаны с русско-венгерскими контактами XII в. Однако все приведённые М. Б. Свердловым на этот счёт примеры являются не уникальными свидетельствами Татищева, а распространениями летописных текстов, сделанными исходя из понимания историком XVIII в. политической ситуации на Руси и в сопредельных странах в описываемое им время[88]. Мне же хочется остановиться здесь именно на «татищевских» известиях и сознательных исправлениях автором «Истории Российской» летописных сообщений.

---

[87] *Свердлов М. Б.* Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009.
[88] См.: Там же. С. 153, 155, 159, 169–170, 188–191, 199–200.

Под 6620 (1112) г. историк утверждает, что «София, дщи Владимирова» (а не Евфимия, как в летописных источниках) была выдана за венгерского короля Белу II (а не Калмана, как это было на самом деле)[89]. Если последняя ошибка, содержащаяся не в основном тексте первой редакции труда В. Н. Татищева, а в его приписке на полях, явно вызвана его неправильными хронологическими подсчётами времени правления венгерских королей[90], то переименование Евфимии в Софию, сохранившееся и во второй редакции «Истории Российской», выглядит странным, поскольку оба эти имени христианские. Представление о том, что одно из них дочь Владимира Мономаха приняла, уйдя в монастырь, представляется маловероятным, поскольку влечёт за собой еще одну гипотезу о том, что у Татищева был в распоряжении не дошедший до нас источник, где указывалось имя София, а не Евфимия. Остаётся предположить, что речь в данном случае идёт о разных женщинах. Кроме того, в рассматриваемую эпоху можно было иметь два христианских имени – полученное при крещении и в честь святого, к которому обращались в молитвах[91]. Однако всё это не более чем предположения, которые никак не развеивают сомнения в достоверности анализируемого «татищевского известия». Никаких указаний на то, что оно взято историком из иностранного источника, в его труде не содержится.

Ещё одно уникальное известие, касающееся темы настоящего исследования, находится во второй редакции труда В. Н. Татищева. Речь идёт о помещённом под 6627 (1119) г. свидетельстве о совместном походе не названного по имени венгерского короля (им в то время был Иштван II) и Володаря Перемышльского «противо царя», т. е. против византийского императора Иоанна II Комнина (1118–1143)[92]. Ни венгерские, ни византийские источники эту информацию не подтверждают, однако обращает на себя внимание дата рас-

[89] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. IV. М.–Л., 1964 [Репр.: М., 1995]. С. 179.
[90] Во второй редакции «Истории Российской» это известие исправлено по ранним летописям: «за королевича венгерского» без указания его имени. См.: *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. II. М.–Л., 1963 [Репр.: М., 1994]. С. 128.
[91] Примером тому служит факт сохранения св. Феодосием своего имени при принятии пострига, когда второе из этих имён стало его монашеским именем. Выражаю благодарность В. А. Кучкину за консультацию по данному вопросу.
[92] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. II. С. 134.

сматриваемого похода. Как известно, в 1118 г. умер основатель династии Комнинов Алексей I, который летом 1116 г. вёл в союзе с Венецией успешную войну с Иштваном II в Далмации. Смена власти во враждебном государстве в Средние века нередко использовалась для нападения на него, пока новый правитель ещё не приобрёл достаточного авторитета и опыта управления. Поскольку в год смерти Алексея I Комнина Иштван II вёл войну с заключившими против него военный союз австрийским маркграфом Леопольдом III Бабенбергом (1095–1136) и чешским князем Борживоем II (1117–1120), можно предположить, что в следующем году венгерский король мог воспользоваться благоприятной ситуацией на Балканах, заключив союз с Володарем Ростиславичем.

Неожиданные подробности сообщает В. Н. Татищев под 6630 (1122) г. в рассказе о неудачном походе того же Володаря Ростиславича против поляков, которые взяли его в плен. Во второй редакции своего многотомного сочинения историк утверждает, что после возвращения на родину Володарь отдал для выкупа оставшегося в качестве заложника в Польше сына Ростислава «50 сосудов великих сребряных дивной греческой и венгерской работ»[93]. В первой редакции «Истории Российской» в аналогичной статье говорится лишь о сосудах «дивной греческой работы», а заложником является не Ростислав Володаревич, а Ярослав Василькович[94]. В авторском комментарии к данной статье В. Н. Татищев называет источники этой информации – сочинения М. Кромера и М. Стрыйковского[95]. В текстах этих польских авторов XVI в. упоминаются лишь сосуды греческой работы[96]. Кроме того, в польской хронике Винцентия Кадлубка, составленной в конце XII – начале XIII в. (о ней речь пойдёт ниже), заслуга выкупа Володаря приписывается его сыну,

[93] Там же. С. 135.
[94] Там же. Т. IV. С. 184.
[95] Там же. С. 432 и комм. 267. См.: Str
[96] *Stryjkowski Maciej*. Kronika Polska, Litewska, Żmódska i wszystkiej Rusi. T. I. Warszawa, 1846. S. 186. М. Стрыйковский датирует пленение Володаря Ростиславича 1118 г., ссылаясь на сочинения М. Меховского и М. Кромера. См. об этом: *Стефанович П. С.* Володарь Перемышльский у поляков (1122 г.): источник, факт, легенда, вымысел // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 3 (25). С. 56–74; № 4 (26). С. 78–89.

названному хронистом Владаридом, в котором исследователи видят собирателя галицких земель Владимира Володаревича[97].

Следующее уникальное известие В. Н. Татищева, относящееся к рассматриваемой теме, помещено под 6634 (1126) г. Здесь историк утверждает, что после смерти Володаря Ростиславича его сын Владимир (Владимирко) в борьбе с братьями призвал на помощь венгров. В целом информация обеих редакций «Истории Российской» совпадает в деталях, за одним исключением: во второй редакции В. Н. Татищев уточнил, что Владимир ездил в Венгрию просить военной помощи «к тестю»[98]. Об источнике этого уточнения историк не сообщает.

Неизвестен источник, из которого автор «Истории Российской» взял сведение о браке дочери Мстислава Великого (1125–1132) Елены с венгерским королевичем Гезой, помещённое в обеих редакциях под 6638 (1130) г.[99] В авторском комментарии к этому известию, имеющемуся лишь во второй редакции рассматриваемого труда, В. Н. Татищев называет сочинения И. Гибнера (Хюбнера) и А. Ортелия[100], авторы которых об этом браке «прямо не показали, но Ортелий называет тестя его Минослав: видно, что Мстислав испорчено»[101]. Упоминание Минослава свидетельствует о том, что А. Ортелий в данном случае пользовался Венгерским хроникальным сводом XIV в. или «Венгерской хроникой» Яноша Туроци (см. ниже).

Уникальную информацию Никоновской летописи под 6654 (1146) г. о поиске тогдашним киевским князем Всеволодом Ольговичем военной помощи в Венгрии против Владимира Володаревича В. Н. Татищев не повторяет, а наоборот, утверждает во второй редакции «Истории Российской», что сам Владимир надеялся на помощь венгров, развязывая боевые действия против Всеволода[102].

---

[97] *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, пер., комм. М., 1990. С. 119.
[98] *Татищев В. Н.* Собраний сочинений. Т. II. С. 138; Т. IV. С. 185–186.
[99] Там же. Т. II. С. 142; Т. IV. С. 188.
[100] Имеются в виду книги: *Hübner Johann.* Genealogische Tabellen... Leipzig, 1708; *Ortelius Abraham.* Thesaurus geographicus recognitus et auctus. Antuerpiae, 1587.
[101] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. II. С. 264.
[102] Там же. С. 161.

Описание В. Н. Татищевым событий, связанных с вмешательством Гезы II в борьбу за Киев Юрия Долгорукого и Изяслава Мстиславича (1149–1152), сопровождается многочисленными амплификациями и дополнениями, рассматривать которые не имеет смысла[103]. Хотелось бы обратить внимание на то, что в посвящённой этим событиям главе «Истории Российской» уже в первой её редакции В. Н. Татищев под 6658 (1150) и 6659 (1151) гг. впервые вкладывает в уста пришедших на Русь венгров явно сочинённые им речи[104].

Явным домыслом В. Н. Татищева выглядит упоминание им во второй редакции «Истории Российской» венгров при перечислении народов, поселявшихся в пределах *Белой Руси* – во владениях Юрия Долгорукого и его потомков[105]. В первой редакции этого труда в параллельном тексте упоминается югра (= угры)[106]. Также домыслил Татищев во второй редакции рассматриваемого сочинения присутствие венгров в Киеве в 6682 (1174) г., дополнив летописное известие о том, что вернувшийся в Киев Ярослав Изяславич заставил собирать деньги на выкуп его жены и сына, в том числе «Латину и гостѣ»[107], в результате чего оно приняло вид: «…приезжих гостей, грек, угров и латинян…»[108].

В конце статьи под 6705 (1197) в обеих редакциях «Истории Российской» содержится рассказ о том, как после смерти Владимира Ярославича на галичском столе утвердился волынский князь Роман Мстиславич (1199–1205)[109]. В Ипатьевской летописи и других ранних летописных памятниках известие о смерти сына Ярослава Осмомысла отсутствует, об этом сообщает лишь Густинская летопись под 6707 (1199/1200) г.[110] Подавляющее большинство исследователей считают достоверной датировку Густинской летописи. Хотя В. Н. Татищев в авторских комментариях к этому сюжету показывает знакомст-

---

[103] См. об этом: *Юрасов М. К.* В. Н. Татищев о походах венгерского войска на Русь в 1151 г. // Галич і Галицька земля в державотворчих процесах України. Материали міжнародної наукової конференції Галич, 2006. С. 91–96.
[104] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. IV. С. 229, 236.
[105] Там же. Т. III. М.–Л., 1963. С. 44.
[106] Там же. Т. IV. С. 242.
[107] ПСРЛ. Т. II. Стб. 579; Т. I. Стб. 366.
[108] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. III. С. 104.
[109] Там же. Т. III. С. 165; Т. IV. С. 325.
[110] ПСРЛ. Т. XL. С.

во с историческими сочинениями М. Кромера и М. Бельского[111], он даёт свою версию процесса объединения Романом Мстиславичем в своих руках Галичского и Волынского княжений, что сразу же было признано соседними правителями. В отличие от других исторических сочинений, «История Российская» повествует о том, что в ситуацию, сложившуюся вокруг Галича после смерти Владимира Ярославича, готовы были вмешаться и венгры, под которыми следует понимать тогдашнего короля Имре (1196–1204) и его окружение.

Таким образом, «татищевские известия» хотя и дают некоторые дополнительные сведения по сравнению со сведениями более ранних летописных памятников, требуют серьёзной проверки их достоверности. Поскольку осуществить это в большинстве случаев не представляется возможным, относиться к ним следует очень осторожно, избегая делать из них далеко идущие выводы.

2. Венгерские источники

Происхождение известий Венгерского хроникального свода. Дошедшие до нас списки «Композиции венгерских хроник XIV в.» содержат в себе тексты более ранних латиноязычных исторических сочинений королевства Венгрии, не сохранившихся в своем первоначальном виде. По мнению венгерских исследователей, первое произведение такого рода, за которым в историографии закрепилось название *Прагеста*, было создано перед 1060 г. или ок. 1066–1067 гг.[112], хотя высказываются мнения о том, что оно могло появиться при Ласло I Святом (1077–1095) или при Калмане Книжнике (1095–1116)[113]. Термин «прагеста» (*венг.* ősgesta – ’древняя геста’) происходит от названия,

[111] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. III. С. 256 (н. 563); Т. IV. С. 457 (н. 423).
[112] Magyarország történeti kronológiája. I. A kezdetektől 1526-ig. 3. kiad. Főszerk. K. Benda. Bp., 1986 (далее: MTK). 88. l.
[113] Обзор мнений см.: *Kristó Gyula*. Krónikakompozítió // Korai magyar történeti lexikon (9–14. század). Főszerk. Kristó Gy. Bp., 1994 (далее: KMTL). 382. l.

которое обычно давали своим сочинениям средневековые венгерские хронисты – Gesta Hungarorum/Ungarorum («Деяния венгров»).

Венгерские исследователи до сих пор не создали общепризнанную схему развития средневековой исторической литературы королевства Венгрии от Прагесты до «Венгерской хроники» Яноша Туроци (1435–1488/9), вобравшей в себя информацию не только местных хронистов, но и зарубежных авторов эпохи Возрождения. До сих пор «никто не взялся за реконструкцию текста Прагесты, чтобы вычленить из находящихся в нашем распоряжении кодексов тот текст, который можно было бы признать со всей определенностью нашим первым историческим сочинением»[114]. Следствием этого является сосуществование в венгерской исторической науке нескольких схем развития национальной средневековой хронистики. Марта Фонт в одной из своих недавно вышедших монографий приводит подобные схемы, составленные на основании разысканий Б. Хомана, Д. Дёрффи и её собственной интерпретации, опирающейся на работы Э. Маюса и Д. Кришто[115].

Что касается описания в средневековой венгерской хронистике событий XII в., то и здесь ситуация не намного яснее, чем в решении проблем воссоздания текста Прагесты. В первой половине XII в. в Венгрии продолжалось создание исторических сочинений, куда включались (иногда после небольшого редактирования) прежние гесты, тексты которых дополнялись описанием современных хронисту событий. Главной причиной редактирования сочинений предшественников было неоднозначное отношение венгерских хронистов XII в. к королю Калману Книжнику (1095–1116), безуспешно пытавшемуся искоренить потомство своего брата Алмоша (ум. в 1127), которое с 1131 г. правило Венгрией. В связи с этим одни хронисты пытались оправдать жестокие действия Калмана, другие, наоборот, создавали подчеркнуто негативный образ этого короля[116].

---

[114] *Font Márta*. A keresztény nagyhatalmak vonzásában. Közép- és Kelet-Európa 10–12. században. Bp., 2005. 37. l.

[115] Ibid. 34–36. l.

[116] Подробнее об этом см.: *Kristó Gyula*. Magyar historiográfia. I. k. Történetírás a középkori Magyarországon. Bp., 2002. 28–40. l.

По мнению венгерских исследователей, при Калмане Книжнике, в начале XII в., были написаны т. н. «Деяния короля Ласло» (*Gesta Ladislai regis*) – не дошедшее до нас дополнение Прагесты, посвящённое прославлению деятельности Ласло I Святого (1077–1095) – дяди Калмана и его предшественника на венгерском престоле. Неизвестный автор этого произведения, естественно, призван был создать позитивный образ Калмана[117]. В середине XII в., в годы правления Гезы II (1141–1162) или Иштвана III (1162–1172), было создано новое продолжение официальной хроники королевства Венгрии, автор которого не пожалел чёрной краски при описании жестокостей Калмана и его сына Иштвана II (1116–1131) по отношению к принцу Алмошу и его потомству. По мнению Б. Хомана, это сочинение было доведено до 1127 г.[118] Ветвь Калмана оказалась выморочной, и после смерти Иштвана II к власти в Венгрии приходит представитель другой ветви – той, которую Калман безуспешно пытался «выкорчевать». Естественно, Бела II и его потомки «ненавидели Калмана за то, что тот не допустил Алмоша к власти, а Белу лишил зрения, Иштвана II – за то, что тот принудил их скрываться и бежать и, наконец, Бориса, претендента на трон, рождённого изгнанной женой Калмана[119], за то, что тот, хотя и не был признан Калманом своим сыном, собирал своих сторонников из числа венгерских дворян и, пользуясь иностранной помощью, несколько раз развязывал войну. Эту ненависть трёх государей и их сторонников, поддерживаемую беспрерывными выступлениями претендента на трон Бориса, и отразил автор продолжения гесты»[120].

В связи с этим главы Венгерского хроникального свода XIV в., посвящённые правлению Калмана Книжника (гл. 142–152), являются редакцией продолжения Гесты начала XII в., которую принято называть «Деяниями короля Калмана» (*Gesta Colomani regis,* основную часть которой составляют «Деяния короля Ласло»), произведённой анонимным автором, писавшим следую-

---

[117] *Mályusz Elemér.* A Thuróczy-krónika és forrásai. Bp., 1967. 41–42. l.
[118] *Hóman Bálint*. A magyar történetírás első korszáka // *Idem.* Történetírás és forráskritika. Bp., 1938. 263. l.
[119] Речь идёт о высылке Калманом Книжником в 1113 г. на родину своей второй жены Евфимии Владимировны, обвинённой королём в супружеской неверности. Борис был её сыном. См. об этом ниже.
[120] *Mályusz E.*. Op. cit. 39–40. l.

щее продолжение Гесты в середине XII в.[121] Что же касается той части текста «Композиции венгерских хроник XIV в.», в которой рассказывается о деятельности Иштвана II, Белы II и Гезы II (гл. 153–168), то она, как установили венгерские исследователи, также является трудом анонимного автора середины XII в., но с некоторыми интерполяциями XIII в.[122] Начиная с главы 169 Венгерский хроникальный свод не содержит никаких сведений, касающихся темы настоящего исследования.

«Деяния венгров» неизвестного нотария о русско-венгерских отношениях XII в. Первым дошедшим до нас средневековым латиноязычным венгерским историческим сочинением является хроника, написанная неким «магистром П.» [123], занимавшим пост нотария при короле Беле, на которую сильное влияние оказали средневековые рыцарские романы. Как доказали венгерские исследователи, королём, при котором работал неизвестный нотарий, был Бела III (1172–1196)[124]. Действие рассматриваемого произведения происходит в IX–X вв., т. е. от времени пребывания венгерских племён в степях Восточной Европы до правления верховного вождя Венгерского союза племён Такшоня (ок. 950–970/2), поэтому никаких конкретных фактов о русско-венгерских отношениях XII в. «магистр П.» не сообщает.

Тем не менее, поскольку Аноним жил на рубеже XII–XIII вв., в написанном им романе имеются косвенные свидетельства об оценке Арпадами и их ближайшим окружением политической ситуации, сложившейся на Руси в то время[125]. Рассказывая об эпохах «обретения родины» венграми и примкнувшими к ним племенами и последующего освоения ими Среднего Подунавья,

---

[121] *Johannes de Thurocz*. Chronica Hungarorum. II. Commentarii. 1. Ab initiis usque ad annum 1301. Composuit E. Mályusz, adiuvante J. Kristó. Bp., 1988. P. 411, 420, 423.
[122] Ibid. P. 430, 447, 459, 465.
[123] *P. magistri*, qui Anonymus dicitur, Gesta Hungarorum / Ed. Ae. Jakubovich // Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum / Edendo operi praefuit E. Szentpétery (далее: SRH). Vol. I. Bp., 1937. P. 13–117.
[124] Обзор мнений, высказанных в ходе длительной дискуссии по этому поводу см. *Kordé Zoltán*. Anonymus // KMTL. 50–51. l.
[125] Время написания рассматриваемого сочинения остаётся предметом дискуссий венгерских историков и определяется ими от последнего десятилетия XII в. до 1213 г. Обзор мнений см.: *Шушарин В. П.* Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М., 1997. С. 376: *Kordé Z.* Anonymus.

Аноним, помимо Киева, упоминает города, ещё не существовавшие в описываемое им время (Владимир-Волынский, Галич, Суздаль)[126]. Таким образом, «магистр П.» называет те княжеские центры, правители которых были хорошо известны при дворе Арпадов в конце XII в. При этом упоминание Суздаля, скорее всего, отражает ту роль, которую играл в общерусских делах Всеволод Большое Гнездо (1176–1212), заставивший, как известно из Ипатьевской летописи, в 1190 г. правителей соседних с Галицким княжеством территориально-политических образований, в том числе венгерского короля Белу III, признать свое покровительство над вернувшим себе Галич Владимиром Ярославичем (1187–1188, 1190–1199).

В то же время обращает на себя внимание отсутствие не только у неизвестного нотария, но и во всей средневековой венгерской хронистике упоминаний фактической столицы Всеволода Большое Гнездо – Владимира-на-Клязьме. Возможно, это было связано с желанием избежать употребления названий одноименных городов, располагавшихся на юго-западе и северо-востоке Руси. Но более вероятно сохранение при дворе Арпадов представления о том, что Всеволод, как и его отец Юрий Долгорукий, был суздальским князем.

Средневековые латиноязычные сочинения королевства Венгрии. Ранняя венгерская анналистика не содержит никаких сведений о русско-венгерских отношениях XII в. Нет их и в дошедших до нас наиболее древних венгерских хрониках – «Деяниях венгров» Шимона Кезаи (*Simonis de Keza Gesta Hungarorum*), написанных в 1285–1288 гг., а также в Загребской (1354) и Варадской (ок. 1374) хрониках. Единственным исключением в данном случае являются Пожоньские анналы (*Annales Posonienses*) – предельно краткий

[126] В романе «Деяния венгров» они названы, соответственно, *Lodomer(ia), Galicia, Susudal*. См.: SRH. Vol. I. P. 42, 45, 46, 47, 48, 50.

письменный памятник[127], получивший свое название от г. Пожони (соврем. Братислава), где он хранился до 1813 г.

Основной текст Пожоньских анналов охватывает время 997–1187 гг., а более поздние приписки к нему посвящены событиям 1195–1203 гг. С точки зрения истории русско-венгерских отношений XII в. рассматриваемый источник содержит информацию, касающуюся судьбы Евфросиньи Мстиславны – внучки Владимира Мономаха, вышедшей замуж за венгерского короля Гезу II (1141–1162). Поскольку вдовствующая королева после смерти своего старшего сына Иштвана III (1162, 1163–1172) пыталась противодействовать приходу к власти следующего по старшинству Белы III (1172–1196), сделав ставку на третьего сына – Гезу, Бела III вынужден был относиться к матери как к политическому врагу. Сведения о заточении королевы в крепость Браничево (*венг*. Баранч) и её последующей высылке в Византию содержатся только в Пожоньских анналах. Правда, при этом хронист допустил грубые хронологические ошибки. По мнению издателя Пожоньских анналов Имре Маджара, первое из названных известий, датированное в 1186 г., следует относить к 1175 г., а датировку второго изменить с 1187 на 1177 г.[128]

Основная же масса информации латиноязычных средневековых исторических сочинений королевства Венгрии, касающаяся темы настоящего исследования, находится в Венгерском хроникальном своде («Композиции венгерских хроник XIV в.»[129]), начало составления которого Марком Кальти датируется 15 мая 1358 г. Списки этого обширного исторического сочинения условно разделяются исследователями на два «семейства» – Иллюстрированной[130] (*Chronicon Pictum*) и Будской (*Chronicon Budense*) хроник.

При издании рассматриваемого источника Шандором Домановски (в собрании текстов венгерских хроник, осуществлённом Венгерской Академией наук в 1937 г. под общей редакцией Имре Сентпетери) в качестве основного

---

[127] Его текст при издании уместился на трёх страницах. См.: Annales Posonienses / Ed. E. Madzsar // SRH. Vol. I. P. 119–127.
[128] SRH. Vol. I. P. 127, n. 4.
[129] Chronici Hungarici compositio saeculi XIV / Ed. A. Domanovszky // SRH. Vol. I. P. 217–505.
[130] Часто его называют семейством Венской и Иллюстрированной хроник.

списка первой группы использован вариант Венской хроники (*Chronicon Vindobonense*), а второго – т. н. «кодекса Жамбоки» (*Sambuci codex*). Хотя текст Венской хроники дошёл до нас в более раннем и более подробном списке[131], исследователи считают, что «кодекс Жамбоки»[132] отражает более раннюю версию Венгерского хроникального свода[133].

Изложение событий XII в. в Венгерском хроникальном своде начинается с главы 146 (по нумерации названного академического издания) и заканчивается главой 172[134]. При этом последовательно информацию излагают лишь списки семейства Иллюстрированной хроники. Что же касается кодекса Жамбоки и других списков этого же «семейства», то в них содержатся лишь отрывочные сведения, главным образом, даты вступления на престол и смерти венгерских королей, а также места их захоронений. Сюжеты, связанные с историей русско-венгерских отношений рассматриваемого времени, в рукописях семейства Будской хроники полностью отсутствуют.

Как известно, на исходе XI в. венгерское войско под предводительством короля Калмана Книжника (1095–1116) потерпело страшное поражение в юго-западной Руси. Составители Венгерского хроникального свода в гл. 147 сообщают о намерении Калмана ок. 1106 г. пойти походом на Русь, не осуществлённом по причине новой вспышки борьбы короля со своим младшим братом – герцогом Алмошем[135]. При этом причина похода не называется, хотя чуть выше (гл. 145) повествуется о катастрофе, постигшей венгров под Перемышлем[136]. По всей видимости, хронист считал излишним подчёркивать причинно-следственную связь между этими двумя событиями, хотя, как будет показано в главе III настоящего исследования, Калман, скорее всего, собирался отправиться на Русь по призыву своего союзника – киевского князя Святополка Изяславича (1093–1113) для совместной борьбы с половцами.

---

[131] Его древнейший сохранившийся список датируется временем ок. 1370 г.
[132] Дошедший до нас список датируется концом XV в.
[133] См. об этом: *Szovák Kornél* és *Veszprémy László*. Kronikák, legendák, intelmek. Utószó // SRH [Repr.: Bp., 1999]. Vol. II. 751–752. l.; *Шушарин В. П.* Культура XI–XV вв. // История Венгрии в трёх томах. Под ред. В. П. Шушарина, Т. М. Исламова, А. И. Пушкаша. Т. I. М., 1971. С. 277–279.
[134] SRH. Vol. I. P. 426–463.
[135] Ibid. P. 426.
[136] Ibid. P. 423–426.

Следующее известие о Руси в Венгерском хроникальном своде имеет параллель с известием ПВЛ об отправке Евфимии Владимировны замуж за венгерского короля, о котором речь шла выше. В главе 149 рассматриваемого источника хронист не только объясняет причину второго брака Калмана, но и кратко повествует о судьбе дочери Владимира Мономаха в Венгрии, уличении её королем в супружеской измене, за чем последовала высылка Евфимии на Русь[137]. При этом всячески превозносится благородство Калмана, поступившего с женой в соответствии с христианскими нормами морали и отославшего неверную супругу на родину потому, что «закон отделил её от него»[138]. В соответствии с закрепившейся в венгерских средневековых исторических сочинениях версией (которая, по мнению исследователей, вряд ли соответствует действительности, см. главу III настоящего исследования), вся вина за распад матримониальных связей между Русью и Венгрией ок. 1113–1114 гг. возлагается на Евфимию, а упоминаемый в этой же главе её сын Борич (Борис) признаётся рождённым от адюльтера[139]. Всё это должно было подготовить читателя к «правильной» оценке излагаемого ниже повествования о безуспешных попытках Бориса Калмановича утвердиться на венгерском престоле. Из сообщений «Композиции венгерских хроник XIV в.» можно сделать вывод о том, что Калман Книжник до конца своих дней был враждебно настроен по отношению к Руси и не оставлял мысли о наказании восточного соседа за «несправедливость» (*iniuria*). Об этом он, по свидетельству хрониста, просил на смертном одре своего сына и наследника Стефана (Иштвана)[140].

Известие Киевского свода под 6631 (1123/4) г. о владимиро-волынском князе Ярославе Святополковиче (1099–1118), согнанном со своего стола и нашедшем помощь у западных соседей, в том числе в Венгрии, имеет параллели в Венгерском хроникальном своде. Здесь в главе 155 повествуется о князе Безене, искавшем военной помощи у короля Иштвана II (1116–1131).

[137] Ibid. P. 429.
[138] "…lex ab ea eum separavit" (Ibid.).
[139] Ibid.
[140] Ibid. P. 431 (Cap. 151).

При этом хронист называет Безена «немецким князем» (*dux Teutonicorum*)[141], однако всё последующее повествование об осаде не названной русской крепости, смертельном ранении Безена и решительном отказе венгерской знати брать штурмом эту крепость, чтобы отомстить за смерть неудачливого князя, не оставляют сомнения в том, что речь идёт именно о Ярославе Святополковиче. Подробный рассказ хрониста о пребывании венгров в 1123 г. в юго-западной Руси[142] дополняет информацию Киевского свода, повествуя о том, что происходило в венгерском войске в то время. Несомненно, автор этой главы либо был непосредственным участником описываемых событий, либо получил сообщенную им информацию из первых рук. В то же время, он не был тем писцом, перу которого принадлежит данный текст Венгерского хроникального свода. Назвать Безена немецким князем мог только переписчик более позднего времени.

Особое место в «Композиции венгерских хроник XIV в.» занимает описание безуспешных попыток не признанного отцом претендента на венгерский престол Бориса Калмановича отнять корону св. Иштвана у Белы II, кульминация которой приходится на 1131–1132 гг. События этих лет описаны в главах 160–161 рассматриваемого источника. Поскольку в обеих главах повествуется об убийствах сторонников Бориса, произведённых на собраниях знати в присутствии короля, венгерскими исследователями высказывалась мысль о том, что в данном случае имеет место повтор рассказа об одних и тех же событиях. Однако после детального сравнительного анализа информации этих глав, проведённого Дюлой Кришто и Ференцем Макком, версия о повторе потеряла своих сторонников. Кроме того, названные историки указали на то, что мнение о том, что Борис был рождён Евфимией Владимировной от прелюбодеяния, появилась в ходе острой политической борьбы внутри правяще-

[141] Ibid. P. 437.
[142] Ibid. P. 437–439.

го класса Венгрии. Оно было ответом на такие же обвинения в низком происхождении, которые выдвигали сторонники Бориса в адрес Белы II[143].

Глава 161 Венгерского хроникального свода содержит первое известие о самостоятельных действиях Бориса Калмановича, предпринятых им в 1132 г. для захвата венгерского престола[144]. По свидетельству хрониста, в первой попытке такого рода Борису помогали поляки и русские, однако о том, какие конкретно политические силы стояли за спиной претендента, источник умалчивает. Как и в рассказе о Безене, автор рассматриваемой главы подробно описывает борьбу при дворе Белы II (1131–1141) между сторонниками и противниками Бориса, которая приобрела кровавые формы. Симпатии хрониста явно на стороне короля, поэтому приверженцы претендента названы в «Композиции» предателями. По свидетельству хрониста, королевское войско нанесло сокрушительное поражение Борису, после чего последовал разгром поляков.

С точки зрения темы настоящего исследования наиболее ценной является информация главы 161 Венгерского хроникального свода о приходе на помощь Борису в 1132 г. польских и русских князей (*duces Ruscie et Polonie*) с многочисленными войсками[145]. При этом имена пришедших на битву с Белой II князей не называются. Венгерский хронист свидетельствует о том, что русские не принимали участия в сражении на р. Шайо, поскольку их князя удалось убедить в том, что Борис не является сыном Калмана и рождён от прелюбодеяния, а Бела II правит Венгрией по единодушному согласию всей страны (*cum consensu totius regni*)[146].

Достаточно подробно описан в «Композиции венгерских хроник XIV в.» следующий эпизод, главным героем которого стал Борис Калманович. В главе 166, где повествуется о прохождении в 1147 г. через Венгрию участников Второго крестового похода во главе с двумя королями – германским Конра-

---

[143] *Kristó Gyula–Makk Ferenc.* Krónikáink keletkezéstörténetéhez // Történelmi Szemle (далее: T. Sz.), 1972. 1. sz. 198–205. l.
[144] SRH. Vol. I. P. 447–452.
[145] Ibid. P. 451.
[146] Ibid.

дом III (1138–1152) и французским Людовиком VII (1137–1180)[147], хронист рассказывает о том, как верный рыцарь венгерской короны Гурк узнал и доложил своему королю Гезе II (1141–1162) о нахождении Бориса в свите Людовика VII и как Геза II безуспешно требовал выдачи Бориса. Хотя данное известие прямо не касается истории русско-венгерских отношений, оно ясно показывает, что Борис Калманович в то время не искал никакой поддержки на Руси.

Крайне скупо описано в Венгерском хроникальном своде участие Гезы II в междоусобных войнах своего тестя – Изяслава Мстиславича, боровшегося с Юрием Долгоруким за Киев. В отличие от Киевского свода, в издании которого описание междоусобиц 1148–1152 гг. в южной Руси занимает по несколько столбцов под каждым годом, в Венской хронике (гл. 167) кратко и без датировки сообщается о походе венгерского войска на Русь в 1152 г. с указанием на то, что армия Гезы II была уже «потрёпана рутенами и кунами»[148], что можно расценить как намёк на поход венгерского королевского войска против Юрия Владимировича в 1151 г. Как известно, в 1151 г. венграм действительно пришлось сражаться не только с дружинами враждебных Изяславу князей, но и с союзными Юрию Долгорукому половцами[149]. О борьбе Изяслава с Юрием автор этой части текста хроникального свода не знал, по его свидетельству, Геза II «повёл войско на Русь против князя Лодомера (галичского князя Владимира Володаревича. – *М. Ю.*), чтобы отомстить за обиду, нанесённую его тестю Минослою (киевскому князю Изяславу Мстиславичу. – *М. Ю.*)»[150].

Главы рассматриваемого сочинения, касающиеся истории правления преемников Гезы II вплоть до вступления на престол Андраша (Эндре) II (1205) крайне скудны и содержат главным образом известия о коронации, продолжительности правления, дате смерти и месте погребения монархов. Следую-

---

[147] Ibid. P. 457–460.
[148] Ibid. P. 460.
[149] ПСРЛ. Т. I. Стб. 330–334; Т. II. Стб. 423–443.
[150] "... Geycha...exercitum in Rusciam super Lodomerium ducem, ut vindicaret iniuriam soceri sui Minosloy..." (SRH. Vol. I. P. 460).

щее известие, касающееся Руси, появляется в «Композиции венгерских хроник XIV в.» лишь в главе 176 в рассказе о коронации в 1235 г. Белы IV, которому находившийся тогда в Венгрии Даниил Романович во время торжественной церемонии подвёл белого коня[151]. Большая часть текста Венгерского хроникального свода, в том числе главы, повествующие о событиях XII в. – в версии «семейства» Иллюстрированной хроники – воспроизведена слово в слово в хронике Яноша Туроци (ок. 1435–1488/9), доведённой до 1487 г.[152]

Говоря в целом об объёме и характере информации, содержащейся в венгерских средневековых латиноязычных исторических сочинениях, с точки зрения темы настоящего исследования, следует отметить, что она намного уступает по количеству известий и подробностей информации русских летописных памятников. При этом явственно ощущается «периферийность» русской тематики для венгерских хронистов.

Актовый материал. Косвенное отношение к истории русско-венгерских отношений имеет диплом, выданный монастырю св. Бенедикта на Гараме (соврем. Словакия) и датированный 1124 г. Хотя этот диплом признаётся исследователями поддельным, он учитывается в изданиях средневекового актового материала и помещается под обозначенным на нём годом[153]. В приведённом в документе титуле венгерского короля Иштвана II (1116–1131) впервые появляется добавление *rex Gallicie* (король Галича)[154]. Для 1124 г. это добавление, безусловно, является нереальным, но его появление отражает не только стремление венгерских королей середины – второй половины XII в. распространить свою власть на юго-западную Русь, но, возможно, и попытки кого-то из галичских князей найти покровительство у Арпадов. Обращает на себя внимание также дата выдачи этого диплома: в 1123 г. венгерское войско

[151] Ibid. P. 467.
[152] *Johannes de Thurocz*. Chronica Hungarorum. I. Textus / Ed. E. Galántai et J. Kristó. Bp., 1985. P. 121–135 (описание событий XII в.).
[153] Новейшее издание диплома см.: Diplomata Hungariae antiquissima. Accedunr epistola et acta ad historiam Hungariae pertinentia. Vol. I. Ad anno 1000 usque ad annum 1131 / Edendo operi praefuit G. Györffy. Budapestini, 1992 (далее: DHA). P. 417–419.
[154] Ibid. P. 418.

во главе с королём Иштваном II (1116–1131) оказало активную помощь Ярославу Святополковичу в его попытке вернуть отчинный Владимир-Волынский (см. выше).

Вторично это добавление в форме *rex Galacie* встречается в титуле Белы III (1172–1196) – после того, как ему удалось посадить в 1188 г. на галицкий стол своего сына Андраша (Эндре). Единственный диплом, в котором встречается этот титул, датирован 2 мая 1189 г.[155] Он также вызывает у исследователей вопросы по поводу достоверности содержащихся в нём сведений. Дело в том, что этот документ был выдан в городе Задар (*венг*. Зара), находящемся на одном из островов Адриатического моря, одной из церковных канцелярий. Ни один из документов, изданных венгерским королевским двором, не содержит добавления «король Галации»[156].

Единственным дипломом, проливающим свет на неизвестные по нарративным источникам связи русских князей с единоверцами, проживавшими на территории Венгрии, является опись владений монастыря св. Дмитрия на р. Саве. Сама опись до нас не дошла, её текст восстанавливается на основании буллы папы Гонория III (1216–1227), подписанной 29 января 1218 г. Текст буллы впервые был издан в середине XIX в. А. Тайнером[157] и до начала XX в. вошел ещё в два сборника средневековых документов[158].

В течение столетия после введения в научный оборот названная булла Гонория III не привлекала должного внимания историков, пока её текст не подверг глубокому анализу венгерский исследователь Дёрдь Дёрффи. Он вычленил из текста буллы опись владений василианского монастыря св. Дмитрия на Саве, составление которой историк датирует 1193–1196 гг., доказал, что первоначальный текст описи был написан на греческом языке и обнаружил в нём свидетельства связей этого монастыря с князьями юго-западной Руси

---

[155] Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae ac Sclavoniae. I / Red. T. Smičiklas. Zagrabiae, 1904 (дипломы №№ 217 и 231).
[156] Одним из первых высказал подозрения по поводу подлинности данного диплома М. С. Грушевский. См.: *Грушевський М.* Історія України–Руси. Т. II. С. 449 и прим. 1.
[157] *Theiner A.* Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia. 1216–1534. T. I. Roma, 1859. P. 9–11.
[158] *Wenzel G.* Árpádkori Új Okmánytár. I. k. Pest, 1860. 151–154. l.; *Densuşianu N.* Documenta privitoare la istoria Romanilor. T. I. Bukarest, 1887. P. 61–63.

первой половины XII в.[159] Д. Дёрффи «расшифровал» упомянутые в описи имена этих князей, делавших пожалования названному монастырю (Василько Ростиславич, Иван и Владимир Володаревичи), и нашёл в летописях косвенное свидетельство о стремлении Василька Теребовльского распространить своё влияние на Балканы, где проживало единоверное русским православное население.

В одном из дипломов короля Иштвана III, датированном 1165 г., среди сановников Венгерского королевства упоминается «граф Рутен» (Ruten Comes), что можно трактовать как русское происхождение одного из членов свиты венгерского короля. Этот диплом был опубликован ещё в 1829 г. в одном из первых томов известного свода Дёрдя Фейера[160], но из исследователей истории русско-венгерских отношений на него обратил серьёзное внимание лишь совсем недавно М. М. Волощук. По его мнению, граф Рутен мог появиться при дворе Иштвана III в связи с борьбой за венгерский престол после смерти Гезы II (1162), когда вдовствующая королева Евфросинья Мстиславна искала помощь у соседних государей, поскольку её девери Ласло и Иштван в течение года не давали Иштвану III возможности вступить на престол. Граф Рутен нигде более в источниках не упоминается[161].

М. М. Волощук также обратил внимание ещё на один диплом, выданный Белой III в Сплите в 1182 г., в котором упоминается Посилио Русинич (Posilio Rusinich), явно принадлежавший к кругу местной военной знати[162]. Отсутствие других сведений об этом человеке в дошедших до нас источниках и его явно неславянское имя не позволяет исследователям что-либо предположить даже о причинах его появления на службе у венгерских королей.

Вторая половина XII в. (а, скорее всего, и всё это столетие) была временем, когда продолжались миграции русского населения через Карпаты на

---

[159] *Györffy György*. A szávaszentdemeteri görög monostor XII. századi birtokösszeírása // A magyar Tudományos Akadémia Társadalmi-Történeti Tudományok. II (1952). 3–4. sz. 325–362. l.; III (1953). 1–2. sz. 69–104. l.

[160] Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / Studio et opera G. Fejer (далее: CDH). T. 3. V. 1. Budae, 1829. P. 173.

[161] *Волощук Мирослав*. «Русь» в Угорському королівстві (XI – друга половина XIV ст.): суспільно-політична роль, майнові стосунки, міграції. Івано-Франківськ, 2014. С. 145.

[162] Там же. С. 278.

земли Венгерского королевства. Процесс активной иммиграции характерен для всей средневековой истории Венгрии, поскольку огромные пространства на окраинах страны оставались малозаселёнными. Что же касается рассматриваемого времени, то в нашем распоряжении есть документ, выданный в комитате Темеш в 1177 г., в котором упомянут «дом русского» (*domus Ruteni*)[163]. Речь идёт о привилегии Белы III (1172–1196), данной соборному капитулу г. Арад. В связи с большим объёмом пожалований и прав, полученных арадскими клириками, рассматриваемый документ вошёл в историю как первая королевская грамота, написанная на нескольких пергаменных листах, брошюрованных в книжной форме. Сама по себе эта «книжка» не сохранилась, но цитаты из неё обнаруживаются в семи более поздних документах. Венгерскому исследователю Ивану Борше удалось восстановить первоначальный текст привилегии Арадскому капитулу, в котором даны границы отдельных частей имений, а также перечислены жившие там люди[164].

Участие венгерских воинов в операциях на Руси также нашло свое отражение в дипломатике королевства Венгрии. Тот факт, что будущий король Андраш (Эндре) II (1205–1235) в 1188–1190 гг. был галичским князем, способствовал тому, что он делал земельные пожалования некоторым воинам из тех, кто был в то время с ним в составе отряда, охранявшего принца. Согласно материалам такого рода, исследованным Мартой Фонт, между 1190–1196 гг. была составлена не дошедшая до нас грамота о пожаловании небольшого земельного владения некому Цеке[165], который, по мнению исследовательницы, мог принимать участие в походе Белы III на Галич 1188 г.[166] В этом же походе могли участвовать и братья Фаркаш, Петер и Янош, причём последний погиб на Руси, а первый за свои заслуги и за смерть брата получил во

[163] *Borsa Iván.* III. Béla 1177. évi könyvalakú privilegiuma az aradi kaptalan számára // Leveltári Közlemények. XXX (1962). 213. l.
[164] Ibid. 205–218. l.
[165] Regesta regum stirpis Arpadianae **c**ritico-diplomatica / Ed. I. Szentpétery. T. I. Bp., 1923. P. 52.
[166] *Фонт Марта.* Венгры на Руси в XI–XIII вв. // А се его сребро. Збірник праць на пошану М. Ф. Котляра з нагоди його 70-річчя. Київ, 2002. С. 94. См. также: *Font Márta*. Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek. Szeged, 2005. 107, 109. l.

владение от Андраша II лес Гепус, о чём свидетельствует диплом, текст которого издал Имре Сентпетери[167].

О русско-венгерских торговых связях свидетельствует королевский акт, в котором перечислены привилегии архиепископскому капитулу и монастырю, находившемуся в одной из средневековых венгерских столиц – Эстергоме. В этом документе упоминаются русские купцы и привозимые ими товары[168]. Согласно установившейся традиции, данный источник относят к эпохе, рассматриваемой в настоящей работе, однако исследователи до сих пор окончательно не выяснили имя короля, давшего эту грамоту, и её точную дату. Она была издана либо Имре в 1198 г., либо Ласло IV Куном в 1288 г. В связи с такой значительной неопределённостью в датировке рассматриваемой грамоты в настоящем исследовании её информация не анализируется.

3. Письменные памятники стран Центральной Европы

Немецкие средневековые источники. В этой группе исторических сочинений можно выделить три подгруппы: латиноязычные немецкие исторические сочинения; произведения, написанные на средневерхненемецком языке; переводы на средневерхненемецкий язык венгерских исторических сочинений, а именно – не дошедших до нас списков «Композиции венгерских хроник XIV в.», хорошо известной в немецких землях.

Самым ранними из сочинений, входящих в первую группу и повествующих о событиях, связанных с деятельностью Бориса Калмановича, являются произведения Оттона, епископа фрейзингенского (ок. 1112–1158). Первое из них официально называется «История о двух градах» (Historia de duabus civitatibus), но исследователи давно называют его «Хроникой» Оттона Фрей-

[167] Извлечение из текста документа, в котором говорится о пожаловании Петеру Фаркашу, см. в: Regesta regum stirpis Arpadianae critico-diplomatica. P. 89.
[168] CDH. T. VII. Vol. V. Budae, 1841. N 76. P. 143; Monumenta ecclesiae Strigoniensis. T. II / Ordine chron. disposuit, dissertationibus et notis illustr. F. Knauz. Strigonii, 1882. N 215. P. 238–241.

зингенского[169]; второе вошло в историю под названием «Деяния императора Фридриха» (Gesta Friderici I imperatoris). Последнее сочинение было начато Оттоном и продолжено его бывшим секретарем Рахевином, но все сведения о Борисе записаны именно Оттоном[170]. В «Хронике» Оттон Фрейзингенский посвящает главу 21 книги VII описанию событий борьбы Бориса с Белой II в 1131–1132 гг., информируя читателя о том, что матерью Бориса была дочь «короля Рутенов, или Хиоса (Киева)»[171]. В этом же сочинении содержатся и другие известия о деятельности Бориса Калмановича, не имеющие отношения к истории русско-венгерских связей. Что же касается «Деяний императора Фридриха», то в них все известия о Борисе относятся к периоду, когда никаких связей с Русью внук Мономаха не имел.

К первой группе относится также Мюнхенская хроника[172], доведённая до 1329 г., единственный сохранившийся список которой был сделан в XV в.[173] Если при описании событий ранних этапов венгерской истории эта хроника много заимствовала из Венгерского хроникального свода, то в описании XII в. она переходит на краткий пересказ, а применительно к теме настоящего исследования ограничивается случайными и краткими недатированными сведениями о помощи «рутенов» Борису Калмановичу (гл. 53[174]).

Значительно меньше шансов обнаружить подобные сведения в немецких средневековых источниках, входящих во вторую группу, поскольку все они написаны в более позднее время и, как правило, являются местными хрониками, куда в лучшем случае попадали сведения о венгерско-немецких контактах и единичные известия о венгерско-польских отношениях. Известий о русско-венгерских отношениях XII в. в них не обнаруживается.

---

[169] *Ottonis episcopi Frisingensis* Chronica sive Historia de duabus civitatibus / Ed. A. Hofmeister. Hannover, 1912 / Monumenta Germanie historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum (далее: MGH SS rer. Germ.) T. 45.

[170] Перу Оттона Фрейзингенского принадлежат I и II книги «Деяний Фридриха», Рахевин же написал две последующие книги этого сочинения.

[171] *Ottonis episcopi Frisingensis* Chronica… P. 340–343.

[172] Chronicon Monacense / Ed. A.Domanovszky // SRH. Vol. II. P. 53–86.

[173] *Szovák K.* és *Veszprémy L.* Kronikák, legendák, intelmek. 763. l.

[174] SRH. Vol. II. P. 81.

К третьей группе принадлежит хроника Генриха из Мюгельна (городка, находящегося в окрестностях Дрездена), составленная между 1358 и 1361 г.[175] и доведённая до 1333 г. Поскольку Генрих начал составлять свою хронику одновременно с Марком Кальти, и его произведение, по сути, является переводом Венгерского хроникального свода на средневерхненемецкий язык, можно с достаточной долей уверенности предположить, что в распоряжении Генриха находились те же не дошедшие до нас источники или их копии, которыми пользовался автор первой редакции «Композиции венгерских хроник XIV в.», а также материал, не использованный Марком Кальти.

Это подтверждается тем, что в хронике Генриха из Мюгельна встречаются крупицы информации, отсутствующие во всех списках «Композиции венгерских хроник XIV в.». Одна из них прямо касается истории русско-венгерских отношений рассматриваемого периода. По свидетельству Генриха, открывающему главу 53 его хроники, во время нахождения Гезы II на Руси Венгрия подверглась нападению византийского императора Мануила Комнина (1143–1180)[176]. Это известие не датировано, что не даёт исследователям возможности точно определить, к какому именно походу Гезы II на Русь оно относится.

Ранние польские хроники. В самых древних из дошедших до нас исторических сочинений, написанных в Польше, русско-венгерские отношения восстанавливаются по косвенным данным в рассказах о привлечении польскими королями военной помощи соседних государей, прежде всего русских князей и венгерских королей. Имеющиеся в нашем распоряжении польские средневековые хроники дают крайне мало датировок описываемых событий, а немногочисленные *рочники* (анналы), составлявшиеся в некоторых храмах Польши, сами по себе малоинформативны и не содержат никаких сведений, касающихся темы настоящего исследования.

---

[175] Chronicon *Henrici de Mügeln* / Ed. E. Travnik // SRH. Vol. II. P. 87–223. О дате написания хроники см. *Szovák K.* és *Veszprémy L.* Op. cit. 763. l.
[176] SRH. Vol. II. P. 199.

Наиболее ранним из дошедших до нас польских исторических сочинений считается *Хроника Галла Анонима*[177]. Это произведение, по мнению большинства исследователей, было составлено между 1107 и 1113 гг.[178] Для Галла Анонима характерен красочный, подчас вычурный язык с большой долей чисто риторических пассажей. Поскольку хронист жил в рассматриваемое время, информация II и III книг его сочинения, описывающих начало XII в., признается исследователями вполне достоверной.

Книга II Хроники Галла Анонима содержит четыре известия, прямо или косвенно касающихся темы настоящего исследования. В главе 29 польский хронист сообщает о бегстве венгерского принца Алмоша к польскому князю Болеславу III Кривоустому (1102–1138) [179]. При этом Галл Аноним утверждает, что Алмош был принят Болеславом «по закону гостеприимства», хотя, как известно из ПВЛ, оба они были женаты на дочерях киевского князя Святополка Изяславича (1093–1113)[180], т. е. являлись свояками. Остальные три известия связаны с борьбой Болеслава III Кривоустого с братом Збигневом. В главе 36 сообщается о поисках Болеславом военной помощи на Руси и в Венгрии[181], что имело место в 1106 г.[182] В этом же или следующем году русские и венгерские отряды воюют на стороне Болеслава III со Збигневом, о чём Галл сообщает в главе 38 книги II своей хроники[183], а зимой 1107/8 г. Болеслав III, по свидетельству Галла (II, 41) с русской и венгерской помощью разгромил своего мятежного брата[184].

В книге III Хроники Галла Анонима содержится всего одно упоминание, касающееся темы настоящего исследования, – об обращении Болеслава III за помощью к «русским и паннонцам» для отпора попыткам германского импе-

---

[177] *Galli Anonymi* Chronicae et Gesta Ducum sive Principum Polonorum / Wyd., wstęp. i kom. opatrzył K. Maleczyński // Monumenta Poloniae historica. Nova series [далее: MPH. NS]. T. II. Kraków, 1952. Русский пер.: *Галл Аноним*. Хроника и деяния князей или правителей польских. Предисл., пер. и примеч. Л. М. Поповой / Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы. М., 1961.
[178] *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 35.
[179] MPH. NS. T. II. P. 97–98; *Галл Аноним*. Хроника и деяния князей или правителей польских. С. 89.
[180] ПСРЛ. Т. I. Стб. 276, 280; Т. II. Стб. 252, 256.
[181] MPH. NS. II. P. 106–107.
[182] Это событие датируется исследователями по ПВЛ (см. выше).
[183] MPH. NS. II. P. 108–109.
[184] Ibid. P. 111.

ратора Генриха V (1106–1125) силой посадить на польский престол Збигнева (гл. 4)[185]. При этом в описании Галлом само́й польско-немецкой войны (III, 5–12), датируемой историками 1109 г., ничего не сообщается об участии русских и венгерских отрядов в боевых действиях.

В отличие от Галла Анонима создатель другого масштабного исторического сочинения, написанного в Польше в раннее Средневековье, – магистр Винцентий Кадлубек (1160–1223), работавший над своей хроникой в конце XII – начале XIII в.[186], не упоминает об участии русских и венгерских отрядов на стороне Болеслава Кривоустого в его борьбе со Збигневом, хотя сочинение Кадлубка описывает события с глубокой древности до 1202 г. «*Польская хроника магистра Винцентия*»[187] содержит известия о более поздних событиях из истории русско-венгерских отношений XII в. Увлечение Кадлубка «цветами красноречия» и пространными дидактическими рассуждениями ставит перед исследователями проблему выделения в его тексте конкретной информации о реальных фактах.

В книге III этого труда дважды упоминается некий Паннонец[188], которого некоторые исследователи пытались отождествить с претендентом на венгерский престол Борисом Калмановичем[189]. В главе 22 Кадлубек рассказывает сначала о благородном поступке галицкого князя Владимира Володаревича (хронист называет его Владаридом), не пожалевшего денег на выкуп из плена своего отца Владария (Володаря Ростиславича), а затем – о совместной затее Паннонца и Владарида, в результате которой Паннонец, войдя в доверие к Болеславу III и получив от него в управление пограничную с Русью крепость Вислицу, помог Владариду внезапным набегом разорить эту крепость. В конце этой же главы Кадлубек пишет о жестокой казни, учинённой Владаридом над Паннонцем, поскольку предательство последнего было настолько

---

[185] Ibid. P. 133.
[186] *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 78–79.
[187] *Magistri Vincentii* Chronicon Polonorum / Ed. A. Bielowski // Monumenta Poloniae historica [далее: MPH]. T. II. Lwów, 1872. P. 193–449.
[188] Паннонцами Винцентий Кадлубек называет на античный лад венгров.
[189] Сводку мнений см.: *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 121 и примеч. 9.

вопиющим, что князь опасался сам стать жертвой козней своего сообщника[190].

Последний факт разрушает любые попытки отождествления Паннонца с Борисом Калмановичем, поскольку, во-первых, рассмотренный выше рассказ Венгерского хроникального свода о прохождении Бориса по территории Венгрии в составе крестоносного войска французского короля Людовика VII ярко показывает, что Борис в 1147 г. был вполне здоровым и физически ловким человеком, а во-вторых, как свидетельствуют византийские источники, во время войн Мануила I Комнина с Гезой II в конце 40-х – начале 50-х годов XII в. (см. ниже) Борис отнюдь не был таким искалеченным до тяжёлой формы инвалидности человеком, каким стал Паннонец после учинённой над ним казни. В главе 24 книги III магистр Винцентий повествует о том, как Болеслав Кривоустый в отместку за погром Вислицы жестоко разорил владения «Владарида», отомстив коварному и вероломному князю и Паннонцу[191]. Оба рассмотренных сюжета не имеют у Кадлубка никаких датировок[192].

В главе 15 книги IV своей хроники Винцентий Кадлубек описывает события, связанные с борьбой Владимира Ярославича за галичское княжение. Как указывалось выше, версия Кадлубка, в отличие от краткого рассказа Ипатьевской летописи, представляет собой более пространное повествование, где также присутствуют дидактические рассуждения и «цветы красноречия». Хотя некоторые из приведённых здесь фактов описаны в Киевской (Ипатьевской) летописи (бегство Владимира в Венгрию и коварство Белы III, посадившего своего сына на галицкое княжение, бегство Владимира из башни, куда его заточил венгерский король, и роль краковского палатина Николая в возвращении Галича Владимиру Ярославичу), всё же есть и серьезные отличия.

---

[190] MPH. T. II. P. 354–356.
[191] Ibid. P. 358.
[192] Точная дата разорения Вислицы, но без указания тех, кто это сделал, содержится в рочниках – Краковского капитула, Траски и Сендживойа (Ibid. P. 797, 832, 875) и других, более поздних польских средневековых исторических сочинениях.

Так, Кадлубек свидетельствует о том, что приход Романа Мстиславича в Галич после бегства Владимира в Венгрию был санкционирован краковским князем Казимиром II Справедливым (1177–1194). Кроме того, по утверждению магистра Винцентия, «… преступник (Владимир Ярославич. – *М. Ю.*) был изгнан Казимиром»[193]. Кадлубек также повествует о набегах Владимира Ярославича на владения Казимира, покаянии князя-изгоя перед Казимиром, после которого краковский правитель помог Владимиру вернуть родовой Галич. Эти свидетельства Кадлубка соответствуют нарисованной им картине зависимости от прославляемого им польского князя части юго-западной Руси, непосредственно соседившей с Польшей, однако это никак не подтверждается русскими летописями. В результате возникают вопросы: когда и откуда Владимир Ярославич был изгнан по приказу Казимира? К какому времени относятся набеги лишённого галичской волости князя, за что он потом покаялся перед Казимиром и получил от него помощь для возвращения Галича?

Что касается ответа на первый вопрос, то, скорее всего, никакого отношения к фактическому изгнанию Владимира Ярославича из Галича Казимир II не имел, иначе это нашло бы отражение в Ипатьевской летописи, описывающей этот сюжет достаточно подробно (см. выше). Следовательно, всё это является домыслом Кадлубка. Ответ на второй вопрос значительно сложнее. К сожалению, исследователи до сих пор не рассмотрели эту проблему с хронологической точки зрения, на что обращено внимание в главе VIII настоящей работы.

Последний эпизод хроники Винцентия Кадлубка, косвенно связанный с русско-венгерскими отношениями XII в., находится в главе 16 книги IV этого сочинения[194]. По свидетельству магистра Винцентия, возвращение галичского стола Владимиру Ярославичу вызвало выступление против палатина Николая имевшей большое влияние в Кракове провенгерской «партии», обви-

[193] „...sceleris auctor in exsilium est a Casimiro actus” (Ibid. P. 413).
[194] Ibid. P. 415–418.

нившей популярного вельможу в подрыве основ безопасности Польши, которой теперь угрожала война с венгерским королём. Об активных боевых действиях между поляками и венграми вскоре после восстановления Владимира на галицком княжении Кадлубек и другие источники не сообщают, а в главе 18 книги IV рассматриваемого источника содержатся известия о замирении венгерского короля с краковским князем[195].

Дело магистра Винцентия по созданию общепольского хроникального свода продолжили составители *Великопольской хроники* (Chronicon Poloniae maioris)[196], которые не только дополнили труд Кадлубка описанием событий, произошедших «с 1202 по 1273 г., но и включили в него новые сведения, почерпнутые из других источников»[197]. Поскольку в нашем распоряжении нет письменных памятников, откуда могли быть взяты эти дополнения, «существует точка зрения, что большинство вставок не принадлежит автору Великопольской хроники и заимствовано из не дошедшего до нас более позднего сочинения Винцентия Кадлубка…»[198]. В то же время, в главе 89 рассматриваемого источника содержится рассказ от первого лица, написанный познаньским епископом Богухвалом (ум. в 1264), а в главе 145 – аналогичный рассказ познаньского кустоша Годислава Башко (ум. после 1269), которых долгое время считали авторами дошедшего до нас текста Великопольской хроники, пока чешский исследователь Г. Добнер не обнаружил не известный до того времени её список – т. н. «рукопись Годийовского», на основании текста которой это историческое сочинение не могло возникнуть ранее 1295 г.[199]

Первым сюжетом Великопольской хроники, относящимся к истории русско-венгерских отношений первой половины XII в., является описание в главе 27 судьбы пограничной области Спиш (*венг*. Сепеш), некогда принадле-

---

[195] Ibid. P. 420–421.
[196] Kronika Wielkopolska / Wyd. B. Kürbis // MPH. NS. T. VIII. Warszawa, 1970.
[197] «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях. Пер. Л. М. Поповой. Вступ. статья и комм. Н. И. Щавелевой. Под ред. В. Л. Янина. М., 1987. С. 8.
[198] Там же. С. 8 и примеч. 8. Ссылка на: *Kürbis B.* Wstęp do wydania Kroniki Wielkpolskiej // MPH. NS. T. VIII. P. XV.
[199] Подробнее об этом см.: «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях. С. 12–13.

жавшей польским князьям и попавшей в руки венгров благодаря хитроумной операции, в ходе которой в обмен на Спиш Болеслав III получил от своего венгерского зятя перемышльскую «каштелянию», которую так и не смог присоединить к своим владениям[200]. Это известие рассматриваемого источника является уникальным. Оно не датировано и, скорее всего, недостоверно, поскольку обман польского князя приписывается сыну неизвестного венгерского короля Коломану, за которого Болеслав выдал дочь от своей русской жены и которого он «назначил королём над галичанами и велел его короновать»[201]. Хотя другие польские анналы датируют свадьбу дочери Болеслава III с венгерским королём 1123 или 1136 г.[202], судя по контексту описываемых в данном отрывке Великопольской хроники событий, её автор смешал воедино предание о принадлежности в эпоху складывания Польского государства Спиша к владениям Пястов и реальный факт поддержки поляками стремления венгерских королей утвердиться в юго-западной Руси после смерти Романа Мстиславича в 1205 г.[203] Ряд историков XIX в. пытались объяснить очевидный анахронизм рассматриваемого сюжета Великопольской хроники тем, что речь в данном случае идёт о Борисе Калмановиче[204].

Рассказ о выкупе Владимиром Володаревичем своего отца, переходящий в описание коварства «какого-то знатного из Паннонии», передан в Великопольской хронике (г. 28)[205] практически теми же словами, что и в её источнике – хронике Винцентия Кадлубка (см. выше). Так же, как Винцентий Кадлубек, составитель рассматриваемой хроники обращает внимание на «изгнанника из Паннонии» в связи с тем, что последний сдал отданный ему в управление город Вислицу врагу – «сыну Володаря»[206]. В этой же главе 29 не только приведена точная дата разрушения Вислицы Владимиром Володаре-

---

[200] MPH. NS. VIII. P. 39.
[201] Ibid.
[202] Ibid. T. II. P. 822; T. III. P. 152.
[203] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 348–350.
[204] Обзор рассуждений историков, на основании которых они делали вывод о том, что Борис Калманович был зятем Болеслава III Кривоустого, см.: *Wertner Mór.* Az Árpádok családi története. Nagybecskerek, 1892. 259–276. l.
[205] MPH. NS. VIII. P. 40; «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях… С. 97.
[206] MPH. NS. VIII. P. 42; «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях… С. 102.

вичем (8 февраля 1135 г.), но и сообщается о последующих «бесчинствах» галичского князя, якобы нанесшего «Паннонцу» тяжкие телесные повреждения, и о жестокой мести Болеслава III «сыну Володаря»[207]. Как указывалось выше, этот сюжет никак не мог быть связан с деятельностью Бориса Калмановича.

Глава 30 «Великопольской хроники» называется «Об изгнании Коломана, короля Галиции»[208], что уже само по себе имеет прямое отношение к теме настоящего исследования. Глава это достаточно большая по объему, но малоинформативная, поскольку значительную её часть составляют вымышленные диалоги, назидательные примеры, написанные в жанре притч и т. п. При этом хронист не называет имени изгнанного князя, что даёт повод некоторым исследователям связывать описываемые события с безуспешными попытками Бориса Калмановича захватить венгерский престол, которые он предпринимал с польской помощью в 1132–1134 гг.[209]

Один из сюжетов главы 32 «Великопольской хроники» – описание сражения под Познанью (1146)[210] – содержит данные об отношении венгров и русских к междоусобной войне сыновей Болеслава III. Здесь говорится об участии некоего князя русских, родственника Владислава II, в познаньских событиях. По мнению исследователей, это был один из черниговских князей[211]. Венгрия также упоминается в этой главе, но лишь как место временного прибежища Владислава II, изгнанного братьями из Кракова.

Большую и неразрешимую для исследователей загадку представляет текст главы 39 рассматриваемого источника. В первой половине этой главы рассказывается об удачном походе Казимира II на Берестье в 1182 г., после чего краковский князь неожиданно приходит в Галич, где восстанавливает на княжеском столе сына своей сестры, отцом которого был некий венгерский королевич. Ни венгерские хроники, ни русские летописи не упоминают не

---

[207] MPH. NS. VIII. P. 43; «Великая хроника о Польше, Руси и их соседях… С. 103.
[208] MPH. NS. VIII. P. 43–45; «Великая хроника о Польше, Руси и их соседях… С. 103–106.
[209] Библиографию см.: Там же. С. 220 и примеч. 4 к гл. 30.
[210] MPH. NS. VIII. P. 47; «Великая хроника о Польше, Руси и их соседях…» С. 110.
[211] Библиографию работ по этой проблеме см.: Там же. С. 221 и примеч. 8 к гл. 32.

только о походе поляков на Галич в 1182 г. или в ближайшие к нему годы, но и вообще не знают о том, что какая-то из сестёр Казимира II была замужем сначала за сыном венгерского короля, тем более – изгнанного из Венгрии, а затем отдана замуж краковским князем Болеславым IV Кудрявым (1146–1173) за представителя рода Рюриковичей, которому этот князь якобы отдал в управление Галич[212].

События, связанные с борьбой за галицкий стол после смерти Ярослава Осмомысла (1187), описаны в главе 40 и в начале главы 41 Великопольской хроники. Представленная здесь версия выглядит более правдоподобной, чем та, что приводит в своей хронике магистр Винцентий Кадлубек. По крайней мере, здесь видна чёткая хронологическая канва событий, связанных с борьбой Владимира Ярославича за возвращение потерянной отчины: после бегства из башни князь-изгой «находится в русских землях, довольствуясь только отцовским наследством», т. е. Перемышлем, откуда он совершает дерзкие нападения на соседние польские земли, потом Владимир кается перед Казимиром и получает войско во главе с палатином Николаем, с помощью которого возвращает себе Галицкое княжество. При этом не возникает, как в случае с версией Кадлубка, вопросов о том, откуда был изгнан дерзкий Владимир Ярославич (явно из Перемышля) и когда (это могло произойти во второй половине 1189 или в начале 1190 г.). В качестве естественной причины, побудившей Владимира совершать разорительные набеги на владения Казимира II (1177–1194), мог быть отказ краковского князя выполнить повеление Фридриха I Барбароссы (1152–1190), отправившегося в крестовый поход в Святую землю и потому не имевшего возможности заставить своего вассала исполнить его волю[213].

Эпизоды, связанные с выступлением стремившейся к миру с Белой III краковской знати против палатина Николая и последующим замирением между венгерским королём и Казимиром II, описаны в главе 42 Великополь-

[212] О версиях, выдвигавшихся историками в попытках определить, о каких князьях идёт речь в рассматриваемой главе, см.: Там же. С. 225, примеч. 4, 7, 8.
[213] Подробнее об этом см. ниже (глава VIII).

ской хроники. Никаких новых сведений по сравнению с данными Кадлубка здесь не содержится. Более при описании событий XII в. рассматриваемый источник венгров не упоминает.

Таким образом, польские средневековые исторические сочинения являются вторыми по объему информации среди групп источников по истории русско-венгерских отношений XII в., но значительно уступают венгерским хроникам по степени информативности. Кроме того, в ряде случаев польские хронисты имели смутное представление о героях описываемых ими событий, что ярко проявилось в рассказе о «неком Паннонце», а также плохо знали венгерскую историю, следствием чего стало приписывание ими Калману Книжнику деяний, имевших место через несколько лет после его смерти.

Польские историки эпохи Возрождения. Автором, написавшим самое крупное произведение польской средневековой исторической литературы, стал Ян Длугош (1415–1480). Хотя его труд, который принято называть «Польской историей», был создан в обстановке распространения по всей Европе гуманистических идей, по характеру описания и идейной направленности он является типично средневековым сочинением, написанным в форме анналов. Состоящий из 12 книг и доведённый до года смерти автора (1480) труд Длугоша описывает события XII в. в книгах IV–VI [214].

Основными источниками Я. Длугошу послужили сочинения его предшественников – польских хронистов классического Средневековья, а также имевшиеся в его распоряжении русские летописи. Я. Длугош, специально выучивший для работы с не привлекавшимися прежними польскими хронистами источниками русский язык, как правило, приводит в своём многотомном труде не переводы русских известий на латынь, а их пересказ, зачастую в духе прославления деяний польских королей, не гнушаясь искажения информации о реальных фактах. Отечественными исследователями и русскими

[214] В настоящей работе использованы следующие тома научного издания «Польской истории» Яна Длугоша: *Ioannis Dlugossii* Annales seu Chronicae incliti regni Poloniae. Varsaviae, T. II. 1970. Libri III–IV; T. III. 1973. Libri V–VI / Textum rec. D. Turkowska, adiutr. M. Kowalczyk; moder. M. Plezia; comment. confec. C. Peradzka.

историками, работавшими в эмиграции, неоднократно предпринимались попытки установления использованных Я. Длугошем летописных источников[215].

Весьма неряшливо относится Я. Длугош к хронологии событий, о которых он узнал из летописных произведений, помещая рассказы о них с ошибками в несколько лет, которые нельзя объяснить датировками их ультрамартовским стилем источника, использованного польским историком. По мнению Д. В. Карнаухова, «разница в датировках, по всей видимости, была обусловлена «полоноцентристской» ориентацией хроники Я. Длугоша, в результате чего очерки о событиях русской истории интегрировались в канву описания политической ситуации в самой Польше»[216]. Иногда Я. Длугош повествует под одним годом о событиях, происходивших на Руси в течение нескольких лет, как, например, в описании борьбы Изяслава Мстиславича за киевский стол в 1147–1149 гг., где краткий пересказ некоторых сюжетов русских летописей весь помещен под 1147 г.[217]

Эти и другие недостатки рассматриваемого произведения Яна Длугоша ярко проявляются в его сведениях, касающихся русско-венгерских отношений XII в. Среди них рассказ об участии русских и венгерских отрядов в войне Болеслава III Кривоустого (1102–1138) с братом Збигневом написан на основе сочинения Галла Анонима, рассказ о взятии г. Вислицы с помощью предательства некоего «Паннонца» – на основе сочинения Винцентия Кадлубка, а повествование о том, как находившиеся в Польше представители русской и венгерской знати побудили Болеслава III совершить поход в юго-западную Русь, где он попал в засаду и потерпел поражение, – по материалам Великопольской хроники[218].

---

[215] Новейший обзор мнений см.: *Карнаухов Д. В*. Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения. Новосибирск, 2010. С. 32–38.

[216] Там же. С. 102.

[217] *Ioannis Dlugossii* Annales seu Chronicae… T. III. P. 42–43. См. также: *Щавелева Н. И*. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Книги I–VI). Текст, пер., комм. Под ред. и с доп. А. В. Назаренко. М., 2004. С. 166–167 (текст), 319–320 (пер.). Далее дополнения, сделанные А. В. Назаренко в это издание, обозначаются: *Назаренко А. В*. Дополнения.

[218] Ibid. T. II. P. 229–231, 324–326, 328–333. См. также: *Щавелева Н. И*. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша… С. 144 – 145, 156–157, 158–161 (текст), 296, 309–310, 311–314 (пер.).

Рассказ о безуспешной попытке Ярослава Святополковича вернуть в 1123 г. с венгерской помощью потерянную им ранее волость представляет собой изложение известных нам из летописей сведений, но с отсутствующими в древнерусских источниках деталями. Кроме того, Я. Длугош придаёт описываемым событиям больший масштаб, свидетельствуя о том, что Ярослав погиб под стенами Киева, а не Владимира-Волынского, поскольку Волынь якобы была завоевана войском Болеслава III и венгерскими отрядами, которыми руководил неизвестный по другим источникам брат короля (Иштвана II)[219]. Сам по себе рассматриваемый рассказ ближе к описанию это события в Венгерском хроникальном своде XIV в., чем к тексту русских летописей[220].

Под 1134 г. Я. Длугош помещает рассказ о коварном захвате польским вельможей Петром Влостовичем киевского князя Ярополка Владимировича, являющийся от начала до конца плодом фантазии хрониста[221]. Помимо путаницы с именами и датами (на самом деле Петр Влостович похитил перемышльского князя Володаря Ростиславича в 1122 г.) Я. Длугош сочинил пространную речь Ярополка, с которой тот якобы выступал перед другими князьями. Основной пафос речи направлен против «угнетателей»-поляков, которые заставляют своих русских вассалов воевать с венграми и чехами.

Ряд известий «Польской истории» Яна Длугоша, касающихся русско-венгерских отношений, являются уникальными. Под 1121 г. здесь сообщается о приглашении на свадьбу Владислава, сына Болеслава III, его «зятя венгерского короля Стефана с первыми из венгерских баронов», его «тестя владимирского князя Ярослава, а также других князей Руси…»[222]. Хотя информация о том, что Иштван II женился на дочери Болеслава III, содержится в Великопольской хронике (гл. 27), она никак не подтверждается другими источниками. Что же касается утверждения Я. Длугоша о том, что Ярослав

---

[219] У Иштвана II не было братьев, что заставило его завещать престол своему двоюродному брату Беле II, ослеплённому в свое время по приказу отца Иштвана Калмана Книжника.

[220] *Назаренко А. В.* Дополнения // *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша»… С. 417 и комм. 266.

[221] *Ioannis Dlugossii* Annales… T. IV. P. 320–325. См. также: *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С. 154–156 (текст), С. 306–309 (пер.).

[222] Ibid. P. 293. См. также: *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С. 149 (текст), С. 301 (пер.).

Святополкович был тестем Болеслава, то это, скорее всего, является следствием путаницы в терминах родства (шурин – тесть), допущенной Я. Длугошем[223].

Под 1122 г. Я. Длугош сообщает о союзе Володаря Ростиславича после освобождения из польского плена с «братом» венгерского короля Калманом[224], о котором, как указывалось выше, нет известий в других источниках. В 1127 г., по свидетельству Я. Длугоша, венгры участвовали в междоусобиях Володаревичей[225]. Параллели к этой информации находятся только у В. Н. Татищева, но во второй редакции «Истории Российской» изложение этого сюжета более подробное[226]. Под 1138 г. Я. Длугош пишет о переживаниях Болеслава III по поводу отсутствия у него возможности отомстить русским и венграм, заманившим его на Русь годом ранее[227]. Сам тон этого повествования и его уникальность не оставляет сомнений в том, что оно было сочинено самим Я. Длугошем.

О военной помощи, оказанной Гезой II Изяславу Мстиславичу в 1152 г. против Владимира Володаревича, Я. Длугош рассказывает под 1154 г., кратко пересказывая текст источника, близкого к Ипатьевской летописи[228]. Ещё более запутанной по сравнению с версиями В. Кадлубка и Великопольской хроники выглядит описание Я. Длугошем событий похода Казимира II на Русь, якобы совершенного в 1182 г. Здесь, помимо новых подробностей, названо и имя мифического «сына сестры» краковского князя – Мстислав, что никак не способствует его идентификации и успеху поисков ответа на вопрос о том, какие реальные события отразились в этом рассказе[229].

---

[223] *Назаренко А. В.* Дополнения. С.415 и примеч. 263.
[224] *Ioannis Dlugossii* Annales... T. II. P. 295. См. также: *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С. 149–150 (текст), 301–302 (пер.).
[225] Ibid. P. 308. См. также: *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С. 153 (текст), 305–306 (пер.).
[226] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. II. С. 138. См. об этом: *Назаренко А. В.* Дополнения. С. 419 и примеч. 273.
[227] *Ioannis Dlugossii Annales*… T. II. P. 335. См. также: *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С. 161 (текст), 314 (пер.)
[228] *Ioannis Dlugossii Annales*…. T. III. P. 54. См. также: *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С. 168 (текст), 321 (пер.); *Назаренко А. В.* Дополнения. С. 427–428 (примеч. 298).
[229] *Ioannis Dlugossii* Annales... T. III . P. 129. См. также: *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С. 177 (текст), 329 (пер.); *Назаренко А. В.* Дополнения. С. 435–436 (примеч. 318).

Описание борьбы за галичское княжение, главным претендентом на которое был Владимир Ярославич, занимает в «Польской истории» Яна Длугоша три годовых статьи: большую часть статей под 1185, 1187 и 1188 г. Что касается первой из названных статей, то в ней Я. Длугош – вопреки достоверной картине событий, которую рисует Ипатьевская летопись, – завершает изложение мифа о князе Мстиславе, якобы получившем Галич от Казимира II и отравленном не любившими его галичанами[230]. Именно отравление неизвестного русским летописцам Мстислава, а не смерть Ярослава Осмомысла, стало, по мнению Я. Длугоша, причиной развернувшейся борьбы за галичское княжение, причём Владимир уже тогда находился в Венгрии. Заканчивается часть статьи под 1185 г., посвящённая рассматриваемым событиям, описанием положения галичан, попавших под власть венгров[231].

В начальной части статьи под 1187 г. Я. Длугош описывает страдания Владимира Ярославича, бежавшего из венгерского плена и не имевшего сил для возвращения своей волости. Так же, как В. Кадлубек и автор параллельного текста Великопольской хроники, Я. Длугош ничего не сообщает о приказании Фридриха Барбароссы Казимиру II вернуть Владимиру Галич. В то же время автор «Польской истории» добавлением новых подробностей углубляет картину тяжёлой судьбы князя-изгоя, совершающего набеги на польские земли с собравшимися вокруг него разбойниками. Таким образом, Длугош в данном случае не только подтверждает, но и развивает версию о том, что набеги Владимира Ярославича на Польшу имели место после его бегства из Венгрии. Правда, при этом польский хронист объясняет причину этих нападений неспособностью Владимира отвоевать у венгров свою отчину[232].

Завершает Ян Длугош описание борьбы за возвращение Галича Владимиром Ярославичем в статье под 1188 г. В самом её начале описывается покая-

---

[230] Поскольку, по свидетельству Густинской летописи (ПСРЛ. Т. XL С. 102), примерно в это время был отравлен незаконнорожденный сын Ярослава Осмомысла Олег «Настасьич», исследователи видят здесь отголоски именно этого события. См.: «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях. С. 225, примеч. 8 к гл. 39.

[231] *Ioannis Dlugossii* Annales... T. III. P. 136–137. См. также: *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С. 178–179 (текст), 330–331 (пер.).

[232] *Ioannis Dlugossii* Annales... T. III. P. 141–142. См. также: *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С. 179–180 (текст), 331–332 (пер.)

ние Владимира перед Казимиром, после чего следует рассказ о походе краковского палатина Николая на Галич. Здесь намного меньше «цветов красноречия» и дидактических рассуждений, чем в сочинении В. Кадлубка и Великопольской хронике, но добавлены (явно самим Я. Длугошем) дополнительные подробности о поведении венгров в осаждённом поляками Галиче[233].

Описанию событий, показывающих ухудшение венгерско-польских отношений после изгнания венгров из Галича, ход переговорного процесса, приведшего к заключению перемирия на три года, выступление краковской знати против палатина Николая и подписание мирного договора между Казимиром II и Белой III, автор «Польской истории» отводит место, соответственно, под 1189, 1190, 1191 и 1193 гг.[234] Поскольку в Великопольской хронике параллельная информация занимает значительно меньше места и находится в начале и конце одной главы (42), по всей видимости, значительную часть рассматриваемого текста занимают сочинённые Я. Длугошем подробности. Под 1190 и 1191 гг. Я. Длугош пишет о нападениях венгров на польские земли, но из его рассказа можно сделать вывод о том, что эта война имела локальный характер, без продвижения венгерских отрядов вглубь Польши. Ни В. Кадлубек[235], ни Великопольская хроника не сообщают о боевых действиях, а лишь свидетельствуют об угрозе вторжения войска Белы III.

Таким образом, «Польская история» Яна Длугоша не содержит достоверных дополнительных сведений по истории русско-венгерских отношений XII в. Практически вся информация, отсутствующая у его предшественников и в имевшихся в его распоряжении русских летописях (текст которых он, как правило, кратко пересказывает), является плодом фантазии хрониста, стремившегося сделать свое изложение более пространным и понятным. Однако

---

[233] *Ioannis Dlugossii* Annales... T. III. P. 142–144. См. также: *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С. 180–182 (текст), 333–334 (пер.).

[234] *Ioannis Dlugossii* Annales... T. III. P. 145, 147, 148–151, 154. См. также: *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С. 182–184 (текст), 334–337 (пер.).

[235] В научном издании хроники Винцентия Кадлубка при этом приведён параллельный текст т. н. Хроники Межвы (Дежвы), составленной в начале XIV в. (MPH. T. II. P. 414–415), в котором также отсутствуют сведения о боевых действиях между поляками и венграми. А. В. Назаренко предположил в данном случае «вольную интерпретацию Длугошем не вполне ясного повествования Кадлубка (IV, 16) и Дежвы…» (*Назаренко А. В.* Дополнения. С. 438, примеч. 326).

сообщаемые автором «Польской истории» уникальные сведения важны с точки зрения решения проблемы происхождения некоторых «татищевских известий». Многие из них, даже если они взяты В. Н. Татищевым из сочинений других польских историков эпохи Возрождения – Мачея Меховия (1457–1523), Марчина Кромера (1512–1589), Мачея Стрыйковского (1547–1590) и др., – в конечном счёте восходят к многотомному труду Яна Длугоша.

Чешские хронисты XII в. Среди авторов исторических сочинений, возникших в средневековой Чехии, конкретные сведения о русско-венгерских отношениях рассматриваемого времени содержатся лишь в продолжении «Чешской хроники» Козьмы Пражского, автора которого принято называть *Каноником Вышеградским*. Этот не известный по имени клирик написал ок. 1141 г. продолжение труда Козьмы, охватывающее период 1131–1140 гг., которым он дополнил свои более ранние записи за 1126–1130 гг., появлявшиеся вскоре после совершения событий, которые Каноник Вышегралский счёл достойными увековечения для потомков.

С точки зрения темы настоящего исследования представляет интерес описание неизвестным чешским клириком событий 1132 г., когда чешский князь Собеслав I (1125–1140) принял активное участие в войне польского князя Болеслава III Кривоустого с Белой II на стороне последнего. Как известно, Болеслав был в то время последовательным сторонником Бориса Калмановича. В связи с этим Каноник Вышеградский объясняет своим читателям причины борьбы Бориса за власть и даёт краткую справку о происхождении Бориса, не называя его незаконнорожденным, но свидетельствуя о том, что его мать была «прогнана своим супругом» и родила сына уже на Руси. При этом анонимный клирик нигде не называет имён ни Бориса, ни его матери[236].

Намёки на попытку втянуть киевского князя Изяслава Мстиславича (1146–1149, 1150, 1151–1154) в очередной виток борьбы за венгерский престол на

[236] См.: *Canonici Wissegradensis* Continuatio Cosmae / Ed. R. Koepke // Fontes rerum Bohemicarum (далее: FRB). T. II. Fasc. 2. Pragae, 1874. P. 215.

стороне Бориса Калмановича можно усмотреть в известии *Винцентия Пражского*, написавшего в своих «Анналах» (созданных ок. 1170 г.) о том, что в 1148 г. чешский князь Владислав II (1140–1172) возвращался на родину из II крестового похода через Киев[237]. Как раз в это время, как показано в главе VI настоящего исследования, германский король Конрад III вынашивал планы создания очередной антивенгерской коалиции, призванной посадить на трон Арпадов Бориса Калмановича.

4. Византийские источники

Поскольку в первой половине XII в. русские и венгры не совершали совместных походов на державу Комнинов (если не считать одно из «татищевских известий», о котором говорится выше), византийские исторические сочинения крайне скупы на известия о контактах между названными соседними народами и их государями. Исключением в этом плане является эпоха Гезы II (1141–1162). Правда, и здесь в нашем распоряжении нет большого количества известий различных нарративных источников.

Единственным оригинальным византийским хронистом, сообщающим некоторые подробности о действиях императора Мануила I Комнина (1143–1180) против Гезы II в защиту галицкого князя Владимира Володаревича в 1150 г., является Иоанн Киннам (ок. 1143 – после 1185), написавший «Историю»[238], посвящённую деяниям названного императора и его отца Иоанна II Комнина (1118–1143). «За Иоанном Киннамом в византиноведении прочно укрепилась слава надёжного достоверного историографа XII в., описавшего события, современником которых он был»[239]. Таково мнение современного исследователя М. В. Бибикова. Однако, недобросовестность Киннама показал

---

[237] *Vincentii canonici Pragensis et Gerlachi abbatis Miloviensis* Annales / Ed. J. Emler // FRB. II/2. Pragae, 1874. P. 417.

[238] *Ioannis Cinnami* Epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum / Rec. A. Meineke. Bonnae, 1836. Отрывки из сочинения Киннама, посвящённые истории Восточной Европы и содержащиеся в древнейшей рукописи этого памятника (Cod. Vatic. Gr. 163), с переводом на русский и язык и комментариями см.: *Бибиков М. В.* Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. М., 1997.

[239] Там же. С. 18.

путём сравнения некоторых известий этого хрониста с параллельной информацией литературных сочинений, созданных в середине XII в. византийскими придворными поэтами и риторами по поводу знаменательных побед Мануила I, венгерский историк Ференц Макк. В историческом труде Иоанна Киннама встречаются некоторые неточности в датировках описываемых событий, а также переданы не все важные подробности военных операций этого василевса[240].

Исследователи датируют написание исторического сочинения Иоанна Киннама временем между 1180–1183 гг., а обнародование – после свержения узурпатора Андроника I Комнина в 1185 г.[241] Многие известия хроники Киннама обнаруживаются в историческом сочинении его младшего современника Никиты Хониата (ок. 1155–1217)[242], но никаких дополнительных сведений, с точки зрения темы настоящей работы, там не содержится. Для названных хронистов характерно типичное для византийских исторических сочинений отношение к жителям Восточной Европы, в том числе русским, как к «северным варварам», которых они, продолжая античную традицию, называли «скифами» (Σκύθαι) или «тавроскифами» (Ταυροσκύθαι). Это ставит перед исследователями проблему идентификации данных этнонимов с конкретными этническими группами, поскольку в одних случаях тот же Киннам называет «тавроскифами», скорее всего, половцев[243], а в других – явно жителей Древней Руси. Следуя такой же более ранней традиции, византийские хронисты называли русских князей «архонтами» (ἄρχων, ἄρχοντες). Что же касается венгров, то они на страницах византийских хроник предстают «гуннами» (Οὖννοι) или «пеонцами» (Παίονες).

---

[240] *Makk Ferenc*. Megjegyzések a II. Géza-kori magyar-bizánci konfrontátio kronológiájához // Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Acta Historica (далее: Acta Historica). T. LXVII. Szeged, 1980. 41–56. l.

[241] *Бибиков М. В*.Византийский историк Иоанн Киннам… С. 18–19.

[242] *Nicetae Choniatae* Historia. Vol. 1–2. Berlin, 1975.

[243] Имеется в виду рассказ о попытке венгерского короля Иштвана III напасть на Византию (в 1164 г.), когда ему на помощь, в числе других, пришли «скифы, живущие у Тавра», в которых исследователи видят половцев. См.: *Бибиков М. В*. Иоанн Киннам… С. 55 (текст), 66 (пер.), 130 (примеч. 194). В данном случае М. В. Бибиков поддерживает точку зрения М. М. Фрейденберга. См.: *Фрейденберг М. М*. Труд Иоанна Киннама как исторический источник // Византийский временник. Т. 16 (1959). С. 37, примеч. 88.

Основная масса известий хроники Иоанна Киннама, касающихся истории русско-венгерских отношений, относится ко второй половине XII в., однако здесь содержится краткое известие о походе Гезы II против галицкого князя Владимира Володаревича, состоявшемся осенью 1150 г. По свидетельству Киннама, венгерский король после удачного похода в Галицкое княжество с большим войском «в страшной ярости» отправился в поход на «ромеев». При этом византийский автор утверждает, что «архонт Галицы» Владимир находился в вассальной зависимости от «ромеев», что побудило Мануила I отомстить Гезе II за нападение на него[244].

Между современными венгерскими и отечественными историками существуют расхождения относительно датировки этого карательного похода – 1150 или 1151 г. соответственно. Первые при этом опираются на обнаруженное Ф. Макком свидетельство придворного поэта – константинопольского ритора Михаила, на основании которого можно сделать вывод о том, что после покорения отпавшей от «империи ромеев» Сербии в том же 1150 г. византийское войско не сразу возвратилось на родину, а совершило нападение на владения Арпадов[245]. Российские же историки поддерживают точку зрения М. В. Бибикова, датирующего рассматриваемый поход исходя из внутренней хронологии сочинения Иоанна Киннама[246]. Автору настоящего исследования представляются верными обе предлагаемые датировки, поскольку Мануил Комнин мог совершить в то время два похода в венгерские земли. Первый из них (1150 г.) представлял собой внезапный набег во время возвращения из Сербии с целью «уколоть» противника и быстро покинуть его территорию. Второй поход (1151 г.) был предпринят василевсом с целью развязывания войны с венгерским королём, а потому был более подготовлен, однако Геза II отказался от продолжения боевых действий. Киннам же умолчал в своей

---

[244] *Ioannes Cinnami*… P. 115; *Бибиков М. В.* Византийский историк Иоанн Киннам… С. 52 (текст), С. 62 (пер.).
[245] *Makk F.* Megjegyzések a II. Géza-kori magyar-bizánci konfrontátio kronológiájához. 46–47. l.
[246] *Бибиков М. В.* Византийский историк Иоанн Киннам… С. 62, 114 и примеч. 98.

хронике о первом походе, видимо, сочтя эту операцию не достойной упоминания[247].

Поскольку Иоанн Киннам посвятил свою хронику эпохе наивысшего расцвета Византии (после Юстиниана I), падающей на время правления Мануила I Комнина (1143–1180), он попытался представить отношения василевса с русскими князьями основывающимися на признании «архонтами тавроскифов» приоритета «империи ромеев» в сфере внешнеполитической деятельности не только Восточной, но и Юго-Восточной Европы. Особенно ярко это проявляется в рассказе о событиях, связанных с бегством на Русь будущего императора Андроника Комнина, которые в рассматриваемом сочинении тесно переплетены с описанием военного противостояния на Балканах между Мануилом I и Иштваном III. Всё это происходило в 1165 г.

Опасавшийся войны с коалицией Венгрии и Галицкого княжества василевс отправил своего дальнего родственника и тёзку Мануила Комнина с посольством в Галич и Киев. Иоанн Киннам описывает эту миссию как во всех отношениях успешную[248], и она действительно принесла определённые успехи: был разрушен план Ярослава Осмомысла выдать дочь замуж за Иштвана III, а значит и сам военный союз Галича и Венгрии против «империи ромеев»; все русские князья, с которыми вёл переговоры Мануил Комнин, обещали прислать свои полки на помощь василевсу. Однако, как показали последующие события, никто из Рюриковичей не направил в 1165 г. свои военные отряды на Балканы.

Рассказывая о том, как византийскому послу удалось расстроить брак галицкой княжны и венгерского короля, Киннам приводит текст послания, которое направил император Мануил Ярославу Осмомыслу[249]. Хронист не всегда точен в именах князей, о которых он повествует. Он знает, что правителем Киева, а значит главным «архонтом» Руси в то время был «Росислав», т.

---

[247] Подробнее об этом см.: *Юрасов М. К.* К вопросу о дате похода Мануила I Комнина в Венгрию в ответ на нападение венгерского короля Гезы II на Галич // Actes testantibus. Ювілейний збірник на пошану Леонтія Войтовича / Відпов. ред. М. Литвин (Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Збірник наукових праць. Вип. 20). Львів, 2011. С. 761–768.

[248] *Бибиков М. В.* Византийский историк Иоанн Киннам… С. 55–56 (текст), 66–67 (пер.).

[249] Там же. С. 55–56 (текст), 67 (пер.).

е. Ростислав Мстиславич (1159–1167, с перерывом), а правителем «Галицы» – Иеруслав, т. е. Ярослав Осмомысл (1153–1187). Правда, последнего он в другом месте называет Примиславом, а ниже пишет явно о другом Примиславе. Историки спорят о том, кто мог скрываться под этим именем[250]. Исходя из того, что Иоанн Киннам упоминает Примислава (не галицкого князя) непосредственно перед сообщением о прибытии посла Мануила Комнина к Ростиславу Мстиславичу, мне представляется, что в данном случае хронист имел в виду князя Переяславля (им в то время был Глеб Юрьевич), поскольку Переяславль Южный был последним княжеским центром на пути вверх по Днепру, которым, скорее всего, воспользовался византийский посол (см. об этом ниже).

5. Восточные источники

Единственным мусульманским писателем, оставившим сведения о русско-венгерских отношениях середины XII в., был Абу Хамид Мухаммад ибн Абд ар-Рахим ал-Гарнати ал-Андалуси (1080–1169/70). Родиной ал-Гарнати была арабская Испания, откуда он более 20 лет совершал путешествия по странам арабского Востока, а также по Восточной и Центральной Европе. Из двух написанных ал-Гарнати сочинений пребывание в Венгрии и на Руси описано в книге «Ясное изложение некоторых чудес Магриба» («Му'риб ан ба'д аджа'иб ал-Магриб»)[251].

В 1150 г. ал-Гарнати совершил путешествие из Саксина (города, возможно, находившегося на месте одной из хазарских столиц – Итиля) через Волжскую Болгарию и Русь в Венгрию, а через три года вернулся в Саксин в обратном направлении. В названном сочинении ал-Гарнати содержится уникальное свидетельство о том, что венгерский король Геза II, отпуская в 1153 г. арабского путешественника к родне, поручил ему передать послание «царю

[250] Обзор мнений см.: Там же. С. 134–135. примеч. 211.

[251] Подробнее о жизни и трудах ал-Гарнати см.: *Коновалова И. Г.* Арабские географы и путешественники XII–XIV вв. // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. Восточные источники. М., 2009. С. 137–139.

славян», под которым следует понимать киевского князя Изяслава Мстиславича[252]. О содержании письма ал-Гарнати ничего не сообщает.

Таким образом, история русско-венгерских отношений XII в. отражена в средневековых нарративных источниках достаточно подробно, хотя и не всегда информативно вследствие увлечения некоторых авторов (прежде всего польских) риторикой и стремлением представить деяния своих королей как можно более героическими. Главной проблемой при использовании летописных источников является установление конкретных действий венгров в описываемых событиях междоусобиц русских князей, а при работе с зарубежными источниками – проблема точной хронологии событий и в ряде случаев – имён исторических деятелей, о которых повествует хронист.

Что касается актового материала, то отсутствие у нас подлинного текста описи владений монастыря св. Дмитрия на Саве не позволяет установить точные даты пожалований, сделанных его монахам галичскими князьями первой половины XII в. Дипломы же, в которых венгерские короли названы в том числе правителями Галича, вызывают сомнения исследователей, поскольку такое добавление в королевский титул является единичным. Дипломы в которых упоминаются отдельные личности, предположительно, русского происхождения, не дают возможности исследователям оценить вклад этих людей в историю русско-венгерских отношений.

[252] Там же. С. 145 и примеч. 95.

ГЛАВА II
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

1. XVIII – первая половина XIX в.

Отечественная историография. Первым попытался критически подойти к информации русских летописей и соотнести её со сведениями, почерпнутыми в сочинениях европейских историков, Василий Никитич Татищев (1686–1750). Как указывалось выше, в написанной им «Истории Российской»[253], дошедшей до нас в нескольких рукописях, среди которых принято различать две редакции, можно встретить сводку известий различных летописных памятников, в том числе считающихся безвозвратно утерянными, известия иностранных источников и исторических сочинений, а также многочисленные добавления и амплификации, сочинённые автором речи исторических деятелей, а порой и целые рассказы, которые, как показали специальные исследования, также являются плодом фантазии В. Н. Татищева[254].

Не отказываясь от летописной формы повествования, В. Н. Татищев проявил себя как учёный главным образом в комментариях, которыми он снабжает лишь некоторую часть приводимых им известий или сюжетов. В процессе переработки текста «Истории Российской» число комментариев росло в связи с расширением научного кругозора её автора за счёт привлечения новых летописных материалов и сведений иностранных авторов. В большинст-

---

[253] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений в 8 томах. М.–Л., 1962–1968 [репр.: М., 1994–1996].

[254] Среди новейших исследований такого рода можно назвать работу: *Толочко А. П.* «История Российская» В. Н. Татищева: источники и известия. Москва–Киев, 2005. Это исследование продолжает традицию разоблачения «баснословия» т. н. «татищевских известий», которые рассмотрены здесь выборочно, в качестве примеров, подтверждающих изложенную в предисловии скептическую концепцию автора относительно уникальных сведений В. Н. Татищева. При этом А. П. Толочко не всегда ссылается на своих предшественников, первыми установивших некоторые из приводимых им фактов «баснословия» В. Н. Татищева, а также в ряде случаев недостаточно обоснованно обвиняет историка XVIII в. в «сочинительстве». Более серьёзной представляется монография М. Б. Свердлова «Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской»» (СПб., 2009), однако и здесь проанализированы далеко не все «татищевские известия», что, по моему мнению, не дает оснований для формулирования общих оценок этой информации.

ве случаев Татищев называл сочинения, которыми он пользовался, источники же некоторых его комментариев остаются загадкой для исследователей.

Отказавшись при написании текста второй редакции «Истории Российской» от передачи многих летописных текстов как можно ближе к оригиналу, В. Н. Татищев в ряде случаев демонстрирует свое недостаточное знание палеографии древних рукописей и древнерусского языка. Уже Н. М. Карамзин в качестве одного из наиболее ярких тому примеров приводит «сконструированное» В. Н. Татищевым слово «скомони», якобы обозначавшее название венгерского музыкального инструмента. На самом же деле в источнике речь идёт о рыцарском турнире, устроенном венграми в Киеве в 1151 г. по случаю победы Изяслава Мстиславича над Юрием Долгоруким, во время которого киевляне дивились «комонемъ ихъ»[255], т. е. венгерским коням[256].

Наибольшим авторитетом для В. Н. Татищева в области венгерской истории был придворный гессенский историограф Вильгельм Дилих (Шеффер, ок. 1575–1655). Несмотря на то что сочинение В. Дилиха называется «Гессенская хроника»[257], В. Н. Татищев считает этого автора венгерским историком, как и фламандца Абрахама Ортелия (1527–1598) – составителя популярного в свое время в Европе географического словаря[258]. Правда, в комментарии 449 к летописному известию под 6660 (1152) г., в котором галичский князь Владимир Володаревич напоминает венгерскому королю Гезе II о том, что его отец Бела II Слепец в своё время воспользовался галичской военной помощью, В. Н. Татищев упрекает Дилиха и Ортелия в неполноте их сочинений, поскольку они не упоминают этого факта[259].

Лишь жившего и работавшего в Венгрии итальянского гуманиста Антонио Бонфини (1427–1502) можно с полным правом считать специалистом по средневековому прошлому этой страны, поскольку он написал «Венгерскую историю». Однако В. Н. Татищев, знавший содержание труда А. Бонфини,

---

[255] ПСРЛ. Т. II. Стб. 416.
[256] *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. II–III. М., 1991. С. 367, примеч. 115; С. 501–502.
[257] *Dilich Wilhelm.* Hessische Chronik. Kassel, 1605.
[258] *Ortelius Abraham*. Thesaurus geograficus recognitus et auctus. Antuerpiae, 1587.
[259] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений Т. III. С. 240 и комм. 449.

сетовал на то, что ему недоступно венское издание этой книги, появившееся в 1744 г.[260] Впрочем, на сочинение А. Бонфини В. Н. Татищев ссылается в случаях, конкретно не связанных с русско-венгерскими отношениями, а лишь при описании политической ситуации в Европе в середине XII в.[261].

В комментариях по поводу матримониальных связей Арпадов и Рюриковичей в XII в. В. Н. Татищев опирался на «Табель родословную» и «Лексикон» Йоханна Хюбнера (1688–1731)[262]. Автору «Истории Российской» были также хорошо известны сочинения польских историков XVI–XVII вв., активно включавших в свои труды информацию доступных им русских летописей. Правда, в комментариях к событиям рассматриваемого времени В. Н. Татищев упоминает лишь Мачея Стрыйковского, которого он критикует за то, что привлекаемые им летописные известия отсутствовали в рукописях, находившихся в руках автора «Истории Российской»[263]. Характеризуя в целом вклад В. Н. Татищева в изучение истории русско-венгерских отношений XII в., следует признать его довольно скромным. Подавляющее большинство летописных известий по этому поводу историк оставляет без комментария, но порой не скупится на амплификации, вставные речи и т. п. в самом тексте «Истории Российской», где демонстрирует свою симпатию к венграм на фоне нелюбви к полякам.

Исследовательский уровень В. Н. Татищева в области изучения рассматриваемых проблем не был превзойден в отечественной историографии XVIII в. Михаил Михайлович Щербатов (1733–1790), Иван Никитич Болтин (1735–1792) и другие историки того времени лишь пересказывали введённые к тому времени в научный оборот летописи или пользовались при написании своих трудов сочинениями тех же иностранных авторов, что и В. Н. Татищев, и так

---

[260] *Bonfinius Antonius.* Historia Hungarica. Viennae, 1744. В. Н. Татищев пишет о недоступности для него издания А. Бонфини в комм. 449 ко второй части второй редакции «Истории Российской» (Собрание сочинений. Т. III. С. 240).

[261] См.: Там же. С. 238.

[262] Там же. Т. II. С. 258 (комм. 341), С. 264 (комм. 385). Автор «Истории Российской» ссылается на кн.: *Hübner Johann.* Reale Staats-Zeitung – und Conversations Lexicon. Leipzig, 1704; *Johann Hübners* Genealogische Tabellen nebst denen darzu gehörigen Genealogischen Fragen, zur Erläuterung der politischen Historie und sonderbahrem Fleisse zusammen gertagen und von Anfange bis auf diesen Tag continuiret. Leipzig, 1719–1733.

[263] См.: *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. III. С. 239 и комм. 441.

же, как и последний, признавали В. Дилиха и А. Ортелия специалистами по венгерской истории. В связи с этим общие оценки русско-венгерских отношений у названных отечественных историков XVIII в. практически совпадают. Единственный эпизод, имеющий отношение к теме настоящего исследования, который описан М. М. Щербатовым с противоположными оценками, чем у В. Н. Татищева, касается истории сдачи в 1135 г. польского города Вислицы неким знатным венгром русскому князю «Владариду», в котором В. Н. Татищев и М. М. Щербатов вслед за польским хронистом XV в. Яном Длугошем видели Ярополка Владимировича[264], хотя на самом деле это был Владимир Володаревич. Если В. Н. Татищев считает весь этот рассказ, найденный им в сочинениях М. Кромера и М. Стрыйковского, баснословным, то М. М. Щербатов склонен доверять информации названных польских историков.

Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) рассматривает события русской истории первой половины XII в. в томе II своей 12-титомной «Истории государства Российского»[265]. Как известно, он первым ввёл в научный оборот Ипатьевскую летопись. Методика исследования источников Н. М. Карамзина заметно отличается от методики В. Н. Татищева: здесь присутствует не только пересказ летописных известий с добавлениями сведений из других, доступных автору, письменных памятников и исследований, но и более глубокие авторские оценки и обобщения. Придворный историограф значительно строже относился к привлекаемым источникам, стараясь избегать «баснословия», в котором он неоднократно упрекал своих предшественников.

В отличие от В. Н. Татищева, Н. М. Карамзин старается досконально разобраться в матримониальных связях Арпадов и Рюриковичей, опираясь на историческое сочинение Яноша Туроци (XV в.), знакомое ему по изданию

---

[264] Там же. Т. II. С. 266 и комм. 297; *Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен. Т. II. СПб., 1805. С. 128–130.

[265] *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. II–III. С. 82–192. Комментарии к тексту даны на С. 193–354.

Иоганна Георга Швандтнера (1716–1791)[266], и известия венгерских хроник, проанализированные Дёрдем Праем (1723–1801)[267]. Поскольку названные учёные собрали наиболее полные для своего времени сводки сведений средневековых хронистов по истории Венгрии, следует отметить, что Н. М. Карамзин пользовался научными изданиями самого высокого для своего времени уровня. Автор «Истории государства Российского» приводит параллели из венгерских средневековых хроник и рассказов русских летописей о вмешательстве венгерских королей в междоусобия в юго-западной Руси[268]. При этом, критикуя В. Н. Татищева за слепую веру генеалогическим сведениям, содержащимся в сводных хрониках Я. Длугоша и М. Стрыйковского, Н. М. Карамзин полностью доверяет утверждению своего предшественника о том, что Владимир Володаревич был зятем венгерского короля[269].

Особое внимание придворный историограф уделил судьбе неудачливого претендента на венгерский престол Бориса Калмановича. Привлекая наряду с венгерскими также польские хроники, прежде всего Винцентия Кадлубка, Н. М. Карамзин подвергает резкой критике версию Длугоша о том, что именно Борис сдал польскую крепость Вислицу Владимиру Володаревичу, сторонниками которой были польский историк Адам Станислав Нарушевич (1733–1796)[270], а также М. М. Щербатов и Пьер-Шарль Левек (1736–1812)[271]. Впервые в отечественной историографии Н. М. Карамзин проследил судьбу Бориса Калмановича вплоть до смерти последнего, убитого неким половцем в 1156 г.[272] Источниками историку послужили хроники, собранные Д. Праем[273]. Византийский период жизни Бориса Н. М. Карамзин воссоздает на основании

---

[266] *Johannis de Thurocz* Chronica Hungarorum ab origine gentis…// *von Schwandter Johann Georg*. Scriptores rervm Hungaricarvm veteres ac genvini. Vol. I. Vindobonae, 1746. P. 39–291.

[267] *Карамзин Н. М*. История Государства Российского. Т. II–III. Комм. 209 на С. 270 и комм. 250 на 279–280. Судя по этим комментариям, Н. М. Карамзин при описании событий XII в. использовал работу Д. Прая: *Pray Georgius*. Annales regum Hungariae. 977–1564. I–VI. Viennae, 1763–1770.

[268] *Карамзин Н. М*. История Государства Российского. Т. II–III. Комм. 226 на С. 281,

[269] Там же. Комм. 249 на С. 287.

[270] Н. М. Карамзин неоднократно ссылается на его работу: *Naruszewicz, Adam Staniszław*. Historyi … Adama Naruszewica narodu Polskiego … z rękopisma Biblioteki Pulawskiey i Josefa Hrabi Sierakowskiego … T. 1. Warszawa, 1781.

[271] Н. М. Карамзин хорошо знал его многотомное сочинение: *Levesque, Pierre Charles*. Histoire de Russie: Tirée des chroniques originales et des meilleures histoires de la nation. 6 vol. Yverdun, 1782–1786.

[272] *Карамзин Н. М*. история Государства Российского. Т. II–III. С. 115.

[273] Там же. С. 299, комм. 270-272.

труда Йоханна Готтелфа Штриттера (1740–1801), одного из «учёных немцев», помогавшего становлению российской исторической науки[274].

Описывая события первых двух походов войска Гезы II на помощь Изяславу Мстиславичу (1148 и 1149 гг.), Н. М. Карамзин упоминает венгров лишь мимоходом[275]. В собрании Д. Прая автор «Истории государства Российского» нашёл свидетельство о браке Гезы II и сестры Изяслава Евфросиньи, имя которой он узнал из процитированной Д. Праем буллы папы Иннокентия IV[276]. В рассказах о военных кампаниях 1150–1152 гг. Н. М. Карамзин даёт краткие пересказы пространных описаний впервые привлеченной им Ипатьевской летописи и других источников, вынося наиболее важные, по его мнению, летописные цитаты в комментарии. Ценным наблюдением историка является фиксация прибавления создателями Никоновской летописи слов «и чехи» в случаях, когда речь шла об участии венгров в событиях 1148–1152 гг. в юго-западной и южной Руси[277]. Там же, в комментариях, историк приводит сводку известий различных летописей и В. Н. Татищева, если между ними выявляются расхождения. В случаях, когда летописные свидетельства прямо или косвенно подтверждаются данными иностранных источников, Н. М. Карамзин дает ссылки на Д. Прая, Й. Г. Штриттера и др.

Характеризуя в целом «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина с точки зрения проблематики настоящего исследования, следует отметить, что она стала заметным шагом вперёд в плане привлечения Ипатьевской летописи и других новых, прежде всего, западноевропейских средневековых источников. Это способствовало повышению уровня источниковой базы. В то же время, в случаях, когда уникальные известия В. Н. Татищева, данные А. С. Нарушевича и других предшественников Н. М. Карамзина не

---

[274] Н. М. Карамзин использовал его собрание отрывков из сочинений византийских авторов: *Stritter, Johann Gotthelf.* Memoriae populorum, olim ad Danubium, Pontum Euxinum, paludem Maeotidem, Caucasum mare Caspium et inde magis ad septemtriones incolentium: E scriptoribus historiae Byzantinae erutae et digestae … 4 t. SPb., Acad. scientiarum, 1771–1773.

[275] *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. II–III. С. 138, 144.

[276] Там же. С. 144 и комм. 322 на С. 321.

[277] Там же. С. 326, комм. 334.

противоречат его представлениям о «баснословии», он принимает их на веру, не оговаривая в своих комментариях их уникальность.

Во второй четверти XIX в. российские историки, как и в предшествующее столетие, специально не обращались к проблемам истории русско-венгерских отношений XII в. Сергей Михайлович Соловьёв (1820–1879), написавший 29-томную «Историю России с древнейших времен», затрагивает эти проблемы во втором томе названного труда. По мнению историка, лишь при Святополке Изяславиче (1093–1113) «начинается связь нашей истории с историею Венгрии»[278]. После этой фразы приводятся некоторые факты из венгерской истории конца IX – начала XII в.: цитата из «Тактики» византийского императора Льва VI Мудрого (886–912) и краткие сообщения о прекращении венграми разбойных нападений на Византию в конце X в., их крещении и династических проблемах, возникших после смерти Иштвана I Святого. С прекращением междоусобиц в доме Арпадов С. М. Соловьёв связывает укрепление Венгрии, непосредственным следствием которого стало начало активного вмешательства её королей в междукняжескую борьбу на Руси[279].

Для С. М. Соловьёва характерен краткий пересказ летописных известий в описании событий домонгольского времени, который он сопровождает минимумом комментариев. При этом, в отличие от В. Н. Татищева и Н. М. Карамзина, он не стремится дать сводку всех сведений, содержащихся в письменных памятниках. Так, С. М. Соловьёв не упоминает содержащиеся в Ипатьевской летописи известия об участии венгров в античерниговской коалиции, созданной Ярополком Владимировичем в 1138 г., и ряд других сведений, относящихся ко второй половине XII в. Что касается «татищевских известий», то С. М. Соловьёв, в целом доверяя автору «Истории Российской», пропускает ряд уникальных сведений, содержащихся у В. Н. Татищева, видимо, не считая их достоверными. Из тех, что имеют отношение к теме на-

[278] *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времен. Т. II. М., Полярис, 1998. С. 83.
[279] Там же. С. 83-84.

стоящего исследования, следует упомянуть отсутствующие у С. М. Соловьёва известия об участии Володаря Ростиславича в войне с Византией на стороне Иштвана II, о выкупе Володаря у поляков его братом Васильком за сделанные в Венгрии сосуды, о призвании Владимиром Володаревичем в 1126 г. венгров на помощь в борьбе с братьями[280] и др.

В отличие от Н. М. Карамзина, С. М. Соловьёв крайне редко проверяет летописную информацию данными иностранных источников и не использует результаты исследования своего предшественника. Всё вышеизложенное вынуждает признать вклад С. М. Соловьёва в изучение проблем, затрагиваемых в настоящем исследовании, более чем скромным. Практически ничего нового по сравнению с В. Н. Татищевым и Н. М. Карамзиным он не внёс, из-за многочисленных пропущенных известий нельзя использовать его труд и в качестве справочника по истории домонгольского времени.

Венгерская историография. Развитие венгерской науки в отношении проблем истории домонгольского периода вплоть до конца XIX в. определялось спорами относительно достоверности сообщений Венгерского Анонима и выявлением новых сведений по истории монархии Арпадов в дополнение к хорошо известным фактам, описанным в хроникальном своде Марка Кальти и в труде Яноша Туроци. В связи с этим в появлявшихся в Венгрии обобщающих трудах по национальной истории «русские» сюжеты XII в. занимали маргинальное положение, поскольку Аноним об этом ничего не писал, а известия «Композиции венгерских хроник XIV в.» о походах Арпадов на Русь крайне скупы и отрывочны.

Помимо названных источников венгерским историкам XVIII в. были хорошо известны сочинения их далеких предшественников – эстергомского архиепископа Николая (Миклоша) Олаха (1493–1568), посвящённое истории и

[280] Источники этих известий В. Н. Татищевым не указаны.

этнографии Венгрии[281], и произведение его младшего современника Миклоша Иштванффи (1538–1615) «XXXIV книги по истории королевства Венгрии»[282]. В обеих работах затрагивается вопрос о времени появления в Венгрии корпуса королевских телохранителей, состоявших исключительно из «рутенов» (русских). Если М. Олах просто констатирует тот факт, что именно «рутены» являлись «стражами короля и королевы», то М. Иштванффи указывает на то, что они появились в Венгрии при Калмане Книжнике (1095–1116) и были выведены из Волыни и Галиции[283].

Выше уже говорилось о той роли, которую сыграли для российских историков XVIII–XIX вв. Й. Г. фон Швандтнер и Д. Прай, издавшие многотомные собрания средневековых европейских источников[284]. Помимо собирания и публикации источников Д. Прай также писал и исторические исследования. В одном из них – «Анналах королей Венгрии» (хорошо известных, как указывалось выше, Н. М. Карамзину)[285] рассматриваются, в том числе, сюжеты, связанные с историей русско-венгерских отношений первой половины XII в. Поскольку Д. Праю долгое время была недоступна информация русских летописей, он опирался в своих ранних работах на средневековые европейские латиноязычные сочинения. Лишь в 1774 г. в Лейпциге вышел в свет немецкий перевод текста Радзивилловской летописи, сделанный Иоганном Бенедиктом Шерером (1741–1824)[286].

---

[281] *Olah Nicolaus*. Hungaria, sive de originibus gentis, regionis situ, habitu atque opportunitatibus liber singularis // *Bel Matthias*. Adparatus ad historiam Hungariae. T. I. Posoniae, 1735. Сочинение было закончено М. Олахом в 1536 г.

[282] *Istvanffy Nicolaus*. Historiarum Regni Hungariae libri XXXIV. Viennae, 1758. Многотомный труд М. Иштванффи был написан между 1608 и 1615 гг. и впервые издан в Кёльне в 1622 г. До нас также дошёл документ, датированный 1326 г., согласно которому, «первых жителей» местечка Надьвороси (комитат Ноград) «король Калман пригласил из Галиции, сделав их стражниками при королевском дворе» (*Nagy I.* Nagy-Oroszi mezőváros helynevei // Magyar Akadémiai Értesítő. 1857. 597. l.). Цит. по: *Кришто Дюла*. Русские в Венгрии в эпоху династии Арпадов // Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время (Памяти В. П. Шушарина) / Центрально-европейские исследования. Вып. 3. М., 2004. С. 47.

[283] *Olah Nicolaus*. Hungaria, sive de originibus gentis… P. 20–21; *Istvanffy Nicolaus*. Historiarum Regni Hungariae… L. XVI. P. 168.

[284] Аналогичная роль для западных учёных эпохи Просвещения выпала на долю Августа Людвига Шлёцера (1735–1809), познакомившего западноевропейскую науку с Повестью временных лет. См.: *Schlözer, August Ludwig*. Probe russischer Annalen (Nestor und russische Geschichte betreffend). Bremen, Göttingen, 1768.

[285] *Pray Georgius*. Annales regum Hungariae. T. I–V. Viennae, 1763–1770.

[286] Des heiligen *Nestors* und seiner Fortsetzern... ältere Jahrbücher der Russischen Geschichte vom Jahre 858 bis zum Jahre 1203, übersetzt und mit Anmerkungen versehen von *Johann Benedict Scherer*. Leipzig, 1774.

Как это ни парадоксально, но появление данного издания способствовало не только более активному использованию западноевропейскими историками сведений названной летописи, но и появлению первых историографических мифов, связанных с внуком Владимира Мономаха – неудачливым претендентом на венгерский престол Борисом Калмановичем: усилиями Даниэля Корнидеса (1732–1787)[287] матерью Бориса стала Предслава Святополковна, а дедом, соответственно, киевский князь Святополк Изяславич (1093–1113). При этом перевод И. Б. Шерера не давал никаких оснований для такого утверждения, в нём муж Предславы назван «принцем», и им действительно был младший брат венгерского короля Калмана Книжника герцог Алмош, но в Радзивилловской летописи, где отображена Сильвестрова редакция ПВЛ, нет сведений о браке Евфимии Владимировны с венгерским королём: она появилась в более поздней редакции, восстанавливаемой по Ипатьевской летописи. Д. Корнидесу же и некоторым другим венгерским и писавшим на немецком языке историкам конца XVIII – XIX в. (в том числе Д. Праю в его поздних работах) почему-то казалось, что Калман должен был жениться только на дочери Святополка Изяславича, занимавшего в 1112 г. самый престижный киевский стол. Именно это и стало главной причиной «выправления» генеалогии Бориса Калмановича[288].

Среди обобщающих работ, написанных венгерскими историками на рубеже XVIII–XIX вв., с точки зрения темы настоящего исследования, можно упомянуть лишь 42-хтомное сочинение Ишвана Катоны (1732–1811), названное им «Критическая история королей Венгрии»[289]. В этом капитальном труде наряду с попытками текстологического анализа письменных источников в ряде случаев уточняется хронология событий, в том числе связанных с походами венгерских королей на Русь. Сочинение И. Катоны представляет собой переходную форму от модернизированных анналов, в которых погодная

---

[287] См.: *Cornides Daniel*. Regum Hungariae, qui saeculo XI. regnavere, genealogiam illustrat. ... Posoniae et Cassoviae, 1778. P. 156.

[288] Подробнее об этом см: *Юрасов М. К.* Внук Владимира Мономаха: Борис Калманович, князь авантюрист. СПб., 2017. С. 146–156.

[289] *Catona Stephanus.* Historia critica regum Hungariae stirpis Arpadianae. TT. 1–42. Pestini, 1779–1817.

форма изложения является каркасом, на который накладываются найденные историком известия доступных ему источников (так поступали В. Н. Татищев и Д. Прай), к научному труду, где хронологическая сетка уходит на второй план, а главным оказывается пусть далеко не совершенный, но всё же научный анализ. В связи с этим И. Катона излагает помещённую под каждым годом информацию не по параграфам, а в виде ответов на сформулированные им вопросы. При этом историк в случаях, когда он не соглашается с мнением своих предшественников, как правило, приводит цитату из источника, кажущегося ему наиболее достоверным, не разбирая детально аргументацию своих оппонентов.

Истории XII в. И. Катона посвящает третий и четвертый «томики» (tomulus) своего объёмного труда[290]. Среди вопросов, которые историк ставит перед читателем, есть и такие, которые непосредственно касаются русско-венгерских отношений того времени. Он пишет о русской жене Калмана Книжника (путая её с русской женой принца Алмоша)[291], о походе Иштвана II на Русь (ошибочно датируя его 1127 г.)[292], о борьбе Бориса Калмановича за венгерский престол[293], о женитьбе Гезы II на дочери Мстислава Великого[294] и о военной помощи, оказанной Гезой II своему шурину Изяславу Мстиславичу[295], о смерти Бориса на венгеро-византийской войне 1155 г.[296] По мнению И. Катоны, русские (киевляне – как родственники вдовствующей королевы Евфросиньи Мстиславны или галичане – ввиду намерения Ярослава Осмомысла выдать свою дочь за венгерского короля) активно помогали Иштвану III (1162, 1163–1172) в войне с Мануилом I Комнином (1143–1180)[297]. Рассматривает И. Катона и события, связанные с мифическим походом поляков

[290] Ibid. T. III. Complectens res gestas Colomani, Stephani II, Belae II, Geisae II. Pestini, 1780.
[291] Ibid. P. 190–195.
[292] Ibid. P. 412–416.
[293] Ibid. P. 465–471, 471–477. Кроме того, И. Катона пишет о попытках Бориса найти помощь в обеих тогдашних империях – Германии и Византии (P. 569–571) и о попытке Гезы II арестовать Бориса во время прохождения крестоносного войска через Венгрию (P. 589–591).
[294] Ibid. P. 559–564.
[295] Ibid. P. 609–611.
[296] Ibid. P. 658–660.
[297] Ibid. T, IV. Complectens res gestas Stephani III, Ladislai II, Stephani IV, Belae III, Emerici, Ladislai III. Pestini, 1781. P. 62–63.

на Русь 1182 г., сведения о котором содержатся в сочинениях польских хронистов (см. главу I), причём вопрос, на который отвечает при этом И. Катона (помещённый под 1185 г.) сформулирован так: «Поставил ли он управлять Галичем второго сына Андрея?» (An alterum filium Andream Halliciae praefecit?)[298], имея в виду Белу III. Затрагивая вопрос о титулатуре Белы III (под 1189 г.), И. Катона утверждает, что прибавление „rex Galatiae" свидетельствует о возвращении королём этого титула[299], который, как показано в главе I настоящего исследования, впервые встречается в одном из дипломов, приписываемых Иштвану II (1116–1131).

Источниками И. Катоне (в ответах на вопросы, касающиеся русско-венгерских отношений XII в.) служили, помимо средневековых венгерских, немецких, чешских и др. хроник, сочинения польских историков эпохи Возрождения, прежде всего, «О начале и истории польского народа» Марчина Кромера (1512–1589)[300], а также работа словацкого учёного иезуита Самуэла Тимона (1675–1736) «Краткое хронологическое изложение деяний венгров»[301]. Из греческих источников И. Катона рассматривает известия хроники Иоанна Киннама о карательных акциях Мануила I Комнина по отношению к Гезе II за нападение последнего на византийского союзника – галичского князя Владимира Володаревича, а также о событиях, связанных с пребыванием на Руси Андроника Комнина и конфликтом Мануила I с Иштваном III. Несмотря на то, что фундаментальный труд И. Катоны демонстрирует недостаточную глубину критики источников, результаты его исследования на целое столетие определили уровень, достигнутый венгерской исторической наукой, который был превзойден только в самом конце XIX в. Д. Паулером.

Многочисленные обобщающие сочинения по национальной истории, созданные в Венгрии в первой – третьей четвертях XIX в., практически не дали ничего нового в изучении русско-венгерских отношений XII в. В условиях борьбы за выход из «лоскутной монархии» Габсбургов данная тематика ока-

[298] Ibid. P. 305–309.
[299] Ibid. P. 344.
[300] *Kromer Marcin*. De origine et rebus gestis Polonorum. Basileae, 1555.
[301] *Timon Samuel*. Epitome chronologica rerum Hungaricarum. Cassoviae, 1736.

залась «на периферии» венгерской исторической науки. Её дальнейшей разработке мешало недостаточное знание венгерскими исследователями русского летописного материала, а также широкая поддержка ими подправленной генеалогии Бориса Калмановича Д. Корнидеса.

Немецкая и австрийская историография. Помимо общего высокого уровня развития исторической науки, достигнутого в Германии ещё до начала эпохи Просвещения и побуждавшего местных учёных к созданию исторических сочинений в духе «всемирных историй», интерес к прошлому Галицко-Волынской Руси подогревался (по крайней мере, в империи Габсбургов) разделами Речи Посполиты. Поскольку Австрия претендовала на Галицию, а её императоры были «по совместительству» венгерскими королями, австрийские историки (в том числе и венгерской национальности) активно искали историческую основу для «законного» вхождения этой древнерусской земли в состав Священной Римской империи германской нации.

Самые ранние работы, в которых затрагивается история Галицко-Волынской Руси и русско-венгерские отношения XII в., написал во второй половине XVIII в. один из особо приближенных к трону Габсбургов, директор императорской библиотеки, словак по национальности, Франц (Франтишек) Адам Коллар (1718–1783). Будучи профессиональным юристом, Ф. А. Коллар уделил основное внимание доказательству давних прав венгерских королей на Галич и Волынь[302]. Естественно, все логические построения тайного советника венского двора строились на содержащихся в польских средневековых исторических сочинениях сведениях о неоднократном пребывании венгерских принцев на галичском княжеском столе в XII в. Помимо этого Ф. А. Коллар занимался проблемами миграций русского населения на земли Карпатского бассейна в Средние века[303]. Близкое по духу работам Ф. А.

[302] См. его специальную работу по этому поводу: *Kollar, Franz Adam.* Vorläufige Ausführung der Rechte des Königreiches Hungarn. Wien, 1772. Для разъяснения европейским дипломатам и королевским дворам эта работа была переведена на французский язык.

[303] *Kollar F. A.* Humillimum promemoria de ortu, progressu et incolatu nationis Ruthenicae in Hungaria. Munkas, 1749.

Коллара историко-юридическое сочинение написал В. Кох[304]. Среди авторов «всемирных историй» особое внимание истории Галича, Волыни и их взаимоотношений с соседями уделил Людвиг Альбрехт Гебхарди (1735–1802)[305]. В написанной им в связи с этим специальной работе, как и в сочинении его младшего современника Й. А. Хоппе[306], использованы далеко не все источники по данному вопросу, прежде всего древнерусские.

Самым же глубоким австрийским исследователем XVIII в. из занимавшихся историей Галицко-Волынской Руси стал Йоганн Христиан Энгель (1770–1814). Хотя его интерес к прошлому этого региона также был вызван необходимостью обосновать исконные права венгерской короны на земли юго-западной Руси, Й.-Х. Энгель оказался наиболее эрудированным среди немецких учёных, написавших в последней трети XVIII в. труды по истории новых провинций империи Габсбургов.

Двухтомная «История Галича и Владимира до 1772 г.», написанная Й. Х. Энгелем и изданная в Вене в 1792–1793 гг.[307], стала во всех отношениях итоговой работой для австрийской историографии Галицко-Волынской Руси XVIII в. О её научной значимости ярко свидетельствует характеристика, данная Й. Х. Энгелю в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, где сказано, что все его работы «сохранили свою цену до настоящего времени»[308], т. е. до начала XX в. Тем не менее, рассматриваемое сочинение австрийского историка имеет ярко выраженный характер апологетики походов венгерских королей эпохи Арпадов на земли по другую сторону Карпат, неоднократно становившихся в XII–XIII вв. владениями венгерской короны. Несмотря на то, что Й. Х. Энгель стремился учесть материал всех известных ему источников, содержащих сведения по истории Галиции и Волыни, в том числе польские хроники и русские летописи (известные ему по трудам А. Л.

---

[304] *Koch W.* Jurium Hungariae in Russiam Minorem et Podoliam, Bohemiaeque in Osviensen et Zatoriensen ducatum praevia explication. Vindobonae, 1773.
[305] *Gebhardi, Ludwig Albrecht*. Allgemeine Weltgeschichte. Bd. I. Brünn, 1778. В этой работе рассматривается судьба Спиша (Сепешшега), имеющая косвенное отношение к истории русско-венгерских отношений XII в.
[306] *Hoppe J. A.* Geschichte des Königreiches Galizien und Lodomerien. Wien, 1792.
[307] *Engel, Johann-Christian*. Geschichte von Halitsch und Wladimir bis 1772. Bd. I–II. Wien, 1792–1793.
[308] Энциклопедический словарь. Т. XL. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1904. С. 790.

Шлёцера и многотомному сочинению М. М. Щербатова), его интерпретация привлекаемого материала грешит тенденциозностью.

Особенно ярко это проявляется в описании судьбы Бориса Калмановича. По мнению Й.-Х.Энгеля, непризнанный сын венгерского короля Калмана Книжника был основателем Галичского княжества, якобы переданного ему в удел в 1129 или 1130 г.[309] При этом историк ссылается на информацию польского хрониста Богухвала (т. е. Великопольской хроники), который явно перепутал Бориса с венгерским принцем Калманом, сыном Эндре II, занимавшим галичский княжеский стол в 1214–1219 гг.

Своё повествование Й.-Х. Энгель делит на главы в соответствии с данной им на С. 10–12 первого тома своего труда периодизации истории Галича и Владимира-Волынского. В случаях, когда он категорически не согласен со своими предшественниками, австрийский историк добавляет в конце главы «критические замечания»[310], но, если он считает свою точку зрения единственно верной, дополнением к главе служит «апология». Столетие с 1130 по 1230 г. было, по мнению Й. Х. Энгеля, временем расцвета Галича, якобы находившегося под властью венгров. Вполне естественным на фоне прославления деяний венгерских королей XII–XIII вв. в юго-восточной Руси выглядит описание побед Гезы II над противниками его шурина Изяслава Мстиславича[311].

В начале XIX в. интерес к истории Галиции и Волыни у немецкоязычных историков заметно ослабевает, что выразилось в отсутствии специальных работ по этому поводу. К этому времени обе названные области прочно вошли в состав империи Габсбургов, а значит, отпала необходимость доказывать законность их присоединения к Австрии.

Первые работы русинских историков. Начало XIX в. стало временем пробуждения национального самосознания у русинов – восточнославянской на-

[309] *Engel J.-Ch.* Geschichte von Halitsch und Wladimir… Bd. I. S. 10, 111.
[310] Так, например, на С. 24–28 указанного сочинения помещены «Критические заметки против Длугоша, Нарушевича и др.».
[311] Ibid. S. 127–141.

родности, проживавшей в бассейне Верхней Тисы и соседних с ней областях, ныне входящих в состав Польши, Словакии и Румынии. В отличие от словацкой интеллигенции, которая уже в то время осознавала необходимость создания научной базы для признания словаков отдельным славянским народом, отличным от чехов, подавляющее большинство образованных русинов XIX в. считало, что они являются частью великого русского народа. Поэтому многие из русинских интеллигентов уезжали в Россию, где внесли свой вклад в развитие российской науки. По этой же причине в Закарпатье (или в Подкарпатской Руси, как её называли и называют до сих пор местные русины), не получили в XIX в. широкого распространения идеи украинского национализма.

Работы русинских историков дореформенного времени не отличались глубиной научной мысли. Это были, скорее, первые попытки оценить прошлое своего народа, собрать всю возможную информацию об истории своих предков, в том числе легендарного характера. При этом уровень профессионализма авторов первых работ по средневековой истории русинов был невысоким. Так, признанный лидер движения русинских «будителей»[312] Александр Васильевич Духнович (1803–1865) в своей небольшой работе, озаглавленной «Истинная история карпато-россов или угорских русинов»[313] смешал воедино материал русинских легенд и средневековых хроник без какой-либо источниковедческой критики.

Недостаточно высоким был и исследовательский уровень старшего современника А. В. Духновича – Михаила Лучкая (1789–1843), написавшего шеститомную «Историю карпато-руссов в Венгрии»[314], которая представляет собой компиляцию сведений различных авторов, порой напоминающую студенческий конспект, поскольку в основной латинский текст этого произведе-

[312] Так современные русинские историки условно называют течение общественной мысли, представители которого в первой – второй трети XIX в. пытались пробудить у своего народа национальное самосознание.
[313] *Духнович А. В.* «Истинная история карпато-россов или угорских русинов» издана Народолюбцем Александром Духновичем, 1853 / Подг. к печати Ф. Ф. Аристов // Русский архив, 1914, № 4. С. 529–559.
[314] *Lucskay Mihály.* Historia Karpatho-Ruthenorum in Hungaria. TT. I–VI. Buda, 1843. Новейшее издание с параллельным переводом на украинский язык см.: Науковий збірник музею української культури у свиднику. Annales Museai culturae Ukraininsis. 12–17. Svidnik, 1987–1992.

ния вставлены отрывки на венгерском и немецком языках. Что касается русско-венгерских отношений XII в., то М. Лучкай уделяет им менее страницы в своём многотомном труде, рассматривая всего два эпизода: приглашение Калманом Книжником в 1114 г. молодых людей из юго-западной Руси для поступления на службу в дворцовую стражу (пересказ сведений М. Иштванффи) и расправу над сторонниками Бориса Калмановича на Арадском государственном собрании 1132 г. (пересказ соответствующей главы «Венгерской хроники Яноша Туроци)[315].

Проблем, относящихся к теме настоящего исследования, из русинских авторов первой половины XIX в. касались Иван Семенович Орлай (1770–1829), придворный медик российского императора Александра I, и Юрий Иванович Венелин (Гуца, 1802–1839), положивший в России начало научному изучению болгарского языка и истории Болгарии, а также обращавшийся к прошлому русинов и активно критиковавший в своих работах «норманистов».

И. С. Орлай, используя данные М. Иштванффи, заявил в своем реферате «История о карпато-россах», вышедшем в 1804 г. в журнале «Северный вестник», о том, что «около 1113 г., когда Коломан правительствовал в Венгрии, множество россиян, переселясь в его области, сделались оседлыми, – обстоятельство, которое у венгров остается выше всякого сумнения»[316]. По мнению И. С. Орлая, это была третья волна переселений русских за Карпаты. При этом гоф-медик русского императора ссылается на один из законов короля Калмана (ст. LXXX), в котором упоминаются «славяне и прочие иностранцы» (*Sclavi vel ceteri extranei*), среди которых могли быть и предки современных русинов. Сам же этот закон посвящён налогообложению свободных по-

[315] См. об этом в новейшем издании: Вып. 13. С. 188–189.

[316] *Орлай И. С.* История о карпато-россах или о переселении россиян в Карпатские горы и о приключениях, с ними случившихся // Северный вестник, 1804. Ч. I. С. 261. См. также: Материалы по истории возрождения Карпатской Руси. I. Сношения Карпатской Руси с Россией в I-ю половину XIX-го века. Собрал И. С. Свенцицкий. Львов, 1906. С. 63.

селенцев и госпитов, об упоминаемых М. Иштванффи королевских телохранителях там речи не идёт[317].

Одна из работ Ю. И. Венелина называется «Несколько слов о россиянах венгерских и также одно словцо историческое о православной греко-восточной церкви в Венгрии»[318]. Это сочинение не было опубликовано при жизни автора, оно является компиляцией различных сведений, почерпнутых Венелиным из разнообразной (по отраслям знания) литературы. Собранную информацию он не подверг критическому анализу, поэтому наряду с реальными фактами истории русско-венгерских отношений здесь встречаются не только историографические мифы, но и совершенно фантастические сведения. Так, среди галицких князей начала XII в. Венелин называет «Коломана, сына короля венгерского Ладислава»[319], второй супругой Калмана (Книжника) у него названа Предслава, на которой он женился в 1104 г. и которая родила ему Бориса[320], а Евфимия Владимировна, по его мнению, вышла замуж за принца Белу – будущего короля Белу II[321]. Всё это лишает рассматриваемую работу научной значимости.

2. Вторая половина XIX – начало XX в.

Работы, вышедшие на русском языке. Середина XIX в. стала в российской историографии временем активных научных исследований в области краеведения и истории отдельных древнерусских земель и княжеств. Чуть позже, в 70-е годы, появляются первые серьёзные работы по исторической географии Киевской Руси. Те из них, где рассматривалось прошлое Галицко-Волынской

[317] См. новейшее изд.: The Laws of Hungary. Series I: Vol. I. Decreta regni mediaevalis Hungariae. The Laws of the Medieval Kingdom of Hungary. 1000–1301. Transl. and ed. by J. M. Bak, Gy. Bónis, J. R. Sweeney. Idyllwild, 1999. P. 31.
[318] Из бумаг *Ю. И. Венелина*. Несколько слов о россиянах венгерских, и также одно словцо историческое о православной греко-католической церкви в Венгрии // Материалы по истории возрождения Карпатской Руси. I. С. 86–110.
[319] Там же. С. 89.
[320] Там же. С. 99.
[321] Там же. С. 100.

Руси, не могли обойти стороной эпизоды и сюжеты, связанные с историей русско-венгерских отношений XII в.

Среди «пионеров» нового исследовательского направления следует отметить Дениса (Дионисия) Зубрицкого (1777–1862) – львовского учёного-архивариуса и сотрудника местного Ставропигийского института, писавшего свои труды на польском, немецком и русском языках. Его перу принадлежит трёхтомная «История древняго Галичско-русского княжества»[322]. В этом первом опыте написания научного сочинения о прошлом юго-западной Руси использованы лишь летописные известия и польские хроники, что сделало труд Д. Зубрицкого менее значимым, чем многотомное сочинение его старшего современника Н. М. Карамзина.

В студенческой работе Николая Павловича Дашкевича (1852–1908), посвящённой периоду княжения Даниила Романовича (1221–1264)[323], обращается внимание на проблему восстановления русско-венгерской границы домонгольского времени, которая, по мнению автора, проходила в XIII в. там же, где и в предшествующие два столетия. При этом Н. П. Дашкевич опирается на известия источников, относящиеся к событиям XII в. В такой же ранней работе по истории и исторической географии Волыни Александр Михайлович Андрияшев (1863–1939)[324] лишь мимоходом касается проблем русско-венгерских взаимоотношений XII в., приводя известия древнерусских и польских источников. Вслед за И. С. Орлаем и Ю. И. Венелиным (Гуцей) он считал XI–XII вв. временем переселения предков русинов в Подкарпатскую Русь. Автор «Очерков русской исторической географии» – профессор Варшавского университета Николай Павлович Барсов (1839–1889) также мимоходом отметил: «как кажется, до XII в. Русь Приднепровская не имела никаких сношений с Закарпатскими Уграми»[325]. Эта точка зрения, косвенно затрагивающая проблемы русско-венгерских отношений, получила достаточное распространение в российской историографии пореформенного времени.

---

[322] *Зубрицкий Денис*. История древняго Галичско-русского княжества в 3-х частях. Львов, 1852–1855.
[323] *Дашкевич Н*. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным источникам. Киев, 1873.
[324] *Андрияшев А. М*. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887.
[325] *Барсов Н. П*. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 66.

Её поддерживали Дмитрий Иванович Иловайский (1832–1920)[326], Алексей Александрович Шахматов (1864–1920)[327] и др.

Из книг, вышедших в России во второй половине XIX в. и затрагивавших проблемы настоящего исследования, можно упомянуть изложение Нилом Александровичем Поповым (1833–1891) обобщающего труда по венгерской истории, написанного Ласло Салаи (1813–1864)[328]. Не зная венгерского языка, Н. А. Попов подробно пересказал немецкий перевод рассматриваемого сочинения[329]. При этом обоих авторов нельзя назвать специалистами по истории XII в. Хотя Л. Салаи закончил юридический и историко-филологический факультет Пештского университета, он до написания своей 6-титомной «Истории Венгрии»[330] занимался исключительно юридической наукой и практикой и не был глубоким знатоком средневековых письменных источников. Н. А. Попов также не занимался профессионально историей домонгольского времени, будучи управляющим Московским архивом министерства юстиции. Популяризаторская деятельность Н. А. Попова, несомненно, способствовала повышению уровня знания средневековой венгерской истории в России, однако никаких новых материалов по истории русско-венгерских взаимоотношений XII в. в книге Л. Салаи, а тем более в её пересказе Н. А. Поповым, не было.

Отдельные аспекты истории русско-венгерских отношений при Гезе II (1141–1162) затронул в своей статье о германско-византийском союзе того времени видный российский византинист Василий Григорьевич Васильевский (1838–1899)[331]. Рассматривая, в том числе, противостояние Венгрии и Византии на Балканах в первые годы после Второго крестового похода, В. Г. Васильевский обращает внимание на пребывание в антивизантийском лагере

---

[326] См.: *Иловайский Д. И.* О славянском происхождении дунайских болгар. М., 1874; *Он же*. Разыскания о начале Руси. М., 1876; *Он же*. Вопрос о народности руссов, болгар и гуннов. СПб., 1881.

[327] См.: *Шахматов А. А*. К вопросу об образовании русских народностей // ЖМНП, 1899. № 4. С. 301–340.

[328] *Попов Н. А*. Мадьярский историк Владислав Салай и история Венгрии от Арпада до Прагматической санкции. СПб., 1868.

[329] Geschichte Ungarns von *Ladislaus v. Szalay,* deutsch von Heinrich Wögerer. Pest, 1866.

[330] *Szalay László*. Magyarország története. I–VI. k. Lipcse, 1852–1859.

[331] *Васильевский В. Г.* Из истории Византии в XII веке: Союз двух империй (1148–1155) // Славянский сборник. Вып. II. СПб., 1877. С. 210–290. Эта работа позднее вошла в Т. IV «Трудов» В. Г. Васильевского (Л., 1930. С. 18–105).

венгерского короля Гезы II и киевского князя Изяслава Мстиславича, которым противостоял союзник Византии – галичский князь Владимир Володаревич. В рассматриваемой работе также много внимания уделено судьбе Бориса Калмановича. В. Г. Васильевский первым из отечественных исследователей попытался собрать и проанализировать все известия средневековых источников о неудачливом внуке Владимира Мономаха[332]. При этом историк выдвинул гипотезу о тождестве Бориса Калмановича и комеса (ишпана) Борса (*венг*. Борша) – одного из предводителей мятежной венгерской знати, избравшей его королём в 1130 г., во время тяжёлой болезни Иштвана II[333]. Как будет показано ниже, в главе IV настоящего исследования, эта гипотеза не нашла поддержки у современных исследователей и является историографическим мифом.

Русин по происхождению Адольф Иванович Добрянский-Сачуров (1817–1901), известный, прежде всего, как политический деятель, написал интересную работу, посвящённую истории юго-западных окраин Киевской Руси и прилегающих к ним с запада территорий, и опубликовал её в России[334]. Помимо вопроса о том, как далеко на запад простирались земли Древнерусского государства, А. И. Добрянский рассматривает в этой статье и проблему присоединения к Венгерскому королевству области Спиш (*венг*. Сепеш), считая, что эта часть древнего ареала расселения белых хорватов попала в состав Венгрии не ранее 1108 г., а до этого времени за неё шла борьба между Польшей и Русью[335]. Недостаточный профессионализма А. И. Добрянского как историка проявился в некритическом отношении к сведениям привлекаемых им источников.

Значительным вкладом в разработку проблем, поставленных в центр внимания настоящего исследования, стала изданная в виде монографии докторская диссертация Константина Яковлевича Грота (1853–1934) «Из истории

---

[332] *Васильевский В. Г.* Труды. Т. IV. С. 79–91. Здесь находится Приложение II, специально посвящённое Борису Калмановичу.
[333] Там же. С. 82.
[334] *Добрянский А. И.* О западных границах Подкарпатской Руси, со времен св. Владимира // ЖМНП, 1880, март. Ч. CCVIII. С. 134–159.
[335] Там же. С. 139.

Угрии и славянства в XII веке (1141–1173)», вышедшая в 1889 г. в Варшаве[336]. В этом исследовании рассматривается в том числе и русское направление внешней политики венгерских королей Гезы II (1141–1162) и Иштвана III (1162, 1163–1172)[337]. Привлекая все известные к тому времени древнерусские, польские, немецкие, венгерские, византийские и др. средневековые источники, К. Я. Грот стремится показать русско-венгерские отношения взятого им периода в контексте общеевропейской политики. В связи с этим в рассматриваемой работе подробно излагается внутреннее положение не только в Венгрии, но и в Германии, Византии, Чехии, южной Руси, а также события II крестового похода. К. Я. Грот исследует отношение венгерской правящей верхушки не столько к Руси, сколько к славянству вообще. При этом историк неоднократно демонстрирует своё глубокое убеждение в том, что значительная часть тогдашнего населения Венгерского королевства исповедовала христианство греческого обряда, что сказалось на некоторых выводах его исследования.

Значительную часть монографии К. Я. Грота занимает обзор источников, данный в качестве приложения. Помимо общеизвестных и опубликованных к тому времени средневековых европейских хроник он приводит «Несколько новооткрытых писем Софии, сестры короля Гейзы II» в оригинальных текстах и переводах[338]. После этого К. Я. Грот дает подборку свидетельств иноземцев о Венгрии в середине XII в., в которой представлены оригинальные отрывки из сочинений Оттона Фрейзингенского и Одо Дейльского[339].

Свои взгляды на историю средневековой Венгрии в целом К. Я. Грот изложил в соответствующей статье X полутома энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза – И. А. Ефрона. Новым, с точки зрения темы настоящего исследования, в этой статье является утверждение о том, что законы венгерского короля Калмана Книжника якобы были написаны на славянском языке[340].

---

[336] *Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства в XII веке (1141–1173). Варшава, 1889.
[337] Современные венгерские историки датируют приход к власти Белы III 1172 г.
[338] См.: *Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства… Приложение II.
[339] Там же. Приложение III.
[340] *Грот К. Я.* История Венгрии // Брокгауз-Ефрон. Энциклопедический словарь. Полутом X (1892). С. 890.

Итоги и перспективы дальнейших исследований в области истории взаимоотношений венгров с соседними славянскими народами К. Я. Грот подвел в большой статье, вошедшей в сборник, составленный учениками В. И. Ламанского[341]. В этой работе К. Я. Грот дает общую оценку степени изученности истории «Угрии» и «угро-руссов», считая её неудовлетворительной. Главным недостатком такого состояния историк считал незнание российскими исследователями венгерского языка.

Правоту последних утверждений К. Я. Грота ярко показывают работы по средневековой истории Венгрии, вышедшие в России на рубеже XIX–XX вв. Так, А. В. Лонгинов, написавший специальную статью, посвящённую родственным связям Рюриковичей и Арпадов, при рассмотрении фактов, относящихся к XII в., опирается на рассмотренные выше работы И. Катоны и К. Я. Грота[342]. В связи с отмечавшимся в 1896 г. тысячелетием «обретения родины» племенами Арпада на Среднем Дунае ректор Юрьевского (ныне Тартуского) университета А. С. Будилович написал брошюру самого общего характера[343]. Одна из главных идей этого сочинения заключалась в том, что на всём протяжении средневековой истории Венгрии в ней преобладало славянское население, да и многие венгерские исторические деятели того времени были славянами.

Н. Борецкий-Бергфельд издал в 1908 г. «Историю Венгрии в Средние Века и Новое Время» – обобщающую работу, в которой даны лишь основные вехи венгерской истории IX–XIX вв.[344] Внешнеполитическая история в этой работе явно на втором плане, причём русско-венгерские отношения описаны мимоходом, без каких-либо подробностей. Так, о контактах между Русью и

---

[341] *Грот К. Я.* Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических изучениях // Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского. СПб., 1905. С. 69–140.

[342] *Лонгинов А. В.* Родственные связи русских князей с угорским королевским домом // *Он же*. Князь Федор-Любарт Ольгердович и родственные связи русских князей с угорским домом. Вильна, 1893. С. 46–47.

[343] *Будилович А. С.* Тысячелетие мадьяр. СПб., 1896.

[344] *Борецкий-Бергфельд Н.* История Венгрии в Средние Века и Новое Время. СПб., 1908.

Венгрией в XII в. в рассматриваемом сочинении сказано двумя фразами, причём первая из них содержит явно неверные сведения[345].

В последние годы XIX в. начинается активная научная деятельность по изучению истории Подкарпатской Руси Алексея Леонидовича Петрова (1859–1932). Побывав впервые в этой области в 1885 г., А. Л. Петров посвятил много времени и сил поиску и анализу источников, рассказывающих о её прошлом. В дореволюционную эпоху он активно разрабатывал проблему этнографической границы распространения русинов на землях королевства Венгрии[346]. При этом А. Л. Петров считал великороссов, малороссов и русинов единой русской нацией.

Появление украинской историографии. Долгое время малороссийские учёные писали свои труды на немецком, русском или польском языках. Первые исследования на украинском языке по истории Галицко-Волынской Руси принадлежат перу профессора Львовского университета Исидора Ивановича Шараневича (1829–1901). В 1863 г. он издал монографию, в которой проанализировал историю этого региона с древнейших времён до года взятия турками Константинополя[347]. Для И. И. Шараневича характерно привлечение материала разнообразных источников, как летописей и хроник, так и архивных документов и данных археологии и топонимии. Однако для истории русско-венгерских отношений рассматриваемого времени работа И. И. Шараневича, несмотря на свою полноту, не имеет большого значения, поскольку не содержит никаких новых сведений или выводов. Более ценным в этом плане является другое его исследование, посвящённое Ипатьевской летописи, в котором правильно определена связь буллы папы Гонория III 1218 г. с мона-

[345] «Ещё Коломан вел войну с русскими, заселявшими тогда Галицию, и в 1127 г. один из самых главных городов, Пржемысл, находился в руках венгерцев. Гейза II, вместе с великим князем киевским, ведет войну против суздальских князей, а король Бела III овладевает Галицией и ставит там на троне своего сына Андрея, изгнанного впоследствии поляками» (Там же. С. 36).

[346] *Петров А. Л.* Когда возникли русские поселения на Угорской «Дольней земле»? // ИОРЯС. Т. XVI. Кн. 1. СПб., 1911. С. 8–27; *Он же*. Об этнографической границе русского народа в Австро-Угрии, о сомнительной «венгерской» нации и о неделимости Угрии. Наброски. Пг., 1915.

[347] *Шараневич І.* Історія Галицько-Волинскоі Русі від найдавніших времен до року 1453. Львів, 1863.

стырем св. Дмитрия на Саве (см. выше, гл. I)[348]. Фактически И. И. Шараневич стал первым историком, попытавшимся проанализировать этот документ, но его предположение о том, что в названной булле речь идёт о сыновьях галичского князя Владимира Ярославича (1187–1188, 1190–1198), не нашло поддержки исследователей.

Наиболее значительной фигурой в украинской историографии конца XIX – первой трети XX в., бесспорно, является Михаил Сергеевич Грушевский (1866–1934). В написанной им многотомной «Истории Украины-Руси»[349] рассматриваются различные аспекты истории южной и юго-западной Руси, в том числе и отношения с соседними государствами. Проблемы, связанные с участием венгров в междоусобиях русских князей первой половины XII в., М. С. Грушевский рассматривает сначала как часть политики киевских князей (до распада Руси на отдельные княжества), а затем как галицко-венгерские отношения.

В связи с этим венгерские сюжеты тома II рассматриваемого труда сначала обзорно разбираются по ходу комментирования кратких упоминаний ПВЛ и Ипатьевской летописи о матримониальных связях Арпадов и Рюриковичей, помощи Иштвана II Ярославу Святополковичу, участии венгерских вспомогательных отрядов в междоусобиях русских князей[350], а затем им посвящена целая глава VII, названная «Галичина и Угорская Русь»[351]. Хотя М. С. Грушевский показывает хорошее знание русских и иностранных средневековых источников, в целом его вклад в изучение прошлого русско-венгерских отношений заметно скромнее, чем К. Я. Грота, поскольку украинский историк почти не уделяет в своем многотомном труде внимания анализу политической ситуации в сопредельных странах, на фоне которой совершались внешнеполитические контакты. Привлекая буллу Гонория III, М. С. Грушевский поддерживает гипотезу И. И. Шараневича о том, что в этом документе речь

[348] *Scharanewitsch I.* Die Hypatios Chronik als Quellen – Beitrag zur Österreichischen Geschichte. Lemberg, 1872. S. 117–118.
[349] *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. II. Вид. друге, розширене. Львів, 1905.
[350] Там же. С. 99, 112–114, 117, 144–145, 162, 165.
[351] Там же. С. 407–504.

идёт о детях Владимира Ярославича и вдобавок сделал ещё одну ошибку, заявив о том, что галицкие князья отправляли пожертвования другому монастырю на р. Саве – Лаберрийскому (in Laberria)[352]. Затрагивая проблему миграций русского населения в Венгрию в XII в., М. С. Грушевский сетует на крайнюю скудость доступных ему венгерских источников[353]. Историк обращает также внимание на складывание русско-венгерско-польского пограничья, опираясь на хронику Марка Кальти, Польско-венгерскую хронику, сочинение Яна Длугоша и материалы, собранные А. И. Добрянским[354].

Что касается сюжета о борьбе Владимира Ярославича за Галич, то М. С. Грушевский уделяет ей специальное внимание, пытаясь разобраться в противоречивых сведениях, сообщаемых о ней польскими хронистами[355]. Анализируя рассказы Кадлубка и его последователей о событиях 1187–1190 гг. в комплексе с содержащимся исключительно в польских средневековых исторических сочинениях повествованием о походах Казимира II на Русь в 1182 г., М. С. Грушевский пытается определить имя князя, которого краковский князь якобы посадил на галицкий стол. По мнению автора «Истории Украины-Руси», опирающемуся на свидетельство Густинской летописи, упоминаемого Великопольской хроникой князя Мстислава следует отождествлять с незаконнорожденным Олегом Ярославичем («Настасьичем»)[356].

Венгерская историография. Создание системы австро-венгерского дуализма в 1867 г. способствовало появлению более благоприятных условий для развития венгерской исторической науки. Вместе с тем господствующее положение венгров по отношению к славянским народам, населявшим венгерскую часть империи Габсбургов (называемую Транслейтанией) вызывало у некоторых историков мадьярской национальности стремление показать ис-

[352] Там же. С. 454 и примеч. 2.
[353] Там же. С. 485.
[354] Там же. С. 458, добавление 12 на 577–578.
[355] Там же. Добавление 11 на С. 574–577.
[356] Там же. С. 575–576.

конно зависимое положение славян, покорённых Арпадом и его преемниками в ходе освоения Паннонии в конце IX–X в.

В рассматриваемое время продолжалось создание обобщающих трудов по средневековой истории Венгрии, в которых естественным образом рассматривались эпизоды и сюжеты, связанные с русско-венгерскими отношениями. Ничего принципиально нового по данной проблематике они не принесли, а порой авторы этих трудов демонстрировали недостаточное знание летописного материала. Так, вышеупомянутый Ласло Салаи и Михай Хорват (1809–1878) считали, что Венская и Иллюстрированная хроники, а также русские летописи под 1123 г. сообщают о событиях, на самом деле происходивших в 1127 г., и объединяли информацию, помещённую под этими годами в вышеназванных источниках (поход Иштвана II под стены Владимира-Волынского и его помощь Владимиру Володаревичу), в один событийный ряд, относя его к 1127 г.[357] Разумеется, эта точка зрения не выдержала проверки временем.

В 1878 г. вышла специальная работа по истории русско-венгерских отношений, написанная Шандором Марки (1853–1925) – тогда ещё преподавателем гимназии в г. Арад – под названием «Русские в истории нашей родины»[358]. В этом сочинении весьма кратко и поверхностно рассматривается история венгерско-русских отношений с древности до современной автору эпохи. «Проба пера» будущего венгерского академика оказалась не очень удачной. Некоторые его фактические ошибки (например, приписывание захвата Киева Игорю) свидетельствуют о плохом знании автором истории Руси. Другой особенностью этого сочинения являются явные антирусские настроения, навеянные проходившей во время ее написания русско-турецкой войной. В целом работа Ш. Марки осталась на уровне предшествующей историографии, недостатки которой охарактеризованы выше.

Положение заметно меняется в лучшую сторону в последние десятилетия XIX в. Это время отмечено серьёзными достижениями в области историче-

---

[357] См.: *Szalay László*. Magyarország története. I. k. Pest, 1861. 242–243. l.; *Horváth Mihály*. Magyarország történelme. I. k. Pest, 1871. 384–385. l.

[358] *Márki Sándor*. Az oroszok hazánk történetében. Nagyvarad, 1878.

ской географии средневековой Венгрии. В 1881 г. выходит в свет трёхтомное исследование по истории, топонимии и исторической географии пограничного с Русью комитата Берег (ныне часть Закарпатской области Украины), написанное Тивадаром Лехоцки (1830–1915)[359], в котором рассматриваются, в том числе, этапы заселения Берега русскими и которое не потеряло своего научного значения до сих пор.

Признанным корифеем в этой области исторического знания стал Дежё Чанки (1857–1933), написавший многотомную «Историческую географию Венгрии в эпоху Хуняди»[360]. Хотя формально этот капитальный труд посвящен истории XV в., Д. Чанки стремился проанализировать всю доступную ему информацию об организации, границах и прошлом населённых пунктов отдельных венгерских комитатов. С точки зрения темы настоящего исследования наиболее интересны главы рассматриваемого труда, посвящённые пограничным с Русью комитатам[361].

В последние десятилетия XIX в. в Венгрии также начинается серьёзное изучение летописного материала. Наибольший вклад в это новое направление венгерской историографии внесли русин по происхождению Антал Ходинка[362] (1864–1946), специалист по генеалогии Арпадов Мор Вертнер (1849–1921) и самый выдающийся венгерский историк XIX в. Дюла Паулер (1841–1903).

Как этнический русин, А. Ходинка мог свободно читать выходившую в России научную литературу. Он также следил за выходом в свет изданий летописных памятников. Большое впечатление произвела на А. Ходинку вышеназванная статья В. Г. Васильевского о союзе двух империй. Под влиянием этой работы А. Ходинка написал две статьи, вошедшие в «Историческое собрание» за 1889 г.[363] Одна из них посвящена позиции Сербского княжества

---

[359] *Lehoczky Tivadar*. Bereg-vármegye monographiája. Ungvár, 1881. I–III. k.
[360] *Csánki Dezső*. Magyarország történelmi földrajza a Hunyadiak korában. I–III, V. k. Bp., 1890–1913.
[361] Ibid. I. k., 409–427. l. (комитат Берег).
[362] Русинский вариант его имени – Антон Годинка.
[363] *Hodinka Antal*. Byzanc történetéből a XII. században. A szerb fejedelemségek állapota és viszonya Magyarország Byzánchoz a 12. középen (Az 1149 és 1150. évi hadjáratok) // Történelmi Tár (далее: TT). Bp., 1889. 143–149. l.; *Idem*. Kálmánfi (Kolomanovics) Boris // Ibid. 421–439. l.

и отношению Венгрии к Византии в середине XII в., вторая – личности Бориса Калмановича. В последней работе, являющейся по сути своей переводом на венгерский язык приложения к названной статье В. Г. Васильевского, где собраны сведения источников о Борисе Калмановиче, А. Ходинка фактически поддерживает отождествление Бориса с ишпаном Боршем.

В начале XX в. А. Ходинка занимался проблемами истории христианской церкви приграничных с Русью комитатов Венгрии, а также изучал русские летописи в плане выявления в них известий о венграх. Результаты работы историка в первом из названных направлений были изложены им в «Истории мукачевского греко-католического епископства»[364]. Хотя формально тема этого исследования посвящена периоду, значительно более позднему, чем время, рассматриваемое в настоящей работе, в нём затрагиваются проблемы датировок начала миграций русского населения в Венгрию и оформления русско-венгерской границы. При этом А. Ходинка увязывает решение этих проблем друг с другом, пытаясь доказать, что венгерские топонимы с элементом „gyepű” (’засека’) расположены таким образом, что доказывают полную незаселённость «буферной зоны» между Русью и Венгрией вплоть до XIII в., когда были составлены наиболее ранние из дошедших до нас королевских дарительных грамот, в которых упоминаются топонимы с элементом *orosz* (‘русский’)[365].

Если аргументация А. Ходинки относительно времени начала миграций русского населения в Венгрию не встретила широкой поддержки у его венгерских коллег, поскольку есть прямые и косвенные свидетельства более раннего прихода отдельных групп «рутенов» в Венгрию, то плод его многолетних изысканий в области источниковедения – «Венгерские известия русских летописей»[366], в котором собраны и прокомментированы все упоминания о венграх в Лаврентьевской, Ипатьевской, Густинской, Никоновской и Воскресенской летописях, оставил более глубокий след в историографии. До

[364] *Hodinka A.* A munkácsi görög-katholikus püspökség története. Bp., 1909.
[365] Ibid. 58–89. l.
[366] *Hodinka A.* Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai. Bp., 1916.

сих пор венгерские исследователи, не являющиеся специалистами в области летописеведения, ссылаются на него в своих работах. С точки зрения темы настоящего исследования важным фактом является то, что А. Ходинка уточнил в рассматриваемом издании хронологию походов венгерских войск на Русь в XII в.

Неудачливый претендент на венгерский престол Борис Калманович заинтересовал также и М. Вертнера. В одной из статей он рассмотрел польский период жизни Бориса, а также проблему достоверности сведений Длугоша о Ростиславе Володаревиче – перемышльском князе, о котором нет упоминаний в русских летописях[367]. В венгерском научно-популярном журнале «Турул» М. Вертнер опубликовал заметку о судьбе русского зятя Ласло I Святого (1077–1095) Ярослава Святополковича[368], пытавшегося в 1123 г. вернуть с венгерской и польской военной помощью отчинный Владимир-Волынский. Самой заметной работой М. Вертнера стало обобщающее исследование генеалогии и матримониальных связей первой правящей династии королевства Венгрии – «Семейная история Арпадов»[369]. В нём венгерский исследователь дал наиболее полную картину матримониальных и генеалогических связей правителей страны до 1301 г.

Что касается темы настоящего исследования, то в рассматриваемом труде М. Вертнера содержатся специальные статьи, посвященные Евфимии Владимировне, Борису Калмановичу и Евфросинье Мстиславне (названной на венгерский лад Фружиной)[370]. М. Вертнер хорошо знает средневековую европейскую хронистику[371] и сведения византийских авторов, часто приводит цитаты из латиноязычных источников, но материал русских летописей он берёт исключительно из сочинений немецких историков и их переводов «Несторовой» и Радзивилловской летописи. Некритическое использование М. Вертне-

---

[367] *Wertner Mór*. Boris und Rostislav. Beitrag zur Geschichte der russisch-polnisch-ungarische Beziehungen. Berlin, 1889.
[368] *Wertner M.* Szent László királynak orosz veje // Turul. 8. k. Bp., 1890. 125–129. l.
[369] *Wertner M.* Az Árpádok családi története. Nagybecskerek, 1892.
[370] Ibid. 222–225., 257–280., 311–315. l.
[371] Правда, информацию Венгерского хроникального свода он черпает исключительно из хроники Яноша Туроци, которого считает её автором. Вот, например, как он комментирует фразу о том, что король Калман Книжник не стал наказывать уличённую в измене жену Евфимию Владимировну: «Туроци, который, впрочем, как раз не льстец Калмана, здесь трудится над тем, чтобы приукрасить деяние Калмана» (Ibid. 223. l.).

ром данных, взятых из работ недостаточно высокого исследовательского уровня, порой приводит к недоразумениям. Так, по его версии, галичский князь Ярослав Владимирович (Осмомысл), как известно, умерший в 1187 г., оказывается, был в 1188–1197 гг. новгородским «герцогом»[372].

Самой большой по объёму из названных статей «Семейной истории Арпадов» является та, что посвящена Борису Калмановичу. В ней приводятся не только все сведения источников о неудачливом претенденте на корону св. Иштвана, но и обзор мнений по известным фактам биографии Бориса, в том числе недостоверным. По своему значению рассматриваемую статью М. Вертнера можно сравнить с аналогичной работой, написанной несколькими годами ранее В. Г. Васильевским (см. выше). Разница между этими двумя исследованиями заключается в том, что российский учёный не приводит такое количество мнений своих предшественников (вплоть до ни на чем не основанных догадок и точек зрения историков XVIII в.), как его венгерский коллега. К сожалению, рассматриваемый труд М. Вертнера и в наши дни остаётся единственным изданием такого рода, хотя венгерские учёные затрагивают в своих работах, в том числе, и проблемы генеалогии и матримониальных связей правителей из дома Арпадов.

Д. Паулер также начал заниматься проблемами истории русско-венгерских отношений XII в. с написания статьи о «русско-греческих войнах» Гезы II, опубликованной в двух номерах «Военно-исторических записок» за 1890 г.[373] Итоги своих исследований в области истории Венгрии с эпохи «обретения родины» до 1301 г. Д. Паулер подвёл в обобщающем двухтомном труде под названием «История венгерской нации при королях из дома Арпадов»[374]. Это произведение стало для XIX в. наиболее полным и тщательным изложением прошлого венгерского народа, в том числе и с точки зрения проблематики настоящего исследования. Структурно рассматриваемое сочинение немного напоминает средневековую европейскую хронику.

---

[372] Ibid. 273. l.
[373] *Pauler Gyula.* II. Géza orosz-görög háborui, 1148–1156 // Hadtörténelmi Közlemények, 1890. 1–19., 273–285. l.
[374] *Pauler Gy.* A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt. I–II. k. Bp., 1899.

Оно разделено на главы, каждая из которых, как правило, посвящена определенному историческому периоду – правлению одного из королей или отдельному этапу правления, если оно было продолжительным или в источниках сохранилось много информации о нём. Внутри каждой главы строго выдерживается хронологический принцип. Иногда это приносит некоторые неудобства, как, например, в описании первых лет правления Гезы II (1141–1162), когда автор пересказывает «в шахматном порядке» походы на Русь и войны с византийским императором Мануилом I. Однако этот недостаток с лихвой перекрывается высочайшим уровнем исследования.

Д. Паулер использовал все введённые к тому времени в научный оборот источники, в том числе древнерусские. Не зная русского языка, он пользовался изданием «Несторовой летописи» во французском переводе Л. Леже[375], немецким переводом «Русской истории» К. Н. Бестужева-Рюмина[376], а также материалами А. Ходинки. Кроме того, Д. Паулер даёт уточнение датировок некоторых событий венгерской истории, опираясь на переведённую на венгерский язык работу А. Л. Петрова по древнерусскому летосчислению[377]. Венгерский историк имел представление о редакциях ПВЛ и списках Ипатьевской летописи, которые были ему известны из её львовского издания, осуществленного И. И. Шараневичем[378]. Д. Паулер был также знаком с вышеупомянутой монографией К. Я. Грота, где рассматриваются, в том числе, походы Гезы II и Иштвана II в юго-западную Русь.

В сочинении Д. Паулера нашли отражения все «венгерские» известия, содержащиеся в ПВЛ и Ипатьевской летописи. При этом историк учитывает всю летописную информацию, вплоть до той, что не имеет прямого отношения к теме его исследования. Так, рассказывая о происхождении Бориса Калмановича, родившегося около 1115 г., Д. Паулер пишет в комментарии о том, что 2 мая 1115 г. состоялось перенесение мощей свв. Бориса и Глеба в новый

---

[375] *Leger L.* Chronique dite de Nestor. Paris, 1889.
[376] *Bestusev Rjumin K. N.* Geschichte von Russland. Übers. von Schiemann. Mitau, 1873.
[377] *Petrof Elek.* Az orosz évkönyvek évszámitásáról // Századok, 1892. 365. skk.
[378] *Szaraniewicz I.* Die Hypatios-Chronik…

храм[379], намекая на то, в честь кого был назван отвергнутый Калманом сын. Д. Паулер познакомил венгерских читателей с княжескими коалициями на Руси в период междоусобных войн середины XII в. Отправку Гезой II военной помощи Изяславу Мстиславичу историк оценивает как «политику семейных чувств»[380]. Имя русской жены Гезы II (Евфросиния), а также имена некоторых венгерских персонажей, встречающихся на страницах Ипатьевской летописи, исследователь подтверждает ссылками на королевские дипломы, опубликованные в известном многотомном собрании Дёрдя Фейера[381].

Безусловно, «История венгерской нации при королях из дома Арпадов» Д. Паулера стала вершиной венгерской историографии XIX в. На её фоне весьма скромно смотрится вышедшая десятилетием ранее в Темешваре (соврем. Тимишоара) четырехтомная «История русской империи» Дюлы Лазара[382], который ограничился пересказом трудов своих предшественников, главным образом наиболее авторитетных русских и венгерских историков, и общеизвестных летописных сюжетов.

В начале XX в. в Венгрии появились как работы по региональной истории, в которых затрагивались некоторые проблемы истории русско-венгерских отношений XII в., так и более общие исследования, прежде всего по истории межконфессиональных связей двух соседних народов. Их авторы, как правило, были связаны своим происхождением или научными интересами с пограничными венгерскими комитатами на востоке и юго-востоке страны. Нахождение России и Австро-Венгрии во враждебных коалициях накануне и во время первой мировой войны нашло своё отражение в ранних работах Яноша Карачони (1858–1929): статье в венгерском научном журнале „Századok” (’Столетия’) под названием «О смутных очертаниях границ нашей родины в

[379] *Pauler Gy.* A magyar nemzet története... I. k., 476. l., 437. jegyz.
[380] Ibid. 349.l.
[381] *Fejér György*. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus et civilis. 1–42. k. Budae, 1829–1844.
[382] *Lázár Gyula.* Az orosz birodalom története. I–IV. k. Temesvár, 1890–1891.

эпоху Иштвана Святого»[383] и небольшой книжке пропагандистского содержания «Историческое право венгерской нации»[384]. В обоих сочинениях Я. Карачони путём тенденциозного подбора фактов пытался доказать, что будущая Словакия и земли, примыкавшие к русским границам, вплоть до начала XIII в. были совершенно безлюдными. Самым слабым звеном в умозаключениях Я. Карачони является признание им словаков и русинов потомками белых хорватов, что никак не вяжется с предлагаемой им датировкой начала русской миграции, совпадающей с концом эпохи «безлюдности» порубежных с Русью земель.

Единственным из венгерских историков довоенной эпохи, пытавшимся дать общую оценку политики Арпадов по отношению к Руси, был Лайош Таллоци (1856–1916). В работе, посвящённой правлению Белы III (1172–1196), Л. Таллоци заявляет о том, что отношение венгерских королей к русским соседям основывалось на исторической памяти о том, что древние русы платили дань древним мадьярам (во время проживания последних в степях Восточной Европы)[385]. Такая точка зрения соответствовала духу тогдашней внешнеполитической ситуации в Европе в условиях надвигающейся войны, но была признана несостоятельной уже в межвоенную эпоху.

Работы польских историков. Сохранение польского языка в качестве одного из наиболее распространённых в Галиции, вошедшей в состав Австро-Венгрии, способствовало появлению ряда исследований по истории Галицко-Волынской Руси, написанных польскими историками. Неслучайно именно Львов стал местом, где была предпринята первая попытка издания многотомного свода источников по истории Польши в Средние века[386]. Поскольку польские средневековые хроники грешат многочисленными баснословными известиями и даже целыми сюжетами, при их первом научном издании в

[383] *Karácsonyi János*. Halavány vonások hazánk Szent István korabeli határairól // Századok, XXV (1901). 1039–1058. l.
[384] *Karácsonyi J.* A magyar nemzet történeti joga. Nagyvárad, 1916.
[385] *Thállóczy Lajos*. III. Béla és a magyar birodalom. Bp., 1906. 89. l.
[386] Monumenta Poloniae Historica (MPH). T. I–VI. Lwów, 1864–1893.

конце XIX в. комментаторы отмечали явно недостоверные сведения, проверяя их известиями из современных источников сопредельных стран. С точки зрения темы настоящего исследования, первым это сделал Август Белёвский (1806–1875) при издании т. н. «Хроники Богухвала» (один из вариантов Великопольской хроники)[387].

Традицию, заложенную А. Белёвским, продолжил Казимеж Горский в статье «Отношения Казимира Справедливого с Русью»[388]. В ней автор обращает внимание на участие будущего галичского князя Владимира Володаревича в войне против Польши 1132–1135 гг., которую вели Чехия, Венгрия и Австрия. Перу К. Горского также принадлежит статья, посвящённая Борису Калмановичу[389]. Хотя в целом эта работа опирается на свидетельства источников и свободна от заблуждений историков прежних времен (см. выше примеры историографических мифов, приведённые в сочинении Ю. И. Венелина), одно из них К. Горский всё же разделяет: он считает Бориса галичским князем, коронованным Иштваном II и Болеславом III[390].

В работе младшего современника К. Горского – Макса (Максимилиана) Гумпловича (1864–1897), также посвящённой Борису Калмановичу, кроме этого, отстаивается ещё и другой историографический миф – о том, что русской женой Калмана была не Евфимия Владимировна, а Предслава Святополковна. Причём два рассматриваемые мифа М. Гумплович связывает воедино, заявляя, что если бы матерью Бориса была Евфимия, то он, «ещё будучи ребенком, женился и был посажен на трон Галицкий»[391].

Большое значение для исследования внешней политики Древней Руси имел выход в свет первого научного труда по генеалогии польской средневековой династии Пястов, написанный Освальдом Бальзером (1858–1933)[392].

---

[387] Kronika Boguchwala / Ed. A. Bielowski. MPH. T. II. Lwów, 1872.
[388] *Gorski Kazimierz*. Stosunki Kazimierza Sprawedliwego z Rusią // Przewodnik Naukowy i literacki. Lwów, 1875. R. 3. S. 572–584.
[389] *Gorski K*. Borys. Ustęp z dziejów XII wieku // Przewodnik naukowy i literacki. R. IV. Lwów, 1876. S. 63–82, 148–164.
[390] Ibid. S. 64.
[391] *Gumplowisz Maks*. Borys Kolomanović, królewicz węgerski (obditka z Przegladu Historycznego). Warszawa, 1906. S. 5.
[392] *Balzer Oswald*. Genealogia Piastów. Kraków, 1895.

Заметный вклад в изучение известий Яна Длугоша, в том числе об участии венгров в междоусобиях в Южной Руси, внёс Александр Семкович, посвятивший специальную работу информации «Польской истории»[393].

3. 20-е – 40-е годы XX в.

Становление советской историографии. Закрытие классических гимназий и ликвидация высшего исторического образования, а также перевоспитание в СССР «буржуазных» историков в духе «исторического материализма» не способствовало выходу в свет исследований в области истории внешней политики Древней Руси. Тем не менее, в межвоенный период в Советском Союзе появилась одна научная работа, специально посвящённая двум ярким персонажам, имеющим отношение к истории русско-венгерских отношений первой половины XII в.

Речь идёт о статье С. П. Розанова, опубликованной в «Известиях Академии наук» и посвящённой судьбам Евфимии Владимировны и её сына Бориса Калмановича[394]. В этой работе разбираются все сведения, касающиеся судеб дочери и внука Владимира Мономаха, пострадавших от произвола венгерского короля Калмана Книжника. Воссоздавая на основе дошедших до нас известий источников биографии названных исторических деятелей, С. П. Розанов поставил перед собой задачу полностью развенчать некоторые из историографических мифов XIX в., которые он обнаружил в рассмотренных выше работах К. Горского и М. Гумпловича. Одним из важных достоинств работы С. П. Розанова является обоснование большой вероятности того, что Борис был законным сыном Калмана Книжника, хотя все сомнения на этот счёт историку, разумеется, отвести не удалось. Основным недостатком рассматриваемой работы является стремление её автора домыслить причины не-

[393] *Semkowicz Aleksander*. Krityczny rozbiór Dziejów Polskich Jana Długosza (do roku 1384). Kraków, 1887.
[394] *Розанов С. П.* Евфимия Владимировна и Борис Коломанович: Из европейской политики XII в. // Известия АН, 7 серия: отделение общественных наук, 1930, № 8. С. 585–599; № 9. С. 649–671.

которых поступков своих «героев», исходя из психологических особенностей их личностей.

Русская эмигрантская историография. Как известно, стержнем развития российской исторической науки в эмиграции в межвоенный период была полемика между т. н. «евразийцами» и теми, кто не разделял их идеи. Те и другие спорили главным образом на «макроуровне», делая широкие обобщения глобального характера. Это мешало представителям обоих научных направлений сосредоточиться на конкретных глубоких исследованиях, в том числе в сфере истории внешней политики Руси и России, о судьбах которых они так остро дискутировали. Самый яркий тому пример – многотомное сочинение профессора Йельского университета (США) Георгия (Джорджа) Владимировича Вернадского (1887–1973), каждый из томов которого отведен конкретному периоду отечественной истории. События XII в. «евразиец» Г. В. Вернадский рассматривает во втором томе своего труда, посвящённом истории Киевской Руси[395]. О фактах из прошлого русско-венгерских отношений он говорит почти всегда мимоходом, иногда рисуя «широкими мазками» политическую ситуацию в Юго-Восточной Европе и в других соседних с Русью регионах.

Лишь в специальном разделе, посвящённом внешней политике Киевской Руси домонгольской эпохи (глава XII), Г. В. Вернадский более подробно останавливается на межконфессиональных, культурных и матримониальных связях русских и венгров, но дает это в общем контексте с русско-польскими, русско-чешскими и т. д. связями[396]. При этом историк опирается не на собственные оценки известий источников, а приводит выводы своих предшественников – К. Я. Грота, Н. Борецкого-Бергфельда и др.

Исследование генеалогии и матримониальных связей Рюриковичей вёл находившийся в Риме русский историк Николай Александрович Баумгартен

[395] *Vernadsky George*. Kievan Russia. New Haven, 1948 / *Vernadsky G., Karpovich M.* History of Russia. Vol. II.
[396] *Вернадский Г. В*. Киевская Русь. Пер. с англ. Тверь – Москва, 1996. С. 347–348, 351, 352–353.

(1867–1939). В изданном им там же на французском языке обобщающем труде[397] есть сведения и о династических браках, заключавшихся между Рюриковичами и Арпадами. При этом Н. А. Баумгартен не всегда опирается на надёжные данные источников. Так, на основании «татищевского известия» он утверждает, что женой Владимира Володаревича была венгерка[398]. Собранный историком материал относительно русско-венгерских связей при Гезе II был переведён на венгерский язык и опубликован в виде небольшой заметки в венгерском научном журнале „Történelmi Szemle" («Историческое обозрение»)[399].

В 20–30-е годы XX в. Евгений Юлианович Перфецкий (1888–1947) активно разрабатывал выдвинутую им концепцию о существовании т. н. Перемышльского свода, послужившего источником хроники Яна Длугоша[400]. Этот летописный памятник, который Е. Ю. Перфецкий также называл «хроникой Ростиславичей», по мнению историка, излагал в собственной интерпретации события IX – начала XI в. и с конца XI в. до 1100 гг.[401] По его мнению, содержащаяся у Длугоша информация имеет прямое отношение к процессу складывания союзнических отношений между Иштваном II и Владимиром Володаревичем.

Наиболее полное исследование по истории русско-чешских отношений X–XVIII вв. написал Антоний Владимирович Флоровский (1884–1968), проживавший в годы эмиграции в Праге. В его двухтомном труде[402] затрагиваются и некоторые сюжеты, рассматриваемые в настоящем исследовании. Прежде всего, А. В. Флоровский подробно разбирает генеалогию чешских королей, имевших тесные матримониальные связи, как с Рюриковичами, так и с Арпа-

---

[397] *Baumgarten N.* Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siécle / Orientalia Christiana. Vol. 9/1, Roma, 1927. N 35.

[398] Ibid. P. 16. Tab. III. Помимо труда В. Н. Татищева (см. в академическом издании 1963 г. Т. II. С. 138) Н. А. Баумгартен ссылается также на свою раннюю статью, которая была опубликована в вып. VIII «Хроники русского генеалогического общества в Москве» (1908) и пока остается для меня недоступной.

[399] *Baumgarten Miklós*. Adalék az orosz-magyar összeköttetések történetéhez // Történelmi Szemle, 1930. 97–101. l.

[400] *Перфецький Е.* Перемышльский літописний кодекс першої редакції в складі Хроніки Яна Длугоша // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Т. CXLIX. Львів, 1928. С. 31–83; Т. CLI. Львів, 1931. С. 19–56.

[401] *Perfeckij E.* Historia Polonica Jana Dlugosza a ruské letopisectivi. V Praze, 1932. S. 83–91.

[402] *Флоровский А. В.* Чехи и восточные славяне. Очерки истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.). Т. I–II. V Praze, 1935.

дами. При этом историк опирается на работы Н. А. Баумгартена, М. Вертнера, С. П. Розанова.

Другим объектом пристального внимания историка было участие чешских воинов, наряду с венгерскими, в междоусобиях русских князей. Рассматривая борьбу за власть на юге и юго-западе Руси в XII в., А. В. Флоровский заявляет о том, что о чешском участии в каждом из них можно говорить, «если принимать сообщение Никоновской летописи»[403]. Однако, в отличие от Н. М. Карамзина, А. В. Флоровский не отвергает полностью стереотипные добавления к венграм ляхов и чехов, а подробно разбирает каждый случай такого рода. Общий же вывод историка заключается в том, что «это обстоятельство несколько расхолаживает, подсказывает осторожность, заставляет принимать Никоновские чтения с определённой оговоркой»[404]. В целом же Флоровский склонен допускать участие чехов в совместных с венграми военных операциях русских князей рассматриваемого времени.

События, связанные с участием венгров в междоусобиях русских князей, затрагивает в своей работе «Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI–XII вв.» Владимир Алексеевич Мошин (1894–1987)[405], местом эмиграции которого была Югославия. При этом историка интересуют, прежде всего, матримониальные связи венгерских королей с русскими князьями и византийской правящей династией. Венгры и русские в исследованиях В. А. Мошина выглядят объектами внешней политики империи Комнинов, поэтому основными источниками для историка служат русские летописи и сочинение Иоанна Киннама. Европейские хроники он при этом не привлекает. В другой своей работе, вышедшей в СССР в 1963 г. и посвящённой русско-южнославянским литературным связям[406], В. А. Мошин подчёркивает особую роль Венгрии как посредника между Русью и сербами в условиях, когда

---

[403] Там же. Т. I. С. 74.
[404] Там же. С. 79, примеч. **.
[405] *Мошин В. А.* Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI – XII вв. // Byzantinoslavica. Rocn. XI, N 1. С. 32-60.
[406] *Мошин В. А.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей X–XV вв. // ТОДРЛ. Т. XIX. Л., 1963. С. 28–106.

после гибели Первого Болгарского царства между двумя странами простирались владения Венгрии.

Венгерская историография. В Венгрии эпохи «регентства» М. Хорти (1920–1944) продолжались исследования в области исторической географии и этнической истории народов Карпатского бассейна периода Средневековья. Уже в начале 20-х годов выходят статьи Шандора Бонкало (1880–1959), посвящённые проблемам поселения русских в Паннонии в домонгольское время[407]. В обеих работах отстаивается точка зрения о появлении русского населения в Венгрию не ранее XII в. Фактически Ш. Бонкало продолжает традицию датировки появления «рутенов» в Венгрии временем Калмана Книжника (1095–1116), первым набравшего корпус русских телохранителей (см. выше).

Янош Мелих (1872–1963) увидел в повествовании Венгерского Анонима об освоении древними венграми Паннонии в X в. рациональное зерно и попытался подкрепить информацию «магистра П.» о приходе различных народностей на земли королевства Венгрии в XI–XII вв. данными топонимии[408]. По мнению Я. Мелиха, расселение мигрантов из Руси происходило не единовременно, а регулярно на протяжении всего домонгольского периода[409].

Проблемами внешней политики Венгерского союза племён во время освоения Карпатской котловины и «патримониального королевства» Арпадов XI–XII вв. занимался Йожеф Деер (1905–1972). Фактически он стал единственным историком межвоенного периода, написавшим специальную монографию, посвящённую внешнеполитической истории Венгрии в Средние века[410]. Этот труд небольшой по объему, поскольку в нём дана авторская картина развития отношений Венгрии с соседними государствами и почти не рассматриваются мнения предшественников Й. Деера. Русско-венгерские контакты здесь исследуются в общем контексте внешней политики того или

---

[407] *Bonkáló Alexander*. Die ungarländischen Ruthenen // Ungarische Jahrbücher. Bd. 1, N 3. S. 215–232. Berlin; Leipzig, 1921; *Idem*. Die Ansiedlung der ungarländischen Ruthenen // Ibid. N 4. S. 313–341.

[408] *Melich János*. A honfoglaláskori Magyarország. Bp., 1925 (1–240. l.), 1929 (241–434. l.).

[409] Ibid. 155–157, 165. l.

[410] *Deér József*. A magyar törzsszövetség és a patrimoniális királyság külpolitikája. Kaposvár, 1928 [Repr.: Máriabesnyő–Gödöllő, 2003].

иного венгерского короля, а потому о них зачастую говорится кратко, иногда даже мимоходом. Й. Деер берет известия русских летописей из книги А. Ходинки (см. выше), из русских историков он цитирует лишь В. О. Ключевского по вышедшему в 1926 г. немецкому переводу его «Русской истории»[411].

Й. Деер считает, что внешняя политика Арпадов XI–XII вв. ярко демонстрирует черты патримониального государства, на что он неоднократно указывает на страницах рассматриваемой работы. Историк убеждён в том, что в войнах Гезы II на Руси «не было какой-либо высокой политической цели, на первый план выступает их династический, семейный характер»[412]. Й. Деер чётко разделяет походы, совершаемые венгерским войском в рамках оказания военной помощи своим зарубежным родственникам, и те, что ставили своей целью присоединение чужих территорий. Последние он осуждает и называет «империалистическими», а также считает не соответствующими духу патримониального государства. Он обращает внимание на приведённую в Венгерском хроникальном своде речь Козмы из рода Пазмань – лидера оппозиционной королю знати, с которой тот обратился в 1123 г. к Иштвану II под стенами Владимира-Волынского (см. гл. I). По мнению Й. Деера, «в словах ишпана Козмы ярче всего проявляется патримониальное мировоззрение. Агрессивную политику раннего Средневековья он считает собственным делом правителя, которое народ может, в крайнем случае, поддержать добровольно»[413]. Оригинальной мыслью Й. Деера является также утверждение о том, что Бела II помогал Владимиру Володаревичу с условием, что тот не будет поддерживать Бориса Калмановича[414], что представляется наиболее вероятным.

Самым крупным обобщающим трудом по истории Венгрии, изданным в межвоенное время, стало пятитомное сочинение Б. Хомана и Л. Сегфю «Вен-

[411] *Klutschewski W. O.* Geschichte Russlands / Hrsg. von Fr. Braun und R. von Walter. Bd. 1–4. Stuttgart; Leipzig; Berlin, 1926.
[412] *Deér József.* A magyar törzsszövetség és a patrimoniális királyság külpolitikája. 125. l.
[413] Ibid. 114. l.
[414] Ibid. 119. l.

герская история»[415]. Автором первого тома, в котором излагаются события с древнейших времен до прекращения династии Арпадов (1301), является Балинт Хоман (1885–1951) – университетский профессор, одно время занимавший пост министра культуры в правительстве М. Хорти.

Первые сюжеты из истории русско-венгерских отношений XII в., рассматриваемые в обобщающем труде Б. Хомана, относятся к матримониальным связям короля Калмана Книжника и его младшего брата герцога Алмоша. Уже здесь обнаруживается недостаточное знание венгерским историком древнерусских реалий. Так, он называет Владимира Мономаха суздальским князем[416], каковым тот никогда не был. В целом Б. Хоман старается дать в своей работе сводку всех русско-венгерских контактов рассматриваемого времени. Однако делает он это не всегда по источникам, а зачастую по доступной ему литературе, в которую не входили исследования русскоязычных авторов.

Несмотря на масштабность труда Б. Хомана, снабженного многочисленными картами, генеалогическими и другими таблицами, существенным её недостатком является полное отсутствие ссылок на источники. Вместо этого в приложении к каждому тому дается краткий источниковедческо-историографический очерк, в котором зачастую лишь перечисляются использованные автором издания источников и специальные работы. Судя по этому очерку, при написании сюжетов из истории русско-венгерских отношений XII в. Б. Хоман пользовался только изданием летописных отрывков А. Ходинки и статьей Д. Паулера «Русско-венгерские войны Гезы II»[417] (см. выше).

Работы польских учёных. Среди исследований, написанных польскими историками первой половины XX в. и посвящённых тематике настоящего исследования, следует упомянуть монографию Кароля Малечиньского (1897–1968) «Болеслав Кривоустый». Именно при этом князе, в начале его правле-

[415] *Hóman Bálint, Szegfű Gyula*. Magyar történet. 7. kiad. I–V. k. Bp., 1941.
[416] Ibid. I. k., 362. l.
[417] Ibid. 649. l.

ния, на территории Польши неоднократно появлялись русские и венгерские военные отряды, помогавшие Болеславу III (1102–1138) в борьбе с оспаривавшим у него престол братом Збигневом. В описании этой борьбы К. Малечиньский, не доверяющий рассказу магистра Винцентия Кадлубка и опирающийся на сведения более поздних письменных памятников (Великопольской хроники, «Польской истории» Яна Длугоша), стремится преуменьшить значение иностранной помощи, оказанной Болеславу III[418]. Что касается событий 1109 г., когда Польша подверглась нападению германского императора Генриха V (1106–1125), то К. Малечиньский отрицает факт обращения Болеслава Кривоустого за военной помощью к правителям Руси и Венгрии в то время[419].

Разумеется, не остался без внимания историка и сюжет, связанный с поддержкой Болеславом III Бориса Калмановича. К. Малечиньский впервые приводит в качестве аргумента в пользу отождествления «Паннонца», сдавшего Вислицу, с Борисом, мысль о том, что, поскольку Вислица была разорена Владимиром Володаревичем в том же 1135 г., когда германский император Лотарь III (1125–1137) заставил Болеслава III отказаться от поддержки претендента на венгерский трон, сдача Вислицы была актом мести Бориса за предательство польского князя[420]. Эта версия нашла поддержку у некоторых польских историков послевоенной эпохи[421], но, как показано ниже, в главе IV, вряд ли соответствует действительности, поскольку Вислица была захвачена раньше, чем Болеслав Кривоустый отказался от поддержки Бориса.

4. Вторая половина XX в.

Советская историография. В первые послевоенные годы проблемами истории русско-венгерских отношений в рамках изучения исторических связей

---

[418] *Maleczyński Karol*. Bolesław Krzywousty. Kraków, 1946. S. 44–45.
[419] Ibid. S. 109.
[420] Ibid. S. 159–160.
[421] См.: *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, пер., комм. Отв. ред. В. Л. Янин. М., 1990. С. 121, примеч. 9.

Руси и Византии занимался Митрофан Васильевич Левченко (1890–1955). В вышедшем в свет уже после его смерти обобщающем труде[422] затронуты все сюжеты, связанные с контактами Рюриковичей и Арпадов, в которых прямо или косвенно принимала участие византийская дипломатия. Рассматривая судьбу Бориса Калмановича, М. В. Левченко из факта женитьбы претендента на венгерский престол на родственнице императора Иоанна II Комнина (1118–1143) делает вывод о существовании хороших отношений Византии с Киевом, имевших антивенгерскую направленность[423], что представляется весьма сомнительным. По мнению историка, большим авторитетом в 40-е годы XII в. обладала в Венгрии «умная и энергичная» жена Гезы II Ефросинья Мстиславна[424]. Это утверждение исследователя более соответствует реальности.

М. В. Левченко прослеживает изменение политической ситуации в Юго-Восточной Европе, приведшее к возникновению двух враждебных коалиций. Опираясь на вышеупомянутую работу В. Г. Васильевского, вошедшую в том IV его «Трудов», М. В. Левченко пишет: «К 1149 г. не только Гейза, но и его родственник Изяслав были врагами византийского императора»[425]. В связи с этим союзником Комнинов стал Владимир Володаревич. Как и все византинисты, исследовавшие данную проблему, М. В. Левченко цитирует по этому поводу Иоанна Киннама, называющего Владимира «вассалом» империи[426]. Историк неоднократно ссылается на Киннама, подробно рассматривая все его известия о русско-венгерских контактах. Информация же венгерских хроник по этому поводу в анализируемой работе не привлекается. По мнению историка, «отчасти благодаря содействию Галицкого князя Владимирка война Мануила с Венгрией закончилась благоприятно для Византии»[427]. Точно так же, опираясь на ранние летописные памятники и хроники Иоанна Киннама и Никиты Хониата, М. В. Левченко анализирует события второй

[422] *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.
[423] Там же. С. 478–479.
[424] Там же. С. 479.
[425] Там же.
[426] Там же. С. 480.
[427] Там же. С. 489.

половины XII в. Естественно, исследователь подробно разбирает действия Мануила I Комнина (1143–1180) по разрушению галичско-венгерского союза в 1165 г. Правда, в успехе василевса историк видит и оборотную сторону: «…расстраивая русско-венгерские отношения, Мануил тем самым подготовил союз Венгрии с немецким государством и помог укреплению её связей с Западом»[428].

В 50-е годы XX в., после создания мировой системы социализма, возникла потребность в более глубоком изучении прошлого «братских стран», поэтому в СССР появляются историки со знанием венгерского языка. С этого времени исследования по истории русско-венгерских отношений, хотя и не сразу, но вышли на качественно более высокий уровень. В 1959 г. М. А. Павлушкова опубликовала в журнале «История СССР» статью, в которой дала общую оценку домонгольского периода взаимоотношений Руси и Венгрии[429]. Небольшой объем статьи (6 страниц) позволил исследовательнице остановиться лишь на некоторых сюжетах из истории ранних контактов двух соседних народов. При этом событиям XII в. М. А. Павлушкова уделила менее всего внимания. Главной тому причиной является то, что, являясь специалистом по европейскому Средневековью, исследовательница недостаточно хорошо знала древнерусский материал, о чём свидетельствуют её ошибки в интерпретации летописных известий[430].

Более квалифицированными, опирающимися на глубокое знание как европейских, так и древнерусских источников, были исследования Владимира Павловича Шушарина (1924–1999). Его первая большая статья по своему названию была посвящена изучению сюжетов, связанных с историей русско-венгерских контактов IX в.[431] Однако, историк не ограничился этим крайне скудно обеспеченным источниками периодом, а фактически затронул всё до-

---

[428] Там же. С. 492.

[429] *Павлушкова М. А.* Русско-венгерские отношения до начала XIII в. // История СССР, 1959, № 6. С. 149–155.

[430] Так, М. А. Павлушкова перепутала свв. князей-мучеников Бориса и Глеба, сделав Бориса муромским князем. Отсюда она вывела заключение о том, что любимый отрок Бориса Владимировича Георгий был не венгром, а представителем одной из финно-угорских народностей Поволжья.

[431] *Шушарин В. П.* Русско-венгерские отношения в IX в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 131–180.

монгольское время. В начале рассматриваемой работы В. П. Шушарин приводит перевод глав рыцарского романа Венгерского Анонима – сочинения, написание которого датируется венгерскими исследователями рубежом XII–XIII вв.[432] Это является одной из причин обращения исследователя к сюжетам из истории XII в. По мнению В. П. Шушарина, анонимные «Деяния венгров» были написаны для обоснования экспансионистской политики венгерских королей по отношению к Руси[433]. Это утверждение историк подкрепляет перечислением походов венгерского войска на земли восточнее гряды Карпатских гор в конце XI–XII в. Правда, в соответствии с духом своего времени, В. П. Шушарин поддерживает утверждение В. Т. Пашуто[434] о том, что «агрессивная политика венгерских королей по отношению к русским землям в XII–XIII вв. служила целям папской курии, стремившейся распространить своё влияние на территорию Галицко-Волынского княжества»[435].

В своих последующих работах В. П. Шушарин полностью сосредоточился на проблемах венгерской истории, поэтому сюжеты из средневекового прошлого русско-венгерских отношений затрагивались им лишь косвенно в трудах обобщающего характера[436]. Даже в первом томе трехтомной «Истории Венгрии», все главы которого, посвящённые Средневековью, написаны В. П. Шушариным и где проблематика настоящей работы затрагивается как в разделе, посвящённом внутриполитическому развитию Венгрии, так и в разделе «Внешняя политика», дана лишь сводка основных сюжетов из сферы русско-венгерских контактов[437].

Большое значение для разработки проблем настоящего исследования имело изучение Арсением Николаевичем Насоновым (1898–1965) южнорусского летописания, в том числе Киевского свода и его источников. Результаты от-

---

[432] Обзор мнений см.: *Шушарин В. П.* Ранний этап этнической истории венгров. С. 376.
[433] *Шушарин В. П.* Русско-венгерские отношения в IX в. С. 167.
[434] См.: Очерки истории СССР. XII–XIII вв. М., 1960. С. 196.
[435] *Шушарин В. П.* Русско-венгерские отношения в IX в. С. 169.
[436] См.: *Шушарин В. П.* Древнерусское государства в западно- и восточноевропейских памятниках // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 420–452; История Венгрии. Т. I. С. 114–148; *Шушарин В. П.* Этническая история Восточного Прикарпатья в IX–XII вв. // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 168–179.
[437] История Венгрии. Т. I. С. 131, 141–142.

дельных исследований выдающегося советского летописеведа[438] были обобщены в посмертном издании его капитального труда по истории русского летописания XI – начала XVIII в.[439] В седьмой главе этой работы, где подведены итоги многолетних исследований А. Н. Насонова, реконструируется киевский источник общерусских сводов второй половины XV в. Здесь, в частности, обращается внимание на то, что сведения о венграх, сообщаемые в Ипатьевской летописи и общерусских сводах XV в., не всегда совпадают[440].

Значительным подспорьем для исследований по истории внешней политики Древнерусского государства стал фундаментальный труд Николая Георгиевича Бережкова (1886–1956), в котором восстанавливается точная хронология летописных известий XI–XII вв.[441] Выверенные исследователем датировки событий, описанных в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, были признаны не только отечественными, но и зарубежными историками. Венгерские учёные также опираются на них в работах, где рассматриваются походы королей из династии Арпадов в южнорусские земли. Впрочем, некоторые датировки Н. Г. Бережкова вызывают сомнения исследователей. Автор этих строк, в частности, оспаривает утверждение о том, что Владимир Ярославич вернул себе галицкий стол (после возвращения из венгерского плена) в 1189 г. (см. ниже, в гл. VIII).

В 60-е годы XX в. на проблемах истории внешней политики Древнерусского государства сосредоточил своё основное внимание Владимир Терентьевич Пашуто (1918–1983). Итогом его многолетних исследований стала обобщающая монография «Внешняя политика Древней Руси», вышедшая в 1968 г.[442] Этот капитальный труд стал первой попыткой охватить все направления внешнеполитических связей Киева, а затем и центров отдельных кня-

---

[438] С точки зрения темы настоящей работы наиболее важными из них представляются следующие: *Насонов А. Н.* Об отношении летописания Переяславля-Русского к Киевскому (XII в.) // Проблемы источниковедения. Вып. VIII. М., 1959. С. 466–494; *Он же*. Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник // Проблемы источниковедения. Вып. X. М., 1961. С. 350–385; *Он же*. Малоизвестные вопросы ростово-суздальского летописания // Проблемы источниковедения. Вып. XI. М., 1962. С. 349–392.

[439] *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII в. Очерки и исследования. М., 1969.

[440] Там же. С. 290.

[441] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.

[442] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

жеств, с ближними и дальними соседями. Истории русско-венгерских отношений XII в. в рассматриваемой книге посвящён специальный раздел[443]. При этом В. Т. Пашуто делит данный период на два этапа, отмечая, что «на первом – Венгрия содействует обособлению от Киева земель Волыни и Галичины, на втором – всё больше склоняется к волынско-смоленскому союзу и противостоит связанной с Византией галицко-суздальской группировке князей»[444].

Далее В. Т. Пашуто рассматривает отдельные сюжеты в хронологическом порядке, учитывая все известные данные источников и результаты предшествующих исследований, однако об участии русских и венгерских отрядов в войне Болеслава III Кривоустого с братом Збигневом он даже не упоминает. Иногда историк выдвигает и собственные гипотезы. Так, он предполагает, что Борис Калманович мог попасть в Византию вместе с караваном, везшим сосланных Мстиславом Великим полоцких князей, и участвовать в венгерско-византийской войне 1129 г.[445] Прекрасно зная европейские средневековые источники, В. Т. Пашуто привёл все известия хроник центральноевропейских государств относительно большой войны, развязанной соседними правителями против Белы II в пользу Бориса[446].

Описывая дальнейшую борьбу неудачливого претендента за венгерский престол, В. Т. Пашуто показывает её в международном контексте как следствие внешнеполитических устремлений европейских государей середины XII в. Историк обращает внимание на то, что при складывании династических союзов того времени не только правители, но и окружавшая их знать устанавливала матримониальные связи между собой для укрепления русско-венгерского союза[447]. Естественно, подробнее всего В. Т. Пашуто разбирает в анализируемой главе «Внешней политики Древней Руси» походы войска Гезы II на Русь 1148–1152 гг. Приводимые при этом многочисленные цитаты из

[443] Там же. С. 167–182.
[444] Там же. С. 167.
[445] Там же. С. 167–168.
[446] Там же. С. 168.
[447] Там же. С. 168–169. Имеется в виду прежде всего брак дорогобужского князя Владимира Мстиславича и дочери венгерского бана Белуша.

Киевского свода (Ипатьевской летописи) комментируются историком, в том числе, с учётом информации европейских хроник.

Что касается второй половины XII в., то в рассматриваемой монографии учтена вся информация об «уграх», содержащаяся в русских летописях, а также известия Иоанна Киннама о вмешательстве Мануила I Комнина (1143–1180) в русско-венгерские отношения. Новым для исследований такого рода является особое внимание, которое В. Т. Пашуто уделил судьбе вдовствующей венгерской королевы Евфросиньи Мстиславны после её высылки из Венгрии сыном Белой III ок. 1187 г.[448] При этом историк указал на то, что в исторической памяти могли быть перепутаны сведения о двух современницах – Евфросинье Мстиславне и св. Евфросинье Полоцкой[449]. В целом рассмотренная часть труда В. Т. Пашуто является наиболее полным для своего времени исследованием проблем, затрагиваемых в настоящей работе.

Специальных работ, посвящённых истории русско-венгерских отношений XII в., в последние два десятилетия XX в. не выходило ни в СССР, ни после его распада в независимых России и Украине. Отдельные сюжеты по данной тематике затрагивались лишь в исследованиях в области внешней политики Древнерусского государства. Исключением из этого правила является статья А. В. Юрасовского, сравнившего венгерские грамоты XII в. с отрывками из Ипатьевской летописи, в которых Б. А. Рыбаков, В. Т. Пашуто и другие исследователи видят воспроизведённые или пересказанные тексты реальных грамот, которые посылали друг другу Геза II и русские князья[450]. Главным выводом этой небольшой по объёму работы является то, что при рассмотрении приведённых в Ипатьевской летописи текстов посланий русских князей иностранным государям следует учитывать условия появления этих документов, т. е. четко разграничивать их аутентичность и достоверность. «Эти

[448] Там же. С. 179–180.
[449] Там же. С. 180.
[450] *Юрасовский А. В*. К вопросу о степени аутентичности венгерских грамот XII в. Ипатьевской летописи // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1981. С. 189–194.

понятия требуют каждый раз специального рассмотрения, ибо далеко не всегда совпадают»[451].

Заметный вклад в изучение ранних польских источников, содержащих, в том числе, сведения о вмешательстве венгров во внутренние дела южнорусских княжеств, и о роли польских правителей в русско-венгерских контактах XII в., внесла Наталия Ивановна Щавелева (1946–2001). В написанных ей комментариях к изданию в русском переводе Великопольской хроники[452], а также в сборнике отрывков из польских письменных памятников домонгольского периода, содержащих сведения о Руси, которые были подобраны, переведены и прокомментированы Н. И. Щавелевой[453], дан не только свод всех ранних известий, но и оценки их информации исследователями, прежде всего, советскими и польскими.

Венгерская историография. Первые послевоенные десятилетия стали временем утверждения в венгерской исторической науке марксистского метода изучения явлений и процессов прошлого. Поскольку для официальной коммунистической пропаганды Венгрии русские теперь были олицетворением братского советского народа, во многих исторических исследованиях сменился тон по отношению к восточным соседям венгров в эпоху раннего Средневековья. Вместо прежнего подчеркивания превосходства мадьяр над «рутенами», характерного для венгерских историков начала XX в., теперь обнаруживалось наличие добрососедских и даже союзнических отношений между двумя названными народами и их правителями.

Так, Дёрдь Секей (1924–2016) написал большую статью, в которой постарался создать картину единения венгров и славянских народов Юго-Восточной и Восточной Европы в условиях существования постоянной не-

[451] Там же. С. 194.
[452] «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. Пер. Л. М. Поповой, вступ. статья и комм. Н. И. Щавелевой. Под ред. В. Л. Янина. М., 1987.
[453] *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, пер., комм. Отв. ред. В. Л. Янин. М., 1990.

мецкой угрозы в XI–XIV вв.[454] В этой работе сквозит плохо скрываемое желание её автора представить феодальные войны того времени как оборону чехов, поляков, мадьяр и русских от не прекращавшейся агрессии немецких рыцарей.

Дёрдь Дёрффи (1917–2000) внёс заметный вклад в изучение истории средневековой Венгрии. Одна из его ранних работ затрагивает проблему складывания связей галицких князей с христианами восточного обряда, проживавшими на землях Венгерского королевства. Изучая опись имущества монастыря св. Дмитрия в г. Сремска-Митровица на р. Саве, произведённую в последние годы правления Белы III (1172–1196), исследователь обнаружил там свидетельства о дарениях, сделанных правителями Галича в первой половине XII в.[455] (см. выше, гл. I). Долгое время Д. Дёрффи занимался этнической историей и исторической географией средневековой Венгрии, а также проблемами источниковедения венгерских хроник. В связи с этим он затронул и «русскую» тематику в рамках развернувшейся в послевоенные годы дискуссией по поводу локализации т. н. «Русской марки», существовавшей на территории Венгрии в XI–XII вв.[456] При этом историк опирался на более позднее значение слова *orosz* ’русский’ в венгерском языке как ’стражник, телохранитель’ и наличие «сторожевой» топонимии вдоль венгерской границы «буферной зоны», простиравшейся между Русью и Венгрией в X–XI вв. По мнению Д. Дёрффи, миграции русского населения в северо-восточные области Венгрии происходили с XI–XII вв. Эту точку зрения он отстаивал и в своем капитальном труде «Историческая география Венгрии эпохи Арпадов»[457], в котором дано в алфавитном порядке описание большинства венгерских комитатов XI–XIII вв. и всех поселений, существовавших в то время на их территории.

---

[454] *Székely György*. Kapcsolatok a kelet-európai népek harcaiban a feudalis német hóditók ellen a 11.–14. században // Hadtörténelmi Közlemények (далее: HK), 1954, N 1. 139–170. l.

[455] *Györffy György*. A szavaszentdemeteri görög monostor XII. századi birtokösszeirása. Az MTA II. Osztályának Közleményei, 1952. 352–362. l.; 1953. 69–104. l.

[456] *Györffy Gy*. A magyar nemzetségről a vármegyéig, a törzstől az országig // Századok, 1958. 12–87., 565–615.l.

[457] *Györffy Gy*. Az Árpád-kori Magyarország történeti földrajza. I–IV. k. Bp., 1963–1998.

Венгерский академик Дюла Кришто (1939–2004), обладавший необычайно широким научным кругозором, оставил свой след и в изучении истории русско-венгерских отношений домонгольского периода. В 1980 г. вышел первый вариант его статьи «Русские в Венгрии в эпоху Арпадов»[458], который был переработан для сборника «Исследования об эпохе Арпадов», изданного в 1983 г.[459] Русский перевод второго варианта рассматриваемой работы, сделанный Б. Й. Желицки, опубликован в 2001 г. в журнале «Славяноведение»[460]. Тот же переводчик подготовил на русском языке третий вариант этой статьи, вошедший в сборник памяти В. П. Шушарина[461].

В рассматриваемой статье сюжетам по истории XII в. уделено немного внимания. Опираясь прежде всего на данные королевских дипломов, в которых упоминаются люди русской национальности и населённые пункты, названия которых образованы от этникона «орос», Д. Кришто высказывает сомнения по поводу того, что в домонгольское время происходили крупномасштабные миграции русского населения в Венгрию. Более того, появление некоторых «русских» топонимов учёный объясняет тем, что в данном месте поселялась одна русская семья, и её двор стал ядром будущей деревни, население которой могло быть каким угодно с этнической точки зрения. При этом Д. Кришто ссылается на документ 1177 г., в котором «говорится о доме человека в комитате Темеш, принадлежавшего к русскому этносу (*domus Ruteni*). Предполагалось, что из этого ядра возникло средневековое село под названием *Ороси*»[462].

В 1984 и 1987 гг. вышел (двумя изданиями) первый том 10-томной академической «Истории Венгрии» объёмом более 100 п. л., где подробно рассматриваются прошлое Среднего Подунавья от появления там первых людей до завоевания его венграми, древнейшая история венгров и эпоха правления

---

[458] *Kristó Gyula*. Oroszok az Árpád-kori Magyarországon // Acta Historica. LXVII, 1980. 57–66. l.
[459] *Kristó Gy*. Oroszok az Árpád-kori Magyarországon // *Idem.* Tanulmányok az Árpád-korról. Bp., 1983. 191–207. l.
[460] *Кришто Дюла*. Русские в Венгрии в эпоху династии Арпадов // Славяноведение, 2001, № 2. С. 22–30.
[461] *Кришто Д.* Русские в Венгрии в эпоху династии Арпадов // Центральноевропейские исследования. Вып. 2. Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время. (Памяти В.П.Шушарина). М., 2004. С. 41–53.
[462] Там же. С. 43.

Арпадов до 1242 г. Раздел этого обобщающего труда, посвящённый периоду 1116–1241 гг., также принадлежит перу Д. Кришто. В нём он поддержал историографический миф о тождестве Бориса Калмановича и ишпана Борша и, исходя из этого, датировал переезд Бориса из Руси в Византию временем не позднее 1128 г. Никаких весомых аргументов, позволяющих усомниться в том, что отождествление Бориса и Борша является мифом, Д. Кришто при этом не приводит[463].

В 70-е годы XX в. преподаватель университета им. Аттилы Йожефа (Сегед) Ференц Макк начал заниматься проблемами истории внешней политики средневековой Венгрии. Первые работы Ф. Макка были посвящены рассмотрению некоторых сюжетов, связанных с деятельностью венгерских королей XII в. – Калмана Книжника, Иштвана II, Белы II, Гезы II, Иштвана III[464]. В этих небольших по объёму статьях историк пытался по-новому объяснить отдельные факты внутри- и внешнеполитической истории Венгрии XII в. Так, по его мнению, поражению Бориса Калмановича в борьбе за венгерский престол во многом способствовало изменение соотношения сил при дворе Белы II, сумевшего разгромить «партию» знати, считавшей более законными претендентами на престол потомков Калмана, а не его брата Алмоша, чьим сыном был Бела II[465].

В своей малой докторской диссертации[466], посвящённой проблемам венгерско-византийских отношений XII в.[467], Ф. Макк уделил много внимания «русскому фактору» в политике венгерских королей того времени, а также той роли, которую сыграли попытки захвата престола Борисом Калмановичем в изменениях внешнеполитического курса Белы II и Гезы II. При этом он

---

[463] *Kristó Gy.* Korai feudalizmus (1116–1241) // Magyar történet tíz kötetben. I. k. 2. kiad. Bp., 1987. 1187. l.

[464] *Makk Ferenc.* Megjegyzések II. Béla történetéhez // Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Acta Historica. Szeged (далее: Acta Historica). T. XL, 1972. 31–49. l.; *Idem.* Megjegyzések II. István történetéhez // Középkori kutfőink kritikus kérdései. Szerk. Horváth J., Székely Gy. Bp., 1974. 253–259. l.; *Idem*. Megjegyzések III. István történetéhez // Acta Historica. T. LXVI (1979). 29–41. l.; *Idem*. Megjegyzések Kálman külpolitikájához // Acta Historica. T. LXVII (1980). 21–30. l.; *Idem*. Megjegyzések a II. Géza-kori magyar-bizanci konfrontácio kronológiájához // Ibid. 41–54. l.

[465] См.: *Makk F.* Megjegyzések II. Béla történetéhez…

[466] В Венгрии эпохи строительства социализма учёные защищали три диссертации: малую докторскую, кандидатскую и большую докторскую (на присуждение степени доктора хабилитат).

[467] *Makk F.* Magyar-bizánci kapcsolatok a XII. században (рукопись) Szeged, 1978.

указал на то, что «реальной оценке русско-венгерских войн при Гезе II мешают в одном случае преувеличение династических связей, а в другом – подчёркивание его (венгерского короля. – *М. Ю.*) захватнических целей»[468]. В последующем Ф. Макк продолжил изучение внешнеполитических акций венгерских королей XII в., рассматривая их с точки зрения византиниста, каковым он является по своей специальности. При этом многие работы исследователя имеют обобщающий характер и по большей части представляют собой главы из общих трудов по истории Венгрии в Средние века, в том числе в университетских учебниках[469].

Важным вкладом в изучение не только истории русско-венгерских, но и венгерско-византийских отношений середины XII в. стала статья Ф. Макка «К вопросу о хронологии венгерско-византийских отношений в эпоху Гезы II (1141–1162)»[470]. В этой работе, переведённой впоследствии на французский язык[471], Ф. Макк приводит серьёзные аргументы в пользу того, что сведения хроники Иоанна Киннама о времени походов византийского императора Мануила I в Венгрию не всегда точны, в то время как Ипатьевская летопись описывает ситуацию 1150 г., когда Геза II объяснял своему шурину Изяславу Мстиславичу невозможность лично прибыть к нему на помощь в борьбе с Юрием Долгоруким тем, что он сам находится в состоянии войны с Византией, более адекватно тогдашним жизненным реалиям. Выводы, полученные в ходе этого исследования, Макк изложил на русском языке в небольшом сообщении, где уточняется дата похода Гезы II на Русь, даваемая Киевской летописью, на основании свидетельств византийских источников[472].

Среди статей 80-х годов XX в., в которых Ф. Макк рассматривает отдельные проблемы истории русско-венгерских отношений первой половины XII

---

[468] Ibid.

[469] Подробную библиографию работ Ф. Макка см. в книге: *Шушарин В. П.* Ранний этап этнической истории венгров (проблемы этнического самосознания). М., 1988. (Рукопись, депонированная в ИНИОН АН СССР № 42891 (1–2) 24. IX. 1990 г.). С. 822.

[470] *Makk F.* Megjegyzések a II. Géza-kori magyar-bizánci konfrontátio kronológiájához...

[471] *Makk F.* Contribution à la chronologie des conflits hungaro-byzantine au milieu du XIIe siècle // Зборник радова Византинолошког института. Београд, 1981. Кн. 20.

[472] *Макк Ф.* К достоверности одного из сообщений киевской летописи // Acta Universitatis Szegediensis... Dissertationes Slavicae. Supplementum. Szeged, 1981. С. 9–13.

в., можно выделить работы «К оценке борьбы магнатских групп в XII в.», где обращается внимание на использование различными группами венгерской знати иностранной помощи, в том числе русской[473]. Историк также написал небольшую статью, посвящённую Борису Калмановичу, в которой приводятся аргументы против отождествления Бориса с ишпаном Боршем[474], более убедительные, чем выдвигает в её защиту Д. Кришто.

Если Ф. Макк разрабатывает общие проблемы внешней политики Венгрии в эпоху династии Арпадов, то Марта Фонт специализируется на истории взаимоотношений венгров с Русью и западнославянскими странами в домонгольский период. В 1979 г. она защитила в университете г. Сегеда малую докторскую диссертацию на тему «К вопросу о русско-венгерских связях XII в.»[475]. Этот период истории политических, культурных, межконфессиональных контактов между двумя соседними народами становится сферой научных интересов М. Фонт. В последующие годы она постоянно дополняет материал своей диссертации результатами новых исследований. Некоторые из этих работ выходят на русском языке, но, как правило, в научных сборниках Сегедского и Печского университетов, поэтому для России они являются библиографической редкостью. В 1980 г. в исторической серии «Актов Сегедского университета» вышла статья М. Фонт «Русская политика Гезы II»[476], посвящённая периоду наиболее интенсивных военных контактов между Галицкой Русью и Венгрией. Уже здесь проявилось глубокое знание М. Фонт древнерусских летописей и основной литературы по их текстологии.

Первая работа М. Фонт на русском языке вышла в 1981 г. в сборнике статей по славистике, изданным университетом г. Сегед[477]. В ней исследовательница обозначила программу своих будущих научных изысканий. Следующая понятная русскому читателю работа М. Фонт появилась в 1982 г. под

---

[473] *Makk F.* A XII. századi főúri csoportharcok értékeléséhez // Acta Historica, LXXI, 1981. 29–35. l.

[474] *Makk F.* Borisz, egy XII. századi trónkövetelő // Acta Universitatis de Attila József nominatae. Acta Antiqua et Archaeologica. Supplementum. VI. Szeged, 1987. 61–65. l.

[475] *Font Márta.* A XII. századi orosz-magyar kapcsolatok kérdéséhez. Bölcsészdoctori dissertatio (рукопись) Szeged, 1979.

[476] *Font M.* A XII. századi II. Géza orosz politikája // Acta Historica. 67 (1980). 33–39. l.

[477] *Фонт М.* Важнейшие политические проблемы Киевской Руси XII в. // Acta Historica. Dissertationes Slavicae. Supplementum. Szeged, 1981. С. 14–20.

названием «Геза II и Изяслав Киевский»[478]. Здесь дана сводка не только конкретных известий из Ипатьевской летописи и информация византийских авторов Иоанна Киннами и Никиты Хониата, но и обзор мнений советских и венгерских ученых относительно целей похода Гезы II на русские земли. В следующем году в сборнике “Hungaro-Slavica” вышла новая русскоязычная работа М. Фонт «Политические отношения венгерского короля Гезы II с Русью»[479], где предпринята попытка оценить международную обстановку в Центральной и Юго-Восточной Европе в середине XII в. и найти причины перехода Гезы II от союза с галицкими князьями к открытой конфронтации с ними. Здесь же исследовательница делает вывод о том, что «венгерский господствующий класс, оформленный вследствие внутренней консолидации 1130-х годов, не единогласно поддерживал враждебные отношения с Галичем»[480]. В 1984 г. в журнале «Интерпресс магазин» была напечатана небольшая заметка М. Фонт по поводу того, был ли Борис Калманович внебрачным ребёнком[481], в которой даётся отрицательный ответ на этот вопрос.

В конце 80-х годов XX в. М. Фонт сосредотачивается на изучении Киевского свода как основного источника венгерских известий всего древнерусского летописания[482]. Исследовательница теперь ставит своей задачей рассмотрение всего комплекса сведений о венграх, содержащихся в названной части Ипатьевской летописи. При этом она обращает внимание на происхождение той или иной информации и сопоставляет её со свидетельствами венгерских и польских хронистов. Исследовательница делит известия о венграх Киевского свода на три группы: погодные записи, содержащие минимум сведений; рассказ о событиях 1148–1152 гг.; рассказ о событиях 1188–1190 гг. В результате исследования М. Фонт приходит к следующим основным выво-

---

[478] *Фонт М.* Геза II и Изяслав Киевский // Acta Universitatis Szegediensis… Dissertationes Slavicae. Sectio Linguistica. Szeged. XV (1982). С. 79–87.

[479] *Фонт М.* Политические отношения венгерского короля Гезы II с Русью // Hungaroslavica. Bp., 1983. С. 33–40.

[480] Там же. С. 39.

[481] *Font M.* Fattyú volt-e Borisz? // Interpress Magazin, 1984, N 8. 22–26. l.

[482] *Фонт М.* Киевская летопись как источник для изучения венгерской истории // Specimina nova. Dissertationum ex Instituto Historico Universitatis Quinqueecclesiensis de Iano Pannonio nominatae. A Pécsi Janus Pannonius Tudományegyetem Történeti Tanszékének évkönyve. Pécs, 1989. С. 149–156.

дам: три разных группы известий о венграх Киевского свода «представляют собой три разные летописные традиции, относятся к трём авторам и неодновременно были написаны». Кроме того, летописные датировки венгерских известий неточны и нуждаются в проверке известиями других источников[483].

Польская историография. Значительный объем информации, содержащийся в польских средневековых хрониках по поводу активного вмешательства Пястов в междоусобия в юго-западной Руси, не мог остаться без внимания польских исследователей. Помимо непременных сюжетов в разделах обобщающих трудов, посвящённых внешней политике средневековой Польши, появлялись и специальные исследования, затрагивающие отношения отдельных польских правителей с соседними государями. Издавались во второй половине XX в. в Польше и переводы источников, содержащие сведения о русско-венгерских контактах рассматриваемого времени.

Внешнеполитическая деятельность польских князей XII в. была одной из тем исследований Бронислава Влодарского (1895–1974). В специальной работе под названием «Русь в политических планах Болеслава Кривоустого», поддерживая точку зрения К. Малечиньского о том, что русские и венгерские военные отряды, пришедшие на помощь Болеславу III Кривоустому во время его борьбы с братом Збигневом, не сыграли никакой заметной роли[484], и, так же, как и К. Малечиньский, опираясь на текст Длугоша при анализе событий, связанных с захватом Вислицы Владимиром Володаревичем, Б. Влодарский утверждает, что Бела II помог русскому князю в походе на пограничную польскую крепость[485]. Помимо этого, в рассматриваемой работе прослеживаются матримониальные связи правителей Руси, Польши и Венгрии периода княжения Болеслава III (1102–1138), оценивается роль поляков и венгров в борьбе волынского князя Ярослава Святополковича за потерянный стол, описывается пребывание Бориса Калмановича в Польше. В работе «Польско-

[483] Там же. С. 154.
[484] *Włodarski Bronisław.* Rus' w planach politycznych Bolesława Krzywoustego // Zeszyty Naukowe Universitetu M. Kopernika. Toruń, 1966. Z. 20. S. 44–45.
[485] Ibid. S. 55–56.

русское соседство в эпоху Казимира Справедливого» Б. Влодарский подробно рассматривает события 1188–1190 гг., происходившие в Галиче, с точки зрения внешнеполитической ситуации, сложившейся в регионе, где сходились границы Руси, Венгрии и Польши. По мнению историка, краковский князь Казимир II Справедливый (1177–1194) сделал ставку на Владимира Ярославича по причине недовольства усилением позиций Арпадов в юго-восточной Руси[486].

Из работ более позднего времени следует упомянуть обобщающую монографию Павла Яшеницы (1909–1970) «Польша [эпохи] Пястов»[487], а также охватывающее менее продолжительный период польской истории исследование Богдана Сноха «Сыновья Кривоустого»[488]. В обеих работах русско-венгерские отношения затрагиваются в плане изучения внешней политики польских королей.

Немецкоязычные работы. Историки ФРГ и Австрии пока не посвятили специальных исследований проблемам, затрагиваемым в настоящей работе. Тем не менее, Раймунд Кербл, написавший работу «Византийские принцессы в Венгрии между 1050–1200 гг. и их влияние на королевство Арпадов», уделил в ней внимание и русско-венгерским сюжетам. Поддерживая точку зрения об отождествлении Бориса Калмановича с ишпаном Боршем, австрийский историк считает, что Борис после поражения на р. Шайо (1132) до 1135 г. находился в комитате Сепеш. По мнению Р. Кербла, Борис мог титуловать себя «королём Венгрии» [489].

Среди историков ФРГ последней четверти XX в. проблемами истории Древней Руси, в том числе внешнеполитической, занимался Хартмут Рюсс. В написанной им части справочника по русской истории, посвящённой Киев-

---

[486] *Włodarski B*. Sąsidstwo polsko-ruskie w czasach Kazimierza Sprawedliwego // Przegląd Historyczny. Warswawa, 1964. T. 60. Zesz. 1. S. 16.
[487] *Jasienica Paweł*. Polska Piastów. Warszawa, 1985.
[488] *Snoch Bogdan*. Synowe Krzywoustego. Warszawa, 1987.
[489] *Kerbl Rajmund*. Byzantinische Prinzessinnen in Ungarn zwischen 1050–1200 und ihr Einfluss auf das Arpadenkönigreich. Wien, 1979. S. 64–66.

ской Руси[490], дана сводка известий о походах венгерских королей в южную Русь, сведения о матримониальных связях Рюриковичей и Арпадов и т. п. Однако при этом Х. Рюсс далеко не всегда точен. Так, он считает, что у Белы II была русская жена по имени Евпраксия[491].

Украинская историография. В целом работы украинских историков советской эпохи мало отличались от исследований, выходивших в Москве, Ленинграде и других научных центрах, где изучалась домонгольская эпоха отечественной истории. Однако их уровень нередко уступал уровню работ российских историков. Главные тому причины – отсутствие специалистов, знавших венгерский язык, и продолжение многими исследователями традиции М. С. Грушевского рассматривать русско-венгерские отношения после распада Руси на отдельные княжества исключительно как историю галицко-венгерских контактов, т. е. вне контекста общеевропейской политики В связи с этим помимо перечисления известий ПВЛ, Киевского свода и других летописных памятников о походах венгерских королей украинские историки в рамках венгерской средневековой проблематики затрагивали лишь вопрос о локализации русско-венгерской границы в XII в., опираясь на данные археологии или топонимии.

Ярослав Дмитриевич Исаевич (1936–2010), на основании данных, опубликованных в «Archivum Europae Centro-orientalis»[492], утверждает, что «в XII в. граница венгерских владений продвинулась к северу, примерно до засечной линии между Мукачево и Свалявой»[493]. Помимо Я. Д. Исаевича проблемами складывания русско-венгерской границы косвенно занимался археолог Борис Анисимович Тимощук (1919–2003), исследуя древности Буковины[494]. Он, в частности, считает, что во второй половине XII в. вдоль р. Прут сложилась

---

[490] *Rüss Hartmuth.* Das Reich von Kiev // Handbuch der Geschichte Russlands. Stuttgart, 1980. S. 199–429.
[491] Ibid. S. 334.
[492] Archivum Europae Centroorientalis. T. 4. Warszawa, 1938. P. 1–3, 269.
[493] *Исаевич Я. Д.* Карпатский регион в эпоху Киевской Руси и феодальной раздробленности // Украинские Карпаты. История. Киев, 1989. С. 44. См. также: *Исаєвич Я. Д.* Історична географія Угорщини та суміжних країв XI–XIV ст. // Архівы Украіни, 1967, № 2. С. 72–73.
[494] *Тимощук Б. О.* Давньоруська Буковина (X – перша половина XIII ст.). Київ, 1982.

пограничная полоса шириной до 200 км, где Карпаты естественным образом размежёвывали русские и венгерские земли[495].

Итог исследованиям по исторической географии галицко-венгерского порубежья подвел Николай Фёдорович Котляр[496], который свёл воедино результаты работ своих предшественников – Н. П. Дашкевича, Я. Д. Исаевича, Б. А. Тимощука и др., не добавив к ним ничего нового. Аналогичным образом, с точки зрения проблематики настоящего исследования, можно оценить и монографию Ивана Петровича Крипьякевича (1886–1967), вышедшую в 1984 г., но написанную ещё в 1957 г. и задержанную к публикации по указанию советской цензуры[497].

Много сюжетов из истории русско-венгерских отношений первой половины XII в. затрагивает в своей монографии «Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII в.» Александр Борисович Головко[498]. Наибольшее их число обнаруживается при рассмотрении исследователем эпохи Болеслава III Кривоустого (1102–1138). С большинством выводов А. Б. Головко, касающихся роли русских и венгров в междоусобиях, часто вспыхивавших в Польше в рассматриваемое время, можно согласиться. Вместе с тем, некоторые из них нуждаются в уточнениях, на что неоднократно обращается внимание на страницах настоящего исследования.

5. Конец XX – начало XXI в.

Современная российская историография. В 1997 г. вышла монография В. П. Шушарина «Ранний этап этнической истории венгров», в которой подведён итог многолетних исследований её автора по домонгольскому периоду истории Венгрии. В этой работе «Деяния венгров» Анонима анализируется с

---

[495] Там же. С. 86.

[496] *Котляр Н. Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985.

[497] *Крип'якевич І. П.* Галицько-Волинське князівство. Київ, 1984. Недавно вышло в свет второе издание этой работы, без купюр, образовавшихся в результате действий советской цензуры. См.: *Крип'якевич Иван*. Галицько-Волинське князівство. Вид. друге. Львів, 1999.

[498] *Головко А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII в. Киев, 1988.

точки зрения оценки этнического автостереотипа венгров XII в. и их отношения к соседним народам, в том числе к русским. По мнению В. П. Шушарина, для обозначения венгров Аноним употребляет термин «люди», а в рассказах о других народах – термин «генс», который «ещё можно истолковать как «общность подданных в сочетаниях «король и его генс»[499].

А. В. Назаренко впервые обратился к венгерской тематике в связи с проблемой т. н. «Русской марки» (Marchia Ruizorum) – одной из пограничных областей Венгерского королевства, существовавшей, по всей видимости, в XI–XII вв. и населенной этническими русскими. В небольшой статье, вышедшей в 1979 г., исследователь оспорил устоявшуюся в венгерской исторической науке точку зрения о локализации этой области на русско-венгерском пограничье, выдвинув гипотезу о нахождении «Русской марки» в междуречье Дравы и Савы[500]. Несмотря на приведённые в рассматриваемой работе некоторые заслуживающие внимания аргументы в пользу того, что «Русская марка» находилась на землях нынешней Сербии, её автору не удалось поколебать господствующую в венгерской науке точку зрения. В новейших работах венгерских историков не подвергается сомнению утверждение о том, что свидетельство Жития Конрада, архиепископа зальцбургского, о пребывании Иштвана II в 1127 г. в «Русской марке» было связано с его активным вмешательством во внутренние дела юго-западной Руси.

В последующие годы А. В. Назаренко неоднократно обращался к венгерским сюжетам, но, как правило, относящимся к X–XI вв. В написанным им на основании многолетних исследований «междисциплинарных очерках культурных, торговых, политических связей (Руси) IX–XII вв.»[501] затрагиваются сюжеты, связанные с браками Алмоша и Предславы Святополковны, а также Калмана Книжника и Евфимии Владимировны, с точки зрения генеа-

---

[499] *Шушарин В. П.* Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М., 1997. С. 343–344. Историк при этом ссылается на хронику Шимона Кезаи (SRH. Vol. I. P. 420, 457).

[500] *Назаренко А. В.* О «Русской марке» в средневековой Венгрии // Восточная Европа в древности и средневековье. Сб. статей. М., 1978. С. 302–306.

[501] *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001.

логии Рюриковичей[502]. Другие факты и события истории русско-венгерских отношений А. В. Назаренко не рассматривает. Проблемы генеалогии венгерских королей XII в. из династии Арпадов и их матримониальные связи с Рюриковичами А. В. Назаренко затрагивает и в другой своей работе[503]. При этом исследователь предполагает, что Владимир Мономах «реагировал немедленно» на высылку дочери Евфимии из Венгрии её мужем – королем Калманом, хотя и признаёт, «в чём именно состоял ответ, мы не знаем»[504]. Всё это превращает данную гипотезу в ничем не аргументированную догадку.

Переводчик и комментатор новейшего издания отрывков хроники Иоанна Киннама, касающихся истории Руси и народов Восточной Европы, М. В. Бибиков[505] не мог обойти стороной сюжет, связанный с карательным походом Мануила I Комнина в Венгрию, причиной которого стало нападение Гезы II на Владимира Володаревича. Однако при этом М. В. Бибиков всецело доверяет Иоанну Киннаму, даже не рассматривая гипотезу Ф. Макка (см. выше), которая (судя по приведённой в книге библиографии) была известна российскому исследователю в её переводе на французский язык[506].

Ещё больше сюжетов, связанных с историей русско-венгерских отношений первой половины XII в., содержится в «Польской истории» Яна Длугоша, сведения которой (книги I–VI), касающиеся домонгольской Руси, были собраны Н. И. Щавелевой. Ввиду безвременной кончины исследовательницы начатую ей работу по переводу и комментированию этого польского источника XV в. завершил А. В. Назаренко. В этом издании [507] учтена вся основная историография по затрагиваемым сюжетам, за исключением венгерской.

Самым большим по объему исследованием последнего времени по истории юго-западной Руси домонгольского периода стала монография А. В.

---

[502] Там же. С. 562, 578, 604–606.
[503] *Назаренко А. В.* Владимир Мономах и Вельфы в конце XI в. // Средневековая Русь. Отв. ред. А. А. Горский. Вып. 7. М., 2007. С. 71–119.
[504] Там же. С. 73.
[505] *Бибиков М. В.* Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. Тексты, пер., комм. Под ред. В. Т. Пашуто. М., 1997.
[506] Там же. С. 62, 164.
[507] *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Книги I–VI). Текст, пер., комм. Под ред. и с доп. А. В. Назаренко. М., 2004.

Майорова, вышедшая в свет в 2001 г.[508] В этой работе глубоко и обстоятельно рассматриваются, в том числе, и все летописные сюжеты, связанные с пребыванием венгров на Волыни и в Галиче. В соответствии с тематикой рассматриваемой монографии и принадлежностью её автора к т. н. «школе И. Я. Фроянова», венгерско-русские контакты представлены в ней как взаимоотношения городской общины с пришедшими на русские земли иностранцами. Роль князей при этом, как стремится показать А. В. Майоров, никогда не была определяющей. Особенно ярко это видно в анализе событий, происходивших в Галиче в 1187–1190 гг., где подчёркивается полная самостоятельность местной общины в выборе князей[509]. В отличие от других современных исследователей истории Галицко-Волынской Руси, А. В. Майоров привлекает все «татищевские известия», касающиеся этого региона, причём делает это некритически и не обращая внимания на то, что многие из них появляются только во второй редакции «Истории Российской» В. Н. Татищева.

В России на русском языке вышла монография украинского историка Н. Ф. Котляра «Дипломатия Южной Руси» (СПб., 2003), в которой рассматриваются как внешнеполитическая история названного региона, так и междукняжеские отношения IX–XIII вв. Русско-венгерским отношениям XII в. здесь посвящена специальная глава[510]. Кроме того, отдельные сюжеты по данной тематике затрагиваются в других главах рассматриваемой работы[511]. В целом же эта монография Н. Ф. Котляра не содержит новых идей или оценочных суждений по теме настоящей работы.

В 2006 г. в Брянске вышла очень краткая обзорная статья С. Г. Поляковой, посвящённая династическим бракам, заключенным Арпадами и Рюриковичами в XI–XIII вв. В соответствии с жанром этой работы в ней отсутствует текстологический анализ сведений источников. При этом исследовательницы выдвигает крайне маловероятную гипотезу, согласно которой беременная

---

[508] *Майоров А. В*. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. Под ред. И. Я. Фроянова. СПб., 2001.
[509] Там же. С. 265–296.
[510] *Котляр Н. Ф*. Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003. С. 111–121.
[511] Там же. С. 63, 67–68, 74, 75, 77–79, 84–86.

Евфимия Владимировна была выслана из Венгрии вследствие ухудшения отношений её мужа Калмана Книжника с тестем Владимиром Мономахом[512]. Судя по ссылкам, труды венгерских исследователей не были использованы С. Г. Поляковой при написании рассматриваемой статьи.

Работы венгерских историков. В начале 1990-х гг. М. Фонт издаёт ряд работ обобщающего характера. Одна из них касается межконфессиональных и политических связей Руси и Венгрии за первые три века существования Венгерского королевства[513], другая является первым вариантом (немецкоязычным) обзорной статьи о русско-венгерских отношениях XII в.[514], в третьей дана общая оценка Киевского свода как источника по венгерской истории[515]. Ещё одна небольшая статья М. Фонт вышла на польском языке и посвящена складыванию галицко-венгерского союза в 20-х годах XII в.[516]

Второй вариант обзорной статьи М. Фонт о русско-венгерских политических связях XII в. вышел в 1995 г. в издающемся в Сегеде научном журнале “Aetas”[517]. Через два года эта работа была переведена на русский язык В. П. Шушариным, однако её публикация в России затянулась на семь лет. Лишь в 2004 г. русскоязычный вариант рассматриваемой работы вышел в сборнике памяти В. П. Шушарина[518]. В целом эта среднего объема статья даёт представление об основных сюжетах истории русско-венгерских отношений XII в. Здесь, как и в других работах М. Фонт, проявляется стремление венгерской исследовательницы анализировать лишь те факты, которые можно почерп-

---

[512] *Полякова С. Г.* Русско-венгерские отношения в свете династических браков XI–XIII вв. // Вестник БГУ. Ч. 2. Брянск, 2006 // http://pandia.ru/text/77/150/8209.php.

[513] *Font M.* Megjegyzések a XI–XIII. századi orosz-magyar kapcsolatok egyház történeti vonatkozásairól // Történeti tanulmányok Dél-Pannóniából. II. Pécs, 1990. 29–37. l. В русском переводе см.: *Фонт М.* Церковно-политические аспекты русско-венгерских отношений в XI–XIII вв. // Acta Universitatis Szegediensis… Dissertationes Slavice. Sectio Linguistica. T. XXI. Szeged, 1990. С. 55–67.

[514] *Font M.* Politische Beziehungen zwischen Ungarn und dem Kiewer Russland 12. Jh. // Ungarn – Jahrbuch. Bd. 18. München, 1991. S. 1–18.

[515] *Font M.* A kijevi évkönyv mint magyar történeti forrás // T. Sz., 1991, N 1–2. 70–83. l.

[516] *Font M.* Powstanie szojuzu halicko-wengerskiego w latach dwudziestych XII wieku // Studia Historyczne, r. XXXVI. Kraków, 1993. Z. 3 (142). S. 281–286.

[517] *Font M.* Magyar-orosz politikai kapcsolatok a 12. században // Aetas. Szeged, 1995. N 1. 53–75. l.

[518] *Фонт М.* Венгерско-русские политические связи в XII веке (1118–1199 гг.) // Центрально-европейские исследования. Вып. 2. Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время. М., 2004. С. 86–115.

нуть из самых достоверных источников. Для XII в. таковым является, прежде всего, Киевский свод (Ипатьевская летопись). Не остаются без внимания М. Фонт и свидетельства Иоанна Киннама, венгерских и ряда западноевропейских средневековых хроник, но материал польских средневековых исторических сочинений используется ей крайне редко. В результате события из истории русско-венгерских отношений, в которых активное участие принимали поляки, анализируются в работах М. Фонт недостаточно глубоко, что ярко видно на примере изложения ей событий, связанных с борьбой Владимира Ярославича за возвращение «отчинного» Галича.

Исследовательница также не углубляется в текстологический анализ известий источников, на которые она опирается в своих выводах. Больше всего внимания М. Фонт уделила здесь неоднократно разрабатывавшейся ей проблеме роли войска Гезы II в междоусобиях русских князей середины XII в. Сопоставив хронологию походов венгерской армии на русском и византийском театрах боевых действий, она уточняет число военных операций отрядов Гезы II на Руси, заявляя, что их было значительно меньше, чем полагают историки: «несколько дат, считавшихся раньше датами походов, следует признать, что они отражают лишь одну из фаз военных действий или касаются обращений с просьбами о помощи»[519]. Давая общую оценку взаимоотношений Гезы II с шурином Изяславом Мстиславичем, М. Фонт подчёркивает сдержанность зятя в оказании помощи своему русскому тестю[520]. Попытка исследовательницы локализовать «Русскую марку», в которой пребывал Иштван II в 1127 г., путём привлечения свидетельства Длугоша и «татищевского известия»[521], представляется малоубедительной.

Итогом многолетнего изучения Киевского свода стало издание М. Фонт свода «венгерских» известий этого летописного памятника с параллельным венгерским переводом и комментариями исследовательницы[522]. В этом издании приведены отрывки не только с прямыми, но и с косвенными известиями

[519] Там же. С. 100.
[520] Там же. С. 102.
[521] Там же. С. 89–90.
[522] *Font M.* Magyarok a Kijevi Évkönyvben. Szeged, 1996.

о венграх. Во вступительной статье, предваряющей параллельный текст отрывков из Киевского свода с венгерским переводом и краткими комментариями, учтена основная советская – российская литература по летописеведению, а также работы отечественных, венгерских, польских и др. исследователей – авторов наиболее значительных работ по проблемам истории русско-венгерских отношений XII в., но, как правило, на уровне общих оценок. Что же касается самих комментариев, то они по большей части разъясняют венгерскому читателю неизвестные древнерусские реалии, местонахождение упоминаемых летописцем географических названий, степени родства и «отчины» русских князей и т. п. Сравнительного анализа материала Киевского свода с параллельными известиями других летописных памятников в рассматриваемом издании нет.

Среди работ, написанных М. Фонт на рубеже XX–XXI вв., преобладают небольшие статьи обобщающего характера. В связи с 1100-летним юбилеем «обретения родины» мадьярами на Среднем Дунае в Сегеде был издан сборник статей под названием «До и после Арпада», в котором помещена небольшая обзорная работа М. Фонт «Венгры и славяне до конца эпохи Арпада»[523]. Здесь миграции русского населения на территорию Венгрии датируются временем Арпада и послемонгольским периодом[524]. Эту же точку зрения исследовательница повторяет в своей обзорной работе по исторической демографии средневековой Венгрии[525].

Последняя по времени выхода из известных мне русскоязычных работ М. Фонт, посвящённых проблемам истории русско-венгерских отношений XII в., появилась в 2002 г. в Киеве в сборнике, изданном по случаю 70-летия Н. Ф. Котляра[526]. В этой статье дана сводка всех известных упоминаний о русских, бывавших в Венгрии, и о венграх, участвовавших в боевых действиях

---

[523] *Font M.* Magyarok és szlávok az Árpád-kor végeig // Árpád előtt és után. Tanulmányok a magyarság és hazája korai történetéről. Szerk. Kristó Gy. és Makk F. Szeged, 1996. 157–167. l.
[524] Ibid. 159. l.
[525] *Font M.* A honfoglalástól Mohácsig // A Kárpát-medence etnikai és demográfiai viszonyai a honfoglalástól a török kiűzéséig. Pécs, 1998. 26. l.
[526] *Фонт М.* Венгры на Руси в XI–XIII вв. // А се его сребро. Збірник праць на пошану члена-кореспондента НАН України Миколи Федоровича Котляра з нагоди його 70-річчя. Київ, 2002. С. 89–98.

на территории Руси. Основная масса информации о русских взята из летописей, а о венграх – из сохранившихся королевских дипломов. При этом подавляющее большинство упоминаний относится к XIII в., а единичные грамоты о пожалованиях XII – начала XIII в. М. Фонт гипотетически связывает с участием упомянутых в них лиц в попытках закрепления власти венгерской короны над Галичем при Беле III[527].

В 2005 г. вышла в свет монография М. Фонт «Короли из дома Арпадов и князья Рюриковичи»[528], которая подводит итог её исследованиям предыдущих лет. В этой работе отдельно рассматриваются матримониальные связи двух правящих родов[529], а затем идёт последовательное изложение и анализ фактов русско-венгерских политических контактов[530]. Что касается разделов рассматриваемой монографии, посвящённых событиям и фактам XII в., то они в основном повторяют материал более ранней статьи М. Фонт «Венгерско-русские политические связи XII века (1118–1199 гг.)» (см. выше). Ввиду того, что в настоящей работе рассматриваются все сюжеты, затронутые в анализируемой монографии М. Фонт, в последующих главах приводятся мнения и оценки венгерской исследовательницы отношений, сложившихся между Рюриковичами и Арпадами в XII в.

Продолжает свои исследования отдельных аспектов внешней политики Венгрии в XII в. и Ф. Макк. Важной, с точки зрения темы настоящего исследования, является статья Ф. Макка «Несколько замечаний о внешней политике королей из ветви Калмана»[531], в которой высказывается мнение о том, что в 1105–1106 гг. король Калман планировал не карательный поход на Русь (чтобы отомстить за разгром его войска под Перемышлем в 1099 г.), а оказание военной помощи Святополку Изяславичу, призывавшему его к совместному выступлению против половецкого хана Боняка[532].

---

[527] Там же. С. 94–95.
[528] *Font M*. Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek. Szeged, 2005 [Szegedi Középkortörténeti Könyvtár. 21.].
[529] О династических браках XII в. см.: Ibid. 136–140. l.
[530] О событиях XII в. см.: Ibid. 146–187. l.
[531] *Makk F*. Néhány megjegyzés a Kálmán-ági királyok külpolitikájához // Acta Historica, XCII, 1991. 3–15. l.
[532] Ibid. 8. l.

Большая докторская диссертация Ф. Макка была впервые издана в 1993 г., в 1996 г. – вторым изданием с изменениями и дополнениями[533], а в 1999 г. в Германии вышел в свет её немецкий перевод[534]. Эта работа планировалась как монография, однако полное отсутствие сносок во всех трёх изданиях фактически превращает её в научно-популярную книгу. В целом рассматриваемое сочинение даёт достаточно полную картину внешнеполитической истории Венгрии на протяжении первых трёх веков проживания мадьяр на Среднем Дунае, однако в нём представлена лишь авторская интерпретация анализируемого материала, без обзоров мнений по дискуссионным проблемам.

Д. Кришто в последние годы жизни не написал специальных работ по истории русско-венгерских отношений, однако он касался отдельных сюжетов по данной тематике в своих обобщающих трудах. В монографии «Войны эпохи Арпадов»[535] рассматриваются походы венгерских королей в контексте общеевропейской политики. В другой книге, носящей название «Карпатский бассейн и далекое прошлое венгров (до 1301 г.»[536], прослеживается история Паннонии до прихода мадьяр и в эпоху Арпадов, в том числе и венгерско-русские контакты IX–XIII вв. Однако это работа скорее научно-популярного характера, поскольку её научный аппарат ограничивается библиографией в конце книги.

В последней монографии, увидевшей свет при жизни Д. Кришто – «Невенгерские народы в средневековой Венгрии»[537] – основное внимание уделено доказательству тезиса о том, что венгры Арпада не разорвали существовавшее до их прихода славянское единство и не разрушили славянское племенное объединение на Среднем Дунае. Что же касается миграций русского населения в Венгрию в XII в., то Д. Кришто, оперируя данными упоминаемой в средневековых венгерских дипломах топонимии, стремится показать, что о

---

[533] *Makk F.* Magyar külpolitika (896–1196). Szeged, 1993 (2. kiad. – 1996).
[534] *Makk F.* Ungarische Außenpolitik (896–1196). Herne, 1999.
[535] *Kristó Gy.* Az Árpád-kori háborúi. Bp., 1986.
[536] *Idem.* A Kárpát-medence és a magyarság régmúltja (1301-ig). Szeged, 1993.
[537] *Idem.*. Nem magyar népek a középkori Magyarországon. Bp., 2003.

массовом переселении русских на территорию Венгрии можно говорить не ранее начала XIII в.

Новейшее исследование, посвящённое Борису Калмановичу, вышло на венгерском языке в 2007 г. под названием «Борис в зеркале источников»[538]. Его автор Агнеш Нюлашши вновь проанализировала сведения о неудачливом претенденте на венгерский престол, содержащиеся в различных источниках, проделав на новом научном уровне работу, впервые сделанную В. Г. Васильевским в конце XIX в. При этом наряду с описанием реальных фактов из биографии названного внука Владимира Мономаха исследовательница привлекает и некоторые историографические мифы, поддерживая, например, отождествление Бориса с ишпаном Боршем и др., считая их такими же реальными фактами. Хотя А. Нюлашши приводит новые аргументы для обоснования реалистичности названных мифов, её доказательства нельзя признать убедительными, на что обращено внимание ниже, в главе IV[539].

Польская историография. Из вышедших в Польше в последние годы работ по средневековой истории важной, с точки зрения русско-венгерских отношений XII в., является капитальное исследование генеалогии первых Пястов, проведенное Казимежом Яшиньским (1920–1997)[540]. Этот труд поднял на новый уровень (по сравнению с более ранней работой О. Бальзера, см. выше) изучение родственным связей польских князей и королей, в том числе, с правителями Руси и Польши. Некоторые утверждения О. Бальзера были подвергнуты сомнению К. Яшиньским, в том числе имеющие косвенное отношение к теме настоящего исследования (см. ниже).

Современный польский историк Дариуш Домбровский в капитальном труде «Генеалогия Мстиславичей. Первые поколения (до начала XIV века)», где прослеживается судьба Мстислава Великого (1125–1132) и его потомков, приводит самый подробный анализ дошедших до нас сведений о представи-

[538] *Nyulassy Ágnes*. Borisz a források tükrében // Dixit et salvavi animam meam. Tanulmányok a 65 éves Szegfű László tiszteletére. Szeged, 2007. 79–98. l.
[539] См. об этом: *Юрасов М. К.* Внук Владимира Мономаха… С. 38–39, 192–201 и др.
[540] *Jasiński Kazimierz*. Rodowód pierwszych Piastów. Poznań, 2004.

телях этой Мономашичей, в том числе имевших матримониальные или политические связи с Арпадами или их родственниками – Изяславе и Владимире Мстиславичах, а также их сестре Евфросинье[541]. При этом Д. Домбровский подвергает сомнению господствующую в историографии датировку брака Гезы II и Евфросиньи Мстиславны 1146 г., перенося её на 1144 г. и обосновывая свою точку зрения не свидетельствами новооткрытого источника, а собственными вычислениями достижения брачного возраста старшей дочерью и старшей внучкой Гезы и Евфросиньи[542], что представляется недостаточным для пересмотра даты рассматриваемого события.

Работы украинских историков. В связи с тем, что после выхода из состава СССР на Украине заметно вырос интерес к самостоятельному изучению национальной истории, здесь на рубеже XX–XXI вв. появилось много работ, посвящённых юго-западной Руси домонгольского периода. Их ценность напрямую зависит от учёта достижений польской и венгерской историографии, где также активно изучаются некоторые проблемы внешнеполитической истории Руси, особенно первой трети XIII в. С этой точки зрения хотелось бы выделить монографию А. Б. Головко «Корона Даниила Галицкого»[543], в которой прослеживается история юго-западной Руси с IX до конца XIII в. Автор этого обобщающего труда хорошо знаком с работами польских историков и учитывает их точки зрения, в том числе, при рассмотрении отдельных эпизодов из истории галицко-венгерских отношений, в которых принимали участие Пясты или посланные ими люди.

Единственным из современных украинских историков, специально занимающимся историей русско-венгерских отношений в Средние века, является Мирослав Волощук. Результатом его многолетних исследований венгерских

---

[541] *Dąbrowski Dariusz*. Genealogia Mścisławiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku). Kraków, 2005. S. 114–127, 166–183. Недавно вышел в свет перевод этого труда на русский язык: *Домбровский Дариуш.* Генеалогия Мстиславичей : Первые поколения (до начала XIV в.) Пер. и вступ. слово к рус. изд. К. Ю. Ерусалимского и О. А. Остапчук. СПб., 2015.

[542] *Dąbrowski Dariusz*. Genealogia Mścisławiczów. S..173.

[543] *Головко О. Б.* Корона Данила Галицького: Волинь і Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя. Київ, 2006.

королевских дипломов эпохи династий Арпадов и Анжу стала обобщающая работа «Русь» в Венгерском королевстве (XI – вторая половина XIV в.): общественно-политическая роль, имущественные отношения, миграции», вышедшая в Ивано-Франковске в 2014 г.[544] В ней проанализированы все обнаруженные автором упоминания русских (в различных вариантах) в средневековом венгерском актовом материале. Среди них есть несколько свидетельств, прямо относящихся к XII в., и высказываются интересные гипотезы о деятельности упомянутых в дипломах русских людей. Всё это рассматривается в соответствующих разделах глав VI и VIII настоящего исследования.

Исследования историков других стран. В настоящей главе не затронуты работы словацких, чешских историков и специалистов из других государств, поскольку среди них мне пока не встретились исследования, в которых русско-венгерские отношения XII в. не рассматривались бы мимоходом. Так, например, чешские историки обращают внимание на Бориса Калмановича только при рассмотрении сюжетов, связанных с его поддержкой чешскими князьями[545]. В работах, посвящённых внешней политике Византии эпохи Комнинов, выходящих в последнее время, также лишь мимоходом затрагиваются русско-венгерские отношения, не оказывавшие большое влияние на борьбу Венгрии и Византии за гегемонию на Балканах.

Новейшим на момент завершения настоящей работы исследованием, в котором затрагиваются некоторые проблемы истории русско-венгерских отношений XII в., является статья Кристиана Раффенспергера, посвящённая Борису Калмановичу и опубликованная в 2016 г. в международном научном журнале “The Medieval Glob” («Средневековый мир»)[546]. Одной из своих

---

[544] *Волощук Мирослав.* «Русь» в Угорсткому королівстві (XI – друга половина XIV ст.): суспільно-політична роль, майнові стосунки, міґрації. Івано-Франківськ, 2014.

[545] Так, например, в вышедшем в Чехии многотомном академическом труде по национальной истории, первый том которой доведен до 1197 г., Борис упоминается лишь дважды в описании событий венгерско-польского конфликта 1131–1135 гг., в котором принял участие чешский князь Собеслав I (1125–1140). См.: *Bláhová Marie, Frolik Jan, Provantová Naďa*. Velké dějiny zemí koruny české. Sv. I. do roku 1197. Praha, 1999. S. 549–550.

[546] *Raffensperger Chr*. Identity in flux: finding Boris Kolomanovich in the interstices of medieval European history // The Medieval Glob. 2016. N 1. P. 15–39.

главных задач К. Раффенспергер видит обновление научного языка современной медиевистики терминами, которые точнее передают суть некоторых явлений средневековой политической жизни[547]. Для обоснования своей «новой терминологии» К. Раффенспергер выбрал биографию Бориса Калмановича, но проанализировал факты из жизни своего героя весьма поверхностно, используя тексты источников исключительно в их английских или русских переводах и совсем не учитывая результаты исследований венгерских и современных российских историков. Кроме того, в статье американского исследователя содержатся фактические ошибки (признание Бориса внуком первой жены Мономаха Гиты (Гиды), в то время как матерью Евфимии Владимировны была его вторая супруга) и присутствует некритическое отношение к историографическим мифам, сложившимся вокруг личности Бориса. Поскольку из ошибочных суждений К. Раффенспергер делает далеко идущие выводы о родственных связях неудачливого претендента на венгерский престол, его работу о Борисе Калмановиче нельзя считать по-настоящему серьёзным исследованием.

В заключение краткого историографического обзора следует подчеркнуть, что историки, затрагивавшие в своих работах русско-венгерские отношения XII в., до сих пор не поставили своей целью изучение всех фактов, которые можно обнаружить в дошедших до нас источниках. В историографии (какой бы период её развития мы ни взяли) преобладает стремление оперировать закрепившимися в научной литературе интерпретациями известных фактов, многие из которых являются плодами недостаточно глубокого анализа средневековых текстов. Поскольку некоторые из сюжетов, составляющих тематику настоящего исследования, фактически отражают взаимоотношения не только между русскими и венграми, но и активно участвовавшими в этом жителями соседних государств, русско-венгерские отношения первого деся-

[547] Подробнее об этом см.: *Юрасов М. К.* Внук Владимира Мономаха… С. 39–41.

тилетия XII в., а также начала 30-х годов этого же столетия следует рассматривать как русско-венгерско-польские отношения, чего до сих пор не было сделано с достаточной тщательностью. Таким же образом необходимо относиться и к событиям 1187–1190 гг. вокруг Галича. Как показывает настоящая работа, решение исследователями некоторых проблем внешнеполитической истории Руси рассматриваемого времени, считающихся «закрытыми», вызывает большие сомнения в их соответствии реальной действительности.

ГЛАВА III
РУССКО-ВЕНГЕРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XII В.

1. Политическая ситуация на Руси, в Венгрии и Польше в начале XII в.

Последствия поражения войска Калмана Книжника под Перемышлем. Катастрофа, которую пережили в 1099 г. венгерские отряды, пришедшие во главе со своим королём на помощь киевскому князю Святополку Изяславичу, должна была породить у Калмана жажду мести за сокрушительный разгром его армии под стенами Перемышля. Эту мысль как будто подтверждает информация Венгерского хроникального свода XIV в. Здесь в главе 147 содержится известие о том, что после завоевания далматинских городов (1105 г.) «король хотел пойти на Русь»[548]. Более конкретное свидетельство о намерении Калмана смыть позор поражения под Перемышлем обнаруживается в главе 151 того же источника, в рассказе о последних днях его жизни, когда Калман, «умирая, приказал своему сыну и магнатам, чтобы они после смерти короля отомстили Руси за обиду, ему нанесённую»[549].

Между этими двумя известиями содержится рассказ о неудачном браке Калмана с русской княжной, которую он уличил в супружеской неверности и вынужден был отправить на родину[550], что дополняет безрадостную картину внешнеполитических неудач просвещённого короля на востоке. Однако, несмотря на внешне негативный характер вышеприведенных известий, мы не можем говорить о том, что в 1100–1116 гг., т. е. в период между возвращением остатков венгерской армии из-под Перемышля и смертью Калмана Книжника, между Русью и Венгрией существовали враждебные отношения. Го-

[548] «Deinde rex volebat ire in Rusciam” SRH. Vol. I. Bp., 1937 (Repr. 1999). P. 426.
[549] “Rex autem in morte precepit filio suo et principibus, ut ipsi post mortem suam super Rusciam ulciscerentur iniuriam, quam ipsi fecerant” (SRH. I. P. 431).
[550] SRH. I. P. 429.

раздо больше фактов свидетельствуют об обратном. Безусловно, в душе Калмана могла сохраняться жажда реванша за позорное поражение, но политическая ситуация в Венгерском королевстве, на Руси и в соседней Польше в начале XII в. была настолько сложной, что она в конечном счёте не позволила Калману отомстить своим обидчикам за разгром под Перемышлем. Кроме того, межкняжеские отношения в роде Рюриковичей были в то время настолько сложными, что венгерский король не мог воспринимать Русь как врага своей монархии, он должен был – ради спокойствия северо-восточных рубежей Венгрии – искать на Руси союзников среди врагов тех, кто виновен в перемышльской катастрофе 1099 г.

Хотя правящий венгерский род Арпадов не имел в то время столько ветвей, сколько уже успело «вырасти» на генеалогическом древе Рюриковичей, в Венгрии со второй трети XI в. то затухала, то вновь разгоралась борьба за власть внутри правящей династии, как правило, между родными или двоюродными братьями. Не стало исключением в этом плане и начало XII в. Истоки конфликта между Калманом и его родным братом Алмошем следует искать в не всегда продуманных действиях их дяди Ласло I Святого (1077–1095). Ввиду отсутствия наследника мужского пола Ласло I должен был выбрать его из своих племянников – сыновей Гезы I (1074–1077). Старшим из них был Калман, младшим – Алмош. На всём протяжении существования средневекового Венгерского королевства там формально сохранялся принцип избрания королей высшей знатью, правда, до 1301 г. только из рода Арпадов. Однако пока центральная власть оставалась достаточно сильной, королям удавалось навязывать собранию знати свой выбор.

Так же действовал и Ласло I. Приняв на себя после смерти брата Гезы I руководство воспитанием его детей, Ласло I имел возможность достаточно хорошо изучить характер и способности племянников. По его мнению, Алмош более подходил для занятия престола, чем Калман. По воле дяди Алмош в 1091 г. принял титул короля Хорватии и управлял этим вассальным от Венгрии государством до 1096 г. Старшему же своему племяннику «святой»

король определил церковную карьеру. Однако Калман не пожелал принимать духовный сан и становиться эгерским епископом, выразив свой протест по поводу решения дяди бегством в Польшу. Эта страна неоднократно становилась местом политического убежища боровшихся за власть претендентов на венгерский престол – Белы I (1060–1063) и его потомков, поскольку названный король (задолго до занятия престола) первым породнился с правящей польской династией Пястов.

Перед смертью Ласло I послал к Калману по одному представителю светской и духовной знати из своего окружения, чтобы они убедили старшего племянника смирить гордыню и признать королём младшего. Хотя послам Ласло I не удалось исполнить поручение, назревавшего конфликта по поводу престолонаследия в то время удалось избежать. По свидетельству Венгерского хроникального свода (гл. 140), после кончины дяди Алмош, «движимый искренней простотой, удостоил почётом своего брата Калмана, преподнеся ему королевскую корону, так как тому она принадлежала, казалось, по праву первородства»[551].

Таким образом, поначалу младший брат смог правильно оценить ситуацию и во избежание кровопролития уступить престол старшему, у которого действительно, по представлениям того времени, было значительно больше прав на наследование власти. Венгрия в 1095 г. счастливо избежала кровавой междоусобицы, однако последующие события ярко продемонстрировали, что благородный поступок Алмоша вряд ли был продиктован его личной «искренней простотой», как пытается уверить читателя венгерский хронист. На самом же деле Алмош всегда помнил о том, что по воле Ласло I именно он должен был управлять страной, о чём свидетельствуют его последующие неоднократные попытки найти за пределами Венгрии поддержку в начатой им борьбе за венгерский престол.

---

[551] “…Almus… Qui sincera simplicitate ductus honoravit fratrem suum Colomannum, preferendo sibi coronam regni, tamquam cui iure primogeniture videbatur competere” (SRH. I. P.419–420).

Разлад между сыновьями Гезы I, скрывавшийся ими в первые годы правления Калмана Книжника, имел прямое отношение к истории русско-венгерских отношений начала XII в., поскольку сначала один, а затем второй брат искали себе жён на Руси, о чём речь пойдет ниже. Сейчас же следует остановиться на ситуации, сложившейся на юго-западных окраинах древнерусских земель после окончания междоусобной войны, в которой принимал участие король Калман в 1099 г.

Изменения в юго-западной Руси после княжеского съезда в Уветичах. Окончание кровавой междоусобицы, вызванной ослеплением Василька Теребовльского, было связано с решениями съезда князей, состоявшегося в 1100 г. в городе Витичеве (Уветичах). С точки зрения темы настоящего исследования наибольшее значение имеет изменение положения Ярослава (Ярославца), который, по мнению А. В. Назаренко, был сыном тогдашнего киевского князя Святополка Изяславича (1093–1113) от первого брака[552]. Самое раннее упоминание Ярослава Святополчича содержится в венгерском источнике – учредительной грамоте Ласло I монастырю св. Эгидия в Шомодьваре, датируемой 1091 г.[553] В грамоте Ярослав, «сын короля Руси», назван зятем Ласло I[554]. Исходя из этого, можно утверждать, что брак Ярослава с венгерской принцессой был заключен не позже 1091 г.

Установление матримониальных связей Святополка Изяславича с венгерским правящим домом Арпадов, как представляется, способствовало укреплению положения Святополка на Руси и помогло ему без борьбы получить киевский стол после смерти Всеволода Ярославича в 1093 г. Ярослав Святополчич был одним из активных участников междоусобной войны 1096–1100 гг. Именно Ярослава отец послал в 1098 г. в Венгрию за военной помощью, оказание которой привело Калмана Книжника к разгрому под Перемышлем. После поражения венгров Ярослав бежал в Польшу.

---

[552] *Назаренко А.В*. Древняя Русь на международных путях. С. 571–572.
[553] Последнее по времени научное издание грамоты см.: DHA. Vol. I. P. 266–268.
[554] "…rex Latisclauus. …Gerazlaus filius regis Rutenorum gener ipsius" (Ibid. P. 268).

Принужденный общекняжеским решением к войне со своим недавним союзником – волынским князем Давыдом Игоревичем, Святополк Изяславич использовал эту войну для укрепления своей власти в юго-западной Руси. В самом конце летописной статьи 6605 г., большую часть которой занимает «Повесть об ослеплении Василька Теребовльского», содержится известие о том, что «Святополкъ перея Володимерь и посади в нем сына своего Ярослава»[555]. Таким образом, лишив Давыда Игоревича стола во Владимире-Волынском, Святополк в 1100 г. сажает здесь на княжение своего сына, приходившегося зятем венгерскому королю (в то время уже покойному) Ласло I Святому.

На основании решений, принятых на княжеском снеме в Уветичах в 1100 г., киевскому князю Святополку Изяславичу удалось сохранить за Ярославом Владимир-Волынский, а значит – свой контроль над частью юго-западной Руси. Вместе с тем Василько Ростиславич остался князем Теребовля, а его брат Володарь – Перемышля. Кроме того, главный виновник междоусобицы 1096–1100 гг. Давыд Игоревич получил во владение Бужск, а затем Дорогобуж[556], где и умер в 1112 г.[557] Наличие в рассматриваемом регионе четырёх княжеских столов, занимаемых представителями трёх разных ветвей потомков Ярослава Мудрого, явно не способствовало сохранению здесь политической стабильности.

О. М. Рапов, рассматривая историю территориальных приобретений и потерь Ярослава Святополчича, считает, что «сведения Татищева больше соответствуют ходу событий 1097–1100 гг., чем описания «Повести временных лет» под теми же годами. Источник, которым пользовался В. Н. Татищев, видимо, был более доброкачественным»[558]. С рассуждениями О. М. Рапова по поводу большей достоверности «Истории Российской» по сравнению с ПВЛ трудно согласиться, прежде всего, потому, что ничего принципиально нового по сравнению с ПВЛ Татищев не сообщает. Тем не менее, описывая биогра-

[555] ПСРЛ. Т. I. Стб. 273; Т. II. Стб. 248.
[556] О снеме в Уветичах и его решениях см.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 273–274; Т. II. Стб. 248–250.
[557] ПСРЛ. Т. II. Стб. 273.
[558] *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. С. 88.

фию Ярослава Святополчича до 1100 г., историк предпочитает ссылаться на «татищевские известия». Ставя при этом вопрос: «Кто же в 1100 г. передал Ярославу Владимир-Волынский – отец или участники Уветического съезда?», О. М. Рапов отвечает на него так: «Видимо, Святополк на Уветичском съезде потребовал отобрать Владимир-Волынский у непослушного и коварного «подручника» Давыда Игоревича и передать город своему сыну Ярославу. Участники съезда согласились с этим требованием»[559]. Такой вариант решения вопроса о волынском княжении представляется наиболее вероятным.

Утверждение Ярослава Святополчича на волынском княжеском столе должно было объективно способствовать укреплению русско-венгерских связей, поскольку зять Ласло I был теперь правителем области, находившейся в непосредственной близости от венгерской границы. Этот факт в какой-то мере «подсластил» горечь поражения венгров под Перемышлем, поскольку главный враг, с которым сражался Калман в 1099 г. – Давыд Игоревич – был лишён своей волости и провёл остаток жизни, занимая малозначимые столы в Бужске и Дорогобуже. Всё это, безусловно, служило гарантией стабильности на северо-восточных рубежах Венгерского королевства и позволило Калману Книжнику переключиться на другие направления внешней политики, прежде всего, на юго-восточное. Следует также отметить, что в 80-е годы XI в. владения венгерских королей распространились на всю территорию, примыкающую с запада к Карпатским горам[560]. Здесь были образованы замковые округа (комитаты)[561] Унг и Боршова, призванные защитить страну от набегов половцев (кунов)[562].

Что же касается приграничных земель по другую сторону «Русских Альп», то они, судя по данным письменных источников и археологическим

---

[559] Там же.

[560] Так называет отроги Карпатских гор, служившие естественной границей между Русью и Венгрией, Шимон Кезаи в своих «Деяниях венгров». См.: *Simonis de Keza* Gesta Hungarorum / Ed. A. Domanovszky // SRH. Vol. I. P. 165 (Cap. 27).

[561] В венгерском хроникальном своде обе эти области прямо называются provincia castrorum («область замков»). См.: Chronici Hungarici compositio saeculi XIV. Cap. 134 (SRH. Vol. I. P. 408).

[562] Подробнее об этом см.: *Юрасов М. К.* Складывание русско-венгерской границы в X–XI вв. // Rossica Antiqua, 2006. Материалы и исследования. Отв. ред. А. Ю. Дворниченко, А. В. Майоров. СПб., 2006. С. 297–313.

материалам, оставались в рассматриваемое время ещё не освоенным «медвежьим углом»[563]. Тем не менее, нет никаких оснований сомневаться в том, что главный торговый путь между Русью и Венгрией, шедший через Верецкий перевал, функционировал в начале XII в. не менее интенсивно, чем в предшествующее столетие, о чём свидетельствуют данные монетных кладов[564].

По свидетельству Галла Анонима (II, 19), незадолго до вступления на престол Болеслав Кривоустый отразил набег половцев[565]. Исследователи датируют это событие 1101 г. Источники не позволяют точно установить, было ли рассматриваемое нападение степняков на Польшу кем-либо спровоцировано[566]. Половцев вполне мог призвать ослеплённый теребовльский князь Василько Ростиславич, который, во-первых, сам признавался автору повести о его ослеплении (Василю) в том, что много зла причинил «ляхам»[567], а во-вторых, в событиях междоусобной войны 1097–1100 гг. в юго-западной Руси поляки находились во враждебном Васильку лагере, и у него был повод отомстить им.

На основании вышеизложенного представляется наиболее вероятным то, что в самые первые годы после возвращения из похода в юго-западную Русь Калман и не помышлял о реванше за разгром своего войска, поскольку для этого не было объективных причин. В связи с этим информацию венгерских хронистов о неутолённой Калманом жажде отмщения русским, которую он завещал своему сыну, следует относить к последнему десятилетию правления этого короля, причём «разбередить» эту «рану» могли либо его родной брат Алмош, либо вторая жена Евфимия Владимировна (дочь Мономаха), которую он, по версии «Композиции венгерских хроник XIV в.», уличил в супружеской неверности.

---

[563] См.: *Котляр Н. Ф.* Формирование территории и возникновение городов… Карта между С. 80–81; *Куза А. В.* Малые города Древней Руси. М., 1989. Карта-приложение «Археологическая изученность древнерусских городищ».
[564] См. *Потин В. М.* Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Л., 1968. С. 218–222.
[565] MPH. NS. T. II. P. 86–87.
[566] См. об этом: *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 71 и примеч. 2 к книге II, главе 19 Хроники Галла Анонима.
[567] ПСРЛ. Т. I. Стб. 266; Т. II. Стб. 240.

Матримониальные связи Рюриковичей и Арпадов в начале XII в. На момент начала XII столетия мы можем говорить, на основании данных источников, лишь о браке Ярослава Святополчича и венгерской принцессы, поскольку остальные мужчины, состоявшие в таких династических браках, к тому времени уже ушли из жизни. Скорее всего, в первые годы XII в. была ещё жива мать Василька и Володаря – вдова Ростислава Владимировича, венгерка по происхождению. Если именно она скрывается под именем Ланки – русской княгини, вышедшей навстречу королю Калману во время его движения к Перемышлю в 1099 г.[568], то она, по-видимому, проживала на Руси у одного из сыновей, не играя заметной роли в политической жизни.

У нас нет никаких сведений о венгерской снохе Святополка Изяславича. Еще И. А. Линниченко предположил, что она умерла не позднее 1106 г.[569] Основанием для такого предположения ему послужила информация хроники Галла Анонима. В главе 1 книги II этого сочинения можно прочитать о том, что вторая жена[570] родила Владиславу-Герману трёх дочерей. «Одна из них вышла замуж на Русь…»[571], а в главе 38 этой же книги сообщается о том, что Ярослав Святополчич возглавил в 1107 г. поход русских князей, пришедших на помощь Болеславу III против Збигнева[572]. В связи с этим наиболее вероятным временем женитьбы овдовевшего Ярослава признается конец 1106 – начало 1107 г.[573] Крупнейшие специалисты по генеалогии Арпадов (М. Вертнер) и Пястов (О. Бальзер), работавшие в конце XIX в., также считали 1106 г. датой смерти венгерской жены Ярослава Святополчича[574].

---

[568] См.: SRH. I. P. 423–424.
[569] *Линниченко И. А*. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV ст. Киев, 1884. Т. I (до конца XII в.). С. 56.
[570] До выхода замуж за Владислава Германа Юдита (сестра германского императора Генриха IV) была женой венгерского короля Шаламона, свергнутого с престола в 1074 г. и, по всей видимости, ушедшего из жизни ок. 1087 г.
[571] "Una quarum in Rusia viro nupsit" (*Galli Anonymi* Chronicae et Gesta… // MPH. NS. Kraków, 1952. T. II. P. 63–64); *Галл Аноним*. Хроника и деяния князей или правителей польских… С. 66.
[572] MPH. NS. II. P. 108; *Галл Аноним*. Хроника и деяния князей или правителей польских…. С. 97.
[573] *Щавелева Н. И*. Польские латиноязычные средневековые источники. С. 70 и примеч. 4.
[574] *Wertner M.* Az Árpádok családi története. 210. l.; *Balzer O*. Genealogia Piastów. S. 123.

Однако уже тогда высказывались сомнения по поводу правильности гипотезы о том, что старшая дочь Владислава-Германа вышла замуж за Ярослава Святополчича. Так, М. С. Грушевский считал это предположение не более чем домыслом исследователей[575]. Автор новейшего капитального исследования по генеалогии Пястов (до смерти Болеслава III Кривоустого) К. Яшиньский категорически отвергает эту гипотезу, заявляя о том, что «мужем самой старшей дочери Германа был Давид Игоревич»[576], который, как известно, княжил в то время в Дорогобуже. Таким образом, вопрос о дате смерти венгерской жены Ярослава Святополчича остаётся открытым.

Новый всплеск интереса к русским княжнам со стороны Арпадов, отмечаемый в первые полтора десятилетия XII в., не в последнюю очередь был вызван обострением внутридинастической борьбы в Венгерском королевстве, об истоках которой говорилось выше. Первое выступление принца Алмоша против короля Калмана относится ещё к 1098 г. В то время нежелание венгерской знати сражаться друг с другом из-за рассорившихся братьев заставило последних помириться у г. Варконь[577]. После возвращения из русского похода Калман заключил 29 мая 1099 г. союз с чешским князем Бржетиславом II под г. Ухерске-Градиште (Моравия)[578]. Возможно, именно этот союз помешал Алмошу воспользоваться плодами разгрома войска Калмана у Перемышля. Западноевропейские и венгерские источники вообще умалчивают о каких-либо действиях мятежного принца вплоть до 1105 г. Однако, судя по последующим событиям, он, видимо, искал союзников для продолжения борьбы с братом. На руку Алмошу играло то, что Калману приходилось прилагать большие усилия для поддержания и повышения престижа своего королевства в тогдашней нестабильной Европе.

В 1101 г. через Венгрию прошла очередная армия крестоносцев, принесшая в этот раз не столь заметный ущерб, как их «первая волна» 1096 г. После этого Калман решил довести до логического завершения процесс присоеди-

[575] *Грушевський М.* Історія України–Руси. Т. II. С. 99 и примеч. 5.
[576] *Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. S. 196.
[577] МТК. I. k. 98. l.
[578] Ibid.

нения к своему государству всей территории Хорватии, включая далматинские порты на Адриатическом побережье, стратегическое значение которых трудно переоценить. Весной 1102 г. Калман был торжественно коронован хорватской короной, что означало превращение Венгрии в одну из крупнейших европейских держав того времени, получившую выход к морю. Как указывалось выше, хорватским королём в 1091–1096 гг. был принц Алмош, поэтому присоединение к титулу Калмана упоминания о Хорватии могло лишь усилить обиду Алмоша на старшего брата.

Об укреплении международного положения Венгерского королевства свидетельствуют матримониальные связи его правителя. В 1097 г. Калман женился на дочери сицилийского норманнского графа Рожера I (ум. в 1101), которую, как полагают некоторые исследователи, звали Бузиллой[579]. От этого брака Калман имел двух сыновей (по всей видимости, близнецов), родившихся в 1101 г. Один из них (Ласло) умер в детском возрасте, а второй (Иштван) унаследовал венгерский престол после смерти отца. Возможно, уже в 1104 г. дочь Ласло I Святого Пирошка вышла замуж за наследника византийского престола – Иоанна Комнина (будущего Иоанна II)[580], приняв в православии имя Ирина.

В этих условиях, как можно предположить, принц Алмош попытался найти политическую поддержку на Руси. ПВЛ содержит под 6612 г. известие о браке Алмоша с дочерью Святополка Изяславича: «В том же лѣтѣ ведена Передъслава дщи Святополча в Угры за королевичь августа въ 21 день»[581]. При переводе на современное летоисчисление отъезд Предславы Святополковны в Венгрию датируется 21 августа 1104 г.

Как видно из летописного сообщения, имя венгерского королевича не было известно редакторам ПВЛ, поэтому В. Т. Пашуто выражается по этому поводу осторожно, говоря, что Предслава вышла замуж, «видимо, за герцога

---

[579] Ibid. 98. l.
[580] Ibid. 99. l. М. Вертнер, рассмотрев все известия источников по этому поводу и мнения историков XVIII–XIX вв., датирует свадьбу Иоанна Комнина и Пирошки-Ирины 1104/5 г. (*Wertner M.* Az Árpádok családi története. 210–212. l.).
[581] ПСРЛ. Т. I. Стб. 280; Т. II. Стб. 256.

Альмоша»[582]. Однако, несмотря на то, что латиноязычные средневековые источники не содержат никакой информации по этому поводу, вряд ли стоит сомневаться в том, что неназванным в летописи королевичем был именно Алмош. В. Т. Пашуто ставит факт организации Святополком Изяславичем заключения второго династического брака с представителями рода Арпадов в один ряд с русско-польским договором 1102 г.[583] При этом историк допускает, что сближение Алмоша с киевской правящей верхушкой могло начаться во время пребывания венгерского принца в Польше, о чём содержится упоминание в главе 29 книги II хроники Галла Анонима[584]. Это мнение высказывалось еще А. В. Лонгиновым и М. Вертнером[585].

Если рассматривать заключение Алмошем брака с дочерью Святополка Изяславича с точки зрения его влияния на политическую ситуацию в юго-западной Руси, то этот факт, несомненно, призван был усилить позиции киевского князя в этом регионе. Однако и его бывшие противники, с которыми он боролся в 1097–1100 гг., также активно занимались поисками союзников за пределами своей страны. Предшествующее известие той же летописной статьи 6612 г. посвящено другому династическому браку, заключенному 20 июля между дочерью перемышльского князя Володаря Ростиславича и сыном византийского императора Алексея I Комнина (1081–1118)[586]. Установление матримониальных связей Ростиславичей с правящей византийской династией, несомненно, способствовало росту их политического веса и создавало почву для упрочения их самостоятельности.

Хотя у нас нет никаких данных о том, какие цели преследовал Володарь, отдавая свою дочь замуж за византийского принца, но, если сравнить политическую ситуацию на Руси и внешнеполитические устремления Венгрии в то время (1104–1105 гг.), то можно предположить причину, побудившую Ростиславичей искать поддержку именно в Византии. Если историки уверен-

---

[582] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 53.
[583] Там же.
[584] MPH. NS. II. P. 98; *Галл Аноним*. Хроника и деяния князей или правителейи польских. С. 89.
[585] *Лонгинов А. В.* Родственные связи русских князей с угорским королевским домом. С. 317; *Wertner M.* Az Árpádok családi története. 249–252. l.
[586] ПСРЛ. Т. I. Стб. 280; Т. II. Стб. 256.

но говорят о том, что установление Святополком Изяславичем матримониальных связей с правителями Польши и Венгрии было направлено против князей Перемышля и Теребовля, являвшихся также и противниками Венгрии, то в те же годы Византия потеряла ряд городов в Далмации, вошедших в состав Венгерского королевства.

Несмотря на то что некоторые венгерские исследователи высказывали предположение о том, что захват южнодалматинских городов был сделан Калманом с санкции, согласия византийского императора Алексея I Комнина (1081–1118)[587], представляется более обоснованной точка зрения крупнейшего современного специалиста по истории внешней политики Венгрии домонгольского периода Ференца Макка, согласно которой южная Далмация была захвачена Калманом вооружённым путем, и лишь тяжёлое международное положение Византии, которой угрожала война с сицилийскими норманнами, заставило империю не только признать потерю стратегически важных адриатических портов, но и заключить союз с Венгрией, скреплённый династическим браком. Однако всё это произошло уже после отъезда дочери Володаря в Византию, поэтому, опираясь на вышеизложенное, вполне можно предположить, что выбор перемышльского князя был неслучайным. Он также искал «противовесы» той системе «сдерживания», которую пытался создать для Ростиславичей киевский князь Святополк.

По мнению Ф. Макка, Калман Книжник все годы нахождения на престоле оставался верным союзником Святополка Изяславича. Исходя из этого, венгерский исследователь оценивает брак Алмоша и Предславы Святополковны однозначно как укрепление матримониальных связей между Арпадами и Рюриковичами, инициатором которого не был принц Алмош. «В это время между королём и его братом не было конфликта, – пишет Ф. Макк, – и поскольку Святополк изначально был союзником Калмана, правомерно пред-

[587] Библиографию см.: *Makk F.* A Kálmán-ági királyok külpolitikájának nehány kérdése. 178. l., 5., 7. jegyz.

положить, что за династической связью стояла дипломатия Калмана, и нет необходимости считать этот брак политическим ухищрением Алмоша»[588].

К сожалению, решить однозначно вопрос о том, каков был политический смысл заключения брака между венгерским принцем и киевской княжной в 1104 г., на основании имеющихся у нас данных источников невозможно. Представляется, что даже если к организации этого союза Алмош не имел никакого отношения, то, став зятем формального верховного правителя Руси, он вряд ли сразу не оценил новых возможностей, которые могли открыться у него для борьбы с братом. В то же время признать этот брак проявлением недальновидности Калмана, уверовавшего в невозможность новых конфликтов с братом из-за венгерского престола, было бы несправедливо, поскольку у нас нет ни одного свидетельства о том, чтобы Алмош получил военную помощь на Руси. Другое дело, что зять Святополка Изяславича автоматически становился свояком тогдашнего правителя Польши, позицию которого по вопросу о том, кто должен занимать венгерский престол, нельзя оценивать так же однозначно, как нерушимый союз Святополка и Калмана.

Конфликт между Болеславом III Кривоустым и его братом Збигневом. Польские государи были активными участниками, как правило, союзниками или посредниками во многих внешнеполитических акциях, прямо или косвенно касавшихся взаимоотношений Руси и Венгрии в Средние века. Не является исключением и рассматриваемая эпоха.

В 1102 г. умер польский князь Владислав I Герман. Ему наследовал младший сын Болеслав III Кривоустый (1102–1138), поскольку старший сын Владислава-Германа, Збигнев, считался незаконнорожденным. Отправленный на воспитание в Чехию, Збигнев ещё при жизни отца начал борьбу за выделение ему одной из областей Польши в управление, а затем – за расширение своих владений. В последние годы жизни Владислав-Герман вынужден был обороняться от покушавшихся на его власть сыновей, и естественно было ожидать,

[588] Ibid. 181. l.

что после похорон отца братья начнут воевать между собой. Получив по разделу отцовского наследства «два главных города королевства и очень многолюдную часть земли»[589], Болеслав III сразу же начал искать помощь у соседних государей. Прежде всего, он решил породниться со Святополком Изяславичем. Последний без долгих раздумий благословил этот брак, о чём можно сделать вывод, основываясь на известии ПВЛ под 6610 г.: «… В се же лѣто ведена бысть дщи Святополча Сбыслава в Ляхы за Болеслава месяца ноября в 16 день…»[590], т. е. 16 ноября 1102 г. А. Б. Головко обращает внимание на то, что Сбыслава Святополковна отправилась в Польшу уже через пять месяцев после смерти Владислава-Германа[591].

Поскольку Болеслав и Сбыслава были родственниками в третьей степени родства[592], их брак, с точки зрения канонических установлений, считался кровосмесительным. Понадобилось специальное посольство краковского епископа Балдвина к папе Пасхалию II, которое привезло папское благословение. По свидетельству Галла Анонима (II, 23), Балдвин говорил в Риме «о неопытности в религии и необходимости [брака] для родины…», после чего Святой престол «одобрил этот союз не по общепринятым канонам, а из милости в виде исключения»[593]. По мнению А. Б. Головко, «согласие папы Пасхалия II указывает на особую заинтересованность римской курии в установлении союза Польши с Русью, который мог сыграть положительную роль в борьбе папства с Германской империей»[594]. Хотя в цитированном отрывке содержатся рассуждения по поводу слишком близкой степени родства между новобрачными, что должно было свидетельствовать о точном знании хрони-

---

[589] „Bolezlauus tamen legitimus duas sedes regni principales partemque terre populosiorem obtinuit" (MPH. NS. II. P. 88–89); *Галл Аноним*. Хроника и деяния князей или правителей польских. С. 83 (гл. 21 кн. II).
[590] ПСРЛ. Т. I. Стб. 276; Т. II. Стб. 252.
[591] *Головко А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях… С. 64. Правда, при этом украинский исследователь неверно датирует отъезд княжны 11 ноября.
[592] Дед Сбыславы Изяслав Ярославич был женат на сестре Казимира I Восстановителя, внуком которого был и Болеслав III. Это соответствовало третьей степени родства, в то время как, согласно каноническому праву, браки между родственниками разрешались, начиная с четвертой степени.
[593] "Balduinus Cracoviensis episcopus… fidei ruditatem et patrie necessitatem intimavit, sicque Romane sedis auctoritas, ut fertur, hoc coniugium misericorditer, non canonice nec usualiter, sed singulariter collaudavit" (MPH. NS. T. II. P. 90); *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 47 (текст), 54–55 (пер.); *Галл Аноним*. Хроника и деяния князей или правителей польских. С. 84.
[594] *Головко А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях… С. 64.

стом родителей (или хотя бы отца) невесты, никаких конкретных данных на этот счёт Галл Аноним не приводит. В более позднем источнике – Великопольской хронике – можно прочитать о том, что Болеслав женился «на единственной дочери короля Галиции» [595], что, несомненно, является ошибкой.

Установление матримониальных связей между Болеславом III Кривоустым и Святополком Изяславичем было выгодно обоим государям. Первый надеялся на укрепление своего положения в Польше, чтобы покончить с мятежным Збигневом и отразить натиск немецких рыцарей и поморян. Второй же рассматривал брак своей дочери с главой рода Пястов как противовес беспокойным Ростиславичам, угрозу со стороны которых ощущали и польские князья[596]. Обстановка в бассейне Вислы в 1102–1103 гг. на самом деле была крайне тяжелой. «Великопольская хроника» (Гл. 18) свидетельствует о том, что при вступлении на престол Болеслава III Польша подверглась нападению поморян. При этом последние ещё не были союзниками Збигнева, поскольку его владения также подверглись разорению[597].

Описывая свадьбу Болеслава Кривоустого, состоявшуюся, скорее всего, в начале 1103 г., Галл Аноним (II, 24) утверждает, что приглашённый на пир Збигнев организовал нападение чехов на Польшу[598]. Сам Галл, который, как известно, избегал в своей хронике датировок описываемых событий, не упомянул даже чешского князя, при котором произошло это вторжение. Автор параллельного текста более поздней Великопольской хроники приписывает эту акцию князю Сватоплуку, который (Сватоплук II) был правителем Чехии в 1107–1109 гг., что, с хронологической точки зрения, является ошибкой[599]. Однако, по свидетельству Козьмы Пражского, тогдашний чешский князь Борживой (1100–1107) также поддерживал Збигнева[600].

---

[595] Kronika Wielkopolska (MPH. NS. T. VIII). P. 27; «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях… С. 81.
[596] *Włodarski B.* Rus' w planach politycznych Bolesława Krzywoustego. S. 41. *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 45. Ф. Макк считает, что такую же функцию выполнял и брак Предславы с Алмошем. См.: *Makk F.* A Kálmán-ági királyok... 181–182. l.
[597] MPH. NS. VIII. P. 27; «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях… С. 80.
[598] MPH. NS. II. P. 91; *Галл Аноним.* Хроника о деяниях князей или правителей польских… С. 84.
[599] Обзор мнений см.: «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях... С. 214 и примеч. 3 к главе 18.
[600] Die Chronik der Böhmen des *Cosmas von Prag* / Hg. B. Bretholz. Berlin, 1923 (MGH SS rer. Germ. NS. N. 2). P. 178–179; *Козьма Пражский.* Чешская хроника / Пер. Г. Э. Санчука. М., 1962. С. 187–188.

История борьбы за власть между Болеславом III Кривоустым и его братом Збигневом имеет много этапов, в которых легко запутаться. Так, например, А. Б. Головко, говоря о значении брака польского князя и дочери Святополка Изяславича, пишет: «Збигнев и его сторонники, видимо, осознавали, против кого был направлен союз Болеслава с киевским князем. Поэтому они обратились за помощью к чехам, которые напали на принадлежавшую брату Силезию»[601]. Вторжение в Силезию, как правильно указывает далее исследователь, имело место несколькими годами позже, в 1105–1106 гг., и эта военная кампания уже была связана с оказанием помощи Святополком Изяславичем своему зятю, о чём речь пойдет ниже. Если же говорить о первой реакции Збигнева на заключение брака Болеслава III и Сбыславы, то она имела место в 1103 г., причём эта война обошлась без отправки русских дружинников в Польшу.

Таким образом, в начале XII в. политическая ситуация в Польше и Венгрия осложнялась внутридинастической борьбой, которая то временно затихала, то разгоралась с новой силой. До 1105 г. Венгрия переживала мирный период, когда у претендента на престол не было достаточных сил для развязывания нового витка междоусобицы. Соперник польского государя в это время не складывал оружия, но его попытка захвата верховной власти в стране показала, что у него также недостаточно сил для борьбы с братом. Как Калман, так и Алмош первоначально в равной степени могли рассчитывать на поддержку в Польше, поскольку бабкой обоих была дочь польского князя Ме́шка II (1025–1031, 1032–1034). Женитьба Алмоша на дочери киевского князя сделала его свояком Болеслава III, что означало более близкое родство с правителем Польши, чем было у Калмана.

В этих условиях Болеславу III предстоял непростой выбор между поддержкой законного венгерского государя или его непоследовательного брата, сначала заявившего о строгом следовании принципу примогенитуры в делах,

[601] *Головко А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях… С. 64.

связанных с наследованием престола, а затем пожалевшего об этом. В конечном счёте, законные правители обоих государств неизбежно должны были придти к союзу и оказывать помощь друг другу для укрепления центральной власти в Польше и Венгрии.

Сложной была ситуация и у Святополка Изяславича, зятьями которого были Болеслав III и Алмош, оказавшиеся в конечном счёте в разных противоборствующих лагерях. Судя по информации источников, киевский князь в первое пятилетие XII в. не проводил активной внешней политики на западном направлении, ограничиваясь установлением матримониальных связей с правителями соседних государств. Основное внимание Киева было обращено в это время на устранение половецкой угрозы. 4 апреля 1103 г. объединенное войско русских князей нанесло сокрушительное поражение коалиции половецких «князей»[602]. Однако уже через два года Святополку пришлось заняться проблемами установления мира в Польше и Венгрии, где с новой силой разгорелась междоусобная борьба.

2. Святополк Изяславич и борьба за власть в Польше и Венгрии

Несостоявшийся поход Калмана на Русь 1106 г. Женитьба на Предславе Святополковне явно не оправдала надежд Алмоша на получение военной поддержки из Руси. По крайней мере, источники хранят по этому поводу молчание. Б. Хоман и Д. Дёрффи, в отличие от Ф. Макка, считают целью рассматриваемого брака именно получение принцем помощи для борьбы с братом, а не покорное исполнение воли Калмана ради укрепления союза между Киевом и главной столицей тогдашней Венгрии Фехерваром[603]. Скорее всего, сразу же после свадьбы, в 1105 г. или в начале 1106 г., Алмош бежит в Гер-

[602] ПСРЛ. Т. I. Стб. 278–279; Т. II. Стб. 254–255.

[603] Секешфехервар (’Стольная белая крепость’), который часто называют для краткости Фехерваром, со времён Иштвана I Святого (997–1038, король с 1000/1) был второй по традиции и первой по политическому значению столицей монархии Арпадов, где находилась главная королевская резиденция. Первая же столица – Эстергом – оставалась церковным центром Венгрии. При Беле III (1172–1196) возрастает роль второй королевской резиденции – Обуды (Буды), ставшей фактически третьей столицей страны.

манию[604]. Венгерский хроникальный свод XIV в. содержит информацию лишь о возвращении Алмоша из немецкого города Пассау в 1106 г.

Обращает на себя внимание тот факт, что свидетельство об этом является вторым по счёту в главе 147 «Композиции венгерских хроник», которому предшествует известие о намерении Калмана пойти на Русь. В целом же начало рассматриваемой главы выглядит следующим образом: «После этого (пребывания в Далмации. – *М. Ю.*) король хотел пойти на Русь. В год Господа 1106 возвратился из Патавии (т. е. Пассау) принц Алмош, который бежал туда из-за страха перед королём. Король принял его в мире»[605]. По мнению Д. Дёрффи, женившись на Предславе Святополковне «и ощутив силу за спиной, он (Алмош. – *М. Ю.*) попытался лишить власти Калмана с иностранной помощью. Около 1105 г. он бежит к своему приятелю, Генриху IV, но в неудачное время, поскольку как раз летом этого года против императора поднял мятеж его сын, Генрих V, и принудил отца к отречению»[606]. Последнее событие произошло 31 декабря 1105 г. Хотя Генрих IV действительно был союзником Алмоша, нельзя исключать и того, что принц готов был принять помощь и от Генриха V. У нас нет никаких сведений об участии Алмоша в борьбе за власть в Германии в 1106 г., однако, скорее всего, решение вернуться на родину он принял после смерти Генриха IV, последовавшей 7 августа 1106 г.

Выше уже высказывалось предположение о том, что планировавшийся Калманом поход на Русь в 1105–1106 гг. мог быть следствием того, что на «старые раны» венгерского короля, оставшиеся в его душе вследствие разгрома его войска под Перемышлем в 1099 г., «разбередили» какие-то негативные действия, связанные с Русью. Возможно, Калман получил сведения об активных поисках Алмошем военной помощи на Руси. В данном случае представляется наиболее вероятным мнение Б. Хомана и Д. Дёрффи, счи-

---

[604] *Hóman B.* és *Szekfű Gy.* Magyar történet. I. k. 362. l.; *Györffy Gy.* A magyar állam megszilárdulása // Magyarország története tïz kötetben. Előzmények és magyar történet 1242-ig. Főszerk. Székely Gy. 2. kiad. Bp., 1987 (далее: MT). I/2. 956. l.

[605] "Deinde rex volebat ire in Rusciam. Anno Domini M-o C-o VI-o reversus est dux Almus de Patauia, qui propter regis timorem illuc fugierat. Quem rex suscepit ad pacem" (SRH. I. P. 426).

[606] *Györffy Gy.* A magyar állam megszilárdulása. 956. l.

тающих, что, став зятем киевского князя, принц не мог не попытаться использовать новые родственные связи для достижения своей главной цели – венгерского престола. Остается только гадать, почему Святополк Изяславич отказал в помощи Алмошу. Скорее всего, как утверждает Ф. Макк, киевский князь не захотел разрушать прочный союз с Калманом[607], выдержавший проверку временем. Однако несомненно, что главной причиной бегства мятежного принца в Германию был страх наказания за его антикоролевскую деятельность.

Правда, при этом возникает новый вопрос: Если Алмош не нашёл военной поддержки на Руси, за что Калман хотел наказать русских? Ответить на это можно лишь предположением о том, что готовившаяся венгерским королём военная экспедиция на Русь должна была стать не карательным походом, а оказанием помощи союзному князю. Однако, судя по информации летописей, в 1105–1106 гг. на Руси не было междоусобных войн. Вообще, историки, как правило, уходят от ответа на вопрос о целях планировавшегося в то время венгерским королём похода на Русь, в лучшем случае ограничиваясь перечислением фактов внешней политики Калмана на «русском направлении». Так, В. П. Шушарин, затрагивая этот аспект деятельности Калмана, предваряет свою сводку фактов утверждением о том, что «направление и характер политики венгерских королей по отношению к Руси в XII–XIII вв. определялись агрессивными устремлениями венгерских феодалов. Попытки последних поживиться за счёт русских княжеств, использовать в своих интересах междоусобную борьбу князей восходят к концу XI и продолжаются в течение всего XII и первой половины XIII в.». После этого историк перечисляет примеры «агрессивных устремлений венгерских феодалов», ставя при этом вслед за поражением под Перемышлем известие о готовившемся походе Калмана на Русь[608]. При отсутствии комментариев исследователя у читателя невольно

---

[607] *Makk F.* A Kálmán-ági királyok… 181. l.

[608] *Шушарин В. П.* Русско-венгерские отношения в IX в. С. 167–168. См. также: *Шушарин В. П.* Складывание и оформление феодальных отношений. Раннефеодальная монархия (XI – середина XIII в.) // История Венгрии в 3-х томах. Т. I. С. 142.

возникает ощущение причинно-следственной связи между этими двумя фактами, хотя, как известно, «после этого не значит вследствие этого».

Попытку тщательно разобраться с вопросом о причинах готовившейся военной операции предпринял лишь Ф. Макк. Признавая, что возвращение Алмоша из Германии сорвало планы выступления Калмана в поход на Русь, венгерский исследователь, как указывалось выше, настаивает на том, что, во-первых, при заключении брака Алмоша с Предславой между братьями царил мир, а во-вторых, Калмана и Святополка связывали многолетние и стабильные союзнические отношения. Для Ф. Макка нет сомнения в том, что Калман планировал поход на Русь исключительно в рамках оказания военной помощи киевскому князю.

Естественно, возникает вопрос: Кто был в то время настолько серьёзным противником Святополка Изяславича, что ему потребовалось просить помощи у верного, но такого далекого союзника? Ф. Макк отвечает на него так: «Брачные связи, установленные с поляками и венграми, несомненно, против старых противников Ростиславичей – перемышльского князя Володаря и теребовльского Василька – укрепили политическое и военное положение великого киевского князя. Но всё же мы полагаем, что поход, датируемый первой половиной 1106 г., венгерский король хотел совершить не против удельных князей Ростиславичей, поскольку как раз в это время между Ростиславичами и Святополком, несмотря на натянутые отношения, царил мир. В этот период, в первое десятилетие XII в., главными врагами Святополка были половцы»[609].

Напоминая далее о большом походе русских князей 1103 г., закончившимся таким разгромом половцев, что они «в 1105–1107 гг. старались отомстить за это регулярными набегами», Ф. Макк далее пишет: «Во главе этих походов был тот же самый хан Боняк, который в 1099 г. нанёс сокрушительное поражение отрядам Калмана. По нашему мнению, против половцев, возглавляемых Боняком, на рубеже 1105–1106 гг. Святополк позвал на помощь

[609] *Makk F.* A Kálmán-ági királyok... 181–182. l.

Калмана, который отчасти по причине союзнических связей, отчасти с целью отмщения за перемышльский разгром мог быть готовым оказать просимую помощь киевскому великому князю»[610]. Свои рассуждения по рассматриваемому вопросу Ф. Макк завершает следующим выводами: «Хотя к этому времени уже был улажен венгерско-византийский конфликт, выступление в поход, планировавшееся на первую половину 1106 г, не состоялось, поскольку его сделали невозможным регулярные попытки герцога Алмоша совершить государственный переворот. Совершенно очевидно: не может быть подтверждено то, что Калман мог готовиться к походу на Русь, имея агрессивные, воинственные намерения. Следовательно, хотя в 1106 г. военная помощь Калмана не состоялась, несмотря на это Святополк и Мономах успешно отразили вновь вторгшихся половцев и в ходе контрнаступления нанесли им тяжёлое поражение»[611].

Так или иначе, но текст Венгерского хроникального свода свидетельствует о том, что именно возвращение Алмоша из Пассау и его примирение с братом способствовали отказу Калмана от похода на Русь. Трудно поверить в то, что Калман, проявивший себя не менее жёстким политиком, чем его младший брат, вдруг преисполнился всепрощения по отношению к своему главному сопернику. Скорее всего, он имел сведения о готовности Болеслава III поддержать венгерского свояка. На мысль об этом наталкивают последующие события: вскоре после замирения с братом Алмош бежит в Польшу[612].

Поиски Алмошем военной помощи в Польше. Специалисты по истории средневековой Польши считают, что Болеслав III к 1106 г. уже установил союзнические отношения с Калманом Книжником. При этом А. Б. Головко ссылается на главу 36 книги II хроники Галла Анонима, а Н. И. Щавелева, считающая 1105 г. временем заключения союза между польским и венгер-

[610] Ibid. 182.l.
[611] Ibid. 182–183.l.
[612] SRH. I. P. 426.

ским государями, – на главу 29 этой же книги [613]. Поскольку Галл в описании конфликта между Болеславом III Кривоустым и Збигневом не придерживается строго хронологической последовательности, в главе 36 речь идёт о событиях, датируемых исследователями зимой 1106/1107 г., в то время как в главе 29 – о событиях 1107 г.[614] Однако не только датировка Венгерского хроникального свода, свидетельствующего о пребывании Алмоша в Польше в 1106 г., но и внимательное прочтение указанных глав хроники Галла Анонима не позволяют считать 1105 г. временем заключения польско-венгерского союза, одной из главных задач которого стало оказание помощи государей друг другу в борьбе с мятежными принцами.

Галл Аноним в главе 29 книги II своего труда пишет о том, что, возвратившись с очередной войны с поморянами, «Болеслав договорился о дне и месте встречи с королём венгров Коломаном, наиболее образованным человеком из всех королей того времени. Король же венгров колебался прийти к назначенному месту, боясь засады[615]. Ведь Альм, князь венгров, бежал в то время из Венгрии и был принят князем Болеславом по праву гостеприимства. Впоследствии, однако, они сошлись и потом разошлись, укрепив навсегда братство и дружбу»[616].

Повествование Галла показывает его малую осведомлённость по поводу характера миссии Алмоша ко двору Болеслава III Кривоустого. Польский хронист, похоже, ничего не знает ни о родственных связях прославляемого им князя с венгерским принцем, ни о конфликте Алмоша и Калмана, поэтому

---

[613] *Головко А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях… С. 64; *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 72 и примеч. 3.

[614] *Галл Аноним.* Хроника и деяния князей или правителей польских. С. 157 и примеч. 2 к гл. 29; С. 158 и примеч. 2 к гл. 37.

[615] В комментарии к этому месту переводчик хроники Галла Л. М. Попова пишет: «Коломан боялся прийти, так как боялся, что Болеслав поддерживает Альма, его двоюродного (на самом деле, родного. – *М. Ю.*) брата, изгнанного из Венгрии». См.: Там же. С. 157 и примеч. 4 к главе 29. Судя по следующему примечанию, Л. М. Попова опирается в данном случае на мнение польских историков, скорее всего на К. Малечиньского. В примеч. 5, относящемся к этому же рассказу, дана ссылка на: *Maleczyński K.* Bolesław Krzywousty. S. 57.

[616] “Inde rediens Bolezlauus cum rege Vungarorum Colomanno super reges universos suo tempore degentes litterali scientia erudito, diem et locum colloquii collocavit, ad diem rex Vngarorum venire, timentes insidias, dubitavit. Erat enim Almus, Vngarorum dux, tunc temporis de Vngaria profugatus et a duce Bolezlauo hospitalitatis gratia sustentatus. Postea tamen aliis inter se legationibus transmandatis, insimul convenerunt et (ab) invicem discesserunt, perpetuis freternitatibus et amiciciis confirmatis” (MPH. NS. II. P. 97–98); *Галл Аноним.* Хроника и деяния князей или правителей польских. С. 89.

у него получается, что Алмош находился в Польше, воспользовавшись «гостеприимством» её правителя, и два соседних государя просто «сошлись и потом разошлись». Не проясняет ситуацию и глава 36, на которую ссылается А. Б. Головко, поскольку в ней о польско-венгерском союзе говорится уже в плане оказания помощи Калманом Болеславу, вынужденному подавлять очередной мятеж беспокойного брата Збигнева. Более информированной в этом случае оказывается «Композиция венгерских хроник XIV в.», которая не оставляет сомнений в том, что поездка Алмоша в Польшу была частью его кампании по поиску военной помощи для свержения с престола брата, а это ставит под сомнение все утверждения исследователей о том, что союз между Калманом и Болеславом III мог возникнуть ранее 1106 г.

Венгерские историки считают, что события, описанные Галлом в рассматриваемой главе, относятся к 1106[617] или 1107 г.[618] При этом отстаивавший более раннюю датировку Элемер Маюс опирается на информацию Венгерского хроникального свода XIV в., в котором, как указывалось выше, в начале главы 147, после известия о замирении Калмана с вернувшимся из Германии Алмошем, содержится свидетельство о бегстве мятежного принца в Польшу: «Затем он бежал в Польшу и, обратившись к совету и помощи поляков и венгров, вернулся в Венгрию, захватил Новый замок[619] и вошёл в него»[620]. По мнению Э. Маюса, «неудача Алмоша была обусловлена тем, что Калман получил преимущество, отдалив от него князя Болеслава. Благодаря этому, его брат был поставлен в такое положение, когда единственным выходом для него оставалось подчинение королю»[621]. Более поздняя датировка Ференца Альбина Гомбоша дана в скобках в отрывке из хроники Галла Анонима, помещённом в собранном им своде известий источников о венграх эпохи Арпадов[622], поэтому она никак не аргументирована.

---

[617] *Mályusz E*. Commentarii // *Johannes de Thurocz*. Chronica Hungarorum… II/1. P. 420..
[618] См.: *Gombos F.A.* Catalogus fontium historiae Hungaricae… T. I. Budapestini, 1937. P. 490.
[619] Центр будущего комитата Абауйвар на территории Верхней Венгрии (современной Словакии).
[620] “Deinde fugit in Poloniam et accersito Polonorum et Hungarorum consilio et auxilio reversus est in Hungariam et cepit Novum Castrum” et intravit illud” (SRH. I. P. 426–427).
[621] *Mályusz E*. Commentarii // *Johannes de Thurocz*. Chronica Hungarorum… P. 420.
[622] *Gombos F.A.* Catalogus fontium historiae Hungaricae … I. P. 490.

Отсутствие аргументации в версии Ф. А. Гомбоша – не единственная причина, заставляющая предпочесть версию и датировку Э. Маюса. Отнесение времени заключения союза между Болеславом III и Калманом на 1105 г. не согласуется с фактом оказания польским князем военной помощи мятежному венгерскому принцу в следующем году, а на 1107 г. приходится кульминация войны польско-русско-венгерской коалиции с мятежным князем Збигневом. Если сопоставить рассказы Венгерского хроникального свода и хроники Галла Анонима о событиях, связанных с пребыванием Алмоша в Польше, то вырисовывается следующая событийная канва.

Алмош мог бежать в Польшу, прежде всего, потому, что Болеслав III к тому времени ещё не заключил союза с Калманом. В том, как соседние государи сохраняют верность заключенным союзам, он мог убедиться на примере взаимоотношений Калмана со Святополком Изяславичем, который не стал нарушать свой союз с венгерским королем ради честолюбивого зятя, хотя, казалось бы, нахождение на престолах обоих западных соседних государств зятьев киевского князя, с теоретической точки зрения, принесло бы Руси больше спокойствия на западных границах. Несомненно, главным аргументом Алмоша в его попытках склонить в свою пользу ещё не определившегося в своём отношении к династическому конфликту в роде Арпадов Болеслава III было наличие между ним и польским князем родственных связей. Колебания польского князя в этом вопросе и взаимное недоверие, существовавшее между ним и Калманом в 1106 г., ярко показаны в хронике Галла.

Безусловно, правы венгерские историки Д. Паулер и Д. Дёрффи, объясняющие резкий поворот в отношении Болеслава III к Венгрии от оказания помощи свояку Алмошу к решительной поддержке законного короля Калмана, прежде всего, схожестью политической ситуации в Польше и Венгрии в то время. Кроме того, оба исследователя обращают внимание на то, что Збигнев и Алмош надеялись на помощь германских императоров, сначала

Генриха IV (1056–1106), а после его смерти – Генриха V (1106–1125)[623]. В условиях нового витка борьбы за инвеституру законные правители Польши и Венгрии оказались в папском лагере, поэтому Германия представляла для них в то время потенциального врага, а наличие общей угрозы, как правило, заставляет государства заключать военные союзы.

Поскольку рассказ об участии польских отрядов в нападении Алмоша на Новый замок стоит в «Композиции венгерских хроник» сразу же после датированного 1106 г. свидетельства о возвращении Алмоша из Германии, венгерские исследователи считают, что бегство принца в Польшу и его нападение на одну из пограничных областей Венгрии произошли в том же 1106 г. Хотя следующее датированное сообщение рассматриваемого источника относится уже к 1112 г., вряд ли есть причины сомневаться в том, что военная поддержка была оказана поляками Алмошу не позднее 1106 г., поскольку в последующие годы мы имеем доказательства прочного союза Болеслава III с Калманом Книжником, остриё которого было направлено против мятежных принцев, дестабилизировавших ситуацию в обеих странах.

Судя по вышецитированному отрывку из «Композиции венгерских хроник», в Венгрии в 1106 г. существовала организованная оппозиция знати, выражавшая недовольство правлением Калмана Книжника, представители которой посоветовали Алмошу напасть с польской помощью на один из северных пограничных комитатов. Однако сил у противников королевского режима было явно недостаточно для свержения Калмана. Осознав это и получив сведения об успешных переговорах между Калманом и Болеславом III, Алмош вскоре после захвата Абауйвара (Нового замка) добровольно сдался брату и публично покаялся в своих преступных планах. И вновь король простил мятежного принца, отправившегося замаливать свои грехи в Иерусалим. Рассказ об этом содержится в той же главе 147 Венгерского хроникального свода[624].

---

[623] *Pauler Gy*. A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt. I.k. 210–211. l.; *Györffy Gy*. A magyar állam megszilárdulása. 956–957. l.

[624] См.: SRH. I. P. 427.

Попытка Збигнева найти военную поддержку у Святополка Изяславича. В условиях существования польско-русского и польско-венгерского союзов и обострения борьбы между германскими императорами Генрихом IV и Генрихом V с папством Збигневу пришлось обращаться за военной помощью к чешскому князю Борживою и правителям поморян, не желавшим подчиниться власти Болеслава III. Краткие сообщения об этом содержатся в хронике Галла Анонима (II, 36 и 38). По мнению исследователей, поход коалиции, поддержавшей Збигнева, в Польшу датируется 1106 г.[625] С точки зрения темы настоящего исследования интерес представляет не то, как создавалась прозбигневская коалиция и какие усилия она предпринимала для свержения с престола Болеслава III, а действия союзников польского правителя. Поэтому, опуская рассмотрение событий начала этой войны, считаю более целесообразным подробнее остановиться на её кульминации и итогах.

По свидетельству Галла Анонима, созданная Збигневом коалиция настолько устрашила Болеслава, что он «долго пребывал в сомнениях, сопротивляться или прекратить [борьбу], но, обратившись к своему сердцу, быстро набрал войско и послал за помощью к королям русских и венгров»[626]. Далее польский хронист подчёркивает значение иностранной помощи в деле разгрома Болеславом III воинства, поддержавшего его брата: «А если бы сам по себе или [с их помощью] ничего не сумел бы сделать (Болеслав III. – *М. Ю.*), то ожиданием погубил бы не только королевство, но и надежду на него»[627] (II, 36). Если русско-польский союз как неоспоримый факт существовал, по крайней мере, с конца 1102 г., когда Болеслав III стал зятем Святополка Изяславича, то о времени заключения польско-венгерского соглашения, следствием которого стало участие венгерских отрядов в борьбе со Збигневом,

---

[625] *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 72 и примеч. 1.

[626] „Que audito Bolezlauus, an resistat, an desistat diu dubitans hesitavit, sed reversus ad cor suum quantocius suum exercitum congregavit et ad regem Ruthenorum Vngarorumque pro auxilio delegavit" (MPH. NS. II.P. 106–107); *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 47 (текст), 55 (пер.); *Галл Аноним*. Хроника и деяния князей или правителей польских. С. 96.

[627] "Sed si per se vel per ipsos nichil agere potuisset, Ipsum regnum et spem regni expectando perdidisset" (MPH. NS. II.P. 107); *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 47 (текст), 55 (пер.); *Галл Аноним*. Хроника и деяния князей или правиелей польских. С. 96.

можно только догадываться. Одни исследователи считают, что это соглашение было заключено уже в 1106 г., во время захвата Алмошем Нового замка (см. выше)[628], другие датируют его следующим, 1107 г.[629] Проведённое выше сравнение известий Галла Анонима и «Композиции венгерских хроник XIV в.», как мне представляется, не оставляет сомнений в правильности первой даты.

Болеслав III, не дожидаясь прихода союзников, начал наступление на мятежного брата с захвата принадлежавших Збигневу городов и принуждения к покорности его знатных сторонников. Об этом повествует Галл Аноним в начале главы 38 книги II своей хроники[630]. После этого хронист пишет: «Тут впервые подошла помощь русских и венгров, и, продолжая путь, с ними [Болеслав] перешел реку Вислу. И тогда доведённый до отчаяния Збигнев при посредничестве русского князя Ярослава и краковского епископа Балдвина был приведён к Болеславу и [обещал] ему удовлетворение [требований] и повиновение. … После заключения мира между братьями войска русских и венгров возвратились восвояси»[631].

Описываемый Галлом совместный поход польско-русско-венгерского войска против Збигнева датируется польскими исследователями 1106/1107 г. Исходя из того, что Галл знает даже имя русского князя, выступившего посредником между братьями Пястами, Н. И. Щавелева предположила, что рассматриваемые «события были хорошо известны хронисту, и на достоверность сообщения можно положиться»[632]. В связи с предлагаемой исследователями датировкой этой войны возникает вопрос о том, когда Збигнев встречался со Святополком Изяславичем. Речь в данном случае идёт о кратком со-

---

[628] МТК. I. 100.l.
[629] *Gombos F.A.* Catalogus fontium historiae Hungaricae … T. I. P. 490.
[630] MPH. NS. T. II. P. 108.
[631] „Tum primum Ruthenorum auxilium et Vngarorum commeavit, cum quibus iter arripiens, Wyslam fluvium transmeavit. Tum vero Zbigneuus in despectacionem est redactus, ac Yaroslauo duce Rutheno simulque Balduino Cracouiensis episcopo, mediantibus, ante fratrem satisfacturus et obeditirus est adductus. ... Pacificatis itaque fratribus Ruthenorum exercitus et Vngarorum ad propria remeavit” (MPH. NS. II. P. 108–109); *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 48 (текст), 55 (пер.); *Галл Аноним*. Хроника. С. 97–98.
[632] *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 73 и примеч. 1 к главе 38 книги II.

общении Повести временных лет, помещённом под 6614 (1106/1107) годом: «В то же лѣто прибѣже Избыгнѣвъ к Святополку»[633]. Свидетельство о попытке Збигнева найти военную помощь или политическую поддержку у главы рода Рюриковичей содержится лишь в Лаврентьевской летописи, в Ипатьевской же оно отсутствует. При этом в аналогичной статье Ипатьевской летописи можно найти известие датирующего характера о «помрачении Солнца», случившемся «в то же лѣто» в августе[634]. Как установил Д. О. Святский, солнечное затмение в 1106 г. действительно имело место 1 августа[635].

Использовать эту дату в качестве *terminus ante quem* с абсолютной уверенностью нельзя, поскольку именно свидетельство о солнечном затмении «выпадает» из расположенных в строго хронологическом порядке остальных известий рассматриваемой летописной статьи. Остается датировать встречу Збигнева со Святополком, исходя из места расположения известия о ней в ПВЛ. Предшествующее ему известие (о пострижении Евпраксии Всеволодовны) летописец датирует 6 декабря (1106 г.), а последующее (о пострижении Святослава Давыдовича) – 17 февраля (1107 г.). Таким образом, пребывание Збигнева при дворе Святополка Изяславича имело место, скорее всего, между этими двумя датами. Предположение об этом подкрепляется информацией Галла Анонима, свидетельствующего о том, что в момент бегства Збигнева на Русь Висла ещё не была скована льдом, т. е. речь в данном случае могла идти о поздней осени или ранней зиме.

На информацию главы 37 книги II Хроники Галла Анонима, где сообщается о том, что разгромленный братом Збигнев «переплыл реку Вислу»[636], обращает внимание А. Б. Головко. По мнению украинского исследователя, это сообщение означает, что «побеждённый князь отправился на восток», т. е. на Русь. А. Б. Головко далее пишет: «Збигнев пытался в столице Руси добиться расстройства союза Святополка с Кривоустым, однако этого ему сде-

---

[633] ПСРЛ. Т. I. Стб. 281.
[634] ПСРЛ. Т. II. Стб. 258.
[635] *Святский Д. О.* Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения // ИОРЯС АН. Т. 20 (1915). Кн. 2. С. 105.
[636] MPH. NS. T. II. P. 107. Л. М. Попова датирует эти события осенью или зимой 1106/1107 г. См.: *Галл Аноним*. Хроника и деяния князей или правителей польских. С. 158 и примеч. 2 к гл. 37.

лать не удалось. Более того, русские отряды во главе с сыном киевского князя Ярославом вскоре вновь прибыли в Польшу и вынудили Збигнева подчиниться брату»[637]. Таким образом, А. Б. Головко считает, что Святополк Изяславич дважды оказывал в 1106 г. помощь Болеславу III – до и после пребывания Збигнева на Руси. Историк опирается в своих рассуждениях на то, что Галл дважды упоминает о русской и венгерской помощи польскому князю – в главах 36 и 38 книги II своей хроники. При этом А. Б. Головко как бы невольно «указывает» Н. И. Щавелевой на то, что она не обратила внимания на информацию главы 37, которая, согласно его построениям, также имеет косвенное отношение к истории русско-польских отношений. В этой главе сообщается о том, что Болеславу III удалось заключить мир с чехами и не допустить их участия в войне на стороне Збинева. Узнав об этом, Збигнев «обратился в бегство» и «переплыл реку Вислу»[638].

Представляется не только вполне допустимым, но и наиболее вероятным то, что бегство Збигнева на Русь произошло после разгрома собранной им коалиции на Висле армией Болеслава III[639], а значит, отрывок из главы 37 книги II Хроники Галла Анонима также заслуживает права быть упомянутым в своде известий о русско-польских отношениях домонгольского периода. Однако следует указать на одну неточность в аргументации А. Б. Головко. Никаких оснований для заявления о том, что русские и венгерские военные отряды дважды приходили в 1106 г. на помощь Болеславу Кривоустому, у нас нет. Рассматриваемый источник очень чётко свидетельствует в главе 36 книги II о *намерении* польского князя обратиться за военной помощью к правителям Руси и Венгрии, а в главе 38 – об *оказании* такой помощи. При этом украинский исследователь не обратил внимания на точное указание Галла

---

[637] *Головко А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях… С. 64.
[638] MPH. NS. T. II. P. 107; *Галл Аноним*. Хроника и деяния князей или правителкй польских… С. 97.
[639] На мысль об этом наталкивает употреблённый летописцем глагол «прибеже» при описании появления Збигнева на Руси.

Анонима в главе 38: «Тут *впервые* (курсив мой. – *М. Ю.*) подошла помощь русских и венгров»[640].

Рассказ Галла Анонима о войне Болеслава III со Збигневом в 1106–1107 гг. не оставляет сомнений в том, что правитель Польши был в состоянии сам справиться с мятежным братом, а его просьбы о помощи, с которыми он обратился к Калману Книжнику и Святополку Изяславичу, являются не более, чем «перестраховкой». По крайней мере, Болеслав Кривоустый отнюдь не находился во власти упаднических настроений и показал себя как способный и решительный полководец. Исходя из этого, представляется, что Збигнев искал встречи со Святополком Изяславичем до прихода русских и венгерских отрядов на помощь Болеславу III, чтобы отговорить хотя бы киевского князя от посылки своих дружин в Польшу. Судя по рассказу Галла Анонима, помещённому в той главе, на которую ссылается А. Б. Головко, Збигнев «переплыл реку Вислу» не вследствие поражения, понесённого от брата, а после того, как Болеслав III заключил мир с союзными претенденту на престол чехами. Это событие знаменовало собой окончание первого этапа междоусобной войны 1106–1107 гг. в Польше, в котором ни русские, ни венгры участия не принимали.

Если суммировать все вышеизложенные свидетельства и их оценки с точки зрения проблемы более точной датировки времени обращения Збигнева за помощью к Святополку Изяславичу, то наиболее вероятным месяцем, когда могло произойти это событие, является декабрь 1106 г. С одной стороны, Висла в то время ещё не была скована льдом, а с другой – летописный материал позволяет предположить, что Збигнев прибыл в Киев после 6 декабря, которым датировано предыдущее известие ПВЛ. Впрочем, в случае теплой зимы 1106/1107 гг. Висла могла быть свободной ото льда и в январе.

---

[640] “Tum primum Ruthenorum auxilium et Vngarorum commeavit…” (MPH. NS. T. II. P. 108); *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 48.

Разгром Збигнева польско-русско-венгерской коалицией. Судя по рассказу Галла, после бегства претендента (скорее всего, на Русь) Висла на некоторое время стала линией фронта между армиями Збигнева и Болеслава. В начале главы 38 книги II своей хроники Галл сообщает о том, что до прихода помощи из Руси и Венгрии Болеслав III успешно воюет с польскими сторонниками брата, захватывая верные ему города[641]. Участие русских и венгерских военных отрядов в войне со Збигневом означало пребывание Калмана Книжника и Святополка Изяславича в одной коалиции. Смерть венгерской жены Ярослава Святополчича и его второй брак, возможно, заключенный с польской княжной (что, как указано выше, подвергает сомнению К. Яшиньский), не повлияли на характер взаимоотношений между Русью и Венгрией. Пребывание Алмоша на Святой Земле во время войны польско-русско-венгерской коалиции со Збигневом и его сторонниками[642] означало временное отсутствие фактора, который мог бы привести к обострению отношений между Киевом и Фехерваром.

Поскольку Збигневу не удалось расколоть союз Святополка Изяславича и Болеслава III Кривоустого, его шансы на захват власти в Польше становились всё более призрачными. В боевых действиях начала 1107 г., когда претенденту на престол было нанесено сокрушительное поражение объединёнными силами Болеслава и его союзников, участвовали лишь польские сторонники Збигнева и поморяне. Чехия была в то время охвачена войной между князем Борживоем и оспаривавшим у него престол Сватоплуком[643]. Побе-

---

[641] MPH. NS. II. P. 108; *Галл Аноним*. Хроника и деяния князей или правителей польских. С. 97.

[642] Д. Паулер, Э. Маюс, Д. Дёрффи, Ф. Макк, Д. Кришто датируют паломничество Алмоша в Святую Землю 1107 г. (*Pauler Gy*. A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt. I. k. 212., 463–464. l.; *Mályusz E*. Commentarii // *Johannes de Thurocz*. Chronica Hungarorum. II/1. P. 420; *Györffy Gy*. A magyar állam megszilárdulása. 956. l.; *Makk F*. Magyar külpolitika (896–1196). 2. kiad. Szeged, 1996. 157. l.; *Kristó Gy*. Magyarország története. 895–1301. Bp., 2003. 140.l.), Б. Хоман – 1108 г. (*Hóman B*. Magyar történet. I. k. 367. l.), И. Маджар – 1109 г. (*Madzsar Imre*. Szent Imre herceg legendája // Sz., LXV (1931). 53. l.), а Э. Бартониек считает вероятными два последних мнения – 1108 или 1109 г. (Legenda Sancti Ladislai regis / Ed. E. Bartoniek // SRH. II. P. 443). Судя по тому, что Алмош уже в сентябре 1108 г. начал новый этап борьбы за венгерский престол, рассматриваемый ниже, единственно возможной датой поездки Алмоша в Палестину остаётся 1107 г.

[643] Н. И. Щавелева (Польские латиноязычные средневековые источники. С. 72 и примеч. 1 к гл. 36 кн. II Хроники Галла Анонима) объясняет неучастие чехов в конфликте между Болеславом и Збигневом 1106 г. тем, что как раз в это время воспитателю Болеслава III Скарбимиру удалось подкупить чешского князя Борживоя, который отказался поддерживать претендента на польский престол. Однако в главе 16 книги III

ждённый и «доведённый до отчаяния Збигнев при посредничестве русского князя Ярослава и краковского епископа Балдвина был приведён к Болеславу и [обещал] ему удовлетворение [требований] и повиновение. Во-первых, признал себя тогда ниже брата, а во-вторых, при всех них поклялся, что никогда не будет противником брату, а будет покорным ему во всём…. Тогда вымолил у брата [разрешение] управлять Мазовией не как господин, а как воин [вассал]. После заключения мира между братьями войска русских и венгров возвратились восвояси»[644].

Цитированный отрывок из хроники Галла Анонима (II, 38) помимо подробностей военной кампании 1106–1107 гг. и условий замирения Збигнева с Болеславом III также свидетельствует о разной роли, которую играли в глазах польского хрониста русские и венгры. Первые предстают в рассказе Галла не как обычные союзники Болеслава, пришедшие с расчётом на получение своей доли добычи после разгрома противника. Их командир – Ярослав Святополчич – активно участвует в решении судьбы мятежного принца. Что же касается венгерских военных отрядов, то их участие в этой войне было традиционным оказанием помощи соседнему государю, поэтому источники не сохранили нам даже имя их предводителя.

Признание Збигневом вассальной зависимости от младшего брата тяготило его, поэтому клятвы, данные принцем в присутствии краковского епископа Балдвина и волынского князя Ярослава Святополчича, вскоре были им нарушены. В результате Болеслав III Кривоустый вновь попросил о помощи Калмана Книжника и Святополка Изяславича. Информация об этом содержится лишь в хронике Галла Анонима (II, 41). Здесь, в частности, можно прочитать: «Болеслав, видя, что брат в обещаниях и клятвах не проявлял ни-

---

«Чешской хроники», на которую ссылается исследовательница (см.: *Козьма Пражский*. Чешская хроника. С. 187–188), речь идёт о событиях 1103 г., причём хронист прямо связывает просьбу Збигнева о помощи с событиями, развернувшимися в Польше после смерти Владислава-Германа (1102).

644 “Tum vero Zbigneuus in desperacionem est redactus, ac Yaroslauo duce Rutheno simulque Balduino Cracouiensis episcopo mediantibus, ante fratrem satisfacturus et obediturus est adductus. Tunc primum inferiorem se fratre reputavit, tunc iterum se numquam fratri fore contrarium, sed in cunctis obediturum… Tunc a fratre Mazouiam retinere sicut miles, non ut dominus impetravit. Pacificatis itaque fratribus Ruthenorum exercitus et Vngarorum ad propria remeavit…” (MPH. NS. II. P. 108–109); *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 47 (текст), С. 55 (пер.). *Галл Аноним*. Хроника и деяния князей или правителей польских. С. 97.

какой верности и всё более противодействовал всей стране как [человек] вредный и опасный, изгнал его из всего Польского королевства и сопротивляющихся ему защитников пограничной крепости разбил с помощью русских и венгров. Так было окончено господство Збигнева, [послушавшего] дурных советчиков, и всё королевство объединилось под властью Болеслава….»[645].

В цитированном отрывке обращает на себя внимание стремление польского хрониста показать как можно скромнее участие русских и венгерских отрядов в очередной военной кампании против Збигнева, которая, на основании внутренней хронологии сочинения Галла Анонима, датируется исследователями зимой 1107/1108 г.[646] Если верить Галлу, Болеслав III сам разгромил неугомонного принца до прихода союзников, а русская и венгерская помощь была использована им лишь для осады одной пограничной крепости. В. Т. Пашуто предположил, что в борьбе с братом Збигнев «нашел поддержку… у галицко-перемышльских Володаря и Василько Ростиславичей, которые привлекли к делу и половцев»[647]. Польский исследователь В. Свобода считает это предположение не имеющим оснований[648]. По крайней мере, прямых указаний источников на связи Збигнева с Ростиславичами у нас нет.

Русь, Польша и Венгрия в 1108–1111 гг. Фактором, препятствовавшим активному вмешательству киевской правящей верхушки во внутренние дела западных соседей, была половецкая угроза, которую не могли полностью устранить общекняжеские походы в Степь, даже такие удачные, как мощный рейд 1103 г., решение о котором было принято на Долобском съезде (снеме)

---

[645] “Videns igitur Boleslauus, quia frater in omnibus et promissis et iuramentis fidei nullius existebat et quoniam toti terre noxius et obnoxious obsistebat, eum de toto regno Polonie profugavit, sibique resistentes et castellum in terre confinio defendentes, cum auxilio Ruthenorum et Vngarorum expugnavit. Sicque dominium Zbigneui malis consiliariis est finitum, totumque regnum Polonie sub Boleslaui dominio counitum” (MPH.NS. II. P. 111); *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 48 (текст), С. 55 (пер.); *Галл Аноним*. Хроника и деяния князей или правителей польских. С. 99.

[646] *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 73 и примеч. 2 к главе 41 книги II.

[647] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 47.

[648] *Swoboda W.* Waszylko Rosztislawicz // Slownik starozytnosci slowianskich. Wroclaw; W-wa; Kraków, T. VI, Cz. 2. 1977. S. 34.

русских князей[649]. Оказывая помощь своему зятю Болеславу III Кривоустому в восстановлении единства Польши, Святополк Изяславич одновременно должен был отбивать регулярные нападения половецких ханов. В 1106 г. половцы напали на Зареческ[650], в 1107 г. «князь» Боняк появился под Переяславлем, а затем он же вместе с «князем» Шаруканом вступил в бой с русскими князьями под Лубном, закончившийся разгромом степняков[651]. Распылённость военных сил на оборону степной границы и помощь польскому союзнику побудила русских князей пойти в январе 1108 г. на заключение очередного перемирия с половцами, скреплённое браками сыновей Владимира Мономаха и Олега Святославича с дочерьми половецких князей[652].

Разгром Збигнева зимой 1107/1108 г. не принёс Болеславу III мира с мятежным братом. Изгнанный принц обосновался в Чехии, откуда он обратился за помощью к германскому королю Генриху V. Тогда же, не позднее лета 1108 г.[653], в Венгрию возвращается из Святой Земли принц Алмош. Как оказалось, целью его паломничества к Гробу Господню было не раскаяние за совершённые грехи, а выжидание момента для очередного выступления против Калмана. Посчитав сложившуюся к тому времени в Венгрии политическую ситуацию благоприятной для начала нового этапа борьбы за власть, Алмош вновь бежит в Пассау и так же обращается за помощью к Генриху V. Таким образом, на молодого германского короля возлагали надежды оба обделённых престолами принца, что давало ему возможность восстановить былое влияние Священной Римской империи на всей территории Центральной Европы, потерянное его отцом вследствие долгой и упорной борьбы с папством за инвеституру.

В сентябре 1108 г. войско Генриха V в рамках оказания помощи Алмошу вторглось в Верхнюю Венгрию (соврем. Словакию) и осадило Пожонь (соврем. Братислава). Тогда же союзник германского короля чешский князь

---

649 ПСРЛ. Т. I. Стб. 277–279; Т. II. Стб. 252–255.
650 Там же. Т. I. Стб. 281; Т. II. Стб. 257.
651 Там же. Т. I. Стб. 281–282; Т. II. Стб. 258.
652 Там же. Т. I. Стб. 282–283; Т. II. Стб. 259.
653 MTK. I. 100. l.

Сватоплук разорил долину р. Ваг[654]. Для прекращения совместных операций чешской и немецкой армий в Венгрии Болеслав III Кривоустый напал в октябре 1108 г. на Чехию и вынудил Сватоплука покинуть венгерский театр боевых действий[655]. Оставшийся без союзника Генрих V вынужден был прекратить осаду Пожони и пойти на заключение мира с Калманом Книжником, после чего венгерское войско с 4 по 12 ноября 1108 г. разоряло моравские земли[656]. Ответом на это вторжение стало опустошение в феврале 1109 г. Сватоплуком и его братом, моравским князем Оттоном, приграничных земель в Верхней Венгрии вплоть до Нитры[657].

Таким образом, очередная попытка Алмоша добыть себе венгерский престол оказалась, как и прежние, неудачной. Однако Генрих V не оставил планов «восстановления законности» в соседних государствах. После замирения с Калманом германский король, по свидетельству Галла Анонима, сумел переманить на свою сторону венгерских союзников Болеслава III и потребовать от правителя Польши возвращения «половины королевства Збигневу» (Gall. II, 50; III, 2)[658]. Из этого можно было бы сделать вывод о том, что в октябре 1108 г. Генрих V не просто замирился с Калманом Книжником, а заставил венгерского короля выйти из коалиции с Польшей и Русью. Однако рассказ польского хрониста о последовавшем вслед за этим нападении немецкого войска на Польшу в 1109 г. содержит явное противоречие. По свидетельству Галла, Болеслав III, узнав о вторжении германского короля, расположился с небольшим отрядом близ Глогова. «Там он выслушивал донесения и посольства, ожидал свое войско, рассылал туда и сюда разведчиков и отправлял гонцов к своим, русским и венграм»[659].

---

[654] МТК. I. 100. l.
[655] Ibid.
[656] Ibid.
[657] Ibid. 101. l.
[658] MPH. NS. II. P. 119, 129–130.
[659] “Ibi rumores et legationes audiebat, ibi suum exercitum expectabat, inde exploratores huc illucque transmittebat, inde camerarios pro suis et pro Ruthenis et Pannonicis delegabat” (MPH. NS. II. P. 133); *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 48 (текст), С. 56 (пер.); *Галл Аноним*. Хроника и деяния князей или правителей польских. С. 115.

В связи с этим возникает вопрос, чьим же союзником был Калман в 1109 г., Генриха V или русско-польской коалиции? Венгерские средневековые исторические сочинения хранят молчание о внешнеполитических акциях Калмана в 1107–1111 гг. Что же касается историков, то среди них нет единого мнения на этот счёт. В. Т. Пашуто не сомневается в том, что русские и венгерские союзники помогли Болеславу III отстоять независимость своего государства от посягательств на неё Генриха V[660]. К. Неедон высказывает сомнения по поводу участия венгерских отрядов в событиях 1109 г. в Польше, считая, что после заключения мирного договора 1108 г. Калман стал союзником Генриха V[661].

Между тем, представляется маловероятным, чтобы Калман, не потерпев поражения от немецкого короля и не получив в свои руки Алмоша, пошёл бы на заключение союза с Генрихом V, предусматривавшего отказ Венгрии от поддержки врагов Германии. Польско-русско-венгерская коалиция показала свою эффективность в деле борьбы с сепаратизмом, как в Польше, так и в Венгрии. Именно нападение армии Болеслава III на Чехию во многом предопределило безрезультатность осады Пожони, и вряд ли Калман не понимал, что только сохранение антигерманского военного союза способствует упрочению государственного единства в Польше и в Венгрии. В связи с этим представляется преувеличенным утверждение Галла Анонима об отказе Калмана от союза с Болеславом III под давлением Генриха V. Более правдоподобным выглядит в рассматриваемой хронике известие о посылке польским королем гонцов на Русь и в Венгрию с просьбами о помощи.

Польские историки К. Малечиньский и Б. Влодарский обратили внимание на то, что Галл пишет в своей хронике лишь о приглашении Болеславом III русских и венгерских союзников, но ничего не сообщает об их участии в боевых действиях, поэтому сам факт участия воинов из Руси и Венгрии в собы-

---

[660] *Пашуто В. Т.* Хроника и деяния князей или правителей польских. С. 47–48.
[661] *Needon C. R.* Beiträge zur Geschichte Heinrichs V. Leipzig, 1885. S. 66.

тиях 1109 г. нельзя считать доказанным[662]. По мнению А. Б. Головко, «такая позиция исследователей требует уточнения. Галл Аноним писал о приглашении русских и венгерских отрядов как о привычном явлении, которое не требовало каких-либо дополнительных комментариев. Наоборот, если бы помощь не была оказана, тогда польский хронист обязательно обратил бы внимание на нарушение союзнического долга»[663].

Вопрос об участии венгерских отрядов в польских событиях 1109 г. затрагивает также венгерский исследователь Ф. Макк. Он пишет по этому поводу следующее: «По нашему мнению, влияние войны 1108 г. (похода Генриха V в Венгрию. – *М. Ю.*) было также и в том, что в последующее время Калман воздержался от вмешательства в немецко-польский конфликт. Этим можно объяснить то, что в 1109 г. венгерский король уже не отправился на помощь Болеславу III, когда немецкий король и чешский князь вторглись в Польшу. Однако это не означает, что Венгрия и Польша могли бы конфликтовать друг с другом. Это опровергает то, что князь Болеслав III во время паломничества 1113 г. заглянул и на венгерскую землю…»[664]. Точка зрения А. Б. Головко и других историков, заявляющих об участии русских и венгров в рассматриваемых событиях[665], всё же ближе к истине, чем мнение их оппонентов. Попытки оспорить факт сохранения союзнических отношений между Болеславом III Кривоустым и Калманом Книжником в 1109 г. лишены серьёзных оснований. По-видимому, венгерский король не имел реальной возможности сразу оказать помощь своему польскому союзнику, поскольку, как указывалось выше, в феврале 1109 г. Венгрия подверглась нападению моравского князя Оттона.

Более благоприятной была в то время ситуация на Руси. Хотя заключенный в 1108 г. очередной мир русских князей с половцами оказался весьма непрочным, инициаторами нового конфликта, скорее всего, выступили не

---

[662] *Maleczyński K.* Bolesław III Krzywousty. S. 109; *Wlodarski B.* Rus' w planach politycznych Boleszława Krzywoustego. S. 45.
[663] *Головко А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях… С. 65.
[664] *Makk F.* Magyar külpolitika (896–1196). 2. kiad. 159. l.
[665] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 48; Dzieje Polski średniowiecznej / *Grodecki R., Zachorowski S., Dąbrowski J.* Kraków, 1926. T. I. S. 120.

степняки, а русские. Судя по дошедшим до нас летописным памятникам, киевский воевода Дмитр Иворович захватил 2 декабря 1109 г. половецкие вежи у Дона[666]. Скупую летописную информацию об этом не предваряет, как обычно, описание половецкого набега на Русь. Весной следующего 1110 г. совместный поход на половцев совершили киевский князь Святополк, переяславский Владимир Мономах и черниговский Давыд Святославич[667]. Кульминацией же экспансии русских князей в Степь стал самый крупный общекняжеский поход против половцев, организованный Владимиром Мономахом и Святополком Изяславичем в 1111 г.[668] Гордый за деяния князей летописец сообщает о том, что слава об их победе в том походе разнеслась «ко всимъ странамъ далнимъ, рекуще къ Грекомъ и Оугромъ, и Ляхомъ, и Чехомъ, дондеже и до Рима проиде[669]».

Успехи русских князей в начале XII в. в противостоянии со Степью позволяют считать направление Святополком Изяславичем военной помощи своему польскому зятю более реальным, чем аналогичная акция Калмана, занятого обеспечением обороны северных и северо-западных границ своего государства. В то же время полностью исключать участие венгерских отрядов в польско-германском конфликте 1109 г. на стороне Болеслава III всё же не следует. Таким образом, борьба мятежных принцев против законных государей в Польше и Венгрии не только примерно совпала по времени. Отдельные её акции свидетельствуют о тесном переплетении интересов противоборствующих сил в обеих странах и за их пределами. На следующий год после первого поражения в борьбе за власть претендента на польский престол Збигнева начался новый этап междоусобной борьбы в Венгрии (1108), когда уже Болеславу III пришлось оказывать помощь венгерскому королю Калману. Нападение польского войска на Моравию нейтрализовало действия вторгшейся в Венгрию чешско-немецкой коалиции, и германский король Генрих V вынужден был пойти на замирение с Калманом Книжником. Вен-

[666] ПСРЛ. Т. I. Стб. 283–284; Т. II. Стб. 260.
[667] Там же. Т. I. Стб. 284; Т. II. Стб. 260.
[668] Там же. Т. II. Стб. 264–268.
[669] Там же. Стб. 273.

ская и Иллюстрированная хроники, датируя эти события ошибочно 1113 г., свидетельствуют о том, что венгерский «король послал императору[670] много даров, и, таким образом, тот с почётом вернулся на родину»[671].

У нас нет сведений о военной поддержке Святополком Изяславичем венгерского короля. Скорее всего, силы русских князей были в то время скованы наличием половецкой опасности. Обращает на себя внимание тот факт, что Болеслав III на этот раз отказался от поддержки свояка, твердо выступив на стороне Калмана. Видимо, многолетняя борьба со Збигневом убедила польского короля в том, что поддержание единства страны сильнее родственных связей.

К вопросу о судьбе Спиша в начале XII в. В заключении этого раздела хотелось бы привести один историографический миф, связанный с историей русско-венгерско-польских отношений рассматриваемого времени. В своё время А. И. Добрянский ставил в связь с выходом Сбыславы Святополковны замуж за польского князя Болеслава III судьбу пограничной области Спиш (*венг*. Сепеш)[672], которая, по мнению некоторых ученых XIX в., некогда была населена одной из групп белых хорватов. Впоследствии Спиш был захвачен поляками, однако, в конечном счёте, вошел в состав Венгерского королевства, и на его территории был создан замковый округ (комитат) Сепеш.

Рассматривая судьбу древнего Спиша, А. И. Добрянский спорит с венгерскими историками, утверждавшими, что их предки завладели Сепешем еще в эпоху «обретения родины». При этом учёный приводит «версию Н. М. Карамзина», который якобы датировал потерю Русью Спиша 1069 г.[673] Однако, в научных изданиях «Истории государства Российского» не обнаруживается ни одного упоминания Спиша, а в описании похода Болеслава II Смелого на

---

[670] В данном случае хронист допускает неточность: императором Генрих V стал в 1111 г.
[671] “Rex autem imperatori plurima dona misit, et sic honorifice repatriavit” (Chronici Hungarici compositio saeculi XIV, cap. 150: SRH. I. P. 430).
[672] *Добрянский А. И.* О западных границах Подкарпатской Руси со времен св. Владимира.
[673] Там же. С. 139.

Киев 1069 г. Н. М. Карамзин вообще ничего не говорит о территориальных потерях Руси при возвращении престола Изяславу Ярославичу[674].

Отвергая обе «приведённые» им точки зрения, А. И. Добрянский считает, что Спиш перешёл в руки венгерских королей в 1108 г. в качестве приданого, отданного за Юдиту – дочь Сбыславы Святополковны и Болеслава III, которая вышла замуж за венгерского королевича Стефана – будущего Иштвана II[675]. Основанием для такого рода построений А. И. Добрянскому служат известия Великопольской хроники (русинский учёный называет её хроникой Богухвала), в которой действительно можно прочитать: «Этот Болеслав свою дочь от русской жены выдал замуж за сына короля венгров Коломана. Ему как приданое дал в пожизненное владение кастелянию спишскую»[676].

К сожалению, А. И. Добрянский в своих построениях опирается главным образом на эти две фразы, которые, вырванные из контекста, позволяют предположить, что речь здесь идёт о принце Иштване – сыне Калмана Книжника. Хотя А. И. Добрянский даёт пространную цитату из «хроники Богухвала», он совершенно не обращает внимание на то, что следующие фразы ясно показывают, что хронист приписал будущему Иштвану II деяния королевича Калмана, занимавшего галичский стол в 1214–1219 гг. После известия о передаче спишской кастелянии сыну венгерского короля Калмана Великопольская хроника сообщает следующее: «Коломана же совместно с венгерским королём назначил королём над галичанами и повелел его короновать. А при коронации король Болеслав из-за своей доверчивости был обманут хитрым венгерским королем: [отдал] кастелянию спишскую, а тот под видом приданого для его дочери отдал ему перемышльскую. Это коварство послужило началом распрей между поляками и венграми, как это обнаружилось впоследствии….»[677].

Согласно догадкам А. И. Добрянского, Спиш первоначально был русским и вошел в состав Польши в качестве приданого Сбыславы Святополковны, а

---

[674] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. II–III. С. 49–50.
[675] *Добрянский А.И.* О западных границах Подкарпатской Руси со времен св. Владимира. С. 139–141.
[676] MPH. NS. VIII. P. 39; «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях… С. 95.
[677] MPH. NS. VIII. P. 39; «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях… С. 95–96.

затем был отдан венграм как приданое за Юдиту Болеславну[678]. Однако уже один из современников А. И. Добрянского – И. А. Линниченко справедливо указал ему на то, что у нас нет никаких сведений о том, что в Древней Руси был распространен обычай отдавать область в качестве приданого за выдаваемую замуж княжну[679]. Поэтому любые построения такого рода не имеют под собой никакой почвы.

3. Неудачная попытка Владимира Мономаха заключить союз с Арпадами

Женитьба Калмана Книжника на Евфимии Владимировне. Выше уже приводилась точка зрения Ф. Макка, считающего, что брак принца Алмоша и дочери Святополка Изяславича призван был укрепить союз Арпадов с киевскими князьями, существовавший в своем тогдашнем виде с начала 1090-х годов. Однако к началу второго десятилетия XII в. этот союз потребовалось укрепить новыми матримониальными связями. К тому времени ушла из жизни венгерская жена Ярослава Святополчича, и он женился, возможно, на польской княжне[680]. Что же касается принца Алмоша, то его «русский» брак никак не служил делу укрепления отношений между Киевом и Фехерваром. Хорошо ещё, что тесть Алмоша, судя по данным источников, ни разу не помог своему неугомонному зятю, «обивавшему пороги» европейских дворов в поисках военной силы для свержения брата с престола.

У нас нет точных данных о времени смерти первой жены Калмана. По крайней мере, это произошло до 1112 г. На этот раз венгерский король решил породниться с Владимиром Мономахом, женившись на его дочери Евфимии. Сведения об этом браке содержатся как в ПВЛ, так и в Венгерском хрони-

---

[678] *Добрянский А. И.* О западных границах Подкарпатской Руси со времен св. Владимира. С. 139–140.
[679] *Линниченко И. А.* Взаимные отношения Руси и Польши…. С. 37–38.
[680] Предположение об этом, высказанное в своё время О. Бальзером (*Balzer O.* Genealogia Piastów. S. 124), М. С. Грушевский признал домыслом (*Грушевський М.* Історія України–Руси. Т. II. С. 99–100 и примеч. 5). Автор новейшего исследования по генеалогии Пястов К. Яшиньский присоединился к оценке М. С. Грушевского (*Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. S. 195–196. Однако гипотеза К. Яшиньского о том, что дочь Болеслава III вышла замуж за правившего тогда в Дорогобуже Давида Игоревича также не является достаточно аргументированной.

кальном своде XIV в. Самый ранний источник, в котором содержится известие о замужестве Евфимии Владимировны, – Ипатьевская летопись, в той её части, которая традиционно считается более поздней редакцией ПВЛ. Оно предельно краткое: «Того же лѣта ведоша Володимерьну Офимью въ Оугры за короля»[681]. Летописец не даёт точной даты отъезда княжны в Венгрию, хотя сама статья 6620 (1112/3) г. буквально пестрит указаниями точных дней, когда происходило то или иное событие. К сожалению, описаны они здесь не в хронологическом порядке, поэтому невозможно определить даже примерное время отправки Евфимии Владимировны в Венгрию[682].

По мнению М. Д. Присёлкова, перед тем как решиться на этот шаг, Владимир Всеволодович Мономах, тогда ещё князь переяславский, смоленский и ростовский, обратился к киевскому митрополиту Никифору I (1104–1121) с «вопрошанием» по поводу причин «великой схизмы». Текст самого «вопрошания» до нас не дошёл, но сохранилось Послание Никифора I Владимиру Мономаху[683], точная дата написания которого неизвестна. Связывая появление этого сочинения с намерением Владимира выдать дочь замуж за венгерского короля, М. Д. Присёлков датирует написание митрополитом ответа на княжескую просьбу 1112 г.[684] Как считают исследователи, Послание Никифора I было написано по-гречески и дошедший до нас текст является его древнерусским переводом[685]. М. В. Левченко, поддержав гипотезу М. Д. Присёлкова, развил её дальше, предположив, какое влияние оно могло оказать на внешнеполитические планы Владимира Мономаха: «Конечно, отважное послание митрополита, бичующее заблуждения латинян, не помешало

---

[681] ПСРЛ. Т. II. Стб. 273.

[682] В.Н.Татищев (Собрание сочинений. Т. IV. С.179; Т. II. С.128), не указывая источника своей информации, называет дочь Мономаха, вышедшую замуж за «королевича венгерского», Софией. Это свидетельство является уникальным и, бесспорно, содержит ошибку не только в имени княжны, но и в титуле её мужа, названного В. Н. Татищевым «королевичем».

[683] Текст памятника см. в изданиях: *Калайдович К.* Памятники российской словесности XII в. М., 1821. С. 157–163 (№ 16); *Понырко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв. Исследования, тексты, комментарии. СПб., 1992. С. 71–73. Новейшее издание осуществлено по пяти спискам Послания.

[684] *Присёлков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913. С. 314.

[685] *Колесов В. В.* Никифор // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV в.). Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987 далее: СККДР). С. 278; *Казаку М., Старостина И. П.* Послание Никифора, митрополита киевского, к вел. кн. Владимиру Мономаху о латинах // ППИДР. С. 234.

Владимиру выдать свою дочь в «угры». Но отношения между Мономахом и митрополитом оставались хорошими и прочными»[686].

Не останавливаясь на содержании этого памятника, в котором подробно перечислены все «прегрешения» латинян в области христианской догматики и религиозного культа, следует отметить, что никаких конкретных указаний на то, что рассматриваемое Послание составлено в связи с намерением Владимира породниться с венгерским королём, в тексте памятника не содержится. Скорее всего, Мономах, предчувствуя очередную борьбу за верховную власть на Руси после смерти Святополка Изяславича, хотел так же, как и последний перед кончиной Всеволода Ярославича, установить тесные связи с некоторыми западными соседями, что обеспечило бы ему политическую и военную поддержку в случае борьбы с другими претендентами на киевский стол.

Это отнюдь не означает, что гипотеза Присёлкова–Левченко не имеет под собой никакой почвы. По-видимому, получив предложение с венгерской стороны о заключении династического брака, Владимир Мономах оценил это как начало процесса сближения его́ княжеской ветви с западными государями (в пику Святополковой ветви) и потому попросил у митрополита консультации по поводу расхождений между двумя главнейшими христианскими конфессиями. М. В. Левченко, безусловно, прав в том, что внешнеполитические интересы оказались для Владимира Мономаха сильнее «твердости в вере». Впрочем, высшие православные иерархи Византии того времени прекрасно понимали необходимость установления матримониальных связей своих правителей с неправославными государями Европы в целях сохранения «империи ромеев», о чём свидетельствуют браки членов рода Комнинов с представителями правящих династий католической Европы.

Если вся информация летописных памятников о браке Евфимии Владимировны и Калмана Книжника ограничивается лишь одной вышецитированной

---

[686] *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 476.

фразой, то Венгерский хроникальный свод[687] посвящает этому целую главу (149), в которой объясняются причины быстрого распада семейного союза: «В год Господа 1112[688] умер Н., сын короля Калмана. Король взял вторую жену из Руси, которую, застав в грехе прелюбодеяния, не отпустил с жестоким безрассудством. Ибо он знал, что сказано в Писании: «Кого Бог соединил, того человек не разъединит», – то есть без закона и без смысла. Поэтому он не отделил себя от неё, а закон отделил его от неё. Её обвинило преступление, осудила вина, наказало злодеяние. Закон отослал её в свою землю….»[689].

Как видно из этого рассказа, заключить брак с представительницей рода Рюриковичей Калмана побудила смерть одного из его сыновей. Как полагают исследователи, под именем N. скрывается Ласло[690]. По всей видимости, потеряв жену и сына и оставшись с последним сыном и наследником Иштваном, Калман решил «перестраховаться» от вымирания своей ветви, надеясь ещё раз стать отцом с молодой русской женой. К тому же новый брак должен был укрепить ослабевшие матримониальные связи Арпадов с Русью. Д. Дёрффи считает, что ставка, сделанная Калманом на укрепление связей с Владимиром Мономахом, была призвана дать королю такие же возможности для использования «русского фактора», какие были у Алмоша. «Этот брак мог бы дать военную гарантию от тестя Алмоша, в тылу киевского великого князя»[691]. Эту точку зрения оспаривает Ф. Макк, подчеркивая, что Святополк ни разу не оказывал военной помощи Алмошу. Ф. Макк считает «более веро-

---

[687] Здесь и далее цитируемая информация этого памятника содержится (кроме специально оговоренных случаев) только в более поздних его списках, объединяемых в семейство Венской или Иллюстрированной хроники.

[688] Как видно из цитируемой фразы, венгерский источник подтверждает летописную дату брака Калмана и Евфимии. В связи с этим непонятно происхождение ошибки Б. Хомана, который не только датирует это события временем не позднее 1108 г. и называет появление у Калмана русской жены событием, которое «призвано было уравновесить русские связи Алмоша», но и ставит его в ряд причин, побудивших Алмоша признать своё поражение в борьбе с Калманом и покаяться перед братом накануне отъезда мятежного принца на Святую землю. См.: *Hóman B. és Szegfű Gy.* Magyar történet. 362. l.

[689] “Anno Domini M-o C-o XII-o N. filius regis Colomani mortuus est, et rex secundam duxit uxorem de Ruscia, quam in adulterio deprehensam peccantem, nec violenta temeritate dimisit. Sciebat enim quia scriptum est: ‘Deus quos coniunxit, homo non separet’. Scilicet sine lege et absque ratione. Ideo non ipse ab ea se separavit, sed lex ab ea eum separavit, quam reatus acusavit (sic! – *М. Ю.*) culpa damnavit, maleficium coartavit. Remisit ergo eam lex in terram suam. …” (SRH. Vol. I. P. 429).

[690] Ibid. n. 2.

[691] *Györffy György.* A magyar állam megszilárdulása. 958. l.

ятным, что король всего лишь хотел увеличить число своих союзников на русской земле»[692]. Последнее мнение представляется более соответствующим действительности.

Так или иначе, но того долговременного и прочного союза, который сложился у Калмана со Святополком, венгерскому королю достичь с Владимиром Мономахом не удалось, несмотря на вокняжение последнего в Киеве в апреле 1113 г. Более того, развод с Евфимией Владимировной способствовал заметному ухудшению отношений между Киевом и Фехерваром, а его последствия при преемниках Калмана привели к конфронтации Венгрии с Польским королевством, о чём речь пойдет ниже. Исследователи не могут дать исчерпывающего ответа на вопрос о виновности Евфимии в измене мужу. В свое время С. П. Розанов проанализировал все точки зрения, высказывавшиеся по этому поводу историками конца XVIII – начала XX в.[693] Представляется достаточно обоснованным утверждение С. П. Розанова, что европейские государи – современники Калмана Книжника и его преемников Иштвана II (1116–1131), Белы II Слепца (1131–1141) и Гезы II (1141–1162) – не подвергали сомнению то, что законным отцом сына Евфимии Бориса был Калман[694]. Однако вполне возможно, что Евфимия совершила грех прелюбодеяния, будучи уже беременной от Калмана.

По мнению В. Т. Пашуто, обвинение Евфимии в супружеской неверности появилось позднее[695]. Историк выдвигает по поводу причины разрыва династических связей между Рюриковичами и Арпадами в 1113 г. следующее предположение: «видимо она – в перемене политической роли самого Мономаха и в его отношении к союзной Венгрии Волыни и враждебной ей Византии». Далее историк приводит примеры, когда в последующие годы венгерский король Иштван II (1116–1131) неоднократно помогал противникам Мономаха и предоставлял им убежище на своей земле[696]. Хотя общий характер

---

[692] *Makk F.* Magyar külpolitika (896–1196). 2. kiad. 160. l.
[693] *Розанов С.П.* Евфимия Владимировна и Борис Коломанович. С. 586–599.
[694] Там же. С. 594.
[695] *Пашуто В. Т.* Указ. соч. С. 167.
[696] Там же.

системы взаимоотношений между различными политическими силами, действовавшими в зоне русско-венгерского пограничья, показан В. Т. Пашуто довольно точно, вряд ли это могло вызвать столь резкую реакцию Калмана. Ведь король высылкой Евфимии на родину по сути дела перечеркнул результаты многомесячной деятельности своих дипломатов и создал условия для того, чтобы Владимир Всеволодич стал враждебным Венгрии государем. Имеющаяся в нашем распоряжении информация источников пока не позволяет ответить на вопрос о причинах возвращения Евфимии Владимировны на Русь после недолгой супружеской жизни с Калманом.

Последствия смены верховной власти в Киеве (1113) и в Венгрии (1116). Высылка Калманом неверной супруги на родину примерно совпала с занятием его вторым тестем киевского княжеского стола, сохранявшего свое первенствующее значение на Руси, хотя столицей всех русских земель он уже не был. Как известно, смерть Святополка Изяславича, последовавшая 16 апреля 1113 г., вызвала восстание «киян», заставившего городскую верхушку потребовать от Владимира Мономаха придти к ним на княжение[697]. В отличие от своего предшественника, Святополка Изяславича, Владимир Всеволодович Мономах обладал политической волей, дипломатическими и военными способностями. В годы своего киевского княжения (1113–1125) Владимир Мономах, не имея власти над всеми русскими землями, старался максимально расширить влияние возглавляемой ими ветви рода Рюриковичей. Кроме того, трагическая судьба минского князя Глеба Всеславича (не позднее 1101 – 1119), наказанного за вторжение в чужое княжество, показывает стремление Владимира Мономаха общекняжескими действиями сохранить в целом тот раздел русских земель, который был декларирован в т. н. «Завещании Ярослава Мудрого»[698] и закреплён решениями Любечского княжеского съезда 1097 г.[699]

---

[697] ПСРЛ. Т. II. Стб. 275–276.
[698] ПСРЛ. Т. I. Стб. 161; Т. II. Стб. 149–150.
[699] Там же. Т. I. Стб. 256–257; Т. II. Стб. 231.

Грядущие перемены в политической ситуации на Руси начали ощущаться, по крайней мере, уже за год до смерти Святополка Изяславича. Об этом ярко свидетельствует очередной брак его сына – вновь овдовевшего волынского князя Ярослава. По свидетельству ПВЛ, помещенному под 6620 (1112/3) г., «Ярославъ ходи на Ятвязѣ, сынъ Святополчь, и побѣди я; и, пришедъ с воины, посла Новугороду, и поя Мстиславлю дщерь собѣ женѣ, Володимерю внуку, мѣсяца маия въ 12, а приведена бысть июня въ 29»[700]. В стремлении Ярослава Святополчича породниться с ветвью Мономаха можно предположить его намерение упрочить за собой Волынское княжение. В условиях тяжёлой болезни Святополка и готовившегося (или уже состоявшегося) брака Евфимии Владимировны с Калманом Ярослав должен был заручиться поддержкой самого авторитетного русского князя, который сам был не прочь распространить свою власть и на юго-западные окраины страны[701]. Правда, став зятем Мстислава Владимировича, Ярослав Святополчич ненадолго (лишь до 1118 г.) гарантировал себе волынский княжеский стол.

Интересное мнение по поводу причин сохранения Ярославом своего княжения в первые годы после прихода к власти Владимира Мономаха высказывает венгерская исследовательница М. Фонт. Не учитывая (к сожалению) факт женитьбы Ярослава на внучке Мономаха, она пишет: «Вероятно, Ярослав негативно относился к объединительной политике Владимира Мономаха, бывшего противника Святополка, ставшего в 1113 г. великим киевским князем. …В 1113–1118 гг. дело ещё не дошло до открытого столкновения между Владимиром Мономахом и Ярославом. Это можно объяснить внешнеполитическими причинами, поскольку Мономаху надо было сначала пода-

[700] Там же. Т. II. Стб. 273.

[701] Ещё в 1102 г. Святополк Изяславич заключил соглашение с Владимиром Мономахом о том, что Святополк посадит своего сына на княжение в Новгороде, а Мстислав Владимирович пойдёт княжить на Волынь. Поскольку новгородцы тогда не приняли на княжение Святополкова сына, Ярославу Святополчичу удалось сохранить за собой волынский стол, а Мстиславу пришлось по требованию новгородцев вернуться на своё прежнее княжение. См. об этом: ПСРЛ. Т. I. Стб. 275–276; Т. II. Стб. 251. Владимир распространил своё влияние на Волынь позже, сажая здесь на княжение после изгнания Ярослава в 1118 г. своих сыновей, сначала Романа, а затем Андрея.

вить киевское восстание, после чего он вступил в конфликт с Византией. Эту русско-византийскую войну завершил мир 1116 года»[702].

В объяснении М. Фонт, как представляется, некорректно объединены два разных по характеру события, между которыми прошло три года. Анализ всего летописного материала за 1113–1115 гг. показывает, что никаких крупных внешнеполитических акций Владимир Мономах в то время не проводил, а походы дружин Ивана Войтишича и Фомы Ратиборича на Нижний Дунай имели место в 1116 г. В 1113 г., по свидетельству ПВЛ, Владимир занимался переделом своих волостей между сыновьями: Святославом, которого он посадил в Переяславле, и Вячеславом, севшим в Смоленске. В 1115 г. произошло перенесение мощей свв. Бориса и Глеба в новую каменную церковь, построенную в Вышгороде, где в то время княжил главный претендент на власть в Киеве после Мономаха – оставивший Чернигов Олег Святославич[703]. В таких условиях Владимир Мономах никак не мог проводить объединительную политику и тем более лишать кого-то его волости.

На фоне общего «затишья» и княжеского единения на Руси высылка Калманом Книжником своей неверной жены Евфимии Владимировны могла привести к открытому конфликту между Мономахом и Венгрией. Исследователи датируют факт высылки временем около 1114 г.[704] Накануне этого, в 1113 г., в Венгрии много времени провёл Болеслав III Кривоустый, приказавший годом ранее ослепить своего брата Збигнева. Раскаявшийся польский князь замаливал этот тяжкий грех в местах поклонения св. Иштвану и св. Эгидию[705]. При этом Болеслав III, естественно, вёл переговоры с Калманом, о чём прямо свидетельствует Галл Аноним[706]. Закономерным результатом тесного общения двух соседних государей должно было стать укрепление их

---

[702] *Font Márta*. Magyar-orosz politikai kapcsolatok a 12. században… 53. l. В русском пер. см.: *Фонт Марта*. Венгерско-русские политические связи в XII веке… С. 86–87.

[703] О том, что в последние месяцы перед смертью Олег Святославич находился в пригороде Киева – Вышгороде, свидетельствует ПВЛ, сообщая о том, что пир по случаю перенесения мощей первых русских святых произошел в доме Олега. См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 280.

[704] MTK. I. k. 102. l.

[705] Об этом много (но, к сожалению, малоинформативно) пишет Галл Аноним в главе 25 книги III своей хроники. См.: MPH. NS. T. II. Kraków, 1952. P. 158–159. В русском пер. см.: *Галл Аноним*. Хроника и деяния князей или правителей польских. С. 135–136.

[706] Там же. С. 135.

союза. Поскольку это происходило ещё в 1113 г., вряд ли Калман стремился тогда придать этому союзу антирусскую направленность. Но уже в следующем году отношение Калмана к Руси могло резко измениться. В главе 151 Венгерского хроникального свода XIV в., посвящённой тяжелой болезни Калмана, сообщается о его предсмертной просьбе к сыну «отомстить Руси за обиду, ему нанесённую»[707]. Поскольку во время киевского княжения Святополка Изяславича никаких «обид» Калман от русских не испытал, можно с высокой долей уверенности утверждать, что хронист передаёт общее отношение венгерского короля к Руси именно в 1114–1116 гг.

Смена власти в Киеве после ухода из жизни верного союзника Калмана – Святополка Изяславича – позволила правителю Венгрии безжалостно расправиться со своим братом Алмошем – зятем умершего киевского князя. Видимо, почувствовав приближение собственной смерти, Калман приказал ослепить Алмоша и ослепить и кастрировать его сына Белу. Правда, последнюю операцию исполнитель воли короля провести не решился, обманув своего короля. Вместе с названными представителями рода Арпадов были ослеплены и их ближайшие сподвижники. Информация об этом содержится в главе 150 Венгерского хроникального свода XIV в.[708] Дату совершения этой акции хронист не сообщает. В начале той же главы 150 Венской и Иллюстрированной хроники он приводит дату вторжения в Венгрию огромного войска германского императора (Генриха V) «из-за королевича Альма» – 1113 г.[709] Поход закончился примирением двух государей ценой посылки Калманом Генриху «многих даров». Написав об уходе немцев, хронист начинает рассказ об «укреплении мира» между враждовавшими братьями Арпадами, под предлогом которого Калман приказал схватить Алмоша.

Некоторые венгерские историки на основании приведённой хронистом датировки относят расправу над мятежным принцем и его сыном к 1113 г.[710] Однако при этом никто не подвергает сомнению тот факт, что хронист до-

[707] SRH. I. P. 431.
[708] Ibid. P. 430.
[709] Ibid. P. 429.
[710] *Györffy Gy.* A magyar állam megszilárdulása. 959.l.

пустил явную ошибку в дате вторжения Генриха V, которое, как свидетельствуют многочисленные известия немецких хроник, имело место в 1108 г.[711] Учитывающий это В. П. Шушарин считает, что расправа над Алмошем произошла между 1109 и 1113 гг.[712] Проанализировав все обстоятельства, в которых мог быть отдан бесчеловечный королевский приказ, а также аналогичные случаи, которые «не оправдывают, но объясняют» распоряжение Калмана об ослеплении своих родственников, Д. Паулер датирует расправу короля со своими противниками 1115 г.[713] Мнение Д. Паулера поддерживают Э. Маюс, Ф. Макк и Д. Кришто[714].

Из двух приведённых точек зрения вторая представляется в большей степени соответствующей политической ситуации в Венгрии последних лет правления Калмана Книжника. Опираясь на свидетельства Галла Анонима, подчеркнувшего в своей хронике близость Калмана к Болеславу III во время пребывания последнего в Венгрии в первой половине 1113 г., можно утверждать, что до возвращения польского короля на родину вряд ли Калман мог отдать приказ об ослеплении своих главных врагов. Имевший русских родственников Алмош мог жить относительно спокойно и в годы краткого супружества Калмана и Евфимии Владимировны, закончившегося, скорее всего, в 1113 г. Отсылая нелюбимую жену на родину, Калман должен был предусматривать и возможную карательную акцию со стороны его тестя, но, как всякий мудрый правитель, Калман надеялся на то, что русские не придут, в чём он оказался прав. Устраивать в таких условиях жестокую расправу над зятем Святополка Изяславича также не было благоразумным, чтобы не давать лишний повод для мести. С учётом всех этих факторов 1115 г. представляется наиболее реальной датой ослепления Алмоша, его сына и ближайших

---

[711] Список важнейших из них приведён в кн.: *Johannes de Thurocz*. Chronica Hungarorum. II. Commentarii. 1. Ab initiis usque ad annum 1301. Composuit Elemér Mályusz, adiuvante Julio Kristó. Bp., 1988 (далее: *Mályusz E*. Commentarii). P. 423.

[712] *Шушарин В. П.* Раннефеодальная монархия // История Венгрии. Т. I. С. 131. При этом историк не ссылается на конкретные источники.

[713] *Pauler Gy*. A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt. I. k. 224, 471. l. Датировка Д. Паулера базируется на вычислении им года смерти Калмана Книжника (1116), от которого он отнимает один год, что примерно соответствует внутренней хронологии Венгерского хроникального свода XIV в..

[714] *Mályusz E*. Commentarii. P. 424; *Makk F*. Magyar külpolitika (896–1196). 2. kiad. 165. l.; *Kristó Gy*. Magyarország története. 895–1301. 141. l.

соратников. К этому времени стало ясно, что Мономах не отправится в поход за Карпаты. Венгерские историки, настаивающие на этой дате, связывают решимость Калмана лишить своего брата и племянника политического будущего с заговором, составленным группой знати в пользу принца[715], на что намекает ослепление вместе с Алмошем трёх знатных аристократов.

В работах отечественных историков, не являющихся специалистами в области унгаристики, распространена датировка смерти Калмана 1114 г.[716] В. П. Шушарин, знавший и разделявший общее мнение венгерских историков, что это событие произошло в 1116 г., нигде не приводит аргументацию своих зарубежных коллег. Касавшийся этой проблемы в одной из работ последнего времени А. В. Назаренко, как и его предшественники, приходившие к аналогичному выводу, опирается в своём утверждении об уходе из жизни Калмана в 1114 г. на тот факт, что 3 февраля было вторником именно в 1114 г.[717] Совпадение указанного в источнике дня недели с реальным обычно является бесспорным аргументом в пользу абсолютной точности указанной источником датировки.

Однако в данном случае венгерские исследователи решительно отвергают дату Венгерского хроникального свода, точнее – год смерти Калмана, указанный в этом источнике. Еще в конце XIX в. Д. Паулер обратил внимание на то, что актовый материал, сохранившийся от эпохи Иштвана II, однозначно отсчитывает время его правления с 1116 г. При этом историк цитирует один такой королевский диплом 1118 г., в котором указано „tertio anno regni mei” („в третий год моего правления”)[718], и другие примеры[719]. В новейшем издании ранних дипломов королевства Венгрии помимо диплома № 147, на который сослался Д. Паулер в цитированном месте, диплом № 152 от 1124 г. также свидетельствует о приходе к власти Иштвана II в 1116 г., поскольку в нём

---

[715] См. ссылки предыдущей сноски.
[716] См., напр., *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 53; *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. С. 606.
[717] *Назаренко А. В.* Там же.
[718] Здесь дана ссылка на один из дипломов, хранящихся в архиве комитата Зала. Новейшее издание диплома см.: DHA. P. 404–405.
[719] *Pauler Gy.* A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt. I. k. 470. l.

прямо указано «… в год от воплощения Господа 1124, …, в девятый год моего правления…»[720]. Мной сознательно (в отличие от Д. Паулера) не привлекается ещё один диплом с таким же указанием года, поскольку он уже в XIX в. был признан фальшивым. Помимо актового материала есть ещё и данные нарративного источника, свидетельствующие о том, что смерть Калмана Книжника и вступление на престол Ищтвана II произошли именно в 1116 г. В главе 42 книги III «Чешской хроники» Козьмы Пражского можно прочитать: «В лето от рождества Христова 1116. Вельможи венгерского народа, … после смерти своего короля Коломана, отправили послов к князю Владиславу. Они предлагали ему возобновить и укрепить давний мир и дружбу с новым королём Стефаном»[721]. Первым обратил на это внимание тот же Д. Паулер[722].

Таким образом, «точной» дате Венгерского хроникального свода XIV в. противостоит однозначная датировка других источников разных классов, подтверждающих вступление на престол Иштвана II в 1116 г. Современные венгерские исследователи, обратив внимание на расхождения в числе лет правления Калмана в различных венгерских средневековых исторических сочинениях, пришли к заключению, что «точная» дата смерти короля-книжника была высчитана хронистом, который не был современником описываемых событий[723] – случай, несомненно, уникальный в практике европейского Средневековья. Возможно также, что хронист принял нечётко написанную в его источнике цифру VII за III, поскольку 7 февраля было вторником в 1116 г.[724]

Так или иначе, но, судя по свидетельству Композиции венгерских хроник XIV в., Калман в последние годы жизни вынашивал план мести русским за какие-то нанесённые ему обиды. А. В. Назаренко считает, что само упоминание «обид» свидетельствует о том, что Мономах совершил военный поход в

---

[720] "…annis (*sic!*) dominicae incarnationis 1124, ..., nono anno regni mei..." (DHA. I. P. 416).
[721] Die Chronik von Böhmen des *Cosmas von Prag*. P. 215. *Козьма Пражский*. Чешская хроника. С. 220.
[722] *Pauler Gy.* A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt. I. 470–471. l.
[723] Подробнее об этом см.: *Mályusz E*. Commentarii. P. 430.
[724] Выражаю благодарность В. А. Кучкину, подсказавшему мне такую возможность.

Венгрию, стремясь отомстить за унижение своей дочери Евфимии[725], однако это не более чем догадка, никак не подкреплённая конкретными данными источников. Видно, хронист сам не знал, в чём заключалась нанесённая Русью Калману «обида», но его информация ясно дает понять, что король-книжник завещал своему сыну и преемнику Иштвану II (1116–1131) враждебное отношение к соседям, жившим на востоке по ту сторону Карпат.

Русская жена Калмана Книжника и освоение русинами Закарпатья. Уже более трёх веков идет дискуссия историков по поводу времени начала колонизации восточными славянами земель по ту сторону Карпат, входивших в Средние века в состав Венгерского королевства. Если не брать в расчёт опирающуюся на народную легенду, а потому не имеющую серьёзного научного обоснования точку зрения, что предки современных русинов появились в Закарпатье лишь в середине XIV в., вместе с литовским князем Федором Кориадовичем, то можно выделить несколько «волн» миграций восточнославянского населения в северо-восточные комитаты Венгрии.

Одну из таких предполагаемых «волн» исследователи связывают с браком венгерского короля Калмана Книжника и дочери Владимира Мономаха Евфимии. Появление венгерской королевы русского происхождения неизбежно должно было вызвать приезд в Венгрию некоторого количества русских. У нас нет конкретных свидетельств раннесредневековых исторических сочинений о том, что женитьба Калмана на Евфимии повлекла за собой переселение русских в Закарпатье. Однако в исторической памяти венгерского народа сохранилось предание о том, что именно русские или русины (Rutheni) стали первыми королевскими телохранителями.

Впервые об этом написал эстергомский архиепископ Николай (Миклош) Олах (1493–1568) в сочинении, написанном в 1536 г. и посвящённом истории

[725] *Назаренко А.В*. Древняя Русь на международных путях. С. 605–606; *Он же*. Владимир Мономах и Вельфы в конце XI в. С. 73.

и этнографии Венгрии[726]. В этом однотомном труде Н. Олах называет русских «стражами короля и королевы»[727]. В сочинении младшего современника Олаха – вице-надора Миклоша Иштванффи (1538–1615) содержится информация о том, что именно при Калмане Книжнике в Венгрии появляется особый отряд русских королевских телохранителей (“Rutheni Regiae Majestatis”). При этом М. Иштванффи прямо пишет о том, что Калман «выведя колонистов из Ладомерии (Волыни. – *М. Ю.*) и Галиции, провинции руссов, установил в пространном законе, чтобы они были в остальном свободными, и только охраняли королевские ворота и входы, что они исполняли и на нашей памяти»[728].

Исследователи не подвергают сомнению достоверность сообщаемых вице-надором сведений[729]. Более того, Д. Дёрффи даже выдвинул гипотезу о том, что уже в раннесредневековой Венгрии слово «орос» (‘русский’), помимо этнографического, имело также и другое значение – ‘охранник, телохранитель’[730]. Д. Кришто не согласился с этой гипотезой, указав на то, что самые ранние свидетельства об исполнении русскими в Венгрии функций швейцарцев в раннее Новое время, содержатся в некоторых европейских словарях XVI в.[731]

Данные М. Иштванффи использовал в своём реферате «История о Карпато-Россах», вышедшем в 1804 г. в журнале «Северный Вестник», один из деятелей раннего этапа русинского национального возрождения И. С. Орлай (1770–1829). В этой работе И. С. Орлай заявил о том, что «около 1113 году, когда Коломан правительствовал в Венгрии, множество Россиян, переселясь

---

[726] *Olah Nicolaus*. Hungaria, sive de originibus gentis, regionis situ… // *Bél Mátyás*. Adparatus ad historiam Hungariae. T. I.

[727] „Rutheni, janitores Regis et Reginae” (Ibid. P. 20–21).

[728] „Colomannus... deductis e Ladomeria et Galicia, Russorum provincia, coloniis condiderat lege lata, ut caetero liberi essent, portas duntaxat et januas regum custodirent, quod nostra quoque aetate observatum esse meminimus” (*Istvánffy Nicolaus*. Historiarum Regni Hungariae... L. XVI. P. 168). Многотомный труд М. Иштванффи был написан между 1608 и 1615 гг. и впервые издан в Кёльне в 1622 г.

[729] *Петров А. Л.* Древнейшие грамоты по истории Карпато-русской церкви и иерархии... С. 62–63.

[730] *Györffy Gy*. A magyar nemzetségről a vármegyéig, a törzstől az országig. 574, 577. l.

[731] *Kristó Gy*. Oroszok az Árpád-kori Magyarországon // Acta Histotica. T. LXVII. Szeged, 1980. 60–62. l. В русскоязычном варианте: *Кришто Д*. Русские в Венгрии в эпоху династии Арпадов // Центральноевропейские исследования. Вып. 2. Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время (Памяти В. П. Шушарина). М., 2004. С. 45–47.

в его области, сделались *оседлыми*; – обстоятельство, которое у Венгров остаётся выше всякого сумнения»[732]. Согласно предложенной И. С. Орлаем хронологической канвы, это было третье переселение русских за Карпаты, т. е. третья волна миграций восточнославянского населения в Среднее Подунавье[733]. При этом русинский публицист сослался на один из законов короля Калмана (ст. LXXX). Обращение к тексту этого закона отчасти подтверждает мнение И. С. Орлая, хотя рутены или русские здесь не упоминаются. Речь в данном случае идёт о «славянах или прочих иностранцах» (Sclavi vel ceteri extranei)[734]. Под этниконом *Sclavi*, скорее всего, скрывались не только словаки – основное население т. н. Верхней Венгрии (соврем. Словакия), но и русины, проживавшие в бассейне Верхней Тисы[735]. Сама же рассматриваемая статья Законов короля Калмана посвящена не организации королевской охраны или пограничной службы, а налогообложению пришлого свободного населения тогдашней Венгрии.

Поскольку с именем сына Калмана Книжника – Иштвана II (1116–1131) связано упоминание в источниках Русской марки (marchia Ruthenorum), возникает соблазн объяснить появление этого территориального образования на землях средневековой Венгрии якобы имевшим место массовым переселением русских на приграничные венгерские территории в связи с выходом замуж Евфимии Владимировны за Калмана Книжника. Правда, при этом возникает вопрос: Почему вышецитированное свидетельство М. Иштванффи указывает на Галицию и Волынь как родину русских телохранителей короля Калмана? Как известно, Евфимия Владимировна выходила замуж за Калмана, когда её отец княжил в Переяславле.

---

[732] *Орлай И. С.* История о Карпато-Россах или о переселении Россиян в Карпатские горы… См. также: Материалы по истории возрождения Карпатской Руси. I. Сношения Карпатской Руси с Россией в I-ю половину XIX-го века. Собрал И. С. Свенцицкий. Львов, 1906. С. 63.

[733] Первой миграцией русских на земли Карпатской котловины И. С. Орлай считал присоединение части «рутенов» к племенам Арпада в конце X в., второй – переселение группы русов в Венгрию при преемнике Арпада – вожде Жолте (907 – ок. 950). См. *Орлай И. С.* История о Карпато-Россах или о переселении Россиян в Карпатские горы…. С. 60–63.

[734] The Laws of Hungary. Series I: Vol. 1. P. 31.

[735] Вопрос о том, когда появились предки современных русинов в Закарпатье, остается дискуссионным. Подробнее об этом см.: *Юрасов М.К.* Венгры в Закарпатье. С кем могли контактировать венгерские племена в период «обретения родины»? // Rossica Antiqua. 2010. Материалы и исследования. Отв. ред. А. Ю. Дворниченко и А. В. Майоров. СПб., 2010. С. 409–430.

Ответ на этот вопрос невозможно обосновать сведениями источников. Остаётся предположить, что М. Иштванффи, писавший о русских телохранителях венгерских королей почти через пять столетий после смерти Калмана Книжника, смешал в своем сочинении реалии различных эпох. Он мог знать сохранившуюся в исторической памяти венгерского народа информацию о том, что первый отряд дворцовой охраны, состоявший исключительно из русских воинов, был организован королём Калманом в связи с его женитьбой на Евфимии Владимировне. В последующем в Венгрии закрепилась традиция набирать дворцовую охрану из русских, но людей в неё легче всего было набирать в юго-западной Руси, непосредственно граничившей с владениями венгерских королей. Таким образом, М. Иштваффи отчасти приписал эпохе Калмана Книжника более поздние реалии, которые никак нельзя связать с женитьбой этого короля на русской княжне.

Что же касается попыток объяснить возникновение Русской марки появлением матримониальных связей между Владимиром Мономахом и Арпадами, то они лишены серьёзной аргументации. Учитывая слишком незначительное время существования брачных уз между Евфимией и Калманом (не более полутора лет), заселение пришлыми русскими людьми целой области, причём малоосвоенной, видится нереальным. К тому же, Древняя Русь испытывала аналогичные проблемы освоения собственных земель, тем более – южных территорий, страдавших от набегов степняков. Венгерская комитатская система начала распространяться на северо-восточные окраины королевства не ранее последней трети XI в., о чём сохранились известия в Венгерском хроникальном своде. При этом замковые округа были образованы лишь в окрестностях Унга (Ужгорода) и Боршовы[736]. Ряд свидетельств различных по жанрам письменных источников позволяет предположить, что Русская марка представляла собой одну из самых отдалённых окраин тогдашнего Венгерского королевства, которая ещё не вошла в систему замковых округов. Она была населена восточными славянами ещё до прихода

[736] SRH. Vol. I. P. 408.

венгров на Средний Дунай (рубеж IX–X вв.) и сохраняла элементы исконного славянского самоуправления[737].

В связи с этим представляется преувеличением говорить о том, что замужество Евфимии Владимировны вызвало волну миграций русского населения через Карпаты на северо-восточные окраины Венгрии. Слишком незначительным было пребывание Евфимии в роли венгерской королевы (1112–1113/1114), чтобы способствовать заселению целой области пришлыми иммигрантами. В то же время, создание отряда королевской охраны, состоявшего исключительно из русских, могло оставить в исторической памяти венгерского народа след, сравнимый с представлениями о миграции значительной массы восточных славян в Карпатскую котловину.

4. Отношения Иштвана II с князьями юго-западной Руси (до 1125 г.)

Была ли жена Владимира Володаревича венгеркой? Некоторые современные украинские исследователи считают галицкого князя Ярослава Осмомысла (1153–1187) потомком венгерских королей по материнской линии[738]. Почву для появления такого мнения создал В. Н. Татищев, поместивший во второй редакции своей «Истории Российской» информацию о том, что Владимир Володаревич бежал в 1126 г. в Венгрию к своему тестю[739] (данный сюжет рассматривается в главе IV настоящего исследования). На основании его данных Н. А. Баумгартен зафиксировал в своих генеалогических таблицах наличие у основателя Галицкого княжества венгерской жены и даже привёл примерную дату заключения этого брака – 1117 г.[740] Правда, при этом исследователь сослался на «татищевское известие» и на одну из своих ранних работ. В обеих редакциях своего многотомного труда В. Н. Татищев не сопро-

[737] Подробнее об этом см.: *Юрасов М. К.* Складывание русско-венгерской границы в X–XI вв.

[738] Так, например, в первом выпуске издаваемого во Львове периодического сборника научных статей по древнерусской и украинской средневековой истории дважды (без ссылки на источники) обнаруживаются утверждения о том, что матерью Ярослава Осмомысла была венгерка – в статьях Л. Войтовича и А. Петрика. См.: Княжа доба: Історія і культура / Інститут українознавства ім. І. Крип`якевича НАН України. Відп. ред. Я. Ісаєвич. Вип. 1. Львів, 2007. С. 47, 117.

[739] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. II. С. 138.

[740] *Baumgarten N.* Généalogies et mariages occidentaux… Vol. 9/1. N 35. Tabl. III. P. 16.

вождает этот сюжет авторским комментарием. Если принять во внимание возраст Иштвана II (в 1127 г. ему было 26 лет), то представляется совершенно невероятным, чтобы у него была такая взрослая дочь, которая, судя по свидетельству того же В. Н. Татищева, уже успела родить Владимиру нескольких детей. Исследователи справедливо отвергают и кандидатуру принца Алмоша (дяди Иштвана II) в качестве тестя звенигородского князя[741]. Н. А. Баумгартен и швейцарский ученый Й. Форссман считают, что в данном случае В. Н. Татищев имел в виду не дочь, а родную сестру Иштвана II[742].

Категорически отрицает наличие матримониальных связей между Владимиром Володаревичем и Арпадами Ф. Макк. Его аргументация по этому поводу звучит более убедительно, чем предположения Н. А. Баумгартена и Й. Форссмана: «Если бы в действительности дочь Калмана была супругой Владимирка, тогда на эту семейную связь, как на важный факт, русский князь сослался бы во время похода Гезы II (на Русь. – *М. Ю.*) 1152 г. Однако он, имея своей целью склонить Гезу II к миру, сослался на то, что ранее – в 1135 г. – он воевал с поляками в интересах Белы II»[743]. Ян Длугош ничего не говорит о родственных связях Владимира Володаревича с Иштваном II, считая, что звенигородский князь «вместе с женой и домочадцами бежал в Венгрию, надеясь с помощью какой-нибудь хитрости или уловки снискать помощь венгров против брата Ростислава»[744]. Не обнаруживаются сведения о венгерской жене Владимира Володаревича и в трудах польских и немецких историков XVI–XVII вв., которыми пользовался В. Н. Татищев. Таким образом, свидетельство о том, что у основателя Галицкого княжества был в Венгрии тесть, скорее всего, придумано В. Н. Татищевым.

Тем не менее, ряд современных украинских историков уверенно утверждает, что матерью Ярослава Осмомысла была венгерка, естественно, пред-

---

[741] См.: *Назаренко А. В.* Дополнения. С. 420 и примеч. 274.

[742] *Баумгартен Н. А.* Первая ветвь князей Галицких: потомство Владимира Ярославича // Летопись Историко-родословного общества. М., 1908. Год 8. Вып. 4 (16). С. 8–9; *Forssman J.* Die Beziehungen altrussischer Fürstengeschlechter zu Westeuropa. Bern, 1970. Tab. 3.

[743] *Makk F.* A Kálmán-ági királyok... 186. l.

[744] "…Wladimir dux de Swinnigrod… in Hungaros cum uxore et families transit, Hungarorum solatia contra fratrem Rosczislaum qualibet arte et ingenio quaesiturus" (*Ioannis Dlugossii* Annales… T. II. P. 310); *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С. 153 (текст), С. 306 (пер.).

ставительница рода Арпадов. Так, гипотезу Н. А. Баумгартена поддерживает в одной из новейших работ Н. Ф. Котляр[745]. Археолог Б. П. Томенчук, занимаясь много лет раскопками древнего (Крылоса) и более позднего Галича, обнаружил в последнем основание ротонды – храма западноевропейского типа, не характерного для православной архитектуры[746]. По мнению Б. П. Томенчука, появление ротонд в юго-западной Руси стало результатом распространения византийского и венгерского культурного влияния на этот регион. При этом, как считает украинский археолог, Венгрия проводила активную католическую экспансию на земли будущей Галицко-Волынской Руси[747].

Последнее утверждение представляется преувеличенным, поскольку у нас нет известий письменных источников о том, что именно из Венгрии приходили на юго-западные окраины Руси католические миссионеры. Кроме того, как свидетельствуют историки искусства, ротонды получили в раннее Средневековье широкое распространение не в Венгрии, а в другом соседившем с Древней Русью государстве – в Польше. На страницах «Всеобщей истории искусств», посвящённых средневековому зодчеству, не встречается ни одного упоминания о венгерских ротондах[748], но зато там есть примеры многочисленных ротонд, построенных в Польше после её крещения[749]. Как известно, первая одноапсидная ротонда на землях юго-западной Руси появилась в Перемышле во время вхождения его в состав владений польских князей (1018–1030)[750]. В связи с этим считать, что ротонда, остатки фундамента которой обнаружены при раскопках Галича, свидетельствует о присутствии здесь в рассматриваемое время венгерских клириков, прибывших вместе с матерью Ярослава Осмомысла, можно лишь с очень небольшой долей вероятности.

---

[745] *Котляр Н. Ф.* Княжеский двор Галича в XII веке // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4 (26). декабрь 2006. С. 56.
[746] *Томенчук Богдан*. Олешківська ротонда. Археологія дерев`яних храмів Галицкої земли XII–XIII ст. Івано-Франківськ, 2005.
[747] Там же. С. 45.
[748] Всеобщая история искусств. Т. II. Искусство средних веков. Кн. 1. Под ред. Б. В. Веймарна и Ю. Д. Колпинского. М., 1960. С. 455–461.
[749] Там же. С. 445.
[750] *Котляр Н. Ф.* Княжеский двор Галича в XII веке. С. 58.

Не разбирая детально рассматриваемую генеалогическую проблему, Б. П. Томенчук ограничился предположением о том, что «основателем монастыря в ур. Полигон, очевидно, была супруга Владимирка Володаревича София (дочка венгерского короля Коломана I)»[751] и утверждением о том, что Ярослав Осмомысл был сыном Владимира Володаревича и Софии[752]. Никаких ссылок на источники при этом украинский археолог не приводит. Однако попытки найти хоть какой-нибудь, хотя бы поздний, письменный памятник, в котором жена основателя Галицкого княжества была бы названа Софией, пока не принесли результатов. Даже В. Н. Татищев, склонный помещать в своей «Истории Российской» в том числе и совершенно фантастические известия генеалогического характера, нигде не упоминает имя жены названного князя, а в «Росписи алфабетической» к первому тому первой редакции своего многотомного труда он явно ошибается, спутав Владимира Володаревича с Владимиром Ростиславичем (или Ярославичем)[753]. Вообще, ни в одной генеалогической таблице, сопровождающей некоторые работы по истории Древней Руси, вышедшие в XX столетии, равно как и в специальных исследованиях по генеалогии (за исключением труда Н. А. Баумгартена) нет никаких данных о супруге Владимира Володаревича.

Ситуация изменилась с возрождением украинской национальной историографии на рубеже XX–XXI вв. Составитель наиболее обстоятельного справочника по генеалогии Рюриковичей на украинском языке Леонтий Войтович[754] попытался уверить коллег в том, что нашёл свидетельства брака Владимира Володаревича и дочери Калмана Книжника, сопроводив утверждение об этом библиографией, в которой в качестве источника указана хроника Иоанна Киннама и ещё 7 работ, среди которых упоминается многотомный труд

---

[751] *Томенчук Б.* Археологія некрополів Галича і Галицької землі. Одержавлення. Християнізація. Івано-Франківськ, 2006. С. 36.

[752] *Томенчук Б.* Олешківська ротонда. С. 47.

[753] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. IV. С. 499, лев. стб. Здесь историк пишет о том, что на С. 200 находится информация о браке Владимирка Галицкого, но на самом деле в указанном им месте содержится известие о браке Владимира Ярославича (на полях написано «Владимира Ростиславича»).

[754] *Войтович Леонтий*. Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження. Львів, 2000. Ввиду отсутствия этой книги в московских библиотеках я пользовался электронной версией книги: http;//litopys.narod.ru/dynasty/dyn.htm).

М. С. Грушевского[755]. Однако на самом деле никакой информации, подтверждающей женитьбу галицкого князя на венгерской принцессе, в указанных Л. Войтовичем работах не содержится. Прежде всего, в издании, на которое ссылается львовский исследователь, упоминая хронику Иоанна Киннама, вообще нет текстов нарративных источников, поскольку в нём собран поздневизантийский документальный материал[756]. Вдобавок, Л. Войтович не указал номер тома этого издания, в котором он якобы нашел свидетельство о существовании матримониальных связей между правителями Галича и Венгрии во второй четверти XII в. На самом деле, Иоанн Киннам всего один раз упоминает Владимира, при описании событий венгерско-византийской войны 1151 г., причём в известии об этом Владимир Володаревич является объектом нападения на него «гуннов» (венгров)[757].

Точно также не удается найти никаких доказательств этого «факта» во втором томе названного труда М. С. Грушевского. Объясняя причины оказания Гезой II военной помощи Владимиру в 1144 г., классик украинской историографии пишет о том, что венгерский король «прислал своего уя Белуша с полком в помощь союзнику своего отца»[758]. Дочь Калмана М. С. Грушевский вообще не упоминает в «Истории Украины-Руси». Создается впечатление, что составитель рассматриваемого генеалогического справочника указал при имени Владимира Володаревича страницы в некоторых исторических работах, где вообще идёт речь об этом князе.

Б. П. Томенчук считает отцом Софии Калмана Книжника. У Калмана действительно была дочь по имени София (*венг*. Жофия), рождённая его первой женой – неизвестной по имени дочерью сицилийского герцога. Однако никаких сведений по поводу того, что она вышла замуж за русского князя, у нас

---

[755] *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. II.

[756] Acta diplomata Graeca medii aevi sacra et profana collecta / Ed. F.Miklošić, J.Müller. 1–6. Vindononae, 1860–1890.

[757] *Бибиков М. В*. Византийский историк Иоанн Киннам… С. 52 (текст), С. 62 (перевод).

[758] «…молодий угорський король Гейза прислав своего вуя Белуша з полком у поміч союзникови свого батька» (*Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. II. С. 423–424).

нет. Вообще, вся дошедшая до нас информация о Софии, дочери Калмана[759], сводится к тому, что она была сестрой бездетного Иштвана II (1116–1131) и матерью Саула, который, предположительно, занимал венгерский трон в период между смертью Иштвана II и коронацией Белы II (1 марта – 28 апреля 1131 г.), о чём пойдет речь в следующей главе настоящего исследования. Таким образом, утверждения о том, что матерью Ярослава Осмомысла была венгерская принцесса по имени София или неизвестная нам по имени другая дочь Калмана Книжника, пока являются чисто умозрительными.

Поиски Ярославом Святополчичем военной помощи в Венгрии в 1118 г. Придя к власти, Иштван II не спешил ни выполнять отцовский завет, ни налаживать отношения с Владимиром Мономахом, поскольку «был он ещё несовершеннолетним»[760]. Судя по дальнейшему изложению истории правления Иштвана II в Венгерском хроникальном своде XIV в., первые восемь лет пребывания на престоле юный король вообще не занимался внешнеполитической деятельностью и лишь на девятом году «он вступил в Далмацию и с почётом был принят далматинцами»[761]. Таким образом, вплоть до 1124 г., если верить венгерским хронистам, Иштван II не уделял большого внимания внешней политике. Недоумение исследователя возрастает вдвойне, если учесть, насколько необходимой как раз в это время была военная помощь давнему союзнику венгерских королей – волынскому князю Ярославу Святополчичу (1100–1118), который первым браком был женат на дочери венгерского короля Ласло I Святого (1077–1095).

Разумеется, на самом деле никакого перерыва ни во внутри-, ни во внешнеполитической деятельности Венгерского королевства в 1116–1123 гг. не

---

[759] Мной специально указано имя отца принцессы, поскольку у Белы II также была единственная дочь (помимо четверых сыновей) по имени София. О помолвке Софии, дочери Белы, младшей современницы Владимира Володаревича, с немецким принцем Конрадом Гогенштауфеном и последующем отказе от этой договорённости повествуется в некоторых редакция Гербордова «Жития св. Оттона Бамбергского». Подробнее об этом см.: *Pauler Gy*. A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt. I. k. 249., 260., 489. l. (459. megjegyzés).

[760] “Erat enim adhuc inpubes” (SRH. I. P. 434). По мнению венгерских историков, Иштвану было в момент прихода к власти 15 лет. См.: *Mályusz E*. Commentarii. P. 431.

[761] “Anno autem nono regni sui intravit Dalmaciam et a Dalmaciensibus honorifice est susceptus” (SRH. I. P. 434).

было. Всё это время продолжалась борьба Венгрии и Венеции за далматинские города. Да и сам Иштван II был не таким уж «юным» королем, о чём свидетельствует совершенный под его руководством военный поход в Чехию через три месяца после смерти Калмана – в мае 1116 г. Правда, этот поход закончился поражением венгерских отрядов от войска чешского князя Владислава I (1109–1117), которое Иштван II потерпел 13 мая того же года[762]. Через полтора месяца венгры потерпели новое поражение, теперь уже в Далмации, где им противостояла венецианско-германско-византийская коалиция. В результате разгоревшейся здесь войны за адриатические порты Венгрия вынуждена была признать в 1118 г. переход центральной части Далмации в руки Венеции[763].

Вот в такой сложной для Иштвана II международной обстановке в юго-западной Руси произошли события, которые могли бы дать венгерским правителям повод для нападения на русские земли. Речь идёт о походе коалиции князей во главе с Владимиром Мономахом под стены Владимира-Волынского, князем которого оставался Ярослав Святополчич. Согласно летописному сообщению, относимому исследователями ещё к более поздней редакции ПВЛ и помещённому под 6625 (1117/8) г., «иде Володимеръ на Ярослава к Володимерю и Давыдъ Ольговичь, и Володарь, и Василко и оступиша и оу городѣ Володимери, и стояша дьнии шестьдесять, и створи миръ съ Ярославом. Ярославу покорившюся и вдарившю челомъ перед строемъ своимъ Володимеромъ; и наказавъ его Володимеръ о всемъ, веля ему к собѣ приходити: «Когда тя позову». И тако в мирѣ разидошася кождо въсвояси»[764].

О причинах конфликта Ярослава Святополчича с коалицией князей во главе с Владимиром Мономахом составитель привлекаемой редакции ПВЛ умалчивает. Ничего не сообщают об этом и более поздние летописные памятники. Автор «Польской истории» Ян Длугош пишет о том, что Владимир

---

[762] Об этой военной кампании повествует Козьма Пражский (III, 42). См.: Der Chronik der Böhmen des *Cosmas von Prag*. P. 215–216; *Козьма Пражский*. Чешская хроника. С. 220–222.
[763] МТК. I. 103.l.
[764] ПСРЛ. Т. II. Стб. 284–285.

Мономах «имея подозрение, что с киевского стола его прогонит родной племянник Ярослав, сын Святополка, решил как можно скорее разбить его»[765]. А. В. Назаренко в комментарии к этому известию польского хрониста пишет: «Хронологическое совпадение конфликта с Ярославом и перевода из Новгорода под Киев Мстислава Владимировича позволяет думать, что этим переводом и планами передачи Киева Мстиславу Владимир Мономах нарушил какой-то договор со Святополчичем о киевском столонаследии»[766].

Совсем иначе видел причины рассматриваемого конфликта В. Н. Татищев. В первой редакции «Истории Российской» он приводит под 6625 (1117) г., возможно, взятое из недошедшего до нас летописного источника свидетельство: «Того же лета слыша Владимир, яко Ярославец владимирский, сын Святополч, емлет согласие с ляхами противо братии своея, русских князь, и многие обидит волости. Он же хотя пустити княгиню свою без вины, внуку Володимирову, первее зва к себе на суд; и не иде Ярослав»[767].

Этот местами «тёмный» текст (из второй фразы следует, что один и тот же человек хотел отослать «княгиню» и вызвать другого на суд, что, по всей видимости, свидетельствует о лакуне) В. Н. Татищев изложил во второй редакции своего многотомного труда современным ему языком, более понятно и, естественно, с некоторыми добавлениями: «Ярославец Святополчич, князь владимирский, как был сам человек безпокойный, к тому подусчаем поляки у Владимира область по Горыню отнять, и для того сделал союз с поляки, чтоб, первое, Ростиславичев владения лишить. И всякими способы соседных ему князей стал обидеть, чтоб дать им к войне причину, о чем ко Владимиру многие жалобы приходили. К тому же умыслил с женою своею, Владимировою внукою, без всякой от нея причины разойтись. Владимир первее посылал его увесчевать, но он нимало тому не внимал. Потом позвал его на суд пред князей, но Ярославец отрекся»[768]. Никакого комментария к этой информации В. Н. Татищев ни в первой, ни во второй редакции «Истории Российской» не

[765] *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша С. 148 (текст), С. 300 (пер.).
[766] Там же. С. 414 и комм. 259.
[767] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. IV. С. 182.
[768] Там же. Т. II. С. 132.

даёт. Его текст даже в первой редакции этого труда заметно отличается от параллельного текста хроники М. Стрыйковского, который, как и указанный им источник информации – «Хроника поляков» М. Меховского[769], пересказывает в данном случае информацию Яна Длугоша. Скорее всего, Татищев добавил (особенно во второй редакции рассматриваемого труда) к летописным известиям о помощи поляков Ярославу в последующие годы свои домыслы относительно политических планов волынского князя.

Из-за отсутствия прямых данных летописи о причинах конфликта киевского и волынского князей историки объясняли его плохими отношениями Ярослава со своей женой (Н. М. Карамзин, С. М. Соловьёв[770]), его негативным отношением к объединительной политике Владимира Мономаха (М. Фонт[771]) или планами волынского князя, опираясь на союз с поляками и венграми, захватить киевское княжение (В. Т. Пашуто[772]). Вполне вероятно, имели значение все названные причины. Во всяком случае, в следующем, 1118 г. Ярослав действительно отослал свою жену к её родственникам. Владимир, несомненно, рассматривал брак своей внучки с Ярославом как способ установления контроля над Волынью, а стремление Ярослава захватить Киев обосновывалось убежденностью в том, что древняя столица является «отчиной» его отца Святополка (о чём писал еще М. С. Грушевский)[773].

По мнению А. Б. Головко, поход на Волынь Владимира Мономаха и его союзников, среди которых, как видно из цитированного отрывка, были и братья Ростиславичи, «завершился для коалиции неудачно. Между противниками было подписано соглашение, по которому Ярослав сохранял свои владения, но признавал власть киевского великого князя. Киево-волынское соглашение не удовлетворило ни Владимира, который стремился к полному непо-

---

[769] *Stryjkowski Maciej*. Kronika Polska, Litewska, Zmódska i wszystkiej Rusi. P. 185. В издании труда М. Стрыйковского под заголовком отрывка, в котором содержится рассказ о войне Мономаха и союзных ему князей с Ярославом Святополчичем, указан его источник: *Miechovius*. fol. 84, lib. 3, cap. 15.

[770] *Карамзин Н. М*. История государства Российского. Т. II–III. С. 95–96; *Соловьёв С. М*. История России с древнейших времен. Т. II. С. 87.

[771] *Font M*. Magyar–orosz politikai kapcsolatok... 53. l.; *Фонт М*. Венгерско-русские политические связи… С. 86.

[772] *Пашуто В. Т*. Внешняя политика Древней Руси. С. 151.

[773] *Грушевский М.* Історія України-Руси. Т. II. С. 108–109.

средственному владению Волынью, ни Ярослава, не желавшего подчиниться киевскому князю»[774]. Мнение А. Б. Головко представляется справедливым лишь относительно нежелания Ярослава оставаться под властью Мономаха, а тезис о стремлении Владимира Всеволодича уже тогда завладеть Волынью не находит подтверждения в источниках. Оценка же похода в целом как «неудачи» видится слишком категоричной. Противники Ярослава Святополчича всё-таки принудили его к покорности, он фактически лишился союзников и обязался приходить по первому зову Мономаха.

Несмотря на то что Ярославу удалось временно отстоять свой княжеский стол, в следующем, 1118 г. он окончательно теряет Волынское княжение. По свидетельству Киевской летописи 1198 г., текст которой сохранила Ипатьевская летопись, «В лѣто 6626 (1118/9). Выбѣже Ярославъ Святополчичь из Володимера Оугры и бояре его и отступиша от него»[775]. По версии Московского летописного свода 1479 г., которая отразилась также и в Воскресенской летописи, бегству Ярослава предшествовало демонстративное разрушение им матримониальных связей с Всеволодовичами, которое Владимир Мономах не мог оставить без наказания: «В лѣто 6626. Ярославъ Святополчичь отсла отъ себе жену свою, дщерь Мьстиславлю, внуку Володимерю; Володимеръ же слышав се, и совокупи воя поиде на нь, и выбѣжа Ярославъ Святополчичь изъ Володимеря во Угры…»[776]. Ипатьевская летопись помещает под 6625 (1118/9) г.[777] известие: «Володимеръ же посла сына Романа во Володимеръ княжить», что показывает привлечение летописцем источника, основанного на другой системе счета лет – ультрамартовском стиле[778]. После

---

[774] *Головко А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях. С. 67.

[775] ПСРЛ. Т. II. Стб. 285.

[776] Там же. Т. VII. С. 24; Т. XXV. С. 28. А. Н. Насонов квалифицировал это дополнение как «первое… южнорусское известие очищенного текста Московского свода 1479 г.», т. е. в данном случае исследователь выявил одно из свидетельств киевского источника общерусских сводов XV в., отсутствующее в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. См.: *Насонов А. Н.* История русского летописания… С. 289.

[777] По мнению текстологов, эта фраза является предпоследней в восстанавливаемой третьей редакции ПВЛ. См.: Повесть временных лет. Подг. текста, пер., статьи и комм. Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изл. 2-е. СПб., 1996. С. 129.

[778] ПСРЛ. Т. II. Стб. 285. В результате смешения двух стилей летоисчисления получился анахронизм: Владимир Мономах посылает на княжение во Владимир-Волынский своего сына Романа, а в следующем году Ярослав Святополчич оставляет свой княжеский стол и начинает поиски военной помощи за пределами Руси. Несомненно, Роман вокняжился во Владимире-Волынском после ухода из него Ярослава. См. об этом:

уточнения летописной хронологии получается, что в 1118 г. Владимир Мономах осуществил свое намерение взять под контроль часть юго-западной Руси. С точки зрения темы настоящей работы важно то, что влияние Владимира Всеволодича распространилось на земли, находившиеся близ венгерской границы, хотя непосредственно с Венгрией они не граничили. Новым волынским князем стал сын Владимира Мономаха Роман. 15 января[779] 1119 г. он умер, поэтому Мономаху пришлось направить во Владимир-Волынский другого сына – Андрея. Таким образом, Владимир Всеволодич стремился закрепить Волынь за своими потомками.

Неудача Мономаха в попытке установления матримониальных связей с Арпадами, приведшая к складыванию враждебных отношений между Киевом и Фехерваром, открывала перед Ярославом Святополчичем возможности получения военной помощи в Венгрии. Что же касается Иштвана II, то у него появлялся повод исполнить завет отца и «отомстить Руси за обиды». При этом в лице Владимира Мономаха Иштван II мог видеть не только врага своего отца. Несомненно, ему было известно о том, что в Киеве проживает его малолетний сводный брат Борис, который в будущем может предъявить свои претензии на венгерский трон. Все это должно было способствовать успеху миссии Ярослава Святополчича в Венгрии. Однако 1118 г. стал одним из самых тяжёлых за весь период правления Иштвана II. Сначала ему пришлось подписать пятилетнее перемирие с Венецией, заплатив за него потерей части Далмации, затем Венгрия оказалась втянутой в войну с австрийским герцогом Леопольдом III Бабенбергом (1095–1136) и его союзником чешским князем Борживоем II (1117–1120). Вторгшись с войском в Австрию, венгерский король получил известие о разорении чехами комитата Шопрон[780], поэтому военных сил для оказания помощи Ярославу у него явно не было[781].

Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 127–128. Об этом же писал ещё М. С. Грушевский (Історія України-Руси. Т. II. С. 112).

[779] Ипатьевская летопись даёт другую дату – 6 января (ПСРЛ. Т. II. Стб. 285), однако верной признаётся датировка Лаврентьевской летописи – 15 января. См.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 46.

[780] MTK. I. 103.l.

[781] *Makk F.* Magyar külpolitika (896–1196). 2. kiad. 167. l.

Лаврентьевская летопись сообщает под 6627 (1118/9) г.[782]: «Бѣжа Ярославець Святополчичь из Володимеря в Ляхы»[783]. Это известие традиционно трактуется исследователями как свидетельство того, что после неудачных поисков военной помощи в Венгрии Ярослав решил попытать счастья в Польше, при дворе Болеслава III Кривоустого[784]. Это подтверждается свидетельствами русских летописей о регулярных боевых действиях между поляками и русскими в последующие годы, которые А. Б. Головко называет «пограничным конфликтом Руси и Польши 1119–1123 гг.»[785]. Опираясь на информацию Лаврентьевской летописи[786], А. Б. Головко датирует прибытие Ярослава Святополчича в Польшу 1119 г. Сама по себе эта дата представляется вполне вероятной, но не на основании статьи Лаврентьевской летописи, которая, как установил Н. Г. Бережков, датирована ультрамартовским стилем, а лишь в том случае, если Ярослав сначала бежал в Венгрию и, не найдя там помощи, через год появился в Польше. Несмотря на то, что Ипатьевская летопись сообщает о ежегодных военных столкновениях между поляками и Владимиром Мономахом, которого поддерживали Ростиславичи, мы имеем свидетельство об участии Ярослава Святополчича лишь в одной военной кампании (1121 г.)[787]. Польские средневековые источники не содержат упоминаний о Ярославе Святополчиче в рассматриваемое время.

Внешнеполитические акции Володаря Ростиславича в 1116–1122 гг. По свидетельству ПВЛ, названный перемышльский князь выдал в 1104 г. свою дочь замуж за сына византийского императора Алексея I Комнина[788]. В связи с этим встает вопрос о том, как оценивать антивизантийские акции со стороны русских князей, имевшие место в середине – второй половине второго де-

[782] Эта летописная статья датирована ультрамартовским стилем. См.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 46.
[783] ПСРЛ. Т. I. Стб. 292.
[784] Библиографию см.: *Фонт М.* Венгерско-русские политические связи…. С. 87 и примеч. 12. См. также: *Головко А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях… С. 67.
[785] *Головко А. Б.* Там же. С. 127.
[786] ПСРЛ. Т. I. Стб. 292.
[787] Там же. Т. II. Стб. 288.
[788] Там же. Т. I. Стб. 280; Т. II. Стб. 256.

сятилетия XII в. Братья Володарь и Василько Ростиславичи, чьи владения находились в юго-западной Руси, южнее Владимира-Волынского, вряд ли могли положительно оценивать распространение влияния Владимира Мономаха на волынские земли. Однако дочь Володаря Ростиславича вышла в 1113 г. замуж за Романа Владимировича[789], что означало установление матримониальных связей потомков Владимира Ярославича с тогдашним киевским князем. Участие перемышльского и теребовльского князей в 1117 г. в осаде Владимира-Волынского, где затворился Ярослав Святополчич, можно объяснить также тем, что последний воспринимался Ростиславичами как соперник в борьбе за волости юго-западной Руси. А. Б. Головко указывает ещё одну причину установления союзнических отношений Ростиславичей с Владимиром Мономахом – во время «пограничного конфликта» между Русью и Польшей 1119–1123 гг. Володарь и Василько были заинтересованы в противостоянии польской экспансии на русские земли[790].

Отношение Владимира Мономаха к Византии было неоднозначным. М. В. Левченко подчёркивает умение Владимира сохранять «хорошие и прочные» отношения с киевским митрополитом Никифором I, несмотря на заключение династических браков с «латинскими» государями[791]. На фоне этой общей оценки историк далее пишет: «Особняком стоит враждебный акт по отношению к Византии, совершённый Владимиром в 1116 г.»[792]. Речь в данном случае идёт о военной помощи, оказанной Владимиром Всеволодичем своему зятю – «царевичу Леону», выступившему против императора Алексея I. Для Владимира Мономаха одной из целей этой войны было утверждение власти Киева на Нижнем Дунае, куда он послал сначала воеводу Ивана Воитишича,

---

[789] Там же. Т. II. Стб. 276.

[790] *Головко А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях… С. 67. Правда, по моему мнению, украинский исследователь объединяет в одной фразе практически несовместимые вещи. Он, в частности пишет: «В военных действиях 1119–1121 гг. принимали участие и Ростиславичи, которые традиционно были заинтересованы как в противостоянии Польше, так и распространении своего влияния на Волынь». Если с первой частью этой фразы можно согласиться, то в условиях установления контроля Владимира Всеволодича над волынскими землями вряд ли Ростиславичи могли в то время рассчитывать на усиление своего влияния на Волыни.

[791] *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийскихотношений. С. 476.

[792] Там же. С. 477. О браке дочери Мстислава Великого с «греческим царем» см.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 286.

а затем сына Вячеслава с воеводой Фомой Ратиборичем[793]. По мнению Г. Г. Литаврина, «эти действия могли быть ответом на захват Тмуторокани Алексеем I»[794]. Однако, как известно, этот город считался владением черниговского князя.

Несмотря на то, что дунайские военные акции Владимира Мономаха, совершённые в 1116 г., носили ярко выраженный антикомниновский характер, по мнению М. В. Левченко, «это выступление существенно не отразилось на русско-византийских отношениях, так как в 1122 г., в княжение того же Мономаха, внучка великого князя Добродея Евпраксия Мстиславовна вышла замуж за царевича Алексея, и в то же время в Киев явился новый митрополит, Никита»[795] Таким образом, южное направление внешней политики киевского князя характеризовалось стремлением сохранить в целом добрососедские отношения с Византией, напоминая при этом о намерениях Руси расширить сферу своего влияния в Черноморском регионе. В связи с этим матримониальные связи, установленные Володарем Ростиславичем с Комнинами почти двумя десятилетиями ранее, чем это сделал Владимир Мономах, должны были гарантировать перемышльскому князю поддержку в Константинополе в случае осложнения отношений между ним и киевским князем.

На фоне вышеизложенного выглядит, по меньшей мере, странным известие «Российской истории» В. Н. Татищева, помещённое им под 6627 (1119) г.: «Володарь Перемышльский по прозьбе короля венгерского ходил с войском в помочь противо царя и со многим богатством возвратился»[796]. Данное известие находится лишь во второй редакции труда В. Н. Татищева и лишено авторского комментария. Дошедшие до нас византийские источники не содержат никаких сведений о военном конфликте империи с русским князем, имевшем место в 1119 г. Нет никаких сведений на этот счёт и в средневековых источниках других стран. Хотя в последнее время отмечается рост негативного отношения к т. н. «татищевским известиям», причём зачастую ис-

[793] См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 283–284.
[794] История Византии в трёх томах. Т. 2. М., 1967. С. 352.
[795] *Левченко М. В.* Очерки истории русско-византийских отношений. С. 477.
[796] *Татищев В. Н.* Собрание. сочинений. Т. II. С. 134.

следователи находят убедительные доказательства многочисленных амплификаций и даже сочинений отдельных эпизодов историком XVIII в.[797], рассматриваемый сюжет вряд ли является плодом творчества В. Н. Татищева, поскольку в данном случае ему нечего было разъяснять читателю и у него не было повода добавлять лишнее известие для большей достоверности своего повествования.

Возможно, сведения об участии Володаря Ростиславича в венгерско-византийском конфликте на стороне Иштвана II были взяты В. Н. Татищевым из источника, почерпнувшего их из т. н. «хроники Ростиславичей», реальность существования которой отстаивал Е. Ю. Перфецкий[798]. Если это известие достоверно, оно свидетельствует о прекращении союзнических отношений между Комнинами и перемышльским князем и установлении антивизантийского союза между Володарем и Иштваном II. Если обратиться к состоянию венгерско-византийских отношений в указанное время, то они действительно были враждебными. Начиная с 1116 г. Византия в союзе с Венецией ведёт борьбу с Иштваном II, главной целью которой было постепенное вытеснение венгров из Далмации. В этих условиях удар, нанесённый Византии с севера, из юго-западной Руси, призван был отвлечь внимание и военные силы Алексея I Комнина от Адриатического побережья. Отсутствие упоминаний о походе Володаря Ростиславича в пределы «империи ромеев», скорее всего, свидетельствует о незначительности этой военной операции.

В пользу достоверности известия об антивизантийской акции перемышльского князя, совершённой в 1119 г., свидетельствует ещё одно «татищевское известие» о том, что мать Ростиславичей происходила из Венгрии[799]. Безусловно, подкреплять одно уникальное известие «Истории Российской» другим таким же уникальным известием того же источника – занятие сомнительное и малопродуктивное, которое не усиливает предлагаемую исследователем научную аргументацию. Однако в случае с матерью Володаря и Василька

---

[797] Своеобразным итоговым исследованием «антитатищевских разысканий» стала недавно вышедшая монография: *А. П. Толочко*. «История Российская» Василия Татищева. Источники и известия. М. – Киев, 2005.
[798] См.: *Perfeckij E.* Historia Polonica Jana Dlugosza a ruské letopisectivi. V Praze, 1932. S. 83–91.
[799] *Татищев В. Н.* Собрание. сочинений. Т. II. С. 83–84.

Ростиславичей есть многочисленные косвенные данные, позволяющие признать это известие вполне достоверным[800]. Если таким же является и цитированное «татищевское известие», помещённое под 1119 г., то вполне можно предположить, что, подобно тому как Калман Книжник поддерживал прочный союз со Святополком Изяславичем, перемышльский и теребовльский князья сначала через свою мать, а затем и сами имели возможности для поддержания устойчивых связей со своими сторонниками в Фехерваре. После смерти Святополка Изяславича и неудачной попытки установить союзнические отношения с новым киевским князем Иштван II вполне мог сделать ставку на Ростиславичей, тем более в условиях потери Ярославом Святополчичем владимиро-волынского стола.

Кстати, интересные косвенные данные о наличии связей между Володарем Ростиславичем и венграми приводит тот же В. Н. Татищев в сюжете о пленении Володаря Ростиславича польским вельможей Петром Властом, имевшем место в 1122 г. Об этом событии есть краткие известия в Киевской и Лаврентьевской летописях[801] и более подробный рассказ в польской хронике Винцентия Кадлубка (III, 20 и 22)[802]. С точки зрения темы настоящего исследования это событие не является значимым, однако, по свидетельству В. Н. Татищева, старший сын Володаря – Ростислав – был выкуплен отцом из заложников (после того как он сам выкупил отца из плена), «собрав 50 сосудов великих сребряных дивной греческой и венгерской работ»[803].

Сюжет о пленении Петром Властом Володаря Ростиславича недавно был подробно исследован П. С. Стефановичем, который провёл сравнительный анализ сведений не только различных редакций «Истории Российской», но и средневековых польских исторических сочинений, а также хроники Ортлиба Цвифальтенского, повествующих об этом событии[804]. Как выяснил исследо-

---

[800] Эти данные рассматриваются мной в исследовании по истории русско-венгерских отношений XI в.
[801] ПСРЛ. Т. I. Стб. 292; Т. II. Стб. 286.
[802] MPH. NS. T. II. P. 353, 354. *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 89 (текст), С. 101–102 (пер.).
[803] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. II. С. 135.
[804] *Стефанович П. С.* Володарь перемышльский в плену у поляков (1122 г.): источник, факт, легенда, вымысел // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 3 (25). С. 56–74; № 4 (26). С. 78–89.

ватель, в непосредственном источнике В. Н. Татищева, откуда он заимствовал рассматриваемый сюжет, – сочинении Мачея Стрыйковского – упоминаются лишь сосуды греческой работы. По мнению П. С. Стефановича, появляющееся во второй редакции многотомного труда Татищева дополнение «…и венгерской» (работы) «можно объяснить тем, что, работая над историей Руси XII в., Татищев обратил внимание на тесные связи галицких князей, в том числе сына Володаря Владимира, с Венгерским королевством»[805]. Это объяснение представляется наиболее вероятным, но необходимо добавить, что, скорее всего, дополнение В. Н. Татищева было плодом его фантазии.

Попытка Иштвана II помочь Ярославу Святополчичу вернуть волынский стол. Несмотря на то, что у Болеслава III явно не хватало сил для «восстановления справедливости» по отношению к лишившемуся волости волынскому князю, последний не терял надежды на успех, стараясь сколотить мощную коалицию против Владимира Мономаха. Несомненно, Ярослав внимательно следил за ситуацией в Венгрии и вокруг неё, дожидаясь благоприятного момента для повторного обращения за военной помощью. Такой момент наступил в 1123 г. К этому времени Иштван II женился, скорее всего, на дочери капуанского графа Роберта I[806], получив серьёзного союзника в борьбе с Венецией за далматинские города. Тогда же германский император Генрих V подписал с папой Пасхалием II Вормсский конкордат, завершивший длительный спор между империей и папством об инвеституре, а василевс Иоанн II Комнин нанёс поражение печенегам у Берое (Фракия), в результате которого византийское и венгерское (трансильванское) пограничье было избавлено от печенежской угрозы, а часть разгромленных печенегов стала наёмниками Иштвана II.

В условиях наступившей после перечисленных событий на большей части Центральной и Восточной Европы «мирной передышки» при дворе Иштвана

[805] Там же. № 4 (26). С. 81.

[806] Эту точку зрения разделяют современные венгерские историки (MTK. I. 103. l.). Венгерский хроникальный свод XIV в. называют тестем Иштвана II Роберта Гюискара (SRH. I. P. 437), что является явным анахронизмом. Обзор мнений на этот счёт см.: *Назаренко А. В.* Дополнения. С. 415 и примеч. 262.

II появляется некий «тевтонский герцог Безен». Судя по дальнейшему повествованию Венгерского хроникального свода XIV в. (начало главы 155), под этим именем скрывался Ярослав Святополчич: «Итак, пришел тевтонский герцог по имени Безен к королю и пожаловался ему, что его брат изгнал его из герцогства, и просил короля о милости, чтобы он лично ему помог. Желая отомстить за обиду, нанесённую его отцу, королю Калману, король Иштван обещал герцогу помочь и, собрав войско, пошел на Русь»[807]. Помимо того, что основным местом действия рассказа главы 155 «Композиции венгерских хроник XIV в.» является Русь, а не Германия, на то, что просителем помощи у венгерского короля был именно Ярослав Святополчич, указывает его имя – Безен. По мнению Д. Паулера, оно происходит от венгерского „besenyő" ('печенег') и указывает на то, что непосредственный источник этой информации имел сведения о том, что мать (на самом деле мачеха) Ярослава была печенежкой (на самом деле половчанкой). Венгерские средневековые исторические сочинения дают многочисленные примеры того, что хронисты зачастую не различали печенегов и половцев[808].

Цитируемый хроникальный свод никак не датирует рассматриваемое известие, однако поход Иштвана II на помощь Ярославу Святополчичу описан также и в русских летописях, где информация о нём содержится под 6631 г., что соответствует 1123 г. в переводе на современное летоисчисление. Венгерские хронисты вообще были плохо осведомлены об этом походе и представляли его как военную кампанию одного лишь Иштвана II. Правда, при этом они дают одно важное уточнение. После известия об уходе войска Иштвана II к Владимиру-Волынскому в цитированных хрониках можно прочитать: «Придя первым, он (Иштван II. – *М. Ю.*) осадил крепость»[809]. Из этого краткого сообщения Д. Паулер делает вполне вероятное предположение о

[807] "Venit itaque dux Teutonicorum nomine Bezen ad regem et conquestus ei est, ut frater suus eum de ducatu eiecisset, roganque regis clementiam, ut in propria persona sua ipsum adiuvaret. Rex autem Stephanus volens iniuriam patris sui regis Colomani vindicare, promisit ducem adiuturum et collecto exercitu ivit in Rusciam" (SRH. I. P. 437–438). В списках Венгерского хроникального свода, родственных кодексу Жамбоки, этот рассказ отсутствует.

[808] *Pauler Gy.* Op. cit. 474. l.

[809] "Cumque pervenisset, primus obsedit castrum" (SRH. I. P. 438). Возможны также и другие варианты перевода этой фразы: «И когда он пришёл, первым (делом) взял крепость в осаду».

том, что венгерское войско появилось под стенами Владимира-Волынского до прихода туда других союзников Ярослава Святополчича[810]. Скорее всего, вместе с королем пришёл сам Ярослав, а появление венгерского войска стало сигналом для выступления в поход остальных участников антимономаховской коалиции.

Ипатьевская летопись перечисляет всех участников собранной Ярославом коалиции: «приде Ярославъ Святополчич съ Оугры и с Ляхы и с Чехы и с Володаремъ и с Василкомъ Володимерю и множьство вои бѣ с ним»[811]. Как видно из этого свидетельства, Ростиславичи на этот раз встали на сторону князя, лишению которого стольного города они помогали в 1117 г. Для поляков же участие в собранной Ярославом коалиции было лишь очередным этапом «пограничного конфликта» с Русью. Обороняться от столь внушительного войска пришлось уже другому сыну Мономаха – Андрею, сменившему в 1119 г. на волынском княжеском столе своего умершего брата Романа. М. С. Грушевский ещё столетие назад попытался объяснить столь резкое изменение позиции Ростиславичей в 1123 г. Он полагал, что Василько и Володарь опасались того, что вслед за Волынью киевский князь распространит свою власть и на юго-западные окраины Руси (будущее Галицкое княжество). Украинский историк также утверждал, что на всем протяжении XII в. галицкие князья стремились не допустить объединения Волыни с Киевским княжеством[812]. Рассуждения М. С. Грушевского представляются отражающими реальную ситуацию, сложившуюся в то время в рассматриваемом регионе.

А. Б. Головко предполагает также наличие внешнеполитических причин, побудивших Ростиславичей отказаться от союза с Мономахом в 1123 г. Исследователь в данном случае оценивает последствия пленения Володаря Ростиславича польским вельможей Петром Властом. «Захват русского князя польскими феодалами ослабил позиции Мономаха в юго-западных районах Руси, так как родственники Володаря, помимо выплаты крупного выкупа по-

[810] *Pauler Gy.* A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt. 231. l.
[811] ПСРЛ. Т. II. Стб. 287.
[812] *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. II. С. 113.

лякам, были вынуждены разорвать союз с киевским правителем и, вероятно, в обмен на освобождение Ростиславича – перейти на сторону Ярослава Святополковича»[813]. Объяснения причин изменения позиции князей юго-западной Руси по отношению к Владимиру Мономаху, даваемые М. С. Грушевским и А. Б. Головко, дополняют друг друга и в целом представляются вполне соответствующими действительности.

Венгерский хроникальный свод XIV в. и Ипатьевская летопись обращают внимание на разные аспекты междоусобицы 1123 г. Вполне естественно, что летописец, на земле которого происходили боевые действия, показывает бóльшую осведомленность в том, как развивались события этой войны, в то время как венгерский хронист подробно рассказывает лишь о спорах в войске Иштвана II, возникших после гибели Ярослава Святополчича. Летописец выставляет последнего как возгордившегося от оказанной ему огромной поддержки князя, пугающего владимирцев быстрым взятием их города. Ситуация была, действительно, очень тяжёлой для Андрея, поскольку «Володимеру (Мономаху. – *М. Ю.*) не поспѣвшю ис Киева съ Мьстиславомъ, с(ы)номъ своимъ»[814]. Однако, по версии Ипатьевской летописи, исход этой военной операции быстро решили «два Ляха», которые нанесли Ярославу смертельное ранение, когда он, не соблюдая меры предосторожности, находился слишком близко от стен Владимира-Волынского[815]. Другие летописные памятники также пишут о двух поляках или ограничиваются кратким известием об убийстве Ярослава Святополчича. Лишь Никоновская летопись сообщает о том, что Ярослав был убит владимирцами, устроившими засаду[816].

Гибель «Безена» привела венгерский лагерь в состояние бурлящего котла. При этом возникли принципиальные разногласия между Иштваном II и его рыцарями. Описание развернувшейся в стане короля дискуссии содержится в главе 155 Венгерского хроникального свода. Перед этим раскрываются обстоятельства смерти Ярослава Святополчича, которые в главном не противо-

[813] *Головко А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях. С. 68.
[814] ПСРЛ. Т. II. Стб. 287.
[815] Там же.
[816] ПСРЛ. Т. IX. С. 151–152.

речат версии Ипатьевской летописи, хотя хронист не приписывает этот совершённый защитниками Владимира подвиг двум полякам. Характер рассказа не оставляет сомнений в том, что он написан либо непосредственным участником этих событий, либо с его слов. «Ранним рассветом случилось так, что князь Безен расхаживал возле замка, высматривая, откуда лучше захватить укрепления. Осажденные же вышли из замка, чтобы встретиться с венграми. Увидев их, князь совершил на них нападение. Те мужественно сражались и смертельно ранили князя. Услышав о смерти князя, король сильно вознегодовал и приказал всем венграм подвергнуть замок штурму, и в тот же день выбрать одно из двух: или овладеть укреплениями, или умереть»[817].

Крайнюю степень негодования Иштвана II можно понять, поскольку затеянный им поход сразу потерял смысл. Чтобы не возвращаться бесславно на родину, король попытался использовать всё свое красноречие для воодушевления войска хотя бы на взятие Владимира-Волынского для осуществления мести за погибшего Ярослава Святополчича. Однако участвовавшие в походе аристократы мыслили более прагматично, чем их король, обуреваемый самыми лучшими, с точки зрения рыцарской морали, чувствами. Хронист подробно описывает развернувшуюся в лагере венгров полемику. «Вельможи Венгрии держали совет и сказали: «Зачем нам умирать? Кого из нас король поставит князем, если захватим княжество? Поэтому мы решили, что никто не нападет на замок, и скажем королю, что всё это он делает без совета своих вельмож». Когда вельможи пришли в королевский совет, все разделились на две части. Однако Козма из рода Пазнан, поднявшись, сказал королю: «Что это, господин, ты делаешь? Если ты и захватишь замок, потеряв много своих воинов, то кого же ты поставишь князем? Если изберёшь из своих магнатов, то никто не останется. Разве вы хотите, оставив королевство, получить княжество? Мы, бароны, не будем нападать на замок. Если хочешь штурмовать,

[817] “Contigit autem summo diluculo, quod predictus dux Bezen ambulabat circa castrum previdendo loca expugnandi munitions, obsessi vero exiverant de castro causa visitandi Hungaros. Cumque dux vidisset illos, impetum fecit super illos, qui viriliter pugnantes ducem usque ad mortem vulneraverunt. Cumque rex audisset de morte ducis, indignatus est valde et precepit omnibus Hungaris, ut castrum obpugnarent et eodem die eligerent munitions possidere vel mori” (SRH. I. P. 438).

сражайся один. Мы же вернемся в Венгрию и изберём себе короля». По приказанию магнатов глашатаи провозгласили в лагере, чтобы венгры как можно быстрее возвращались в Венгрию. Увидев, что он справедливо лишен помощи своих людей, король вернулся в Венгрию»[818].

Цитированный отрывок ярко показывает уровень притязаний знати Иштвана II на земли своих восточных соседей. Венгерские бароны того времени прекрасно понимали, что закрепиться в юго-западной Руси они пока еще не в состоянии. Для убеждения своего жаждавшего подвигов молодого короля в бессмысленности затеваемой им акции они напомнили ему о том, что в Венгрии сохраняется принцип выборности королевской власти. Свидетельство Венгерского хроникального свода об отказе венгров от продолжения осады Владимира-Волынского подтверждается Ипатьевской летописью. После осуждения летописцем Ярослава Святополчича, наказанного «за великую гордость его», следует известие о том, что «Оугре же и Ляхове и Володарь и Василко разидошася кождо въ свояси»[819].

После распада коалиции, собранной Ярославом Святополчичем против отобравшего у него «отчину» Владимира Мономаха, вплоть до смерти последнего (1125) никаких контактов между Русью и Венгрией источники не фиксируют. В 1124 г. ушёл из жизни Василько, в 1125 г. – Володарь Ростиславичи, после чего не только на юго-западе, но и в целом на Руси наступило кратковременное затишье. Недаром летописные источники не упоминают никаких междукняжеских столкновений после ухода угров и ляхов из-под стен Владимира-Волынского вплоть до начала княжения Мстислава Великого. Во многом благодаря начавшейся на Руси «мирной передышке» и кончине Василька и Володаря вернувшийся из похода на Волынь Иштван II до

[818] “Principes autem Hungarie habuerunt consilium et dixerunt: “Quid et quare morimur? Si ducatum vendicabimus, quem rex ex nobis constituet ducem? Stabilitum igitur sit inter nos, quod nullus castrum obpugnet, et dicamus regi, quia hec omnia absque consilio suorum principum facit”. Cum vero principes venissent ad consilium regis, omnes in duas partes se transtulerunt, Sed Cosma de genere Paznan erexit se dicens regi: ”Domine quid est, quod facis? Si cum multitudine morte militum tuorum castrum capis, quem ducem constitutes? Si inter principes tuos eligis, nullus remanet. Numquid vos vultis regno relicto habere ducatum? Nos barones castrum non obpugnabimus. Si obpugnare vis, solus pugna, nos autem in Hungariam recedimus et nobis regem eligemus”. Unde ex precepto principum precones in castris clamabant, ut Hungari quam citissime in Hungariam reverterentur. Rex itaque cum vidisset se suorum auxilio iuste destitum, reversus est in Hungariam” (SRH. I. P. 438–439).

[819] ПСРЛ. Т. II. Стб. 287.

1127 г. не интересовался делами своих восточных соседей. Как выясняется из Венгерского хроникального свода, в 1124 г. Иштван воевал на Адриатическом побережье, возвращая под свою власть захваченные венецианцами далматинские города.

Выводы. Периоды правления в Киеве Святополка Изяславича (1093–1113) и Владимира Мономаха (1113–1125) принципиально отличаются друг от друга с точки зрения истории русско-венгерских отношений. До 1114 г. между Киевом и Фехерваром существовали стабильные союзнические отношения, на которых никак не отразились родственные связи киевского князя Святополка Изяславича с венгерским принцем Алмошем, оспаривавшим престол у своего брата Калмана. Впрочем, после 1099 г. Калман Книжник (1095–1116) и Святополк (по крайней мере, по данным дошедших до нас источников) ни разу не оказывали друг другу помощи, а лишь совместно помогали польскому правителю Болеславу III Кривоустому (1102–1138) в его борьбе с братом Збигневом.

Калман Книжник попытался в 1112 г. упрочить свои связи с Русью, женившись на дочери Владимира Мономаха. Однако после смерти Святополка (1113) Калман отправил свою беременную жену Евфимию Владимировну на Русь, несмотря на то, что её отец стал новым киевским князем. Это знаменовало собой начало периода конфронтации между самым влиятельным русским князем и королем Венгрии, завершившегося уже во второй трети XII в. Всё это время русско-венгерские отношения оставались в состоянии «недружественного нейтралитета». Калман завещал своему преемнику Иштвану II (1116–1131) «отомстить за обиды Руси», но последний ограничился в первые годы своего правления поддержкой лишённого Мономахом владимиро-волынского стола Ярослава Святополчича в 1123 г. По-видимому, Иштван II сохранял в то время связи и с имевшими волости в юго-западной Руси Василько и Володарем Ростиславичами, ставшими его союзниками во время этого военного похода.

Вмешиваясь в междоусобия русских князей, венгерская правящая верхушка при Калмане Книжнике и Иштване II ещё не ставила перед собой задачи расширения владений Арпадов за счёт русских земель. После бесславной гибели Ярослава Святополчича венгерская знать не только не поддержала призыв своего короля, во что бы то ни стало, взять Владимир-Волынский для наказания убийц Ярослава, но и заявила ему, что никто из них не захочет управлять взятым городом, а также напомнила Иштвану II о том, что они имеют право выбрать себе другого правителя, если он намерен остаться под стенами осаждаемого города.

ГЛАВА IV
ВРЕМЯ БОРИСА КАЛМАНОВИЧА

1. Мстислав Великий, Иштван II и междоусобица Володаревичей

Внешнеполитические приоритеты Мстислава Владимировича и Иштвана II. 20 мая 1125 г., после смерти Владимира Всеволодовича Мономаха киевский княжеский стол занял его сын Мстислав Великий (1125–1132). В своей деятельности внутри страны он продолжил линию своего отца, поддерживая, иногда жёсткими мерами, ту политическую структуру русских земель, которая была признана всеми князьями на Любечском съезде 1097 г. и последующими общекняжескими решениями. Но поскольку даже отец Мстислава – Владимир Мономах, предстающий на страницах летописей самым последовательным сторонником сохранения этой системы, стремился подчинить своей власти никогда не принадлежавшую его отцу Всеволоду Волынь, новому киевскому князю удалось лишь на время затормозить процесс дальнейшего увеличения числа самостоятельных княжеских владений. Территория же, находившаяся под контролем Мстислава во время его княжения в Киеве, была заметно меньше, чем у его отца. Из-под власти киевского князя в то время ушла Ростово-Суздальская земля, сохранило свою независимость Черниговское княжество. Частично Мстислав Великий компенсировал это подчинением Полоцкого княжества.

Первые внешнеполитические акции времени киевского княжения Мстислава Великого были связаны со Степью. Узнавшие о смерти Владимира Мономаха половцы попытались использовать смену власти в Киеве для нападения на Переяславщину, однако княживший там брат Мстислава Ярополк Владимирович (1113–1132) вынудил половцев вернуться в Степь[820]. В последующем летописцы не отмечают их набеги на русские земли в киевское

[820] ПСРЛ. Т. I. Стб. 295; Т. II. Стб. 289–290.

правление Мстислава Великого, из чего можно сделать вывод о том, что в этот период между русскими княжествами и половцами установились мирные отношения[821]

Для венгерского короля Иштвана II (1116–1131) 1125 г. принёс ряд неприятностей внешнеполитического характера. В мае – июне венецианцам удалось отвоевать далматинские города, возвращённые под власть венгерской короны в 1124 г.[822] Тогда же, в 1125 г. Иштван II, по всей видимости, начал кампанию репрессий против своих родственников, ослеплённых его отцом, а также их сторонников. Это привело к бегству всех их, кроме принца Белы (сына Алмоша, а значит, двоюродного брата короля) в Византию[823]. Бела же предпочёл укрыться (в глубокой тайне от Иштвана II) в Печварадском монастыре[824].

Как было показано в предыдущей главе, Иштван II отличался импульсивным характером и нередко принимал решения, руководствуясь сиюминутными чувствами или настроениями. Возможно, именно этим объясняется внезапное нападение венгерского войска на Польшу в 1126 г. Как известно, у польского князя Болеслава III Кривоустого (1102–1138) в первое десятилетие XII в. сложились устойчивые союзнические отношения с отцом Иштвана II Калманом Книжником (1095–1116). Эти отношения поддерживались военной помощью, которую они оказывали друг другу в борьбе с мятежными принцами. В 1123 г. «угры и ляхи» вместе осаждали Владимир-Волынский в составе антимономаховской коалиции, хотя были поляки и среди защитников этого города. Двое из них смертельно ранили Ярослава Святополчича, что вынудило его сторонников возвратиться в свои земли (см. выше, гл. III).

Сведения источников о рассматриваемом походе ограничиваются единственной фразой Венской и Иллюстрированной хроники, которая следует сразу же после известия о возвращении Иштвана II из-под стен Владимира-

---

[821] *Плетнева С. А*. Половцы. М., 1990. С. 66.
[822] МТК. I. 104. l.
[823] Д. Паулер считает, что Алмош бежал в Византию сразу же после своего ослепления в 1115 г. См.: *Pauler Gy*. A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt. I. k. 471. l. (417. jegyz.).
[824] Ibid.

Волынского на родину (конец главы 156): «После этого на третий год он опустошил, послав войска, польские пределы»[825]. Об этом же событии, по мнению Д. Паулера, цитированные хроники пишут и в начале главы 153 после сообщения о пребывании Иштвана II в Далмации: «Вернувшись оттуда и послав свои войска, он опустошил польские пределы»[826]. Поскольку при описании правления Иштвана II венгерские средневековые исторические сочинения не придерживаются строгой хронологической последовательности, начиная с событий 1124 г. и возвращаясь затем к описанию фактов более раннего времени, точка зрения Д. Паулера имеет высокую степень вероятности. Вряд ли Иштван II мог нарушить многолетний союз с Польшей в первые годы своего правления. К тому же борьба Венгрии и Венеции за Далмацию в первой трети XII в. шла с переменным успехом и имеет столько кратковременных этапов[827], что венгерский хронист вполне мог запутаться в них и продублировать известие об одном и том же походе, который состоялся после возвращения Иштвана II с Адриатического побережья.

Польские хроники об этом конфликте ничего не сообщают. Более того, как будет показано ниже, описывая этот период, составители дошедших до нас польских средневековых исторических сочинений путали многие события второй половины правления Болеслава III (1102–1138), приписывая деяния тогда ещё звенигородского князя Владимира Володаревича Борису Калмановичу и даже смешивая Калмана Книжника с венгерским принцем Калманом, правившим в Галиче в 1214–1219 гг. В связи с этим объяснение Д. Паулером причин внезапного похода венгерского войска на Польшу в 1126 г. заслуживает внимания, хотя, как будет показано в следующем разделе данного параграфа, не является единственно возможным. По сути дела, версия венгерского историка лежит в русле общей характеристики Иштвана II как личности чрезвычайно эмоциональной и импульсивной. Подчёркивая незначи-

[825] “Post hoc tertio anno fines Polonicos missis exercitibus devastavit” (Chronici Hungarici compositio saeculi XIV // SRH. Vol. I. P. 439).
[826] “Inde reverses missis exercitibus suis fines Polonicos devastavit” (Ibid. P. 434).
[827] Их датировки и последовательность восстанавливаются на основании данных Хроники Андреа Дандоло и византийских источников.

тельность нападения венгров на приграничные с их страной польские земли, Д. Паулер характеризует её так: «быстро вспыхнувшая ссора так же быстро и прошла»[828]. Более серьёзно к вопросу о причинах похода венгерского войска на Польшу в 1126 г. относится Ф. Макк, связывая его с междоусобицей наследников Володаря Ростиславича, о которой будет сказано ниже.

Характеризуя внешнеполитические приоритеты Иштвана II и Мстислава Великого в целом, следует отметить, что никаких улучшений в сфере русско-венгерских отношений в первые годы их синхронного правления не произошло. Киевский князь в то время не придавал значения налаживанию контактов с юго-западным соседом, продолжая политику Владимира Мономаха, видимо, действовавшего (после высылки его дочери Евфимии из Венгрии) по принципу: не искать путей ни к сближению, ни к осложнению отношений с Венгрией. В связи с этим Иштван II, унаследовав от отца враждебное отношение к Мономаху и его детям, интересовался не столько положением в Киеве, сколько событиями, происходившими в юго-западной Руси, хотя никаких данных источников о связях юного венгерского короля с князьями граничивших с его владениями русских земель до 1126–1127 гг. у нас нет. Владимир Всеволодович Мономах также держал в поле зрения этот регион, стремясь сохранить его в сфере своего влияния. Как указывалось выше, по свидетельству ПВЛ, 11 сентября 1113 г. он женил своего сына на дочери перемышльского князя Володаря Ростиславича[829].

Участие венгров в междоусобице Володаревичей. Начало правления Мстислава Великого в Киеве ознаменовалось новой междоусобицей на землях будущей Галиции. Некогда монолитная княжеская ветвь Ростиславичей (потомков Владимира, самого старшего из сыновей Ярослава Мудрого), представители которой выступали единым фронтом как против Ярослава Святополчича, так и против Владимира Мономаха, впервые разделилась на

[828] *Pauler Gy.* A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt. 233. l.
[829] ПСРЛ. Т. II. Стб. 276.

два враждующих лагеря, причем выясняли отношения на поле брани родные братья – сыновья Володаря Ростиславича Владимир (Владимирко), владевший в то время Звенигородом и Белзом «с волостями, расположенными в междуречье Сана и Западного Буга», и Ростислав, получивший после смерти отца Перемышльскую волость[830].

Ни ранние, ни поздние русские летописи ничего не сообщают о борьбе Владимира с Ростиславом за полную власть над отцовским княжеством, поделённом между ними по завещанию Володаря Ростиславича. Однако большинство исследователей склонны относиться серьёзно к известиям об этой междоусобице, содержащимся в более поздних источниках – «Польской истории» Яна Длугоша и «Хронике поляков» Мачея Меховского, версию которого воспроизвел в своей «Хронике польской, литовской, жмудской и всей Руси» Мачей Стрыйковский[831], а также в «Истории Российской» В. Н. Татищев[832].

Венгерские историки XIX в. Л. Салаи и М. Хорват считали, что Венская и Иллюстрированная хроники, а также русские летописи под 1123 г. сообщают о событиях, происходивших в 1127 г., и объединяли информацию, помещённую под этими годами в вышеназванных источниках (поход Иштвана II под стены Владимира-Волынского и его помощь Владимиру Володаревичу), в один событийный ряд, относя его к 1127 г.[833] Против этого справедливо выступает Ф. Макк, поскольку «место действия исторических событий, их участники и состав противоборствующих сил полностью отличаются друг от друга»[834]. По мнению Н. Г. Бережкова, статья Ипатьевской летописи под 6631 г. содержит описание событий, происшедших в 1123/4 мартовском году[835], что исключает их датировку 1127 г. Ряд исследователей не признают

---

[830] *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси…. С. 73–74.
[831] *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника). М., 1966. С. 96.
[832] В исследовании И. П. Крипьякевича нет ни одного упоминания В. Н. Татищева, а при описании рассматриваемых событий автор ссылается только на «Польскую историю» Яна Длугоша. См.: *Крип'якевич І. П.* Галицько-Волиньске князівство. Київ, 1984. С. 72 и примеч. **; Вид. друге. Львів, 1999. С. 96 и примеч.**.
[833] См.: *Szalay L.* Magyarország története. I. k. 242–243. l.; *Horváth M.* Magyarország történelme. I. k. 384–385. l.
[834] *Makk F.* A Kálmán-ági királyok… 186. l., 38. jegyz.
[835] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 129.

достоверными известия Яна Длугоша, Мачея Стрыйковского и В. Н. Татищева и считают, что Иштван II лишь один раз – в 1123 г. – вмешивался во внутренние дела юго-западной Руси[836]. Подобное отношение к тексту названных авторов представляется гиперкритичным. Как будет показано ниже, многочисленные косвенные данные делают вполне реальным участие венгров в событиях 1127 г.

Сравнение информации В. Н. Татищева о междоусобице Володаревичей с параллельными известиями его предшественников приводит к выводу о том, что русский историк XVIII в. использовал в качестве источника в значительно большей степени М. Стрыйковского, чем Я. Длугоша. Об этом, прежде всего, свидетельствуют встречающиеся в этом отрывке труда В. Н. Татищева географические названия. Например, Я. Длугош правильно передает русское название Звенигорода, в то время как М. Стрыйковский даёт его в транскрипции «Свиннигород», из которого В. Н. Татищев сделал «Свиногород»[837]. Кроме того, М. Стрыйковский пользовался при составлении рассказа о данном событии трудом М. Меховского. В. Н. Татищев же сообщает некоторые дополнительные подробности, отсутствующие у названных польских историков. Скорее всего, эта уникальная информация была домыслена В.Н. Татищевым.

Автор «Истории Российской» уже в первой её редакции так описывает эти события: «6634 (1126). Галицкого князя Володаря сынове вскоре по отцы начаша межи собою враждовати; не хоте Володимерко Ростиславу брату волость Свиногород и Белз дати, но не смеяху Володимира, зане, послав муж свой, заказа. А скоро Владимер умерл, начали рать межи собою и собрали войска немалы. Володимерко призва угры, а Ростислав сняся с Васильковичи, Игорем и Ростиславом. И посла ко Мстиславу, великому князю, жалуюся на брата и проси, абы ему помог. Мстислав же посла полки своя, веле я уми-

[836] Magyarország története az Árpádok korában. Szerk. Szilágyi S. II. k. Bp., 1896. 260. l. (*Marczali H.* része); *Pauler Gy.* A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt. 231–232. l.; *Грушевский М.* Історія України-Руси. Т. II. С. 90; *Hóman B. és Szegfű Gy.* Magyar történet. I. k. 365. l.; *Шушарин В. П.* Русско-венгерские отношения в IX в. С. 168; *Назаренко А. В.* О «Русской марке» в средневековой Венгрии. С. 306.

[837] Kronika Polska, Litewska, Zmódska i wszystkiéj Rusi *Macieja Stryjkowskiego*. S. 189.

рити. И съехашася в Чирске, где многу прю воздвигши, не могши уладитися. Володимерко же, бояся Мстислава, взем жену и чада, иде ко угром воев просити; а Ростислав осадил Свиногород и добывал, где Володимерков наместник с тремя тысячи угров и галичан отпор чинил. И по многих боях Ростислава, нашед, победил и прогнал. Потом вскоре и Володимерко пришед, не смел Мстислава воевать на брата»[838]. Во второй редакции своего труда В. Н. Татищев передал ту же самую информацию современным ему языком, сделав одно уточнение: Владимирко «уехал в Венгры *к тестю* просить войска»[839] (курсив мой. – *М. Ю.*).

Помимо того, что рассказ В. Н. Татищева более подробный, он в некоторых деталях противоречит сведениям польских хронистов[840]. Откуда историк взял эти детали, неизвестно. Судя по содержанию цитированного рассказа, в использованном В. Н. Татищевым источнике (или источниках) содержался рассказ обо всей междоусобице, первые проявления которой были приглушены властной рукой Владимира Мономаха. Отсюда следует, что под 6634 (1126) г. в «Истории Российской» помещены краткие известия о событиях, происходивших в 1124–1127 гг. Обобщающий характер повествования В. Н. Татищева порождает споры историков по поводу точной датировки описываемого им конфликта. Так, О. М. Рапов считает, что междоусобица Володаревичей шла в 1125–1126 гг.[841], к 1126 г. её относят Н. Ф. Котляр и П. П. Толочко[842]. Названные историки опираются на датировку В. Н. Татищева, но О. М. Рапов при этом учитывает содержащуюся в этой же статье «Истории Российской» информацию о том, что Володаревичи начали борьбу за отцовское наследие ещё при жизни Владимира Мономаха. Большинство же исследователей относят этот конфликт к 1127 г.[843], опираясь либо на датировку Длуго-

---

[838] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. IV. С. 185–186.
[839] См.: Там же. Т. II. С. 138.
[840] Подробнее об этом см.: *Назаренко А.В.* Дополнения. С. 419 и примеч. 273.
[841] *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси… С. 73.
[842] *Котляр Н. Ф.* Формирование территории и возникновение городов… С. 78; *Толочко П. П.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 108.
[843] *Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства… С. 23–24; *Wertner M.* Boris und Rostislav. S. 5, 11; *Lázár Gy.* Az orosz birodalom története. I. k. 190–191. l.; *Крип'якевич І. П.* Галицько-Волинське князівство. С. 72 (Вид.

ша, либо на свидетельство «Жития Конрада, епископа зальцбургского», сообщающего о пребывании Иштвана II примерно в это же время в т. н. «Русской марке». Данному известию посвящён один из последующих сюжетов настоящего параграфа. Также ниже будет изложена точка зрения Ф. Макка, который обстоятельнее других изучил всё, что связано с конфликтом Владимира и Ростислава, датировав его 1126–1127 гг.

Ян Длугош пишет об этих событиях, о которых ему стало известно из не дошедшего до нас источника, так, чтобы было понятно современным ему читателям, жившим в католической части Европы, поэтому среди посредников, занимавшихся примирением братьев, у него фигурируют *barones*[844]. Возможно также, что в распоряжении польского хрониста было венгерское или немецкое историческое сочинение. С точки зрения темы настоящего исследования интересно уточнение, которое даёт Длугош в рассматриваемом рассказе: «Поскольку венгры пришли к Владимиру на помощь, о которой он просил, с опозданием, Ростислав, получив помощь от русских, а именно от киевского князя Мстислава, а также от Григория и Ивана Васильковичей, выступил против Владимира»[845]. Судя же по повествованию В. Н. Татищева, венгерская помощь пришла к Владимиру вовремя, поскольку, по его сведениям, осаждённый Ростиславом Звенигород обороняли галичане и 3 тысячи венгров. Более того, защитники этого города смогли нанести поражение отрядам, приведённым Ростиславом.

В отличие от В. Н. Татищева Ян Длугош разбивает повествование о междоусобице Володаревичей на две части, поместив их, соответственно, под 1127 и 1128 гг.[846] Попытка Н. А. Баумгартена «найти» венгерскую жену Владимира, по мнению А. В. Назаренко, «сильно снижает доказательность из-

---

друге. С. 96); *Font M*. Magyar-orosz politikai kapcsolatok… 55. l. (на русском языке: *Фонт М*. Венгерско-русские политические связи… С. 89).

[844] *Ioannis Dlugossii* Annales seu Cronicae… T. II. P. 308; *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша... С. 153.

[845] “Hungaris autem serius Wladimiro solatia, que imploraverat, ferentibus Rosczislaus Ruthenorum nactus solatia, videlicet Msczislai Kyowiensis ducis et Gregorii ac Iwanii Waszilkowicz, contra Wladimirum veniebat”. (*Ioannis Dlugossi* Annales seu Cronicae… II. P. 308; *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша... С. 153 (текст), С. 305 (пер.).)

[846] *Ioannis Dlugossi* Annales sive Cronicae… II. P. 308 и 310; *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С. 153–154.

вестия В. Н. Татищева и повышает вероятность сказанного Длугошем»[847]. Несмотря на то, что между рассказами Я. Длугоша и В. Н. Татищева о междоусобице Владимира и Ростислава Володаревичей существуют некоторые отличия, всё же в главном они не противоречат друг другу. Поскольку Ростислава в 1126 или 1127 г.[848] поддержали киевский князь Мстислав Великий и сыновья Василька Ростиславича, это дало Н. Ф. Котляру «определённые основания считать» Владимира «зачинщиком ссоры, поскольку на Руси сочли справедливым дело Ростислава»[849].

Двукратное обращение Владимира за помощью к Иштвану II, причем во второй раз лично, и избрание звенигородским князем Венгрии местом для политического убежища всей его семьи свидетельствует о том, что Владимир решил сыграть на устойчивой антипатии, сохранявшейся между ветвью Калмана и Мономашичами, придав ей новую остроту. Как известно, в годы киевского княжения Владимира Всеволодовича (1113–1125) эта антипатия так и не переросла в военное столкновение между Калманом (1095–1116), а затем его сыном Иштваном II (1116–1131), и Мономахом. Теперь же Владимир Володаревич, скорее всего, попытался использовать негативные чувства венгерского короля к Мономаху и его детям для получения военной помощи против Ростислава. Однако ситуация, в которую вмешался Иштван II, оказалась патовой. Мстиславу Великому не удалось наказать виновного (по его мнению) князя, а венгерский король не смог помочь Владимиру отнять у брата его княжение. В конечном счете, междоусобица Ростиславичей закончилась на условиях *status quo ante bellum*. Владимир вернулся в свое княжество, а Ростислав вынужден был довольствоваться волостью, завещанной ему отцом. В связи с этим характер отношений между Киевом и Фехерваром не изменился, оставшись в форме «мирной антипатии».

---

[847] *Назаренко А. В*. Дополнения. С. 420 и примеч. 274.
[848] Дискуссии о датировке междоусобицы Володаревичей рассматриваются в следующем разделе настоящего параграфа.
[849] *Котляр Н. Ф*. Формирование территории и возникновение городов… С. 79.

Когда Иштван II находился в Русской марке? Как известно, в раннесредневековой Европе отсутствовали чёткие линии границ, вместо которых ещё с древнегерманских времен устраивались *марки* – приграничные области, население которых признавалось лично свободным и призвано было охранять, как правило, дикую лесную полосу, разделявшую владения двух племён или догосударственных территориально-политических образований. Несмотря на то, что в Венгрии с начала XI в. шла планомерная работа по созданию на всей территории страны королевских замковых округов (комитатов, *венг*. медье[850]), малонаселённость большинства окраинных областей государства вынуждала сохранять здесь архаичные марки.

В ряде средневековых нарративных источников, описывающих события XI в., либо упоминается (или подразумевается) некая «Руссия», являющаяся частью Венгрии, либо книжники, повествуя об одном и том же событии, называют местом, где оно произошло то Русь, то Венгрию. Скорее всего, речь во всех подобных случаях идёт о бассейне Верхней Тисы и соседних районах нынешней Восточной Словакии. Представляется, что венгерская Руссия тождественна Русской марке, где находился Иштван II, когда его разыскивал посол австрийского герцога Леопольда III (1095–1136), о чём повествует «Житие Конрада»[851].

Описание именно этого события связано с единственным конкретным упоминанием в источниках «Русской марки» (*marchia Ruthenorum*). Уже не одно поколение историков из разных стран пытается определить регион, в котором находилась эта населённая русскими пограничная область. Поскольку некоторые исследователи выдвигают при этом гипотезу о наличии в рассматриваемое время тесных связей между русским населением, жившим по обе стороны Карпат[852], представляется целесообразным затронуть в настоящей работе проблему локализации «Русской марки», тем более что пребыва-

---

[850] В венгерском законодательстве раннего Средневековья венгерское слово *megye* передаётся латинским *mega*, что выявляет его происхождение – от славянского «межа/межда».

[851] См. об этом подробнее: *Юрасов М. К.* Венгры в Закарпатье.

[852] См. ниже изложение точки зрения К. Я. Грота, считавшего, что венгерские «приятели» Владимира Володаревича, о которых пишет Киевский свод (Ипатьевская летопись), были жителями Русской марки.

ние в ней Иштвана II в 1127 г., как считают исследователи, было связано с междоусобицей в юго-западной Руси. Главной причиной трудностей локализации названной области является неопределенность сведений о ней в том единственном источнике, где она упоминается. Речь идет о Житии Конрада, закончившего свою земную жизнь в 1147 г. зальцбургским архиепископом (Vita Chunradi archiepiscopi Salisburgensis). Написание этого агиографического сочинения датируется исследователями 70-ми годами XII в.[853] Хотя составивший его монах явно лично знал Конрада, вспоминая о событиях 30-тилетней давности он допустил многочисленные неточности[854].

В главе 18 названного жития можно прочитать о том, что австрийский герцог Леопольд III «направляет посла к [венгерскому] королю, который тогда находился в марке рутенов»[855]. Само по себе повествование агиографа о поездке Конрада в Венгрию имеет отношение лишь к истории венгерско-австрийских отношений. Миссия зальцбургского архиепископа закончилась удачно: он добился от Иштвана II сохранения мира с Австрией и возвращения пленных, захваченных венграми в ходе последнего набега на входившую в состав Священной Римской империи Восточную марку. Отсутствие точной даты рассматриваемого посольства послужило причиной дискуссий по этому поводу, шедших с конца XIX в. Предлагаемые исследователями датировки находятся в интервале между 1125 и 1131 гг. При этом большинство историков склоняется к 1127 г. в качестве даты поездки Конрада в Эстергом[856]. Х. Марцали считает, что она имела место в 1125 или 1126 г.[857] По мнению Д.

---

[853] По мнению В. Ваттенбаха, оно было написано между 1170 и 1177 гг. (*Wattenbach W.* Deutschlands Geschichtsquellen. Bd. II. Berlin, 1894. S. 229–230).

[854] Ibid.

[855] "…nuntius ad regem dirigitur, qui tunc in marchia Ruthenorum morabatur" (MGH SS. T. XI. P. 74). Пер. А. В. Назаренко (См.: *Назаренко А. В.* О «Русской марке» в средневековой Венгрии. С. 302.

[856] *Bidermann, Herman Ignac.* Die Ungarischen Ruthenen, ihr Wohngebiet, ihr Erwerb und ihre Geschichte. Bd. II. Innsbruck, 1867. S. 59; *Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства… С. 23–24; *Wertner M.* Boris und Rostislav. S. 5; *Huber A.* Austria története. Bp., 1899. 221.l.; *Gombos F. A.* Catalogus fontium historiae Hungaricae... T. III. P. 2326; *Font M.* Magyar-orosz politikai kapcsolatok... 55. l. (*Фонт Марта.* Венгерско-русские политические связи… С. 89).

[857] Magyarország története az Árpádok korában. II. k. 260.l.

Паулера, зальцбургский архиепископ ехал вовсе не к Иштвану II, а к его преемнику Беле II Слепому, и произошло это в 1131 г.[858]

Автор новейшего, детального исследования по проблеме «Русской марки» Ф. Макк, отметив, что все приведенные даты «в равной степени не исключаются», всё же присоединился к тем, кто датирует миссию Конрада 1127 г., приведя по этому поводу следующие соображения: «Если мы обратим внимание на тот факт, что одновременно с венгерской поездкой посла в компании с проезжавшим близ венгерско-австрийской границы зальцбургским архиепископом был и мюнстерский епископ Экберт, который после 28 февраля 1127 г. занял также и папский престол[859], тогда можно предположить: Иштван II был на русском пограничье в 1127 г. По нашему мнению, можно установить и более точную датировку, поскольку осенью 1127 г. король возглавил поход против Византии, следовательно, он мог находиться в Русской марке лишь в первой половине 1127 г.»[860]. Аргументация Ф. Макка представляется достаточно убедительной.

Если точка зрения Ф. Макка соответствует действительности, то вряд ли названный венгерский король отправился в Русскую марку, не имея никаких конкретных внешнеполитических целей. Как раз в это время продолжалась междоусобица сыновей Володаря Ростиславича, один из которых – Владимир – дважды искал помощи в Венгрии. Поскольку установить путь посла Конрада к венгерскому королю на основании имеющихся в нашем распоряжении данных источников невозможно, решение проблемы локализации Русской марки во многом зависит от установления характера пребывания в ней Иштвана II в рассматриваемое время. На это обращает внимание Ф. Макк, стремясь ответить на вопрос о степени участии венгерского короля в междоусобиях Володаревичей. Исходной точкой рассуждений историка является

---

[858] *Pauler Gy*. A magyar nemzet története azÁrpádházi királyok alatt. I. k. 239. l., 476. l. és 438. jegyz. К этой точке зрения присоединяется А. Л. Петров, заявляя (без ссылок) о том, что «это посольство *все* (курсив мой. – *М. Ю.*) относят к 1131 г.» (*Петров А. Л.* Древнейшие грамоты по истории Карпато-русской церкви... С. 32.

[859] Об этом писал ещё М. Вертнер (*Wertner M.* Boris und Rostislav. S. 11. См. также новейшее исследование: *Kohl W.* Das Bistum Münster. 4/1. Das Domstift St. Paulus zu Münster // Germania Sacra. 17/1. Berlin – New York, 1987. S. 141.

[860] *Makk F.* A Kálmán-ági királyok... 187. l.

тезис о том, что Иштван II оказался в затруднительном положении, поскольку был союзником отца обоих воевавших между собой сыновей Володаря Ростиславича. Выбор венгерского короля решила поддержка Мстиславом Великим Ростислава. Это означало переход последнего в лагерь Мономашичей, вражду к которым Иштван II унаследовал от своего отца Калмана Книжника.

Исходя из этого и анализируя свидетельства источников, Ф. Макк считает, что предоставление помощи Иштваном II звенигородскому князю «имело сложный характер. С одной стороны, он направил вспомогательные отряды в распоряжение Владимирка, они принимали участие в обороне Звенигорода, с другой стороны, одновременно с этим король сам направился в пограничную с Русью область (marchia Ruthenorum), находящуюся в низовьях Карпат, в направлении Галича. Это было угрожающее военное движение, и очень может быть, что с получением известия о нем Ростислав прекратил осаду Звенигорода»[861].

Таким образом, Ф. Макк напрямую связывает упоминание Русской марки с междоусобицей Володаревичей и считает, что Иштван II, отправив часть своего войска на помощь защитникам Звенигорода, готов был лично возглавить поход в юго-западную Русь, если эта помощь окажется недостаточной. О стремлении Иштвана II играть роль стороннего наблюдателя борьбы Владимира с Ростиславом писал ещё М. С. Грушевский, считавший, что король официально отправился в Русскую марку на охоту[862]. М. Фонт придерживается такой же точки зрения, дополняя её мнением о том, что «Иштван II сделал в интересах помощи Владимирку не больше того, что он стоял «готовый к прыжку» на границе Венгрии»[863].

Иначе трактует пребывание венгерского короля в Русской марке и его последствия Ф. Макк. По его мнению, после получения известий об успешной обороне Звенигорода, «в первой половине 1127 г. из русского приграничья

---

[861] Ibid. 187–188. l.
[862] *Грушевский М.* Історія України-Руси. Т. II. С. 418.
[863] *Font M.* Magyar-orosz politikai kapcsolatok... 55. l. (*Фонт М.* Венгерско-русские политические связи… С. 89).

Иштван II вторгся с войском на польскую территорию. Соответственно, мы относим польскую акцию венгерского короля на первую половину 1127 г. Этот военный шаг, предположительно, был предпринят по просьбе Владимирка. Ведь звенигородский князь по праву мог опасаться того, что польский правитель Болеслав III предоставит помощь Ростиславу. Предположение Владимирка не было безосновательным. В 1123 г. Польша и Киев ещё конфликтовали друг с другом, но вслед за этим из-за возникшего немецкого натиска с запада Болеслав стремился к мирным отношениям с Киевом. Своей политической цели ему удалось достичь, потому что вскоре после вступления на престол в 1125 г. великого князя Мстислава Болеслав и Мстислав заключили между собой мир и союз»[864]. Ф. Макк считает, что конфликт братьев Володаревичей за передел отцовского наследия начался в 1126 г., а закончился в 1127 г.[865] Учитывая общую расстановку сил в юго-западной Руси и вокруг неё в эти годы, он допускает, что польский правитель по просьбе Мстислава Великого мог выступить на стороне Ростислава Володаревича. «С целью предотвращения этого, для нейтрализации Болеслава в интересах Владимирка, в первой половине 1127 г. войско Иштвана II вторглось в Польшу. Эта акция достигла своей цели, поскольку Болеслав не смог вмешаться в русскую междоусобицу»[866].

Отказ Болеслава III Кривоустого от вмешательства в русские дела в 1127 г. Ф. Макк объясняет также и с точки зрения ухудшения международного положения Польши в то время: «Очевидно, польский правитель, помимо немецкого и венгерского фронтов не хотел ввязываться в конфликт на третьем театре военных действий. Предположительно, антипольская акция с венгерской стороны могла сыграть свою роль также в том, что началось сближение между Германской империей и Венгерским королевством, чему, впрочем, способствовал чешско-венгерский союз, точнее – улучшение венгерско-

[864] *Makk F.* A Kálmán-ági királyok... 188. l.
[865] Ibid. 187. l.
[866] Ibid.

австрийских отношений в это время»[867]. Развивая далее свою точку зрения о международном масштабе событий, происходивших в юго-западной Руси в 1126–1127 гг., Ф. Макк подчёркивает, что поход Иштвана II в Польшу «имел очень серьезные последствия – полное изменение прежнего характера польско-венгерских отношений. Известно, что между Венгрией и Польшей, начиная с 1106 г. – после заключения договора о союзе между Калманом и Болеславом III – сохранялись мирные, дружественные и даже союзнические отношения[868]. Благодаря агрессивным шагам Иштвана II эти отношения стали полностью враждебными. И это объясняет тот факт, что в 1132 г. Болеслав III поддержал военными силами попытку захвата власти, предпринятую герцогом Борисом против Белы II»[869].

Интерпретация Ф. Макком рассматриваемых событий представляется наиболее аргументированной и убедительной. Безусловно, у Болеслава III должны были появиться серьезные основания для того, чтобы последовательно поддерживать Бориса Калмановича в его попытках захватить венгерский престол. Основные события этой борьбы относятся уже к началу 30-х годов XII в. Что же касается последствий междоусобицы Володаревичей с точки зрения развития русско-венгерских отношений, то здесь ситуация была не столь однозначной, как в отношениях Венгрии и Польши после 1127 г. Отказ Киева от активной поддержки притязаний внука Владимира Мономаха на венгерский престол, несомненно, имел серьезные политические причины.

Последние годы правления Иштвана II и Мстислава Великого. Борьба сыновей Володаря Ростиславича за передел отцовского наследства стала лишь первым междоусобным конфликтом их тех, что происходили в недолгое правление Мстислава Великого (1125–1132). За ней последовали междоусобицы в Чернигове, где Всеволод Ольгович изгнал своего дядю Ярослава Свя-

---

[867] Ibid.

[868] Исследованию этого вопроса Ф. Макк посвятил специальную статью. См.: *Makk F.* Contributions á l'histoire des relations hungaro-russo-polonaises á l'époque d'Étienne II // Magyarok és szlávok. Szerk. H.Tóth et alii. Szeged, 1993. 337–345. l.

[869] *Makk F.* A Kálmán-ági királyok... 188–189. l.

тославича из его стольного города в окраинный Муром, потом Мстиславу пришлось приводить к покорности полоцкого князя Давыда Всеславича (1127), а затем наказывать за отказ выступить в поход на половцев других Всеславичей (1129). Кроме того, неспокойно было на границе со Степью. Что касается Иштвана II, то, как указывалось выше, после пребывания в Русской марке он отправился на очередную войну с Византией. Боевые действия начались летом 1127 г. и шли с переменным успехом до октября 1129 г., когда лишь чудом избежавший пленения византийский император Иоанн II Комнин (1118–1143) пошёл на заключение мира с Иштваном II близ Браничева[870].

В начале 1130 г. венгерский король тяжело заболел и, прикованный к постели, стал свидетелем борьбы за власть придворных клик, выдвинувших из своей среды двух претендентов на престол – ишпана Борша и его соратника Ивана. Об этом повествуют Венская и Иллюстрированная хроники в главе 158[871]. Избрание магнатами королей, не принадлежавших к роду Арпадов, объяснялось бездетностью Иштвана II и отсутствием у него сведений о каких-либо оставшихся в живых других представителях правящей династии. Дядя короля – ослеплённый его отцом принц Алмош – умер в Византии 1 сентября 1127 г.[872] Однако в 1130 г. Иштвану II удалось временно победить тяжёлый недуг, после чего он сурово расправился с выдвинутыми знатью «королями»: Иван был казнён, а Борш выслан в Византию[873]. Тогда же Иштван II получил сведения о том, что его слепой двоюродный брат Бела, сын Алмоша, жив и пребывает в Печварадском монастыре. В условиях реальной угрозы вымирания рода Арпадов Иштван II забрал Белу из монастыря и в том же 1130 г. женил его на Илоне, дочери сербского великого жупана Уроша I. Судя по рассказу Венской и Иллюстрированной хроники (глава 157), Иштван

[870] MTK. I. 104.l.
[871] Chronici Hungarici compositio saeculi XIV // SRH. Vol. I. P. 444. Поскольку существует точка зрения, что под именем ишпана Борша мог скрываться Борис Калманович, этот сюжет будет подробнее рассмотрен в параграфе, специально посвящённом судьбе неудачливого претендента на венгерский престол.
[872] MTK. I. 104.l.
[873] Chronici Hungarici composition saeculi XIV // SRH. Vol. I. P. 444.

II дождался рождения племянника (будущего короля Гезы II), первенца Белы и Илоны[874].

События, происшедшие в Венгрии в начале 1130 г., показывают, насколько хрупкой была власть Арпадов в это время. В связи с этим обращает на себя внимание «татищевское известие» об очередном династическом браке, заключенном тогда же между правящими династиями Руси и Венгрии. Оно появляется уже в первой редакции «Истории Российской». Здесь под 6638 (1130) г. можно прочитать: «Того же году вда князь великий Мстислав дщерь свою Гелену за королевича угорского Гиса»[875]. В первоначальном варианте своего труда В. Н. Татищев оставил это известие без авторского комментария. Во второй редакции «Истории Российской» оно передано более понятным читателю XVIII в. языком. При этом В. Н. Татищев убрал из неё титул «князь великий» и заменил имя «Гелена» на «Елена»[876]. Здесь историк даёт авторский комментарий (№ 385), из которого можно понять логику его рассуждений, но не происхождение рассматриваемого известия: «О браке дочери Мстиславли Елены с Гейсом II, королем венгерским, венгерские историки и из оных Гибнер в Табели родословной и в Лексиконе историческом прямо не показали, но Ортелий называет тестя его Минослав; видно, что Мстислава испорчено. По обстоятельствам же Изяслава, брата ея, тестем зовет. Зри ниже»[877]. Таким образом, В. Н. Татищев, встретив, скорее всего у Ортелия, сообщение о браке русской княжны Елены с венгерским королём, попытался домыслить остальное, сочтя её дочерью Мстислава Великого. Мне уже приходилось писать о том, кого В. Н. Татищев считал специалистами по венгерской истории[878]. Приведённые в комментарии № 385 фамилии – из того же круга авторов, среди которых нет ни одного, кто бы серьёзно занимался историей средневековой Венгрии.

---

[874] Ibid. P. 443.
[875] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. IV. С. 188.
[876] Там же. Т. II. С. 142.
[877] Там же. С. 264.
[878] См.: *Юрасов М. К.* Изучение истории средневековой Венгрии и русско-венгерских отношений в России XVIII–XIX вв. // Неисчерпаемость источника. К 70-летию В. А. Кучкина. М., 2005. С. 337–338. См. также гл. I настоящей работы.

Как указывалось выше, Геза II никак не мог стать зятем Мстислава Великого, поскольку в 1131 г. он только появился на свет. При этом само его рождение, как известно, спасло Арпадов от вымирания, и никаких других принцев в правящей венгерской династии тогда просто не было. Если же предположить, что данное известие выдумано историком XVIII века, то непонятна причина этого «полёта фантазии» В. Н. Татищева. Представляется наиболее вероятным, что он использовал в данном случае не дошедший до нас источник, явно поздний и, возможно, западнорусского происхождения, но вобравший в себя, в том числе, сведения югославянского происхождения. В неизвестном нам источнике, использованном В. Н. Татищевым, было известие о браке дочери сербского великого жупана Илоны, переданной в источнике как «Гелена». Автор рассматриваемого протографа мог путём несложных вычислений установить, что брак венгерского короля (на самом деле – наследника престола) с Илоной-Еленой был заключен в 1130 г., что действительно подтверждается как Венской и Иллюстрированной хрониками, так и передающей в данном случае их информацию слово в слово «Венгерской хроникой» Яноша Туроци. Хотя конкретной даты этого брака венгерские средневековые хроники не содержат, она легко вычисляется, исходя из даты смерти Иштвана II (1131). Однако при этом автор протографа перепутал Белу II с его сыном Гезой II. Из всего этого следует, что В. Н. Татищев вычислениями такого рода не занимался, а сразу поместил рассматриваемое свидетельство под 6638 (1130) г., выделив его в рукописи своего труда в отдельный абзац.

Хотя все вышеназванные венгерские источники единодушно называют тестем Белы II сербского великого жупана Уроша[879], составитель предполагаемого протографа знал, что Урош был правителем сербской области *Рашка*. Отсюда с достаточной степенью уверенности можно предположить, что название этой области было заменено составителем протографа на *Русь*, а остальное уже домыслил В. Н. Татищев, добавив к этой путанице не менее ту-

[879] В само́м известии о браке принца Белы, содержащемся в венгерских средневековых источниках, имя его невесты не указано, оно упоминается ниже, в главе 160 (у Яноша Туроци – начало главы 91). См.: Chronici Hungarici composition saeculi XIV // SRH. Vol. I. P. 446; *Johannes de Thurocz*. Chronica Hungarorum. T. I. P. 129. Кстати, в венгерских хрониках она названа Еленой.

манные сведения А. Ортелия, в результате чего тестем годовалого Гезы оказался Мстислав Владимирович. Сама по себе замена Рашки на Русь напоминает работу с источниками известного далматинского историка Мавро Орбини (ум. в 1611), который в своей книге «Славянское царство» пытался доказать лидерство славян в мировом историческом процессе в предшествующие его времени эпохи и, в том числе, продолжил линию на отождествление германского племени ругов с русами[880] и т. п. Сокращённый русский перевод книги Мавро Орбини вышел в 1722 г.[881] и был хорошо известен Татищеву, который неоднократно упоминает «Мауроурбина» в своих авторских комментариях к «Истории Российской». Однако, судя по тексту комментария № 385, в данном случае «Славянское царство» не было источником «татищевского известия». Остается предположить, что не один Мавро Орбини стремился возвеличить прошлое русского народа путём приписывания ему деяний других народов, проживавших в местностях с названиями, близкими к имени «Русь».

Исходя из вышесказанного, происхождение «татищевского известия» о браке «дочери Мстислава Великого Гелены» представляется следующим образом. Скорее всего, оно было взято В. Н. Татищевым из недошедшего до нас западнорусского источника, составитель которого датировал его 1130 г. (возможно, если это была летопись, переведя эту дату в летоисчисление «от сотворения мира»). Сам же источник В. Н. Татищева, по-видимому, заимствовал это известие из сочинения южнославянского происхождения (непосредственно, либо через промежуточный источник). В результате нескольких редакций из сербской области Рашки и дочери её великого жупана Уроша I Елены в источнике, процитированном в «Истории Российской», получилась «Гелена, дочь великого князя Мстислава». В. Н. Татищеву, судя по его автор-

[880] Мавро Орбини в этом отношении не был первопроходцем. Однако, если европейский энциклопедист XII в. Готфрид из Витербо, считая ругов, захвативших Рим в 476 г., русами, заблуждался искренне, поскольку учёные его времени вообще плохо представляли себе раннесредневековую этнонимию, то далматинский хронист жил в эпоху, когда уже появились зачатки источниковедения. Тем не менее, Мавро Орбини сознательно приписывал славянским народам и более всего – русам все деяния этносов, названия которых были близки к их этнонимам, не говоря уже о включении в славянский «суперэтнос» германских, тюркских и других народов.

[881] *Мавро Орбини*. Книга историография початия имене, славы… СПб., 1722.

скому комментарию к этой цитате, принадлежит лишь «уточнение» имени венгерского короля, которым он окончательно запутал и себя и исследователей его творчества.

2. Начало политической деятельности Бориса Калмановича

Общая ситуация на Руси и в Венгрии в начале 1130-х годов. Уровень общественно-политического развития русских княжеств и Венгерского королевства в указанное время был примерно одинаковым. Разница обнаруживается лишь в степени консолидации территориальных образований обеих стран, их подчинённости центральной власти. Если русские земли ко времени смерти Мстислава Великого (1132) фактически превратились в совокупность независимых княжеских владений, то Венгерское королевство внешне сохраняло свою монолитность, поскольку состояло из королевских замковых округов (комитатов) во главе с назначаемыми центральной властью ишпанами. Однако последними постепенно становились исключительно лидеры местной знати, а короли при этом выполняли функцию их формального утверждения на должности главы местной администрации. Венгерские историки послевоенной эпохи традиционно начинали с 1116 г. (времени смерти Калмана Книжника и прихода к власти Иштвана II) эпоху раннего феодализма в Венгрии[882]. Тем самым отчасти подчёркивается то, что страна ещё не была готова к распадению на независимые феодальные владения. Однако первые признаки ослабления центральной власти в Венгрии были налицо уже в конце 1120-х гг., когда обнаружилась тяжёлая болезнь Иштвана II (1116–1131), не имевшего наследника. За год до смерти короля венгерские магнаты попытались сами решить вопрос о престолонаследии. При этом отсутствие единства в их рядах вызвало бурные события первых месяцев 1130 г., когда прикованный к постели Иштван II стал свидетелем борьбы аристократических

[882] См., например, том I академического 10-томного издания истории Венгрии, где хронологическими рамками раннего феодализма названы 1116–1241 гг. (MT. 1007. l.).

«партий», выдвинувших сразу несколько кандидатов на трон Арпадов (см. предыдущую главу).

В годы княжения в Киеве Мстислав Великий (1125–1132) пытался, по мере возможностей, демонстрировать свою верховную власть над другими представителями рода Рюриковичей. Однако большинство местных князей уже давно проводили самостоятельную политику, заключая династические союзы как с соседними правителями центрально-европейских государств, так и с половецкими ханами. В связи с этим нельзя говорить о русско-венгерских отношениях как о связях между двумя центральными правительствами, тем более что Мстислав Великий продолжил линию своего отца – Владимира Мономаха, не поддерживая никаких связей с венгерским правящим домом и не предпринимая против Венгрии никаких военных акций. В первой трети XII в. русско-венгерские отношения по большей части сводились к контактам между Венгрией и юго-западной Русью. Земли, примыкавшие с востока к линии Карпатских хребтов, постепенно выходили из-под власти Киева. В рассматриваемое время здесь начинается процесс постепенного падения политической роли Перемышля и Теребовля и роста значения Галича. Из старых княжеских центров лишь Владимиру-Волынскому удалось сохранить свое положение лидера одной из частей юго-западной Руси, но здесь до 1135 г. князем был один из сыновей Мономаха – Андрей Добрый, что означало сохранение над этой волостью контроля Киева.

Казалось бы, после смерти Василька и Володаря Ростиславичей (1124 и 1125 гг., соответственно), оставивших после себя каждый двоих сыновей, будущая Галицкая Русь обречена пойти по пути Полоцкой земли, где неуклонно увеличивалось число уделов, а значит – падало значение старшего из потомков Всеслава Брячиславича. Однако в действительности политическое развитие этого региона пошло совсем по другому «сценарию». Не сумев победить брата Ростислава в междоусобной войне 1126–1127 г., Владимир Володаревич, первоначально владевший Звенигородом и Белзом, после смерти

Ростислава (1128?)[883] занял принадлежавший последнему Перемышль. Возможно, годом раньше ушёл из жизни княживший в Теребовле Ростислав (или Юрий) Василькович[884]. В результате этого уже к концу 1120-х гг. земли будущей Галицкой Руси могли быть поделены между Владимиром Володаревичем и Иваном Васильковичем. При этом политическая активность первого была заметно выше, чем у его двоюродного брата, поэтому именно Владимир стал единственным из князей юго-западной Руси, имевшим связи с венграми, что ярко проявилось во время борьбы Белы II с Борисом Калмановичем в 1132–1135 гг.

Большое значение для развития политических отношений между Русью и Венгрией в 30-е годы XII в. имела позиция польского князя Болеслава III

---

[883] Вопрос о дате смерти Ростислава Володаревича весьма спорный, поскольку сведений о его деятельности после окончания междоусобицы 1126–1127 гг. ни в одном из источников нет. Исследователи давно обратили внимание на известие Ипатьевской летописи под 6648 (1140) г. о том, что киевский князь Всеволод Ольгович «Ивана Василковича и Володаревича из Галича Володимѣрка на Вячеслава на Изяслава на Мьстиславича посла» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 304), хотя та же летопись свидетельствует ниже об утверждении Владимира в Галиче лишь в следующем году, после смерти Ивана Васильковича. При этом Владимир «сѣде во обою волостью княжа в Галичи» (Там же. Стб. 308). По мнению М. С. Грушевского, в первом цитированном известии «из Галича» было первоначально припиской на поле, вставленной не на то место (*Грушевский М.* Історія України-Руси. Т. II. С. 419). Самая ранняя датировка кончины Ростислава – 1126 г. – содержится в статье С. П. Розанова (*Розанов С. П.* Евфимия Владимировна и Борис Коломанович. С. 651) и ничем не обосновывается. О. М. Рапов, опираясь на свидетельство «Истории Российской» В. Н. Татищева (Собрание сочинений. Т. II. С. 158), датирует смерть Ростислава 1143 г. (*Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси… С. 74). Мнение О. М. Рапова вряд ли соответствует действительности. Судя по второму цитированному отрывку, к 1141 г. Галицкая земля была разделена только на два владения, объединённых в одну волость Владимиром Володаревичем. По мнению А. Е. Преснякова, «обе волости по характеру записи надо тут, насколько разумею, понять как обе основные волости: Володареву, которой Володимерко владел со смерти брата Ростислава, и Василькову, объединенную в руках Ивана» (*Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь. Подг. текста, статьи и примеч. М. Б. Свердлова. М., 1993. С. 117). 1128 г. датируют смерть Ростислава Володаревича Н. А. Баумгартен (*Baumgarten N.* Généalogies et mariages occedentaux… Tabl. III, 5) и В. Т. Пашуто (Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв. Ч. I. IX–XIII вв. М., 1953. С. 367). Хотя эта датировка представляется наиболее вероятной, соглашусь с Н. Ф. Котляром в том, что её «можно принять лишь условно» (*Котляр Н. Ф.* Формирование территории и возникновение городов… С. 80).

[884] Относительно даты смерти Ростислава Васильковича, которого В. Т. Пашуто называет (видимо, имея в виду упомянутого Я. Длугошем в аналогичном сюжете Григория) Юрием, у нас также нет сведений источников. О существовании этого князя нам известно исключительно из «Истории Российской» В. Н. Татищева, причём упоминается он лишь однажды – под 6634 (1126) г. в качестве союзника Ростислава Володаревича в его борьбе с Владимиром (*Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. II. С. 138; Т. IV. С. 185). Отсутствие информации о смерти Ростислава Васильковича побудило Н. А. Баумгартена датировать это событие временем между 1127 и 1141 г. (*Баумгартен Н. А.* Родословные отрывки. С. 14). Эту датировку поддержал О. М. Рапов (Княжеские владения на Руси… С. 74). В. Т. Пашуто датирует смерть Григория-Юрия Васильковича 1127 г. (Очерки истории СССР. … С. 367). Сведения Длугоша об этом князе см.: *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С. 153 (текст), С. 305 (пер.). Н. Ф. Котляр (Формирование терррритории и возникновение городов… С. 80) считает, что Григорий (как он называет Ростислава Васильковича) умер «в промежутке между 1126 и 1140 гг.». На основании расхождений между описаниями междоусобицы Володаревичей в трудах Я. Длугоша и В. Н. Татищева А. В. Назаренко предположил, что Ростислав мог быть Иваном в крещении (Дополнения. С. 419 и комм. 273), в то время как О. М. Рапов отождествляет Ивана с Игорем Васильковичем (*Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси... С. 74).

Кривоустого (1102–1138). Как было показано в предыдущей главе настоящего исследования, участие Иштвана II в междоусобице Володаревичей 1126–1127 гг. наиболее ярко проявилось в набеге венгерского войска (скорее всего, из «Русской марки») на Польшу с целью воспрепятствовать вмешательству Пястов в конфликт между наследниками Володаря Ростиславича. Эта акция сделала Болеслава III потенциальным членом любой антивенгерской коалиции, тем более, если она создавалась под предлогом возведения «законного» государя на венгерский престол. Аналогичное отношение к Иштвану II было и у Комнинов. Византийская правящая династия поддерживала притязания принца Алмоша на верховную власть в Венгрии, в Византии мятежный брат Калмана Книжника закончил в 1127 г. свой жизненный путь. Смерть Алмоша и пребывание его сына Белы инкогнито в одном из венгерских монастырей лишили Иоанна II Комнина (1118–1143) повода для вмешательства во внутренние дела Венгрии. Когда же Бела был «обнаружен» Иштваном II и объявлен наследником венгерского престола, политика Комнинов по отношению к северному соседу лишилась серьёзных оснований.

Таким образом, общая ситуация на восточном фланге внешней политики Венгерского королевства в конце первой трети XII в. складывалась явно в пользу Бориса Калмановича. Пресечение ветви Калмана Книжника и утверждение на венгерском престоле потомков гонимого герцога Алмоша создавали у недружественно настроенных к Арпадам соседних государей необходимость в поисках нового «законного» наследника короны св. Иштвана, и в этом отношении у Бориса не было соперников.

Первые годы жизни Бориса. Личность непризнанного Калманом Книжником сына от русской княжны окутана ореолом легенд. Несмотря на то, что о судьбе Бориса написано немало специальных работ[885], далеко не все связанные с этим проблемы решены (или могут быть решены) исследователями.

[885] Библиографию см.: *Фонт М.* Венгерско-русские политические связи… С. 109–110 и примеч. 35. Не приведённые в ней работы польских историков XIX в. см. в: *Розанов С. П.* Евфимия Владимировна и Борис Коломанович. № 7. С. 585.

Что же касается первых лет жизни сына Евфимии Владимировны, то у историков уже нет расхождений по поводу того, когда примерно появился на свет Борис Калманович и где он провел своё детство. Однако относительное единство в решении этих вопросов появилось достаточно недавно. Ещё в статье 1930 г. С. П. Розанов, излагая концепцию польских историков конца XIX – начала XX в. К. Горского и М. Гумпловича, писал: «В начале XII века, в 1104 году по одним сведениям, в 1112-ом – по другим, венгерский король Коломан женится на русской княжне, Предславе, дочери вел. кн. Святополка, по одним сведениям, Евфимии, дочери Владимира Мономаха, – по другим». В таком же духе сомнения по поводу того, кто была матерью Бориса Калмановича и когда он родился, названные польские историки рассматривали первые годы жизни этого внука Владимира Мономаха[886]. Одной из целей своей работы С. П. Розанов видел развенчание сомнений подобного рода, вызванных плохим знанием некоторыми из его предшественников свидетельств русских летописей.

Впрочем, мнение о том, что матерью Бориса Калмановича была Предслава Святополковна, разделяли австрийский историк Й.-Х. Энгель (1770–1814) и его венгерский коллега Игнац Аурел Фесслер (1756–1839)[887]. Их работы были изданы на немецком языке, поэтому результаты их исследований также учтены в статье С. П. Розанова[888]. Характерно, что все попытки доказать рождение Бориса Предславой так или иначе были связаны со стремлением подтвердить достоверность информации польской Хроники Богухвала о нахождении Бориса на галичском княжеском столе до его появления в Византии (см. ниже). В предыдущей главе уже рассматривался вопрос о том, за кого вышла замуж Предслава Святополковна. У подавляющего большинства исследователей давно нет сомнений по поводу того, что зятем Святополка Изяславича был принц Алмош. Однако для тех, кто отождествляет Бориса с иш-

[886] См.: *Gorski Kazimierz*. Borys. Ustęp z dzieyów XII wieku; *Gumplowicz Maks*. Borys Kołomanovic, królewicz węgerski.
[887] *Fessler IgnácAurél*. Geschichte von Ungarn. Leipzig, 1867. S. 205; *Engel Johann-Christian*. Geschichte von Halitsch und Wladimir. Bd. I. S. 94, 101 u.a.
[888] См.: *Розанов С. П.* Указ. соч. С. 587.

паном Боршем, одним из героев драматических событий, разыгравшихся в Венгрии приблизительно в 1130 г., также более приемлемым является видеть его матерью Предславу Святополковну, иначе он выглядит слишком юным для самостоятельной борьбы за венгерский престол.

Если говорить в целом о том, что нам известно о первых годах жизни Бориса Калмановича, то лишь два факта не подвергаются современными исследователями сомнению – его рождение на Руси и пребывание там, по крайней мере, до 1127 г. Венгерский хроникальный свод XIV в. не упоминает имени русской жены Калмана Книжника, но, как рассматривалось выше, свидетельствует о её высылке во время беременности на родину. В своё время М. Гумплович на основании анализа многочисленных сюжетов средневековых источников различных европейских государств достаточно убедительно показал, что представления о «незаконности» рождения Бориса вряд ли соответствуют действительности. Приводимые польским историком примеры свидетельствуют о том, что даже те хронисты, которые отрицательно оценивали попытки Бориса захватить венгерский престол и сочувствовали королям из ветви Алмоша, не сомневались в том, что отцом Бориса был именно Калман, а не кто-то другой[889].

Продолжатель хроники Козьмы Пражского (Каноник Вышеградский) свидетельствует о том, что Евфимия «вернулась к отцу и там родила сына»[890], из чего следует, что Борис появился на свет в Киеве, То, что Борис провёл первые годы жизни на Руси, точнее всего подтверждает его имя. Нет необходимости доказывать, что только на родине своей матери, в княжеской среде, скорее всего, при дворе Владимира Мономаха, его внуку дали имя одного из первых русских святых княжеского происхождения[891]. Впрочем, исследователи, считавшие Бориса внуком Святополка Изяславича, также могли бы зая-

[889] *Gumplowicz M.* Borys Kołomanovic, królewicz węgerski.

[890] "…rediit ad patrem, atque ibi puerum peperit" (*Canonici Wissegradensis* continuatio Cosmae. P. 138).

[891] Д. Паулер в своем труде, посвящённом истории Венгрии в эпоху Арпадов, сопроводил фразу о рождении Бориса на Руси ссылкой на информацию Ипатьевской летописи (известной ему по исследованию И. Шараневича (*Szaraniewicz Izidor*. Die Hypatios Chronik als Quellen...): «Как раз 2 мая останки Бориса и Глеба были перенесены в Киеве в новый храм, который Владимир Мономах воздвиг в память о Борисе» (*Pauler Gy*. A magyar nemzet története az Árpádoházi királyok alatt. I. k. 476. l. és 437. jegyz.). В приведённой цитате венгерский историк ошибочно назвал местом перенесения мощей Киев вместо Вышгорода.

вить о том, что непризнанный Калманом сын получил своё имя при дворе кого-то из сыновей умершего в 1113 г. Святополка. Наиболее вероятный год рождения Бориса – 1114, хотя вполне возможно, что он появился на свет в конце 1113 г. Как известно, его дед Владимир Мономах не стал мстить Калману за унижение своей дочери, по крайней мере, у нас нет никаких сведений источников по этому поводу. По мнению С. П. Розанова, Евфимия Владимировна могла сама принять решение о возвращении на родину, не выдержав «свободы нравов», царившей при дворе Калмана[892]. У нас также нет никакой информации о том, какие планы были у Владимира Всеволодича относительно внука. В год смерти Владимира Борису было 11 лет, поэтому его шансы получить в управление какую-либо область вряд ли в то время вообще рассматривались его дедом.

С. П. Розанов считает роль Мономаха главной в судьбе Бориса в первые годы жизни непризнанного сына Калмана. Историк пишет по этому поводу: «Понятно, что Борис в период своего малолетства и несомненно вплоть до смерти своего деда, Владимира Мономаха, т. е. до 1125 г., воспитывался при матери в Киеве. Проживи Мономах до 1131 г., года смерти венгерского короля Стефана и вступления на престол Белы Слепого, судьба Бориса может быть была бы иная»[893]. Конечно, никаких данных источников на этот счёт у нас нет. Однако на основании бытовавших в то время на Руси традиций мы можем согласиться с тем, что единственно возможным местом пребывания Евфимии и её малолетнего сына мог быть Киев, где находился княжеский стол её отца. Г. Ф. Корзухина предположила, что две серебряные чаши иностранного происхождения, найденные в Киеве в 1876 г. в усадьбе Чайковского на улице Рейтарской, принадлежали Евфимии Владимировне[894], однако никаких конкретных свидетельств хотя бы о том, что местом изготовления этих чаш была Венгрия, у нас нет.

---

[892] *Розанов С. П.* Евфимия Владимировна и Борис Калманович. С. 592.
[893] Там же. С. 649.
[894] *Корзухина Г. Ф.* Русские клады. М.–Л., 1954. С. 117. См. также: *Толочко П. П.* Древний Киев. Киев, 1983. С. 198.

Что же касается мыслей С. П. Розанова о том, что Владимир Всеволодович мог помочь Борису захватить принадлежавший ему «по закону» венгерский трон, то вряд ли в тогдашних тяжёлых внешних условиях и реалиях фактического распада страны на отдельные княжества у Мономаха были военные силы и средства для организации похода за Карпаты. К тому же, удержаться у власти в Венгрии Борис мог только при наличии там мощной политической группировки, видевшей его своим королём. События первой половины 1130-х гг. показали, что лишь часть «партии Калмана» поддержала претензии Бориса на корону, что позволило противостоявшей им «партии Алмоша» без чрезмерного напряжения сил разгромить армию собранной Борисом коалиции. Что же касается помощи Борису в его борьбе за венгерский престол со стороны его дяди Мстислава Великого (1125–1132), то последний был занят сохранением хотя бы внешнего единства русских земель, поэтому и он вряд ли имел возможности для такой серьёзной акции. Кроме того, княжение Мстислава в Киеве началось с отражения очередного натиска половцев. Полное отсутствие свидетельств о Борисе Калмановиче в русских летописях, скорее всего, объясняется тем, что он покинул Русь, не успев получить здесь даже небольшую волость.

С. П. Розанов довольно точно объясняет отсутствие интереса к сыну Калмана Книжника от русской княжны в годы правления Иштвана II: «Если в этот период при венгерском дворе вообще не было речи о Борисе, то это вполне понятно не только потому, что Борис был ещё ребенком и рос в далекой Руси, но и потому, что в это время в Венгрии всё шло своим чередом, так как по смерти Коломана его место занял законный его наследник, старший сын Стефан»[895]. М. Гумплович в поисках фактов, связанных с пребыванием Бориса на Руси в первые годы жизни, пытался привлечь информацию т. н. «Хроники Богухвала»[896] о том, что в раннем возрасте Борис якобы занимал галицкий княжеский стол, хотя на самом деле Борис в этом источнике (кото-

[895] *Розанов С. П.* Евфимия Владимировна и Борис Калманович. С. 593.
[896] Kronika Boguchwala. P. 515–517.

рый правильнее называть *Великопольской хроникой*) не упоминается. Составитель Великопольской хроники называет «первого галицкого князя венгерского происхождения» Коломаном[897]. Тем не менее некоторые историки, жившие в XVIII–XIX вв., воспринимали эту версию вполне серьёзно[898].

О галичском княжении Бориса, которого будто бы короновали Иштван II и Болеслав III, писал в свое время К. Горский[899]. И.–Хр.Энгель считал, что Иштван II дал Звенигород Владимирку, Перемышль взял себе, а из оставшейся части червенских городов создал Галицкое княжество, которое отдал Борису, как своему сводному брату[900]. Нет необходимости доказывать, что все утверждения подобного рода являются чисто умозрительными, поскольку основаны на приписывании польским хронистом Борису Калмановичу деяний венгерского принца Калмана, посаженного его отцом Эндре II (1205–1235) на галицкий стол в период междоусобиц, вызванных смертью Романа Мстиславича (1205), и не находят даже косвенных подтверждений в более достоверных источниках. На невозможность княжения Бориса где бы то ни было до 1128 г., когда ему пошел 15-й год, указал С. П. Розанов, добавив, что к названному году «в Галичской земле, можно сказать, уже царил энергичный, воинственный и властолюбивый Владимирко Володаревич, не считавшийся ни с кем и ни с чем, что не соответствовало его личным взглядам. С 1126 г., года смерти его старшего брата Ростислава, он поставил своей задачей объединить в своих руках всю Галичскую землю…»[901].

Мнение С. П. Розанова относится скорее к 1140-м годам, когда Владимир уже объединил в своих руках все владения, составлявшие наследие его отца и дяди, и неоднократно проявлял своеволие по отношению к соседям и киевскому князю. Представляется также сомнительной столь ранняя дата смерти Ростислава Володаревича, которую историк ничем не обосновывает. Тем не менее, сама по себе точка зрения о невозможности Бориса княжить в одной

---

[897] Kronika Wielkolpolska // MPH. NS. T. VIII. P. 39. В русском переводе: «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях. С. 95.
[898] Подробнее об этом см.: *Юрасов М. К.* Внук Владимира Мономаха… С. 182–191.
[899] *Gorski K.* Borys. S. 64.
[900] *Engel J.-Chr.* Geschichte von Halitsch und Wladimir… Bd. I. S. 92.
[901] *Розанов С. П.* Квфимия Владимировна и Борис Калманович. С. 651.

из галичских волостей, безусловно, верна. Если на Руси Борис Калманович, как представляется, был малоинтересен, то на родине его отца разворачивались события, в которых он мог быть востребован, причём в самое скорое время. Политическая ситуация в Венгрии способствовала тому, что верхушка господствующего класса оставалась расколотой как минимум на две группы, условно называемые венгерскими исследователями «партиями» Калмана и Алмоша. Бездетность Иштвана II должна была рано или поздно привести к столкновению между противоборствующими сторонами при решении проблемы престолонаследия.

К вопросу об отождествлении ишпана Борша с Борисом Калмановичем.

Описание драматических событий борьбы за власть в Венгрии в последний год правления Иштвана II содержится в главе 158 Венской и Иллюстрированной хроник. При этом хронист сначала повествует об «обнаружении» Иштваном II своего племянника Белы, тайно проживавшего в Печварадском монастыре, а затем возвращается в более раннее время, чтобы подчеркнуть общегосударственную важность обретения смертельно больным королём законного наследника венгерского престола. Данный сюжет представляет интерес с точки зрения темы настоящего исследования, поскольку в историографии были попытки связать его с началом политической деятельности Бориса Калмановича. Вот что пишет по этому поводу венгерский хронист XIV в.: «Прежде чем король узнал о Беле, королевство дало клятву, что после короля будет править сын его сестры Софии Саул. Случилось же так, что король тяжело заболел в Эгере, так, что все видели его [скорую] смерть. Ишпан же Борш и Иван, движимые пустыми надеждами, были избраны в короли изменниками. Однако, поскольку по воле Божией король поправился, он отрубил Ивану голову, а ишпана Борша с позором изгнал в Грецию, и было по-

становлено так, что никто из его потомков не будет достойным приходить к королевскому двору. …»[902].

Среди перечисленных в цитированном отрывке претендентов на венгерскую корону имя «Борш» чисто *теоретически* вполне могло быть венгерской транскрипцией имени «Борис», поскольку, как видно из оригинального текста хроники, латинская форма написания имени ишпана была *Bors*. Однако венгерская средневековая хронистика знала не признанного Калманом сына под именами *Borich* или *Borith*[903], в которых исследователи видят латинскую транскрипцию славянского *Борич*, т. е. искажённую форму имени Бориса[904]. Само по себе имя «Борш» является древним венгерским заимствованием из неизвестного тюркского языка. В современном венгерском языке *bors* (в соответствии с его происхождением) означает «чёрный перец». С. П. Розанов уже обратил внимание в своей работе о Евфимии Владимировне и Борисе Калмановиче на то, что ишпан Борш был не единственным персонажем венгерской средневековой истории с таким именем[905]. К приведённым исследователем примерам упоминания вождя, двух «комесов» и одного воина по имени Борш следует добавить, что самый первый из них – вождь (dux) Борш или Боршу, по свидетельству сочинения Венгерского Анонима, был основателем крепости Боршод, ставшей впоследствии центром одноимённого замкового округа[906].

Первыми об отождествлении ишпана Борша с Борисом Калмановичем заявили еще в конце XIX в. российский византинист В. Г. Васильевский[907], обративший внимание на то, что ишпан Борш действовал как раз накануне

---

[902] „Antequam vero rex Belam scivisset, coniuraverat regnum, ut post regem filius sororis sue Sophie, nomine Saul regnaret. Contigit autem, ut rex incideret in gravem infirmitatem Agrie, ita ut omnes mortem illi videbant. Bors vero comes et Iwan inani spe ducti a traditoribus in regem electi sunt. Cum autem Deo volente rex convaluisset, Iuani caput decollavit, Bors vero comitem turpiter de curia reiecit in Greciam, et ita statutum est, quod de propagine sua amplius ad curiam regiam nullus dignus esse iudicaretur intrare. …" (Chronici Hungarici compositio saeculi XCIV // SRH. Vol. I. P. 444).

[903] Сводку упоминаний «Борича» в Венгерском хроникальном своде XIV в. см.: Ibid. P. 513.

[904] *Font M.* Magyar-orosz politikai kapcsolatok... 56. l. (*Фонт М.* Венгерско-русские политические связи… С. 90).

[905] *Розанов С. П.* Евфимия Владимировна и Борис Калманович. С. 650.

[906] P. magistri, qui Anonymus dicitur, Gesta Hungarorum, cap. 18 // SRH. Vol. I. P. 58.

[907] *Васильевский В. Г.* Труды. Т. IV. С. 82 (Представленная здесь работа «Из истории Византии в XII веке» впервые была опубликована в 1877 г. (Славянский сборник. Т. II. Приложение. СПб., 1877. С. 265–277).

появления Бориса в Византии, и венгерский историк русинского происхождения А. Ходинка, ограничившийся указанием на созвучие имён и юношеский возраст Бориса в рассматриваемое время, достаточный для начала борьбы за власть[908]. Точку зрения А. Ходинки развил современный австрийский исследователь Раймунд Кербл. Последний обратил внимание на то, что Борш, в отличие от Ивана, отделался лишь изгнанием. По мнению Р. Кербла, это свидетельствует о принадлежности Борша к одной из ветвей рода Арпадов[909].

Автор главы академической «Истории Венгрии», посвящённой периоду раннего феодализма, Д. Кришто[910], также поддерживает точку зрения А. Ходинки и Р. Кербла, находя аргументы в её поддержку в характере взаимоотношений, сложившихся в то время между Венгрией и Византией. По мнению Д. Кришто, смерть в 1127 г. герцога Алмоша, которого Византия поддерживала в его борьбе за власть с братом Калманом Книжником, открывала для Бориса возможность занять место «законного» претендента на венгерский престол. В связи с этим Д. Кришто датирует 1128 г. появление Бориса при дворе Иоанна II Комнина. Однако тяжелое внутри- и внешнеполитическое положение Византии не позволило василевсу оказать какую-либо конкретную помощь Борису в 1129–1130 гг.[911] Чуть выше в том же цитируемом труде Д. Кришто приводит весьма оригинальную гипотезу, доказательная база которой держится на имени второго антикороля, провозглашённого одновременно с Боршем: «Мы не исключаем того, что под именем комеса Борша Венгерской Хроники скрывается выросший Борис, для которого могли попасть в самую точку болезнь Иштвана II, всё ухудшающееся венгерское внутриполитическое положение, и он пришёл в Венгрию с русской помощью. На русского помощника может указывать имя Ивана, товарища комеса Борша»[912].

---

[908] *Hodinka Al*. Kolomanovics Boris.
[909] *Kerbl Rajmund*. Byzantinischen Prinzessinnen in Ungarn… S. 64–66.
[910] *Kristó Gy***.** A korai feudalizmus (1116–1241) // MT. I. k. 1007–1415. l.
[911] Ibid. 1187.l.
[912] Ibid. 1184–1185. l.

Рассуждения Д. Кришто не могут быть приняты не только потому, что они опираются лишь на имя исторического лица, которое понимается исследователем как своеобразный символ русского народа. В данном случае, видимо, сработал стереотип значительно более позднего времени, когда Киевская Русь уже стала достоянием истории, о том, что самым распространенным в России мужским именем является *Иван*, выражавшийся в устойчивом выражении «русские Иваны». Однако это имя, как известно, отнюдь не является русским по происхождению, хотя и было достаточно распространённым на Руси в домонгольский период. К тому же, в Венгрии были свои русины, из которых, скорее всего, и происходил обезглавленный Иштваном II антикороль Иван. Гипотезу об отождествлении Борша и Бориса оспорил Ф. Макк достаточно убедительным контраргументом: если бы Борш действительно принадлежал к роду Арпадов, хронист никогда не назвал его титулом *comes* (’граф’), тем более что фактически это был в Венгрии того времени не столько титул, сколько название должности (подобно шерифу в средневековой Англии), поэтому в русском переводе употреблено слово *ишпан*[913].

Возражение Ф. Макка представляется более убедительным, чем попытки обосновать противоположную точку зрения. Мысль о назначении непризнанного сына Калмана Книжника на должность правителя королевского замкового округа не находит объективных объяснений и выбивается из общего контекста взаимоотношений между Киевом и Фехерваром при Мстиславе Великом (1125–1132), на что обращалось внимание в предыдущей главе настоящего исследования. Прежде всего, из высылки (или добровольного возвращения) беременной Евфимии Владимировны на родину и непризнания рожденного ей сына венгерским королевичем логически вытекает политическая линия, направленная на поиски союзников для утверждения на престоле Арпадов «законного» представителя ветви Калмана. Эта линия чётко прослеживается на протяжении трёх десятилетий борьбы Бориса за корону св. Иштвана, поэтому претендент на королевскую власть не имел права согла-

[913] *Makk F.* Borisz, egy XII. századi trónkövetelő. 61. l., 6. jegyz.

шаться на занятие должности ишпана, не достойной представителя правящего рода. Вряд ли Борис, воспитывавшийся на Руси и, несомненно, убеждённый в том, что в его жилах течёт кровь Рюриковичей и Арпадов, мог согласиться стать королевским чиновником, управлявшим одним из нескольких десятков замковых округов, на которые делилась тогдашняя Венгрия. Это было бы равносильно признанию Борисом того, что он не принадлежит к роду Арпадов, а является представителем одного из знатных венгерских родов, в лучшем случае – ведущего свое происхождение от одного из вождей X в., соратника Арпада, активно участвовавшего в процессе завоевания новой родины на Среднем Дунае.

Недавно венгерская исследовательница А. Нюлашши попыталась найти новые аргументы в пользу отождествления Бориса Калмановича и ишпана Борша, опираясь на то, что, по свидетельству византийских источников, Борис во время пребывания в Византии носил титул κράλες ’король’. По мнению А. Нюлашши, это было следствием избрания его в 1130 г. венгерским королём группой мятежной знати, которое было признано василевсом Иоанном II[914]. Несмотря на кажущуюся серьёзность приведённого аргумента, он представляется недостаточным для опровержения доводов Ф. Макка. Византийские императоры не скупились на знатные титулы для поддерживаемых ими представителей правящих династий соседних народностей. Скорее всего, Комнины сразу признали законные права Бориса на венгерский престол, женив его на знатной гречанке и пообещав ему военную помощь. Названный же титул призван был подчеркнуть серьёзность намерений Иоанна II.

Перу Ф. Макка принадлежит также подробное исследование политической ситуации, сложившейся при дворе Иштвана II в последние годы его правления, после возвращения из польского похода 1127 г.[915] В этой статье, написанной задолго до той, в которой обращено внимание на обозначение Борша титулом «комес», детально прослеживается борьба двух «партий» при

[914] *Nyulassy A.* Borisz a források tükrében. 83–84. l.
[915] *Makk F.* Megjegyzések II. Béla történetéhez.

дворе Иштвана II. Сам король возглавлял «партию Калмана», которой противостояла «партия Алмоша». Обе этих политических группировки боролись друг с другом за фактическую власть путём выдвижения различных кандидатов на престол ввиду бездетности тяжело больного короля. Характеризуя в целом обстановку при дворе Иштвана II в 1127–1130 гг., Ф. Макк пишет: «Тот факт, что после смерти Алмоша наряду с герцогом Белой и официальным кандидатом партии Калмана, Саулом, на сцене оказались и другие претенденты на престол, показывает: в это время поляризация и раздробленность правящего класса достигли доселе невиданных размеров.

Однако крах попыток Ивана и Борша высветил то, что выделением антикоролей, их сторонников и части близких к ним партия Калмана была ослаблена значительно больше, чем их противники. В то же самое время грубое устранение заговорщиков выражало не только то, что Иштван II и его сторонники судорожно цеплялись за власть, но и то, что они не склонны были помогать никому, кроме своего кандидата Саула»[916]. Таким образом, ишпан Борш, если бы под его именем скрывался Борис Калманович, имел наиболее предпочтительные шансы стать кандидатом на престол от «партии Калмана». Недаром эта политическая группировка выдвинула Саула, который был хотя бы по женской линии родственником Арпадов.

Впрочем, отсутствие Бориса среди предложенных знатью претендентов на престол могло объясняться его отсутствием в Венгрии и слишком юным возрастом. Ситуация, сложившаяся в то время при венгерском дворе, требовала немедленного решения. Поскольку Борис, по всей видимости, находился в то время в Византии, у «партии Калмана» не было возможности выдвинуть его своим кандидатом на престол, и она остановила свой выбор на Сауле.

Таким образом, нет серьезных оснований для отождествления ишпана Борша с Борисом Калмановичем. Что же касается «милости» Иштвана II, проявленной в отношении к этому выдвинутому венгерскими магнатами антикоролю, то, может быть, Борш имел какие-то исключительные заслуги, от-

[916] Ibid. 38. l.

меченные государем, в память о которых ему была сохранена жизнь. Бегство же Борша в Византию, на что обращают внимание сторонники его отождествления с Борисом, также ничего не доказывает, поскольку Комнины проводили в рассматриваемое время последовательную антивенгерскую политику и «в период венгерско-византийских боевых действий для любого противника Иштвана II Византийская империя предоставляла самое надежное убежище»[917].

3. Попытка Бориса свергнуть Белу II с престола в 1132 г.

Безрезультатные поиски Борисом помощи при дворе Иоанна II Комнина. Молчание русских летописей о Борисе Калмановиче, скорее всего, можно объяснить тем, что на Руси он так и не нашёл поддержки своим планам утверждения на венгерском престоле. Немногого он добился и в Византии, хотя, как представляется, вначале он встретил здесь одобрение своих планов. Как и когда Борис попал в Константинополь, точно установить невозможно. Автором самого раннего известия о его пребывании при дворе Комнинов является немецкий хронист – фрейзингенский епископ Оттон, занимавший кафедру в 1138–1158 гг. В главе 21 книги VII его хроники содержится недатированное припоминание о событиях, происшедших ещё при Иштване II: «Паннония, незадолго до того времени, когда умер её король Стефан, сын Коломана, который и сам был тогда жив, имела с императором греков длительную распрю, будучи таким образом сдавленная многими неприятностями. Ведь когда сын Алмоша Бела, некогда лишённый зрения Коломаном одновременно с отцом Алмошем, стал наследником в государстве, Борис, который, как говорили, также был сыном Коломана, но рождённым другой, чем у Стефана, матерью, которая была дочерью правителя рутенов или Киева, по-

[917] Ibid.

кинул своё отечество. Придя же в Грецию, он связал себя родством с императором Калоиоанном, …»[918].

Появление Бориса Калмановича в Византии датируется подавляющим большинством исследователей примерно 1128–1129 гг. Сторонники этой точки зрения, естественно, полностью исключают то, что непризнанный Калманом сын мог, находясь на территории враждебного Венгрии государства, с которым к тому же в тот период велась война, получить должность правителя венгерского королевского замкового округа. Существует ещё точка зрения, что Борис появился в Византии лишь в 1131 г. В свое время венгерский историк А. Ходинка обосновал это мнение, опираясь на сопоставление данных хроник Иоанна Киннама, Оттона Фрейзингенского и Альбрика из монастыря Трёх Источников (Труафонтен)[919]. Поддерживая точку зрения А. Ходинки, Ф. Макк утверждает, что «Борис только после вступления на престол Белы II, а значит, самое раннее – весной 1131 г., бежал в Византию»[920].

Однако ни один из названных источников не даёт точной даты приезда Бориса в Константинополь, а говорит о Борисе под другим годом, давая краткую справку о его родителях и том, что он *когда-то* приехал из Руси в Византию. Оттон Фрейзингенский делает это в главе 21 книги VII, рассказывая о событиях, происходивших в Венгрии вскоре после смерти Иштвана II (1131)[921], Альбрик пишет об этом же под 1135 г., заимствуя информацию Оттона[922], а Киннам «припоминает» о причинах появления Бориса при дворе Комнинов, описывая войну Мануила I с Гезой II 1151 г.[923] Кроме того, Оттон Фрейзингенский в приведённой выше цитате пишет о том, что Борис появился в Византии не после вступления Белы II на престол, а после *объявления*

---

[918] “Pannonia non longe ante hoc tempus mortuo rege suo Stephano Colomanni filio, qui et ipse dum viveret, cum imperatore Graecorum diutinam dissensionem habuerat, multis itidem incommodes oppressa est. Substituto quipped in regno Bela Almi filio, a Colomanno quondam partier cum patre Almo luminibus orbato, Boricius, qui et ipse Colomanni, sed ex alia quam Stephanus matre, Ruthenorum seu Chyos Regis filia dicebatur, regnum paternum requirit. Proinde in Graeciam transiens, consanguineam sibi imperatoris Kaloiohannis copulavit, …” (*Ottonis episcopi Frisingensis* Chronica sive Historia de duabus civitatibus. P. 342.

[919] *Hodinka A.* Kálmánfi (Kolománovics) Boris // TT. 1889. 425.l.

[920] *Makk F.* Megjegyzések II. Béla történetéhez. 41. l. és 71. jegyz.

[921] *Ottonis episcopi Frisingensis* Chronica sive Historia de duabus civitatibus. P. 342.

[922] *Albrici monachi Trium Fontium* Chronica / Ed. P. Scheffer-Boihorst // MGH SS. T. 23, 1874. P. 831.

[923] *Бибиков М. В.* Византийский историк Иоанн Киннам... С. 52 (текст), С. 63 (пер.).

Белы наследником престола. Всё это не позволяет уверенно утверждать, что внук Владимира Мономаха не мог попасть в Константинополь ранее 1131 г., а значит, не опровергает датировку этого события 1129 г.

Ф. Макк пытался подкрепить точку зрения А. Ходинки анализом внешних и внутренних условий, сложившихся в Византии во время перехода власти в Венгрии от Иштвана II к Беле II. Ф. Макк считает, что «для Византии было бы чрезвычайно неразумным в то время – в 1131–1132 гг. – начинать враждебную акцию против Венгрии, когда, с одной стороны, в самой Византии вспыхнули междоусобицы, борьба партий, в ходе которой трон императора Иоанна многократно подвергался опасности[924], а с другой стороны, на двух самых опасных участках имперских границ – в Малой Азии и на Адриатическом море – соответственно, вследствие экспансии сельджуков и норманнов, сложилось очень опасное положение»[925]. Такую точку зрения высказывал Ф. Макк в одной из своих ранних работ. В своей большой докторской диссертации венгерский исследователь внешне как будто бы несколько смягчил свою позицию, датируя переезд Бориса из Руси в Византию временем «около 1130 г.»[926]. Это, однако, означает отказ Ф. Макка от принципиального утверждения о том, что Борис появился при дворе Комнинов лишь после смерти Иштвана II (1131).

Само решение отправиться в Византию, скорее всего, было принято Борисом под влиянием его окружения, поддерживавшего связь с той частью венгерской знати, которая сочувствовала внуку Владимира Мономаха. Как указывалось выше, «партия Калмана» в конце 1120-х гг. испытывала страх за своё политическое будущее по причине бездетности Иштвана II. Внутри этой придворной группировки, несомненно, были люди, предпочитавшие Бориса, законность появления на свет которого поначалу никто не оспаривал, более дальнему родственнику Калмана Саулу. При Беле II (1131–1141) сторонники

---

[924] Ф. Макк напоминает, что «брат императора, севастократор Исаакий Комнин, как раз в 1130–1132 гг. предпринял много попыток для того, чтобы самому сесть на византийский трон» (*Makk F*. Megjegyzések II. Béla történetéhez. 41. l. és 72. jegyz.).

[925] Ibid. 41. l.

[926] *Makk Ferenc*. Magyar külpolitika (896–1196). 2. kiad. 174. l.

Бориса уже создали собственную «партию», подвергшуюся суровым репрессиям, инициатором которых стала королева Илона. Этот сюжет рассматривается в следующем параграфе настоящей главы. Вряд ли подлежит сомнению тот факт, что ближайшее окружение юного Бориса, надеявшееся занять ведущие государственные посты в случае прихода его к власти в Венгрии, пристально следило за тем, как идет борьба между сторонниками Иштвана II и Алмоша, и сразу же оценило последствия смерти Алмоша (1127) с точки зрения политического будущего Бориса Калмановича. К тому же, как раз в это время василевсу Иоанну II удалось переломить в свою пользу ситуацию в войне с Иштваном II и нанести в 1128 г. сокрушительное поражение венгерскому войску у Харама. При этом не только погиб цвет военного руководства Венгрии, но в руки императора перешла область Срем (*венг*. Серемшег)[927].

На Руси же 1128 г. был отмечен очередной войной с половцами, в которой отказались участвовать полоцкие князья, вступившие в союз с ханом Боняком[928]. Карой за неповиновение киевскому князю стала высылка Давыда Вселавича и его братьев с жёнами и детьми в Византию в 1129 г.[929] Последнее событие, по мнению В. Т. Пашуто, могло помочь Борису Калмановичу оказаться в Константинополе. Предположение историка о том, что Борис «попал туда вместе с караваном, везшим полоцких князей»[930] представляется весьма вероятным. Женитьба Бориса на родственнице Иоанна II Комнина, о которой сообщают хроники Оттона Фрейзингенского и Иоанна Киннама[931], означала, что, не найдя возможности получить поддержку своим планам вступления на венгерский престол у русских князей, Борис и его окружение сделали ставку на Византию. Поскольку между Мстиславом Великим и Комнинами на рубеже 20-х – 30-х годов XII в. сохранялись союзнические отношения[932], вряд ли киевский князь высказал неудовольствие по поводу отъезда племянника в

[927] МТК. I. 104. 1.
[928] ПСРЛ. Т. II. Стб. 290–291.
[929] Там же. Стб. 293.
[930] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 167–168.
[931] *Ottonis episcopi Frisingensis* Chronica sive Historia de duabus civitatibus. P. 342; *Бибиков М. В*. Византийский историк Иоанн Киннам. С. 63.
[932] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 187.

Константинополь. Более того, эта акция Бориса в значительной степени снимала с Мстислава ответственность за судьбу лишённого законных прав на венгерский престол племянника. С. П. Розанов обращает внимание на то, что у Мстислава Великого были родственники в Византии. Историк ссылается при этом на известие Киевского свода (Ипатьевской летописи) под 6630 г. [933] о выдаче Мстиславом замуж дочери за одного из царевичей из рода Комнинов[934]. Правда, вызывает большие сомнения способность воздействия Мстиславны на политику василевса, женой которого она не являлась.

Если исследователи спорят по поводу того, когда Борис Калманович появился в Византии, то у них нет разногласий относительно времени, когда он покинул двор Иоанна II Комнина (1118–1143) и отправился искать военную помощь в Польше: это произошло в 1131 г. Прямых сведений источников на этот счёт у нас нет, но, поскольку военное столкновение между сторонниками Бориса и Белы II уверенно датируется июлем 1132 г., вряд ли Борис мог за полгода переехать из Византии в Польшу, собрать значительное количество воинов на Руси и, дождавшись сбора польского войска, отправиться в поход с армией Болеслава III на Венгрию. Также маловероятно и то, что конкретная деятельность Бориса по поиску военных сил для борьбы за трон началась в 1130 г., поскольку очередное обострение династического кризиса в роде Арпадов произошло именно в 1131 г., когда умер Иштван II. Хотя венгерские хроники описывают смену высшей власти в Венгрии в то время обычной формулировкой (Иштван II «умер в году Господа 1131-м. После него правил Бела Слепой»[935]), приход к власти сына Алмоша знаменовал собой новый этап противостояния придворных партий.

Политическая борьба в Венгрии в 1131–1132 гг. Ф. Макк, воссоздавая картину перехода власти в роде Арпадов от ветви Калмана к ветви Алмоша, обращает внимание на то, что между кончиной Иштвана II и коронацией Белы

[933] ПСРЛ. Т. II. Стб. 286.
[934] *Розанов С. П.* Евфимия Владимировна и Борис Калманович. С. 652.
[935] Chronici Hungarici compositio saeculi XIV // SRH. Vol. I. P. 445–446.

II прошло намного больше времени, чем обычно происходило в предшествующих аналогичных случаях воцарения нового правителя. Он, в частности, пишет по этому поводу: «Согласно утверждению исследователей, Иштван II умер 1 марта 1131 г., а Бела Слепой был коронован 28 апреля 1131 г.[936] Относительно долгий – около двух месяцев – интервал между правлением двух королей сразу же бросается в глаза. Это будет ещё более заметно, если мы примем во внимание, что умершего 3 февраля 1116 г. Калмана Иштван II сменил на троне в феврале 1116 г., а умершего 13 февраля 1141 г. Белу II его сын Геза II – 16 февраля 1141 г.[937] Эти примеры показывают, что заинтересованные группы знати в случае выбора короля обычно не тратили времени, а в течение нескольких дней короновали своего кандидата»[938]. Таким образом, хронисты по каким-то причинам сочли необходимым умолчать о полемике, развернувшейся среди высшей знати Венгрии по вопросу о том, насколько было правильным решение Иштвана II объявить своим наследником слепого двоюродного брата.

Впрочем, по мнению Ф. Макка, рассматривая проблему продолжительности междуцарствия в Венгрии в 1131 г., с большой степенью достоверности можно говорить лишь о дате коронации Белы II, поскольку 28 апреля действительно было вторником, как написано в одном из ранних вариантов Венгерского хроникального свода – кодексе Жамбоки[939]. Что же касается даты смерти Иштвана II, то она весьма условна и никак не совпадает с расчётами хронистов, определивших продолжительность царствования Иштвана II в годах, месяцах и днях[940]. Выше уже говорилось о том, что год прихода к власти Иштвана II по данным Венгерского хроникального свода (1114) не совпадает с венгерским актовым материалом, отсчитывающим годы его правления с 1116 г. Ф. Макк также обращает внимание на глухую информации хроники

---

[936] Ф. Макк ссылается здесь на работы Д. Паулера и И. Ачади (см.: *Pauler Gyula*. A magyar nemzet története azÁrpádházi királyok alatt. I. k. 239. l., 476. l. és 435. jegyz.; *Acsády Ignác*. A magyar birodalom története. I. k. Bp., 1903. 205. l.).

[937] Ссылка на: *Szentpétery Imre*. Okleveltani Naptár. Bp., 1912. 28. l.

[938] *Makk F*. Megjegyzések II. Béla történetéhez. 38. l.

[939] SRH. I. P. 446.

[940] Подробнее об этом см.: *Makk F*. Megjegyzések II. Béla történetéhez… 38–39. l.

Махмуда Терджюмана (*Тарих-и Энгюрюс. Маджар Тарихи*, т. е. «История венгров. Венгерская история»)[941], являющейся переводом на турецкий язык одного из не дошедших до нас ранних венгерских хроникальных сводов[942]. Согласно изложению Махмуда Терджюмана, верховную власть в Венгрии после смерти Иштвана II принял Саул, но и он «спустя короткое время также удалился из мира»[943]. На основании этого пассажа Ф. Макк предполагает, что «Белу Слепого короновали лишь после смерти Саула. Следовательно, допустима – а с другой точки зрения, вероятна – возможность, что вопрос обладания властью в 1131 г. был решён не благодаря милости вождей противоположных лагерей и их сторонников, а в результате столкновения противоборствующих сил»[944].

Безусловно, приход к власти Белы II означал для «партии Калмана» потерю первых позиций в государстве. Однако она всё ещё оставалась серьёзной политической силой при королевском дворе и, разумеется, не намерена была мириться с уготованной ей ролью «статистов», ведомых одержавшими верх оппонентами. Правда, как справедливо отметил Ф. Макк, не все представители «партии Калмана» сохранили прежнюю политическую ориентацию. Как всегда бывает в подобных случаях, наиболее прагматичная часть этой группировки вскоре перешла на сторону победителей[945]. В сложившейся после коронации Белы II обстановке при его дворе у «партии Калмана» осталась лишь одна возможность вернуть былую власть – помочь Борису овладеть венгерским престолом. Однако для этого необходимо было, прежде всего, единство в рядах бывших соратников Иштвана II. Последующие события ярко продемонстрировали, что эта группа знати отнюдь не отличалась монолитностью. К несчастью для партии Калмана жена Белы II Елена (Илона) Урошевна оказалась не только энергичной правительницей, но и дальновид-

---

[941] Ibid. 39. l.
[942] Это название двух различных текстов хроники, первый вариант которой был составлен в XVI в. Она издана в переводе на венгерский язык. См.: A magyarok története. Tarih-i Üngürüsz. Madzsar Tarihi. Ford. *Blaskovics József*. Bp., 1982.
[943] Ibid. 250. l.
[944] *Makk F*. Megjegyzések II. Béla történetéhez… 39. l.
[945] Ibid. 42–43. l.

ным политиком. Фактически она стала полноправной соправительницей своего мужа. Особенно ярко это проявилось на созванном в 1132 г. [946] в Араде[947] государственном собрании, ставшим одним из самых драматичных в венгерской истории[948].

Вот как описывает это событие Венгерский хроникальный свод: «В его (Белы II. – *М. Ю.*) правление королева Елена по совету короля и магнатов созвала в стране государственное собрание возле Арада. В день этого собрания, когда король сел на свой королевский трон, пришла со своими сыновьями королева и села возле короля. Она обратилась ко всему народу: «Слушайте все вассалы, знать, старцы и юноши, богатые и бедные. Каждому из вас Бог дал от природы зрение. Хочу услышать, почему господин ваш[949] лишён своих глаз, король, по замыслу каких людей это случилось? Откройте мне это теперь и верно накажите их на этом самом месте, для нас покончив с ними. Ведь дал Господь нашему королю за два глаза четырёх сыновей». После этих слов весь народ бросился на тех магнатов, по совету которых был ослеплён король, и некоторых из них связали, а других обезглавили. Там жестоко убили 68 светских лиц, а всех их наследников, как мужчин, так и женщин, в тот же день внесли в списки. Все их владения были разделены между кафедральными церквями»[950].

---

[946] Поскольку источники не дают точную дату этого события, некоторые исследователи считают, что Арадское собрание состоялось вскоре после коронации Белы II – в 1131 г. (см. МТК. I. 105. l.). Однако, судя по контексту рассказа Венгерского хроникального свода об этом событии, оно произошло накануне битвы войска Белы II с отрядами, приведёнными Борисом, на р. Шайо, т. е. в 1132 г.

[947] Историки также спорят по поводу того, в каком именно Араде происходило это государственное собрание – в центре одноимённого комитата на юго-востоке страны или в деревне Арад, находившейся в комитате Унг, центром которого был Унгвар (соврем. Ужгород – центр Закарпатской области Украины). Некоторые исследователи считают, что угроза нападения Бориса с северо-востока побудила Белу II созвать государственное собрание в комитате Унг, близ угрожаемой части венгерской границы. Обзор мнений см.: *Johannes de Thurocz.* Chronica Hungarorum. II. Commentarii. 1. Ab initiis usque ad 1301. P. 448–449.

[948] В 1912 г. на страницах венгерского исторического журнала «Századok» [«Столетия»] прошла дискуссия, в ходе которой были высказаны основные точки зрения по различным аспектам изучения «кровавого» Арадского собрания. См.: *Angyal D., Domanovsky S., Erdélyi L., Karácsonyi J., Márki S.* Az aradi „véres" országgyűlés // Sz., XLVI (1912). 773–782. l.

[949] Это притяжательное местоимение (*vester*) употреблено в кодексе Жамбоки, в то время как в списках семейства Венской или Иллюстрированной хроники здесь стоит слово *noster* ('наш').

[950] "Quo regnante regina Elena habito consilio regis et baronum fidelium fecit congregationem generalem in regno iuxta Arad. Illa igitur die dicte congregationis, dum rex 'sedisset super solium' regni sui, venit regina cum filiis suis et sedit circa regem. Dixit autem ad populum universum: „Omnes fideles, nobiles, senes et iuvenes, divites ac pauperes, audite. Cum cuique vestrum Deus visum dederit naturalem, volo audire, cur dominus vester rex suis oculis sit privatus et quorum consilio hoc sit actum? modo mihi propalate et eos fideliter in hoc loco vindicantes, nobis de ipsis finem date. Ecce enim Deus regi vestro (*V.* nostro) pro duobus oculis dedit quatuor". Facta igitur hac voce irruit

Так «партии Калмана» был нанесён первый мощный удар, жертвами которого стали наиболее знатные представители этой политической группировки, некогда ближайшие соратники Калмана Книжника. В новых условиях у оставшихся в живых оппозиционеров была лишь одна альтернатива: либо «раствориться» в рядах своих противников, где они вряд ли могли рассчитывать на близость к трону, либо сделать всё возможное для возведения на престол Бориса Калмановича. Последний как раз в это время, перебравшись из Византии в Польшу, начинает военные приготовления к походу в Венгрию, о чём, несомненно, было хорошо известно не только его венгерским сторонникам. Ф. Макк так характеризует общую ситуацию внутри этой группы знати: «По отношению к военной акции Бориса тогдашняя партия Калмана не имела единой позиции. Несомненно, что в полной мере Бориса поддерживали те представители партии Калмана, которые призвали его в страну, потом они в большом количестве присоединились к войску претендента на престол. Это те, кто могли быть тогда самыми последовательными представителями политической линии Калмана и Иштвана II. Их открытое выступление на стороне Бориса – важнейшее тому доказательство»[951].

Таким образом, отсутствие единой позиции у «партии Калмана» по отношению к Борису позволило их политическим противникам, объединившимся вокруг Белы II, нанести противоположной стороне такой чувствительный удар, который во многом предопределил крах попытки Бориса захватить венгерский трон в 1132 г. Однако это был лишь первый акт нового витка борьбы между двумя придворными группировками. Главные сражения были впереди, а пока «партия» Алмоша закрепила за собой стратегическую инициативу и вскоре постаралась использовать свое лидирующее положение для нанесения нового удара по противнику. Истребление соратников Калмана Книжника, обвинённых в ослеплении короля и его отца, окончательно убедило ос-

---

omnis populus super illos barones, quorum consilio rex obcecatus fuerat et quosdam ex ipsis ligaverunt, quosdam vero detruncaverunt. Sexaginta autem et octo prophanos ibidem crudeliter occiderunt et omnes successores eorum, tam viri quam mulieres eodem die sunt registrati. Insuper illorum omnis possessio ecclesiis cathedralibus divisa...” (Chronici Hungarici compositio saeculi XIV, cap. 160 // SRH. Vol. I. P. 446–447).

[951] *Makk F.* Megjegyzések II. Béla történetéhez... 42. l.

тавшихся в живых представителей оппозиции в том, что Борис является их последним символом, вокруг которого следует сплотиться всем недовольным режимом Белы II. Судя по характеру повествования Венгерского хроникального свода, сразу же после «арадской кровавой бани» противники короля сделали ставку на Бориса. Глава 161 «Композиции венгерских хроник XIV в.» сообщает по этому поводу следующее: «Так как венгры всегда в преступном волнении как солёное море, то сыновья Левиафана обратились через вестников к прелюбодейному Боричу, чтобы он пришёл и с их помощью отстоял себе королевство. При этом они думали, что он сын короля Калмана»[952].

Цитированный отрывок имеется лишь в списках семейства Венской или Иллюстрированной хроники, в более раннем кодексе Жамбоки и близких к нему рукописях после рассказа об арадском собрании сразу же следует итоговая фраза о правлении Белы II, в которой сообщается о продолжительности его пребывания на престоле[953]. Как видно из приведённого отрывка, хронист явно сочувствовал «партии» Алмоша, и для него не было сомнений в том, что Калман не является отцом Бориса. В то же время автор данного сюжета, скорее всего, достоверно передал рождение легенды о «незаконнорожденности» Бориса. Отсутствие такого подробного рассказа в более ранних вариантах Венгерского хроникального свода подтверждает мнение исследователей о том, что «сюжетная линия» об измене Евфимии Владимировны мужу и последствиях этой измены была вставлена позже в исторические сочинения королевства Венгрии (см. выше).

Судя по описанию в Венгерском хроникальном своде дальнейших событий, произошедших в первой половине 1132 г., Борису удалось достаточно быстро собрать войско. Это подтверждают фразы главы 161, следующие за той, на которой было прервано цитирование: «Обратившись к помощи рус-

---

[952] “Quia vero Hungari simper fluctuant iniuria, sicut mare salsum, filii namquue Leviatan per nuncios invitabant Borith adulterum, ut veniret et eorum adiutorio regnum sibi vendicaret, credentes ipsum esse filium regis Colomani” (Chronici Hungarici compositio saeculi XIV // SRH. Vol. I. P. 447–448).

[953] Ibid. P. 452. В списках семейства Венской или Иллюстрированной хроники это уже глава 163.

ских и поляков, Борич прибыл к границе Венгрии к ровному месту, которое называется Шайо. Собрав войско, король шёл ему навстречу»[954].

Река Шайо берёт свое начало в гористом комитате Гёмёр и впадает в Тису в равнинной местности соседнего комитата Боршод. Как видно из цитированного отрывка, битва между армиями Белы II и Бориса произошла на землях Боршода, скорее всего, на знаменитом Мухском поле, где в 1241 г. потерпело поражение венгерское войско короля Белы IV, выступившее против орд Бату-хана. Хронист не совсем точен, поскольку к 1132 г. эта местность уже не была приграничной, снаружи её прикрывал ряд комитатов, непосредственно примыкавших к польской и русской границе. Географическое расположение Боршода наталкивает на мысль о том, что русские и польские отряды прибыли на битву с Белой II порознь: русские – через Верецкий перевал, а поляки – прямым путём через область Спиш (*венг*. Сепеш).

Ситуация в Венгрии в момент военного столкновения между Белой II и Борисом была весьма тревожная. Истребление тех, кто был причастен к ослеплению Алмоша, Белы и их ближайших соратников, побудило сторонников Бориса открыто объявить о своем политическом выборе и присоединиться к собранному претендентом польско-русскому войску. Причём произошло это, судя по рассказу Венгерского хроникального свода XIV в., во время марша королевского войска на битву с Борисом. Названный источник сообщает по этому поводу следующее: «Очень многие из знатных склонились на сторону Борича. Венгерскую знать позвали на совещание к королю. Король спросил, знают ли они, кто [такой] Борич, от прелюбодеяния он или сын короля Калмана. Верные королю люди ответили, что они твёрдо знают о происхождении Борича от прелюбодеяния и что он совсем не достоин королевской короны. Неверные и противники ворчали в своей среде неопределённое и, колеблясь, топтались между обеих сторон. Король же и его советники, насколько от них зависело, отделили козлят от ягнят и твердо постановили там

[954] “Borith itaque ascito Rutenorum Polonorumque auxilio venit in confinium Hungarie, in directo loco, qui dicitur Seo. Rex autem collecto exercitu ibat obviam ei” (Ibid. P. 448).

же казнить предателей, чтобы, если это будет отложено, предатели не перешли случайно на сторону Борича и это не обратилось бы во вред государству»[955]. Далее повествуется о том, как были казнены наиболее видные из уцелевших после арадской «кровавой бани» представителей оппозиции[956].

События политической борьбы в Венгрии, происшедшие между арадским государственным собранием и сражением на р. Шайо, также подробно проанализированы в неоднократно цитировавшейся выше статье Ф. Макка. Главным выводом историка является признание того, что разношёрстная «партия Калмана» пережила в 1132 г. настоящий разгром, приведший к полному разброду в её рядах. Часть видных членов этой придворной группировки «не стояла на стороне Бориса и не колебалась между Борисом и Белой, а, повернувшись спиной к прежним соратникам, … однозначно встала на сторону Белы и хотела приятными королю поступками получить милость от нового правителя»[957]. Несмотря на проведённое в 1132 г. (до битвы с армией Бориса) двукратное истребление знати, входившей в «партию» Калмана, её ряды оставались ещё достаточно многочисленными. Более того, сторонники Бориса в Венгрии попыталась развязать в стране гражданскую войну, чтобы облегчить своему ставленнику захват престола. Бежавшие от жестокой расправы, учинённой над их лидерами, «предатели разошлись в разные стороны и, собрав свои силы, хотели напасть на короля. Однако верные выступили против них. Главой предателей был Тиодор из рода Симад, а также Фольк, Тит и особенно Самсон. Самсон, отец ишпанов Тамаша и Турдо, предлагал идти встретиться с королём и подвергнуть его оскорблению перед многими. Это предложение все одобрили. Соблазнённый пустой надеждой, Борич

---

[955] “Plurimi autem ex nobilibus in partem Borithi cesserant. Proceres autem Hungariae vocati sunt ad colloquendum cum rege. Interrogavit autem eos rex, si scirent Borichium adulterum esse vel filium regis Colomanni? Fideles autem regni responderunt, quod indubitanter scirent Borithium esse adulterum et nullatenus dignum iam esse corona regis. Infideles autem et contradictores musitabant incerta et titubantes in duas partes claudicantes. Rex autem et consiliarii eius, quantum in ipsis erat, segregaverunt edos ab agnis et firmiter statuerunt, ut ibidem interficirent proditores, ne forte, si ditius different, traditores transferrent se ad Borich, ex hoc regni ne verteretur in periculum” (Ibid. P. 448).

[956] Ibid. P. 448–449.

[957] *Makk F.* Megjegyzések II. Béla történetéhez… 44. l.

весьма его благодарил и не скрывал, что начал выполнять это, думая путём оскорбления короля получить королевство»[958].

Все происшедшие после арадского собрания события, представлявшие собой кровавую борьбу за власть, которую продолжали между собой «партии» Калмана и Алмоша, имели место, скорее всего, в конце весны – начале лета 1132 г., во время движения венгерского королевского войска к месту будущего сражения на реке Шайо. Самсону удалось проникнуть в шатер Белы II и публично оскорбить короля. Окружение монарха вначале было шокировано выходкой Самсона, что позволило ему благополучно покинуть шатёр своего правителя, однако, в конечном счёте, зарвавшегося магната настигла погоня, и он был убит[959].

Разгром собранного Борисом войска на реке Шайо. Во время грубой выходки Самсона «Борис с большим множеством русских и поляков разбил лагерь рядом с королём. Знать королевства Венгрии послала к русскому и польскому князьям, шедшим на помощь Боричу, сказать: «Не подобает вам вопреки справедливости требовать королевство для прелюбодейского человека. Мы знаем, что по праву власть должна быть у Белы, и он правит с согласия всей страны». Услышав это, князья Руси и Польши отказались помогать Боричу и вернулись каждый в свою страну. Борич же с массой своих людей пошёл сразиться с королём. Полагаясь на Божий совет и помощь, король разгромил в сражении всю силу Борича и мечом обратил его в бегство. Окружив смертельным кольцом войско поляков в праздник Марии Магдалины, он получил их доспехи и вернулся с большой победой»[960].

---

[958] „Residui vero ex traditoribus secesserunt in partes et collectis viribus suis volebant regem invadere. Fideles autem occurrerunt eis. Erat autem caput traditorum Tyodor de genere Symad et Folcus et Tytus et precipuus Sampson. Laudavit autem Sampson, qui erat pater comitum Thomas et Turda, quod iret in conventum regis et ipsum coram multis vituperaret. Quo audito omnes laudaverunt, et ipse Borich inani spe seductus grates ei magnas retulit, et quod inceperat, hoc adimplere non simulavit putans enim de vituperatione regis regnum habere" (Ibid. P. 449–450).

[959] SRH. I. P. 450–451.

[960] "Borith autem cum magna multitudine Rutenorum et Polonorum castra metatus est prope ad regem. Proceres autem regni Hungarie miserunt ad ducem Rutenorum et Polonorum, qui pro Boricho venerant, dicentes: "Non decet vos contra iustitiam querere regnum homini adulterino, nos enim scimus, quod de iure regnum habere debeat Bela, et ipse regnat cum consensus totius regni". Hiis auditis duces Ruscie et Polonie destiterant amplius adiuvare

Так описывает и оценивает события, происшедшие 22 июля 1132 г., в день св. Марии Магдалины, Венгерский хроникальный свод в списках «семейства» Иллюстрированной хроник. Поскольку активным сторонником Бориса был польский князь Болеслав III Кривоустый, события военной акции Бориса Калмановича против Белы II должны были отразиться в сочинениях польских хронистов. Однако последние не только не сообщают никаких сведений относительно похода польского войска в Венгрию в 1132 г., но и вообще демонстрируют полное незнание Бориса Калмановича как исторического персонажа. Так, в хронике Винцентия Кадлубка (III, 22) содержится рассказ о некоем «Паннонце», бежавшем к Болеславу III и получившем от польского князя назначение на должность префекта пограничного польского города Вислицы. Согласно Кадлубку, «Паннонец» был послан в Польшу Владаридом (так хронист называет Владимира Володаревича), чтобы помочь покровительствовавшему ему князю захватить названную крепость[961]. Хотя никаких серьёзных оснований отождествлять неизвестного «паннонца» с Борисом Калмановичем у нас нет, польская исследовательница Б. Кюрбис видит в этом сюжете намёк на события 1132 г.[962] Историки совершенно справедливо не поддержали эту гипотезу. Вообще вся глава 22 книги III хроники Винцентия Кадлубка имеет назидательный характер и начинается с «морали» о том, что лучше поздно познать хитрость и коварство, чем никогда[963]. Повествование о коварном венгре играет здесь роль яркого примера, подтверждающего «мораль». Что же касается в целом эпизода о сдаче Вислицы Владимиру Володаревичу, то он, по мнению исследователей, относится к более позднему времени и поэтому будет рассмотрен ниже.

Более ценными являются сведения, сообщаемые чешским источником – Продолжением хроники Козьмы Пражского, автора которого принято назы-

---

Borichoni et reversi sunt singuli in suas provincias. Borith autem cum multitudine populorum venit pugnare contra regem. Rex autem divino fretus auxilio contrivit omne robur Borichi in prelio et fugavit illum in gladio, ‘conclusit’ exercitum Polonorum ‘in morte’ in ipsa festivitate Marie Magdalene, accipiens spolia eorum et reverses est cum magna victoria” (Ibid. P. 451–452).

[961] *Magistri Vincentii* Chronicon Polonorum // MPH. II. P. 354–356. См. также: *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 89–90 (текст), С. 102 (пер.).

[962] *Mistra Wincentego* Kronika Polska. S. 161 i przyp. 128.

[963] *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 102.

вать Каноником Вышеградским[964]. Правивший в это время в Чехии князь Собеслав I (1125–1140) был женат на сестре Белы II Аделаиде. Узнав о вторжении польско-русского войска Бориса в Венгрию, Собеслав напал 18 октября на принадлежавшую Польше Силезию[965], помешав Болеславу III Кривоустому оказать эффективную помощь внуку Владимира Мономаха. О боевых действиях между Белой II и Борисом Каноник Вышеградский сообщает следующее: «Князь польский с бесчисленным войском отправился в Венгрию с намерением изгнать слепого короля, который именовался Белою, и посадить на троне, против воли венгров, сына Коломанова… Но его намерение было разрушено божественным Провидением, потому что слепой король вышел навстречу с своим войском, и Болеслав, поражённый вместе со своими страхом, обратился в бегство; венгры, преследуя его, убили многих»[966].

Как видно из приведённой цитаты, чешский хронист имел лишь самые общие сведения о событиях, происшедших в 1132 г. на р. Шайо. Приводимая им дата нападения Собеслава I на Силезию – 18 октября – свидетельствует о том, что эта военная операция началась почти три месяца спустя после разгрома русско-польской армии Бориса. В. Г. Васильевский и С. П. Розанов считают, что и сама битва на р. Шайо произошла в октябре[967], но венгерские исследователи единодушно называют датой этого сражения 22 июля 1132 г.[968], что в бóльшей мере соответствует общей картине политической борьбы в Венгрии во время утверждения на престоле Белы II, а также подтверждается свидетельством Венгерского хроникального свода. Таким образом, основным источником для выяснения подробностей первого похода Бориса против Белы II остается «Композиция венгерских хроник XIV в.». Поскольку автор

---

[964] *Canonici Wissegradensis* continuatio Cosmae. См. также: Fontes rerum Bohemicarum (FRB). T. II. Praha, 1874.

[965] „Interea dux Sobezlaus – Poloniam cum exercitu suo 15 Kal. Novembris intravit, totamque partem illis regionis, quae Slezko vocatur, penitus igne consumpsit" (*Canonici Wissegradensis* continuatio Cosmae. P. 138).

[966] „Eodem anno dux Polonorum cum infinito exercitu in Ungariam profectus est, volens filium Colomanni, expulso rege coeco, qui vocatur Bela, invitis ungaris, intronizare… Sed ejus propositum divina Providentia destruxit, nam coecus rex cum exercitu suo ei occurrit et Bolezlaus cum suis perterritus, expectata nocte, fugam iniit, quem Hungari insecuti multos in ipsa fuga interfecerunt (Ibid.). Русский перевод дан по: *Васильевский В. Г.* Труды. Т. IV. С. 84.

[967] Там же; *Розанов С. П.* Указ. соч. С. 656–657.

[968] См.: *Pauler Gy.* A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt. 243.l.; *Hóman B. és Szegfű Gy.* Magyar történet. I. k. 670. l.; SRH. I. P. 451 (примеч. на полях); *Kristó Gy.* A korai feudalizmus. 1190.l.; MTK. 105. l. и др.

этого сюжета, несомненно, стоял на стороне партии Алмоша и потому называл представителей противоположной политической группировки «предателями», его повествование является в значительной степени тенденциозным. В связи с этим представляет большие трудности определить, кто из русских князей поддерживал в рассматриваемом конфликте Бориса Калмановича.

Этот вопрос уже давно поднимается отечественными исследователями. Первым его поставил Н. М. Карамзин. Он, в частности, писал по этому поводу: «Владимирко – то враг, то союзник венгров – участвовал также в войне Бориса… с королем Белою Слепым»[969]. В примечании к этой фразе историк ссылается на труд Д. Прая «Анналы королей Венгрии»[970] и от себя добавляет: «Сия война была в первый год Ярополкова княжения, т. е. 1132. Владимирко, оставив Бориса, скоро объявил себя союзником Белы и ходил разорять Польшу с герцогом Богемским (см. Прая Ann. кн. II, С. 127…)»[971]. Скорее всего, под влиянием Карамзина об участии Владимира Володаревича в первом походе Бориса в Венгрию писали галицкие историки XIX в. Д. Зубрицкий и И. Шараневич[972].

Однако никаких конкретных данных источников на этот счёт у нас нет. С. П. Розанов по этому поводу замечает: «В 1132 г. фигура Владимирка на военно-политической арене была уже настолько крупной, что его участие в походах Болеслава и Бориса непременно было бы отмечено, да при участии его, вождя и несомненно не без таланта и во всяком случае уже опытного, поход Бориса не кончился бы так печально»[973]. Рассуждения подобного рода являются во многом умозрительными, прежде всего, потому, что об участии Владимира Володаревича в войнах на стороне Белы II нам известно лишь из напоминания об этом галичского князя незадолго до смерти сыну слепого короля – Гезе II. Киевская (Ипатьевская) летопись передает под 6660 г. слова Владимирка, обращенные к Гезе II: «о(те)ць твои бяше слѣпъ, а язъ о(т)цю

[969] *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. II–III. С. 115.
[970] *Pray G.* Annales regum Hungariae … T. II. P. 125.
[971] *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. С. 299 и примеч. 271.
[972] *Зубрицкий Д.* История древнего Галичско-Русского княжества. С. 55; *Шараневич И.* История Галицко-Владимирской Руси. Львов, 1863. С. 37.
[973] *Розанов С. П.* Евфимия Владимировна и Борис Калманович. С. 654.

твоему досыти послужилъ свои*м* копиемъ и своими полкы за его обиду и с Ляхы ся есмь за нь билъ…»[974]. Эта фраза находится в отрывке, повествующем о событиях 1152 г., когда Владимир потерпел поражение и был окружён войсками враждебной коалиции, одним из участников которой стал венгерский король, сын Белы II. В данном случае Владимир Володаревич имел в виду его походы на Польшу в 1133–1135 г.

С. П. Розанов, по моему мнению, явно преувеличивает политический вес Владимира Володаревича в 1132 г. и его способность обеспечить победу Борису в борьбе с Белой II. Мне представляется, что до 1141 г., когда Владимиру удалось объединить в одну волость всё наследие Ростиславичей, его роль в междукняжеских отношениях была достаточно скромной. Маловероятным выглядит и утверждение венгерского историка XIX в. Флориана Матяша, считавшего, что Владимир «князь Галиции помогал Беле II в момент борьбы последнего с Борисом и поляками на реке Шайо»[975]. Спорным здесь является прежде всего титулование Владимира галичским князем. Кроме того, возникает закономерный вопрос: почему венгерский хронист, первым описавший битву на р. Шайо, упомянул о приходе русской дружины к Борису и ничего не сообщил об аналогичной помощи Беле? Скорее всего, в рядах войска последнего в 1132 г. русских воинов не было.

Таким образом, следует признать крайне маловероятным высказанное Н. М. Карамзиным мнение, что Владимир Володаревич уже в 1132 г. проявил себя как непостоянный союзник, предавший Бориса и переметнувшийся на сторону Белы II. По-видимому, автор «Истории государства Российского», исходил в данном случае из летописного образа беспринципного политика, каковым предстает Владимир в последние годы жизни, считая, что он всегда был таким. Даже если это соответствует действительности, нет никаких оснований приписывать ему предательское бегство из армии Бориса. Кроме того, хорошо зная труды Д. Прая, Н. М. Карамзин фактически опирался на све-

[974] ПСРЛ. Т. II. Стб. 450.
[975] *Mátyás Florián.* Chronica Hungarorum. Lipsiae, 1883. T. II. P. 271.

дения главы 161 Венгерского хроникального свода, хотя непосредственно не пользовался им. В приведённой выше цитате из этой главы упоминаются «польский и русский князья», которых послы Белы II убедили в том, что Борис родился от прелюбодеяния, после чего каждый из них вернулся в свою страну. Правда, при этом непонятно, каких поляков войско Белы II взяло в окружение в ходе битвы с отрядами, оставшимися верными Борису.

Данное место средневековых венгерских хроник представляется весьма тёмным, что позволяет выдвигать различные предположения по поводу того, кто именно мог возглавлять польские и русские отряды, пришедшие с Борисом на р. Шайо. При этом можно с большой долей уверенности заявить, что точка зрения Н. М. Карамзина не подтверждается в рассматриваемом отрывке, поскольку хронист свидетельствует не о переходе русского князя на сторону венгерского короля, а о его возвращении на родину. Исходя из вышеизложенного, можно сделать предположение о том, что Владимир Володаревич участвовал в войнах Белы II с Борисом 1133–1135 гг., которые рассматриваются в следующем параграфе настоящей работы, но не в 1132 г. на р. Шайо.

С. П. Розанов, анализируя известия главы 161 Венгерского хроникального свода, считает, «что у хрониста не было точного представления о высшем командном составе Борисова войска, а термины dux, duces употреблены им в общем значении вождей. В действительности всего вероятнее, никаких русских князей и не было, я разумею, конечно, князей, владевших княжествами. Борис мог только собрать войско путём найма, что в то время было очень легко: в условиях постоянных войн и набегов, мешающих земледелию, и при отсутствии развитой промышленности в городах, мирная жизнь была узкая, и много было свободного и безработного народа, вынужденного продаваться любым богатым предпринимателям, а среди последних в то время главный спрос был на людей ратных»[976]. Более кратко выразил мысль о том, что вы-

[976] *Розанов С. П.* Евфимия Владимировна и Борис Калманович. С. 654.

ражение «помощь русских» может означать отдельных личностей – сторонников Бориса – венгерский историк Б. Хоман[977].

Рассуждения С. П. Розанова представляются интересными, однако отнюдь не исключающими того, что русская рать пришла под командованием одного из князей. Перечисление хронистом имён наиболее яростно сражавшихся воинов Белы II и взятых ими в плен знатных сторонников Бориса убеждает в том, что автор этого отрывка, по крайней мере, был современником описываемых событий, если не их участником. Поэтому из его повествования можно с большой долей уверенности сделать вывод о том, что кто-то из русских князей всё же приходил со своей дружиной на помощь Борису Калмановичу, но, не вступая в битву, вернулся на родину, убеждённый доводами венгерской знати из окружения Белы II о незаконнорожденности сына Евфимии Владимировны. Предположение С. П. Розанова о том, что венгерский хронист не имел «точного представления о высшем командном составе Борисова войска»[978] выглядит малоубедительным.

Кто из русских князей хотел оказать Борису военную помощь в 1132 г.?

Мы можем достаточно твердо заявлять о том, что Мстислав Великий не принял участия в событиях на р. Шайо. С. П. Розанов пытается объяснить отказ киевского князя помочь племяннику Борису в 1132 г. психологическими причинами: «Как и следовало ожидать, на Руси Борис не получил нужной помощи. Имея несомненно темперамент очень живой, он не был в то же время наделён тем сильным активным характером, какой обычно импонирует людям и создает вокруг себя соответствующие силы. Поэтому понятно, что он не в состоянии был вызвать в умном князе Мстиславе, единственном близком к нему и в то же время сильном князе, желания затеять ненужную для Руси и в то же время ненадёжную борьбу с Венгрией»[979].

---

[977] *Hóman B. és Szegfű Gy.* Magyar történet. I. k. 367. l.
[978] *Розанов С. П.* Евфмия Владимировна и Борис Калманович. С.654.
[979] Там же. С. 653.

Безусловно, рассуждения подобного рода всегда выглядят шаткими. Следует также учитывать, что собирание Борисом сил для войны с Белой II началось в последние месяцы жизни Мстислава Владимировича и закончилось уже после смерти киевского князя. Вряд ли в то время Мстислав мог думать о подготовке военной операции, тем более за пределами Руси. Однако самым важным аргументом в пользу того, что Мстислав Владимирович не мог поддерживать Бориса в его притязаниях на верховную власть в Венгрии, было нахождение на венгерском престоле в то время законного государя Иштвана II (1116–1131), который был старшим братом Бориса. В связи с известием Венгерского хроникального свода о приходе вместе с Борисом некого русского князя представляется целесообразным проанализировать в целом ситуацию на Руси в то время. Если отказаться от чисто умозрительного утверждения о том, что этим князем мог быть только Владимир Володаревич, быстро оставивший Бориса, то обнаружится, что у лидера «партии Калмана» оставалось достаточно много близких родственников на Руси.

Поскольку Борис был внуком Мономаха, каждый из сыновей Владимира Всеволодича приходился ему родным дядей по матери («уем»). При этом первые 14 лет после смерти отца Мономашичи находились на самом престижном киевском княжении. Как раз в 1132 г. произошла смена князя в Киеве. 15 апреля ушёл из жизни Мстислав Великий, а уже через два дня его место занял Ярополк Владимирович (1132–1139)[980]. В то время была ещё жива их сестра Евфимия, которая вполне могла помогать сыну в поисках военных сил на Руси, общаясь со своими братьями. В связи со сменой власти в Киеве в год битвы на р. Шайо мы должны исключить отождествление с неизвестным русским князем не только Мстислава, но и Ярополка Владимировича, которому необходимо было время для того, чтобы укрепить своё положение в южной Руси. Однако на этот раз перевод Всеволода Мстиславича из Новгорода в Переяславль вызвал недовольство его дяди Юрия (Долгорукого), также желавшего утвердиться на юге. Конфликт Ярополка и Андрея

[980] ПСРЛ. Т. II. Стб. 294.

Владимировичей с Юрием Долгоруким из-за переяславского княжения закончился тем, что старший брат «выведе» младшего из Переяславля «хр(е)*с*(т)ьнаго ради цѣлованья»[981]. Таким образом, Юрия Долгорукого мы также должны исключить из списка тех, кто мог прийти на помощь Борису в 1132 г. Представляется маловероятным, чтобы в роли союзника Бориса Калмановича выступил его дядя Вячеслав Владимирович, который в то время по решению братьев сменил столы в Турове и Пинске на переяславское княжение[982].

В. А. Кучкин, полемизируя с А. В. Назаренко по вопросу о том, сколько жён было у Владимира Мономаха и каких детей родила ему каждая из них, отмечает, что между последним ребёнком, родившимся у Владимира от первой жены Гиты (скорее всего, это был Вячеслав), и первым ребёнком, рождённым его неизвестной по имени второй супругой (скорее всего, это был Юрий) прошло 15–17 лет[983]. В связи с этим потомство Мономаха чётко разделялось на два поколения, внутри которых, естественно, были более тесные родственные связи, чем между представителями разных поколений. Евфимия Владимировна была дочерью Мономаха от второго брака.

Учитывая это, можно с большой долей уверенности предположить, что князя, выступившего в 1132 г. на помощь Борису Калмановичу, следует искать среди родных, а не сводных братьев его матери. Их, как считают А. В. Назаренко и В. А. Кучкин, было трое – Юрий, Роман и Андрей[984]. Как указывалось выше, Юрий не мог оказать помощи племяннику в рассматриваемое время. Что касается Романа, то его к тому времени уже давно не было в живых: он умер 6 января 1119 г.[985] Таким образом, наиболее вероятным князем, пришедшим на помощь Борису Калмановичу на р. Шайо, остаётся Андрей

---

[981] Там же. Т. I. Стб. 301; Т. II. Стб. 294–295.

[982] Там же. Т. I. Стб. 302. Переяславцам в 1132 г. несколько раз меняли князя. Вячеслав Владимирович так же, как и его непосредственные предшественники, ненадолго задержался в Переяславле.

[983] *Кучкин В. А.* Чудо св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Россия в средние века и новое время. Сб. статей к 70-летию члена-корр. РАН Л. В. Милова. М., 1999. С. 60.

[984] *Назаренко А. В.* Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого // Отечественная история, 1993, № 2. С. 69; *Кучкин В. А.* Чудо св. Пантелеймона… С. 56.

[985] ПСРЛ. Т. II. Стб. 285. Лаврентьевская летопись даёт другую дату смерти Романа – 15 января, но более достоверной представляется датировка Ипатьевской летописи. См.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 127.

Владимирович Добрый – самый младший из родных братьев Борисовой матери, находившийся с 1119 г. на княжении во Владимире-Волынском. Непосредственное соседство волости Андрея с Польшей и отсутствие сведений источников о том, что у этого князя были конфликты с Болеславом III Кривоустым, позволяют предположить, что между двумя правителями сложились добрососедские отношения.

Владения Андрея Владимировича находились также и недалеко от границы с Венгрией, с которой у Болеслава III была в то время вражда, вызванная внезапным вторжением на польскую территорию войска венгерского короля Иштвана II в 1126 или 1127 г. Это также могло стать одной из причин прихода дружины владимиро-волынского князя на р. Шайо в 1132 г., в рамках поддержания союзнических отношений с Болеславом III. Перемены в политической жизни, вызванные приходом к власти в Киеве Ярополка Владимировича, не коснулись Андрея. До начала 1135 г. он занимал владимиро-волынский стол, а с весны 1135 г. – переяславский, не участвуя в годы киевского княжения Мстислава Великого (1125–1132) в междоусобных конфликтах, за исключением общекняжеского похода на Полоцк в 1127 г. В отличие от Владимира Володаревича, чьи неутомимость и коварство отмечает и польский хронист Винцентий Кадлубек (см. ниже), Андрей Владимирович, скорее всего, был князем более спокойным и не склонным к организации военных авантюр. Вплоть до смерти в 1139 г. Ярополка он, по свидетельству летописей, помогал старшему брату в борьбе с зачинщиками междоусобиц[986]. Однако Андрей дал отпор попыткам утвердившегося в Киеве в 1139 г. Всеволода Ольговича перевести его из Переяславля на княжение в Курск, бывший в то время центром второстепенной волости[987], и умер переяславским князем в 1142 г.[988]

Всё это позволяет предположить, что Андрей Добрый строго придерживался норм междукняжеских отношений, разделяя сложившиеся в роде Рю-

[986] ПСРЛ. Т. I. Стб. 303–306; Т. II. Стб. 295, 297, 298.
[987] Там же. Т. I. Стб. 307; Т. II. Стб. 305.
[988] Там же. Т. I. Стб. 309; Т. II. Стб. 309. О датировке события см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 139.

риковичей представления о княжеской чести и справедливости. Поэтому вполне возможно, что представители «партии» Алмоша смогли убедить его какими-либо вескими аргументами в законности избрания Белы II на престол, представив бежавшую к Борису знать изгоями, отвергнутыми венгерским обществом.

Мнение о том, что в 1132 г. «в войско Болеслава III и Бориса могли прибыть отряды из Владимира-Волынского», неоднократно высказывала в своих работах М. Фонт[989]. При этом, указывая на то, что Андрей Владимирович был дядей Бориса, исследовательница также приводит второй аргумент в пользу этой точки зрения – «политическая практика Галича, которая учитывала оппозицию Киева и Волыни»[990]. Таким образом, М. Фонт видит в событиях, связанных с попытками возведения на венгерский престол Бориса Калмановича, в том числе и отражение междукняжеской борьбы за юго-западную Русь, шедшей в первой половине XII в. между Мономашичами и потомками Ростислава Владимировича. Единственным недостатком этой по сути верной точки зрения является преувеличение роли Галича, который в 1132 г. ещё не был крупным княжеским центром. Ф. Макк уверенно пишет о том, что «у Бориса была русская помощь в лице волынского князя Андрея, который отчасти из-за наличия родственных связей, а отчасти из-за того дал герцогу вспомогательные отряды, что с 1123 г. отношения между Волынью и Венгрией были враждебными»[991].

А. Б. Головко вопреки господствующей в историографии точке зрения утверждает, что союзником Бориса в его борьбе с Белой II был Ростислав перемышльский, поскольку враждебный ему Владимир поддерживал венгерского короля. При этом украинский историк приписывает все известия хроники Винцентия Кадлубка, в которых упоминается «Владарид» отцу Владимира Володарю Ростиславичу, считая, что польский хронист перепутал отца и сы-

---

[989] *Font M.* A XII. századi orosz-magyar kapcsolatok kérdéséhez. Kéziratos bölcsészdoctori disszertátió. Szeged, 1979. 63. l.*; Eadem*. Fattyú volt-e Borisz? 25.l.*; Eadem.* Magyar-orosz politikai kapcsolatok... 56. l. (*Фонт М.* Венгерско-русские политические связи… С. 91).

[990] *Фонт М.* Венгерско-русские политические связи… С. 91.

[991] *Makk F.* Magyar külpolitika (896–1196). 2. kiad. 175. l.

на. Поскольку Володарь, как известно, умер в 1125 г., рассматриваемый ниже сюжет о взятии «сыном Володаря» польской крепости Вислицы А. Б. Головко относит к началу 20-х годов XII в.[992] Рассуждения подобного рода представляются весьма сомнительными, прежде всего потому, что сам рассказ магистра Винцентия построен на том, чтобы показать «Владарида», с одной стороны, готовым на любые жертвы для выкупа отца, захваченного в плен коварным польским магнатом Петром Влостовичем, а с другой стороны, безжалостным мстителем за «обиду» отца. Сам тон этого повествования свидетельствует о том, что главным его героем является отнюдь не Володарь Ростиславич, а его деятельный сын. К тому же А. Б. Головко почему-то оставляет без внимания приводимую польскими хронистами точную дату захвата Вислицы – 8 или 9 февраля 1135 г.

Поражение на р. Шайо не означало конца борьбы Бориса Калмановича за корону св. Иштвана, тем более что его покровитель Болеслав III Кривоустый, скорее всего, был настроен на войну «до победного конца» с Белой II, чтобы отомстить за предательское нападение Иштвана II на Польшу в 1127 г. Судя по всему, Борис находился в Польше, по крайней мере, до 1135 г., пока германский император Лотарь III (1125–1137) не заставил Болеслава III на Мерзебургском рейхстаге официально отказаться от поддержки неудачливого претендента на венгерский престол.

4. Провал иностранной интервенции в поддержку Бориса

Войны Болеслава III Кривоустого с Белой II. Внутриполитическая борьба в Венгрии в первые годы правления Белы II вышла далеко за пределы этого государства и вызвала складывание двух противоборствующих коалиций. При этом силы были явно неравные, поскольку Бориса реально поддерживал лишь польский князь Болеслав III, а на стороне Белы сражались отряды Владимира Володаревича, австрийского герцога Альберта и чешского князя Со-

[992] *Головко А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях… С. 68–69.

беслава I. Тем не менее, Болеслав III не мог смириться с разгромом его армии на р. Шайо. Его решимость продолжить борьбу за возведение на венгерский престол «законного» правителя подпитывало желание отомстить за разорение Польши Иштваном II в 1127 г.[993] Однако, теперь ему нужно было мстить не только венгерскому королю, но и правителю Чехии, поскольку последний заставил Болеслава распылить свои военные силы в 1132 г. и, следовательно, не позволил последнему организовать успешный поход в Венгрию.

Таким образом, активная поддержка поляками внука Владимира Мономаха способствовала резкому ухудшению польско-чешских отношений. Вот что пишут по этому поводу Градищенско-Опатовицкие анналы под 1132 г.: «Между правителями Богемии и Польши нарушились святая вера и согласие, и с обеих сторон нашлись поводы для распри. Поэтому князь Польши вторгся в Венгрию, и раздор между его вельможами побудил его сделать так, чтобы то, что он неумело затеял, содействовало результату. Князь Богемии также вторгся в Польшу и за обиду свою и своего деверя большую её часть разорил пожарами и многими убийствами»[994]. Австрийский историк Р. Кербл полагает, что после разгрома на р. Шайо Борис до 1135 г. находился в области Спиш (Сепеш)[995]. Это предположение М. Фонт справедливо считает «не опирающимся на достоверные источники. Вероятно, после поражения Борис возвратился в Польшу, но, к сожалению, у нас нет сведений, подтверждающих это предположение»[996].

Благодаря Болеславу III соседние с Венгрией страны оказались втянутыми в войну за венгерский престол. Сведения об этом конфликте, продолжавшем-

---

[993] В венгерской историографии встречаются утверждения, что после разгрома на р. Шайо «все надежды Бориса разрушились» (*Pauler Gy.* A magyar nemzet története at Árpaházi királyok alatt. 243. l.) и что Борис «вернулся в Польшу, но помощи оттуда он не мог более ожидать» (*Kristó Gy.* A Kárpát-medence és a magyarság régmúltja... 161–162. l.). Однако вряд ли война с коалицией в составе Чехии, Белы II, австрийского герцога и Владимира Володаревича в 1132–1134 гг. велась Болеславом III лишь из мести к тем, кто нанёс ему поражение. Параллельно, для уменьшения числа враждебных ему государств, польский князь стремился возвести на венгерский трон «законного» правителя.

[994] „Inter principes Boemie et Polonie fides sacra et concordia est violata, utrimque dissensionis occasione interposita. Hinc dux Polonie Ungariam intravit et discidium inter principes ejus facere temptavit, nec quod nequiter proposuit ad effectum perducere valuit. Ad dux Boemie Poloniam intravit et pro sua suique leviri injuria in magna parte eandem incendio multoque interitu vastavit" (MGH SS. XVII. P. 650).

[995] *Kerbl R.* Byzantinische Prinzessinnen in Ungarn… S. 75.

[996] *Font. M.* Magyar-orosz politikai kapcsolatok… 57. l. (*Фонт М.* Венгерско-русские политические связи… С. 91).

ся до 1135 г., содержатся в немецких, чешских и польских нарративных источниках, в то время как из Венгерского хроникального свода читатель мог сделать вывод о том, что разгромленные в битве на р. Шайо поляки прекратили попытки возвести на престол Бориса Калмановича. «Композиция венгерских хроник XIV в.» вспоминает после этого о Борисе лишь в связи с событиями Второго крестового похода (1147), когда неудачливый претендент на корону св. Иштвана был обнаружен в войске французского короля Людовика VII.

Среди авторов, описывающих события второго конфликта между Болеславом III и Белой II, Бориса упоминает только Оттон Фрейзингенский. Под 1133 г. он кратко сообщает об этом: «Однако король Бела, заключив союз с Альбертом, сыном маркграфа Леопольда, который взял в жёны его сестру, а также с некими знатными людьми из нашего государства, вышел навстречу Борису. Тот же (Бела II. – *М. Ю.*), зная, что множество тевтонцев, ободряющих себя шумом и голосом на простом языке, намереваются биться, обратил их, больше, чем венгры, объятых страхом, в бегство вместе с князем поляков, поскольку многие дезертировали»[997].

Каноник Вышеградский даёт точную дату второго вторжения чешского князя Собеслава I в Польшу: «В год от воплощения Господа 1133… 16 января, неукротимый князь Собеслав вторично вторгся в Польшу и разорил её небывалой добычей, привёл оттуда много пленников, сжёг почти триста деревень, и наконец, возвратился с победой в свою страну»[998]. О разорении «богемцами и мораванами» Польши в 1133 г. повествуют также Градищенско-Опатовицкие анналы[999]. Хотя в чешских источниках имя Бориса не упоминается и не указывается на то, что разорение Польши было частью конфликта, разгоревшегося между союзниками и противниками Белы II, вряд ли

[997] „Verum Bela rex, ascito sibi Alberto Leopoldi marchionis filio, qui ejus sororem habuerat, ac quibusdam de regno nostro nobilibus, Borchio occurrit. Ille vero strepitu ac adhortantium voce, ex linguae idiomate multitudinem teutonicorum in acie fore cognoscens, illorum potius quam Ungarorum terrore perculsus, una cum Poloniorum duce, amissis in fuga multis, terga vertit" (*Ottonis episcopi Frisingensis* Chronica… P. 342).

[998] „Anno Dominicae incartnationis 1133... 17 kal. Februarii, acer dux Sobezlaus secundo Poloniam invasit, eamque insigni trophaeo devastavit, multos inde captives abduxit, villas fere trecentas succendit tandem cum Victoria ad propria remeavit" (MGH SS. IX. P. 138).

[999] MGH SS. XVII. P. 650.

подлежит сомнению, что военные операции Собеслава I в польских землях проходили в рамках борьбы против попыток возведения Бориса на венгерский престол, главным вдохновителем которых оставался Болеслав III Кривоустый.

С. П. Розанов явно путает две военных кампании – 1132 и 1133 гг., перенося часть информации о битве на р. Шайо на 1133 г. В результате у него получается, что эта битва произошла не 22 июля, а в октябре 1132 г., и Болеслав III в ней не участвовал, поскольку был занят отражением нападения Собеслава I на Силезию. Поход польского князя с Борисом в Венгрию С. П. Розанов датирует следующим годом, а разгром Болеслава III, по мнению историка, имел место 22 июля 1133 г.[1000] Приводимые С. П. Розановым ссылки на источники свидетельствуют о том, что он недостаточно хорошо знал венгерские средневековые исторические сочинения. В данном случае он ссылается на «Венгерскую хронику» Яноша Туроци, хотя этот труд конца XV в. при описании борьбы Бориса с Белой II в 1132 г. объединяет в одну главу (91)[1001] четыре главы Венгерского хроникального свода XIV в. (160–163). Впрочем, Янош Туроци не даёт никакого повода для разделения описываемых им событий на две военные кампании, поскольку он практически дословно передаёт соответствующую информацию Венской или Иллюстрированной хроники[1002]. Никто из исследователей, кроме С. П. Розанова, не проводил подобной операции с рассматриваемыми источниками.

В 1134 г. польский король предпринял новый, третий по счёту поход в Венгрию. Об этой войне, также закончившейся поражением для Болеслава III, немецкие источники сообщают одной краткой фразой «Бела Слепой, [король венгров], восторжествовал над поляками, но только посредством хитрости»[1003]. О том, какую именно хитрость применили венгры по отношению к

[1000] *Розанов С. П.* Евфимия Владимировна и Борис Калманович. С. 657.
[1001] См.: *Johannes de Thurocz.* Chronica Hungarorum. T. I. P. 128–131.
[1002] Исправление Яношем Туроци имени *Sampson* своего источника на *Sanson* не выходит за рамки дословного переложения текста.
[1003] “1134. Bela cecus rex Ungarorum triumphavit de Polonicis, sed in dolo”. Перевод В. Г. Васильевского (Труды. Т. IV. С. 85) с добавлением пропущенных слов в квадратных скобках. Здесь же см. сводку источников, в которых содержится цитируемая фраза.

польскому королю, немецкие хронисты умалчивают. Что же касается их венгерских коллег, то те вообще нигде не упоминают в работах, где рассматриваются события 1134 г., Болеслава III Кривоустого. Недостаток информации о причинах поражения поляков в Венгрии в 1134 г. и уловках, жертвами которых они стали, казалось бы, восполняют пространные рассказы польских хронистов. Подробное изложение соответствующих отрывков хроник Винцентия Кадлубка и Богухвала (Великопольской хроники) приводит в своем исследовании, посвящённом Борису Калмановичу, В. Г. Васильевский[1004], поэтому нет нужды давать здесь пространные цитаты.

Поскольку сочинение Винцентия Кадлубка не является по своему жанру анналами, первой проблемой для работающих с ним исследователей является установление дат описываемых в хронике событий. Кроме того, рассматриваемый сюжет явно имеет обобщающий характер и содержит описание всей войны Болеслава III с Белой II, не разделяя её на отдельные походы. В связи с этим у Кадлубка (III, 26) получается, что конфликт был кратковременным, т. е. польский король совершил лишь один поход в Венгрию, непосредственно перед которым «он принял с своим обычным расположением одного из членов королевского рода, изгнанного из отечества королём венгерским и решился возвратить ему не только отечество, но и королевский престол»[1005]. Из последующего изложения Винцентия Кадлубка вырисовывается картина блестяще проведённой окружением Белы II операции по обману польского короля. Просивший его о помощи венгерский «принц» и пришедшие после него ко двору Болеслава III венгерские магнаты, которые уверили государя Польши в том, что вся Венгрия стонет от гнёта Белы II и готова немедленно присоединиться к польскому государю, как только он вступит на венгерскую землю, всего лишь исполнили порученные им роли. В результате доверчивый

[1004] *Васильевский В. Г.* Труды. Т. IV. С. 85–87. В. Н. Татищев первым попытался собрать воедино информацию об акции Петра Влост(ович)а и мести за неё, взятую из трудов Я. Длугоша, М. Кромера, М. Стрыйковского, М. Бельского и М. Меховия (*Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. II. С. 266–267 и комм. 397; Т. IV. С. 436–437 и комм. 283). При этом взятие Вислицы историк приписывает Ярополку Владимировичу.

[1005] “Quendam enim stirpis regiae, a rege Pannoniorum adactum exilio, solito Boleslaus excipit et exhibit affectum, ac non modo patriae, sed et regno restituere parat” (MPH. NS. II. P. 358). Перевод В. Г. Васильевского (Труды. Т. IV. С. 85).

польский король оказался между шедшими позади его войска мнимыми венгерскими «союзниками» и войском Белы II, что предопределило поражение Болеслава III.

Таким образом, получается, что магистр Винцентий Кадлубек ничего не знал о Борисе Калмановиче и о его активной поддержке Болеславом III, однако он был наслышан о том, что некий венгр совершил предательство по отношению к этому польскому королю. По-видимому, главной целью Кадлубка было привести объективные объяснения поражениям Болеслава III в Венгрии в 1132–1135 гг., поэтому он не особенно думал о достоверности своего рассказа. В хронике Богухвала (Великопольской) на этом месте содержится глава под названием «Об изгнании Коломановича, короля Галичского» (De expulsione Colomanidis Regis Haliciensis). Еще в XIX в. Г. Цайсберг приписывал этот сюжет не первому автору хроники, а её интерполятору[1006]. По версии Богухвала (приведенной выше по тексту), у Болеслава III Кривоустого была дочь, которую ему родила дочь киевского князя Сбыслава Святополковна. Звали ее Юдита, и она, по свидетельству Богухвала, вышла замуж за сына венгерского короля Коломана (Калмана). Болеслав дал Калмановичу в виде приданого кастелянство Спиш в пожизненное владение. Затем, как уверяет Богухвал, польский и венгерский короли совместными усилиями посадили Калмановича на галицкий стол и принудили местную знать короновать его. Исходя из внутренней хронологии сочинения Богухвала, это должно было произойти до 1135 г. Данный сюжет рассматривался выше в связи с гипотезой А. И. Добрянского о переходе Спиша (Сепеша) во владение венгерского короля около 1108 г. Помимо явной фантастичности самого факта передачи в раннее Средневековье земельных владений в приданое за дочерью, на что указал А. И. Добрянскому И. А.Линниченко[1007], русинский историк ошибся и в датировке взятого им у Богухвала известия об утверждении венгров в Спише.

[1006] *Zeissberg H.* Die polnische Geschichtsschreibung des Mittelalters. Leipzig, 1873. S. 140.
[1007] *Линниченко И.* Взаимные отношения Руси и Польши… С. 37–38.

Аналогичный сюжет хроники Винцентия Кадлубка заметно отличается от рассказа Богухвала. Здесь организатором акции по обману Болеслава III Кривоустого выступает не венгерский королевский двор, а Владимир Володаревич. Сама же эта акция выглядит в Великопольской хронике как месть Владимира за похищение его отца польским магнатом Петром Влосто(виче)м. Поскольку магистр Винцентий Кадлубек и польские хронисты более позднего времени, пересказывавшие и дополнявшие его информацию, связывали рассматриваемый сюжет с успешной военной операцией, проведённой будущим основателем Галицкого княжества в 1135 г., стоит специально остановиться на этом эпизоде из истории русско-польско-венгерских отношений.

Захват Владимиром Володаревичем польского города Вислицы. Как свидетельствует глава 22 книги III хроники Винцентия Кадлубка, сын Володаря, «бережливый по отношению к себе, и к отцу щедрый, все личное имущество и сокровища казны отдаёт в выкуп отца, ставя веру выше благочестия, а благочестие выше богатства. И глубоко поражённый отцовской раной измышляет хитрость, как лекарство от горя, поскольку не может залечить [рану] открытой местью сильнейшему врагу. Некоего паннонца, знатного родом и достоинством, искушает обещаниями, дарами заманивает, золотом улещает, подговаривает его точно также притвориться перебежчиком. Тот искусно сочиняет ложные, но правдоподобные причины изгнания, особенно среди прочих ту, будто он всегда был наипреданнейшим помощником этому государству и либо старался ослабить козни своего народа, либо учил, как уклониться от них. Добавляет, что его соперники его оклеветали, и в результате их лживых и враждебных свидетельств о государственной измене на него пал смертельный приговор, [и] он предпочитает отвратить незаслуженное зло, нежели на невинную голову возложить незаслуженную вину. Прибавляет, что намеревается Паннонию подчинить власти Польши. Итак, Болеслав при-

нимает его в славном городе Вислице не как перебежчика, а как исконного гражданина государства, назначает его префектом города»[1008].

В примечании к этому отрывку в полных изданиях перевода хроники Винцентия Кадлубка на польский язык и текста Великопольской хроники Б. Кюрбис пишет о том, что здесь отражены факты, связанные с активной поддержкой Болеславом III Бориса Калмановича в 1132–1135 гг.[1009] Н. И. Щавелева в своем комментарии к русскому переводу этого места Великопольской хроники добавляет: «Следуя в повествовании за сочинением Винцентия (Кадлубка. – *М. Ю.*), автор Великопольской хроники соединяет события 20-х и 30-х годов, но путает польскую войну 1133–1135 гг. (когда Владимирко выступил на стороне венгров против Болеслава III) и интервенцию 1132 г. в Венгрию, предпринятую в защиту Бориса»[1010].

Внимательное прочтение цитированного отрывка из хроники Винцентия Кадлубка никак не позволяет видеть в «засланном» Владимиром Володаревичем «паннонце» Бориса Калмановича. Главные возражения против данного тезиса заключаются в том, что, во-первых, сын Евфимии Владимировны был хорошо известен польскому королю и тесно связан с его двором, по крайней мере, с 1132 г., что делает его «засылку» Владимиром весьма проблематичной, а во-вторых, война Болеслава Кривоустого с Белой II шла под лозунгом возведения на венгерский трон «законного государя», а значит Болеслав

[1008] *Щавелева Н. И.* Указ. соч. С. 102. В оригинале это читается так: "…huius Wladarii filius in se parcus, in patrem prodigus, omnes privatae supellectilis ac fisci thesauros in eius redemptionem appendit, praeponderare docens religionem pietati, pietatem divitiis. Sed paterno peramplissime saucius diu vulnere, quum aperta non posset remediari ultione in hoste dispari, doloris in remedia dolum comminiscitur. Quemdam siquidem Pannoniorum, tam sanguine quam dignitate insignem, promissis attentat, muneribus allicit, auro persuadet, non assimilis transfugii fictionem subornat. Hic non tam veras, quam verisimiles sui causas exsulatus non incallide componit; hanc dat inter praecipuas, quod simper huius reipiblicae amantissimus coadiutor exstiterit, quod suae machinamenta gentis vel extenuare studuerit vel declinare docuerit. Adiicit, aemulos calumniandi studio contra se intendisse et falsis ac hostilibus instrumentis super crimine maiestatis, in se capitis latam sententiam; malle se malum declinare immeritum; quam innixium caput indebitae noxae submittere. Astruit, Pannoniam sese Polonorum ditioni subacturum. Igitur non ut transfugam sed quasi civem patriae genuinum excipit Boleslaus gloriosa Visliciensium urbe, urbes praefectum constituit" (Там же. С. 89–90; *Magistri Vincentii* Chronicon Polonorum // MPH. NS. T. II. P. 354–355). Великопольская хроника передает этот рассказ в главе 28 другими словами, не меняя его сути. См.: «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях… С. 97;.MPH. NS. T. VIII. P. 151.

[1009] *Mistrza Wincentego* Kronika Polska. S. 161 i przyp. 128; *Magistri Vincentii* Chronicon Polonorum // MPH. NS. T. VIII. P. 151 i przyp. 228.

[1010] «Великая хроника»… С. 219 и примеч. 8 к главе 28.

должен был относиться к Борису как к особе королевской крови, которую не подобает унижать должностью коменданта крепости.

Продолжая рассказ о Вислице, Винцентий Кадлубек непосредственно после фразы, на которой было прервано цитирование, «горестно сетует на то, что волк становится сторожем в овчарне»[1011], а затем сообщает подробности расправы Владимира Володаревича над жителями Вислицы, а в конце главы – над предавшим в его руки город венгром: «Между тем, воспользовавшись отсутствием князя, (Паннонец. – *М. Ю.*) тайно призывает Владарида, велит спешить, чтобы задержка не навлекла на него опасности. Извещает, что у ворот угрожают враги. Издав княжеский приказ, повелевает [считать] всякого, кто уйдет за пределы города, государственным преступником, [а] все имущество его будет передано в казну: спокойствие города и народа надлежит защищать всем. А потом львам с окровавленными клыками отдает запертые в стенах легионы, бросает в жертву отвратительнейшим желаниям разбойников; стыдно вспомнить, кровью скольких [жертв] и сколь бесчеловечно опьянялось гнусное варварство. Внезапно Владарид, ярость которого не только не насытилась, но еще более распалилась от такого обилия кровавых убийств, возвращается [домой]. Этого же отца предательства, сына погибели, питомца вероломства вначале почитает высочайшими из существующих даров, опьяняет пышными милостями, заключает в объятия, назначает на самые высшие должности. Однако, пока предатель не подозревает ничего дурного, дабы нежданное копье поразило глубже, а с высокой ступени падать было бы страшнее, почти в тот же момент, что и возвысил, низвергает, и низвергнутого лишает зрения, вырывает язык и оскопляет, говоря: «… пусть не будет [потомства] у змеи, пусть у вероломного чудовища не родится чудовище более пагубное»[1012].

[1011] *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 102.

[1012] Там же. В оригинале это читается так: “Principis etenim nactus absentiam, Wladaridam clam accit; accelerare iubet, ne mora in se trahat periculum. Hostes itaque prae foribus imminere praeconatur. Principali edicto imperat, qui extra urbem delituerit, reum esse maiestatis, omni supellectili fisco accessura; tuendam esse omnibus et urbis et populi salutem. Proinde inclusas muris legions cruentis leonum rictibus infundit, teterrimus praedonum votes devovet: in quorum cruore quam inhumane debriata sit impia barbaries, piget meminisse. Extemplo Wladarides tot animarum tanto sanguine plus irritata quam satiate rabie, revertitur. Illum autem proditionis patrem, perditionis

Последующие польские хронисты не только пересказывали информацию Винцентия Кадлубка, но и вносили в неё некоторые добавления. Самым существенным из них является точная датировка взятия Вислицы Владимиром Володаревичем – 8 или 9 февраля 1135 г. При этом вторую дату содержат почти все хроники, использовавшие труд Кадлубка, за исключением Великопольской хроники, где приводится более ранняя дата[1013].

Указание на членовредительство, которому был подвергнут неизвестный венгр, возглавлявший гарнизон Вислицы, полностью опровергает гипотезу о том, что это мог быть Борис Калманович[1014]. Более поздние известия о сыне Евфимии Владимировны, относящиеся к 1147 г., показывают его вполне здоровым человеком, зрячим и способным быстро бегать[1015]. Скорее всего, неизвестным паннонцем был один из представителей партии Калмана, активно участвовавший в походах Болеслава III Кривоустого в Венгрию и заслуживший доверие польского короля, а затем вступивший в тайные сношения с Владимиром Володаревичем. Указание польскими хронистами точной даты сдачи Вислицы свидетельствует о том, что это событие действительно имело место.

Таким образом, с точки зрения темы настоящего исследования, у нас есть прямое доказательство участия Владимира Володаревича в походе на Польшу 1135 г., успех которого был подготовлен «внедрением» в окружение Болеслава III Кривоустого некого знатного венгра. При этом Винцентий Кадлубек свидетельствует о том, что Вислицу этот русский князь взял без помощи венгерского короля. Лишь в более позднем сочинении Богухвала (Велико-

---

filium, alumnum perfidiae, primo quidem excellentissimis munerum veneratur praesentiis, quadam gratiarum pompa inebriat, vernantissimis collascivit amplexibus ac praecelsae dignitatis apice sublimate. Ceterum, proditore nihil sinistrum suspicante, ut improvisum iaculum gravius feriat, ut celsior gradus celsius praecipitet, eodem paene momenti puncto et extollit et deiicit ac deiectum orbat lumine, linguam capulat, genitalibus enervate: “absit, inquiens, ne de radice colubri, ne de prodigio perfidiae pestilentius prodigium propagetur” (Там же. С. 90; *Magistri Vincentii* Chronicon Polonorum // MPH. NS. T. II. P. 355–356).

[1013] См.: *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые истчники. С. 120 и примеч. 9; «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях… С. 102.

[1014] На это обратила внимание Н. И. Щавелева (Польские латиноязычные средневековые источники. С. 121 и примеч. 10, в предыдущем примечании на этой же странице исследовательница приводит библиографию работ, в которых отстаивается точка зрения о причастности Бориса к сдаче Вислицы).

[1015] О злоключениях Бориса во время его прохождения через Венгрию в составе крестоносного войска французского короля Людовика VII подробно рассказывает один из участников II крестового похода хронист Одо Дейльский.

польской хронике) содержится обширное повествование о коварном обмане Болеслава Кривоустого, осуществленном отрядами русских князей и толпами венгров, поскольку победить польского государя в открытом бою они не могли[1016]. Несмотря на то, что это повествование, несомненно, является плодом фантазии епископа Богухвала, Бронислав Влодарский утверждает, что нападение на Вислицу осуществило войско Белы II[1017]. Если вспомнить слова, вложенные летописцем в уста Владимира Володаревича, когда он напоминает Гезе II о том, что помогал его отцу Беле II, то галицкий князь в 1152 г. говорил лишь о том, что он «своими полкы за его обиду и с Ляхы ся есмь за нь билъ»[1018]. Это выражение подтверждает лишь то, что Владимир был орудием мести Белы II, сражаясь с его врагом Болеславом III в Польше. Предположение о том, что Владимир воевал в Польше совместно с венгерским королевским войском, рассматриваемое летописное выражение не подтверждает.

В. Т. Пашуто, опираясь на рассказ «Композиции венгерских хроник XIV в.» о битве на р. Шайо[1019], делает вывод о том, что «какой-то русский (быть может, волынский?) отряд действовал на стороне Болеслава III» вплоть до 1135 г.[1020] Источник, на который ссылается историк, не позволяет сделать такой вывод, поскольку, как указывалось выше, в нём отсутствует информация о войне с поляками после названной битвы. Более того, из рассказа венгерского хрониста следует, что русские покинули Борисово войско еще до начала битвы на р. Шайо.

Выводы. Иштвану II ещё не пришлось столкнуться с претензиями Бориса Калмановича на венгерский престол. Он продолжил линию на поддержку на Руси врагов Мономашичей, способствовавшую прекращению усобицы между сыновьями Володаря Ростиславича (1126–1127) на условиях *status quo*

[1016] Подробный пересказ этого явно баснословного повествования см.: *Васильевский В. Г.* Труды. Т. IV С. 86–87.
[1017] *Włodarski Bronisław.* Ruś w planach politycznych Bolesława Krzywoustego. S. 56.
[1018] ПСРЛ. Т. II. Стб. 450.
[1019] SRH. I. P. 448, 451.
[1020] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 152.

ante bellum. Именно венгерская военная помощь позволила Владимиру Володаревичу выстоять в борьбе с возглавляемой Мстиславом Великим коалицией, поддержавшей Ростислава Володаревича. В конце периода правления Иштвана II (1116–1131) Венгрия пережила реальную угрозу вымирания правящей династии, грозившею началом борьбы за власть с непредсказуемыми последствиями. Это предопределило нормализацию отношений между венгерской короной и заинтересованными в налаживании связей с ней русскими князьями во второй трети XII в., которому не смогло помешать то, что сын Евфимии Владимировны Борис, которого на Руси и при дворах государей, с которыми у Венгрии были напряженные отношения, считали законным наследником венгерского престола, детские годы, скорее всего, провел на родине своей матери.

Несмотря на то, что младший брат Иштвана II, не признанный отцом Борис Калманович приходился племянником киевским князьям Мстиславу Великому (1125–1132) и Ярополку Владимировичу (1132–1139), оба они не оказали ему никакой реальной помощи в осуществлении его планов захвата венгерского престола, поскольку в годы их правления на постепенно распадавшейся на отдельные независимые владения Руси не прекращались междоусобицы. В этих условиях сыну Евфимии Владимировны ничего не оставалось, как искать помощи на чужбине. Около 1128–1129 г. он появляется в Константинополе, где пытается склонить к войне с Иштваном II императора Иоанна II Комнина (1118–1143). Однако, несмотря на то, что Борис удачно занял в планах византийской дипломатии место своего умершего в 1127 г. дяди – принца Алмоша – в качестве «законного» претендента на венгерский престол, под знаменем которого Византия могла проводить свою антивенгерскую политику, Иоанн II также находился в сложной ситуации и не мог оказать Борису военной помощи, ограничившись выдачей за него замуж одной из своих родственниц.

В период утверждения на венгерском престоле преемника Иштвана II Белы II Слепца (1131–1132) Борис пытается найти поддержку своим планам у

другого врага Венгрии – польского короля Болеслава III Кривоустого (1102–1138). В лице последнего Борис нашел наиболее надежного союзника. Часть венгерской знати, недовольная правлением Белы II (1131–1141), также влилась в ряды сторонников Бориса. 1132 г. стал наиболее благоприятным для сына Евфимии Владимировны, собравшего под своими знаменами польские и венгерские отряды, а также дружину одного из русских князей, скорее всего, его родного дяди – княжившего во Владимире-Волынском Андрея Доброго. Однако умелая политика окружения Белы II, сумевшего сначала добиться ухода русских из Борисова войска, что обеспечило королевской армии победу над ним в битве на р. Шайо, а затем нейтрализовать Болеслава III Кривоустого, натравив на него чешского князя Собеслава I (1125–1140), предопределила крах всех попыток Бориса свергнуть с престола Белу II.

Упорство Болеслава III, продолжавшего войну с венгерским королём вплоть до 1135 г., лишь ослабило власть польского государя, вследствие чего он вынужден был подтвердить свою зависимость от Священной Римской империи и отказаться от поддержки Бориса. В этом конфликте на стороне Белы II выступал будущий объединитель Галицкой Руси Владимир Володаревич, причём, скорее всего, этот князь воевал самостоятельно, совершая набеги на Польшу в интересах Белы II. Наибольшим успехом Владимира стал захват им в 1135 г. польской крепости Вислица, которую сдал ему некий знатный венгр, втёршийся в доверие к Болеславу III. Борис Калманович никакого отношения к этому событию не имел.

ГЛАВА V
ПОИСКИ ВЕНГЕРСКИМИ КОРОЛЯМИ НОВЫХ СОЮЗНИКОВ НА РУСИ

1. Нормализация Белой II отношений с соседними государями

Прекращение поддержки Бориса Калмановича Болеславом III Кривоустым. В том же 1135 г., когда была захвачена Вислица, произошло примирение чешского и польского правителей. В роли миротворца выступил германский император Лотарь III (1125–1137), который пригласил враждовавших государей на имперский сейм, заседавший в Мерзебурге. Туда же прибыли и послы венгерского короля. Неудачи в деле возведения на престол Бориса Калмановича заставили Болеслава III пойти на уступки требованиям императора. О решениях этого сейма сообщают Каноник Вышеградский[1021] и ряд немецких источников[1022], датирующих работу сейма 15 августа 1135 г. В. Т. Пашуто считает, что это собрание немецкой знати было созвано по просьбе Белы II[1023], однако в источниках об этом ничего не сообщается.

По предложению последнего Болеслав заключил двухлетнее перемирие с Собеславом I (1125–1140), по истечении срока которого обе стороны пришли к полномасштабному миру. Одним из главных условий замирения польского и чешского правителей был отказ Болеслава III от поддержки претензий Бориса на венгерский трон. В. Т. Пашуто оценивал унижение польского князя перед германским императором и как результат вмешательства Болеслава Кривоустого во внутренние дела Руси: «Участвуя в распрях на Руси, Болеслав III был вынужден в 1135 г. принести империи ленную присягу с западного Поморья, потеряв часть его в пользу саксонского Лотаря»[1024]. В связи с

[1021] *Canonici Wissegradensis* Continuatio Cosmae // FRB. T. II. P. 222–223.
[1022] Сводку их см.: *Pauler Gy.* A magyar nemzet törrénete az Árpádházi királyok alatt. I. k. 478. l. és 438. jegyz.
[1023] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 153.
[1024] Там же.

этим М. Фонт считает, что «вмешательство императора Лотаря было вызвано в первую очередь не претензиями Бориса: вспыхнувший рядом с границами империи вооружённый конфликт дал императору повод принудить Болеслава III в его стесненной ситуации вновь признать вассальную зависимость. Болеслав обязался уплатить задерживавшуюся в течение двенадцати лет дань и вместе с этим отказаться от поддержки Бориса»[1025].

С. П. Розанов утверждает, что после Мерзебургского съезда улучшились отношения между Польшей и Венгрией. Опираясь на работы историков, живших в XIX в., – А. Малецкого и А. Гизебрехта, Розанов пишет о том, что в 1136 г. 14-летний сын Болеслава III Мешко был помолвлен с дочерью Белы II Гертрудой, которая была моложе его на 8–9 лет[1026], что не подтверждают авторы сводных трудов по генеалогии Арпадов и Пястов, не отрицающие сам факт женитьбы Мешко III на дочери венгерского короля[1027]. Так или иначе, но окружению Белы II после 1135 г. удалось создать принципиально новую политическую обстановку в своём регионе, где не осталось сил, готовых поддержать Бориса в его борьбе за трон. У нас нет никаких сведений относительно того, где пребывал Борис в последующие годы, вплоть до 1146 г., когда он стал орудием антивенгерской политики нового чешского князя Владислава II (1140–1172). Возможно, некоторое время он находился в Польше. Отказ от поддержки Бориса был навязан Болеславу III, но сам польский князь, скорее всего, сохранил благожелательное отношение к претенденту на венгерский престол.

Однако в 1138 г. Болеслав III умирает, после чего наступает период политической раздробленности польских земель, официально оформленный «Тес-

---

[1025] *Font M.* Magyar-orosz politikai kapcsolatok... 56. l. (*Фонт М.* Венгерско-русские политические связи... С. 91).

[1026] *Розанов С. П.* Евфимия Владимировна и Борис Калманович. С. 658. При этом А. Малецкий считал, что помолвка произошла в 1136 г. (*Malecki A.* Testament Bolesława Krzywoustego // PNL. R. IV. Lwów, 1876. S. 14), а А. Гизебрехт относит это событие к 1137 г. (*Giesebrecht A.* Geschichte der deutschen Kaiserzeit. Bd. IV. Braunschweig, 1872. S. 105).

[1027] Так, М. Вертнер в статье, посвящённой Гертруде, пишет о том, что она была самой младшей дочерью Белы II и Илоны и родилась в конце 1138 или в начале 1139 г. Говоря о супружестве Гертруды и Мешко, М. Вертнер приводит цитату из сочинения М. Кромера (*Wertner M.* Az Árpádok családi története. 303–304. l.). О. Бальзер и Л. Яшиньский, признавая факт женитьбы Мешко III Старого на венгерской принцессе, называют ее Эльжбетой (*венг.* Эржебет), т. е. Елизаветой и датируют брак ок. 1140 г. (*Balzer O.* Genealogia Piastów. S. 164; *Jasiński Kz.* Rodowód pierwszych Piastów. S. 238–239).

таментом» Болеслава, разделившего страну между своими сыновьями. Вряд ли Борис после смерти своего покровителя мог оставаться в Польше. Первой страной, куда он направился, возможно, ещё до смерти Болеслава III, скорее всего, была Русь[1028], где проживала его мать Евфимия Владимировна, а также дядья, один из которых занимал киевский стол. Вряд ли Борис не попытался при этом добиться у Ярополка Владимировича (1132–1139) поддержки своих планов захвата венгерского престола. С. П. Розанов считает, что всё время, прошедшее от провала попыток захватить венгерский трон с помощью Болеслава Кривоустого до 1146 г., Борис пребывал «несомненно в Константинополе или в Греции вообще, где у него была не только его жена, но и сын, родившийся приблизительно в 1131 г. и названный по имени деда Коломаном, а в православном крещении Константином»[1029]. Д. Кришто также предполагает, что «Борис в это время[1030] уже не находился у своих русских родственников»[1031]. Однако вызывает большие сомнения то, что Борис, имевший единственную возможность прямого пути из Польши в Византию через русские земли, не задержался на своей родине, тем более, что Евфимия Владимировна наверняка предчувствовала свою скорую кончину и естественным образом должна была попросить сына проводить её в последний путь. Исходя из этого, более правильным представляется датировать возвращение Бориса Калмановича в Византию не ранее второй половины 1139 г.

Общая ситуация на Руси в 1135 г. и в последующие четыре года, до смерти Ярополка Владимировича, характеризовалась не прекращавшимися княжескими усобицами. Основная борьба шла в то время между Мономашичами и черниговскими Ольговичами, однако и среди сыновей Владимира Всеволодовича также не было полного единства. Выше уже затрагивался сюжет о столкновении Юрия Долгорукого с братом Ярополком по поводу Переяславля. Кроме того, в это же время произошло изгнание из Новгорода племянни-

---

[1028] Об этом пишет Ф. Макк. См.: *Makk F.* Magyar külpolitika (896–1196). 2. kiad. 176. l.
[1029] *Розанов С. П.* Евфимия Владимировна и Борис Калманович. С. 658.
[1030] Имеется в виду 1138 г., когда Бела II отправил военную помощь Ярополку Владимировичу, организовавшему поход против черниговских князей. См. об этом в следующем разделе данного параграфа.
[1031] *Kristó Gy.* A korai feudalizmus (1116–1241) // MT. 1193. l.

ка Ярополка Всеволода Мстиславича (1136), что сделало обстановку на Руси ещё более нестабильной. В таких условиях киевскому князю Ярополку явно было не до претензий своего другого племянника Бориса на венгерский трон.

Военная помощь Белы II Ярополку Владимировичу. После замирения с Болеславом III Кривоустым венгерский король фактически обеспечил спокойствие на всех границах своего государства. Что касается венгерско-русского пограничья, то здесь по другую сторону от линии Карпатских хребтов находились владения союзника Белы II Владимира Володаревича. Последний, причинивший в годы первого периода борьбы Бориса Калмановича за венгерский престол (1132–1135) много бедствий Польше, старался в то время не осложнять отношения с киевским князем Ярополком.

Безусловно, поддержка Владимиром Белы II означала его выступление против племянника Ярополка – Бориса Калмановича, скорее всего, пользовавшегося покровительством дяди. Однако источники молчат о каких-либо санкциях Ярополка по отношению к Владимиру. По-видимому, киевский князь считал затею Бориса бесперспективной. К тому же, главными сторонами, конфликтовавшими из-за Бориса, были Польша и Венгрия, с которыми у Ярополка не было тесных союзнических отношений. Ипатьевская летопись вообще умалчивает о каких-либо акциях Владимира Володаревича в годы киевского княжения Ярополка Владимировича. Когда же к власти в Киеве пришёл черниговский князь Всеволод Ольгович (1139–1146), Владимир по его указанию (возможно, за палату) воевал с Вячеславом Владимировичем и Изяславом Мстиславичем в 1139 г.[1032]

Окружение Белы II, проводя политику замирения со всеми своими соседями, не ограничилось сохранением союзнических отношений со звенигородским князем Владимиром Володаревичем. Как свидетельствуют русские летописи, Бела II оказал военную помощь Ярополку Владимировичу в 1138 г., в момент очередного обострения конфликта между киевским и чернигов-

[1032] ПСРЛ. Т. II. Стб. 304.

ским князьями. Этот конфликт, описываемый Киевским сводом под 6647 г., вышел за рамки внутрирусских княжеских усобиц. На стороне Всеволода Ольговича воевали приведённые им половцы, Ярополк же собрал дружины своих братьев и племянников «и король Оугры посла помощь»[1033] ему. До военного столкновения дело не дошло, поскольку черниговцы принудили своего князя замириться с Ярополком, который «не восхотѣ створити кровопролития, створи с нимъ миръ» [1034].

Следует отметить, что Бела II оказался единственным из европейских государей, поддержавшим Ярополка Владимировича в войне с Всеволодом Ольговичем. Безусловно, Польша в год смерти Болеслава III Кривоустого и претворения в жизнь его Тестамента не могла оказать военной помощи киевскому князю, поскольку наследники Болеслава были заняты проблемами утверждения своей власти в завещанных им отцом владениях. Появление венгерских отрядов в войске Ярополка свидетельствует о том, что Бела II и его окружение немедленно откликнулись на просьбу киевского князя и оперативно направили своих воинов на Русь. Этот факт подтверждает то, что между Ярополком и Белой II установились союзнические отношения. По мнению Й. Деера, «почти все действия Белы II … диктовались внутренними потребностями, стремлением обеспечить прочность трона» и направление помощи было вызвано боязнью поддержки Киевом Бориса»[1035]. Таким образом, можно уверенно утверждать, что последние надежды Бориса Калмановича на помощь одного из братьев своей матери в борьбе за венгерский трон в 1138 г. окончательно растаяли.

В отличие от Лаврентьевской летописи, где состав участников Ярополкова войска перечислен так, что каждый отряд представлял самостоятельную политическую или этническую группу, в параллельной фразе Ипатьевской содержится двусмысленное выражение: «король Оугры посла помощь Берень-

[1033] Там же. Стб. 301.
[1034] Там же. Стб. 302.
[1035] *Deér J.* A magyar törzsszövetség és a patrimoniális királyság külpolitikája. 117. l.

дичевъ 30 тысящ»[1036]. Имевший в своём распоряжении Радзивилловскую летопись В. Н. Татищев в первой редакции «Истории Российской» в описании конфликта Ярополка и Всеволода 1138 г., пишет о том, что «король угорский присла помощь 10 000 берендеев»[1037]. У нас нет никаких сведений как о том, что такая большая масса берендеев переселилась к тому времени в Венгрию, так и о наличии у венгерских королей возможности направлять отряды берендеев, живших в степях Восточной Европы, в качестве военной помощи своим союзникам. Историк XVIII в., видимо, не догадался, что между «король угорский присла помощь» и «10 000 берендеев» необходимо поставить запятую, поскольку это два независимых выражения. Что же касается исправления В. Н. Татищевым цифры «30 000» на «10 000», то ни в одном из дошедших до нас летописных памятников число «10 000» не содержится. В отличие от В. Н. Татищева Н. М. Карамзин, который, как известно, ввёл в научный оборот Ипатьевскую летопись, описывает ситуацию иначе: «Венгры дали ему (Ярополку. – *М. Ю.*) войско; в стане его находилось ещё около 1000 конных Берендеев или Торков»[1038]. Как видно из приведённой цитаты, придворный историограф Александра I понимал, что берендеи не имели никакого отношения к военной помощи, оказанной Белой II Ярополку Владимировичу.

Во второй редакции своего многотомного труда В. Н. Татищев добавляет в рассматриваемый рассказ явную амплификацию. Согласно уточнению историка, союзники Ярополка Владимировича не просто разошлись по местам своего проживания, а киевский князь «одарив венгров, с письменным благодарением к королю и дарами отпустил» их[1039]. При этом источником, на ос-

---

[1036] ПСРЛ. Т. II. Стб. 301.
[1037] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. IV. С. 194.
[1038] *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. II–III. С. 114. В примечании к рассматриваемому летописному рассказу Н. М. Карамзин приводит данные о количестве берендеев, присоединившихся к Ярополку, в доступных ему летописных памятниках (Там же. С. 298, примеч. 268). Хотя историк цитирует при этом «Пушкинскую» (Лаврентьевскую) летопись, число берендеев он даёт по Троицкой летописи, на что обратил внимание М. Д. Присёлков (Троицкая летопись. Реконструкция текста. 2-е изд. СПб., 2002. С. 215–216 и примеч. 2). В этом же примечании М. Д. Присёлков указывает на то, что из дошедших до нас летописей о 1000 берендеев в войске Ярополка Владимировича сообщает Воскресенская летопись (см.: ПСРЛ. Т. VII. С. 31).
[1039] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. II. С. 150.

новании которого В. Н. Татищев составил свою амплификацию, была летопись, имеющая общий протограф с Московским сводом конца XV в.[1040] В этом своде под 6646 (1138/9) годом можно прочитать о том, что после замирения с Всеволодом Ольговичем Ярополк Владимирович «дары взя многы, а свои посла же противу, и взратившися распусти вои»[1041]. Хотя в цитируемом летописном своде ничего не говорится о дарах, которые получили венгры, вряд ли подлежит сомнению, что воины, отправленные на Русь Белой II, были одарены Ярополком. Что же касается «письменного благодарения» киевского князя венгерскому королю за оказанную помощь, то, скорее всего, это дополнение было домыслено В. Н. Татищевым, хотя полностью исключать такой способ благодарности нельзя.

Смерть Евфимии Владимировны. Подробно прослеживая (насколько позволяют источники) биографию дочери Владимира Мономаха, высланной на родину своим мужем – венгерским королём Калманом Книжником, С. П. Розанов рассматривает, в том числе, легенды и историографические мифы, сложившиеся вокруг Евфимии Владимировны. Выше уже приводилась его достаточно аргументированная точка зрения, согласно которой утверждения венгерских хронистов о рождении Бориса от прелюбодеяния его матери являются баснословными. Развивая своё мнение далее, исследователь пишет: «Венгерская басня, наделившая Евфимию грехами, заставляла её окончить жизнь в монастыре, но из русской летописи ясно, что она и жила и умерла в миру»[1042]. В качестве примера создания историографического мифа о пострижении Евфимии после возвращения на родину Розанов указывает на сведения, содержащиеся в «Истории Российской» В. Н. Татищева[1043].

Действительно, если в первой редакции своего многотомного труда В. Н. Татищев ограничивается кратким известием под 6646 (1138) г. («В сем же ле-

[1040] Выражаю благодарность В. А. Кучкину, указавшему мне на такую возможность.
[1041] ПСРЛ. Т. XXV. С. 34.
[1042] *Розанов С. П.* Евфимия Владимировна и Борис Калманович. С. 599.
[1043] Там же. Примеч. 1.

те преставися королева инока Евфимия Володимеровна, апреля 4-го дня»[1044]), то во второй его редакции он снабжает это известие комментарием (под № 395). Здесь историк утверждает: «Сия дочь Владимирова, королева иночица Евфимия, видно, что Елена, бывшая за венгерским, а имя по обычаю в монашестве переменено и с той же начальной буквы дано, как то до сих пор употребляемо…». Далее следуют общие рассуждения по поводу наиболее распространённого в христианстве принципа перемены имени при пострижении в монастырь[1045]. Поскольку В. Н. Татищев нигде не указывает источник своей информации об иноческом образе жизни Евфимии после её возвращения на родину, следует признать справедливой оценку С. П. Розановым этой информации как баснословной. Возможно, В. Н. Татищев по-своему домыслил добавление Никоновской летописи к информации о смерти матери Бориса, которое имеет характер традиционно-положительной характеристики её как личности.

Сравнение известий летописных памятников, послуживших источниками Никоновской летописи, о смерти Евфимии Владимировны свидетельствует о том, что составители свода XVI в. в данном случае воспроизвели сведения Троицкой летописи, не зная, что написано по этому поводу в Ипатьевской. В текст известия первого источника («В то же лѣто преставися Еоуфимья Володимерна, и положена бысть на Берестовѣмь у свят(а)го Спаса»[1046]) книжник XVI в. добавил перед именем умершей эпитет «благоверная княгиня», немного изменив саму фразу[1047]. В. Н. Татищев мог сделать из такого эпитета вывод о том, что Евфимия закончила свои дни в монастыре. Однако при этом возникают большие сомнения по поводу того, что монашеским именем Евфимии было Елена. Это утверждение В. Н. Татищева появляется лишь во второй редакции его многотомного труда, где историк был менее требовательным к своим источникам и более склонным к амплификациям и домыс-

[1044] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. IV. С. 193.
[1045] Там же. Т. II. С. 266. Само известие о смерти Евфимии, переданное более понятным для читателя XVIII в. языком, см. там же на С. 149.
[1046] Троицкая летопись. С. 215.
[1047] «Того же лѣта преставися благовѹрная княгиня Еуфимиа князя Володимера Маномаха (*так*! – *М. Ю.*), и положена бысть въ Берестовѣ у святаго Спаса» (ПСРЛ. Т. IX. С. 161).

лам различного рода. Если же обратить внимание на характер вышецитированного комментария № 395 второго тома «Истории Российской», где В. Н. Татищев вместо указания на источник своей информации приводит общие рассуждения о том, что уходившие в монастыри люди, как правило, брали себе новое имя, начинавшееся на ту же букву, что и их прежнее мирское имя, мы вправе предположить, что историк попросту домыслил факт принятия Евфимией в монашестве имени Елена.

В отличие от Лаврентьевской (послужившей в данном случае источником Троицкой), Ипатьевская летопись (в той части, которую принято называть Киевским сводом), ничего не сообщая о месте погребения изгнанной Калманом супруги, даёт точную дату её кончины. Здесь под 6647 г. можно прочитать: «Преставися Володимерьна Ефимья мѣсяца априля въ 4 день в понедѣлникъ порозноѣ недѣлѣ»[1048]. Указание на день пасхального цикла позволяет снять сомнения относительно года смерти Евфимии, поскольку 4 апреля было понедельником в 1139 г.[1049] Таким образом, датировка В. Н. Татищева и других историков, считающих, что Евфимия умерла в 1138 г., неверна. Соединение уже в ранних летописных сводах известий, датированных по мартовскому и ультрамартовскому стилям, способствовало тому, что летописцы помещали известие о смерти Евфимии Владимировны (4 апреля 1139 г.) выше по тексту, чем известие о кончине её брата Ярополка (18 февраля 1139 г.).

С точки зрения темы настоящего исследования уход из жизни Евфимии отнял у Бориса Калмановича последние надежды найти помощь у своих русских родственников. Крайне маловероятно, что в момент смерти матери Бориса уже не было на Руси, скорее всего, он оставался в то время при ней, чтобы проводить её в последний путь. Выше приводилось мнение Г. Ф. Корзухиной (не разделяемое автором настоящего исследования) о том, что один из найденных в Киеве археологами кладов содержит вещи, принадлежавшие

[1048] ПСРЛ. Т. II. Стб. 301.
[1049] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 138.

Евфимии Владимировне[1050]. П. П. Толочко допускает, что, «возможно, после смерти Евфимии (1139 г.) ценности перешли в руки её сына Бориса Коломановича, который проживал где-то в пределах «города Ярослава»[1051]. Так или иначе, но с кончиной Евфимии Владимировны Борис потерял смысл дальнейшего пребывания на родине. В связи с этим можно с большой долей уверенности говорить о том, что 1139 г. является самой поздней из вероятных дат окончательного отъезда неудачливого претендента на венгерский престол из Руси.

2. Изменение политической ситуации на Руси и в Венгрии в 1139–1141 гг.

Утверждение Всеволода Ольговича в Киеве. 1139 год выдался на русских землях не просто богатым на важные политические события, он знаменовал собой радикальную смену политического лидерства, перешедшего к другой ветви потомков Ярослава Мудрого. Формальное верховенство рода Владимира Мономаха в общерусских делах, установившееся после занятия им киевского стола в 1113 г., устраивало далеко не всех князей заметно разросшейся династии, что ярко показали события последнего года правления в Киеве Ярополка Владимировича (1132–1139), рассмотренные в предыдущем параграфе. В самых ранних памятниках древнерусского летописания, информацию которых содержат, прежде всего, Ипатьевская (Киевский свод) и Лаврентьевская летописи, не так много сведений о событиях 1139 г. Некоторые дополнительные подробности, в частности, касающиеся реакции Юрия Долгорукого на приход к власти в Киеве Всеволода Ольговича Черниговского, можно найти в Московском летописном своде конца XV в., сохранившем ряд известий Киевского свода в другой редакции, отличной от той, что отразилась в тексте Ипатьевской летописи.

[1050] *Корзухина Г. Ф.* Русские клады. С. 117.
[1051] *Толочко П. П.* Древний Киев. С. 198–199.

В «Истории Российской» В. Н. Татищева содержится пространный и подробный рассказ о политических переменах в южной Руси в 1139 г.[1052] С. М. Соловьёв считал приведённые его предшественником уникальные сведения «очень вероятными»[1053] и воссоздавал на их основании общую картину противостояния Мономашичей и Ольговичей в рассматриваемое время. Однако последующее развитие исторической науки способствовало укреплению скептического отношения к уникальным известиям В. Н. Татищева.

18 февраля 1139 г. ушёл из жизни киевский князь Ярополк Владимирович и, согласно установившемуся порядку наследования, киевский стол должен был занять следующий из сыновей Мономаха Вячеслав Владимирович. 22 февраля киевляне во главе с митрополитом Михаилом признали Вячеслава своим правителем. Однако малый политический вес нового киевского князя позволил его более авторитетному (среди киевлян) сопернику – Всеволоду Ольговичу Черниговскому – добиться ухода Вячеслава из Киева, куда 5 марта прибыл старший из потомков Олега «Гориславича»[1054]. Киевский свод свидетельствует об интенсивных консультациях Владимировичей и Мстиславичей через послов с целью организации похода на Киев[1055]. Наиболее ценная информация по этому поводу содержится в Московском летописном своде конца XV в., где сообщается о попытке суздальского князя Юрия Владимировича создать военную коалицию против Всеволода, чтобы изгнать его из Киева[1056]. Однако эта акция, к которой Юрий пытался привлечь своего племянника Ростислава Смоленского, провалилась уже на этапе её организации[1057].

[1052] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. II. С. 151–152; Т. IV. С. 194–195.
[1053] *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времен. Т. II. С. 122.
[1054] ПСРЛ. Т. II. Стб. 302–303; Т. I. Стб. 307.
[1055] Там же. Т. II. Стб. 304.
[1056] По мнению А. Н. Насонова, первая из двух статей 6647 г., помещённых в Московском летописном своде конца XV в. (ПСРЛ. Т. XXV. С. 34), о которой идёт речь, взята из Новгородско-Софийского свода (*Насонов А. Н.* История русского летописания… С. 282). Источник этой информации содержится в Новгородской I летописи (См.: ПСРЛ. Т. III. С. 25).
[1057] ПСРЛ. Т. XXV. М., 2004. С. 34. Ипатьевская летопись сообщает о том, что в ответ на мирные предложения Всеволода оставшиеся в живых сыновья Владимира Мономаха и его внуки – Мстиславичи «съсылахоуться сами межи собою, хотяче на нь поити Киевоу» (Там же. Т. II. Стб. 304), однако о воплощении этого намерения в жизнь летописец ничего не пишет.

Безусловно, Юрий, который был следующим после Вячеслава сыном Владимира Мономаха и намного превосходил его способностями к политической деятельности, представлял для Всеволода наибольшую опасность. С. М. Соловьёв объясняет успех тогдашнего главы Ольговичей в борьбе с Мономашичами тем, что Юрий «как младший, … не мог действовать от своего имени, мимо Вячеслава; притом его не знали на юге»[1058]. Однако в данном случае мнение историка представляется не совсем верным. Немало помогла Всеволоду в удержании власти в Киеве его жена – внучка Мономаха Мария Мстиславна, пользовавшаяся большим авторитетом не только в княжеской среде, но и у киевлян. Всё это помогло Всеволоду Черниговскому добыть Киев, «събравъ мало дроужины»[1059], и закрепиться в древней столице Руси на семь лет, до своей смерти в 1146 г. М. С. Грушевский обращает внимание на то, что наиболее сильные в политическом отношении представители ветви Владимира Мономаха – Юрий Долгорукий и его племянник Изяслав Мстиславич – в то время признали старшинство Вячеслава Владимировича и его право на занятие киевского стола, однако между ними не было единства относительно того, кто должен сменить Вячеслава в Киеве в случае, если он не удержит Киев в своих руках[1060]. Всё это давало Всеволоду Ольговичу возможность сыграть на противоречиях в стане своих соперников.

По свидетельству В. Н. Татищева, перед приходом в Киев Всеволод обеспечил нейтралитет волынского князя Изяслава Мстиславича (старейшего из внуков Мономаха) обещанием сделать его своим преемником на киевском столе. При этом глава ветви Ольговичей объяснял Изяславу причину своего прихода в Киев необходимостью защитить Киев от претензий на него со стороны «стрыев» владимиро-волынского князя (Юрия Долгорукого и Андрея Доброго). Аналогичным образом, по свидетельству В.Н. Татищева, Всеволод объяснял изгнание им Вячеслава из Киева тем, что последний всё равно не

[1058] *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. Т. II. С. 121.
[1059] ПСРЛ. Т. II. Стб. 302.
[1060] *Грушевський М.* Історія України–Руси. Т. II. С. 138.

удержит «матерь городов русских» в столкновении с Юрием Долгоруким[1061]. Домыслил ли эту информацию историк XVIII в. и почерпнул из не дошедшего до нас источника, сказать трудно.

Всеволод попытался полностью сломать традицию доминирования детей и внуков Владимира Мономаха в общерусских делах, заменив её главенством Ольговичей. Но эта задача оказалась для него непосильной не только по причине сохранения Мономашичами значительной части волостей и политического влияния, но и ввиду серьёзных разногласий внутри клана Ольговичей[1062]. Всеволод щедро раздавал обещания волостей своим родным и двоюродным братьям, рассчитывая отобрать земли у сыновей Мстислава Великого, а также у их дяди Андрея Доброго[1063]. Однако организованные Всеволодом в 1139 г. военные операции – поход на волынского князя Изяслава Мстиславича и попытка изгнать самого младшего из сыновей Мономаха – Андрея Владимировича – из Переяславля, чтобы посадить там Святослава Ольговича, завершились неудачами[1064]. После этого Всеволод отказался от конфронтации с представителями потерявшей Киев ветви Рюриковичей, но не оставил попыток наделить своих близких родственников волостями, принадлежавшими другим ветвям потомков Ярослава Мудрого.

О том, насколько Всеволоду Ольговичу удалось заставить князей, принадлежавших к другим кланам Рюриковичей, признать свою верховную власть над ними, свидетельствуют летописные данные о смене столов по его приказу и о составе участников организованных им военных походов. Его власть, безусловно, признавал Вячеслав Владимирович, перешедший в 1142 г. из Турова в Переяславль[1065], что можно расценивать как поощрение за уступку Киева. Всеволод также умело воспользовался раздробленностью будущей Галиции, сделав в 1140 г. занимавших звенигородский и белзский столы Владимира Володаревича и галицкий – Ивана Васильковича своими союзни-

---

[1061] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. II. С. 151; Т. IV. С. 194–195.
[1062] Подробную характеристику политической ситуации на Руси во время вокняжения в Киеве Всеволода Ольговича см.: *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. С. 120–123.
[1063] ПСРЛ. Т. I. Стб. 307; Т. II. Стб. 304–305.
[1064] Там же. Т. I. Стб. 307; Т. II. Стб. 305.
[1065] Там же. Т. II. Стб. 310.

ками в борьбе с их северным соседом Изяславом Мстиславичем[1066]. Даже после объединения Владимиром под своей властью всех земель своих ближайших родственников Всеволод отправил его на помощь краковскому князю Владиславу II, пытавшемуся подчинить своих младших братьев[1067]. Таким образом, даже умелым использованием противоречий во враждебном лагере и заключением союзов с некоторыми князьями Всеволоду не удалось установить свой контроль над всей южной Русью, не говоря уже о других территориях некогда единого Древнерусского государства.

Летописец вкладывает в уста Андрея Владимировича Доброго, отказавшегося выполнить требование Всеволода освободить Переяславль для Святослава Ольговича, слова: «оже ти, брате, не досыти всю землю Русскую держаще»[1068]. Здесь, скорее всего, имеется в виду Русская земля «в узком смысле», т. е. Киевское, Черниговское и Переяславское княжества. При этом, признавая верховную власть Всеволода над этой территорией, Андрей Добрый оказал вооруженное сопротивление Всеволоду и заставил его признать свои права на Переяславль[1069]. Первая попытка Всеволода подчинить владимиро-волынского князя Изяслава Мстиславича (1139) также закончилась неудачей. Лишь в самом конце 1142 г., при разрешении военного конфликта, разгоревшегося из-за Переяславля, Всеволоду удалось перевести в этот город Изяслава, а его волынский стол отдать своему сыну Святославу[1070]. Смерть Андрея Доброго 22 января 1142 г. способствовала не только освобождению престижного переяславского стола, но и дальнейшему ослаблению влияния Мономашичей на юге Руси. Неслучайно решение Всеволода Ольговича направить в Переяславль Вячеслава Владимировича вызвало недовольство черниговских князей, которые во главе с родным братом Всеволода Игорем Ольговичем

[1066] Там же. Стб. 304.
[1067] Там же. Стб. 313.
[1068] Там же. Стб. 305.
[1069] Там же. Стб. 305–306.
[1070] Там же. Т. I. Стб. 310; Т. II. Стб. 312–313.

попытались в конце того же года выгнать из Переяславля старейшего из оставшихся в живых сыновей Владимира Мономаха[1071].

Бурная деятельность Всеволода Ольговича по установлению нового порядка в межкняжеских отношениях в первые месяцы его правления в Киеве не оставляла ему возможностей для активной внешней политики. Что же касается западных соседей Руси, то они, судя по молчанию источников, не принимали участия в борьбе за власть между двумя ветвями потомков Ярослава Мудрого на рубеже 30–40-х годов XII в. Как указывалось выше, в 1138 г. венгерский король Бела II оказал тогдашнему киевскому князю Ярополку Владимировичу военную помощь в борьбе с черниговским князем Всеволодом Ольговичем, что должно было оставить негативный осадок у последнего в отношении венгерской правящей верхушки. Поскольку Борис Калманович был неудачливым соперником Белы II, у Всеволода не было повода причислять его к своим врагам. Хотя Борис по матери являлся внуком Владимира Мономаха, он, несомненно, был озабочен исключительно борьбой за венгерский трон и не вмешивался в междоусобия своих русских родственников. Впрочем, не имея волости в русских землях, Борис не представлял никакого интереса для других Рюриковичей. С точки зрения общей ситуации на юге Руси в момент смерти Евфимии Владимировны (наступившей через 30 дней после утверждения в Киеве Всеволода Ольговича), можно достаточно уверенно заявить, что у Всеволода также не было никакого смысла, да и возможности помогать Борису.

Последние годы правления Белы II и вступление на венгерский престол Гезы II. Источники сохранили крайне мало подробностей о деятельности Белы II Слепца в 1139–1141 гг., т. е. в период после смерти Ярополка Владимировича, которому он оказал военную помощь в 1138 г. против тогда ещё черниговского князя Всеволода Ольговича. Практически все сведения об этом этапе истории средневековой Венгрии содержатся в немецких хрониках и отно-

[1071] Там же. Т. I. Стб. 310; Т. II. Стб. 310.

сятся к сфере внешней политики Германии. Что же касается венгерских хронистов, то они в своих сочинениях давали очень краткое описание правления Белы II после его победы над Борисом в 1132 г., видимо, считая её малозначимой в общем контексте истории Венгерского королевства. Так, «Композиция венгерских хроник XIV в.» посвящает периоду 1132–1141 гг. краткую главу 162, в которой даёт лишь общие оценочные суждения относительно характера последних лет правления Белы II. По мнению венгерских историков, автором этой главы был Аноним эпохи Иштвана III (1162–1172, с перерывом)[1072]. Общее состояние королевства и нравы, царившие в то время при дворе Белы II, описаны в двух фразах: «А после этого королевство в руках Белы окрепло, но он употреблял много вина. Его придворные привыкли получать всё, что просили при опьянении короля, а после отрезвления король не мог этого вернуть»[1073].

Тем не менее, факт оказания Белой II военной помощи Ярополку Владимировичу в 1138 г. свидетельствует о том, что Венгерское королевство не находилось тогда в состоянии полной анархии и проводило активную внешнюю политику. Правда, на её «русском направлении» в то время наблюдалось затишье. В последние годы правления Белы II Венгрия много сделала для укрепления своего положения на Балканах, а также едва не оказалась втянутой в междоусобия, вспыхнувшие в Чехии. В конце 1140 г., за полтора месяца до смерти Белы II, при его дворе появился племянник слепого короля Владислав – сын умершего в начале того же года чешского князя Собеслава (1125–1140)[1074]. Причиной бегства Владислава из Чехии было то, что местная знать предпочла ему другого Владислава – сына старшего брата Собеслава Владислава I (1120–1125). Сын Собеслава надеялся с помощью Белы II ото-

[1072] *Johannes de Thurocz*. Chronica Hungarorum. T. II/1. P. 447.
[1073] “Postquam autem regnum confirmatum esset in manu regis Bele, utebatur ex vino multum. Cuius aulici consueti erant, ut quicquid in ebrietate regis petebant, habebant et post ebrietatem rex recipere non poterat” (Chronici Hungarici compositio saeculi XIV // SRH. Vol. I. P. 452).
[1074] Женой Собеслава была сестра Белы II Адельхайда.

брать чешский престол у Владислава II (1140–1172), однако последовавшая вскоре смерть венгерского короля перечеркнула все его планы[1075].

В главе 163 Венгерского хроникального свода сообщается о том, что Бела II «правил 9 лет 11 месяцев 12 дней. Переселился к Господу в год Господа 1141 в февральские иды в четверг. Тело его покоится в Альбе»[1076] (т.е. в Секешфехерваре). Приведенная хронистом дата смерти Белы II соответствует 13 февраля 1141 г.[1077] Осуждение автором этого отрывка Венгерского хроникального свода образа жизни названного короля в последние годы его правления позволяет предположить, что хронист, скорее всего, не хотел сообщать подробностей греховной жизни Белы II. Совсем иной тон принимает повествование в начале следующей, 164-й главы «Композиции венгерских хроник XIV в.», где начинается описание правления Гезы II (1141–1162). Здесь хронист пишет с большим пафосом: «Призрел Господь Венгрию и дал защитника, отличившегося множеством доблестей. Дал Господь королевство Гезе, малолетнему сыну Белы. Он был коронован в день святой девы Цецилии. Взял господь его десницу и укрепил, подчинив ему многие народы, и перед его мечом обратив в бегство королей»[1078].

Поскольку Геза родился в 1130 г., о чем уже говорилось в предыдущей главе настоящего исследования, в момент смерти отца ему было 11 лет. Естественно, фактическое управление страной до его совершеннолетия осуществляла его мать – вдовствующая королева Елена (Илона). Будучи дочерью великого жупана сербской области Рашки, Елена опиралась в значительной степени на пришедших с ней в Венгрию представителей сербской знати. Не случайно большую власть в королевстве приобрел бан Белуш (Белош), дядя

[1075] *Pauler Gy.*A magyar nemzet története azÁrpádházi királyok alatt. I. k. 249. l.

[1076] “Regnavit igitur ipse Bela Cecus annis novem, mensibus XI diebus XII. Migravit autem ad Dominum anno Domini M-o C XL-o I-o Idus Februarii feria quinta. Cuius corpus Albe quiescit”. Цитата дана по источникам из семейства Венской хроники. В кодексе Жамбоки первая фраза расширена за счёт топоса «и был благочестивым королём» (“et fuit pius rex”) (Chronici Hungarici compositio saeculi XIV // SRH. Vol. I. P. 452).

[1077] MTK. I. 107.l.

[1078] “Respexit autem Dominus Hungariam et dedit propugnatorem gradientem in multitudine fortitudinis sue. Dedit enim Dominus regnum Geythe puero suo. Qui in die Sancte Cecilie virginis coronatus est. Cuius dexteram apprehendit et confortavit subiecitque ei gentes multas et dorsa regum vertit in fugam a facie gladii eius”. Цитата дана по Венской хронике. В кодексе Жамбоки содержится лишь краткое известие о коронации Гезы II (Chronici Hungarici compositio saeculi XIV // SRH. Vol. I. P. 453).

юного короля по матери. Венгерские историки называют время малолетства коронованного Гезы II периодом правления Белуша (1141–1146). Пост бана задравских территорий Белуш получил ещё до своего появления при венгерском дворе. В 1145 г.[1079], сохранив этот пост, он занял должность надора (*comes palatinus*) – первого по значимости королевского чиновника Венгрии. На основании данных источников (прежде всего византийских) можно сделать вывод о том, что Белуш возглавлял военные походы венгерского войска[1080]. Его упоминают и русские летописцы, которые явно приняли его титул за имя и потому называют его Баном (см. ниже).

Приход к власти Гезы II не привел к активизации внешней политики Венгрии на восточном направлении. Судя по рассказу Венгерского хроникального свода, главная опасность для венгров исходила в то время из Германии[1081], причём организатором антивенгерских акций стал тогдашний маркграф Австрии Генрих II Язомирготт (1141–1177), который, будучи опекуном малолетнего герцога Баварии и Саксонии Генриха Льва, попытался вторгнуться в Венгрию во главе наёмного войска[1082]. Решающая битва венгерского войска с отрядами Генриха произошла 11 сентября 1146 г. Перед началом этого сражения Геза II, по средневековому обычаю, был торжественно опоясан мечом, что означало признание его совершеннолетним[1083]. До этого же времени Венгрия в целом сохраняла мир на своих границах. Первые годы правления Гезы II были посвящены укреплению позиций венгерской короны в Далмации, где в 1141 г. были подтверждены права и привилегии Сплита. Переселение группы монахов из Австрии в Венгрию в 1142 г., где они основали первое венгерское цистерцианское аббатство[1084], свидетельствует о добрососедских отношениях между двумя странами в то время.

[1079] *Hóman B. és Szegfű Gy.* Magyar történet. I. k. 369. l.
[1080] См. об этом: *Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства в XII веке... С. 38–44.
[1081] Chronici Hungarici compositio saeculi XIV // SRH. Vol. I. P. 453–457.
[1082] MTK. I. 108. l.
[1083] Ibid.
[1084] *Makk F.* Magyar külpolitika (896–1196). 2. kiad. 180–181. l.

Объединение Владимиром Володаревичем значительной части юго-западной Руси под властью Галича. Выше уже указывалось на то, что ряд историков безосновательно преувеличивает политический вес самого деятельного из сыновей Володаря Ростиславича до 1141 г. Именно этот год является рубежным с точки зрения перехода Владимира на положение полностью независимого князя, самостоятельно определяющего приоритеты своей внутрирусской и внешней политики. 1141 г. является знаменательным, прежде всего, с точки зрения оформления юго-западных окраин распавшейся на независимые владения Руси в новое крупное территориально-политическое образование, что таило в себе потенциальную опасность потери влияния Киева в этом регионе. Постепенное объединение волостей, принадлежавших потомкам Ростислава Владимировича, в единую волость было, в основном, завершено Владимиром в 1141 г., хотя в историографии встречаются утверждения, что это могло произойти двумя годами позже[1085]. Если же говорить о полном слиянии всех волостей будущей Галицкой земли в единое княжество, то оно произошло в 1145 г., когда Владимир Володаревич лишил своего племянника Ивана Ростиславича (Берладника) звенигородского стола[1086], который он, скорее всего, сам дал ему на правах вассального князя.

Летописи не сообщают о переходе в руки Владимира первых двух волостей его умерших родственников. Возможно, перед 1141 г. он делил земли покойных братьев с двоюродным братом Иваном Васильковичем, которому принадлежал Галич по разделу владений Василька и Володаря Ростиславичей, осуществлённому после их смерти в 1124–1125 гг. г. Н. Ф. Котляр обращает внимание на то, что Владимирко и Иван названы в Киевской (Ипатьевской) летописи под 6648 (1140/1) г. галичскими князьями[1087], и говорит, что «не следует буквально верить этому сообщению: в Галиче тогда правил Иван Василькович, что вытекает из записи той же Киевской летописи под сле-

[1085] Об этом, в частности, пишет О. М. Рапов, опираясь на «татищевское известие» (*Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. II. С. 158) о смерти Ростислава Володаревича в 1143 г. (*Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси… С. 74).
[1086] ПСРЛ. Т. II. Стб. 317.
[1087] ПСРЛ. Т. II. Стб. 304.

дующим, 1141 г.»[1088]. Действительно, под 6649 (1141/2) г. в Киевском своде содержится краткое, но очень важное известие: «Сего же лѣта преставися оу Галичи Василкович Иван, и прия волость его Володимерко Володаревичь, сѣде по обою волостью, княжа в Галичи»[1089].

Поскольку северный сосед Владимира Володаревича Изяслав Мстиславич не только успешно отразил попытку Всеволода Ольговича лишить его владимиро-волынского княжения в 1139 г., но и помогал (вместе с Всеволодом Ольговичем) Вячеславу Владимировичу отстоять Переяславль от дружин Игоря Ольговича в 1142 г., Владимир также мог вести себя по отношению к тогдашнему киевскому князю как полностью независимый правитель. Однако, судя по действиям галичского князя в самые первые годы после объединения им в своих руках наследия Ростиславичей, он ещё нуждался в союзе с Всеволодом, который был выгоден ему, прежде всего, для сохранения своей власти на объединенных им землях.

Вступление Изяслава на переяславский стол 1 января 1143 г.[1090] и приход вместо него во Владимир-Волынский Святослава Всеволодича свидетельствовали о сохранении влияния Всеволода Ольговича в южнорусских делах. Составитель Киевского свода подчёркивает радость Всеволода по поводу того, что он установил мирные отношения со своими братьями[1091]. Под тем же 6650 г., но после рассказа о борьбе за Переяславль, Ипатьевская летопись содержит известие о походе Владимира в Польшу по приказу Всеволода Ольговича: «тоу же зимоу посла Всеволодъ с(ы)на своего С(вя)тослава, Изяслава Д(а)в(ы)д(о)в(и)ча с Володимеромъ с Галичьскымъ во помочь зятоу [Х. П. зяти] своемоу Володиславоу на братью его на меншюю на Болиславичѣ»[1092]. Это событие, датируемое первыми месяцами 1143 г.[1093], в большей степени, чем объединение значительной части юго-западной Руси, способствовало становлению Владимира Володаревича как самостоятельного политика,

[1088] *Котляр Н. Ф.* Формирование территории и возникновение городов… С. 80.
[1089] ПСРЛ. Т. II. Стб. 308.
[1090] Там же. Т. I. Стб. 310.
[1091] Там же. Т. II. Стб. 312.
[1092] Там же. Т. II. Стб. 313.
[1093] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 145.

вскоре не только отказавшегося от союза с Всеволодом Ольговичем, но и начавшего активную борьбу с киевскими князьями.

До битвы между русскими дружинами и отрядами польских противников Владислава II дело не дошло. Враждующие стороны встретились у города Черска (в Ипатьевской летописи он назван Чернечьском)[1094], где вступили в переговоры. Младшие родственники краковского князя, считавшегося главой рода Пястов, пообещали подчиниться Владиславу II[1095]. Несмотря на отсутствие серьёзных военных действий во время похода русских князей в Польшу в 1143 г., они захватили там пленных среди мирного населения, что отмечает летописец[1096]. Исследователи оценивают этот поход лишь с точки зрения укрепления политических связей между Краковом и Киевом, что выразилось в приезде польской делегации на свадьбу сына Всеволода Ольговича Святослава с дочерью полоцкого князя Василька, состоявшуюся в том же 1143 г.[1097]

Оригинальные мысли по этому поводу высказал лишь австрийский историк Й.-Х. Энгель (1770–1814). Прежде всего, он заявил о том, что рассматриваемый поход, руководство которым историк бездоказательно приписал Владимиру Володаревичу, закончился неудачей. Рассуждая о причинах провала, Й.Х. Энгель пишет: «Какую часть вины за неудачный поход мы должны записать на счёт Владимирка? Об этом мы не осведомлены. Но мы знаем, что с этого времени сильная злоба против него возникла у Всеволода в Киеве; видно теперь, что он совершил значительные ошибки в походе, или подчинённые ему князья плохо действовали, или это было вызвано его живостью, … и завистью других русских князей. С этого времени изменился Владимирко»[1098]. Далее австрийский историк подводит читателя к описанию боевых действий созданной Всеволодом Ольговичем коалиции против Владимира Володаревича, развернувшихся в 1144 г., что рассматривается ниже.

[1094] ПСРЛ. Т. II. Стб. 313.
[1095] *Головко А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях… С. 75.
[1096] ПСРЛ. Т. II. Стб. 313.
[1097] Там же.
[1098] *Engel J-Ch.* Geschichte von Halitsch und Wladimir. Bd. I. S. 122.

Таким образом, Й.-Х.Энгель находит причинно-следственную связь между поведением Владимира Володаревича в Польше в 1143 г. и созданием коалиции против него в 1144 г. Рассуждения такого рода представляются малопродуктивными, поскольку, во-первых, опираются на целый ряд допущений, не подтверждаемых известиями источников, а во-вторых, в летописных памятниках, не использованных австрийским историком, есть достаточно подробный рассказ о том, как испортились отношения между Всеволодом и Владимиром через несколько месяцев после возвращения на родину посланных Всеволодом в Польшу княжеских дружин (этот сюжет будет рассмотрен ниже). Несмотря на то, что сочинение Й.-Х.Энгеля было хорошо известно российским историкам XIX в., никто из них не поддержал его гипотезу о неудачном командовании Владимира русскими дружинами в Польше как причине вражды между ним и Всеволодом Ольговичем. Более серьёзной представляется точка зрения С. М. Соловьёва, согласно которой отношения между киевским и галицким князьями обострились после очередного передела княжеских столов, устроенного Всеволодом в начале 1143 г. с связи с прекращения борьбы за Переяславль между Вячеславом Владимировичем и Игорем Ольговичем[1099].

В результате этого передела, когда Всеволоду, наконец, удалось добиться волынского княжения для своего сына Святослава, заметно усилились позиции Ольговичей в юго-западной Руси. С. М. Соловьёв считает, что отношения между Владимиром и Всеволодом «переменились, когда на столе волынском вместо Изяслава Мстиславича сел сын Всеволодов – Святослав; князь с таким характером и стремлениями, как Владимирко, не мог быть хорошим соседом; Святослав и отец его также не были уступчивы». После этого историк переходит к изложению конфликта между Владимиром и Всеволодом, разгоревшегося в 1144 г.[1100] Таким образом, до середины 1143 г. у киевского князя не было серьёзных причин для вражды с правителем Галича.

[1099] ПСРЛ. Т. I. Стб. 310; Т. II. Стб. 312–313.
[1100] *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. С. 128–129.

Галицкие князья и монастырь св. Дмитрия на Саве. Связи галицких князей с Венгрией не ограничивались контактами с Арпадами и их ближайшим окружением. На землях, подвластных венгерской короне, проживало немало православных христиан, имевших не только свои храмы, но и монастыри. Самым известным из них в XII в. был монастырь св. Дмитрия на Саве (*венг*. Савасентдеметер), располагавшийся в сербском городе Сремска-Митровица. Время создания монастыря определяется исследователями серединой XII века[1101], он принадлежал последователям св. Василия Кесарийского (ок. 330–379) – василианам. Именно эта обитель привлекла внимание правителей юго-западной Руси первой половины XII в.

Наиболее раннее свидетельство о намерении князей этого региона распространить свое влияние на Балканы содержится в Повести временных лет, в помещённом под 6605 г. обширном историческом повествовании, которое принято называть «Повестью об ослеплении Василька Теребовльского»[1102]. На страницах этого сочинения перед читателем предстаёт образ чрезвычайно деятельного князя, стремившегося создать в юго-западной Руси сильное независимое государство, которое распространило бы свое влияние на соседние страны, в том числе на Балканы. Уже лишённый зрения Василько Ростиславич (ок. 1084–1124) поделился своими политическими планами с Василём – предполагаемым автором «Повести об ослеплении…», который описал их в своем сочинении. С точки зрения темы настоящего исследования интересен следующий пассаж своеобразной «исповеди Василька Теребовльского: «И посе*м* хотѣлъ есмъ переяти болгары дунайскыѣ и посадити я оу собе»[1103]. Исследователи традиционно расценивают этот пассаж как свидетельство о планах Василька Ростиславича, в то время как теребовльский князь мог не только мечтать, но и предпринимать конкретные действия для распространения своего политического влияния на Балканах.

[1101] *Takács Miklös*. Mitrovica // KMTL. 460. l.
[1102] См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 256–273; Т. II. Стб. 230–248; Повесть временных лет. С. 109–116 (текст), С. 248–254 (пер.).
[1103] ПСРЛ. Т. I. Стб. 266. См. также: ПСРЛ. Т. II. Стб. 240; ПВЛ. С. 113.

Косвенные свидетельства об этом можно найти в средневековом актовом материале королевства Венгрии. Речь идёт об описи владений монастыря св. Дмитрия на Саве. Сама опись до нас не дошла, её текст восстанавливается на основании буллы папы Гонория III, подписанной 29 января 1218 г. Текст буллы впервые был издан в середине XIX в. А. Тайнером[1104] и до начала XX в. вошёл ещё в два сборника средневековых документов[1105]. Первым обратил внимание на сведения о Галиче, содержащиеся в рассматриваемой папской булле, украинский историк И. Шараневич. В своем исследовании, посвящённом Ипатьевской летописи, Шараневич правильно определил связь буллы с монастырем св. Дмитрия на Саве[1106], в отличие от М. С. Грушевского, считавшего, что галицкие князья делали пожертвования другому монастырю на р. Саве – Лаберрийскому (in Laberria)[1107]. При этом М. С. Грушевский поддержал предположение И. Шараневича о том, что князьями, которые упоминаются в папской булле, были, возможно, дети Владимира Ярославича (1187–1198, с перерывом). Точка зрения М. С. Грушевского была поддержана Н. А. Баумгартеном[1108].

Как известно, изгнанный боярами сын Ярослава Осмомысла бежал в 1188 г. в Венгрию с любовницей и прижитыми с ней детьми, которых имели в виду И. Шараневич и М. С. Грушевский. Хотя последний рассматривает возможность упоминания в булле Василька Ростиславича и Владимира Володаревича, но признаёт обоснование такого предположения затруднительным[1109]. По всей видимости, М. С. Грушевский в данном случае отталкивался от даты буллы – 1218 г. и пытался определить, кто из представителей галицкой ветви Рюриковичей был в живых во время, непосредственно предшествующее составлению буллы. В цитируемой работе историк не объясняет, по-

---

[1104] *Theiner A.* Vetera vonumenta historica Hungariam sacram illustrantia... T. I. P. 9–11.
[1105] *Wenzel G.* Árpádkori Új Okmánytár. I. k. 151–154. l.; *Densuşianu N.* Documenta privitoare la istoria Romanilor. T. I. P. 61–63.
[1106] *Scharanewitsch I.* Die Hypatios Chronik als Quellen-Beitrag zur Österreichischen Geschichte. S. 117–118.
[1107] *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. II. С. 454 и примеч. 2.
[1108] *Baumgarten N.* Généalogies et mariages occidentaux... Vol. IX/1. Roma, 1927. P. 17.
[1109] *Грушевський М.* Історія України-Руси. Там же.

чему он не может идентифицировать упоминаемых буллой русских князей с представителями более раннего поколения галицких Рюриковичей.

Венгерский исследователь Д. Дёрффи не только вычленил из текста буллы опись владений василианского монастыря св. Дмитрия на Саве, составление которой историк датирует 1193–1196 гг., но и доказал, что первоначальным текстом описи был греческий. Обнаружив в нём свидетельства связей этого монастыря с правителями юго-западной Руси первой половины XII в.[1110], Д. Дёрффи решительно заявил о том, что упомянутых в описи галицких князей, делавших пожалования названному монастырю, следует идентифицировать с Васильком Ростиславичем, его сыном Иваном и племянником Владимиром Володаревичем. При этом историк первым привлёк летописное свидетельство о стремлении Василька Теребовльского распространить своё влияние на Балканы[1111], где проживало единоверное русским и родственное им по языку население. В задачу Д. Дёрффи не входило рассмотрение описи владений монастыря св. Дмитрия на Саве с точки зрения истории внешней политики складывавшего Галичского княжества, что является задачей настоящей работы. При этом следует, прежде всего, отметить то, что отечественные и украинские исследователи не уделили этому сюжету должного внимания. В. Т. Пашуто в своем обобщающем труде «Внешняя политика Древней Руси» упоминает рассматриваемый документ лишь мимоходом[1112], поскольку он смог прочитать и понять приводимые Д. Дёрффи латинские фразы (цитаты из папской буллы), но языковой барьер не позволил ему познакомиться с текстом статьи венгерского исследователя.

Информация о связях галицких князей с монастырем св. Дмитрия на Саве, содержащаяся в булле Гонория III 1218 г., крайне скупа. Вся она умещается в одной фразе: «Annuum cere redditum Tredecim Cantariorum a Basilica et Iohanne Blandemero Rusorum Regibus apud Galizam vobis concessum»[1113] («Ежегодное пожертвование воска тринадцать кантаров от Василия и Иоанна

[1110] *Györffy Gy*. A szávaszentdemeteri görög monostor XII. századi birtokösszeírása.
[1111] Ibid. 77–79. l.
[1112] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 167.
[1113] Цит. по: *Györffy Gy*. szávaszentdemeteri görög monostor XII. századi birtokösszeírása. 345. l.

Владимира, русских князей в Галиции, вам/для вас предоставленное». Учитывая то, что значение 1 кантара равнялось весу от 50,5 до 56,3 кг, ежегодные поставки воска галицкими князьями православным единоверцам, жившим на венгерско-византийской границе, составляли от 656,5 до 731,9 кг.

Хотя ссылка Д. Дёрффи на летописное известие о стремлении Василька Ростиславича распространить свою власть на Балканы не может служить исчерпывающим аргументом для признания этого князя первым из упомянутых в папской булле поставщиков воска в монастырь св. Дмитрия, всё же эта версия представляется намного более вероятной чем та, что отстаивали И. Шараневич и М. С. Грушевский. Ежегодные поставки такого значительного количества воска могли себе позволить только князья, имевшие волости, а значит – стабильный доход, в том числе в виде натурального оброка, уплачиваемого воском. Незаконнорожденные сыновья Владимира Ярославича никаких волостей не имели, да и вообще в дошедших до нас источниках отсутствуют какие-либо сведения о них, кроме известий о том, что Владимир имел детей от «попадьи», с которыми бежал в Венгрию.

В связи с этим следует признать единственно возможным отождествление упоминаемого в булле Василия с теребовльским князем Васильком Ростиславичем, а Ивана и Владимира – с владевшими в разное время Галичем Иваном Васильковичем (1124–1141) и Владимиром Володаревичем (1141–1153). Таким образом, точка зрения Д. Дёрффи представляется верной, но вызывает сомнения приведённое венгерским исследователем в качестве весомого аргумента признание Василька Ростиславича о намерениях переселить на свои земли дунайских болгар. Как указывалось выше, монастырь св. Дмитрия на Саве принадлежал василианам – православному монашескому ордену, являвшемуся частью той церковной структуры, во главе которой стояла Константинопольская патриархия. Из этого логически вытекает вывод о том, что Василько Теребовльский, устанавливая связи с греческим монастырем, находившимся на венгерско-византийской границе, вряд ли преследовал при этом далеко идущие политические цели.

Представляется крайне маловероятным, чтобы Василько начал делать свои пожертвования монастырю св. Дмитрия до своего ослепления, т. е. до 1097 г., поскольку ему к этому времени ещё не удалось настолько укрепить свою волость, чтобы конкретно заниматься разработкой плана экспансии на Балканы. Более реальным выглядит стремление потерявшего зрение теребовольского князя замолить свои грехи, наличие которых он признавал в беседе с Василём. Интересно, что из всех детей Василька и Володаря Ростиславичей лишь Иван Василькович и Владимир Володаревич сохранили связь с монастырём св. Дмитрия на Саве. Оба они были галичскими князьями, и в их стремлении поддерживать эту связь угадываются скрытые политические причины, особенно у Владимира Володаревича. Как известно, венгерский король Иштван II не остался в стороне от междоусобицы Володаревичей, разгоревшейся в 1126–1127 гг., поддержав Владимира Володаревича в его борьбе с братом Ростиславом[1114] (см. выше, гл. IV).

Установление союза с Арпадами позволило Владимиру Володаревичу, потерпевшему поражение от брата, скрываться некоторое время в Венгрии. Пребывание при дворе Арпадов Владимир использовал для установления связей с венгерскими вельможами. Недаром Ипатьевская летопись свидетельствует о том, что у него были «приятели» в Венгрии[1115]. Опись владений монастыря св. Дмитрия на Саве свидетельствует о том, что связями с придворными венгерского короля не ограничивались контакты Владимира с соседями по другую сторону Карпат. Однако, судя по тексту того же документа, преемники Владимира Володаревича перестали поставлять воск проживавшим в названном монастыре монахам, что может объясняться резким обострением отношений между Византией и Венгрией в середине 50-х годов XII в., в конфликт между которыми оказался косвенно втянутым тогдашний галицкий князь Ярослав Осмомысл (1153–1187).

[1114] Как указывалось выше, хотя самое раннее свидетельство об этом содержится в «Польской истории» Яна Длугоша (*Ioannis Dlugossii* Annales seu Cronicae… T. 2 [Libb. III–IV]. Varsaviae, 1970. P. 308), факт поддержки венгерским королем Владимира Володаревича не подвергается исследователями сомнению.
[1115] ПСРЛ. Т. II. Стб. 406.

3. Венгерский фактор во внешней политике Всеволода Ольговича

На пути к первому конфликту между киевским и галичским князьями. Если исключить лишённую аргументации догадку Й.-Х.Энгеля, считавшего, что первые ростки будущей войны Владимира Володаревича с коалицией князей, собранной Всеволодом, могли появиться в ходе боевых действий в Польше в начале 1143 г., то, скорее всего, прав С. М. Соловьёв, указавший на «опасное соседство» Владимира и Святослава Всеволодича в юго-восточной Руси. Венгерская исследовательница М. Фонт подчёркивает также и опасность для галицкого князя тесного сближения Всеволода Ольговича с краковским князем Владиславом II (1138–1146). На помощь, оказанную ему киевским князем в 1141 г., Владислав II «ответил Всеволоду враждебными действиями по отношению к Галичу»[1116]. Поскольку, как указывалось в предыдущей главе, Иштван II (1116–1131) в конце своего правления пошёл на разрыв венгерско-польского союза, сложившегося при его отце Калмане Книжнике (1095–1116), поддержка Венгрией и Польшей разных политических сил в конфликте, спровоцированном в 1143 г. Владимиром Володаревичем, выглядит вполне естественной.

В предыстории конфликта, разгоревшегося в 1144 г. между Владимиром и Всеволодом Ольговичем, чётко выделяются два этапа. На первом из них Владимир продемонстрировал всем князьям свое нежелание «встраиваться» в ту систему междукняжеских отношений (прежде всего, политических союзов), которую хотел создать Всеволод для закрепления лидерства Ольговичей в южной Руси. На втором этапе созданная Всеволодом антигалицкая коалиция пыталась заставить Владимира подчиниться киевскому князю, не доводя дело до войны. Из ранних летописных источников информация о событиях, относящихся к первому этапу, содержится лишь в Киевской (Ипатьевской) летописи. Здесь под 6652 г. можно прочитать: «В то же лѣто роскоростася

[1116] *Font M.* Magyar-orosz politikai kapcsolatok… 58. l. (*Фонт М.* Венгерско-русские политические связи… С. 93).

Всеволодъ с Володимѣркомъ про с(ы)на, оже сѣде с(ы)нъ его Володимири, и почаста на ся искати вины. И Володимерко възверже емоу грамотоу хр(е)*с*тьноую. Всеволодъ же с братьею иде на нь»[1117].

Как видно из приведённой цитаты, причиной конфликта стали враждебные отношения, установившиеся между Святославом Всеволодичем и Владимиром Володаревичем. Они не могли не стать непримиримыми соперниками за лидерство в юго-западной Руси, поскольку Владимир был одним из самых деятельных русских князей своего времени, а Святослав всегда мог рассчитывать на помощь отца, занимавшего киевский стол, и многочисленных черниговских родственников. Что же касается первопричины враждебных отношений двух соседних князей, то, судя по тексту летописи, Владимир Володаревич не хотел закрепления Ольговичей на волынском княжении. В. Н. Татищев приводит дополнительные подробности разрастания вражды между Всеволодом и Владимиром, отсутствующие в дошедших до нас летописных памятниках. При этом объем информации, приводимой В. Н. Татищевым в первой и второй редакциях «Истории Российской», отличается в несколько раз. Прежде всего, историк даёт достаточно подробное описание княжеского съезда, устроенного в Киеве в 1143 г., на котором Всеволод объявил своим преемником на киевском столе брата Игоря Ольговича, нарушив тем самым обещание, данное им Изяславу Мстиславичу[1118].

После этого В. Н. Татищев описывает ещё ряд событий, происшедших в 1143 г., а в последнем абзаце, посвящённом этому году, обращает свое внимание на поведение галичского князя во время устроенного Всеволодом в Киеве совещания князей, призванного укрепить созданную им новую систему княжеских союзов. В первой редакции «Истории Российской» об этом сообщается одной фразой: «Тогда же возпротивися Владимерко галецкий Всеволоду, не быв на снеме со всеми князи…»[1119]. В данном случае В. Н. Татищев, уделив много внимания описанию княжеского съезда в Киеве, подчёр-

[1117] ПСРЛ. Т. II. Стб. 314–315.
[1118] *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. Т. II. С. 156–157; Т. IV. С. 198–199.
[1119] Там же. Т. IV. С. 199.

кивает отсутствие галицкого князя на этом собрании, но ничего не сообщает о том, как поступил Владимир с крестоцеловальной грамотой, переходя в следующей фразе к изложению событий второго этапа обострения отношений между Киевом и Галичем в 1143–1144 гг. Во второй редакции своего многотомного труда В. Н. Татищев рисует более масштабную картину складывания почти всеобщего недовольства среди русских князей действиями Владимира Володаревича, боровшегося за преобладание в юго-западной Руси не только со Святославом Всеволодичем, но и со своими близкими родственниками. При этом историк начинает с краткого напоминания о событиях 1126–1127 гг., когда Владимир впервые проявил качества деятельного политика, боровшегося за лидерство среди потомков Ростислава Владимировича.

«Владимирко галицкий, умиряся с братом Ростиславом, обсче с братаничи, Васильковыми детьми, воевались с болгары и греки. И, обладая всеми грады до Дуная, мир с греки и болгары учинил. По смерти же брата Ростислава[1120], хотя всею землею Червенскою обладать, начал изгонять братаничев своих и сыновцов, поотнял городы их, у Васильковичев – Перемышль, а у Ростиславичев – Свиноград и другие, оставя им по одному городу малому, обвиняя их в том, что они ему на болгор худо помогали. Оные, не могши силе его противиться, поехали в Киев и просили великого князя Всеволода о засчисчении. По которому Всеволод послал к нему говорить, чтоб их не обидел, а приехал бы на съезд князей к Киеву и тут свою правду пред князи изъявил. Но Владимирко не токмо ничего по тому исполнить не хотел и с неучтивостию Всеволоду ответствовал. Но паче, разсудя себе за полезный случай, что Всеволод объявлением Игоря на великое княжение с обидою племяни Владимирова многих князей оскорбил и на себя ненависть навел, послал ко Всеволоду объявить, чтоб он отчину деда его Владимир со всем ему отдал, а если не отдаст, грозил войною, для котораго уже и войска готовил»[1121].

[1120] Как видно из этого известия, В. Н. Татищев не говорит конкретно, что Ростислав Володаревич умер в 1143 г., как полагает О. М. Рапов (Княжеские владения на Руси. С. 74), а всего лишь приводит под этим годом известие о смерти названного князя в историческом экскурсе, призванном объяснить причины недовольства Владимиром его племянниками.

[1121] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. II. С. 158.

Употребленное автором приведённой цитаты название Звенигорода в форме «Свиноград», как указывалось выше, свидетельствует о влиянии на В. Н. Татищева труда М. Стрыйковского. Однако параллельного текста в этом сочинении не обнаруживается. М. Стрыйковский вообще уделяет в своей хронике крайне мало внимания правлению Всеволода Ольговича в Киеве, повествуя о нём в единственном абзаце своей хроники, в центре внимания которого – рассказ о борьбе Всеволода с Вячеславом Владимировичем[1122]. Более достоверным выглядит изложение В. Н. Татищевым предыстории конфликта между Владимиром и Всеволодом в первой редакции его многотомного труда. Если здесь действительно приведена цитата из не дошедшего до нас источника, то он, несомненно, поздний, не ранее XV в. На это указывают слова «возпротивися» и упоминаемое в следующей фразе «многоречити», не зафиксированные в письменных памятниках XI–XIV вв.[1123]

Описания второго этапа обострения отношений между Киевом и Галичем есть и в дошедших до нас летописных памятниках. Основное внимание в них уделено составу коалиции, сложившейся против галичского князя. Киевский свод после сообщения о том, что Владимирко низверг наземь крестоцеловальную грамоту, которую он давал Всеволоду, сначала дважды сообщает об одном и том же событии («Всеволод же с бра*т*(ь)ею иде на нь. Того же лѣта ходиша Олговичи на Володимирька…»[1124]). Формула «того же лѣта», стоящая между двумя известиями об одном и том же, возможно, свидетельствует о том, что здесь летописец заканчивает цитирование одного и переходит к цитированию другого источника. По всей видимости, именно в новом привлекаемом летописцем тексте содержалась информация о составе собранной Всеволодом коалиции, которая следует после прерванного мной цитирования: «Всеволод съ братома с Игоремъ [Х.П. *приб*. и] С(вя)тославомъ, Д(а)в(ы)д(о)в(и)ць Володимиръ и Вячеславъ Володимеричь, Мьстиславича два, Изяславъ, Ростиславъ, и Святославъ Всеволодичь, [Х.П. *приб*. и] Всево-

[1122] *Stryjkowski M.*.Kronika Polska, Litewska, Źmódska i wszystskiej Rusi. S. 197.
[1123] См.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) в десяти томах. Гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. I. М., 1988; Т. V. М., 2002.
[1124] ПСРЛ. Т. II. Стб. 315.

лодковича два, Борис и Глбъ, и Глѣбовичь Ростиславъ, и Володиславъ Лядьскыи кн(я)зь идоша на многог(лаго)ливаго Володимирка и волею ноудяще его приѣхати къ Всеволодоу поклонитися емоу»[1125].

В Лаврентьевской летописи известие о походе собранной Всеволодом коалиции на Галич не дублируется и не сообщается об отказе Владимира Володаревича от крестоцелования, а сразу же после известия о свадьбе полоцкого князя Рогволода Борисовича и дочери Изяслава Мстиславича идёт рассказ об этом походе[1126], хотя источником данной летописной статьи был не дошедший до нас список Киевского свода[1127]. В первой редакции «Истории Российской» В. Н. Татищева рассматриваемые события описаны примерно так же. После известия об отказе Владимира явиться на княжеский съезд в Киев историк пишет: «К нему же послаху Игорь и Святослав Ольговичи, Володимер Давыдович, Вячеслав Володимерович, Изяслав и Ростислав Мстиславичи, Борис, Глеб и Ростислав Глебовичи, рекуще: «Что ти многоречити и высокоумити, иди поклонися к старшему ти брату Всеволоду». Оному же не хотя слышати о сем…»[1128].

Во второй редакции своего труда В. Н. Татищев в аналогичном описании в целом повторяет то, что было написано им в первоначальном варианте, с небольшими дополнениями: «Всеволод, получа такой нечаянной ответ и требование, объявил братии своей Игорю и Святославу Ольговичам, також Владимировичам и Давидовичам, представя им обсчую от Владимирка обиду и опасность. По которому все согласно отправили от себя ко Владимирку послов: Игорь и Святослав Ольговичи, Владимир Давидович, Вячеслав Владимирович, Изяслав и Ростислав Мстиславичи, Борис, Глеб и Ростислав Глебовичи[1129]. И оным велели ему объявить: ежели он от своих высокомышленных домогательств не престанет и великому князю, яко старейшине, не покорит-

[1125] Там же.
[1126] Там же. Т. I. Стб. 311.
[1127] *Насонов А. Н.* Истрия русского летописания… С. 90, 100.
[1128] *Татищев В. Н.* Собракние сочинений. Т. IV. С. 199.
[1129] К этому месту В. Н. Татищев дает примечание 404, в котором он предполагает, что речь идёт об одной из ветвей полоцких князей.

ся, то все обсче будут на него воевать. Но он, презрев то увесчание, ни слышать о том не хотел…»[1130].

Таким образом, главной причиной конфликта 1144 г., давшего повод для очередного вмешательства венгерской короны во внутрирусские дела, стала борьба Владимира Володаревича против попыток Всеволода Ольговича распространить свое влияние на юго-западную Русь. В тот момент галицкий князь оказался самым последовательным противником системы междукняжеских отношений, которую пытался установить на юге Руси глава черниговских Ольговичей. О том, насколько преуспел в этом Всеволод, свидетельствует состав собранной им антигалицкой коалиции.

Участие венгров в конфликте 1144 г. в юго-западной Руси. С точки зрения темы настоящего исследования наибольшее значение имеют фразы, которыми привлекаемые источники заканчивают изложение предыстории конфликта 1144 г., главным героем которого стал Владимир Володаревич. Они свидетельствуют о том, что единственным союзником дерзкого галичского князя оказался малолетний венгерский король Геза II (1141–1162), от имени которого вспомогательные военные отряды привел фактический правитель Венгрии бан Белуш. Ипатьевская летопись, перечислив князей, вошедших в антигалицкую коалицию, сообщает о тех, кто поддержал Владимира: «А Оугры приведшю емоу к собѣ в помочь и быша емоу нѣ на коую же ползоу»[1131]. Эта фраза завершает описание «подготовительного этапа» будущего конфликта, после чего идет рассказ о боевых действиях. В первой редакции «Истории Российской» В. Н. Татищева реакция Владимира на требование собранной против него коалиции описана следующим образом: «Оному же не хотящу ни слышати о сем, угры бо приведшю ему з баном, князем их, и поношающу старейшему их брату»[1132]. В этом отрывке имеются явные ошибки в древнерусском языке, которые, скорее всего, были уже в источнике, ис-

[1130] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. II. С. 158.
[1131] ПСРЛ. Т. II. Стб. 315.
[1132] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. IV. С. 199.

пользованном В. Н. Татищевым. Во второй редакции этого же труда в аналогичном месте содержится пересказ древнерусского текста языком, более понятным читателю XVIII в.: «Но он (Владимирко. – *М. Ю.*), презрев то увещание, ни слышать о том не хотел, паче же призвал бана венгерского с войском, и с поношением Всеволоду и протчим князьям ответствовал»[1133].

Таким образом, Владимир Володаревич явно действовал с намерением обострить обстановку на юге Руси, чтобы закрепить своё независимое положение правителя значительного по площади княжества[1134]. Бесстрашие галичского князя перед лицом столь внушительной коалиции, которая не сразу открыла военные действия против него, объясняется, скорее всего, уверенностью в том, что направлявшееся к нему венгерское войско сможет вместе с его дружиной противостоять силам собранной Всеволодом армии. В связи с этим возникает вопрос: почему венгерская правящая верхушка поддержала на этот раз не киевского, а галичского князя. В предыдущей главе уже обращалось внимание на то, как тяжело складывались отношения Калмана Книжника и его сына Иштвана II с Владимиром Мономахом и Мстиславом Великим. Казалось, что после смерти Святополка Изяславича (1113), поддерживавшего с Арпадами стабильные союзнические отношения, между Киевом и Фехерваром наступило на долгое время отчуждение, правда, не переставшее в войну. Закрепление ветви Мономаха на киевском княжении создавало условия для сохранения этой враждебности.

На таком фоне активная поддержка Владимиром Володаревичем Белы II в его борьбе с Пястами создавала первому, тогда еще звенигородскому князю, хорошую репутацию в Венгрии. В 1138 г. Бела II отправил свое войско на помощь Ярополку Владимировичу для наказания непокорного черниговского князя Всеволода Ольговича. Естественно, отношение к последнему в Венгрии не могло сразу же измениться в лучшую сторону, когда он превратился из местного князя – зачинщика междоусобицы в правителя Киева. Репутацию

[1133] Там же. Т. II. С. 158.

[1134] Свидетельство В. Н. Татищева о том, что Владимир Володаревич требовал себе Волынь, поскольку она является «вотчиной его деда» (*Татищев В. Н.* Собрание соч. Т. II. С. 158), скорее всего, является домыслом историка.

Всеволода Ольговича как одного из наиболее ярких независимых политиков, не желавших (впрочем, как и Мономаши) исполнять «заветы Ярослава Мудрого», сложившуюся о нём в правящих кругах Венгрии после событий 1138 г., подкрепили инициированные им попытки передела волостей, закреплённых за отдельными ветвями рода Рюриковичей в результате соглашений конца XI – первой трети XII в.

Таким образом, Всеволод Ольгович должен был восприниматься при дворе Арпадов как противник, в то время как Владимир Володаревич был проверенным союзником. К тому же, активное вмешательство венгерских королей в междоусобия русских князей, начало которому положил поход Калмана Книжника 1099 г. к Перемышлю, не могло не вызвать у Арпадов и их окружения стремления к расширению пределов Венгрии за счёт земель по другую сторону Карпат. Выше уже говорилось о том, что Й.-Х.Энгель считал Владимира Володаревича зависимым от Венгрии правителем, поскольку главной задачей его сочинения было доказать принадлежность Галиции венгерской короне с давних времён. В глазах австрийского исследователя XVIII в. военная помощь, оказанная галичскому князю Арпадами, выглядит как поддержка сеньором своего вассала. С формальной точки зрения, сам факт выступления венгерского королевского войска на стороне местного князя против мощной коалиции во главе с правителем Киева, как будто бы подкрепляет концепцию. Однако никаких доказательств вассальной зависимости Владимира от венгерской короны у нас нет, это не более чем догадка.

В. Н. Татищев старался подчеркнуть в своем многотомном труде, что галицкий князь сознательно стремился к наибольшему обострению конфликта с Ольговичами, о чём свидетельствуют его крайне резкие заявления накануне начала боевых действий. Раннее летописание не подтверждает это мнение историка. Война 1144 г. оказалась весьма скромной по своим масштабам. Князья, приведшие свои дружины к Звенигороду, продемонстрировали высокий уровень знания военной тактики и умелыми действиями фактически «заперли» Владимира у Звенигорода, лишив его возможности эффективного ма-

неврирования своими отрядами и отрезав от него Галич. Киевский свод описывает эти действия такими словами: «И ста Всеволодъ по сей сторонѣ града (Звенигорода – *М. Ю.*), а Володимиръ ста об оноу стороноу, сшедъ с горы, а межю ими рѣка Бѣлка. И повелѣ имъ Всеволодъ чинити гати комоуждо своемоу полкоу. И заоутра переидоша рѣкоу и взяша горы за Володимеромъ. Володимеръ же, мня, яко к немоу идоуть, и ста исполчивъся передъ городом на болоньи. Симъ же бяше полкомъ нѣлзѣ битися с ними тѣсноты ради, зане бяхоу болота пришли, но оли на подъ горы. Тѣм же взидоша Роустии полци на горы и заидоша от Перемышля и от Галича»[1135].

Возможно, Владимир и готов был сражаться с окружившими его войсками враждебной коалиции, однако, судя по свидетельству Киевского свода (Ипатьевской летописи), жители Галича не были настроены нести бессмысленные жертвы. «Видивше же то Галичане, съчноуша, рекоуче: «Мы сде стоимы, а онамо жены наша возмоуть», сообщает по этому поводу летописец[1136]. Отсутствие поддержки со стороны населения Галича заставило Владимира просить Игоря Ольговича стать посредником в деле примирения его с Всеволодом. Далее в цитированной Ипатьевской летописи названа конкретная сумма, которую пришлось заплатить галицкому князю за прекращение боевых действий против него – 1400 гривен серебра[1137]. Судя по Лаврентьевской летописи, этот выкуп был немного меньше – 1200 гривен[1138]. В. Н. Татищев считал правильной сумму, отражённую в последнем источнике[1139], но известие Ипатьевской всё же более раннего происхождения.

С точки зрения темы настоящего исследования важно выяснить степень участия венгерского королевского войска в событиях 1144 г. в юго-западной Руси. Она явно была незначительной. Недаром летописец ничего не сообщает о том, где находились отряды бана Белуша и каким образом они помогали Владимиру. Скорее всего, они входили в состав войска Владимира Володаре-

---

[1135] ПСРЛ. Т. II. Стб. 315.
[1136] Там же. Стб. 315–316.
[1137] Там же. Стб. 316.
[1138] Там же. Т. I. Стб. 312.
[1139] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. II. С. 159; Т. IV. С. 200.

вича. Судя по тому, с какой лёгкостью была осуществлена операция по лишению галичского князя не только стратегической, но и тактической инициативы, можно с большой долей уверенности предположить, что венгерские отряды не успели принять участия в боевых действиях под Звенигородом, оставшись фактически сторонними наблюдателями. Это предположение подтверждает уже цитировавшееся выражение летописца: «Оугры приведшю емоу к собѣ в помочь и быша емоу нѣ на коую же ползоу»[1140]. Поскольку автор той части Ипатьевской летописи, в которой описывается рассматриваемый сюжет, был негативно настроен к Владимиру Володаревичу, он так пренебрежительно отозвался о роли венгров в этом конфликте и ничего не написал об их уходе из Руси.

Поражением Владимира Володаревича от собранной Всеволодом Ольговичем коалиции воспользовались в 1145 г., когда Владимира не было в городе, жители Галича, тайком пригласившие на княжение его племянника Ивана Ростиславича (Берладника), занимавшего стол в Звенигороде. Однако вернувшийся с охоты Владимир одержал победу над Иваном и с этого времени стал единоличным правителем Галицкой земли[1141].

В 1146 г., через два года после того, как Владимир Володаревич дал крестное целование Всеволоду не нарушать более мира с соседними князьями, правитель Галича вновь продемонстрировал неповиновение киевскому князю и вновь подвергся нападению собранной Всеволодом княжеской коалиции. На этот раз летописец ничего не сообщает об оказании галичскому князю военной помощи из Венгрии. Правда, В. Н. Татищев во второй редакции «Истории Российской» упоминает об этом, но явно в форме авторской приписки, чтобы объяснить читателю причины нового витка противостояния между галичским и киевским князьями: «Владимирко галицкий злобяся на Всеволода, что Владимир отдал сыну своему, и надеяся силе своей, паче же на помосчь венгров, искал всегда войны причины. И усмотря время ему способное, по-

[1140] ПСРЛ. Т. II. Стб. 315.
[1141] См. об этом: Там же. Стб. 316–317.

слал паки ко Всеволоду объявить многие свои обиды и грамоты мирные велел повергнуть, а сам немедленно пошел на область Всеволожу и взял град Прилук»[1142]. Упоминание В. Н. Татищевым Прилука – города, принадлежавшего киевским князьям и находившегося на границе с Черниговской землёй, свидетельствует о том, что историк в данном случае приписал Владимиру Володаревичу действия одного из черниговских родственников Всеволода – Владимира Давыдовича. Захват Прилука был одним из ответов Ольговичей на упорное нежелание Всеволода Ольговича расширить владения своих братьев и племянников.

Как видно из цитированного отрывка, историк (или его источник), описывая обстоятельства, в которых возник новый конфликт между Владимиром и Всеволодом, явно заимствует некоторые детали (недовольство княжением Святослава Всеволодича во Владимире-Волынском, «повержение» крестоцеловальных грамот) из предыдущего материала. По всей видимости, недостаток сведений о развязывании конфликта 1146 г. побудил В. Н. Татищева (или автора использованного им источника) продублировать часть информации, относящейся к событиям кануна конфликта 1144 г. Напоминание о поддержке политики Владимира венгерской правящей верхушкой логически дополнило нарисованную историком XVIII в. (или более раннего времени) картину обострения отношений между Киевом и Галичем в 1146 г.

Женитьба Гезы II на Евфросинье Мстиславне. Последним среди известных нам из источников фактов, относящихся к истории русско-венгерских отношений времени киевского княжения Всеволода Ольговича, является заключение брака между сестрой правившего в то время в Переяславле Изяслава Мстиславича Евфросиньей и тогдашним королём Венгрии Гезой II. Ни русские летописцы, ни авторы европейских средневековых исторических сочинений, ни В. Н. Татищев не сохранили никаких известий о времени свадьбы Гезы и Евфросинии. Решая эту проблему, историки вынуждены привле-

[1142] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. II. С. 161.

кать косвенные данные. На основании показаний русских летописей можно установить лишь то, что ко времени своего первого похода на Русь (1148 г.) Геза II уже был родственником Изяслава Мстиславича, хотя прямо об этом Ипатьевская летопись говорит при описании военной кампании следующего года, называя венгерского короля зятем Изяслава[1143]. Поскольку у нас нет сведений о том, что у Гезы II была другая жена до Евфросиньи Мстиславны, при определении времени женитьбы Гезы II на русской княжне можно отталкиваться от данных о появлении на свет детей этой королевской четы.

«Композиция венгерских хроник XIV в.» повествует в главе 166 о прохождении войска крестоносцев через Венгрию в 1147 г. Одним из руководителей II крестового похода был французский король Людовик VII (1137–1180). По свидетельству, содержащемуся лишь в списках семейства Венской или Иллюстрированной хроники, за императором (на самом деле королём) Конрадом III «почтительно и как подобает пилигриму Христа, последовал выдающийся король французов, который был с почётом принят королем Гезой. Находясь у него некоторое время, он связал себя с королём Гезой узами крестного отцовства»[1144], т. е. стал крестником ребенка Гезы II. Составитель Венгерского хроникального свода не приводит никаких дат в сообщении о пребывании Людовика VII в Венгрии. По данным других европейских средневековых источников, обобщенных В. Бернхарди[1145], французский король 29 июня был еще в Вормсе, а перед 4 октября достиг Константинополя. На основании этого и собственных расчетов времени движения крестоносцев Д. Паулер предположил, что войско Людовика VII подошло к венгерским границам не ранее 21 июля, а вступило на территорию Венгрии уже в августе[1146]. По мнению М. Фонт, Людовик VII стал гостем Гезы II уже в июле

[1143] ПСРЛ. Т. II. Стб. 384.

[1144] “Cuius cesaris precessum egregius rex Francorum venerabiliter et, ut decet Christi peregrinum, subsecutus, a rege Geycha honorabiliter susceptus est. Apud quem aliquamdiu conmoratus conpaternitatis vinculo regi Geyche sociatur…” (Chronici Hungarici compositio saeculi XIV // SRH. Vol. I. P. 458).

[1145] *Bernhardi Wilhelm.* Jahrbücher der Geschichte Konrads III. Leipzig, 1883. S. 603, 606, 640.

[1146] *Pauler Gy.* A magyar nemzet története azÁrpádházi királyok alatt. 491. l. és 464. jegyz.

1147 г. На основании этого венгерская исследовательница датирует время заключения брака между Гезой и Евфросиньей второй половиной 1146 г.[1147]

Предложенная М. Фонт дата представляется наиболее вероятной. Составитель полной генеалогии рода Арпадов М. Вертнер даёт более узкую датировку рассматриваемого события – ноябрь–декабрь 1146 г., опираясь на факт рождения у Гезы и Евфросиньи первенца в июле 1147 г., а также поддерживая точку зрения Ф. Кс. Шира, считавшего, что Геза II мог вступить в брак только после обряда вручения ему меча, состоявшегося перед битвой с немецкими рыцарями на р. Лейте 11 сентября 1146 г.[1148] Так или иначе, но процесс подготовки к заключению этого брака, несомненно, начался ещё в период киевского княжения Всеволода Ольговича, который, как известно, ушёл из жизни 1 августа 1146 г.[1149]

Недавно Дариуш Домбровский высказал гипотезу о том, что Евфросинья Мстиславна вышла замуж в 1144 г. При этом польский историк опирается не на более достоверные данные другого источника, а на свои расчёты возраста старшей дочери Гезы II и Евфросиньи – Эржебет (Елизаветы), причём отправной точкой в данном случае является замужество ок. 1164 г. старшей дочери Эржебет и Фридерика – сына чешского короля Владислава II[1150]. Безусловно, расчёты Д. Домбровского имеют под собой серьёзные основания, однако они пока не могут опровергнуть господствующую в историографии точку зрения о заключении брака между Гезой и Евфросиньей Мстиславной в 1146 г.

Что побудило Изяслава Мстиславича установить матримониальные связи с Арпадами? Ответ на этот вопрос во многом очевиден. Всеволод Ольгович, предчувствуя скорую смерть, постарался, насколько это было возможно, закрепить за Ольговичами киевский стол. Сначала он объявил это ближайшим

[1147] *Font M.* Magyar-orosz politikai kapcsolatok… 58. l. (*Фонт М.* Венгерско-русские политические связи… С. 94).
[1148] *Wertner M.* Az Árpadok családi története. 312–313.l.
[1149] ПСРЛ. Т. II. Стб. 321.
[1150] *Dąbrowski D.* Genealogia Mścisławowiczów... S. 173–174.

родственникам[1151], а непосредственно перед своей кончиной настоял на том, чтобы жители Киева поклялись ему на кресте признать Игоря Ольговича своим князем после его смерти[1152]. В этих условиях Изяслав Мстиславич, который был переведён в 1143 г. в Переяславль из менее престижного Владимира-Волынского с реальной перспективой последующего утверждения в Киеве, почувствовал реальную угрозу лишиться своего переяславского стола. Ещё не забылось начало правления в древней столице Руси Всеволода Ольговича, пытавшегося не только перераспределить южнорусские княжения, но и лишить Ростислава Мстиславича смоленского стола[1153].

Невозможность найти сильных союзников среди русских князей, находившихся в оппозиции к Ольговичам, заставила Изяслава Мстиславича искать поддержки за пределами Руси. Представляется весьма вероятным, что Изяслав, временно потерявший перспективу занятия киевского стола, осознал шаткость своей власти не только в Переяславле, но и при возможном возвращении во Владимир-Волынский, поскольку его исконная волость находилась в соседстве с землей верного союзника Ольговичей – краковского князя Владислава II. Поскольку между Арпадами и Пястами сохранялись враждебные отношения, наиболее подходящим кандидатом на роль иностранного союзника Изяслава Мстиславича был венгерский король.

Нельзя не отметить и изменение роли Владимира Володаревича в новой системе русско-венгерских отношений, которая начала складываться в последние годы киевского княжения Всеволода Ольговича. В одном окружение Гезы II осталось верным себе: оно так и не установило союзнических отношений с Ольговичами. В остальном же оно явно пошло на смену стратегического союзника, скорее всего, осознав, что чрезмерная активность и высокомерие галичского князя по отношению к соседним князьям и Киеву могут втянуть Арпадов в борьбу с мощной коалицией многочисленных противников Владимира Володаревича. Как показали последующие события, именно

[1151] ПСРЛ. Т. II. Стб. 318.
[1152] Там же. Стб. 320–321.
[1153] ПСРЛ. Т. I. Стб. 307; Т. II. Стб. 304.

активная поддержка Гезой II своего зятя Изяслава Мстиславича сделала венгерского короля одним из наиболее авторитетных арбитров в междукняжеских отношениях на юге Руси.

Выводы. Присылкой в 1138 г. военной помощи Ярополку Владимировичу против Всеволода Ольговича Бела II нормализовал отношения с Мономашичами. Это событие знаменовало собой полный отказ Киева от поддержки Бориса Калмановича. В этом же году умер давний покровитель последнего Болеслав III Кривоустый, а в следующем 1139 г. ушла из жизни мать Бориса Евфимия Владимировна, ради которой Борис мог приехать на Русь, уже не надеясь получить военную или материальную помощь от ее братьев. Смерть матери сделала бессмысленным дальнейшее пребывание на Руси неудачливого претендента на венгерский престол.

В эпоху киевского княжения Всеволода Ольговича (1139–1146) Арпады не стали устанавливать с ним союзнические отношения из-за его репутации зачинщика междоусобиц. С приходом к власти Гезы II (1141–1162), когда в течение первых пяти лет его правления фактическим правителем Венгрии был его дядя по матери – боснийский бан Белош (Белуш), венгерский королевский двор поддержал в 1144 г. галицкого князя Владимира Володаревича (1141–1153) в его попытках проводить полностью независимую от Киева политику. Венгерское королевское войско в 1144 г. возглавил лично бан Белуш. Однако Владимир Володаревич был быстро окружён противниками и не смог воспользоваться венгерской помощью. Политический авантюризм галицкого князя побудил окружение Гезы II к поиску новых союзников на Руси при сохранении враждебности к черниговским Ольговичам, результатом чего стал брак Гезы II и внучки Мономаха Евфросиньи Мстиславны.

ГЛАВА VI
ПОХОДЫ ВОЙСКА ГЕЗЫ II НА РУСЬ В 1148–1152 ГГ.

1. Причины и начало активного привлечения Изяславом Мстиславичем венгерской военной помощи

Последствия потери Ольговичами Киева. Кратковременное правление в Киеве Игоря Ольговича (1–13 августа 1146 г.) закончилось его поражением от войска Изяслава Мстиславича, на сторону которого встали киевляне. Бежавший с поля битвы Игорь был пойман на Дорогожичском болоте и отправлен сначала в Выдубицкий монастырь, а затем в поруб монастыря св. Иоанна в Переяславле. Всё это знаменовало собой потерю Киева черниговской княжеской ветвью (Ольговичами) и возвращение в него Мономашичей. Смена власти в Киеве была выгодной для венгерского двора, поскольку Изяслав был шурином Гезы II. В. Н. Татищев вставляет во второй редакции своей «Истории Российской» между описаниями поимки Игоря Ольговича и обращения его брата Святослава к двоюродным братьям (Давыдовичам) с просьбами о помощи против Изяслава Мстиславича специальный абзац, посвящённый русско-венгерским отношениям. Привожу его полностью: «В то же самое время послал Изяслав к зятю своему королю венгерскому и к сестре дву передних вельмож обвестить, что ему бог поручил неправо взятый престол отца получить. И с ними послал дары многие. Король же прислал от себя с поздравлениями и дарами, обесчевая Изяславу войска в помочь дать, когда сколько потребует»[1154].

В первой редакции рассматриваемого труда В. Н. Татищева цитированные известия отсутствуют. Этот абзац впервые появляется в Воронцовском списке рукописи «Истории Российской». В её издании 1773–1774 гг. в аналогич-

[1154] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. II. С. 165.

ном тексте отсутствует слово «получить»[1155]. Хотя по сути содержащейся в нём информации вставленный историком XVIII в. абзац, в котором подчеркиваются особо близкие отношения между Изяславом Мстиславичем и Арпадами, не противоречит другим источникам, всё же его трудно признать достоверным, не имея никаких сведений о его происхождении. Общеизвестно стремление В. Н. Татищева к домысливанию отдельных «сюжетных линий» своего повествования. Исходя из общего контекста истории взаимоотношений Изяслава и Гезы II, вполне можно было бы предположить, что венгерского короля, показавшего себя впоследствии последовательным союзником дважды терявшего Киев князя, необходимо было в числе первых оповестить о решающем успехе Изяслава Мстиславича в борьбе с Игорем Ольговичем. Однако всё это остается в области догадок, хотя точное указание В. Н. Татищевым на то, что Изяслав послал в Венгрию «дву передних вельмож», возможно, является цитатой из не дошедшего до нас источника.

Вступление Изяслава Мстиславича в Киев 13 августа 1146 г., ставшее возможным благодаря выбору его на княжение жителями древней столицы, отнюдь не означало окончания его борьбы с братьями Всеволода Ольговича. Хотя наследовавший Всеволоду Игорь Ольгович был сломлен сначала физически, а затем и морально, и осенью того же года, находясь в порубе, попросил разрешения Изяслава на пострижение в монахи[1156], его брат Святослав Ольгович не думал складывать оружия. При этом последнему пришлось пожинать плоды внутренней политики Всеволода Ольговича, сознательно настраивавшего одну ветвь черниговских князей против другой. В результате сыновья Давыда Святославича, обидевшиеся в своё время на Всеволода за его упорное нежелание закрепить за ними черниговское княжение, легко пошли на союз с Изяславом Мстиславичем против своих двоюродных братьев Игоря и Святослава Ольговичей[1157]. По свидетельству летописца, Владимир и

[1155] Там же. С. 290.

[1156] Об этом свидетельствует Новгородская I летопись, согласно которой (под 6654 г.), Игорь «на осень вымолися постричься» (ПСРЛ. Т. III. С. 27). Само же пострижение Игоря произошло 5 января 1147 г., о чём сохранилось известие в Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. I. Стб. 314).

[1157] См. об этом подробный рассказ Ипатьевской летописи: ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 328–329, 330–331.

Изяслав Давыдовичи намеревались «свершивѣ до конца братоубийство», «искоренивѣ С(вя)тослава и переименѣ волость его»[1158]. Поскольку их главным союзником стал Изяслав Мстиславич, Святославу Ольговичу пришлось обратиться за помощью к дяде Изяслава – суздальскому князю Юрию Владимировичу (Долгорукому)[1159]. Правда, не прошло и года, как ситуация кардинальным образом поменялась. Давыдовичи уже летом 1147 г. изменили Изяславу, восстановив единство черниговских князей[1160].

Вскоре после прихода к власти в Киеве Изяслава Мстиславича (1146–1154, с перерывами) его дядя – в то время старейший по возрасту среди Мономашичей Вячеслав Владимирович – попытался по совету своих бояр расширить принадлежавшие ему владения не только за счёт возвращения городов, отнятых у него Всеволодом Ольговичем, но и путём захвата Владимира-Волынского, где он оставил своего посадника. Однако Изяслав быстро поставил дядю на место, отобрав у него занятые города, а также Туров, где Вячеслав находился на княжении, направив туда княжить своего сына Ярослава[1161]. В результате этих действий племянника Вячеславу пришлось идти на княжение в Пересопницу. В задачу настоящего исследования не входит выяснение подробностей борьбы за Черниговщину в 1146–1147 гг. С точки зрения внешнеполитической истории важно то, что уже тогда, т. е. примерно за полтора года до появления в юго-западной Руси венгерского войска, посланного Гезой II (1141–1162), складываются, в основном, те княжеские коалиции, которые будут бороться за Киев до середины 50-х годов XII в. Но в то время Юрий Владимирович, главным образом, оказывал военную помощь князьям, воевавшим против племянника, и разорял окраины Новгородской земли, где княжил сын Изяслава Мстиславича Святополк.

Из соседей Руси представители противоборствующих сторон, прежде всего, Изяслав Мстиславич и Святослав Ольгович, приглашали в ходе междоусобицы 1146–1147 гг. на помощь лишь степняков (половцев). Поэтому пер-

[1158] См.: Там же. Стб. 330.
[1159] Там же. Стб. 329.
[1160] Там же. Т. I. Стб. 315; Т. II. Стб. 342–343.
[1161] См. об этом: ПСРЛ. Т. I. Стб. 314; Т. II. Стб. 330.

вой дипломатической акцией Изяслава, проведённой вскоре после его прихода к власти в Киеве, было традиционное заключение очередного мира с половцами, инициированное их «князьями»[1162]. Если оценивать перспективы отношений Изяслава Мстиславича с западными соседями Руси после его победы над Игорем Ольговичем, то необходимо учитывать тот факт, что одним из надежных союзников Всеволода Ольговича был краковский князь Болеслав IV Кудрявый (1146–1173). Еще в начале 1146 г. Болеслав принимал активное участие в походе собранной Всеволодом коалиции против галицкого князя Владимира Володаревича[1163], но у нас нет сведений об участии Болеслава IV в борьбе Святослава Ольговича с Изяславом Мстиславичем. М. Фонт, характеризуя внешнеполитические связи Изяслава Мстиславича, пишет о том, что польские князья Болеслав IV и его соперник в борьбе за Краков Мешко III Старый были связаны с ним родственными узами: «оба они были женаты на представительницах рода Изяславичей: Болеслав – на дочери Всеволода Мстиславича Верхуславе, а Мешко – на Евдокии, дочери Изяслава Мстиславича»[1164]. При этом венгерская исследовательница ссылается на свидетельство «Польской истории» Яна Длугоша, помещённое в книге V этого труда и датированное 1151 г., в котором женой Болеслава названа Анастасия, «дочь князя Галича Всеволодимира (*так*! – *М. Ю.*)», а женой Мешко III – Евдоксия, «другая дочь Всеволодимира»[1165]. Источник этой информации польского хрониста неизвестен[1166].

По мнению польского историка К. Яшиньского, автора новейшего капитальный труд по генеалогии Пястов, о браке Болеслава IV и Верхуславы Всеволодовны свидетельствует Ипатьевская летопись в сообщении под 6645 г., где записано, что Всеволод Мстиславич «отда дчѣрь свою в Ляхы Верхоу-

---

[1162] ПСРЛ. Т. I. Стб. 314.
[1163] Там же. Т. II. Стб. 319.
[1164] *Font M.* Magyar-orosz politikai kapcsolatok… 59–60. l. (*Фонт М.* Венгерско-русские политические связи… С. 96.)
[1165] См.: *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С.167–168 (текст), 320–321 (пер.). Евдоксия была второй женой Мешко III Старого, на которой он женился после смерти первой супруги – венгерской принцессы Эржебет.
[1166] *Назаренко А. В.* Дополнения // Там же. С. 427 Примеч. 297.

славоу»[1167]. Исходя из этого, выход замуж Верхуславы К. Яшиньский датирует 1137 г.[1168], а значит, Болеслав IV в 1146 г. уже давно был родственником Изяслава Мстиславича. Что касается русской жены Мешко III, то точное установление даты выхода замуж за польского князя дочери Изяслава Мстиславича представляется делом значительно более трудным, чем в случае с браком его племянницы. Самое раннее свидетельство о том, что второй женой Мешка III была «дочь русского короля», содержится в Хронике магистра Винцентия Кадлубка (IV, 2) при перечислении его детей[1169]. Отсутствие точной даты у Кадлубка вынуждает исследователей приблизительно датировать этот брак началом 50-х годов XII в.[1170] или между 1151 и 1154 гг.[1171] Исходя из этого, упоминание М. Фонт Мешка III в качестве родственника Изяслава Мстиславича в 1147 г. представляется некорректным.

По свидетельству Магдебургских анналов, в 1147 г. Болеслав IV организовал карательный поход против разорявших его владения пруссов, в котором, помимо «неисчислимого» польского войска приняли участие «многочисленные вооруженные отряды» русских[1172]. Немецкий хронист не знал, кто из русских князей оказал помощь Болеславу Кудрявому. По мнению А. Б. Головко, «ряд косвенных фактов свидетельствует о том, что в военных действиях, видимо, участвовали дружинники Изяслава Мстиславича. Это подтверждается существовавшими связями киевского князя с младшими Болеславичами в конце 40-х годов XII в., а также то, что поход проходил в русле традиционной прибалтийской политики Киева. Вполне возможно, что в нём принимали участие и отряды смоленского князя Ростислава Мстиславича, который часто поддерживал брата в военных начинаниях»[1173]. Мнение А. Б. Головко представляется вполне вероятным, поскольку у нас нет сведений о связях польских князей в тот момент с другими русскими князьями.

[1167] ПСРЛ. Т. II. Стб. 300.
[1168] *Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. S. 228–229.
[1169] *Magistri Vincentii* Chronicon Polonorum. P. 359; *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С 92 (текст), С. 105 (пер.).
[1170] Там же. С. 123 и примеч. 17.
[1171] *Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. S. 241–242.
[1172] Annales Magdeburgenses // Ed. G.H.Pertz // MGH SS. T. 16. Hannoverae, 1859. P. 188.
[1173] *Головко А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях... С. 78.

Во внешней политике, которую проводил Изяслав Мстиславич после вокняжения в Киеве, прослеживается преемственность по отношению к деятельности на этом же поприще Всеволода Ольговича (1139–1146). Особенно ярко это проявляется в отношениях с Византией. Как известно, в 1145 г. митрополит-грек Михаил уехал в Константинополь, запретив в своё отсутствие богослужение в главном храме Руси – церкви св. Софии в Киеве. Оставление Михаилом митрополии было, скорее всего, выражением духовным главой Руси протеста против церковной политики Всеволода[1174]. Конфликт между князем и митрополитом так и не был урегулирован до смерти Всеволода. Всё это явно свидетельствовало об ухудшении отношений Киева с Византией при Всеволоде Ольговиче. Изяслав Мстиславич пошёл в этом направлении ещё дальше, организовав в 1147 г. избрание русского клирика Клима (Климента) Смолятича киевским митрополитом, несмотря на протесты греческих епископов, возглавлявших отдельные русские епархии[1175]. Этот акт способствовал укреплению союза Изяслава с Гезой II, поскольку именно в это время серьёзно обострились венгерско-византийские отношения. Геза II воспринял поставление Клима на киевскую митрополию как подтверждение Изяславом антивизантийской направленности их союза, на чём делают акцент современные венгерские историки[1176].

Внешнеполитическое положение Венгрии в 1146–1148 гг. В момент занятия Изяславом Мстиславичем киевского стола монархия Арпадов находилось в достаточно непростой международной ситуации, которая в течение последующего десятилетия всё более осложнялась. Ф. Макк так характеризует ситуацию, сложившуюся вокруг Венгерского королевства в середине XII в.: «Политическая и военная конфронтация союзнических коалиций протекала на «второстепенных театрах войны». Вместо Южной Италии, Константино-

[1174] Подробнее об этом см.: *Присёлков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси… С. 203 [Первое издание книги вышло в 1913 г.].
[1175] ПСРЛ. Т. I. Стб. 315; Т. II. Стб. 340–341.
[1176] *Makk F.* Magyar külpolitika (896–1196). 2. kiad. 187. l.; *Font M.* Magyar-orosz politikai kapcsolatok… 59.l. (*Фонт М.* Венгерско-русские политические связи… С. 95).

поля и Палестины – в Германии (на территории Саксонского и Баварского герцогств), на землях Руси и на Балканах настал черёд для вооруженных столкновений, точнее – для политико-дипломатических схваток.

Венгрия за несколько лет осложнила своё положение вступлением в войну на два фронта, на Руси и Балканах. Геза II сам также принимал участие в создании французско-норманнской коалиции благодаря тому, что на стороне этого лагеря он неоднократно вовлекал в войну сербов, и он был связующим звеном между русским правителем Киева и норманнским правителем Палермо. Как результат его дипломатической деятельности во многих случаях на русских землях он мирил враждовавших князей друг с другом. В течение нескольких лет он регулярно вмешивался в русские, сербские, немецкие и византийские внутренние дела, точнее – в борьбу за престол»[1177].

Продолжалась очередная военная кампания против Венгрии в пользу Бориса Калмановича. Главным противником Гезы II в то время был австрийский маркграф Генрих II Язомирготт (1141–1177, с 1156–герцог). После возвращения венгерским королём (за выкуп) Пожони (Братиславы), захваченной у него иностранными сторонниками Бориса[1178], Геза II решил дать генеральное сражение маркграфу Генриху. Собранное венгерским королём войско отправилось на австрийскую границу – к мошонским воротам. Здесь, на реке Лейте (Лайте) венгры во главе с королем и его дядей – баном Белушем – одержали победу над немецкими рыцарями, собранными Генрихом в различных областях Германии. Это событие произошло 11 сентября 1146 г. Тем не менее, оно не прекратило авантюру Бориса Калмановича, который, видимо, очень надеялся на то, что германский король Конрад III (1137–1152) не оставит без отмщения позорные провалы немецких рыцарей под Пожонью и на р. Лейте[1179]. Однако германский король в то время был захвачен идеей участия в готовившемся новом походе в Святую землю, вследствие чего не имел ни военных сил, ни средств, чтобы отомстить Гезе II.

[1177] *Makk F.* Magyar külpolitika (896–1196). 2. kiad. 186. l.

[1178] Это событие современные венгерские историки датируют временем после 7 апреля 1146 г. См.: MTK. 108. l.

[1179] *Розанов С. П.* Евфимия Владимировна и Борис Коломанович. № 9. С. 662.

В этих условиях претендент на венгерский престол решил обратиться за помощью к французскому королю Людовику VII (1137–1180). 16 февраля 1147 г. Борис отправил находившемуся в г. Этампе Людовику письмо, в котором описал свою жизненную ситуацию и просил о помощи в деле «восстановления справедливости», за которую он боролся. Поскольку французский король в то время также занимался подготовкой к походу на Ближний Восток и не имел никаких политических интересов в Венгрии, он, скорее всего, отнёсся к просьбе Бориса безучастно[1180].

Внешний фактор заметно осложнил внутреннюю ситуацию в Венгрии в 1147 г. Как раз в это время через Среднее Подунавье прошёл главный маршрут Второго крестового похода. Его руководителем стал германский правитель[1181] Конрад III, собравший огромное войско в Священной Римской империи, к которому присоединились армии некоторых других европейских государей. После 8 июня 1147 г. крестоносная масса, руководимая Конрадом III, вступила в пределы Венгерского королевства[1182], месяцем позже за ней последовала армия Людовика VII (см. выше). Конрад III решил использовать прохождение через Венгрию для своеобразной мести Гезе II. Как сообщает Венгерский хроникальный свод в главе 166, император[1183] Конрад в Венгрии «проявил себя не пилигримом Христа, принеся ей не мир, а скорее гнев тирана и грабителя. Ведь после того как он получил разрешение, притворными просьбами он извлёк из венгерского королевства немало денег, поскольку во всей Венгрии не оставалось ни матери-церкви, ни монастыря, у которых бы не отняли деньги и которые бы из страха не предложили их совершающему паломничество императору»[1184]. Естественно, понеся значительный матери-

[1180] Подробнее об этом: Там же.

[1181] Конрад III за всё время своего правления так и не смог короноваться императорской короной в Риме, фактически оставаясь германским королём, но во многих средневековых европейских источниках он традиционно называется императором.

[1182] MTK. 108. l.

[1183] Как видно из приводимой далее цитаты, венгерские хронисты называли Конрада III императором (caesar).

[1184] „Corrardus caesar... Hungarie vero non Christi peregrinus apparuit, in qua non pacem, sed potius iram tirannidis predonis exercuit. Nam petitionis simulatione inventa aditum, a regno Hungarie pecuniam non modicam extorsit, ita ut nulla mater ecclesia sive monasterium totius Hungarie remaneret, de quo pecunia non extraherentur et

альный ущерб от прохождения войска германского императора через своё королевство, Геза II в то время не мог оказать существенной военной помощи своему зятю Изяславу Мстиславичу.

Сложной ситуацией, в которую попал Геза II, вынужденный, помимо описанных выше обязанностей, сопровождать крестоносные армии, пресекая попытки «Христовых воинов» решать возникавшие у них проблемы продовольствия и фуража путём ограбления венгерских крестьян, решил воспользоваться Борис Калманович, тайно присоединившийся к войску Людовика VII. Следует отметить, что очередная попытка Бориса организовать поход против Гезы II уже закончилась крахом. Скорее всего, осознав это, неудачливый претендент на венгерский престол в тот момент не думал о поисках новых покровителей, а всего лишь хотел никем незамеченным возвратиться в Византию, где проживала его семья.

Поскольку Борис Калманович, как известно, был внуком Владимира Мономаха, возникает закономерный вопрос: как он должен был оценивать политические перемены в южной Руси, происшедшие в августе 1146 г.? Потеря Ольговичами Киева не дала Борису новых возможностей для продолжения его попыток занять венгерский престол. Хотя Изяслав Мстиславич приходился Борису двоюродным братом, женитьба Гезы II на сестре Изяслава Евфросинье означала установление тесных связей между правителями Киева и Венгрии. Выше уже говорилось о том, что во время прохождения крестоносного войска через Венгрию летом 1147 г. у Гезы и Евфросиньи родился первенец (будущий король Иштван III), крёстным отцом которого стал Людовик VII. Следовательно, у Изяслава Мстиславича появился в Венгрии племянник – не менее (а скорее – более) близкий родственник, чем двоюродный брат.

Всё это, однако, не означало, что Борис Калманович перестал быть субъектом русско-венгерских отношений, но, как будет показано ниже, найти военную помощь для нового похода в Венгрию Борису так и не удалось. Его

---

peregrinanti cesari pre timore non offeretur”. (Chronici Hungarici compositio saeculi XIV // SRH). Vol. I. P. 457–458).

дальнейшая судьба связана с Византией, она неоднократно исследовалась историками[1185]. Проведение Изяславом Мстиславичем открытой антивизантийской политики стало ещё одним фактором, фактически лишившим неудачливого претендента на венгерский престол возможности найти союзников на Руси. Несмотря на то что Борис временно потерял поддержку европейских государей из-за начавшегося крестового похода, для правящей верхушки Венгрии он продолжал представлять определенную опасность. Поскольку Бориса хорошо знали в Венгрии, один из венгерских дворян опознал его, увидев в обозе Людовика VII, после чего Геза II потребовал от французского короля выдачи незаконного претендента. Однако Людовик VII не отдал Бориса его врагам и помог внуку Владимира Мономаха благополучно добраться до Византии[1186].

К. Я. Грот обратил внимание на то, что правительство Гезы II не проявило никакого стремления поддержать крестоносное движение и присоединиться к отправившимся на Святую землю рыцарям, хотя трудно себе представить, чтобы проповедники нового выступления в защиту главных христианских святынь обошли своим вниманием Венгрию[1187]. Причину равнодушия венгерской правящей верхушки к подвигам во имя освобождения Палестины от власти мусульман историк XIX в. видит в слабых позициях католичества в Венгерском королевстве того времени. К. Я. Грот считает, что Венгрия в рассматриваемое время ещё оставалась страной, где преобладали «схизматики», ненависть к которым «Христовы воины» не скрывали. «Православное… славянское, да и неславянское население не только не могло сочувствовать крестоносцам, но даже относилось к ним недоверчиво и боязливо, чуя в них врагов своей веры и народности. … Не могли… разделять одушевления и вож-

[1185] Наиболее подробное исследование принадлежит С. П. Розанову (*Розанов С. П.* Евфимия Владимировна и Борис Коломанович). О прохождении Бориса через Венгрию в 1147 г. см. С. 663–665 этой работы.
[1186] Подробнее об этом см.: *Юрасов М. К.* Внук Владимира Мономаха… С. 121–126.
[1187] В данном случае трудно согласиться с К. Я. Гротом, считавшим, что влияние католической церкви в Венгрии в середине XII в. было настолько ничтожным, что «по-видимому, с её стороны не было даже попытки пропагандировать идею похода в Угрии» (*Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства… С. 123). Хотя никаких данных источников на этот счёт у нас нет, размах пропаганды, развёрнутой Бернаром Клервосским в соседних германских землях, был настолько широким, что смог сломить даже Конрада III – категорического противника крестовых походов. Поскольку формально Венгрия являлась частью католического мира, эта пропаганда не могла не затронуть и её.

делений крестоносцев и молодой государь Угрии со своими ближайшими советниками; полусерб по происхождению, воспитанный своим дядей, православным сербом Белушем, Гейза только что женился на умной и энергичной внучке мономаховой Евфросинье Мстиславовне, которой влияние еще теснее связывало его с интересами славянства и православия. В том же смысле влиял на короля, без сомнения, и Белуш»[1188]. В то же время К. Я. Грот подчёркивает двойственность положения Венгрии в то время, которая, как явствует из рассуждений историка, оставалась между западом и востоком христианского мира, так окончательно и не примкнув к какой-то одной половине. Это видно из продолжения прерванной цитаты: «Другое дело – международные отношения и политика. Ради политических целей сближение и связи с государями латинского запада казались угорскому королю и с ним многим в Угрии позволительны и даже неизбежны, хотя на них-то и опиралось потом разлагающее влияние чуждых западных начал и сила западнической партии, – и такими-то политическими мотивами вполне объясняется дружественное отношение Гейзы к французскому королю и его ополчению, оказанный им радушный приём, равно как и последующие связи и сношения Гейзы с западом»[1189].

Несмотря на то что рассуждения К. Я. Грота представляются достаточно логичными, всё же вызывает большие сомнения его оценка степени православного влияния в Венгрии при Гезе II. Никаких данных источников об этом у нас нет, а православная свита венгерских королев (матери и жены Гезы II) и бана Белуша вряд ли могла резко усилить влияние православия в Венгрии. К тому же, в условиях господства антивизантийских настроений при дворах Гезы II и Изяслава Мстиславича, а также на родине бана Белуша, в Сербии, вряд ли названные правители сочувствовали Мануилу I Комнину (1143–1180), неприязнь к которому крестоносцев является общепризнанным фактом. Представляется более реальным объяснение полного равнодушия Гезы

[1188] *Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства… С. 123–124.
[1189] Там же. С. 124.

II и его окружения к крестовому походу тем, что само по себе это мероприятие было для Венгрии «стихийным бедствием», требовавшим мобилизации огромных сил и средств. Неслучайно во время Первого крестового похода тогдашний венгерский король Калман Книжник (1095–1116) даже рассматривал возможность бегства на Русь или в Русскую марку в случае, если ему не удастся обуздать разбушевавшуюся орду «Христовых воинов»[1190].

Выше уже указывалась примерная датировка времени прохождения крестоносного войска через территорию Венгрии: после 8 июня – август 1147 г. Это событие важно с точки зрения анализа общей ситуации во владениях Гезы II накануне обращения к нему Изяслава с просьбой об отправке на Русь венгерского войска. На основании данных источников, проанализированных В. Бернхарди[1191], к сентябрю 1147 г. сопровождение венгерскими отрядами крестоносцев должно было закончиться, что давало возможность Гезе II послать часть своего войска в южную Русь. Дошедшие до нас источники не сохранили конкретных сведений о приезде в Венгрию посольства из Киева от Изяслава Мстиславича с просьбой об оказании военной помощи. Венгерские хронисты вообще не упоминают о походе 1148 г. на Русь. Они ограничиваются общими словами о войнах Гезы II с галичским князем Владимиром Володаревичем, и в сообщаемой ими информации угадываются отдельные факты, относящиеся к кампаниям 1151 и 1152 гг.

На основании русского летописного материала можно сделать вывод о том, что посольство Изяслава Мстиславича находилось у Гезы II осенью 1147 г., скорее всего, после ухода крестоносцев из Венгрии. М. Фонт допускает более широкую датировку – осень–зима 1147 г.[1192] При этом исследовательница никак не аргументирует предлагаемую дату. Поскольку венгерское войско участвовало в 1148 г. в походе Изяслава в Черниговщину, представляется более правильным мнение Н. Г. Бережкова, обратившего внимание на извес-

---

[1190] Об этом сообщает Альберт Ахенский в «Иерусалимской истории». См.: *Alberti Aquensis* Historia Hierosolymitana / Ed. P. Meyer // Recueil des Historiens occidentaux. T. 4. Paris, 1879. P. 294E.

[1191] *Bernhardi W.* Jahrbücher der Geschichte Konrads III. S. 640.

[1192] *Font M.* Magyar-orosz politlkai kapcsolatok... 63.l. (*Фонт М.* Венгерско-русские политические связи… С. 100).

тие Ипатьевской летописи о том, что Мстиславичи назначили очередной поход в Черниговщину на время, когда «рѣкы ся оустановять»[1193]. Исходя из этого, Н. Г. Бережков справедливо отмечает, что «намерение предпринять этот поход возникло у Изяслава осенью 6655 (1147/8) г.»[1194], а значит, отправленное им в Венгрию посольство также появилось там не позже осени 1147 г. К наступлению морозов венгерские отряды, судя по всему, уже прибыли на Русь в распоряжение Изяслава Мстиславича.

Участие венгров в зимней (1148 г.) войне Изяслава Мстиславича с черниговскими князьями. Не сумев справиться со Святославом Ольговичем своими силами и с помощью степняков, Изяслав Мстиславич собрал в начале 1148 г. весьма внушительную коалицию. Ипатьевская летопись перечисляет союзников киевского князя: «и посла поя полкъ оу стрыя своего Вячеслава, из Оугоръ приведе полкы в помочь собѣ, и Володимерьскии полкъ приведе. И скоупя вси свои полкы, Берендѣе…»[1195]. Военная кампания первых месяцев 1148 г. не принесла Изяславу Мстиславичу заметных успехов в борьбе с черниговскими князьями. Начав её с бесплодных попыток выманить своих противников из их стольного града, Изяслав вскоре ушёл из сожжённых им окрестностей Чернигова к Любечу, где у потомков Святослава Ярославича была «вся жизнь», в том числе запасы продовольствия и другие накопленные богатства[1196]. Однако и здесь собранную Изяславом коалицию ожидала неудача. На противоположном берегу Днепра расположились черниговские и союзные им рязанские дружины.

Пока враждующие стороны ограничивались перестрелками, а Изяслав раздумывал, переходить или не переходить реку, кардинально испортилась погода, и внезапно пошли дожди. Увидев, что на Днепре вот-вот начнётся половодье, Изяслав обратился «к моужемъ своимъ, к Оугромъ: «Се съ симъ ны ся полком нѣлзѣ бити сею рѣкою. А семо ся за нами Днѣпръ росполи-

[1193] ПСРЛ. Т. II. Стб. 359.
[1194] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 147.
[1195] ПСРЛ. Т. II. Стб. 360–361.
[1196] Там же. Стб. 361.

ваеть, а поидемъ за Днѣпръ»[1197]. На следующий день Изяслав отправился обратно в Киев. Разошлась по своим землям и собранная им коалиция. При этом венгры так торопились домой, что пренебрегли элементарными правилами предосторожности, что привлекло внимание летописца, ничего не написавшего об уходе других союзников Изяслава: «Оугрѣ же на борзѣ оуѣхаша, и на озери тоу обломиша*с*(я) на озерѣ, и тоу и*х* потопе николико»[1198].

Сама по себе попытка Изяслава Мстиславича «выманить» черниговских князей на открытый бой в начале 1148 г. не имела большого резонанса на Руси в целом. О ней повествует лишь восстанавливаемый по Ипатьевской летописи Киевский свод, в то время как Лаврентьевская и более поздние летописные памятники Северо-Восточной Руси после рассказа о вынужденном примирении Глеба Юрьевича с Изяславом Мстиславичем сообщают о посылке Юрием Долгоруким другого сына – Ростислава – на помощь черниговским князьям, что произошло уже после ухода собранной Изяславом коалиции из-под Любеча. В. Н. Татищев в первой редакции своей «Истории Российской», описывая рассматриваемый поход, воспроизводит текст, совпадающий с аналогичным отрывком из Ипатьевской летописи[1199]. Во второй редакции этого же труда историк сделал приписку на полях, уточнив численность посланного Гезой II войска – 3000 человек[1200]. Источник этой приписки неизвестен. По крайней мере, в польских хрониках XV–XVI вв., составители которых активно использовали сведения русских летописцев, информация о численности венгерского войска, пришедшего на помощь Изяславу на рубеже 1147–1148 гг., не обнаруживается. Кстати сказать, Я. Длугош, М. Стрыйковский и другие историки эпохи польского Возрождения вообще ничего не пишут об этом походе.

[1197] Там же. Стб. 361–362.
[1198] Там же. Стб. 362.
[1199] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. IV. С. 212–213.
[1200] Там же. Т. II. С. 180. Приписка была сделана впервые в Воронцовском списке рукописи многотомного труда В. Н. Татищева. (Там же. С. 290).

Незначительность затронувшей Черниговщину военной кампании начала 1148 г. подтверждается не только фактом неучастия в ней лично Юрия Долгорукого, но и отсутствием в источниках каких-либо упоминаний о действиях галичского князя Владимира Володаревича в то время. Похоже, Владимир занял тогда непривычную для себя позицию невмешательства в рассматриваемый конфликт. Ф. Макк объясняет нейтралитет галичского князя тем, что «вмешательство короля (Гезы II. – *М. Ю.*) на этот раз ещё не затронуло венгерско-галицких отношений»[1201]. Объяснение Ф. Макка выглядит довольно абстрактным. Скорее всего, главной причиной нейтралитета Владимира Володаревича были события, развернувшиеся близ южных границ Галицкого княжества – византийско-половецкая война 1148 г. Описывая поход императора Мануила I Комнина (1143–1180) против прорвавшихся на правый берег Дуная степняков, Иоанн Киннам сообщает о том, что отряды византийского императора «пришли к горе Тену-ормон, которая возвышается вблизи пределов Тавроскифской страны»[1202].

Исследователи спорят по поводу того, захватил ли рассматриваемый конфликт пределы Галицкого княжества или нет. Уже В. Г. Васильевский считал, что под Тавроскифской страной в цитированном известии Иоанна Киннама следует понимать владения Владимира Володаревича, вблизи которых Мануилу I удалось настигнуть половцев[1203]. Однако в последнее время историки склоняются к мнению, что «половецко-византийская война 1148 г., скорее всего, шла на более ограниченной территории, не только не распространяясь на русские земли, но вряд ли заходя даже в половецкую степь. В середине XII в. низовья Днестра, Прута и Сирета, видимо, находились под контролем половцев»[1204]. Так или иначе, но боевые действия, развернувшиеся достаточно близко от южной границы Галицкого княжества, должны были насторожить Владимира Володаревича. Разгромленные в 1036 г. торками пе-

---

[1201] *Makk F.* Magyar külpolitika (896–1196). 186. l.
[1202] *Бибиков М. В.* Византийский историк Иоанн Киннам... С. 51 (текст), С. 61 (пер.).
[1203] *Васильевский В. Г.* Из истории Византии в XII веке. Союз двух империй (1148–1155) // *Он же.* Труды. Т. IV. С. 31.
[1204] *Бибиков М. В.* Византийский историк Иоанн Киннам… С. 111 и примеч. 81.

ченеги двинулись на Киев, так же могли поступить и разгромленные византийской армией в 1148 г. половцы по отношению к Галичу. Возможно, именно тогда, в условиях половецкой опасности, возник союз между Мануилом Комнином и Владимиром Володаревичем, о существовании которого свидетельствует Иоанн Киннам при описании событий венгерско-византийской войны 1151 г.[1205]

Оценивая результаты зимнего (1148 г.) похода Изяславовой коалиции против черниговских князей, М. Фонт отмечает: «Решительного военного столкновения не произошло, но венгерская военная помощь была полезна Изяславу: хотя и на короткое время, но он снова привлёк к себе Ольговичей»[1206]. Это высказывание, несомненно, во многом справедливо, однако значение помощи, оказанной Гезой II и другими союзниками Изяславу Мстиславичу, не стоит преувеличивать. Временное привлечение Изяславом на свою сторону черниговских князей в значительно большей степени объясняется тем, что Юрий Долгорукий не оказал им в то время эффективной помощи. Как показали события следующего, 1149 г., приход в южную Русь самого Юрия во главе всей своей дружины резко изменил соотношение сил в этом регионе в его пользу.

2. Изменение политической ситуации в южной Руси и международного положения Венгрии в 1148–1149 гг.

Пребывание Владислава II чешского в Киеве в 1148 г. С историей взаимоотношений Киева и Венгрии, как полагают исследователи, были непосредственно связаны переговоры чешского князя Владислава II (1140–1172) с Изяславом Мстиславичем. Возвращаясь из II крестового похода, чешский государь неслучайно избрал более длинный путь через Русь, видимо, имея опре-

[1205] Там же. С. 52 (текст), С. 62 (пер.).
[1206] *Font M.* Magyar-orosz politikai kapcsolatok... 60–61. l. (*Фонт М.* Венгерско-русские политические связи… С. 97).

делённые политические планы относительно Изяслава[1207]. Хотя у нас нет никаких конкретных данных о переговорах правителей Чехии и Киева в 1148 г., вряд ли можно сомневаться в том, что они имели место.

Первым из исследователей попытался найти причины возвращения Владислава II на родину кружным путём К. Я. Грот. При этом он сначала подверг сомнению гипотезу о том, что чешский князь возвращался из крестового похода с одним из сыновей Болеслава III Кривоустого – тоже Владиславом, изгнанным в 1144 г. из Польши своими братьями и нашедшим приют у Конрада III[1208]. «Этот князь был его свояком, как женатый на сестре Гертруды чешской – Агнессе, и мог-де уговорить чешского князя проводить его, следовательно, оказывалось бы довольно простое объяснение пути, избранного чешским князем. Но дело не в том, что самоё участие Владислава Болеславича во втором крестовом походе никаким прямым свидетельством не подтверждается, ибо одного неопределённого известия Киннама о каком-то польском князе, принадлежавшем со своим отрядом к крестоносному ополчению[1209] – недостаточно для признания этого участия. Мы знаем только, что Владислава чешского сопровождал его племянник Спитигнев Боривоевич, которого он на пути (в Кракове?) за какие-то проступки дал посадить в тюрьму и поручил строгому надзору своего свояка Владислава»[1210].

Более вероятной причиной (или, по крайней мере, поводом) для посещения Владиславом II Руси К. Я. Грот считал наличие у него здесь родственных связей. Как известно, Святополк Мстиславич был женат на одной из родственниц чешского князя, вероятно, на его двоюродной сестре[1211]. В связи с этим, по мнению К. Я. Грота, Владислав II, чтобы навестить Святополка

[1207] Предельно краткое известие о пребывании Владислава II на Руси содержится в Хронике Винцентия Пражского: “Predictus autem dux per Ruziam ad propria remeans…” («Вышеназванный же князь, возвращаясь на родину через Русь…»). См.: *Vincentii canonici Pragensis* Chronica // FRB. T. II. Praha, 1874. P. 418.

[1208] Этот краковский князь вошел в историю как Владислав II Изгнанник (1138–1146).

[1209] *Ioannis Cinnami* Epitome rerum ab Joanne et Alexio Comnenis gestarum (L. II, cap. 18). P. 84: „ἄ τερος δὲ τοῦ τῶν Λέχων”.

[1210] *Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства… С. 138–139. К сожалению, историк не указывает исследователей, выдвигавших и поддерживавших эту гипотезу. *Vincentii Pragensis* Chronica. P. 418–419; *Vincentii Pragensis* Annales / Ed. W. Wattenbach // MGH SS. T. 17. Hannoverae, 1861. P. 663.

[1211] Н. А. Баумгартен называет женой Святополка Мстиславича Евфимию, дочь моравского князя Оттона II. См.: *de Baumgarten N.A.* Généalogies et mariages occidentaux… Table V. P. 23.

Мстиславича, «должен был проехать для этого через Киев в Новгород, а не во Владимир-Волынский, куда Святополк Мстиславич был переведён, кажется, только осенью»[1212]. Действительно, названный князь покинул Новгород осенью 1148 г., и, если Владислав II на самом деле предпринял поездку на Русь с целью проведать своего родственника, то он должен был отправиться в Новгород, поскольку, по свидетельству Винцентия Пражского, в июле того же года чешский князь уже вернулся на родину. К. Я. Грот также рассматривает и третью, наиболее вероятную причину возвращения Владислава II на родину через русские земли, утверждая, что «Владислав только что вступил в какой-то союз с Мануилом, причём, – как мы имеем основание думать, имелось в виду дело Бориса в Угрии: не вправе ли мы предположить, что Владислав, – может быть, по поручению самого Мануила – хотел разведать, как смотрят на дела угорские и на самого Бориса на Руси, и может ли последний ожидать какого-либо содействия с этой стороны – исключая, конечно, ближайших родственников Евфросиньи. Возможно, что он имел даже какое-нибудь поручение по этому делу к князю Владимирку галицкому, который вскоре затем оказывается таким же союзником («вассалом») греческого императора, каким стал и он сам – Владислав II. Но независимо от этого чешский князь, как мы сказали, собрался, вероятно, навестить своих родных – Святополка»[1213].

Рассуждения К. Я. Грота представляются вполне правдоподобными, особенно в части, касающейся намерений чешского князя «прозондировать почву» относительно возможности присоединения Изяслава Мстиславича к антивенгерской коалиции, целью которой было утверждение на престоле «законного» претендента Бориса Калмановича. Однако вызывает большие сомнения то, что Владислав II совершил поездку в Новгород, поскольку при тогдашних средствах передвижения это невозможно было сделать за столь короткое время. Дело в том, что чешский князь, как верный союзник Конрада

[1212] *Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства… С. 139–140. Историк в данном случае опирается на известие Новгородской I летописи. См.: ПСРЛ. Т. III. С. 28.
[1213] *Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства… С. 139

III, возвратился вместе с ним в Константинополь после постигших крестоносцев неудач в Малой Азии в начале 1148 г., но, в отличие от германского императора, отказался от дальнейшего участия в движении на Святую землю. Что касается Конрада, то он покинул византийскую столицу в начале марта 1148 г.[1214] Представляется маловероятным, чтобы Владислав II уехал из Константинополя раньше Конрада, поскольку путешествие зимой через болгарские горные массивы было делом весьма затруднительным, а навигация в Чёрном море начиналась в то время в апреле–мае.

Согласно данным хроники Винцентия Пражского, Владислав II в июле 1148 г. уже возвратился в Чехию. В связи с этим получается так, что он провёл на Руси менее трёх месяцев. За это время он никак не мог добраться из Константинополя до Новгорода, потом вернуться в Киев для переговоров с Изяславом Мстиславичем, оттуда направиться в Галицкое княжество к Владимиру Володаревичу, и затем, перейдя через Карпаты, возвратиться в Чехию. Таким образом, гипотеза К. Я. Грота, предполагавшего именно такой маршрут пребывания Владислава II на Руси, представляется необоснованной. Скорее всего, чешский князь с самого начала направлялся в Киев и не планировал посещения в Новгороде своего родственника Святополка Мстиславича. Рассуждая по поводу результатов миссии правителя Чехии на русских землях в 1148 г., К. Я. Грот далее пишет: «Есть основание предполагать, что Владислав познакомился на этом пути (в Киеве) и с великим князем Изяславом Мстиславичем, и что встреча их не была недружелюбная, несмотря на то, что политические симпатии их расходились. По крайней мере, Изяслав, как мы увидим, уже в следующем году, готовясь к борьбе с Юрием Владимировичем суздальским, обращается с просьбой о помощи и к своему свату, чешскому князю Владиславу, и, кажется, получает эту помощь. Это заставляет нас заключить, что последний, если действительно ехал через Русь с какими-то политическими видами касательно Бориса Коломановича – во исполнение пла-

[1214] *Васильевский В. Г.* Союз двух империй… // Труды. Т. IV. С. 27.

на и поручения Мануила, вероятно, сильно разочаровался в своих надеждах»[1215].

К последнему предположению, на котором прервано цитирование, историк заметил в примечании: «У Бориса не было, по-видимому, особенных приверженцев на Руси, да и князья были слишком заняты своими собственными делами»[1216]. К этому верному по своей сути предположению необходимо добавить, что ярко продемонстрированная Изяславом Мстиславичем за год до этого антивизантийская позиция в деле избрания предстоятеля русской церкви являлась достаточно серьёзным препятствием для того, чтобы миссия Владислава II в Киеве стала успешной. Нет никаких оснований и для предположений о том, что чешский князь мог предложить от имени Мануила I некий компромисс, платой за который были бы отказ Изяслава от союза с Гезой II и его участие в борьбе за возведение на венгерский престол Бориса Калмановича. Исходя из анализа последующих событий, Константинопольская патриархия не могла примириться с тем, что киевскую кафедру занимает русский клирик, хотя, как представляется, вряд ли Изяслав Мстиславич мог отказаться от союза с Гезой II, даже если бы патриарх признал Клима Смолятича киевским митрополитом, поскольку венгерский король был для тогдашнего киевского князя самым сильным (в военном отношении) из ближайших соседей и самым доступным союзником.

В заключении своих рассуждений по поводу миссии чешского князя при дворе Изяслава Мстиславича К. Я. Грот делает попытку связать её с последующим изменением внешнеполитических приоритетов Владислава II: «Позволим себе даже поставить ещё вопрос: не к этому ли пребыванию Владислава на Руси и сближению с Мстиславичами должно отнести, так сказать, зародыш того поворота в настроении и политике его по отношению к Угрии, который проявляется довольно скоро после того, в начале 50-х годов? – Хотя, надо признаться, это его сближение с Угрией обратилось вовсе не в пользу

[1215] *Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства… С. 140.
[1216] Там же. Примеч. 2.

угро-русских связей»[1217]. Безусловно, в этих рассуждениях есть рациональное зерно, однако, для внешнеполитической истории классического Средневековья даже три–четыре года являются достаточно большим сроком для того, чтобы не раз поменять союзников.

А. В. Флоровский, учитывая наличие родственных связей между Владиславом II и Святополком Мстиславичем, всё же считает, что при выборе чешским князем кружного пути из Византии на родину сыграли «известную роль неприязненные отношения между Владиславом II и Гейзой венгерским, территорию которого Угрию нужно было бы затронуть при проезде из Константинополя прямо в Чехию через Балканы»[1218]. Поддерживая гипотезу о том, что чешский князь пытался склонить Изяслава Мстиславича к разрыву союза с Гезой II, А. В. Флоровский подчёркивает, что Владислав II был энергичным сторонником Бориса Калмановича, поскольку Геза II поддерживал соперника Владислава Конрада Зноемского. «Возвращаясь из Византии через Русь, Владислав мог осуществлять виды как свои, так и императора Мануила, – для них представляло известный интерес выяснить отношение к делу венгерского претендента со стороны Изяслава Мстиславича, Володимерка Галицкого»[1219].

Таким образом, несмотря на отсутствие конкретных известий источников о целях миссии Владислава II на Руси, никто из исследователей не оспаривает предположения, что её главная задача была связана с изменением характера отношений, сложившихся между тогдашним правителем Киева и Венгрией. В связи с отказом Изяслава Мстиславича порвать союзнические отношения с Гезой II представляется вполне вероятным, что чешский князь возвращался на родину через Галич, где заручился согласием Владимира Володаревича на присоединение к антивенгерской коалиции. Именно эта гипотеза представляется более реальной для определения времени начала союзнических отношений между галицким князем и Византией, чем вышеописанное

[1217] *Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства… С. 140.
[1218] *Флоровский А. В.* Чехи и восточные славяне… Т. I. С. 83.
[1219] Там же. С. 85.

предположение о том, что причиной сближения между Мануилом I и Владимиром Володаревичем стала война императора «ромеев» с половцами, разгоревшаяся на границах Галицкого княжества.

Перерастание конфронтации между Изяславом Мстиславичем и Юрием Долгоруким в военный конфликт. Несмотря на неудачу военной операции Изяслава Мстиславича против черниговских князей, проведённой в первые месяцы 1148 г., перевес сил в целом оставался на его стороне. Методично подрывая экономическую основу Ольговичей и Давыдовичей, разоряя их владения и отбирая запасы продовольствия, Изяслав сделал для них бесперспективными попытки оказания ему сопротивления. Единственным достойным противником Изяслава, равным ему по силам, был его дядя Юрий Долгорукий, однако он не спешил вступать в открытую схватку с племянником. Помощь, оказываемая Юрием Владимировичем союзным ему черниговским князьям, имела в 1148 г. скорее формальный характер и была явно недостаточной. О нарушении Юрием своего обещания выступить с ними против Изяслава союзники открыто заявили ему после окончания зимней кампании 1148 г. При этом черниговские князья предупреждали Юрия о том, что они не намерены погибать в одиночку в неравной борьбе с Изяславом[1220]. Не дождавшись ответа от суздальского князя, Ольговичи и Давыдовичи вынуждены были пойти на замирение с Изяславом Мстиславичем, скорее всего, в конце весны или летом 1148 г. Изяслав, посоветовавшись со своим братом, смоленским князем Ростиславом, принял мирные предложения черниговских князей, потребовав от них полного отказа от мести за смерть Игоря Ольговича[1221].

Таким образом, черниговские князья, прежде ориентировавшиеся на Юрия Долгорукого, вошли во враждебную ему коалицию, обещав Изяславу Мстиславичу «быти всимъ за одинъ братъ»[1222]. На сторону Изяслава перешёл

[1220] ПСРЛ. Т. II. Стб. 363.
[1221] Там же. Стб. 364–366.
[1222] Там же. Стб. 366.

также один из сыновей Юрия – Ростислав, рассорившийся с отцом из-за нежелания последнего дать ему волости в Суздальской земле[1223]. Изяслав отдал двоюродному брату те города, которые прежде держал Святослав Всеволодич, и в придачу к ним опорный пункт суздальских князей в Южной Руси – Городец-Остерский, из которого был изгнан брат Ростислава Глеб Юрьевич. Осенью 1148 г. Изяслав собрал княжеский съезд у Городца-Остерского, в котором принимали участие Владимир и Изяслав Давыдовичи[1224]. Хотя другие черниговские князья на этот съезд не поехали, чем вызвали подозрения у Изяслава Мстиславича, Давыдовичи заверили его в верности их всех крестному целованию. Одним из участников этого собрания князей был Ростислав Юрьевич[1225]. На съезде было принято решение возобновить войну с Юрием зимой 1148/1149 гг. и определено, какой князь на каком направлении будет наносить ему удар[1226]. Впрочем, племянник (по крайней мере, формально) попытался урегулировать противоречия с дядей мирным путём, отправив к нему посла, однако Юрий вместо ответа задержал последнего, что вынудило Изяслава выступить в поход[1227].

Не вдаваясь в подробности всех действий собранной Изяславом антисуздальской коалиции, следует отметить, что активными её участниками стали, в том числе, новгородцы, совершившие успешный набег до Ярославля[1228]. В памятниках раннего летописания ничего не говорится о помощи, оказанной Изяславу западными соседями в этом походе. Совсем другую картину рисует в аналогичном рассказе Никоновская летопись. Здесь под 6657 г. можно прочитать о том, что вместе с Мстиславичами на р. Медведицу, откуда начался поход антисуздальской коалиции против Юрия, пришли «вси Ноугородци, и Псковичи, и Берендѣи, и Галичане, и воеводы королей Угорскаго и Чежска-

[1223] Там же. Стб. 366–367.
[1224] Там же.
[1225] Там же. Стб. 367.
[1226] Там же. Стб. 368.
[1227] Там же. Стб. 370–371.
[1228] Там же. Стб. 371; ПСРЛ. Т. III. С. 28. В Лаврентьевской летописи об этом походе сказано очень кратко, одной фразой (См.: Там же. Т. I. Стб. 320).

го, и Ляхи съ воинствы»[1229]. Когда же начавшаяся весна заставила Изяслава прекратить поход на Юрия, киевский князь, как пишет составитель Никоновской летописи, «розпусти воинства вся: Угры, Чахи и Ляхи…»[1230]. Перечисление венгров, чехов и поляков встречается и на следующей странице научного издания этого летописного сборника, где повествуется о подготовке Юрия Долгорукого к походу на племянника Изяслава. Здесь уже Юрий «послаша по Половци, и по Угры, и по Чяхи, и по Ляхи»[1231]. Поскольку в дальнейшем западные союзники не упоминаются в войске Юрия, разгромившего Изяслава на р. Трубеж 23 августа 1149 г., напрашивается вывод о том, что словосочетание «Угры, Чяхи и Ляхи» является своеобразной формулой, которая регулярно используется составителями Никоновской летописи для придания большего масштаба внешнеполитической акции того или иного русского князя. Достаточно вспомнить уникальные, но вряд ли достоверные известия о посольствах ко двору Владимира Святого от «королей чежских и угорских»[1232].

Характерно, что в достоверности известия Никоновской летописи об участии чешских, польских и венгерских отрядов в зимней кампании 1148/1149 г. усомнился уже В. Н. Татищев. Ни в первой, ни во второй редакции «Истории Российской» он не приводит рассматриваемую информацию Никоновской летописи. Однако В. Н. Татищев по-своему интерпретировал известие, встречающееся уже в Ипатьевской (Киевской) летописи об обмене подарками между Ростиславом и Изяславом Мстиславичами, который имел место в Смоленске зимой 1148/1149 г. Если в Киевском своде сообщается о том, что «Изяславъ да дары Ростиславоу, что о*т* Роускыи землѣ и от вс*и*х ц(еса)рьск*и*х земль…»[1233], то у В. Н. Татищева Изяслав одарил брата дарами «от греческих и угорских»[1234]. По мнению М. Н. Тихомирова, автор «Исто-

[1229] ПСРЛ. Т. IX. С. 179.
[1230] Там же.
[1231] Там же. С. 180.
[1232] Там же. С. 64, 67, 68.
[1233] ПСРЛ. Т. II. Стб. 369.
[1234] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. IV. С. 216. Во второй редакции написано «греческих и венгерских» (Там же. Т. II. С. 186).

рии Российской» имел в своем распоряжении «особый список летописи, предшествовавший Ипатьевскому своду»[1235] (Ермолаевский список[1236] или летопись, в которой находился его протограф[1237]), однако вряд ли информация о венгерских дарах содержалась в «Голицынском списке», как называл его (по мнению М. Б. Свердлова) В. Н. Татищев, скорее всего, это домысел историка XVIII в.

Казалось, что в условиях, когда против Юрия объединились почти все русские князья, а те, кто не поддержал Изяслава Мстиславича, сохраняли нейтралитет, у суздальского князя не было шансов на победу в борьбе с племянником. Однако последующие события показали, что среди союзников Изяслава далеко не все были безгранично преданными ему. Неудивительно, что самым ненадежным среди них оказался Ростислав Юрьевич, оставленный Изяславом в Бужске «стеречь Русскую землю»[1238]. Когда Изяслав Мстиславич вернулся из удачного похода на земли Юрия весной 1149 г., бояре доложили ему о неблаговидной деятельности Ростислава Юрьевича, настраивавшего киевлян и берендеев против Изяслава. По утверждению бояр, Ростислав готовил население Киева к приходу к ним на княжение своего отца Юрия Долгорукого. Вызванный Изяславом для разъяснений Ростислав потребовал открытого судебного разбирательства с оклеветавшими его боярами, но Изяслав Мстиславич отказал ему в этом и отправил неверного князя на родину, причём заставил его плыть вверх по Днепру в насаде всего с четырьмя отроками[1239].

Возвратившийся в Суздальскую землю Ростислав Юрьевич заявил отцу: «Хочеть тебе вся Роуская земля и Черные Клоубукы»[1240]. Судя по рассказу летописца, для Юрия главным было не то, что он может рассчитывать на поддержку в южной Руси, а стремление смыть позор, которым сопровождалась высылка его сына Изяславом Мстиславичем. Не имея в начале похода

[1235] *Тихомиров М. Н.* О русских источниках «Истории Российской» // Там же. Т. I. С. 48.
[1236] *Свердлов М. Б.* Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». С. 67.
[1237] *Кучкин В. А.* К спорам о Татищеве. С. 259–260.
[1238] ПСРЛ. Т. II. Стб. 368.
[1239] Там же. Стб. 372–373.
[1240] Там же. Стб. 373.

союзников среди русских князей, Юрий собрал все силы Суздальской земли и нанял половцев. По мере приближения войска Юрия Владимировича к Киеву ситуация медленно, но верно менялась в его пользу. Часть черниговских князей решила преступить данную ими клятву при появлении в их владениях более сильного противника. Первым это сделал Святослав Ольгович, присоединившийся к войску Юрия под предлогом того, что Изяслав Мстиславич так и не вернул ему имущество Игоря Ольговича[1241]. На самом деле Святослав в мыслях своих оставался верным союзником Юрия с 1146 г., но ввиду неравенства сил вынужден был временно объявить себя сторонником Изяслава Мстиславича. Вскоре примеру Святослава Ольговича последовал его племянник Святослав Всеволодич, который, как уверяет летописец, сделал это, «неволею ѣха строя своего дѣля С(вя)тослава Олговича»[1242]. Давыдовичи же пока оставались верны клятве, данной Изяславу Мстиславичу, что заставило Юрия изменить путь своего движения, обойдя их владения стороной.

Тем не менее, суздальский князь остановился на старой Беловеже, где в течение месяца дожидался половецкой помощи, а от племянника – выражения покорности своей воле[1243]. Поскольку Изяслав и не думал признавать главенство Юрия в русских землях, дело, в конечном счёте, дошло до открытого столкновения. В решающей битве между армиями Изяслава Мстиславича и Юрия Долгорукого, состоявшейся 23 августа 1149 г. на р. Трубеж, на сторону Юрия перешли переяславцы, а отряды киевлян и союзников Изяслава один за другим обратились в бегство[1244]. Потеряв Киев, Изяслав Мстиславич вернулся в центр своей волости Владимир-Волынский, откуда он, скорее всего, уже в сентябре 1149 г. «поча ся слати въ Оугры, к зятю своему королеве, и в Ляхы, к свату своему Болеславу и Межцѣ, и Индриховѣ, и къ Ческомоу кн(я)зю, сватоу своемоу Володиславу, прося оу нихъ помочи, а быша всѣли на кони сами [Х.П. *приб.* с] полкы своими поити къ Киеву. Пакы ли

[1241] Там же. Стб. 374–376.
[1242] Там же. Стб. 377.
[1243] Там же.
[1244] Там же. Стб. 381–383.

самѣмъ не мочьно поити буде*т*, а полкы своя пустять любо с меншею бра*т*(ь)ею своею или с воеводами своими»[1245]. Как видно из летописного сообщения, Изяслав Мстиславич был готов принять любую помощь со стороны своих западных союзников, поскольку существовала реальная опасность того, что Юрий захватит Владимир-Волынский. Никто из них официально не отказал потерявшему Киев князю, но положение в государствах, куда направились послы Изяслава, было далеко от полной стабильности, что наложило свой отпечаток на формы оказания их правителями помощи своему русскому союзнику.

Вступление Гезы II в вооруженное противостояние с Мануилом I Комнином. Если продолжить прерванную цитату из Киевского свода, то венгерский король отказал Изяславу, «река ему: «Ратенъ есмь съ ц(еса)ремъ, яже боудоу пороженъ [переделано в *порожъжнъ*], а самъ поиду, а пакы ли, а полкы своя поущю»[1246]. В отличие от Б. А. Рыбакова, не включившего этот текст в число восстанавливаемых им грамот княжеского архива Изяслава Мстиславича, В. Т. Пашуто считает, что это и предыдущее известие также основаны на случайно уцелевшей части архива Изяслава[1247]. Они точно характеризуют международную обстановку, сложившуюся вокруг Венгрии в 1149 г. Геза II начал первую войну с Византией, явно не рассчитывая на то, что вступает в длительное противостояние с Комнинами, в котором Венгрия, в конечном счёте, потерпит поражение.

Выше уже обращалось внимание на то, что Венгерское королевство оказалось в самом центре тогдашнего противостояния различных европейских коалиций. После окончания II крестового похода международная обстановка в Юго-Восточной Европе достаточно быстро изменилась не в пользу Венгрии. Ещё в начале 1148 г. в Салониках Конрад III и Мануил I Комнин создали «союз двух империй», главной целью которого была борьба с натиском си-

[1245] ПСРЛ. Т. II. Стб. 384.
[1246] Там же.
[1247] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 169.

цилийских норманнов короля Рожера II (1130–1154)[1248]. При этом правители Германии и Византии ясно осознавали, что расположенная между их державами Венгрия может помешать осуществлению их планов. Ряд западноевропейских хроник[1249] содержит сведения о том, что Мануил I и Конрад III ещё раз встречались в Константинополе в 1149 г., во время окончательного возвращения немецкого короля из II крестового похода. К этому времени лидеры антинорманнской коалиции, безусловно, имели сведения о том, что миссия Владислава II чешского на Русь закончилась безрезультатно. Тем не менее, вряд ли это обстоятельство могло побудить их к отказу от поддержки претензий Бориса Калмановича на венгерский трон.

По мнению К. Я. Грота, в переговорах 1149 г. между Конрадом III и Мануилом I «видную роль играл родственник императора Борис Коломанович – в этом едва ли можно сомневаться. Иметь в руках такое орудие против Угрии было для Мануила как нельзя более кстати. В своём пылком воображении он, вероятно, обнимал уже тогда своею властью и политическим влиянием не одну только южную Италию, но и угорскую державу. Не забудем, что он сам по матери (Ирине) принадлежал к роду Арпадовичей, как внук короля Ладислава Святого, и это обстоятельство, конечно, также могло оправдывать в его собственных глазах эти притязания. Посадить на престол угорский своего кандидата, будь это Борис или кто другой, и этим путём на первый случай оттягать от Угрии часть её территории и вместе с тем втянуть её в сферу своего влияния, отвлекши её от Запада, – стало вскоре одною из главных его целей». Подтверждение этому К. Я. Грот находит в свидетельстве хроники Иоанна Киннама (V, 5) о намерении Мануила подчинить всю Венгрию[1250].

Если Борис Калманович принимал участие в переговорах 1149 г. между Конрадом III и Мануилом Комнином, в чём вряд ли можно сомневаться, учитывая неприязнь обоих совещавшихся монархов к Гезе II, то он должен был убеждать их в необходимости объединить военные силы Германии и Визан-

---

[1248] *Успенский Ф. И.* история Византийской империи XI–XV вв. Восточный вопрос. М., 1997. С. 171; *Makk F.* Magyar külpolitika (896–1196). 2. kiad. 185. l.

[1249] Их сводку см..: *Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства. С. 141 и примеч. 1.

[1250] Там же. С. 142.

тии для возведения на венгерский престол «законного» правителя. Однако успехи Рожера II в борьбе с Византией на море вынуждали василевса направить первый удар против сицилийских норманнов. В августе 1149 г. византийский флот вынудил сдаться норманнский гарнизон острова Корфу, после чего Мануил I планировал направить свои корабли к берегам Сицилии. Однако вскоре после захвата Корфу на море поднялась буря, разметавшая византийский флот. Кроме того, Рожеру II удалось натравить на Византию сербов и венгерского короля Гезу II, что заставило Мануила I отказаться от похода в Сицилию и сосредоточиться на балканском театре войны[1251].

Летописное известие о том, что Геза II был «ратен», неоднократно привлекало внимание исследователей. Хотя балканская кампания осени 1149 г. проходила на территории Сербии и с формальной точки зрения была войной Византии с сербами, Геза II «считал себя находящимся в открытой войне с императором Мануилом и ожидал с его стороны нападения»[1252]. По мнению В. Г. Васильевского, «восстание в Сербии, очевидно, осталось не усмирённым за поздним временем года. Среди глубокой зимы Мануил воротился в столицу»[1253]. Возвращение василевса в Константинополь произошло ещё в 1149 г., о чём свидетельствует хроника Никиты Хониата[1254]. Таким образом, по крайней мере, в декабре 1149 г. Геза II получил возможность направить часть своего войска в качестве помощи Изяславу Мстиславичу. М. М. Фрейденберг, в целом соглашаясь с интерпретацией событий осенней кампании 1149 г. на Балканах, данной В. Г. Васильевским, тем не менее, заявляет: «Нет сомнения… в том, что военные действия велись одновременно и против Венгрии», ссылаясь при этом на рассматриваемое известие Ипатьевской летописи[1255].

[1251] История Византии. Т. II. С. 327. В. Г. Васильевский, ссылаясь на хронику Иоанна Киннама, пишет о том, что сербы напали на Византию по наущению норманно-венгерского союза (*Васильевский В. Г.* Труды. Т. IV. С. 48).

[1252] Там же.

[1253] Там же. С. 49. В. Г. Васильевский ссылается при этом на одно из стихотворений Феодора Продрома, в котором сербский великий жупан «Урош тайно приглашается искать спасения и убежища в милости императора» (Там же. Примеч. 2) и хронику Иоанна Киннама (Примеч. 3).

[1254] См. Там же. С. 50.

[1255] *Фрейденберг М. М.* Труд Иоанна Киннама как исторический источник. С. 32.

Летописная информация, свидетельствующая об участии венгерских отрядов в войне против Мануила I Комнина уже осенью 1149 г., единодушно признавалась историками достоверной, хотя ни один византийский хронист, в том числе, Иоанн Киннам и Никита Хониат, не подтверждает этого факта. В их изложении участниками боевых действий на Балканах в то время были сербы и византийцы. Лишь сравнительно недавно удалось найти конкретное подтверждение летописного свидетельства об отправке Гезой II своих воинов в Сербию накануне обращения к нему Изяслава Мстиславича с просьбой о помощи против Юрия Долгорукого. Венгерский историк Ф. Макк, в отличие от своих предшественников, при решении проблемы достоверности рассматриваемого известия Ипатьевской летописи не ограничился сравнительным анализом этой информации со свидетельствами только исторических источников о византийско-венгерской войне 1149 г., а подобно В. Г. Васильевскому, привлёк данные византийской поэзии того времени, живо откликавшейся на любые заметные изменения во внутри- и внешнеполитической жизни империи «ромеев»[1256].

Обратившись к творчеству Феодора Продрома (между 1070 и 1075 – ок. 1153) – одного из придворных поэтов Мануила I Комнина, Ф. Макк обнаружил, что тот «в полном согласии с греческими хронистами рассказывает всю историю боевых действий между сербами и византийцами, происшедших осенью 1149 г. Однако в ходе изложения событий он (Продром. – *М.Ю.*) в одном месте сообщает о «варварском сербском великом жупане, располагавшем союзными венгерскими отрядами», а в другом месте – о «сербско-византийской войне», развязанной по побуждению норманнов против византийского императора. Считающееся в исследованиях датирующим признаком стихотворения Продрома Рождество 1149 г. связывается с константинопольским триумфом. Этот факт с несомненной уверенностью подтверждает то, что Феодор Продром упомянул о венграх в связи с событиями осени 1149

[1256] *Makk F.* Megjegyzések a II. Géza-kori magyar-bizánci konfrontácio kronológiájahoz; *Макк Ф.* К достоверности одного из сообщений Киевской летописи.

г. На основании этого мы, следовательно, можем с уверенностью признать то, что в сербско-византийских вооружённых столкновениях 1149 г. на стороне сербов также активно участвовали венгерские военные силы, и, таким образом, нам следует перенести на 1149 г. начало венгерско-византийских конфликтов середины XII в.»[1257]. Именно эту внешнеполитическую операцию, по мнению Ф. Макка, проводил в то время Геза II, передавая через посла Изяславу Мстиславичу: «Ратенъ есмь»[1258]. Хотя нет сомнений в том, что Мануил I и его окружение прекрасно знали, что сербы получили военную помощь от Гезы II, всё же осенняя кампания 1149 г. на Балканах была ещё «подготовительным этапом» венгерско-византийской войны, которая не вышла пока на уровень открытого столкновения двух соседних государств. Скорее всего, именно поэтому Геза II обещал своему шурину, что, как только он освободится от своей «рати», обязательно направит военную помощь Изяславу Мстиславичу.

Зимняя (1149/1150 г.) война Изяслава с Юрием. Через некоторое время и, судя по внутренней хронологии Киевского свода, ещё в 1149 г., «Изяслав же опять посла *по*слы своѣ въ Оугры ко королеви, и в Ляхы и в Чехы с дары великыми и с честью и ре*ч*(е) имъ: «Б(ог)ъ вы помози, оже ми ся есте яли помогати, а язъ вы реку, бра*т*(ь)е, с р(о)ж(де)*с*тва Х(ри)*с*това полѣзите на кони»[1259]. Таким образом, второе обращение Изяслава Мстиславича к западным союзникам имело место за несколько недель до 25 декабря 1149 г., скорее всего, в ноябре, самое позднее – в начале декабря. К этому времени, как указано выше, император Мануил I Комнин временно прекратил войну в Сербии, возвратившись в Константинополь, что позволило Гезе II направить часть своего войска на Русь, но венгерский король прекрасно понимал, что продолжение войны с Византией неизбежно. Ипатьевская (Киевская) летопись очень точно передает эту ситуацию: «А король бы*с*(ть) не пороженъ и

[1257] *Makk F.* Megjegyzések a II. Géza-kori magyar-bizánci konfrontácio… 43–44. l.
[1258] *Макк Ф.* К достоверности одного из сообщений Киевской летописи. 9–13. l.
[1259] ПСРЛ. Т. II. Стб. 385.

пусти ему Оугоръ 10 тысячь»[1260]. Кроме того, между владениями Гезы II и Изяслава Мстиславича находилось Галицкое княжество, возглавляемое врагом Изяслава и верным союзником Византии и Юрия Долгорукого – Владимиром Володаревичем. Это также учитывал Геза II, который, по свидетельству составителя Киевского свода, велел передать своему русскому союзнику: «Се им пущаю полкы своя, а самъ хочю поступити подъ горы Галичьскаго кн(я)зя не дати же ся ему двигнути, а ты ся прави с кимъ им обида есть, аче ти ся полки иструдять, а я*з* силнѣ иши поущю другыя, пакы ли, а самъ всяду на конѣ»[1261]. Цитированный летописный отрывок, по мнению Б. А. Рыбакова, передаёт текст грамоты, которую Геза II отправил Изяславу Мстиславичу[1262].

К. Я. Грот обращает внимание на то, что распыление военных сил в условиях сохранения напряжённой обстановки на Балканах на рубеже 1149–1150 гг. было не в интересах Гезы II. Недальновидность венгерского короля историк объясняет чисто субъективными причинами – «сильным влиянием, которое в то время ещё имела на короля его жена Евфросинья Мстиславовна»[1263]. Такое объяснение может быть не более чем гипотезой, основывающейся на более поздних свидетельствах о роли жены Гезы II в политической жизни Венгрии в последние годы его жизни и особенно после того, как Евфросинья стала вдовствующей королевой-матерью. Хотя вполне возможно, что уже тогда сестра Изяслава Мстиславича пыталась подчинить своему влиянию мужа, который, как будет показано ниже, зачастую выполнял данные шурину обещания чисто формально и потому заслужил от последнего справедливые упреки в бездействии.

В условиях существования про- и антивизантийского «лагерей» как в Юго-Восточной Европе, так и на Руси, характер мероприятий Гезы II, направленных на поддержку Изяслава Мстиславича на рубеже 1149/50 гг., пре-

---

[1260] Там же.
[1261] Там же.
[1262] Согласно сделанной историком подборке летописных материалов, взятых, по его мнению, из архива Изяслава Мстиславича, это грамота № 23. См.: *Рыбаков Б. А*. Древняя Русь: сказания, былины, летописи. С. 325.
[1263] *Грот К. Я*. Из истории Угрии и славянства… С. 152.

жде всего, соответствовал интересам Венгерского королевства. Избрав местом своего пребывания галицко-венгерское пограничье, Геза II рассматривал Владимира Володаревича в большей степени как союзника враждебной ему Византии, чем как врага своего шурина.

Ситуация в Польше была в то время более спокойной, чем на балканских окраинах Венгрии, поэтому краковский князь Болеслав IV Кудрявый (1146–1173) и его брат Индрих (Генрик) Сандомирский пришли со своими полками на помощь Изяславу Мстиславичу. При этом их младший брат Мешко III остался в Польше охранять границу от набегов пруссов[1264]. По свидетельству летописца, польские родственники Изяслава пришли к нему во Владимир «съ многою силою»[1265], однако, даже с учётом ещё и венгерской помощи, соотношение сил противоборствующих сторон было пока не в пользу Изяслава. На стороне Юрия в это время выступил Вячеслав Владимирович, сидевший в Пересопнице, которому Изяслав предложил занять киевский стол и принять племянника «в любовь», угрожая в случае отказа пожечь Вячеславову волость. Испугавшийся угроз Вячеслав сразу же известил брата о появлении на Руси польских и венгерских отрядов и попросил Юрия защитить его от нападения Изяслава[1266]. Юрий сначала отправил в Пересопницу дружины своих сыновей Ростислава и Андрея, а затем пришёл туда сам с «дикими половцами»[1267].

Основные события нового конфликта между Юрием Долгоруким и Изяславом Мстиславичем произошли уже в начале 1150 г. По мнению Н. Г. Бережкова, «Юрий выступил из Киева в первой половине января 6657 г., или, может быть, в самом начале второй половины, не позже. Такая датировка его выступления устанавливается по косвенным данным. Летопись сообщает, что польские и венгерские союзники Изяслава выступили для помощи ему в предстоявшей борьбе на рождество 6657 г.; Юрий собрал войско и выступил из Киева п о с л е т о г о, как узнал об этом от посланцев Вячеслава Влади-

[1264] Там же.
[1265] Там же. Стб. 386.
[1266] Там же. Стб. 385–386.
[1267] Там же. Стб. 386–387.

мировича (княжившего тогда в Пересопнице), следовательно, не ранее января. С другой стороны, Юрий, вступив в Волынскую землю и, сделав там довольно длительную, как кажется, остановку в Пересопнице, 8 февраля был уже у Луцка; поэтому выступление его из Киева нельзя относить ко времени более позднему, чем середина января»[1268]. Самую серьёзную опасность для собранной Изяславом коалиции представлял галичский князь Владимир Володаревич, поскольку его владения находились в юго-западной Руси, что вынуждало Изяслава вести войну на два фронта. Появление Владимира под Шумском вызвало замешательство в стане Изяслава, «и оубояшася Ляхове и Оугре»[1269]. Первой реакцией Изяслава на ухудшение своего положения стал уход войск его коалиции из Шумска в Чемерин. Тогда же Мешко III прислал братьям гонца с известием о нападении пруссов на Польшу[1270]. Всё это делало надежды Изяслава на успех в борьбе с Юрием весьма призрачными.

Хотя наиболее подробный рассказ о зимней войне 1149–1150 гг. Юрия Долгорукого с Изяславом Мстиславичем содержится в Киевском своде, некоторые дополнительные сведения об этом конфликте можно найти в Московском летописном своде конца XV в. Там, в частности, рассказ о страхе поляков и венгров перед собранной Юрием силой дополнен такими словаами: «…убояшяся Ляховѣ и Угри, рекоша Изяславу: «Не вси ся есмя совокупили нынѣ, чтобы нынѣ створити миръ». И не послуша ихъ, но приимъ совѣтника Юрия Ярославича»[1271].

В. Т. Пашуто, подробно рассмотревший этот сюжет, так оценивает ситуацию, сложившуюся на рубеже 1149–1150 гг. между противоборствующими сторонами: «Дело Изяслава явно не выгорело, и он попытался использовать союзников для дипломатического демарша»[1272]. По мнению историка, в Киевской (Ипатьевской) летописи не только сообщаются подробности о попытках союзников Изяслава помирить его с дядей, но и приводится текст

[1268] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 149.
[1269] ПСРЛ. Т. II. Стб. 387.
[1270] Там же.
[1271] ПСРЛ. Т. XXV. С. 46.
[1272] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 156.

грамоты, «в которой Белуш, бан Гезы II, и польские князья берут на себя хлопоты за Изяслава»[1273]. С этим предположением историка можно согласиться, за исключением одного момента: утверждение В. Т. Пашуто о том, что во главе пришедшего на помощь Изяславу Мстиславичу в декабре 1149 г. венгерского войска стоял бан Белуш, является не более чем догадкой и не подтверждается данными источников. Более того, представляется маловероятным, чтобы именно Белуш привел отряды венгров в распоряжение Изяслава. Два обстоятельства побуждают склониться к такому мнению.

Прежде всего, Белуш упоминается лишь однажды в Лаврентьевской летописи под 6652 (1144/45) г., где он назван просто Баном, что, по мнению летописца, было его именем[1274]. При описании рассматриваемых событий в этом памятнике имя предводителя венгров, как и во всех остальных летописях, не названо. Вряд ли летописец, знавший о том, что Бан является дядей («уем») венгерского короля, не упомянул бы его при описании событий конца 1149 г. Второе обстоятельство – противостояние сербов и Византии в то время. Отец Белуша – великий жупан Рашки Урош II – был непосредственным противником Мануила I, поднявшим против него восстание летом того же года. В таких условиях Белуш, несомненно, был более полезен на Балканах, где он, как никто другой из окружения Гезы II, знал обстановку и географию страны.

Нет смысла заниматься анализом переписки между союзниками Изяслава и Юрием, имевшей место в начале 1150 гг. Это уже сделал В. Т. Пашуто[1275]. С точки зрения темы настоящего исследования интересно наблюдение историка относительно титулатуры, употребляемой Юрием Владимировичем в ответном письме союзникам Изяслава Мстиславича: «для Юрия король Геза II – зять, Болеслав – брат, а Генрих – сын»[1276]. По мнению А. В. Юрасовского, «интересен и сам порядок, в котором перечисляются адресаты, – он также

[1273] Там же. Согласно Б. А. Рыбакову, это грамота № 25 (*Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 326).
[1274] ПСРЛ. Т. I. Стб. 311
[1275] См.: *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 156–157.
[1276] Там же. С. 157. Согласно Б. А. Рыбакову, это грамота № 26. Правда, при её цитировании историк пропустил часть фразы («королеви и брату»), в результате чего зятем в грамоте оказался назван Болеслав (*Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 326.

отражает их иерархическое положение по представлению Юрия Долгорукого. Обращение к Гезе как к «*зятю*», возможно, объясняется тем, что в реальности он был зятем Изяслава Мстиславича, названного в грамоте «*братом*» Юрия и Владимира. Будучи же их «*зятем*», он никак не может оказаться их «братом», – отсюда и разница в титулатуре венгерского и польского королей. Что же касается действительных степеней родства упомянутых здесь исторических личностей, то эта грамота лишний раз свидетельствует о том, что на Руси к XII в. «термины родства давно уже стали формой вассалитета»[1277].

Приведённые рассуждения А. В. Юрасовского нельзя признать исчерпывающими. В русской истории известны примеры, когда перечисляемые исследователем степени родства объединялись в обращении к одному человеку[1278]. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что, судя по упоминанию на первом месте и конкретному указанию степени родства, венгерский король имел наивысший престиж среди западных соседей Руси. Названные же «братом» Болеслав IV и «сыном» его младший брат Генрик (Индрих), имевшие княжеские титулы, выглядели в глазах Юрия менее значимыми правителями.

Приводимая вслед за этим В. Т. Пашуто общая оценка действий Юрия и его противников в рассматриваемое время представляется исчерпывающе полной и точной. «В ответе Юрий не разбирает полученные предложения по существу – он не касается вопроса ни о Киеве, ни о Новгороде, ни о Луцке; уход иностранных союзников – вот условие мира. Союзники того и ждали, тем более, что около этого же времени должны были состояться переговоры Болеславичей с императором Конрадом в Мерзебурге»[1279]. Как известно, 8 февраля 1150 г. Юрий был в Луцке. М. Фонт оценивает это как свидетельство отсутствия венгров в то время на территории Руси, поскольку сам факт этой

[1277] *Юрасовский А. В.* К вопросу о степени аутентичности венгерских грамот XII в. Ипатьевской летописи. С. 190–191. В кавычках цитата из работы: *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси // *Новосельцев А. П.* и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 60.

[1278] Так, в 1504 г. Иван III назван «братом и тестем» великого князя литовского Александра Казимировича. В рассказе о возвращении Киева Изяславом Мстиславичем и Вячеславом Владимировичем в 1151 г. в Эрмитажном списке Московского летописного свода конца XV в. Вячеслав «зва к себе на обед братанича своего и сына Изяслава Мстиславича» (ПСРЛ. Т. XXV. С. 390). Выражаю благодарность В. А. Кучкину за указания на эти примеры.

[1279] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 157.

осады означал нарушение Юрием заключенного с Изяславом и его союзниками соглашения[1280]. Данное утверждение исследовательницы представляется верным, но в таком случае следует признать, что и прочие западные союзники Изяслава Мстиславича также покинули его к началу февраля 1150 г.

3. Участие венгров в борьбе Изяслава Мстиславича с Юрием Долгоруким осенью 1150 г.

Изменение политической ситуации на Руси весной – летом 1150 г. Осада Луцка войсками Юрия Долгорукого заняла три недели, после чего суздальский князь столько же времени простоял здесь, ведя предварительные переговоры с представителями враждебной коалиции[1281]. Всё это время Изяслав Мстиславич вынужден был оставаться во Владимире-Волынском, не имея возможности помочь запертому в Луцке брату Владимиру, потому что галичский князь умело сковывал силы Изяслава, став со своей дружиной между Владимиром-Волынским и Луцком[1282]. По всей видимости, Геза II в тот момент больше заботился о безопасности своего королевства, чем об оказании эффективной помощи своему шурину. Однако, как верно подметил С. М. Соловьёв, Владимиру Володаревичу, «как видно, хотелось продолжения борьбы между Мономаховичами, а не окончательного торжества одного соперника над другим; ему выгоднее было, чтоб соседняя Владимирская волость принадлежала особому князю»[1283]. Поэтому, когда Изяслав Мстиславич обратился к галичскому князю за помощью в деле примирения с Юрием, тот охотно откликнулся на просьбу соседа и нашёл единомышленников в стане Юрия в лице его сына Андрея и брата Вячеслава Владимировича. По мнению Н. Г.

[1280] *Font M.* Magyar-orosz politikai kapcsolatok.. 61. l. (*Фонт М.* Венгерско-русские политические связи… С. 98).

[1281] Хотя слова летописца некоторые исследователи трактовали как свидетельство того, что жители Луцка находились на осадном положении шесть недель, Н. Г. Бережков достаточно убедительно показал, что летописное известие сообщает об общем времени нахождения войска Юрия Долгорукого под стенами Луцка. См.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 149–150. Свидетельства ранних летописей об этом см.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 325; Т. II. Стб. 391.

[1282] ПСРЛ. Т. II. Стб. 391.

[1283] *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времен. Т. II. С. 166.

Бережкова, примирение Изяслава с Юрием в Пересопнице произошло в апреле 1150 г.[1284] По заключенному между дядей и племянником соглашению Юрий оставался киевским князем, но возвращал Изяславу новгородские дани. Кроме того, противники обещали вернуть друг другу имущество, захваченное в ходе боевых действий[1285]. Последнее условие оказалось трудновыполнимым, а фактический отказ дяди вернуть племяннику обещанные дани способствовал эскалации нового конфликта между Изяславом и Юрием.

Весной 1150 г. Юрий чувствовал себя хозяином положения в южной Руси и на землях «Русской земли». Для укрепления союза с Владимиром Володаревичем он в период нормализации отношений с племянником выдал свою дочь Ольгу замуж за сына галицкого князя – Ярослава. Другая его дочь в то же время вышла замуж за новгород-северского князя Олега Святославича[1286], которому было в то время 12–13 лет. Но летом того же года ситуация резко изменилась не в пользу Юрия Долгорукого. Изяслав Мстиславич умело воспользовался самоуспокоенностью Юрия, видимо, полагавшего, что у племянника ещё не скоро появятся силы для нового наступления на Киев. Изяслав неожиданным рейдом захватил Пересопницу, воспользовавшись пребыванием княжившего здесь Глеба Юрьевича с дружиной в шатрах невдалеке от города, а вслед за этим вынудил самого Глеба пойти к нему на поклон[1287]. Отпустив после этого незадачливого князя к отцу, Изяслав заявил о том, что Пересопница является частью владений его отца – Мстислава Великого, простиравшихся до р. Горыни[1288].

Эта военная акция знаменовала собой начало новой войны Изяслава с Юрием. Изяслав Мстиславич отправился к чёрным клобукам, где получил военную помощь[1289]. Внезапное появление Глеба Юрьевича у отца в Киеве и дошедшие до Юрия вести об объединении сил Изяслава с чёрными клобуками, а также осознание того, что киевляне готовы поддержать Изяслава, по-

[1284] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 61.
[1285] ПСРЛ. Т. II. Стб. 393.
[1286] Там же. Стб. 394.
[1287] Там же. Стб. 395.
[1288] Там же. Стб. 396.
[1289] Там же.

сеяли в душе Юрия панику. Не дожидаясь прихода отрядов племянника, он бежал из Киева в Городец-Остерский. Бегством брата попытался воспользоваться Вячеслав Владимирович, объявивший себя киевским князем[1290], однако киевляне не признали власть старейшего на тот день из потомков Владимира Мономаха, о чём открыто заявили пришедшему к Киеву Изяславу. Ввиду явного перевеса сил в пользу племянника, Вячеславу пришлось оставить ему киевский стол и вернуться в Вышгород[1291]. Таким образом, превосходство Юрия над Изяславом исчезло в течение нескольких недель.

Тем не менее, Изяслав Мстиславич прекрасно понимал, что борьба с Юрием ещё не закончена. В тылу у него оставался наиболее верный союзник суздальского князя – Владимир Володаревич. Поскольку Геза II не смог (или не захотел) сковать силы галицкого князя, Изяславу вскоре пришлось ощутить всю сложность ведения войны на два фронта. При этом венгерский король теперь уже не мог в полной мере выполнить данные шурину обещания, поскольку международное положение Венгрии в то время заметно осложнилось (см. ниже). Неустойчивость положения Изяслава Мстиславича после возвращения им Киева (примерно в мае 1150 г.)[1292] ярко проявилась в безуспешной попытке его сына Мстислава отбить Переяславль у Ростислава Юрьевича[1293]. Обосновавшись в Городце-Остерском, Юрий Владимирович начал создавать новую коалицию против племянника, в которую ему удалось привлечь на этот раз всех черниговских князей, как Ольговичей, так и Давыдовичей[1294].

Не менее серьёзным противником для Изяслава Мстиславича оставался галичский князь Владимир Володаревич, который, став сватом Юрия Долгорукого, не мог не откликнуться на его призыв о помощи. Выступление Владимира с большим войском, численность которого испугала союзных Изяславу чёрных клобуков и отряды киевлян, готовившихся к битве с галичана-

---

[1290] Там же.
[1291] Там же. Стб. 397–398.
[1292] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 150.
[1293] ПСРЛ. Т. II. Стб. 398.
[1294] Там же. Стб. 398, 402.

ми в верховьях р. Ольшаницы и побудила их к бегству (чему вынуждены были последовать и дружинники Изяслава)[1295], во многом решило судьбу летней военной кампании 1150 г., вновь склонив чашу весов в пользу Юрия.

В связи с этим вновь уместно поставить вопрос об эффективности союза Изяслава Мстиславича с Гезой II. Выше уже обращалось внимание на то, что венгерский король, не имея возможности лично отправиться с войском на Русь из-за сложного международного положения своей страны в то время, обещал своему русскому союзнику поддерживать напряженность на границах Галицкого княжества. Однако, если проанализировать развитие конфликта между Изяславом и Юрием в 1149–1150 гг., обнаруживается, что вплоть до осени 1150 г. Владимир Володаревич имел полную свободу действий, заставляя Изяслава Мстиславича распылять свои силы, что дважды предопределяло поражение племянника в борьбе с дядей. Таким образом, Геза II по каким-то причинам не мог или не хотел предпринять решительных действий против своего непосредственного восточного соседа, каковым являлся Владимир Володаревич. В связи с этим вспоминаются слова летописца, свидетельствующего о том, что у галичского князя были «приятели в Венгрии»[1296], информировавшие его об обстановке при дворе Гезы II. Данные Киевского свода о событиях осени 1150 г., когда Галицкое княжество стало главным объектом нападения собранной Изяславом Мстиславичем коалиции (см. ниже) как нельзя лучше подтверждают не только этот тезис, но и то, что Геза II при желании легко мог блокировать действия Владимира Володаревича, создавая реальные угрозы на границах его княжества.

Возобновление войны на Балканах в 1150 г. Мануил I Комнин не хотел смириться с потерей своих сербских владений, однако и он прекрасно понимал, что для эффективной борьбы с Гезой II необходимо заставить его воевать на два фронта. Как известно, во время II крестового похода сложился

[1295] См. об этом: Там же. Стб. 401.
[1296] Там же. Стб. 406.

«союз двух империй», которые возглавляли Мануил и Конрад III. Возлагая большие надежды на германского правителя, византийский василевс не торопился с новым походом на северо-западные окраины своего государства. Однако целый ряд обстоятельств мешал Конраду III выступить против врагов Мануила I, тем более что после бесславного возвращения крестоносцев на родину в 1149 г. французский король Людовик VII жаждал отмщения коварным византийцам, которых он считал главными виновниками неудачи своего похода на Святую землю[1297]. Таким образом, помимо норманнов Рожера II и Венгрии, активным членом антивизантийской коалиции готов был стать в 1150 г. и французский король. В такой ситуации для Мануила Комнина «было большим счастьем уже то, что своей холодностью к французским порывам» Конрад III «расхолодил пыл тамошнего рыцарства»[1298].

Убедившись в том, что большая война с коалицией западноевропейских государей ему не угрожает, и не дождавшись военной помощи от Конрада III, Мануил I лишь в конце лета 1150 г. смог отправиться в поход против сербского великого жупана Уроша II (1145–1150, 1155–1162). Эта акция византийского императора пришлась как раз на то время, когда Изяслав Мстиславич, чувствовавший себя недостаточно уверенно на киевском столе после бегства из Киева Юрия Долгорукого, вновь попросил Гезу II о помощи. Получилось так, что венгерский король после небольшой мирной передышки вновь вынужден был воевать на двух театрах боевых действий. Военная кампания осени 1150 г. была более удачной для Мануила I Комнина. Хотя, как и в предшествующем году, официальной войны между Византией и Венгрией не было, значительные венгерские силы были посланы Гезой II в Сербию на помощь Урошу II. Внимательно отслеживая передвижение пришедших из Венгрии отрядов, Мануил I сумел разгромить сначала авангард венгерского войска, а затем и его основные силы, направленные Гезой II на Балканы. Триумф византийскому императору принесла битва на р. Таре, где он разбил

[1297] Подробнее об этом см.: *Васильевский В. Г.* Труды. Т. IV. С. 50–55.
[1298] Там же. С. 57.

объединённое сербское войско Уроша II и пришедших к нему из Венгрии всадников, вместе с которыми в Сербию прибыли отряды хвалисов[1299] и печенегов – подданных Гезы II[1300]. Результатом побед Мануила I на Балканах осенью 1150 г. стала потеря Гезой II своего влияния в Сербии. Разгромленный великий жупан Урош II «по требованию императора явился лично загладить свою вину… Он обязался навеки быть рабом императора восточного и, как верный вассал, сопровождать его на войне с определенным количеством войска, – при походе на запад – с двухтысячным числом…»[1301]. Таким образом, сербские силы теперь могли быть использованы василевсом против венгров.

В отечественном византиноведении господствующей датировкой первой войны Мануила I Комнина с Гезой II является 1151 г. Что же касается современных венгерских историков, то они разделяют точку зрения Ф. Макка, согласно которой василевс выбрал самое удобное время для нападения на Венгрию – осень 1150 г., когда Геза II воевал на Руси с Владимиром Володаревичем[1302]. В новейшем отечественном издании отрывков из хроники Иоанна Киннама, прямо или косвенно связанных с Русью и народами Восточной Европы, собранных и прокомментированных М. В. Бибиковым, данная точка зрения не рассматривается, хотя, судя по библиографии, переводчик и комментатор труда византийского историка был знаком с переводом названной статьи Ф. Макка на французский язык[1303]. Впрочем, сам венгерский византинист признаёт, что его точка зрения полностью не развенчивает господствующую[1304], но представляется ему «на основании надежных источников и размышлений» более обоснованной[1305].

[1299] Хвалисами венгерские хронисты называли пришедших в Венгрию в X в. хорезмийцев, которые по своему вероисповеданию были исмаилитами.
[1300] Подробнее об этом см.: *Васильевский В. Г.* Труды. Т. IV. С. 57–59.
[1301] Там же. С. 59–60.
[1302] См.: *Makk F.* Megjegyzések a II. Géza-kori magyar-bizánci konfrontácio.. 45–48. l.
[1303] *Makk F.* Contribution à la chronologie des conflits hungaro-byzantine au millieu du XIIe siècle // Зборник радова Византинолошког института. 1981. Кн. 20. (См.: *Бибиков М. В.* Византийский историк Иоанн Киннам… С. 164.)
[1304] *Makk F.* Megjegyzések a II. Géza-kori magyar-bizánci konfrontácio. 47. l.
[1305] Ibid.

Логика тех, кто датирует первое нападение Мануила I на Венгрию 1151 г., достаточно проста: они исходят из внутренней хронологии сочинения Иоанна Киннама, признавая его приоритет с точки зрения достоверности и точности и проверяя его известиями информацию других письменных памятников. Однако есть целая группа средневековых источников, которые, независимо друг от друга, выдвигают иную версию событий. Суть расхождений между двумя этими версиями можно свести к ответу на два вопроса: 1) возвращался ли Мануил Комнин после разгрома сербов на Таре в Константинополь или сразу вторгся в приграничную венгерскую область Срем (Серемшег)? 2) находился ли Геза II в своём королевстве в момент вторжения в Срем византийской армии?

Если опираться только на информацию Иоанна Киннама, то ответ на оба этих вопроса будет положительным, однако есть известия других памятников, заставляющие усомниться в этом. Так, Ф. Макк обратил внимание на один пассаж речи константинопольского ритора Михаила, произнесённой им на Рождество 1155 г., в которой он говорит о венгерско-византийской войне 1154 г. В этой речи-панегирике Михаил вспоминает о том, что Геза II после разорения его владений войском Мануила четыре года готовился к нанесению ответного удара Византии[1306]. Отсчитав от 1154 г. четыре года, получаем 1150 г. Противоречит хронологической канве сочинения Иоанна Киннама свидетельство его младшего современника – Никиты Хониата, который в своей хронике утверждает, что Мануил направился в поход на венгров, «хотя он ещё не вытер пыль войны со своего лица, и ещё горячие капли пота покрывали его»[1307]. Как известно, Никита Хониат использовал сочинение Иоанна Киннама в качестве источника, создав, по сути дела, его сокращенный вариант. Однако в данном случае Никита почему-то отошёл от прямого следования своему источнику. Скорее всего, он использовал здесь какой-то другой источник.

[1306] См.: *Regel W.* Fontes rerum Byzantiarum. T. I. Pars 1. Petropoli, 1892. P. 158.
[1307] *Nicetae Choniatae* Historia. P. 92.

Что касается отсутствия Гезы II в Венгрии в момент нападения византийского войска на Срем, то об этом прямо свидетельствует хроника Генриха из Мюгельна[1308]. Как известно, это историческое сочинение, созданное около 1358–1359 гг., является, по сути своей, переводом на средневерхненемецкий язык одного из вариантов Gesta Hungarorum, предшествовавших Венгерскому хроникальному своду Марка Кальти. Сам же Марк в своём своде о походе Мануила I в Венгрию не упоминает, что наталкивает на мысль о том, что Генрих из Мюгельна пользовался в данном случае источником, не известным Марку Кальти и не дошедшим до нас. В отличие от Ф. Макка М. В. Бибиков при датировке рассматриваемого похода опирается исключительно на известия хроники Иоанна Киннама, поскольку «за Иоанном Киннамом в византиноведении прочно закрепилась слава надёжного и достоверного историографа XII в., описавшего события, современником которых он был»[1309]. Вместе с тем, как отмечает М. В. Бибиков, описывая поход Мануила I Комнина на сербские земли в 1150 г. «в отличие от Никиты Хониата, недвусмысленно показавшего неудачный для ромеев характер войны, Киннам лишь едва касается трудностей кампании»[1310]. В связи с этим вызывает сожаление то, что М. В. Бибиков не дал никакой оценки точке зрения Ф. Макка, которая в данном случае представляется мне более аргументированной.

Таким образом, вопрос о датировке времени рассматриваемого похода остаётся открытым. Помимо господствующей в историографии версии о том, что наказание Гезы II за войну с Владимиром Володаревичем последовало в 1151 г., вполне вероятно и такое развитие событий, что венгерский король отправился в Галицкое княжество, надеясь на то, что византийское войско после тяжёлой борьбы с сербами будет отправлено на отдых, а василевс, узнав об уходе Гезы II с войском на Русь, наоборот, решил воспользоваться на

[1308] «В то же самое время, когда король Гейза был у Русских, пришел Эммануил, император Греков, на Венгерскую землю» („IN den selben czeiten, die weil kunig Geysa zu Reussen was, do zog Emanuel der keyser von Krichen in Vngerlant”: Chronicon *Henrici de Mügeln* // SRH. Vol. II. P. 199).
[1309] *Бибиков М. В.* Византийский историк Иоанн Киннам… С. 16.
[1310] Там же. С. 37.

редкость благоприятной для него ситуацией, заставив уставшую армию совершить еще одну боевую операцию.

Впрочем, возможен и такой вариант, что по-своему правы и Ф. Макк, и М. В. Бибиков, поскольку на самом деле могли иметь место два похода Мануила I Комнина во владения венгерской короны. Первый из них состоялся поздней осенью 1150 г. и являлся быстрой реакцией василевса на получение им известия о походе Гезы II на Галич, а второй – в 1151 г. Если проанализировать информацию источников, свидетельствующих о нападении византийского войска на владения Арпадов в 1150 г., то она явно свидетельствует о кратковременности этого похода, рассчитанного лишь на то, чтобы нанести хотя бы небольшой ущерб противнику, воспользовавшись его отсутствием в стране.

Если же обратиться к тексту Киннама, то там описана совершенно иная ситуация. Там речь идёт о том, что «король пеонцев (Геза II. – *М. Ю.*), удачно завершив войну против тавроскифской страны Галицы, собрал сильное войско и в страшной ярости идёт на ромеев»[1311]. Далее византийский хронист повествует о том, как василевс направил в венгерские пределы отряд под командованием скрывавшегося в Византии родственника Гезы II Бориса Калмановича, что вызвало новый приступ ярости у венгерского короля, вследствие которой он безуспешно гонялся за Борисом, разорявшим одну за другой южновенгерские области. В конечном счёте, выдохшийся в этой гонке Геза II отправил к императору Мануилу послов с предложением заключить мирный договор[1312].

В связи с этим возникает вопрос: что могло вызвать первый приступ ярости Гезы II по отношению к Мануилу Комнину? Неудача венгерских отрядов в Сербии вряд ли была способна пробудить у венгерского короля столь сильные негативные эмоции, поскольку Урош II являлся правителем земли, не входившей в состав владений венгерской короны. Другое дело – нападение византийцев на Срем (Серемшег) – пограничную область Венгрии, совер-

[1311] Там же. С. 52 (текст), 62 (пер.).
[1312] Там же. С. 52 (текст), 62–63 (пер.).

шённое, во-первых, во время отсутствия Гезы II в своём королевстве, а во-вторых, в период официального мира между двумя соседними державами. Этого было вполне достаточно, чтобы вызвать гнев у венгерского короля за проявленное василевсом вероломство.

Таким образом, по моему мнению, Никита Хониат и Генрих из Мюгельна, с одной стороны, и Иоанн Киннам, с другой, пишут о двух разных походах, причём различающихся, прежде всего, по своим масштабам. Безусловно, поход 1150 г. был значительно более скромным по сравнению с военной кампанией 1151 г. Это была своеобразная «импровизация», осуществлённая частью византийской армии, возвращавшейся после тяжёлой военной операции в Сербии. Поскольку, как указывалось выше, Иоанн Киннам не любил писать о трудностях, выпадавших на долю византийского войска, охотнее сообщая о победах и возвеличивая военные таланты Мануила I Комнина, он не придал значения набегу на Венгрию 1150 г., сосредоточившись на описании событий 1151 г.

Поход Гезы II против Владимира Володаревича. Хотя Геза II, несомненно, отдавал себе отчёт в том, что назревает большая война между Венгрией и Византией, он решил лично отправиться осенью 1150 г. на Русь. По мнению К. Я. Грота, венгерский король, ввиду неудач своего войска, был намерен сам разобраться на месте с ситуацией, сложившейся в южнорусских землях, и помочь своему шурину создать благоприятные условия для победы над Юрием Долгоруким, чтобы не распылять впоследствии свои силы в условиях войны с Византией[1313]. После потери Киева в конце августа или начале сентября 1150 г.[1314] Изяслав Мстиславич безуспешно пытался отстоять от притязаний Юрия Владимировича свои владения вдоль р. Горыни. Возвращавшийся на родину Владимир Володаревич изгнал из Дорогобужа посаженного там отцом Мстислава Изяславича и захватил более мелкие города этой области.

[1313] *Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства… С. 156.
[1314] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 150. По свидетельству В. Н. Татищева, Юрий вошел в Киев 28 августа (*Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. III. С. 20).

Князем захваченной у Изяслава территории Владимир сделал Мстислава Юрьевича, избравшего своей столицей Пересопницу[1315]. Однако новая осада Луцка, предпринятая Владимиром Володаревичем, оказалась безуспешной.

Для более надёжной охраны отнятых у Изяслава Мстиславича владений Юрий вскоре отдал Пересопницу, Туров и Пинск своему сыну Андрею (Боголюбскому), как «самому храброму из Юрьевичей»[1316]. Поскольку Андрей Юрьевич уже в прошлом, 1149 г., показал себя противником длительных междоусобий, Изяслав вновь обратился к нему с просьбой о посредничестве в деле примирения с Юрием Долгоруким. При этом Изяслав, судя по рассказу летописца, патетически заявлял: «Мнѣ о*т*цины въ Оугрехъ нетуть, ни в Ляхохъ, токмо в Рускои земли», но в то же время, владея Владимиром-Волынским, он продолжил цитируемую фразу конкретной просьбой: «а проси ми оу о(т)ца волости Погориноу»[1317]. Юрий Владимирович оставил переданную ему Андреем просьбу племянника без удовлетворения. Ситуацию, в которой оказался Изяслав Мстиславич осенью 1150 г., он, по свидетельству летописца, охарактеризовал следующими словами: «Стрыи ми волости не дасть, не хочеть мене в Рускои земли, а Володимеръ Галичкои по его велению волость мою взялъ, а опять к Володимерю моему хочеть прити на мя»[1318]. Противодействие получению племянником волости в «Русской земле» было главной целью Юрия Долгорукого. Не имея военных сил, достаточных для победы над дядей, Изяслав Мстиславич решил ликвидировать очаг постоянной угрозы своим владениям, исходивший с юго-запада. Галичский князь находился в то время в таком же положении, как и владимиро-волынский, – между двумя врагами, которые в любое время могли заставить его воевать на два фронта.

Как указывалось выше, Геза II в 1149 – первой половине 1150 г. не выполнял своих обещаний сковывать силы Владимира Володаревича, давая возможность последнему совершать походы против Изяслава Мстиславича. Как

[1315] ПСРЛ. Т. II. Стб. 403–404.
[1316] *Соловьёв С .М.* История России с древнейших времён. Т. II. С. 170.
[1317] ПСРЛ. Т. II. Стб. 405.
[1318] Там же.

видно из летописного рассказа, Изяслав не мог более этого терпеть и «посла брата своего Володимера въ Оугры ко королеви, зятю своему, и ре*ч*(е) ему: «Ты ми еси самъ реклъ, акоже Володимеръ не смѣеть головы склонити. Я же есмь Гюргя ис Киева выгналъ, и Гюрги передо мною бѣгаеть. И Володимеръ, пришедъ, свѣчався со Олговичи и погна мя ис Киева. Ны*н*(ѣ) же, брате, акоже ми еси самъ въреклъ [*переделано в* уреклъ], полѣзи же на конѣ»[1319]. Справедливые упрёки Изяслава Мстиславича, по-видимому, настолько задели Гезу II, что сторонникам Владимира Володаревича на этот раз не удалось отговорить короля от похода на Галицкое княжество. Несмотря на то, что был самый разгар боевых действий в Сербии, Геза II решил лично возглавить венгерское войско и продемонстрировать своему русскому шурину, что король верен данному им обещанию. Исходя из внутренней хронологии Киевского свода, обращение Изяслава Мстиславича к венгерскому королю с упрёками в несоблюдении условий их договоренности о создании венграми постоянной военной угрозы для галицкого князя примерно можно датировать серединой сентября 1150 г.[1320] Судя по следующему датирующему известию Киевской (Ипатьевской) летописи, согласно которому Геза II покинул Русь вскоре после Дмитрова дня (26 октября)[1321], события этого военного конфликта развивались очень быстро.

Геза II, войско которого уже имело опыт неудачных военных операций на Руси, на этот раз подошёл к делу оказания помощи своему союзнику самым серьёзным образом, собрав все имевшиеся у него силы, что подтверждает автор соответствующего отрывка Ипатьевской летописи, трижды употребивший в двух смежных фразах слово «весь» в различных формах: «Король же, то слыша и посла по *всеи* своеи земли, по свою дружину и по *вс*ѣ свои пол-

---

[1319] Там же. По Б. А. Рыбакову, это грамота № 32 (*Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 327).

[1320] Вторичный захват Юрием Долгоруким Киева, как указывалось выше, произошёл на рубеже августа–сентября 1150 г., поскольку до 14 сентября Святослав Всеволодич, а затем Андрей Юрьевич успели приехать из Киева в Переяславль и заключить мир с половцами. См. об этом: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 150. Впрочем, гонцы добирались из Киева до Переяславля за один день, как это явствует из признания Владимира Мономаха, что он за день добирался из Киева до Чернигова, а Переяславль находился ненамного дальше от «матери городов русских».

[1321] ПСРЛ. Т. II. Стб. 406.

кы. И тако скупя *всю* силу свою, король и полѣзе на кони…» (курсив мой. – *М. Ю.*)[1322].

Цитированный отрывок интересен тем, что он, во-первых, показывает порядок сбора венгерского королевского войска в Средние века, а во-вторых, свидетельствует о хорошем знании летописцем современных ему венгерских реалий. Еще при первом короле Иштване I Святом (1000/1–1038) в Венгрии началось складывание системы королевских замковых округов (комитатов), руководимых специальными чиновниками (ишпанами). Одной из задач ишпанов было поддержание боеспособности базировавшихся в возглавляемых ими комитатах отрядов профессиональных воинов, которых называли сначала *замковыми иобагионами* (iobagiones castri), а позднее – *королевскими сервиентами* (servientes regis). По подсчетам венгерских историков, численность венгерского королевского войска достигала во второй половине XI в. 30 тыс., а в конце XII – начале XIII в. – 50 тыс. воинов[1323]. Политическая раздробленность Руси и Польши не позволяла местным князьям поодиночке собирать такие большие армии.

Геза II очень надеялся на то, что быстрые сборы и немедленное выступление его войска в поход позволят ему использовать фактор внезапности для достижения победы над галичским князем. Судя по тону рассказа летописца, венгерский король с самого начала этой военной операции взял на себя функции её руководителя. Геза II «…ко Изяславу посла мужи свои, река ему: «Азъ ти есмь с бра*т*(о)мъ твоимъ, с Володимеромъ о*т*селѣ (т.е. из места сбора его войска в Венгрии. – *М. Ю.*) оуже пошелъ, а ты поиди о*т*толѣ, скупяся весь, а вѣдатъся будеть Володимеръ, кого заемъ»[1324]. Исходя, опять же, из внутренней хронологии Киевского свода, выступление Гезы II в поход, скорее всего, произошло в начале октября 1150 г.

В целом можно считать, что план венгерского короля удался, хотя, по свидетельству летописца, «Володимеру же бяху приятеле въ Оугрехъ, и по-

[1322] Там же. Стб. 405.
[1323] Magyarország hadtörténete két kötetben. I. k. Bp., 1984. 34. l.
[1324] ПСРЛ. Т. II. Стб. 405–406. По Б. А. Рыбакову, это грамота № 33 (*Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 327).

слаша к Володимеру, повѣдаша ему, оже король оуже идеть на нь»[1325]. Исследователи, как правило, не задаются вопросом о том, кто именно были эти «приятели» галичского князя. Исключение здесь составляет К. Я. Грот, предположивший, что Владимира известило о походе Гезы русское население Закарпатья[1326]. Безусловно, полностью исключать возможность нахождения среди предков современных русинов агентов Владимира Володаревича нельзя, однако это представляется маловероятным. Местный житель, хорошо знающий не только Карпатские перевалы, но и тайные тропы, успел бы предупредить галичского князя о выступлении против него венгерского войска. Внезапным нападение Гезы II оказалось, скорее всего, потому, что «приятели» Владимира находились среди окружения венгерского короля, которому удалось не допустить отправки ими тайных гонцов в Галич.

В момент получения известия о переходе войска Гезы II через Карпаты Владимир Володаревич находился у Белза. Летописец рисует яркую картину отчаянных попыток князя остановить вторжение венгров в его владения. Он, «оуслышавъ, оже король оуже вшелъ в Гору, и ту поверга возы своя, а самъ гна съ дружиною своею к Перемышлю»[1327]. Перемышль находился к юго-западу от Белза, и Владимир хотел закрыть венграм путь на Галич, однако оказать достойное сопротивление венгерскому войску Владимир Володаревич был уже не в состоянии. Геза II не только удачно использовал фактор внезапности, но и очень точно рассчитал главное направление своего удара. Ипатьевская летопись позволяет восстановить маршрут, которым двигалось венгерское войско. В самом начале похода «король же прошедъ Гору и взя Санокъ городъ, и посадника его яша, и села оу Перемышля многа взя»[1328]. В результате этого дружина Владимира Володаревича, углубившаяся до прихода венгров на территорию Владимиро-Волынского княжества, оказалась под угрозой окружения силами Гезы II и Изяслава Мстиславича, поскольку,

---

[1325] Там же. Стб. 406.
[1326] *Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства… С. 156.
[1327] ПСРЛ. Т. II. Стб. 406.
[1328] Там же.

появившись в окрестностях Перемышля, венгерский король отрезал Владимиру прямой путь отхода в стольный Галич.

Оценив всю тяжесть сложившейся для него ситуации, галичский князь отказался от боевых действий с Гезой II и начал искать выхода из войны дипломатическим путем. Киевская (Ипатьевская) летопись далее пишет: «Володимер же, то видѣ въ, оубояся и послаша [Х.П. *приб*. къ] архиеп(иско)пу Кукнишеви, и ко инѣ ма двѣ ма пискупома и къ мужемъ королевымъ. И тако домолився и вда золото много и оумьзди я, да быша воротили короля, и тако оумолвиша короля поити домови»[1329]. Таким образом, Владимиру Володаревичу удалось прекратить конфликт при помощи подкупа верхушки клира и знати, находившегося при Гезе II в то время. Возможно, некоторыие из них были «приятелями» Владимира Володаревича, предупреждавшими его о намерениях Гезы II совершить поход на Галич.

В. Н. Татищев во второй редакции «Истории Российской» дополняет летописный рассказ о подкупе клириков из окружения венгерского короля следующими подробностями: «Архиепископ же, и епископи паче подарков требовали от него, чтобы он принял их закон. На что Владимирко ответствовал, что ныне, яко в войне будучи, того без великого вреда учинить не может, но обесчал после в том их удовольствовать. И хотя его ответ такой был, что они подлинно его разуметь не могли, однако ж они, усильно королю о возврате советуя, склоняли, представляя, что ныне наступает осень и время дождливое, а Изяслав не пришел: «Мы можем более вреда, нежели пользы себе приобрести, а когда весна настанет, тогда нам гораздо способнее будет и можем все пожелание в краткое время учинить»[1330]. Под «законом» здесь имеется в виду католическое вероисповедание.

Немецкий историк венгерского происхождения Игнац Аурел Фесслер, работавший в первой половине XIX в., считал известие об обещании Владимира Володаревича принять католичество вполне достоверным и упрекал га-

---

[1329] Там же.
[1330] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. III. М. – Л., 1964. С. 21.

личского князя в отказе от своей клятвы[1331]. Однако мнение И. А. Фесслера подверг сомнению К. Я. Грот на основании того, что «летопись говорит просто о подкупе»[1332]. Точка зрения последнего представляется более обоснованной, поскольку в период нахождения в ближайшем окружении Гезы II православных людей – жены Евфросиньи, матери Илоны и дяди по матери бана Белуша – вряд ли католические прелаты могли отважиться на насильственное приобщение к римской церкви русского князя, тем более, учитывая нахождение Галича по другую сторону Карпат, что исключало возможность эффективного контроля «твёрдости» его жителей в новой вере. Вызывает также большие сомнения подлинность переданных В. Н. Татищевым речей венгерских прелатов, якобы убеждавших Гезу II в том, что он выбрал крайне неблагоприятное время для похода против Владимира Володаревича. Конечно, можно допустить, что именно такие аргументы были приведены советниками венгерского короля, чтобы отговорить его от продолжения военной кампании, однако, если обратиться к Ипатьевской летописи, то там аналогичная аргументация приписана лично Гезе II, поэтому мы вправе допустить, что В. Н. Татищев по-своему изложил имевшийся в его распоряжении летописный текст, возможно, дополнив его некоторыми придуманными им подробностями.

Таким образом, в качестве благовидного предлога для прекращения военной кампании Геза II избрал природный фактор. По свидетельству летописца, король, поддавшись уговорам своего окружения, «поча молвити: «Се ны*н*(ѣ) же оуже есть не веремя: реки ся смерзывають. А поидемъ домове, оже оуже рѣкы ся оустановять, тогда како ны с ними Б(ог)ъ дасть»[1333]. В следующей фразе летописец сообщает дату, когда было сделано это заявление: «Бяшеть бо о Дмитровѣ дни оуже»[1334]. Поскольку Дмитров день отмечается 26 октября, Н. Г. Бережков сделал вывод о том, что в 1150 г. зима «была, по-

[1331] *Fessler, Ignac Aurel*. Geschichte der Ungarn. Bd. II. S. 69.
[1332] *Грот К. Я*. Из истории Угрии и славянства. С. 158.
[1333] ПСРЛ. Т. II. Стб. 406.
[1334] Там же.

видимому, ранняя»[1335]. В связи с этим можно понять стремление венгерского короля вернуться на родину до того времени, пока карпатские перевалы не будут засыпаны снегом. Однако после фразы, дающей нам временной ориентир, летописец сообщает: «Король же, то рекъ, поиде, много зла створивъ Володимеру и земли его, и Володимира, шюрина своего, поя съ собою въ Оугры»[1336], что свидетельствует о том, что Геза II не торопился покинуть русские пределы.

Таким образом, избежав большой войны с Изяславом Мстиславичем и его союзниками, Владимир Володаревич не смог гарантировать полную безопасность своего княжества. Разорение Галицкой земли имело далеко идущие внешнеполитические последствия. Как указывалось выше, по свидетельству Иоанна Киннама, Мануил I Комнин, узнав о нападении венгерского короля на «архонта Галицы» Владимира, «который был подданным союзником ромеев», решил отомстить ему[1337], что стало главной причиной венгерско-византийской войны 1151 (или конца 1150) г., которая знаменовала собой выход противоречий между двумя соседними государствами на качественно новый уровень. Если раньше, в первые годы правления Мануила I, Геза II лишь оказывал помощь врагам Византии и воевал с её союзниками, то теперь настал черёд непосредственных боевых действий между двумя названными правителями, боровшимися за расширение своих владений на Балканах.

Укрепление династических связей между Мстиславичами и венгерским двором в конце 1150 г. Личное участие Гезы II во главе венгерского войска в междоусобиях русских князей на стороне Изяслава Мстиславича доказало эффективность союза между Киевом и Арпадами в то время, хотя и в небольших масштабах, поскольку Киев оставался в руках Юрия Долгорукого. В целях нейтрализации сторонников галицкого князя в Венгрии Изяслав Мстиславич решил укрепить союз с Гезой II новыми матримониальными связями.

[1335] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 151.
[1336] ПСРЛ. Т. II. Стб. 406.
[1337] *Бибиков М. В.* Византийский историк Иоанн Киннам… С. 52 (текст), С. 62 (пер.).

Сразу же после сообщения о разорении Гезой II владений Владимира Володаревича составитель Киевского свода начинает новую рубрику следующими словами: «В то же веремя Изяславъ сгадавъ сь зятемъ своимъ королемъ и съ сестрою своею королевою и пояша оу бана дчерь за Володимера»[1338]. Летописец на этот раз не ограничивается кратким сообщением об этом браке, а подробно описывает, как молодые, находившиеся тогда в Венгрии, порознь приехали на Русь.

Дочь бана Белуша, который, как известно, был дядей Гезы II, отправилась во Владимир-Волынский раньше своего жениха[1339]. Что же касается Владимира Мстиславича, то он «зане труденъ, без дружины своея и конемъ своимъ оста опочивати оу короля»[1340]. В. Н. Татищев перевёл слово «труденъ» как «болен»[1341], а И. И. Срезневский считал, что в данном случае это слово следует переводить «находящийся в затруднении»[1342]. Его можно также перевести как «устал». Так или иначе, но князь Владимир вернулся на родину через некоторое время после того, как на Русь возвратилась его дружина. Геза II старался показать, какое значение он придает укреплению матримониальных связей между венгерской правящей династией и родом Изяслава Мстиславича: «Король же велику ч(е)*с*ть створи ему и сестра его и мужи е*г*(о), и тако одаривъше и всякыми дары и отпустиша и къ брату своему Изяславу»[1343]. Подчёркнуто торжественные проводы Владимира Мстиславича на родину и увезённые им многочисленные подарки имели место в условиях неотвратимо надвигавшейся тяжелой войны с Мануилом Комнином. Геза II явно надеялся на то, что Изяслав Мстиславич окажет ему в трудную минуту не менее действенную помощь, чем сам он в деле борьбы с Владимиром Володаревичем.

По свидетельству летописца, Геза II уже имел сведения о подготовке византийского императора к походу в Венгрию: «Король же Володимеру ре*ч*(е), отпущая его: «О*т*цю моему и своему брату поклонишис(я) Изяславу, и се

[1338] ПСРЛ. Т. II. Стб. 406–407.
[1339] О свадьбе Владимира Мстиславича и «бановны» летописец сообщает ниже. См.: Там же. Стб. 408.
[1340] Там же. Стб. 407.
[1341] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. III. С. 21.
[1342] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. СПб., 1903. Стб. 1009.
[1343] ПСРЛ. Т. II. Стб. 407.

ему явиши: Ц(а)рь на мя Грецкыи въставаеть ратью. И сеѣ ми зимы и весны нѣ лзѣ на конь к тобѣ всѣсти, но обаче, о*т*це, твои щитъ и мои не розно еста»[1344]. Если поход византийского войска на Венгрию имел место в конце 1150 г., то венгерский король должен был опасаться новых вторжений из-за Дуная. Тем не менее, Геза II, видимо, надеялся на то, что военных сил венгерской короны хватит и на сдерживание византийского натиска, и на активное участие в междоусобиях русских князей. Летописец передает эту уверенность венгерского короля в следующих словах: «Аче ми самому нѣ лзѣ, а помочи коли хочеши ли тысячь болша ли, а то ти послю. А оже Б(ог)ъ даст лѣтѣ, то я въ твоеи воли есмь, а тогда своея обиды помьстивѣ, а како на*м* Б(ог)ъ дасть»[1345]. Из приведённого летописцем высказывания Гезы II видно, что он надеялся на то, что летом ему удастся отбить нападение Мануила I.

Вместе с дочерью бана Белуша на Русь прибыл отряд венгров, которому Изяслав Мстиславич дал в кормление г. Устилог[1346]. Там же, по всей видимости, находилась и «бановна», как названа Владимирова невеста в Киевской (Ипатьевской) летописи. Как только Владимир Мстиславич возвратился из Венгрии, была устроена его свадьба. Летописец умалчивает о том, приехал ли кто-нибудь из венгерских вельмож на обряд бракосочетания, но, скорее всего, отец невесты на свадьбе присутствовал, хотя автор рассматриваемого летописного сюжета при этом его не упоминает. К сожалению, летописец не даёт никаких точных временных ориентиров, когда происходили отъезд Владимира Мстиславича из Венгрии на родину и его свадьба с дочерью бана Белуша. Согласно внутренней хронологии Киевского свода, эти события имели место не ранее декабря 1150 г. Никаких параллельных известий иностранных источников на этот счёт у нас нет. Вскоре Владимир Мстиславич был вызван братом Изяславом, решившим вновь послать его в Венгрию для получения обещанной военной помощи. 1151 г. открывает новый этап противостояния между Юрием Долгоруким и его племянниками.

[1344] Там же. Б. А. Рыбаков считает этот пассаж воспроизведением начала текста грамоты (№ 34). См.: *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 328.
[1345] Там же. По мнению Б. А. Рыбакова, это заключительные фразы грамоты № 34.
[1346] ПСРЛ. Т. II. Стб. 408.

4. Участие венгров в военных конфликтах на юге Руси в 1151 г.

Вторичное изгнание Юрия Долгорукого из Киева Изяславом Мстиславичем. На рубеже 1150–1151 гг. произошла заметная активизация отношений между венгерским королём Гезой II и его шурином Изяславом Мстиславичем, потерявшим Киев. После женитьбы Изяславова брата Владимира на дочери венгерского бана Белуша, укрепившей и без того прочные династические связи между Гезой и Изяславом, последний решил напомнить венгерскому королю о данном им шурину обещании помочь в борьбе с Юрием Долгоруким за Киев.

Летописец, в котором Б. А. Рыбаков видит образованного боярина Петра Бориславича[1347], рассказывает о новой поездке Владимира Мстиславича в Венгрию с почти документальной точностью, разве что, не указывая дат описываемых событий. В Ипатьевской летописи приведён диалог, состоявшийся между братьями накануне отъезда Владимира к королю. Изяслав при этом сказал: «Брате! Ты еси въ Оугрехъ былъ оу зятя своего, оу короля, ты вѣдаешь всю мысль и думу ихъ. А тобѣ, брате, и ны*н*(ѣ) потрудити*с*(я) опять моея дѣля ч(е)*с*ти и своея». И тако о*т*ряди Изяславъ брата своего Володимера въ Оугры ко королеви, зати своему, помочи дѣля». Владимир же, по свидетельству летописца, ответил Изяславу: «Я*з*, брате, тѣмь не труденъ есмь твоея дѣля ч(е)*с*ти и брата своего Ростислава, радъ ѣду»[1348]. В. Т. Пашуто считает, что Изяслав отправил брата в Венгрию по причине «неожиданной оттяжки» с началом нового похода венгерского войска на Русь для того, «чтобы выяснить положение при королевском дворе. Владимир, вероятно, знавший язык, для такой роли подходил»[1349]. Цитированный летопис-

---

[1347] *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 336–345.

[1348] ПСРЛ. Т. II. Стб. 408. В этот и без того обстоятельный рассказ В. Н. Татищев во второй редакции «Истории Российской» вносит свои амплификации, добавляя: «Но, чтоб то паче споспешествовало, (Изяслав. – *М. Ю.*) отпустил и жену его, дочь банову, с ним с великим убранством, якобы для свидания с родители, ведая, что то многим вельможам, ея родне, приятно будет» (*Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. III. С. 22). В первой редакции своего многотомного труда В. Н. Татищев здесь не выходит за рамки летописной информации.

[1349] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 171. Свои предположения историк обосновывает фразой летописца «ты ведаешь всю мысль и думу их».

ный отрывок позволяет сделать такое предположение, исключая знание Владимиром венгерского языка.

Отправляя Владимира в Венгрию, Изяслав Мстиславич отчётливо представлял себе ситуацию, в которой находился тогда Геза II, но, тем не менее, он настаивал на посылке обещанной помощи, веля Владимиру передать их венгерскому зятю: «Оже ц(еса)рь въсталъ ратью, акоже ти с ни*м* Б(ог)ъ дасть. Оже им самому нѣ лзѣ, а помочь ми пусти, како ми еси самъ реклъ, а мнѣ Б(ог)ъ помочни на Гюргя и на Олговичѣ и на Галичкого кн(я)зя; оже, брате, твоя обида, то не твоя, но моя обида, пакы ли моя обида, то твоя»[1350]. По мнению Б. А. Рыбакова, в данном случае летописец приводит текст грамоты, отправленной Изяславом Мстиславичем венгерскому королю[1351], однако, судя по речевым оборотам цитированного летописного отрывка, это, скорее, пересказ устного наказа, полученного Владимиром от Изяслава. По свидетельству того же летописца, Геза II, «то слышавъ, поусти ко Изяславу с Володимеромъ 10 тысячь добрыхъ людии»[1352]. Отправка такого значительного количества воинов свидетельствует о том, что Венгрия в тот момент не была втянута в масштабные боевые действия на других фронтах, что подтверждается молчанием источников по этому поводу, но Геза II явно опасался нового нападения со стороны византийского императора Мануила I и потому не возглавил лично направленное им на Русь войско. Если учесть, что в тот период венгерской истории общая численность собиравшегося по призыву короля со всех комитатов войска должна была достигать примерно 40 тысяч воинов[1353],

---

[1350] ПСРЛ. Т. II. Стб. 408.

[1351] *Рыбаков Б. А.*Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 328. По подсчётам учёного, это грамота № 35, приведённая летописцем.

[1352] ПСРЛ. Т. II. Стб. 408–409. В. Н. Татищев во второй редакции «Истории Российской» в данном случае вновь не удержался от того, чтобы не добавить от себя: «Король принял Владимира с любовью, и все вельможи венгерские вельми его приезду ради были. Выслушав же прозьбу его в великом совете, охотно соизволили. И вскоре, выбрав войска лучшего 10 000, отправили с воеводою седмиградским и каморника королевского с деньгами на всякие для того войска потребности, что немедленно действом исполнили и, собрав войска, отправили». По утверждению историка, король велел передать Изяславу Мстиславичу, что тот может держать у себя венгерское войско «доколе отмстит обиды своим неприятелем и Киевом паки овладает. Если же будет есче потребно в прибавок, то немедленно, получа от него ведомость, подсчатся прислать, сколько удобно» (*Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. III. С. 22).

[1353] Magyarország hadtörténete. I. k. 34. l. Цифра в 40 тысяч является приблизительной и выведена мной исходя из того, что столетием ранее этот показатель равнялся 30 тысячам, а столетием позже – 50 тысячам.

получается, что Геза II направил в помощь свому шурину четверть всех военных сил Венгерского королевства.

Судя по летописному рассказу, лидеры созданной против Юрия Долгорукого коалиции вновь, как и в осенней операции против Владимира Володаревича 1150 г., видели главным залогом своего успеха внезапность нападения на противника. Сразу же после принятия Гезой II решения об отправке на Русь 10-тысячного венгерского войска к Изяславу отправились послы от короля и Владимира Мстиславича с приказанием волынскому князю: «а ты, брат, доспѣвъ, сѣди»[1354]. Очередное появление венгерского войска в юго-западной Руси, по всей вероятности, произошло в январе, самое позднее – в начале февраля 1151 г. Как указывалось выше, Геза II вернулся из предыдущего похода на Русь не ранее второй половины ноября 1150 г., после чего состоялась свадьба Владимира Мстиславича и «бановны», скорее всего, после Рождества, в самом конце декабре 1150 г. или начале января 1151 г. Судя по внутренней хронологии Ипатьевской летописи и учитывая тогдашние средства передвижения, а также необходимость хотя бы одной – двух недель для сбора в поход венгерского войска, можно достаточно уверенно предположить, что Владимир Мстиславич отправился за Карпаты в первой половине января 1151 г.

После того как союзники собрались во Владимире-Волынском[1355], они отправились в поход на Киев[1356]. К этому их побуждали не только стремление

[1354] ПСРЛ. Т. II. Стб. 409. По Б. А. Рыбакову, приказание об этом содержала грамота № 36 (*Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 328).

[1355] Летописи не сообщают подробностей возвращения Владимира Мстиславича из Венгрии на Волынь. В. Н. Татищев во второй редакции «Истории Российской» продолжает делать «вставки» в тексты имевшихся в его распоряжении источников, сообщая, что «и по отправлении оных (здесь, видимо, имеются в виду венгерские полки. – *М. Ю.*) Владимир, недолго медля, возвратился, догнав полки на границе, и к великому порадованию Изяслава со всеми полками пришел во Владимир благополучно» (*Татищев В. Н.* Собрание.сочинений. Т. III. С. 22). В Никоновской летописи, которая описывает эти события заметно короче, чем Ипатьевская, в сообщении о том, какие силы были собраны Изяславом для борьбы с дядей, употреблена типичная для этого источника формула «Угры, Ляхи и Чахи» (ПСРЛ. Т. IX. С. 185), что никак не свидетельствует о действительном участии поляков и чехов в этом походе.

[1356] В. Н. Татищев во второй редакции своего многотомного труда вновь добавляет от себя: «Изяслав, имея уже войско в собрании, прияв воеводу и протчих военных начальников венгерских, потчивая их и одаря каждого по достоинству, сам со всеми пошел к Киеву …» (*Татищев В. Н.* Указ. соч. Т. III. С. 22).

застать противника врасплох[1357], но и то, что на Киевщине у них было много союзников: Вячеслав Владимирович со своей дружиной, киевляне и берендеи[1358]. Первым городом, где союзники остановились на пути к Киеву, стала Пересопница. Князем здесь был в то время Андрей Юрьевич (Боголюбский), посаженный отцом в этой важной в стратегическом отношении крепости, охранявшей западные границы киевских владений, как самый смелый и решительный из сыновей Юрия Долгорукого[1359]. Зная это, Изяслав Мстиславич не решился на штурм Пересопницы, но сжёг соседний Зареческ[1360] и стал у Мыльска[1361].

В это время до него дошла весть о том, что на помощь Юрию вышел из Галича его верный союзник Владимир Володаревич. Опасность войны на два фронта побудила Изяслава созвать военный совет. Хотя летописец свидетельствует лишь о том, что Изяслав «поча думати съ дружиною своею»[1362], скорее всего, на совете присутствовали и командиры венгерских отрядов. Сведения об этом содержатся в «Истории Российской» В. Н. Татищева[1363], хотя, скорее всего, они являются амплификацией историка. Несмотря на высказанные соратниками Изяслава Мстиславича сомнения в возможности воевать одновременно с Юрием Долгоруким и Владимиром Володаревичем, сам

[1357] На это обращает внимание Н. Г. Бережков, решая вопрос о датировке рассматриваемого похода: «В летописи нет даты выступления Изяслава из Владимира (Волынского) на Киев против Юрия. Так как поход был совершён очень быстро, а в 20-х числах марта Изяслав был уже в Киеве (…), то выступление его из Владимира состоялось, надо полагать, не ранее середины февраля 6658 г., а может быть, в самом начале марта 6659 г. Лаврентьевская летопись относит этот поход в целом к в е с н е («на ту же весну придоша к нему угри, и поиде к Кыеву…»), и её свидетельство также говорит против датировки н а ч а л а похода временем более ранним, чем вторая половина февраля 6658 г.» (*Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 151). Мнение исследователя представляется достаточно обоснованным. Менее вероятными выглядят хронологические расчёты Б. А. Рыбакова, согласно которым Изяслав Мстиславич перешёл границу своего княжества 31 марта 1151 г. При этом историк никак не аргументирует свою датировку (*Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 312). На противоречия в расчётах Б. А. Рыбакова времени весеннего (1151 г.) похода Изяслава Мстиславича на Киев специально обращено внимание ниже, при рассмотрении эпизодов, связанных с утверждением власти Изяслава и Вячеслава в Киеве. Венгерский историк Д. Паулер предположительно датировал прибытие Владимира Мстиславича с венграми к Изяславу во Владимир-Волынский концом февраля 1151 г., также не приводя при этом никаких аргументов (*Pauler Gy.* A magyar nemzet törrénete az Árpádházi királyok alatt. I. k. 276. l.).

[1358] ПСРЛ. Т. II. Стб. 409.

[1359] Вскоре, 6 апреля 1151 г., умер старейший из сыновей Юрия Долгорукого – Ростислав, и Андрей стал наследником суздальского князя.

[1360] ПСРЛ. Т. II. Стб. 409.

[1361] ПСРЛ. Т. I. Стб. 329.

[1362] Там же.

[1363] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. III. С. 22. Присутствовавших на совете историк называет «вельможами».

Изяслав был уверен в своих силах и полон решимости как можно скорее пойти на Киев[1364].

В задачу настоящей работы не входит подробное рассмотрение всех подробностей войны Изяслава с Юрием, прошедшей в конце зимы – начале весны 1151 г.[1365] Войско Изяслава двигалось осторожно, учитывая нахождение у себя в тылу галицких отрядов, поэтому фактически оно было разделено на две части: его авангард шёл маршем на Киев, а арьергард призван был сдерживать галичан, соединившихся вскоре с дружиной Андрея Юрьевича. Судя по рассказу Киевского свода, венгры находились в одной колонне с основными силами волынского князя. Это войско двинулось из Мыльска на Дорогобуж, жители которого встретили Изяслава с крестами, признав его своим князем. Однако при этом дорогобужцы отнеслись с недоверием к венграм, заявив Изяславу: «Се, княже, чюжеземьци Оугре с тобою, а быше не створилѣ зла ни что же граду нашему». На это Изяслав им ответил: «Язъ вожю Оугры и всѣ земли, но не на свои люди. Но кто ми ворогъ, (то) на того вожю, а вы ся не внимаите ни во что же»[1366]. Успокоив дорогобужцев, Изяслав Мстиславич продолжил вместе с венграми движение в сторону р. Горины, где сделал привал на Хотри, а оттуда пришел к Корчеву. Приняв заверения о верности от корчан, Изяслав не стал останавливаться у их города, а проследовал дальше в сторону р. Случи[1367].

Немного не дойдя до Случи, Изяслав узнал, что Владимир Володаревич, объединившись с сыном Юрия Долгорукого Андреем и племянником Владимиром Андреевичем, пришёл к Дорогобужу, и они переправились через Горину. Это заставило Изяслава направить основные силы собранной им коа-

---

[1364] В. Н. Татищев вновь дополняет во второй редакции «Истории Российской» летописный рассказ специальным обращением Изяслава Мстиславича к венгерским военным предводителям: «Ваша храбрость и мужество довольно во всем мире известно, и вы противо сильных царей греческих и немецких смело воюете, и колико крат малыми вашими войски оных великие побеждали. Тако и ныне надеюся, что себя в стыде, а меня к погибели не оставите» (Там же. С. 23). Скорее всего, эта речь – плод фантазии историка.

[1365] По версии Лаврентьевской летописи, боевые действия шли весной. См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 329.

[1366] ПСРЛ. Т. II. Стб. 410. Цитируемый летописный отрывок К. Я. Грот прокомментировал следующим образом: «В этих описаниях, выраженных дорогобужцами, и в ответе Изяслава, слышатся – сдаётся нам – как бы упрёк Изяславу от своих же в том, что он наводит на Русь иноземцев, с другой стороны – как бы оправдание Изяслава…» (*Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства… С. 168 и примеч. 2).

[1367] ПСРЛ. Т. II. Стб. 410.

лиции в сторону Ушеска. Противоборствующие силы остановились на разных берегах Случи, устроив перестрелку своих лучников. Стремясь сберечь собранные силы, воеводы Изяслава рекомендовали ему, не теряя времени, направиться на р. Тетерев, заверяя его: «ту к тобѣ дружина твоя вси приѣдуть»[1368]. Оставшиеся на Случи отряды (среди которых, несомненно, были и венгры) должны были задержать войско, возглавляемое Владимиром Володаревичем. Хотя собранное галичским князем войско представляло большую опасность для Изяславовой коалиции, поскольку могло преследовать её по пятам, на созванном Изяславом военном совете было решено избежать сражения с ним. Разведя большие костры, призванные свидетельствовать о её нахождении на Случи, армия Изяслава под покровом ночи ушла к Мичску, где его встретила дружина, сидевшая по Тетереву. После небольшого отдыха Изяслав повёл свои отряды к Воздвиженску, где был устроен новый военный совет.

Это совещание, с точки зрения темы настоящей работы, интересно тем, что в его работе самое активное участие принимали командиры венгерских отрядов. Выслушав рассуждения и предложения Изяслава Мстиславича по поводу того, что лучше, дожидаться, когда их настигнет войско Владимира Володаревича и его союзников, или, избежав военного столкновения с шедшим по пятам противником, застать врасплох Юрия Долгорукого и вынудить его бежать из Киева, венгерские «воеводы» ответили: «Мы гости есме твои. Оже добрѣ надѣешися на Кияны, то ты самъ вѣдаеши люди своя, а комони подъ нами. А добро, княже, другъ прибудеть, аже пакы ны сила, а сѣ ночи, како ны Богъ даст, поѣдемъ»[1369]. Отправив брата Владимира в поход на Белгород, Изяслав Мстиславич двинулся с основными силами, среди которых были и венгры, прямо на Киев. К счастью для Владимира Мстиславича, белгородским князем был в то время сын Долгорукого Борис, который в момент

[1368] Там же. Стб. 412.

[1369] Там же. Стб. 414. В. Н. Татищев во второй редакции «Истории Российской» добавляет в эту пересказанную им языком XVIII в. речь собственную фразу: «Для того мы ваше представление за полезно признаем, с тем рассуждением, хотя бы то твое намерение конечно совсем не исполнилось, но мы имеем войска довольно и можем тогда другой способ сыскать» (*Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. III. С. 24).

появления отрядов Владимира у стен Белгорода Борис пировал с дружиной и местными попами, не позаботившись даже об охране единственного ведущего в город моста. Узнав о приходе неприятельского войска, Борис Юрьевич бежал к отцу в Киев. Панические настроения сына передались Юрию, и он поспешил перебраться на левый берег Днепра, после чего укрылся в Городце–Остерском. Всё это превратило поход Изяслава Мстиславича на Киев в марш победоносной армии.

В. Н. Татищев приводит во второй редакции «Истории Российской» дату бегства Юрия из Киева – 6 апреля 1151 г.[1370] К. Я. Грот датировал вступление Изяслава в Киев концом марта – началом апреля.[1371] М. С. Грушевский – концом марта того же года[1372]. Аргументацию тех, кто не признал дату В. Н. Татищева, наиболее полно выразил Н. Г. Бережков: рассматриваемое событие «произошло не позже, чем в 20-х числах марта 6659 г. Такая датировка третьего вокняжения Изяслава в Киеве вытекает из дальнейших сообщений летописи. Юрий из Городца-Остерского спешно уведомил Святослава Ольговича Новгород-Северского о случившемся («се уже Изяслав в Киеве»), а тот по получении этого известия уже 2 апреля (вторник страстной недели) спешно, не дожидаясь Пасхи, пошёл на помощь Юрию. Андрей Юрьевич узнал о вокняжении Изяслава в Киеве, находясь у Мичьска (западнее Киева), при союзнике Юрия Владимире Володаревиче Галицком. По получении известия он отправился к брату в Городок (сделав из предосторожности некоторый крюк), а затем присутствовал в Переяславле на похоронах брата Ростислава, умершего 6 апреля»[1373].

Б. А. Рыбаков датирует бегство Юрия Долгорукого из Киева 6 апреля 1151 г., никак не аргументируя свои расчёты, а лишь ссылаясь при каждой предла-

---

[1370] Там же. С. 25. Впервые эта дата была приписана В. Н. Татищевым в Воронцовском списке его многотомного труда (Там же. С. 277).

[1371] *Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства… С. 169. Свою датировку исследователь обосновывает тем, что «между известием о занятии Киева и рассказом о прибытии Вячеслава (…) есть отметка о смерти Ростислава Юрьевича «свитающе великому пятку» (это было 6 апр.). Очевидно, было время Пасхи» (Там же. Примеч. 2).

[1372] *Грушевский М.* Історія України–Руси. Т. II. С. 166 і прим. 3.

[1373] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 151.

гаемой им с точностью до дня дате на Ипатьевскую летопись[1374]. Однако, по сравнению с более обоснованными расчетами Н. Г. Бережкова, датировки Б. А. Рыбакова вызывают возражения. Так, если Юрий Владимирович бежал из Киева 6 апреля, «ничего не успевший узнать о нападении»[1375] на него собранного племянником войска, то, как он мог уведомить перед 2 апреля Святослава Ольговича о том, что Изяслав уже в Киеве? Безусловно, расчёты Н. Г. Бережкова выглядят более реальными, чем расчеты Рыбакова.

Заняв Киев, Изяслав устроил для его жителей, дружинников и венгров пир, во время которого венгры удивили всех своим мастерством в конных ристаниях[1376]. Историки XVIII в. – В. Н. Татищев, М. М. Щербатов и опиравшиеся на их труды Й.–Х.Энгель, – а также живший в XIX в. И. А. Фесслер неверно поняли летописное выражение «на фарехъ и на скокохъ играхуть», увидев здесь названия музыкальных инструментов, на которых якобы играли венгры[1377]. Но уже Н. М. Карамзин верно интерпретировал это летописное «фаре» и «скоки» как «кони вообще» и «скакуны»[1378]. В. Т. Пашуто и М. Фонт считают, что венгры устроили в Киеве показательный рыцарский турнир[1379]. Изяслав Мстиславич ещё во время своего предыдущего княжения в Киеве (май–август 1150 г.) заключил с Вячеславом Владимировичем соглашение о признании дяди «в отца место». Вернув себе Киев, Изяслав Мстиславич сразу же отправил послов к Вячеславу в Вышгород, приглашая его

[1374] Рассматривая тот раздел Ипатьевской летописи, который фактически представляет собой дневник весеннего (1151 г.) похода Изяслава против Юрия, Б. А. Рыбаков пишет: «Летописец не указывает дней недели, но указывает ночевки, обеды, «опочив коней», что при наличии хотя бы одной точной даты позволяет рассчитать подряд все дни похода, начиная с 31 марта 1151 г.» (*Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи С. 312). Что это за «точная дата», историк не указывает, однако приурочение им бегства Юрия Долгорукого из Киева к 6 апреля 1151 г. позволяет сделать единственно возможное предположение, что в данном случае исследователь опирается на датировку *В. Н. Татищева* (Собрание сочинений. Т. III. С. 25).

[1375] *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 313.

[1376] «Тогда же Оугре на фарехъ и на скокохъ играхуть на Ярославли дворѣ многое множество. Кияне же дивяхуться Оугромъ множеству и кметьства ихъ, и комонемъ ихъ» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 416). Б. А. Рыбаков датирует этот пир 6 апреля 1151 г., когда, по его мнению, Изяславово войско вступило в Киев (*Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 314). Выше уже говорилось о необоснованности некоторых «точных» датировок учёного.

[1377] Обзор мнений см.: *Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства. С. 169 и примеч. 1.

[1378] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. II–III. С. 325 и примеч. 333.

[1379] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 172; *Font M.* Magyar-orosz politikai kapcsolatok… 61. l. (*Фонт М.* Венгерско-русские политические связи… С. 99).

занять стол «деда своего и отца своего». Вячеслав не заставил долго себя ждать[1380].

Для находившихся в то время в Киеве венгров такая организация власти принесла двукратное выражение им благодарности за оказанную помощь. Вячеслав устроил от своего имени новый пир, «позва с(ы)на своего Изяслава к собѣ на обѣдъ, и Кияны всѣ и королевы мужи, и Оугры и съ их дружиною. И пребыша оу велице любви. Вячеславъ же (и) Изяславъ велику ч(е)*с*ть створиста Оугромъ. Вячеславъ же о*т* себе, а Изяславъ же о*т* себе и дарми многыми одариста и: и съсуды, и порты, и комонми, и паволоками, и всякими дарми»[1381].

Бегство Юрия из Киева привело к распаду собранной Владимиром Володаревичем коалиции, призванной помочь суздальскому князю удержать свою власть в южной Руси. Более того, разгневанный Владимир упрекнул своих союзников в преступной беспечности, способствовавшей резкому усилению военных и политических позиций Изяслава Мстиславича. После занятия последним Киева Владимир Володаревич принял решение вернуться в Галич, взяв по дороге «окуп» с жителей Мичьска и некоторых других небольших городков Волынской земли, которых он угрожал «взять на щит»[1382].

Роль венгров на новом витке противостояния между Юрием и Изяславом. Приблизительно в начале апреля 1151 г. князьям-соправителям пришли вести о том, что Владимир Володаревич вернулся в Галич, а Андрей Юрьевич и Владимир Андреевич направляются в Городец-Остерский для соединения с Юрием Долгоруким. С одной стороны, победоносная кампания для

[1380] ПСРЛ. Т. II. Стб. 418. В. Н. Татищев во второй редакции «Истории Российской» датирует приезд Вячеслава в Киев 20 апреля (*Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. III. С. 26). Эта датировка, основания которой историк не указывает, могла быть вычислена В. Н. Татищевым.

[1381] ПСРЛ. Т. II. Стб. 418–419. Венгерская исследовательница М. Фонт расценила известия о двух пирах, устроенных для венгров сначала Изяславом, а потом Вячеславом после изгнания Юрия Долгорукого из Киева в 1151 г. как двойное упоминание об одном и том же событии. При этом она считает, что летописец также продублировал известия о вступлении Изяслава в Киев, бегстве Юрия и рыцарском турнире (*Font M.* Magyar-orosz politikai kapcsolatok… 61. 1. (*Фонт М.* Венгерско-русские политические связи… С. 99)). Всё это не подтверждается текстом Ипатьевской летописи в Стб. 415–416 и 419–420, на которые ссылается исследовательница.

[1382] ПСРЛ. Т. II. Стб. 416–417. Лаврентьевская летопись ограничивается в данном случае кратким известием об уходе Владимира Володаревича в Галич и «отпуске» им Андрея Юрьевича к отцу (Там же. Т. I. Стб. 330).

Изяслава была закончена, а значит – венгерское войско должно было возвращаться на родину, но с другой стороны, неприятель лишь временно отступил, сохранив свои силы и возможности привлечения старых и новых союзников. Вячеслав Владимирович, понимая, что война с Юрием Долгоруким скоро вступит в новую фазу и ощущая свою старость, предоставил названному сыну свою дружину, однако этого было явно недостаточно для сохранения власти Изяслава в Киеве.

Тяжесть ситуации, сложившейся в то время, как на юге Руси, так и в отношениях между Изяславом Мстиславичем и Гезой II, ярко показывает автор этой части Ипатьевской летописи. По его свидетельству, на третий день после пира, устроенного Вячеславом Владимировичем в честь победителей, «позваста к собѣ Оугры, о*т*ряживаюче ѣ домовъ въ Оугры, и тако рекоста имъ: «Поѣдьте ко своему королеви, а к нашему зятю, а вѣ по вас слевѣ с(ы)на свое*г*(о) Мьстислава»[1383]. Далее, по предположению Б. А. Рыбакова, в тексте летописи приведён текст грамоты, отправленной правителями Киева Гезе II: «А королеви казаста рекуча: «Б(ог)ъ ти помози, брате, оже на*м* еси тако помоглъ, толико можеть так оучинити братъ роженыи или с(ы)нъ о*т*цю, како же ты нама еси оучинилъ. Вѣ же пакы тобѣ, брате, молвивѣ, отослевѣ к тобѣ с(ы)на своего Мьстислава с рѣчьми»[1384]. И то рекша, о*т*пустиста и с великою честью к королеви же в Оугры»[1385].

Склонный к пространным повествованиям в этой части своей «Истории Российской» (точнее, в её второй редакции) В. Н. Татищев вставляет между рассказами о пире, данном Вячеславом Владимировичем, и об отправке венгров на родину описание «великого совета», на котором венгерский воевода и его соратники не поддержали идею продолжения войны с Юрием, сослав-

---

[1383] Там же. Т. II. Стб. 420.

[1384] Здесь, по мнению Б. А. Рыбакова, заканчивается текст грамоты № 41. См.: *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 329.

[1385] ПСРЛ. Т. II. Стб. 420. По мнению Б. А. Рыбакова, венгры отправились на родину 9 апреля 1151 г. (*Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 314), однако в другом месте цитированной работы учёный датирует выдачу этой грамоты мартом 1151 г. (Там же. С. 329).

шись на усталость своего войска[1386]. Повествование В. Н. Татищева об этом совете выглядит вполне реалистичным. Вряд ли Изяслав Мстиславич, сознавая опасность сохранения Юрием основных военных сил для продолжения борьбы за Киев, не постарался бы уговорить венгерских командиров продолжить войну до полного разгрома противника. В то же время единственно возможными аргументами для отказа от участия в преследовании бежавшего Юрия у венгров могли быть только их утомлённость быстрыми переходами (в полномасштабную битву с вражеским войском они так и не вступили) и приказ короля ограничиться возвращением Киева Изяславу. Так или иначе, но, отпуская венгров на родину, князья-соправители уже подумывали о том, как убедить венгерского короля не затягивать с отправкой новой военной помощи своему русскому союзнику. Судя по тому, что они просили Гезу II оказать им помощь ещё весной, Мстислав Изяславич был отправлен в Венгрию вскоре после ухода из Киева вспомогательного венгерского войска[1387]. Грамота, с которой Мстислав отправился к королю (№ 42 по подсчетам Б. А. Рыбакова[1388]), – одна из самых объёмных среди тех, что, по мнению исследователей, включены в Ипатьевскую летопись. Вот её текст:

«Ты нама еси тако оучинилъ, яко же можеть так братъ роженыи брату своему или с(ы)нъ о*т*цю, ако же ты нама помоглъ. Вѣ же пакы, брате, собѣ молвивѣ : Нама даи Б(ог)ъ нероздѣлно с тобою быти ничимже. Но аче (а что)

[1386] «Изяслав с Вечеславом учинили великой совет, созвав князей, венгерского воеводу с товарисчи, киевских и своих вельмож, разсуждали, что делать. И хотя Изяслав крепко старался, чтоб, войска не распусчая, немедленно за Днепр идти и Юрия из Городца и его сына из Переяславля выгнать, не давая ему времяни войска свои собрать и с черниговскими соединиться, но воевода венгерской просил, что войско его утомлено и за Днепр идти без воли королевской не может, и просил об отпуске. Также вельможи королевские не согласовали Изяславу, представляя, что войска весьма утруждены и кормов на полях есче не довольно, *чим и войско можем сделать без пашни, паче же черниговские, доколе с ними не примиришься, принуждены Юрию, засчисчая себя, помогать*, а советовали послать к черниговским с любовью и склонять их, чтоб они более Юрию не помогали. На котором согласясь, объявили венгерскому воеводе, чтоб они по желанию их возвратились и королю за учиненную от него помосчь благодарили, изъясняя то, что сия его помосчь к великой его и всего венгерского королевства чести и славе вечной…» (*Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. III. С. 27). Выделенная курсивом фраза впервые появляется в Воронцовском списке «Истории Российской» (Там же. С. 277).

[1387] В. Н. Татищев во второй редакции своего многотомного труда датирует отъезд Мстислава временем перед 28 апреля 1151 г. (*Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. III. С. 27).

[1388] *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 329–330. Эту грамоту историк так же, как и ту, что была отправлена Гезе II с возвращавшимся венгерским войском, датирует мартом 1151 г., хотя по его расчётам времени похода Изяслава с венграми на Киев отъезд Мстислава в Венгрию должен был состояться не ранее середины апреля (см. выше).

твоя обида кде, а нама даи Б(ог)ъ ту самѣмъ быти за твою обиду, или пакы бра*т*(ь)ею своею, или съ сы(н)ъми своими и полкы своими, а нама ся тобѣ нѣчимъ о*т*купити сему, толико главою своею, ако же ты нама еси сотворилъ. Ны*н*(ѣ) тако же свое дѣло сверши добро, самого тебе не зовемъ, зане же ц(ес)арь ти ратенъ, но пусти на помочь, любо таку же, пакы а силнѣишю того поусти нас с братомъ моимъ Мьстиславомъ, а с наю с(ы)номъ, зане же Гюрги есть силенъ: а Д(а)в(ы)д(о)вичи и Олговичи с нимъ суть, аче (А что) (Х.П. еще) и Половци дикѣ и с нимъ, а и тыи золотомъ узводить. Ны*н*(ѣ) же, брате, сеѣ весны помози нам. Дажь будевѣ сеѣ весны вѣ порозна, а вѣ будевѣ съ своими полкы тобѣ в помочь. Пакы ли ся ты о*т* ц(еса)ря оуправиши, а ты буди намъ помощни, а все ти скажють твои мужи и братъ твои Мьстиславъ, како ны Б(ог)ъ помоглъ и пакы како ся по на*с* яла Руская земля вся и Чернии Клобуци». И тако о*т*рядивъ же Мьстислава въ Оугры»[1389].

Текст грамоты исследовал В. Т. Пашуто, который выделил в ней преамбулу, где содержатся похвалы за оказанную помощь, слова о тесных братских отношениях между киевскими князьями и венгерским королём (до слов «сверши добро»), и изложение сути конкретных просьб, с которыми Изяслав и Вячеслав обращались к Гезе II. При этом В. Т. Пашуто обращает внимание на то, что князья-соправители считали силы своих противников весьма значительными[1390]. Хотя правившие тогда в Киеве князья старались придать отношениям с Гезой II характер взаимного оказания помощи в борьбе со своими врагами, приведённая грамота ярко показывает, какую роль играли венгры в планах Изяслава Мстиславича. Киевские князья-соправители ясно осознавали первенство венгерского короля среди соседних правителей, поэтому им пришлось очередной раз выпрашивать у короля присылки венгерского войска, причём хотя бы такого же, как в прошлый раз, а желательно – несколько больше. Завладев Киевом, Изяслав и Вячеслав не были уверены в своих силах и способности удержать в своих руках «матерь городов рус-

[1389] ПСРЛ. Т. II. Стб. 420–421.
[1390] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 173.

ских», тем более, что с первых же дней после бегства из Киева Юрий Долгорукий развернул активную деятельность по созданию новой коалиции против брата и племянника.

Вряд ли будет ошибочным предположение, что Юрий стремился, во что бы то ни стало, вернуть себе Киев, воспользовавшись уходом венгерского войска и имея сведения об отправке Мстислава Изяславича в Венгрию с просьбами об оказании новой военной помощи[1391]. Последнее обстоятельство заставляло Юрия торопить своих союзников. Венгерские отряды, пришедшие во Владимир-Волынский в конце зимы 1150/51 г., скорее всего, покинули Киев в начале апреля 1151 г.[1392] На это же время приходится пик активности союзников Юрия Долгорукого. При этом, как можно сделать вывод из летописного рассказа, даже смерть старшего из Юрьевичей – Ростислава, случившаяся в Переяславле 6 апреля, не привела к задержкам в плане сбора дружин создаваемой Юрием коалиции.

По свидетельству летописца, «Георгиев день» (23 апреля) Юрий уже отпраздновал со своими союзниками – Святославом Ольговичем и Владимиром Давыдовичем[1393]. Это событие, по мнению Н. Г. Бережкова, специально отмечено летописцем «в качестве приблизительной, ориентировочной даты последовавшего вскоре выступления Юрия с союзниками из Городца-Остерского в Киев. Рассказ позволяет предположить, что в один из ближайших же дней «поиде Гюрги к Киеву»[1394]. Б. А. Рыбаков датирует 23 апреля 1151 г. начало борьбы Юрия Долгорукого за возвращение Киева, которая, по мнению исследователя, завершилась 7 мая того же года[1395]. Исходя из этого, Б. А. Рыбаков определяет даты отправки грамот, тексты которых выявлены им в повествовании Ипатьевской летописи. Поскольку он и в данном случае при определении конкретных дней и месяцев, когда произошло то или иное

[1391] В связи с этим вызывает сомнения достоверность фразы В. Н. Татищева «Юрий к осени на нас готовится», вставленная историком во второй редакции «Истории Российской» в текст грамоты, с которой Мстислав Изяславич был отправлен в Венгрию (*Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. III. С. 27).

[1392] Н. Г. Бережков допускает в качестве крайнего срока ухода венгров самое начало апреля 1151 г. См.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 152.

[1393] ПСРЛ. Т. II. Стб. 422–423.

[1394] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 62, 152.

[1395] *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 314.

событие, ссылается лишь на летописный текст, не содержащий таковых дат, более аргументированными представляются датировки Н. Г. Бережкова.

Изяславу удалось организовать эффективную оборону Киева, причём, как свидетельствует летописец, несколько дней собранное Юрием войско, в котором помимо княжеских полков были и половцы, не могло даже переправиться через Днепр[1396]. Когда оно всё же перебралось на правый берег Днепра и попыталось прорваться к Киеву в районе р. Лыбеди, то получило отпор от отрядов Изяслава, расположившихся с внешней стороны вдоль городских стен. Сознавая, что сил для борьбы с племянником у него явно недостаточно, Юрий отступил от Киева, дожидаясь прихода своего верного союзника Владимира Володаревича. «Венгерский фактор», т. е. ожидание прихода посланной Гезой II военной помощи, должен был оказывать стимулирующее воздействие на деятельность собранной Юрием коалиции, заставляя её как можно скорее сразиться с противником за Киев. По мнению Н. Г. Бережкова, битва между войском, собранным Юрием, и дружинами Изяслава Мстиславича и его союзников в окрестностях Киева – на р. Рут произошла во второй половине мая или в июне 1151 г.[1397] При этом Н. Г. Бережков справедливо критикует датировку М. С. Грушевского, согласно которой это событие следует датировать июлем того же года[1398], поскольку у Юрия Долгорукого в сложившейся ситуации не могло не возникнуть естественного стремления изгнать племянника из Киева до прихода венгров.

Также маловероятным является мнение Б. А. Рыбакова, который считает, что Юрий был разгромлен Изяславом на р. Рут(е) 7 мая 1151 г., тем более что никаких аргументов, подтверждающих эту датировку, при этом не приводится[1399]. Хотя, как указывалось выше, Вячеслав и Изяслав намеревались разгромить Юрия ещё до наступления лета, вряд ли при тогдашних средствах передвижения менее чем за месяц произошло столько последовательных событий: Мстислав доехал до венгерской столицы, Геза II принял решение о

[1396] ПСРЛ. Т. I. Стб. 330–331; Т. II. Стб. 423–425.
[1397] Там же. С. 62–64.
[1398] *Грушевский М.* Історія України–Руси. Т. II. С. 171.
[1399] *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 314.

посылке нового войска на Русь, это войско было собрано, отправилось в поход и перешло через Карпаты. Летописец свидетельствует о том, что во время прихода войска Юрия на левый берег Днепра напротив Киева Мстислав ещё находился в Венгрии[1400]. Последующие события показали, что Геза II достаточно оперативно направил свое войско на помощь шурину, хотя в битву с полками Юрия они вступить так и не успели. Вячеслав и его племянники (Изяслав и пришедший из Смоленска Ростислав Мстиславичи) решили не дожидаться прихода венгров, поскольку к тому времени им пришлось бы воевать не только с теми силами, которых они вынудили отступить от Киева, но и с войском Владимира Володаревича. Противники Юрия Долгорукого решили навязать ему битву до прихода к нему на помощь галицких полков.

По свидетельству Киевской (Ипатьевской) летописи, в среду той недели, когда в субботу состоялось решающее сражение на р. Рут, к Изяславу Мстиславичу прибыл посол от его сына Мстислава с сообщением: «С(ы)нъ ти ся кланяеть и тако молвить: Се ти являю, королъ, зять твои, пустилъ ти помочь, акаже николи же не бывала – многое множьство, а оуже есмь с ними прошелъ Гору. Аже ти будемъ в борзѣ надоби, а посли противу к намъ, ать мы борже поидемъ»[1401]. Хотя летописец в данном случае не называет конкретное число венгерских воинов, пришедших на помощь Изяславу Мстиславичу, есть основания полагать, что их было более 10 тысяч[1402]. Выражение «про-

---

[1400] ПСРЛ. Т. II. Стб. 425–426. Летописец объясняет пребыванием в то время Мстислава Изяславича в Венгрии неспособность Изяславова воеводы Шварна помешать войску Юрия переправиться через Днепр у Зарубовского брода, поскольку «боярина не все слушают». См. также: ПСРЛ. Т. I. Стб. 332.

[1401] Там же. Стб. 434. По подсчётам Б. А. Рыбакова, это грамота № 48. Её получение Изяславом учёный датирует 2 мая 1151 г. (*Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 331), что, как указывалось выше, маловероятно. М. Фонт, опираясь на работу Н. Г. Бережкова, считает временем прихода венгров на Русь июнь 1151 г. (*Font M.* Magyar-orosz politikai kapcsolatok… 62. 1. (*Фонт М.* Венгерско-русские политические связи… С. 99)).

[1402] В. Н. Татищев уже в первой редакции «Истории Российской» сообщает некоторые дополнительные подробности пребывания Мстислава Изяславича в Венгрии весной 1151 г.: «Мстислав Изяславич, пришед ко королеви во Угры, поведа ему речь Вячеславлю и отца своего; и прият его король с честию. По мале же времени, собрав вои новы до шести тысяч, посла ко Изяславу, шурину своему, со Мстиславом, рекий Вячеславу и Мстиславу: «Отче и брате, аз уведех, оже Володимер галицкий многу тщету вамо сотвори и моя люди угорския поби. Не дай боже намо позор на себе видети, но дай боже помстити обиды своея. Сего деля послах вамо ныне вои, елико ми удобе, и зде пристроив большая, оже ми бог даст, поиду, а вы пристроите у себе». И тако отрядив полки своя со Мстиславом» (*Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. IV. С. 236). Слова, вложенные историком в уста венгерского короля, скорее относятся к ситуации, сложившейся после резни, учинённой Владимиром Володаревичем над пьяными венграми у Сапогыня, случившейся уже после прихода этого войска на Русь (см. ниже). Источник этой информации неизвестен. Обращает на себя внимание тот факт, что историк, ранее следовавший в описании рассматриваемых событий в первой редакции

шелъ Гору» означает то, что посланное Гезой II войско уже перешло через Карпаты. Вячеслав и его племянники в то время уже направлялись на битву с Юрием и понимали, что венгерское войско явно не успеет помочь им в этом сражении. Тем не менее, они не были уверены в том, что непременно одержат победу, поэтому на всякий случай попросили Мстислава поторопиться: «Се ооуже мы идемъ на суд Б(о)жии, а вы нам, с(ы)ну, всегда надоби. А потщитеся, како боле могуче»[1403].

Битва на р. Рут(е) состоялась до прихода Мстислава с венгерскими отрядами, поскольку Вячеслав и его племянники стремились нанести удар Юрию до соединения его войска с галицкими полками. Расчёт противников Юрия оказался верным, и им удалось разгромить враждебную коалицию и вынудить суздальского князя отступить в Переяславль. Половцы сразу же его покинули, поэтому сил для продолжения борьбы с братом и племянниками у него в тот момент не было.

Истребление Владимиром Володаревичем венгров, пришедших на помощь Изяславу Мстиславичу. Галичский князь, узнав о поражении Юрия на р. Рут(е), не стал в одиночку воевать с Изяславом и отправился обратно в свои владения. Шансов успешно противостоять армии, которая по численности превышала прежние военные силы, направлявшиеся венгерскими королями на Русь, у него было немного, но вскоре ему удалось без труда разгромить войско Гезы II и дружину Мстислава Изяславича. Может быть, именно ощущение своего военного превосходства над галичским князем притупило бдительность венгерских командиров, позволивших своим воинам предаться

«Истории Российской» имевшимся в его распоряжении летописям, именно с этого места начал делать к ним пространные добавления вплоть до сочинения речей исторических персонажей.

Во второй редакции своего труда В. Н. Татищев «уточняет» число венгерских воинов, предназначавшихся к отправке на Русь: «…король велел собрать войска до 12 000 и отправил ко Изяславу, а Мстислава удержал, доколе ечсе сколько можно с ним отправить. И с тем послан был ко Изяславу нарочной объявить, как прежде сказано. Но, получа известие, что Изяслав уже в Киеве, а Владимирко возвратился, велел король отправить, выбрав лучших, 6000 человек, и с оными отправил Мстислава, объявя Вячеславу и шурину своему Изяславу…». Далее идёт текст, аналогичный тому, что вложен в уста Гезы II в первой редакции «Истории Российской», пересказанный языком XVIII в. (*Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. III. С. 34). Нет сомнений в том, что «уточнение» числа венгерских воинов – также плод фантазии историка.

[1403] ПСРЛ. Т. II. Стб. 434. По подсчётам Б. А. Рыбакова, это грамота № 49, написание которой он также датирует 2 мая 1151 г. (*Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 331).

обильным возлияниям в тот момент, когда войско Владимира Володаревича находилось в непосредственной близости от них. По мнению С. М. Соловьёва, галичский князь узнал о приходе венгерской армии, возвращаясь на родину после поражения Юрия на р. Рут(е)[1404], однако это мнение представляется маловероятным, поскольку, как известно, у Владимира Володаревича были «приятели» в Венгрии, которые, скорее всего, и сообщили ему об отправке Гезой II военной помощи Изяславу Мстиславичу. В сложившейся ситуации галичский князь принял решение не дожидаться, когда венгры и дружины союзных им русских князей, объединившись, отправятся в поход в его владения, а действовать так же, как Изяслав Мстиславич по отношению к Юрию Долгорукому, т. е. максимально использовать фактор внезапности нападения.

Летописец в рассказе о победе Владимира Володаревича над дружиной Мстислава Изяславича и пришедшими с ним венграми старается оправдать успех галичского князя тем, что Мстислав не знал о том, что галичане «крадутся» за ним по пятам, дожидаясь благоприятного момента для нападения: «В то же время Мстиславу Изяславичу, ведущю о*т*цю своему в помощь Оугры. Володимерко же слышавъ, оже иде*т* с Угры, поиде по не*м*. Мстиславу же не вѣ дуще и ставшю ему оу Сапогыня, а Оугри сташа около его»[1405]. Однако, как пишет далее автор этого рассказа Киевского свода, накануне нападения галичан на войско волынского князя оно было оповещено о том, что Владимир рядом и намеревается напасть[1406]. Одной из загадок истории, связанной с конфликтом Владимира Володаревича с венграми, имевшим место, скорее всего, летом 1151 г., является роль в этих событиях дорогобужского князя Владимира Андреевича. Сын Андрея Владимировича Доброго в конфликте между Изяславом Мстиславичем и Юрием Долгоруким не был твёрдым сторонником одной из боровшихся коалиций. Политическая слабость этого князя вынуждала его поддерживать то двоюродного брата Изяслава, то дядю Юрия Долгорукого.

[1404] *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. Т. II. С. 184.
[1405] ПСРЛ. Т. I. Стб. 335; Т. II. Стб. 441.
[1406] Там же. Т. I. Стб. 335; Т. II. Стб. 442.

Когда Владимир Андреевич стал княжить в Дорогобуже, точно неизвестно. Еще в 1150 г. он занимал белгородский стол[1407]. Дорогобуж был одним из городов, отданных Андрею Юрьевичу после второго захвата его отцом Киева в конце августа – начале сентября 1150 г.[1408] Во время весеннего конфликта Изяслава Мстиславича с Юрием Долгоруким Владимир Андреевич пришёл к Дорогобужу вместе с другими союзниками Юрия[1409], но, видимо, ещё не стал его князем, поскольку после занятия Изяславом Киева Владимир Андреевич вместе с Андреем Юрьевичем отправился к Юрию в Городец-Остерский[1410]. Когда произошли трагические для венгров события у Сапогыня[1411], Владимир Андреевич только начал княжить в Дорогобуже, поскольку незадолго до этого он, как союзник Юрия Долгорукого, принимал участие в битве за Киев. Во время отступления Юрия к р. Рут(е) Владимир Андреевич был послан суздальским князем к Владимиру Володаревичу, чтобы поторопить последнего с приходом на помощь своему свату. Поскольку в это же время к Изяславу прибыл гонец от сына с вестью о том, что венгерское войско перешло через Карпаты, и Изяслав попросил сына ускорить движение союзных отрядов, получается, что Владимир Андреевич появился в Дорогобуже за несколько дней до прихода венгров к Сапогыню. В историографии высказывались мнения, что Владимир Андреевич находился в зависимости от Влади-

[1407] ПСРЛ. Т. II. Стб. 417.
[1408] Там же. Т. I. Стб. 329; Т. II. Стб. 404.
[1409] Там же. Т. II. Стб. 411.
[1410] Там же. Стб. 416–417. Владимир Андреевич и Андрей Юрьевич были отправлены к Юрию Долгорукому Владимиром Володаревичем, который сделал им выговор за то, что они позволили Изяславу Мстиславичу скрытно подойти к окрестностям Киева и использовать фактор внезапности для изгнания Юрия из древней столицы. В связи с этим непонятно утверждение Д. В. Донского: «В марте 1151 г., получив известие о занятии Киева кн. Изяславом Мстиславичем и будучи оставлен союзником кн. галицким Владимиром Володаревичем (…), Владимир (Андреевич. – *М. Ю.*) переходит на сторону дяди. Он едет из г. Мичска к кн. Юрию Владимировичу в г. Городец-Остерский» (*Донской Д. В.* Рюриковичи. Исторический словарь. М., 2008. С. 150). В изложении Д. В. Донского получается, что «брошенный» Владимиром Володаревичем Владимир Андреевич переходит на сторону его союзника Юрия Долгорукого.
[1411] В. Н. Татищев в обеих редакциях своего многотомного труда называет место, где произошло истребление венгров дружиной Владимира Володаревича, Собином (*Татищев В. Н.* Собрание сочинений Т. IV. С. 236; Т. II. С. 34). Откуда происходит такая форма рассматриваемого топонима, неизвестно. Я. Длугош ничего не пишет о помощи венгров Изяславу Мстиславичу в 1151 г., а М. Стрыйковский пытается передать его как можно точнее – Sapuhojn (*Stryjkowski M.* Kronika Polska, Litewska, Źmódska i wszystkiej Rusi. S. 199).

мира Володаревича[1412] и даже был посажен последним княжить в Дорогобуже[1413].

Так или иначе, но именно Владимир Андреевич помог галицкому князю разгромить пришедшее из-за Карпат вражеское войско с наименьшим напряжением сил. К. Я. Грот писал по этому поводу: «Очень может быть, что Владимир Андреевич послал вино по наущению Владимирка, от которого зависел, а уж от себя он – чтоб очистить свою совесть или чтоб угодить Мстиславичам, предупредил о его приближении. Припомним перед тем выраженное жителями Дорогобужа недоверие к угорскому вспомогательному войску»[1414]. С. М. Соловьёв также писал о двойственной позиции дорогобужского князя: «Посаженный Владимиром (Володаревичем. – *М. Ю.*) в Дорогобуже Владимир Андреевич, вероятно, хотел снискать расположение победителей и вошёл в сношение с Мстиславом; впрочем, быть может, он послал ему много вина в угоду галицкому князю»[1415]. Из рассказа летописца нельзя понять, был ли злой умысел в действиях дорогобужского князя или у него сработал «инстинкт самосохранения». Сообщая о посылке большого количества хмельных напитков остановившимся на привал венграм и дружине Мстислава Изяславича, летописец добавляет: «и пото*м* повѣда ему: «Идеть ти Володимерко»[1416]. Это добавление, на первый взгляд, свидетельствует о том, что Владимир Андреевич не был союзником Владимира Володаревича, но, скорее всего, дорогобужский князь, видя количество приведённого Мстиславом Изяславичем войска, решил, на всякий случай, подстраховаться, чтобы его не сочли находящимся во враждебном лагере.

Точно также инициатором посылки огромного количества спиртного возглавляемому Мстиславом войску вполне мог быть Владимир Володаревич, использовавший для этой цели Владимира Андреевича. Если же вспомнить, что буквально за несколько месяцев до этого жители Дорогобужа испугались

[1412] *Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства… С. 170 и примеч. 3.
[1413] *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. Т. II. С. 184.
[1414] *Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства. С. 170 и примеч. 3.
[1415] *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. Т. II. С. 483 и примеч. 270.
[1416] ПСРЛ. Т. I. Стб. 335; Т. II. Стб. 441–442.

шедших мимо их города венгров, то можно выдвинуть ещё одну версию: Владимира Андреевича побудили послать большое количество спиртного союзникам киевских князей дорогобужцы, которые так и не смогли преодолеть свой страх перед чужеземными воинами. Вряд ли можно оспорить предположение, что присланные спиртные напитки изначально принадлежали жителям Дорогобужа, а не только что прибывшему к ним князю.

По свидетельству летописцев, Мстислав, «пьющю со Оугры, и повѣдающю имъ: «Идеть Володимерко». Оугре же пьяни величахуться, рекуще: «Аще на ны приду*т*, бьемся с нимь»[1417]. Сам тон рассказа летописца, внешне беспристрастный, имеет скрытый дидактический смысл. Он призван показать, к чему приводит легкомысленное отношение к противнику и доведение большей части войска накануне решающей битвы с врагом до такой степени опьянения, что она теряет способность сражаться. При этом летописец показывает Мстислава и его дружинников[1418] людьми хотя и легкомысленными, но более предусмотрительными, чем их венгерские союзники: «Мстислав же на ту нощь роставля сторожѣ, а са*м* леже спати с Угры. Сторожеве же прибѣгоша к нему полунощи, рекуще: «Идеть Володимерко». Он же всѣдъ на конѣ и с дружиною начать будити Оугры. Оугри же лежахуть пьяни, яко мертви»[1419].

Владимиру Володаревичу, несомненно, доложили, в каком состоянии находятся его противники, и он не стал дожидаться, пока они протрезвеют. «И бы*с*(ть) противу свѣту, оудари на ни*х* Володимерко и мало о*т* ни*х* изъима, а все избиша. Мстислав же оутече оу Луческъ с дружиною своею»[1420]. В дан-

---

[1417] Там же. Т. I. Стб. 335–336; Т. II. Стб. 442.

[1418] В. Н. Татищев во второй редакции «Истории Российской» добавляет от себя о том, что у Мстислава было не более 200 дружинников (*Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. II. С. 34–35).

[1419] ПСРЛ. Т. I. Стб. 336; Т. II. Стб. 442.

[1420] ПСРЛ. Т. I. Стб. 336; Т. II. Стб. 442. Автор аналогичного описания Никоновской летописи с помощью амплификации немного смягчил картину истребления пьяных угров, к которым, как это многократно встречается в данном источнике, прибавлены «чяхи». Согласно рассказу Никоновской летописи, Владимир Володаревич «изби всѣхъ, а иныхъ живыми плѣни, и связа, и посла в Галичь» (ПСРЛ. Т. IX. С. 190). В. Н. Татищев в первой редакции «Истории Российской» добавляет к этому: «а Володимерко многи волости Изяславли поплени и побра и бысть ему страшен» (*Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. IV. С. 236). Это дополнение, скорее всего, принадлежит самому историку. Во второй редакции своего многотомного труда В. Н. Татищев добавляет к этому новые придуманные им подробности: «Взяв же главного венгерского воеводу и уведав, что нападение войска от его оплошности учинилось, обрезав ему нос и уши, к королю послал. А Мстислав,

ном случае Луцк оказался ближайшим городом, которому не угрожал скорый приход войск враждебной коалиции. Таким образом, победа досталась Владимиру Володаревичу настолько легко, что он не задумался о последствиях, к которым может привести истребление большей части венгерского войска. Что же касается Изяслава Мстиславича, то он, узнав об «избиении» венгров и бегстве его сына в Луцк, произнёс известную уже в Древней Руси поговорку: «Не иде*т* мѣсто къ головѣ, но голова к мѣсту», но при этом сразу же оценил перспективы будущего сурового наказания галицкого князя: «обы [Х.П. абы] Б(ог)ъ далъ мне здоровие и королеви, а мьстемъ быти»[1421]. Безусловно, в соответствии с представлениями того времени, Геза II обязан был отомстить Владимиру Володаревичу за учинённую последним резню своего войска. Уверенность киевских князей-соправителей в этом была настолько велика, что они после разгрома у Сапогыня приведённого Мстиславом Изяславичем венгерского войска ничего не предприняли против галицкого князя, а отправились с союзными берендеями к Переяславлю, где укрылся после поражения на р. Рут(е) Юрий Долгорукий[1422].

Венгерский хроникальный свод, умалчивающий о походах венгерского войска на Русь в 1148–1150 гг., мимоходом упоминает о том, что оно ранее, перед походом 1152 г., «было потрёпано русскими и кунами»[1423]. По мнению венгерских исследователей, это известие, содержащееся в главе 167 «Композиции венгерских хроник XIV в.», было впервые записано неизвестным хронистом эпохи Иштвана III (1162–1172) и относится к военной экспедиции, закончившейся истреблением венгров у Сапогыня[1424]. При этом хронист, хотя и был современником этих событий, явно знал о них понаслышке. Как известно, никакие куны, т. е. половцы, в учинённой Владимиром Володаревичем резне не участвовали. Можно, конечно, предположить, что какие-то

собрав, сколько к нему собралися, перво жестоко противился, но, видя свою невозможность, в лес отступил и до Луцка сохранно пришел» (Там же. Т. III. С. 35).

[1421] ПСРЛ. Т. II. Стб. 442. В Лаврентьевской летописи высказывания Изяслава опущены.

[1422] Там же.

[1423] „... rex Geycha... duxit exercitum in Rusciam..., qui male tractatus fuerat a Rutenis et Cunis" (Chronici Hungarici compositio saeculi XIV // SRH. Vol. I. P. 460).

[1424] *Mályuaz E.* Commentarii // *Johannes de Thurocz.* Chronica Hungarorum. II/1. P. 465, 469–470.

степняки находились в войске галичского князя в качестве вспомогательных отрядов, однако это предположение, не подтверждаемое свидетельствами русских летописей, крайне маловероятно. Поскольку венгерский хронист не стал утруждать себя описанием всех походов войска Гезы II на Русь, ограничившись лишь краткими известиями о мести «князю Лодомеру» в 1152 г., о чём речь пойдёт ниже, можно с достаточной долей уверенности утверждать, что в данном случае хронист передал свои весьма приблизительные знания о том, что когда-то войско Гезы II билось с половцами, которые, как известно, были союзниками врага венгерского короля Юрия Долгорукого.

Истребление венгров дружинниками Владимира Володаревича произошло не позднее первой декады июля 1151 г. Н. Г. Бережков, опираясь на дату нового поражения Юрия от враждебной коалиции (17 июля), которую сохранила Новгородская I летопись, и указание Ипатьевской летописи на то, что осада Переяславля войском Вячеслава и Изяслава длилась три дня[1425], датирует выступление князей-соправителей из Киева 13 июля, а их приход под стены Переяславля – 15 июля 1151 г.[1426] Установление, насколько это возможно, точной датировки времени истребления венгров у Сапогыня, важно с точки зрения темы настоящего исследования, потому, что ставит перед историками вопрос: почему Геза II, узнав в середине лета о гибели большого числа своих воинов в юго-западной Руси, не отправился в том же 1151 г. отомстить Владимиру Володаревичу за это не совсем честное, с точки зрения средневековой рыцарской морали, деяние, отложив свою месть, по меньшей мере, до весны 1152 г.?

5. Поход Гезы II в Галицкую Русь 1152 г.

Международное положение Венгрии во второй половине 1151 – начале 1152 г. Исходя из внутренней хронологии Киевского свода, Изяслав Мсти-

[1425] См.: ПСРЛ. Т. III. С. 28; Т. II. Стб. 442.
[1426] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 154–155.

славич отправил очередной раз послов в Венгрию, скорее всего, осенью 1151 г. Главной проблемой для установления более точной даты этого события является трактовка летописного выражения: «то же время Изяславъ Мьстиславичь посла послы своя къ королеви, зятю своему…»[1427]. Перед этим летописец рассказывает о событиях, связанных с деятельностью черниговских князей по урегулированию владельческих споров между наследниками Олега и Давыда Святославичей, которая началась после того, как Юрий Долгорукий «уладился» со своими противниками об условиях его ухода из южной Руси. Предполагаемый текст грамоты, которую послы привезли Гезе II, приведён в Ипатьевской летописи под 6659 г.: «Се Володимеръ Галичьскии дружину мою и твою избилъ есть. Ны*н*(ѣ) же, брате, гадаи о семъ; гадаи, нама на собѣ сего не даи [ХП *приб*. Б(ог)ъ] положити, но даи Б(ог)ъ мьстити того и своеи дружины; а ты, брате, доспѣваи оу себе, а я зде, а како на*м* с ни*м* Б(ог)ъ дасть»[1428]. Ответ на эту грамоту помещён в цитируемом источнике уже под 6660 г., т. е. после 1 марта 1152 г., что свидетельствует о том, что венгерский король отложил поход в юго-западную Русь как минимум на полгода.

Безусловно, отказ Гезы II от немедленной мести Владимиру Володаревичу за тяжелые потери, понесённые его войском, был связан, прежде всего, с внешнеполитическими причинами, поскольку военные силы для наказания галичского князя у венгерского короля были. Продолжалось противостояние Гезы II и Мануила I Комнина на Балканах, державшее правителя Венгрии в состоянии постоянной военной тревоги и ожидания очередного похода византийского войска на венгерские земли. Иоанн Киннам повествует в своей хронике о том, что в 1151 г. прошёл новый этап военного конфликта между Гезой II и Мануилом I. Инициатором этой войны, по свидетельству Киннама, был венгерский король (названный хронистом «королём пеонцев»), который, «удачно завершив войну против тавроскифской страны Галицы, собрал силь-

[1427] ПСРЛ. Т. II. Стб. 444.
[1428] ПСРЛ. Т. II. Стб. 444–445. По подсчётам Б. А. Рыбакова, это грамота № 53, которую он предположительно датирует осенью 1151 г. (*Рыбаков Б. А*. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 332).

ное войско и в страшной ярости идёт на ромеев»[1429]. Этот поход некоторые исследователи связывают с намерением Мануила Комнина наказать Гезу II за разорение последним Галицкого княжества в 1150 г.[1430] Основания для этого даёт следующая фраза цитируемого сочинения Киннама: «Именно поэтому василевс [решил] отомстить ему, что он напал против его воли на Владимира (таково имя архонта Галицы), который был подданным союзником ромеев»[1431]. Однако есть и другое мнение, согласно которому рассматриваемый поход был местью императора за поддержку венграми восставших в 1150 г. сербов[1432].

Автором настоящего исследования выше уже высказывалась точка зрения, согласно которой византийское войско вполне могло совершить в то время два похода, причём главной целью первого из них было наказание венгерского короля за войну с византийским союзником Владимиром Володаревичем, а второго – наказание правителя «пеонцев» за поддержку сербов. Осенний поход 1150 г. был предпринят в исключительно благоприятных для Византии условиях отсутствия Гезы II в Венгрии, чтобы «больно уколоть» его, не ввязываясь в длительный конфликт, а в 1151 г. василевс был настроен на масштабную войну со своим дальним родственником[1433]. С точки зрения темы настоящей работы подробности венгерско-византийской войны 1151 г. не имеют большого значения. Для ответа на вопрос о том, почему Геза II отложил свою месть Владимиру Володаревичу за истребление венгров у Сапогыня почти на год важно знать, во-первых, в какие месяцы шла эта война, а во-вторых, насколько тяжёлой она была для венгерского войска.

Ответ на второй вопрос можно найти в сочинениях Иоанна Киннама и Никиты Хониата. Согласно названным хронистам, масштабы этой войны не

[1429] *Ioannis Cinnami* Historia. P. 115; *Бибиков М. В.* Византийский историк Иоанн Киннам С. 52 (текст), С. 63 (пер.).
[1430] *Васильевский В. Г.* Труды. Т. IV. Л., 1930. С. 60; *Фрейденберг М. М.* Труд Иоанна Киннама как исторический источник. С. 34; Извори на българската история. Т. 14. София, 1968. С. 237 и примеч. 1.
[1431] *Ioannis Cinnami* Historia… P. 115; *Бибиков М. В.* Византийский историк Иоанн Киннам. С. 52 (текст), С. 62 (пер.).
[1432] История Византии. Т. 2. С. 325; *Бибиков М. В.* Византийский историк Иоанн Киннам. С. 115.
[1433] Мать Мануила I – Пирошка, принявшая в православии имя Ирина, была дочерью венгерского короля Ласло I (1077–1095), а Геза II – правнуком старшего брата Ласло I – Гезы I (1074–1077).

были значительными. Главные силы боровшихся монархов так и не встретились в генеральном сражении. Мануил Комнин ограничился разорением сопредельных венгерских территорий, причём умышленно назначил командиром этой операции Бориса Калмановича, что усилило ярость Гезы II, который погнался за своим родственником «в страстном желании вступить в бой»[1434]. Борису удалось избежать битвы с венгерским королём, переправившись ночью на противоположный, византийский берег Дуная, а воевать с главными силами Мануила I Геза II так и не решился. Из всего этого можно сделать вывод о том, что венгерское войско в этой войне понесло минимальные потери, а основной ущерб потерпело население приграничных с Византией областей монархии Арпадов.

Ответ на первый вопрос значительно сложнее, поскольку ни западные, ни византийские хронисты практически не дают никаких временных ориентиров для установления более точной датировки венгерско-византийской войны 1151 г.[1435] Если принять во внимание то, что первое наказание Владимира Володаревича венграми и коалицией во главе с Изяславом Мстиславичем имело место в октябре 1150 г., а вернулся Геза II на родину в ноябре того же года, то начало его войны с Византией следует датировать ранней весной 1151 г.[1436] Судя по тому, что венгерский король принимал решения о выступлении в поход достаточно быстро и оперативно собирал своё войско, о чём косвенно свидетельствуют известия русских летописей и византийских хро-

---

[1434] *Ioannis Cinnami* Historia…P. 113–114; *Бибиков М. В.* Византийский историк Иоанн Киннам. С. 52–53 (текст), С. 63 (пер.).

[1435] Некоторые западные историки (Г. Кап-Герр, Д. Паулер, И. Ачади, Ф. Шерер) датировали эту войну 1152 г., связывая её начало с возвращением Гезы II из Галиции после наказания Владимира Володаревича за избиение венгров у Сапогыня (Библиографию см.: *Makk F.* Megjegyzések a II. Géza-kori magyar-bizánci kofrontátio... 46. l., 29. jegyz.). Эта датировка, как убедительно доказал в цитируемой работе Ф. Макк, противоречит данным византийских источников.

[1436] Датировка Ф. Макка, считающего, что Геза II и Мануил I уже в начале 1151 г. заключили мирный договор, представляется маловероятной, поскольку исходит из представлений о том, что василевс совершил в рассматриваемое время лишь один поход на венгерские земли и тот – в конце 1150 г. (*Makk F.* Magyar külpolitika (896–1196). 2. kiad. 187. l.). Если замирение с Византией произошло так быстро, тогда непонятно, почему Геза II примерно три четверти года медлил с отмщением Владимиру Володаревичу за события у Сапогыня. М. Фонт идёт ещё дальше, считая, что между концом 1150 г. и 1153 г. Венгрия не вела войн с Византией (*Font M.* Magyar-orosz politikai kapcsolatok… 60. 1. (*Фонт М.* Венгерско-русские политические связи… С. 97)).

ник, Геза II, скорее всего, выступил в поход против Мануила Комнина как только высохли пути от весенней влаги.

Однако война оказалась хотя и не кровопролитной, но затяжной и безрезультатной для венгров, поскольку их правящая верхушка стратегически не продумала ход военной кампании. Геза II, потратив время и силы на преследование Бориса Калмановича, в конечном счёте, осознал свою неспособность продолжать войну с основными силами «ромеев». Судя по описанию названных византийских хронистов, противостояние на Дунае в 1151 г. продлилось до осени 1151 г., когда и был заключен договор Гезы II с Мануилом I[1437]. В таком случае не совсем понятна причина задержки отмщения Гезой II за истребление венгров у Сапогыня, произошедшее летом 1151 г. Судя по имеющейся в нашем распоряжении информации источников, Венгрия уже осенью этого года не вела никаких боевых действий со своими соседями. Возможно, Геза II, утомлённый бесплодными попытками поймать Бориса Калмановича, не хотел сразу же после заключения соглашения с Мануилом Комнином нападать на союзного василевсу Владимира Володаревича, а потом наступила зима – неблагоприятное время для военных походов через Карпаты.

Правда, у Гезы II была ещё одна внешнеполитическая причина отложить на время месть галицкому князю. В это время правящая элита континентальной Европы осознавала, что дни германского короля Конрада III сочтены, поэтому соседние с Германией государи, несомненно, должны были вскоре ожидать смены власти в крупнейшей стране Центральной Европы и гадали о её возможных последствиях. Главным вопросом для Гезы II было, сохранит ли преемник Конрада верность «союзу двух империй», направленному, в том числе, и против Венгрии.

Конрад III умер 15 февраля 1152 г. Избранный 5 марта германским королём его племянник Фридрих I (Барбаросса) на созванном летом в Регенсбурге рейхстаге попытался убедить немецкую знать совершить поход в Венгрию,

---

[1437] Библиографию работ, авторы которых датируют осенью 1151 г. заключение мира между названными монархами и даже саму эту войну, см: *Makk F.* Megjegyzések a II. Géza-kori magyar-bizánci kofrontátio... 47. l., 31. jegyz.

чтобы вернуть её в положение имперского лена. Однако рейхстаг не поддержал планы своего государя, что должно было успокоить Гезу II, который, возможно, опасаясь нападения немцев, отказался в это время от военных действий на Балканах[1438]. Тем не менее, венгерский король не торопился отправляться на Русь для отмщения Владимиру Володаревичу. Как указывалось выше, ответ Гезы II на предложение его шурина совместно наказать галичского князя за поражение у Сапогыня помещён в Ипатьевской летописи уже под 6660 г. Поскольку текст предполагаемой грамоты, в которой Геза II извещал шурина о намерении идти походом на налицкого князя, содержится в начале летописной статьи 6660 г., можно предположить, что венгерский король, отказавшись от похода за Дунай, решил, наконец, воспользоваться «мирной передышкой на византийском фронте» для наказания галичского князя. Для того чтобы обеспечить себе полную свободу действий в будущей войне с Владимиром Володаревичем, Изяслав Мстиславич и его черниговские союзники Изяслав Давыдович и Святослав Всеволодич совершили в самом начале 6660 г. поход на Городец-Остерский и сожгли этот опорный пункт Юрия Долгорукого в Южной Руси[1439].

Подготовка Гезы II и его союзников к войне с Владимиром Володаревичем и выступление их в поход. Автор подробного летописного повествования о событиях 1146–1154 гг. описывает поездку Мстислава Изяславича к Гезе II весной 1152 г. довольно скупо. Исходя из его рассказа, нельзя даже приблизительно сказать, сколько времени заняла на этот раз подготовка венгерского войска к очередному походу в юго-западную Русь. Судя по характеру рассказа летописца, Геза II не сразу откликнулся на просьбу шурина. В Ипатьевской летописи можно найти предполагаемый текст грамоты, которую венгерский король отправил Изяславу после прибытия в Венгрию его сына Мстислава: «О*т*це, кланяю ти ся. Прислалъ еси ко мнѣ про обиду Галичкаго

[1438] Подробнее об этом см.: *Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства. С. 186–189.
[1439] ПСРЛ. Т. II. Стб. 446.

кн(я)зя, а яз ти зде доспѣваю, а ты поспѣваи же, не положивѣ того на собѣ, но како на*м* с ни*м* Б(ог)ъ даст»[1440]. Как явствует из последующего летописного повествования, король не установил срока, к которому князья-соправители и их союзники должны быть полностью готовы к походу на Галич. При этом летописец в качестве временно́го ориентира, когда происходили описываемые события, употребляет выражение «ако срекъ годъ, како поити»[1441]. В данном случае слово «год» употреблено в значении «срок»[1442].

Лаврентьевская летопись сохранила отсутствующее в Ипатьевской известие о том, что Мстислав Изяславич был послан отцом не только в «Угры», но и в «Ляхи», однако «Ляхове же не идоша…» [1443]. По мнению А. А. Шахматова, это расхождение между летописями объясняется тем, что в Лаврентьевской летописи в описании событий в юго-западной Руси, с которых начинается статья 6660 г., использован не один, как в Ипатьевской, а два источника[1444]. Это мнение было поддержано А. Н. Насоновым[1445].

Начало войны собранной Изяславом Мстиславичем коалиции с Владимиром Володаревичем следует датировать не ранее конца весны 1152 г.[1446] С учётом того, что после 1 марта до прихода венгров князьями антигалицкой коалиции был проведён целый ряд важных мероприятий, занявших каждое

[1440] Там же. По подсчётам Б. А. Рыбакова, это грамота № 54, составление которой он датирует мартом 1151 г. (*Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 332).
[1441] ПСРЛ. Т. II. Стб. 446.
[1442] Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. II. М., 1989. С. 346.
[1443] ПСРЛ. Т. I. Стб. 336. В. Н. Татищев уже в первой редакции «Истории Российской» дополняет это известие целым рассказом: «… Мстислав Изяславич пришед к Володимерю, хотя первее ити к ляхом, яко же отец повеле. Кормилец же его Дорогил рек ему: «Княже, ото добре, оже отец ти мовил ляхи повабити; ачи не веси, кое добро бысть от ляхов Русской земли, всегды бо готови приити и емля сребро, а ничто благотворят, толе землю пустошат и закрутя братию в князей руских, опак отходят.Угры же того не творят, но во правду помогают. Сего деля яз иду ко ляхом, с ними же вем како добре мовити, а ты иди во Угры, и аз, не стряпав, ти прибегну». И тако иде Мстислав во Угры, а Дорогила отпусти в Ляхи» (*Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. IV. С. 237). Ответить на вопрос о том, чем является эта вставка между цитатами из дошедших до нас летописей, плодом фантазии историка, стилизованным под язык предшествующих его времени столетий, или выдержкой из не дошедшего до нас источника, с полной уверенностью не представляется возможным. Имеющиеся в нашем распоряжении польские средневековые источники не содержат сведений о прибытии в Польшу в 1152 г. послов от Изяслава Мстиславича. Во второй редакции «Истории Российской» цитированный сюжет пересказан языком XVIII в. и дополнен амплификациями, подчеркивающими негативный образ поляков (*Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. IV. С. 35–36).
[1444] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. С. 17.
[1445] *Насонов А. Н.* История русского летописания… С. 95.
[1446] Весной 1152 г. датируют поход *М. С. Грушевский* (Історія України–Руси. Т. II. С. 430) и *В. П. Шушарин* (История Венгрии. Т. I. С. 142; Краткая история Венгрии с древнейших времён до наших дней. Отв. ред. Т. М. Исламов. М., 1991. С. 30).

не одну неделю (сожжение Городца-Остерского, прибытие посла из Венгрии, поездка Мстислава Изяславича с ответной миссией к Гезе II, сбор венгерского войска и его переход из центра страны через Карпаты в юго-западную Русь), представляется наиболее вероятной датировка рассматриваемого конфликта летом 1152 г., которой придерживаются венгерские исследователи[1447]. Судя по информации Киевского свода, посланный в Венгрию Мстислав Изяславич дожидался при королевском дворе, когда наступит установленный срок выступления в поход. Скорее всего, Геза II решился отправиться в поход за Карпаты только после того, как получил известие об отклонении немецкой знатью предложения Фридриха Барбароссы наказать Венгрию за выход из круга земель, подконтрольных германским императорам[1448]. Как известно, первый рейхстаг, который созвал после своего избрания на престол Фридрих I, заседал в середине июля 1152 г. По мнению Д. Паулера, Геза II в это время был уже «за Карпатами»[1449], т. е. на Руси, однако конкретных сведений источников на этот счёт у нас нет.

Так или иначе, но, судя по тексту Ипатьевской летописи, Геза II строго выдержал установленный срок, с наступлением которого он «посла къ Изяславу и реч(е) ему: «Яз ти на конѣ оуже всѣ даю, же и с(ы)на Мьстислава съ собою поимаю, а ты полѣзи оуже на конѣ»[1450]. Изяслав, получив это известие, собрал все свои военные силы и отправился в поход, «поима съ собою Вячьславль полкъ всь, и вси Чернии Клобукы, и Кияне лутшии и всю Рускую дружину…»[1451]. По мере движения возглавляемого Изяславом Мстиславичем войска к границам Галицкой земли к нему у Дорогобужа присоединилась дружина его брата Владимира, а в Пересопнице – полки Владимира Андреевича и другого Изяславова брата – Святополка. Однако последний был отправлен руководителем коалиции обратно во Владимир-Волынский, после

[1447] МТК. I. k. 110. l. Н. Г. Бережков воздерживается от датировки рассматриваемого события даже с точностью до времени года, а Б. А. Рыбаков считает, что Владимир Володаревич был разгромлен весной 1151 г. (*Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 332).
[1448] Об обсуждении этого вопроса на заседаниях рейхстага в Регенсбурге сообщает Отто Фрейзингенский в «Деяниях Фридриха I» (II, 6).
[1449] *Pauler Gy.* A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt. I. k. 285. l.
[1450] ПСРЛ. Т. II. Стб. 446.
[1451] Там же.

чего объединенное войско двинулось к Ярославлю (один из городов Волынского княжества), где уже находились военные силы Гезы II. При этом летописец обращает внимание на то, что Изяславовы дружины продвигались по той же дороге, по которой в свое время (в 1123 г.) венгерский король (Иштван II) шёл вместе с Ярославом Святополковичем на Владимир-Волынский, потерянный Ярославом в борьбе с Владимиром Мономахом[1452].

Авторы рассматриваемого сюжета во всех без исключения дошедших до нас летописных памятниках ничего не сообщает о союзниках Владимира Володаревича. Этот «недостаток» пытается исправить В. Н. Татищев, рисуя во второй редакции «Истории Российской» картину сбора галичским князем полков со всех своих владений, якобы простиравшихся до Нижнего Дуная. Приведёнными здесь же фантастическими данными о численности галичского войска и союзных ему болгарских и сербских отрядов В. Н. Татищев, видимо, пытался доказать, что Владимир Володаревич был способен противостоять собранной против него коалиции[1453].

Сколько раз Владимир Володаревич спасался бегством от армии Гезы II в 1152 г.? Наиболее ранние источники, содержащие сведения о походе венгерского войска в Галицкое княжество в 1152 г., – Лаврентьевская и Ипатьевская летописи – повествуют о нем по-разному. По версии Лаврентьевской летописи, Владимир Володаревич впервые столкнулся с армией Гезы II ещё до прихода в Галицкое княжество русских союзников последнего. Владимир сначала попытался не пустить венгров в свои владения, пока не подошло войско Изяслава Мстиславича, но не добился в этом успеха и был вынужден бежать в Перемышль, откуда он сразу же начал просить Гезу II о мире[1454].

[1452] Там же. Стб. 446–447.

[1453] «Владимирко, уведав, что король венгерский, согласясь со Изяславом, великим князем, на него хотят идти, велел немедленно всем своим войскам от Дуная (448) и сея стороны Днестра к Галичу собираться, також нанял болгар и сербов 30 000 за деньги, которые, пришед, стали по Днестру близ Галича. И было войска у него более 70 000» (*Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. III. С. 37). В примечании 448 историк поясняет, что отец Владимира «Володарь, тяжкую войну с болгары имея, по Дунаю границу миром утвердил. И число войск его уверяет, что владение сих галицких князей немалое было и между всеми русскими сильнейшее» (Там же. С. 240).

[1454] ПСРЛ. Т. I. Стб. 336–337.

Впоследствии, после соединения венгерских и русских отрядов антигалицкой коалиции, Владимир Володаревич, испугавшийся многократно превосходящих его сил противников, вынужден был вторично бежать в Перемышль[1455].

Другую версию хода боевых действий рассматриваемой войны даёт Ипатьевская летопись. Автор повествования об этом (или его информатор) явно находился в войске, возглавляемом Изяславом Мстиславичем, поэтому здесь почти нет сведений о действиях Гезы II во время ожидания им прихода русских союзников, кроме тех, что принесли послы, отправленные венгерским королём к Изяславу Мстиславичу. Поскольку целью послов было приглашение русских князей на военный совет, автор этого сюжета Ипатьевской летописи ничего не сообщает о том, какие действия предпринимал Геза II во время пятидневного ожидания русских князей[1456]. В связи с этим, согласно его версии, получается, что Владимир Володаревич лишь один раз спасался бегством в Перемышль во время боевых действий 1152 г.

На расхождение двух представленных версий давно обратили внимание исследователи. Уже А. А. Шахматов заявил о том, что в Лаврентьевской летописи при описании событий рассматриваемой войны имеет место дублирование одного и того же известия, взятого из разных источников. При этом учёный ставил данное явление в один ряд с другими такими же примерами, выявленными им в Лаврентьевской летописи. По мнению А. А. Шахматова, всё это «ясно свидетельствует о соединении во Владимирской летописи 1185 г. двух письменных источников». Такими источниками исследователь считал: «а) Суздальский свод, б) Южнорусский свод, доведённый до 1175 г.»[1457]. Таким образом, вывод о том, что в Лаврентьевской летописи при описании событий войны Владимира Володаревича в 1152 г. с антигалицкой коалицией произошло дублирование одного и того же известия, был сделан А. А. Шахматовым, в том числе и потому, что данное явление неоднократно встречается на страницах этого источника. Точка зрения А. А. Шахматова была под-

[1455] Там же. Стб. 337.
[1456] ПСРЛ. Т. II. Стб. 446–447.
[1457] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописей XIV–XVI вв. С. 17.

держана наиболее авторитетными отечественными специалистами по текстологии русских летописей. Она отражена в вузовском учебнике по древнерусскому летописанию, написанном М. Д. Присёлковым[1458]. А. Н. Насонов дополнил её мнением о том, что при дублировании в Лаврентьевской летописи сведений о бегстве Владимира Володаревича в Перемышль «первый раз изложение передаёт источник, общий с Ипатьевской, но в сильно сокращённом виде, причём из этой записи читатель может сделать неправильное заключение, что Владимир Галицкий был разбит до прихода Изяслава. Во второй раз изложение также сравнительно сжато, но есть детали, отсутствующие в Ипатьевской летописи»[1459].

Если А. А. Шахматов, М. Д. Присёлков и А. Н. Насонов занимались текстологией с целью установления источников тех или иных известий дошедших до нас летописных памятников, то Н. Г. Бережков исследовал летописи для установления точной хронологии описываемых в них событий. Рассматривая те же самые источники немного в другом ракурсе, Н. Г. Бережков выдвинул иную версию происхождения рассматриваемых известий Лаврентьевской летописи, принципиально не согласившись с точкой зрения названных текстологов. По мнению Н. Г. Бережкова, «в данном случае дублирования нет. Владимирко отступил перед силой угорской ещё до прихода Изяслава и из Перемышля, стремясь замириться с Гезой II до прихода его союзников, «поча слатися к королеви, мира прося, абы Изяслав не притягл к королеви, бе бо Изяслав, слышав короля, пошел уже ис Киева на Володимерка». Затем уже после прихода Изяслава и присоединения его (с частью приведённого войска – берендеями) к королю Владимирко, приготовившийся было дать отпор (вне Перемышля); «видев силу королеву бещисленую, не стерпев, вдругые побеже перед ним в Перемышль» и оттуда «нача молитися и просити мира»; Изяслав, хотя и неохотно, «послушав короля, смирися с ним». Таким образом, Владимирко действительно дважды, на двух этапах борьбы, бежал в Пере-

[1458] *Присёлков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. С. 64.
[1459] *Насонов А. Н.* История русского летописания… С. 95.

мышль и дважды обращался оттуда с просьбой о мире, в первый раз – только к королю, второй – к обоим противникам. Ипатьевская летопись рассказывает о походе Гейзы и Изяслава значительно подробнее. Но в ней выпал отрывок рассказа после слов «а ты полези уже на коне». Часть этого отрывка попала не на то место, ниже, после слов «поводных конии и товарных», часть – опущена вовсе, и поэтому в Ипатьевской нет известия о первом бегстве Владимирка в Перемышль и первом его обращении с просьбой о мире»[1460].

Поскольку А. Н. Насонов и Н. Г. Бережков создавали свои фундаментальные труды примерно в одно время, а опубликованы они были после их смерти, у них не было возможности для полемики по вопросу, обозначенному в заглавии настоящего раздела. Н. Г. Бережков был знаком с точкой зрения А. А. Шахматова и поддержавшего его М. Д. Присёлкова, но, скорее всего, не знал о том, что её разделяет и А. Н. Насонов, обобщающий труд которого по текстологии русского летописания является последним (по времени выхода в свет) произведением такого масштаба. Современные исследователи, как правило, считают Н. Г. Бережкова авторитетнейшим специалистом в области хронологии, но в вопросах летописной текстологии отдают предпочтение мнениям А. Н. Насонова и продолжателей его традиции. Между тем, как видно из приведенной выше цитаты, А. Н. Насонов так же, как А. А. Шахматов, *констатирует* наличие дублирования в тексте Лаврентьевской летописи сведений о бегстве Владимира Володаревича в Перемышль, но *не доказывает это текстологически*, т. е. не приводит в своем фундаментальном труде сравнительного анализа текстов. Непонятны опасения А. Н. Насонова по поводу того, что читателю может показаться, что Владимир был дважды разбит под Перемышлем.

Если обратиться к тексту Лаврентьевской летописи, то он свидетельствует не о том, что галицкий князь был дважды *разбит*, а о том, что он дважды *бежал* от своих противников. Именно так, абсолютно точно, выражается Н. Г. Бережков, правда, не делая на этом акцент. Кроме того, в самом факте

[1460] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 63–64.

двойного поражения Владимира нет ничего невероятного, если учесть, что Геза II пересёк границу галицких владений на несколько дней раньше прихода своих союзников, а Владимир Володаревич, судя по тому, как он осенью 1150 г. отчаянно пытался защитить свое княжество, бросившись наперерез армии Гезы II, сумевшей скрытно подойти к Перемышлю, проявлял в подобных случаях оперативность и решимость разгромить противника сразу же, как он появился в пределах его владений.

Главным аргументом в пользу того, что в Лаврентьевской летописи имеет место дублирование известия о бегстве галичского князя в Перемышль, является то, что оба раза, по свидетельству летописца, Владимир бежал от *венгерского* войска, причём во втором случае не упоминается войско выступивших против Владимира других князей. Однако данный аргумент не является однозначным. Его можно объяснить тем, что менее значительное по численности войско русских союзников Гезы II, скорее всего, действовало на флангах, на вторых ролях, поэтому Владимира Володаревича устрашила именно армия Гезы II, выступившая против основных сил галичского князя, имея свежий опыт борьбы с Владимировым воинством. Да и сам по себе «дублирующий» рассказ принципиально отличается от описания первой попытки Владимира Володаревича. Если до прихода русских союзников Гезы II галичский князь пытался навязать бой венграм, нападая на королевских «маркитантов» и «фуражиров» («зажитников»), то в рассказе о втором столкновении Владимира с венграми обе стороны готовились к сражению, расставляя свои полки «на бродехъ»[1461]. Конечно, эти расхождения можно объяснить использованием летописцем двух разных источников, как это сделал А. Н. Насонов, однако и другие подробности рассматриваемых рассказов наталкивают на мысль о том, что Владимир Володаревич дважды спасался бегством от венгерского войска.

Самый главный контраргумент, который заставляет усомниться в правильности версии о дублировании летописцем одного и того же рассказа о

[1461] ПСРЛ. Т. I. Стб. 337.

столкновении галицкого князя с армией Гезы II, заключается в том, что возникает закономерный вопрос: зачем летописцу нужно было придумывать подробности либо о попытках Владимира Володаревича договориться с венгерским королем, либо о бегстве навлекшего на себя поход мощной коалиции соседних правителей князя уже после того, как объединенное войско собралось в окрестностях Перемышля. Иными словами: который из двух рассматриваемых рассказов Лаврентьевской летописи изначальный, а какой – дублированный?

Так или иначе, но даже если мы найдём новые веские аргументы в защиту версии А. А. Шахматова и его последователей, останутся нерешёнными вопросы о том, когда же всё-таки был разгромлен Владимир Володаревич: до или после прихода полков, возглавляемых Изяславом Мстиславичем, и почему автор рассматриваемого повествования Лаврентьевской летописи (или его источника) додумал некоторые подробности этой войны, противоречащие друг другу. Ведь если Геза II не предпринимал никаких действий до прихода его русских союзников, то почему Владимир во время бездействия венгерского короля *бежал* в Перемышль и пытался оттуда замириться с Гезой до прихода враждебных ему русских полков? Таким образом, версия о дублировании рассказа о бегстве Владимира Володаревича в Перемышль в 1152 г. выглядит весьма зыбкой и наталкивает на мысль о том, что автор этого повествования не только не разобрался в том, что находившиеся в его распоряжении источники говорят об одном и том же событии, но и додумал целый ряд подробностей для «пущего правдоподобия». Всё это выглядит весьма и весьма сомнительным, в то время как версия Н. Г. Бережкова не вызывает такого количества закономерных вопросов.

В целом же ход войны Владимира Володаревича с враждебной ему коалицией в 1152 г. представляется мне следующим образом. Первый раз, ещё до прихода союзных Гезе II русских князей, Владимир был отброшен венгерским войском (но не разбит!), когда попытался навязать ему сражение на рубежах своих владений, и первый раз бежал в Перемышль. После этого галич-

ский князь предпринял безуспешные попытки замириться с королём, прекрасно понимая бесперспективность дальнейшего сопротивления значительно превосходящим его по силе противникам. После объединения армий Гезы II и его русских союзников Владимир Володаревич с отчаянностью обречённого выступил на битву, навязанную ему уже под Перемышлем, но не выдержал психологического воздействия от вида многократного превосходства над ним его врагов и вновь обратился в бегство, но объединённое войско антигалицкой коалиции довело борьбу до логического завершения, разгромив брошенные князем полки. Примерно также представляет ход этих событий Н. Г. Бережков, версия которого выглядит более убедительной, чем точка зрения о дублировании одного и того же повествования о войне Владимира Володаревича с антигалицкой коалицией в 1152 г.

Разгром Гезой II и его русскими союзниками Владимира Володаревича. Когда возглавляемое Изяславом войско пришло к р. Сан, к нему прибыл посол от венгерского короля, которого сопровождала сотня воинов. Посол сообщил Изяславу, что Геза II уже пятый день ожидает его у Ярославля и просит своих союзников поторопиться. На следующий день Изяславово войско было уже рядом с местом расположения венгерской армии, и король выслал навстречу союзникам полк численностью более чем в тысячу воинов. Пообедав и построив свои полки, Изяслав отправился к Гезе II, выехавшему навстречу ему «с радостью, и ту обуястася с великою любовию и с великою ч(е)*с*тью. И ѣхаста и съседоста въ короля в шатре, и начаша думати, якоже заоутра рано поѣхати бится к рѣци к Санови, и тако оугадаша»[1462].

Венгерский историк XVIII в. Д. Прай и опирающийся на его утверждение Н. М. Карамзин пишут о том, что вместе с Гезой II в 1152 г. прибыли его братья Ладислав (Ласло) и Стефан (Иштван)[1463]. Это утверждение не находит прямого подтверждения в источниках, поскольку основано на неправомер-

[1462] ПСРЛ. Т. II. Стб. 447.
[1463] *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. II–III. С. 156. Историк в данном случае ссылается на: *Pray G.* Annales Regum Hungariae, L. III. P. 136.

ном объединении в одно двух разных известий. Если обратиться к наиболее раннему из дошедших до нас средневековых латиноязычных источников королевства Венгрии – Композиции венгерских хроник XIV в., то там в главе 167 сообщается следующее: «...король Геза дал герцогское содержание своим братьям Ласло и Иштвану и отправил войско на Русь против князя Владимира, чтобы отомстить за обиду, нанесённую [им] его (Гезы. – *М. Ю.*) тестю Минослою, в защиту которого он послал уже давно войско…»[1464]. Как видно из приведённой цитаты, ни о какой отправке братьев Гезы II на Русь речь здесь не идёт. Эта фраза без изменения повторена в хронике Яноша Туроци (гл. 93)[1465], на которую ссылается К. Я. Грот, также допускающий возможность нахождения братьев Гезы II в его войске на Руси в 1152 г.[1466]

Выше уже говорилось о том, что венгерские хронисты знали о военных операциях Гезы II на Руси понаслышке. Цитируемый отрывок даёт ещё одно тому доказательство. Князь, которому помогал венгерский король, назван его тестем (socer), а не шурином, каковым он являлся на самом деле, хотя его имя Минослой (т. е. Мстислав) на самом деле носил тесть Гезы II Мстислав Великий, умерший в 1132 г. Лишь хроника Генриха Мюгельна (гл. 52), которая, как известно, в последних своих главах содержит некоторые незначительные дополнения и уточнения к тексту Венгерского хроникального свода (переводом которого на средневерхненемецкий язык она по сути своей является), называет русского родственника Гезы II *Czislay*, что значительно ближе к имени «Изяслав»[1467]. Никаких подробностей упоминаемого ими похода Гезы II на Русь названные западные средневековые источники не содержат.

Судя по рассказу летописца, роль руководителя военной операции против Владимира Володаревича взял на себя Геза II: «Оутрии же д(е)нь рано король, оударя оу бубны и тако исполца полкы своя, поиде ко Изяславу, и при-

---

[1464] „...rex Geycha dedit ducales expensas fratribus suis Ladizlao et Stephano duxitque exercitum in Rusciam super Lodomerium ducem, ut vindicaret iniuriam soceri sui Minosloy, pro quo etiam iam pridem miserat exercitum…" (Chronici Hungarici compositio saeculi XIV // SRH. Vol. I. P. 460).

[1465] *Johannes de Thurocz*. Chronica Hungarorum. T. I. P. 134.

[1466] *Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства… С. 173.

[1467] Chronicon *Henrici de Mügeln* Germanice conscriptum // SRH. Vol. II. P. 198. Первым обратил на это внимание *К. Я. Грот* (Из истории Угрии и славянства… С. 173–174 и примеч. 3).

славъ и реч(е): «Поѣди со своими полкы близ моег(о) полку, а кде яз стану, ту же и ты стани, ать добро нам о всѣмъ гадати». Изяславъ же реч(е) ко королеви: «Сыну, тако буди»[1468]. От Ярославля союзники отправились вверх по течению Сана к Перемышлю, на подступах к которому должно было состояться решающее сражение русско-венгерского войска с армией галичского князя. Владимир Володаревич невольно поддержал это решение своих противников, и р. Сан чуть ниже Перемышля стала линией разделения враждующих сторон. Летописец указывает точное количество венгерских полков – 73, не говоря, сколько конкретно полков было у русских союзников Гезы II[1469]. О численности войска Владимира Володаревича, как указывалось выше, летописные источники ничего не сообщают. Не называя конкретной даты появления Гезы II и Изяслава Мстиславича в окрестностях Перемышля, автор рассматриваемого сюжета Киевского свода сообщает о том, что это было воскресенье, поэтому никаких боевых действий в этот день было решено не проводить, поскольку король «по своему обычаю не въста нигдѣже в нед(ѣ)лю». При этом союзниками были отправлены «зажитники» на поиски провианта и фуража, которых сразу же захватили в плен люди Владимира Володаревича[1470].

Когда же наступил понедельник, венгры пошли в атаку на галичан, что вынудило Владимира отступить. Его полки пытались помешать переправе королевских отрядов через Сан, но «не могоша стягнути противу королеви. И идоста Володимиръ своим полком, ту же и король ста противу ему, а Изяславъ поиде своими полкы горѣ на броды и, тако шед, ста выше короля на другом бродѣ. Иние же полкы Оугорьстии мнози идоша мимо Изяслава, вышьше Изяслава на броды»[1471]. Перед началом битвы Изяслав обратился к

[1468] ПСРЛ. Т. II. Стб. 447–448.
[1469] Там же. Стб. 448. По мнению венгерских историков, Геза II привел с собой 72 комитатских отряда и личный королевский полк (*Pauler Gy.* A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt. I. k. 280. l.; МТК. I. 110. 1.). В. Т. Пашуто сравнивает венгерское войско с русскими дружинами того времени следующим образом: «Это большая рать, если учесть, что «галицкая помощь за долю – «причастье» главе Руси – достигала пяти полков, а общее число войска, конечно, сильно уступало союзникам» (*Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси С. 174).
[1470] ПСРЛ. Т. II. Стб. 448.
[1471] Там же.

своей дружине с пламенной речью, призывая своих воинов и Бога в помощь «перед чюжими языкы… ч(е)*с*ть свою взяти»[1472]. Поскольку бóльшую часть войска антигалицкой коалиции составляли венгры, которые, вдобавок, были преисполнены желания отомстить за своих погибших у Сапогыня товарищей, Изяслав, несомненно, хотел, чтобы и его полк сыграл не менее заметную роль в разгроме Владимира Володаревича[1473].

Силы были явно неравными, и с самого начала битвы отряды венгров и их русских союзников начали громить галичан[1474]. Владимир Володаревич, «видивъ силу Оугорьскую, поскочи перед ними и вмятася в Оугры и в Черныи Клобукы»[1475]. В. Н. Татищев понял эту фразу как свидетельство героизма галицкого князя[1476], однако другие исследователи ничего героического здесь не увидели. Так, Н. М. Карамзин пишет о том, что «побеждённый Владимирко, проскакав на борзом коне между толпами Венгров и Черных Клобуков (…), заключился в Перемышле»[1477]. Наиболее же близкой к реальности представляется трактовка этой фразы С. М. Соловьёвым: «Сам Владимирко, убегая от венгров, попался было к чёрным клобукам и едва сам-друг успел скрыться в

[1472] Там же. Стб. 448–449.

[1473] Так, по крайней мере, понял призыв Изяслава Мстиславича В. Н. Татищев. В рассказе о битве под Перемышлем 1152 г. он уже в первой редакции «Истории Российской» добавляет отсутствующий в дошедших до нас письменных источниках пассаж: «…угре належаху перед рускими себя явити, а руские не хотяху угром чести поступити и един другаго ища в храбрости преуспети» (*Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. IV. С. 238).

[1474] В. Н. Татищев рисует не такую однозначную картину «избиения» галичан с самого начала сражения. Согласно его изложению, долгое время противоборствующие стороны сражались на равных: «А Володимер, зря, устроися и сильно воспящая полки Изяславли, королевские же двоичи смяте, и не пусти бродити; а Изяслав, перешед, не можаше далее поступити и королю помочи рва ради глыбока, но биися о месте; даже неколико полков угров, выше перешед, ко Изяславу подступиша. Тогда наляже Изяслав всею силою и помя левую руку галичан, и король воскоре не перебреде; а Володимер жестоко бияся с королем, не дая ему поступити, и надолге обоюду бысть сеча зла…». Далее историк XVIII в. дополняет эту картину новыми подробностями: «Мстислав же Изяславич, видя короля в печали, взем меч в руку и со своею дружиною суну в галичане. А король, жалея Мстислава, всем двором своим сам въеха в галичан и начаша сещи» (*Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. IV. С. 238). Откуда В. Н. Татищев почерпнул такие подробности – остаётся только гадать, но несомненно, что некоторые из них (если не все) он додумал сам. Во второй редакции «Истории Российской» её автор, помимо амплификаций к тем «фактам», которые он добавил прежде, приводит численность Изяславова войска (30 000) и поясняет: «у Владимирка с наемными столько же или более». При этом союзниками галичского князя названы только болгары, а о сербах речи уже нет. См.: Там же. Т. III. С. 37–38.

[1475] ПСРЛ. Т. II. Стб. 449.

[1476] «Володимер же, ач видя от Изяслава своих разбитых, но хотя над королем помститися, въеха во Угры и черные клобуки многих изби, даже всех своих погуби и одва сам спасеся…» (*Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. IV. С. 238).

[1477] *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. II–III. С. 156.

Перемышле»[1478]. Судя по значению глагола «въметатися», приведённому в «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв. (‘быть вброшенным, вкинутым’, здесь также допускается и переносный смысл в обороте со значением «попасть в беду»)[1479], летописец свидетельствует о том, что Владимир Володаревич, спасаясь бегством, был окружен отрядами венгров и чёрных клобуков и едва смог прорвать вражеское окружение и спастись в Перемышль со своим боярином Збигневом Ивачевичем. Победители не пошли на штурм Перемышля, поскольку их сразу заинтересовала загородная резиденция Владимира Володаревича, «на луз над рѣкою надъ Саномъ. И ту бѣ товаръ в нем многъ, и тамо наринуша*с*(я) вси воѣ». Изяслав и Геза II, собрав после грабежа имущества галичского князя своих воинов, расположились у р. Вягр[1480]. Это позволило Владимиру оставить за собой Перемышль в качестве «тверди», находясь в которой он мог вести переговоры со своими противниками.

Дипломатическая победа Владимира Володаревича над своими противниками. Побеждённый князь понял, что его дальнейшее сопротивление бессмысленно, поэтому сразу же запросил мира. При этом Владимир использовал все средства для скорейшего заключения наименее ущербного для себя соглашения, стараясь одновременно вызвать к себе сочувствие как к умирающему человеку[1481], напомнить Гезе II о своих заслугах перед его отцом[1482] и подкупить венгерских вельмож, в том числе находившегося при королевском войске архиепископа[1483]. При этом галичский князь как бы пытался за-

---

[1478] *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. Т. II. С. 189.
[1479] Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. II. С. 168.
[1480] ПСРЛ. Т. II. Стб. 449.
[1481] «створися своею волею, акы боденъ, и рече имъ: «Молитися о мнѣ королеви, раненъ есмь велми, а язъ ся каю того королю, оже есмь тобѣ с(е)рдце вередилъ и пакы оже противу сталъ тобѣ. Ныне же королю Богъ грѣхы отдаваеть, а ты ми сего отдаи, а не выдаи мене Изяславу, зане боленъ есми велми. Да аще мене Богъ поиметь, а сына моего прими к собѣ» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 450). Взятые в кавычки слова являются, по мнению Б. А. Рыбакова, началом грамоты, посланной Владимиром Володаревичем из Перемышля Гезе II (№ 55, см.: *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 332), однако при этом возникает вопрос: откуда у летописца Изяслава Мстиславича оказалась грамота Владимира Володаревича, посланная венгерскому королю?
[1482] «Отець твои бяше слѣпъ, а язъ отцю твоему досыти послужилъ своим копиемъ и своими полкы за его обиду, и с Ляхы ся есмь за нь билъ, а помяни на мнѣ то и сего ми отдаи» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 450).
[1483] «И многы дары высла арциписку̀пу и мужемъ тѣмъ, златомъ и сребром, и съсуды златыми и сребреными, и порты» (Там же).

платить венграм деньги за их соотечественников, погибших от рук его воинов под Сапогынем. Главной опасностью для себя Владимир Володаревич считал выдачу его Изяславу Мстиславичу, поэтому он открыто просил Гезу II не делать этого, а в случае своей якобы надвигающейся смерти поручал венгерскому королю позаботиться о своем сыне Ярославе[1484]. Избранная Владимиром Володаревичем тактика принесла ему успех[1485]. Хотя Гезу II просили передать галичского князя в руки Изяслава, архиепископ[1486] и вельможи «оумолили короля, а бы не стоялъ на немъ и волѣ королевы не створилъ»[1487]. Достигнув первой цели, Владимир также быстро намеревался добиться следующего дипломатического успеха – ухода венгерского войска за Карпаты. Ради этого он был готов дать любую клятву.

Судя по рассказу Киевского свода, подкупленному окружению Гезы II удалось убедить своего короля в том, что Владимиру Володаревичу жить осталось недолго, поэтому нужно поступить с ним по-христиански. Изяслав Мстиславич призывал зятя не верить ни в чем галичскому князю, заявляя о том, что, если Владимир умрёт, то это будет ему заслуженное наказание от Бога за двукратное клятвопреступление. Кроме того, Изяслав убеждал короля в том, что Бог не только отдал им в руки Владимира, но и дал возможность захватить волость побеждённого князя. Находившийся при этом Мстислав Изяславич со свойственной молодым людям горячностью «вѣлми прѣпираше короля наипа*ч*(е) о*т*ца свое*г*(о) Изяслава всими винами Володимерими»[1488]. Однако, по свидетельству Киевского свода, «король же того не

[1484] Там же.

[1485] В. Т. Пашуто достаточно подробно рассматривает вопросы, которые обсуждались на «совещаниях» у Гезы II по поводу судьбы Владимира Володаревича (См.: *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 175–176).

[1486] Д. Паулер предположил (со знаком вопроса), что в войске Гезы II находился только что избранный архиепископ эстергомский Мартирий (*Pauler Gy.* A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt. I. k. 280. l.).

[1487] ПСРЛ. Т. II. Стб. 450. На основании упоминания в цитированном известии королевы К. Я. Грот высказал предположение, что Евфросинья была в это время вместе с мужем на Руси (*Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства. С. 177.), однако А. Н. Насонов, выявивший информацию, заимствованную общерусскими сводами XV в. из не дошедшего до нас киевского источника, установил на основании анализа текстов Уваровского и Эрмитажного списков Московского свода конца XV в., что в Ипатьевской летописи вместо «воли бы Изяславли» ошибочно написано «волѣ королевы» (*Насонов А. Н.* История русского летописания… С. 290). См.: ПСРЛ. Т. XXV С. 55–56.

[1488] ПСРЛ. Т. II. Стб. 451.

послуша, но послуша арципискупа и вси*х* мужии свои*х*, зане же Володимеръ выслалъ бяше имъ имѣние свое. И ре*ч*(е) король: «Не могу е*г*(о) оубити, оже онъ молить ми ся и кланяеть ми *с*(я) и своея вины каеть ся. Но оже ны*н*(ѣ) хр(е)*с*ть цѣловалъ, (а) съступить того, а тогда како ми с ни*м* Б(ог)ъ дасть. Да любо азъ буду въ Оугорьскои земли, любо онъ в Галичкои»[1489].

Таким образом, по мнению летописца, главной причиной дипломатического поражения Изяслава Мстиславича была продажность венгерской знати, однако вряд ли она была единственной. Естественная жалость к умирающему человеку, нежелание «добивать» его, о чём прямо сказал Геза II, могли быть прикрытием вполне прагматических внешнеполитических устремлений. К тому времени под контролем Изяслава Мстиславича находились, помимо Киевской земли, также Переяславская, куда после ухода Юрия Долгорукого из Городца-Остерского отправился княжить Изяславов сын Мстислав, и Волынь, князем которой был Изяславов брат Святополк. Распространение власти Изяслава Мстиславича на Галицкое княжество означало создание на границах Венгрии сильного политического образования, что таило в себе потенциальную угрозу для Венгерского королевства. Узнав о решительном отказе Гезы II исполнить просьбы своих русских родственников, Владимир Володаревич поспешил с покаянием перед Изяславом Мстиславичем[1490]. Хотя последний «на все то не хотяше ни зрѣти», король заставил его заключить соглашение с поверженным противником[1491]. По свидетельству летописца, условия соглашения продиктовал галичскому князю Геза II. Владимир должен был поклясться в том, что отдаст все захваченные у Изяслава русские города станет верным союзником киевских князей. Владимир «с радостью» принял эти условия[1492].

На основании рассказа Киевского свода можно сделать вывод о том, что, хотя Геза II почтительно обращался к Изяславу «отче», его роль в рассматри-

---

[1489] Там же.
[1490] Там же. По подсчётам Б. А. Рыбакова, это грамота № 56 (*Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 333).
[1491] ПСРЛ. Т. II..Стб. 451–452.
[1492] Там же. Стб. 452. По подсчётам Б. А. Рыбакова, это грамота № 57 (*Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 333).

ваемых событиях была главенствующей. Прежде чем отправить своих «мужей» к Владимиру Володаревичу для взятия с него клятвы, Изяслав и Владимир Мстиславичи и Мстислав Изяславич собрались в королевском шатре. Предчувствуя, что Владимир совершит клятвопреступление, Изяслав убеждал короля не приводить галичского князя к крестоцелованию. Однако Геза II заверил своих русских родственников в том, что Владимир даст клятву на кресте, некогда принадлежавшем основателю Венгерского королевства Иштвану Святому (1000–1038) и сделанном из большого креста, на котором был распят Христос. Если же Владимир нарушит свою клятву и останется жив, то Геза II обещал вновь придти с войском на Русь и завоевать Галицкое княжество[1493].

Посланные в Перемышль венгерские «мужи» и боярин Изяслава Петр Бориславич объявили Владимиру Володаревичу выработанные его противниками условия мирного соглашения. Побеждённому князю оставляли его отчинные владения, но он должен был вернуть все захваченные города «Русской земли» и стать верным союзником Изяслава Мстиславича[1494]. Летописец при этом описывает сцену нового эмоционального выступления Мстислава Изяславича с предупреждением о склонности галичского князя к клятвопреступлению и напоминанием о данном королём слове. На это король ответил: «Право ти молвлю, оже съступить сего хр(е)*с*тьного цѣлования Володимиръ, доселѣ о*т*ець мои Изяславъ звал мя в помочь. Аже по се*м* съступить, то я пакы хощю о*т*ца своего звати собѣ в помочь»[1495]. Далее летописец, повествуя о визите послов венгерского короля и его союзников к Владимиру, в очередной раз повторяет условия мирного соглашения, которого настойчиво добивался галичский князь[1496]. При этом ничего не говорится о том, что полу-

[1493] ПСРЛ. Т. II. Стб. 452. В. Т. Пашуто считает этот летописный эпизод свидетельством «отсутствия при волынско-киевском дворе и в летописании тех дней религиозной нетерпимости» (*Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 176).

[1494] ПСРЛ. Т. II. Стб. 452. По мнению Б. А. Рыбакова, то, что объявил Петр Бориславич Владимиру Володаревичу, был «проект письма», который, по подсчетам учёного, является грамотой № 58 (*Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 333).

[1495] ПСРЛ. Т. II. Стб. 453.

[1496] Там же. Стб. 453–454. По мнению Б. А. Рыбакова, в данном случае летописец привёл окончательный текст письма (грамота № 59, см.: *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. С. 333).

чил по договору с Владимиром Геза II. Автор этого рассказа Киевской (Ипатьевской) летописи подчёркивает, что Владимир Володаревич «на всемь на томъ цѣлова хресть, но лежа, творяся, акы изнемагая съ ранъ, но ранъ на немъ не было». Судя по окончанию следующей фразы, «умирающий» князь добился своей главной цели: «…и разъѣхаша*с*(я) король оу свою землю въ Оугры, а Изяславъ оу Рускую землю»[1497].

Пророчества Изяслава Мстиславича и его сына Мстислава сбылись достаточно быстро. После ухода венгерского войска Изяслав отправился во Владимир-Волынский, откуда направил посадников в города, которые Владимир Володаревич поклялся на кресте вернуть их законному господину. Но галичский князь отказался возвращать полученные им от Юрия Долгорукого территории[1498]. Полагаясь на честное королевское слово, Изяслав Мстиславич не стал вновь собирать коалицию для очередного наказания вероломного Владимира, однако войско Гезы II так и не появилось более на Руси. Следующий этап активного вмешательства венгерских королей в русские дела падает уже на время правления Белы III (1172–1196).

Выводы. Около 1146 г. сестра Изяслава Мстиславича Евфросинья вышла замуж за Гезу II, что означало возвращение Венгрии к линии правительства Белы II на союз с Мономашичами. Это дало Изяславу возможность регулярно просить у зятя военной помощи для борьбы со своими противниками, чем он активно пользовался в 1148–1152 гг. Укреплению союза Гезы II с Изяславом Мстиславичем способствовало наличие у них общего врага – Византийской империи. На Руси «провизантийскую партию» возглавлял дядя Изяслава – суздальский князь Юрий Долгорукий, активным союзником которого был объединитель юго-западной Руси Владимир Володаревич. Уже в 1148 г. Изяслав впервые воспользовался венгерской военной помощью для борьбы с черниговскими князьями, а в 1149–1152 гг. он каждый год просил у зятя вой-

[1497] ПСРЛ. Т. II..Стб. 454.

[1498] «И пришед Изяславъ Володимирю (и) посла посадники своя въ городы, на нихже бяше хрестъ цѣловалъ Володимиръ: въ Бужескъ, въ Шюмескъ, въ Тихомль, оу Выгошевъ, оу Гноиницю. И не да ихъ Володимеръ» (Там же).

ско против Юрия, пытавшегося утвердиться в Киеве. Венгерская военная помощь сыграла решающую роль в победе Изяслава Мстиславича над Юрием Долгоруким. Дорожа союзом с Гезой II, Изяслав отказался в 1148 г. поддержать предложение чешского князя Владислава II вступить в коалицию Византии, Германии и Чехии в поддержку Бориса Калмановича.

Поскольку положение Гезы II и Изяслава Мстиславича оставалось крайне сложным (уже осенью 1150 г., когда Геза II был на Руси, его владения подверглись нападению византийской армии), оба правителя решили укрепить сложившиеся между ними династические связи. Брат Изяслава Владимир Мстиславич взял в жёны дочь дяди венгерского короля – бана Белуша. Заключение брака состоялось, скорее всего, в самом конце 1150 г. При этом Геза II одарил своего нового родственника дорогими подарками, а Изяслав Мстиславич выделил в кормление венгерскому отряду, пришедшему на Русь вместе с «бановной», г. Устилог.

Занятый сдерживанием натиска на Балканах византийского императора Мануила I и ощущавший угрозу со стороны германского короля Конрада III Геза II не мог оказывать Изяславу военную помощь, достаточную для быстрого изгнания Юрия из южной Руси, поэтому война дяди с племянником затянулась до 1151 г. При этом венгерский король не спешил выполнять данное им обещание сковывать силы Владимира Володаревича, не давая ему возможности помогать своему свату Юрию Владимировичу. Лишь в 1150 г. Геза и Изяслав нанесли первое поражение галичскому князю, но уже в 1151 г. Владимир устроил избиение венгерского отряда у Сапогыня, месть за которое настигла его лишь в 1152 г.

Походы венгерского войска на Русь 1151–1152 гг. ярко продемонстрировали не только тесные союзнические отношения между Гезой II и киевскими князьями-соправителями Изяславом Мстиславичем и Вячеславом Владимировичем, но и стремление каждого из союзников отстаивать собственные политические интересы. Так, венгерский король отвечал далеко не на все просьбы своего шурина, сообразуясь со сложившейся вокруг Венгрии меж-

дународной обстановкой. Разгромив Владимира Володаревича в 1152 г., Геза II не поддался на уговоры своих русских союзников, просивших короля отнять у Владимира его волость, поскольку Арпады не были заинтересованы в появлении на их восточных границах сильной державы в составе Киевского, Переяславского, Волынского и Галицкого княжеств. Кроме того, у Владимира Володаревича были свои сторонники в Венгрии, имевшие заметное влияние при дворе Гезы II. Планов аннексии Галицкой земли или утверждения на местном княжеском столе представителя рода Арпадов у венгерской правящей верхушки в то время ещё не было, поскольку в условиях не затухавшего венгерско-византийского конфликта и угрозы войны с Германией, правители которой открыто заявляли о своем стремлении вернуть Венгрию в ленную зависимость от Священной Римской империи, об этом не могло быть и речи.

ГЛАВА VII

ВЕНГРИЯ И РУССКИЕ КНЯЖЕСТВА В 50–60-Е ГОДЫ XII В.

1. Политическая ситуация в южной Руси и на границах Венгрии на рубеже 1152–1153 гг.

Новое обострение венгерско-византийских отношений. Успешный поход венгерского войска под командованием короля Гезы II (1141–1162), совершённый им летом 1152 г. против галичского князя Владимира Володаревича (1141–1153), должен был повлечь за собой установление безоговорочного лидерства киевского князя Изяслава Мстиславича (1146–1149, 1150, 1151–1154) в южнорусских землях. Единственный серьёзный противник Изяслава – Владимир Володаревич – был силой принуждён к признанию зависимости от Киева и дал соответствующие клятвы на кресте[1499], после чего Геза II вернулся вместе с войском на родину[1500]. Стремление венгерского короля скорее покинуть пределы Руси вполне объяснимо: внешнеполитическая ситуация вокруг Венгрии в то время заметно осложнилась. Мануил I Комнин (1143–1180) был верен союзу с Владимиром Володаревичем, которого в Константинополе считали зависимым от Византии правителем[1501]. В то время как Геза II воевал в Галицком княжестве, Мануил I вторгся в принадлежавшую венгерской короне пограничную область Срем (*венг.* Серемшег), населённую сербами, и захватил крепость Землин (*венг.* Зимонь).

Для того чтобы доставить Гезе II наибольшее раздражение, василевс активно использовал в этом походе Бориса Калмановича, сделав его одним из

[1499] ПСРЛ. Т. II. Стб. 453–454.
[1500] Там же.
[1501] Об этом свидетельствует в своей хронике Иоанн Киннам, называя Владимира «подданным союзником ромеев» («ὁ νήρ ὑ πόσπονδος ‘Ρωμαίοις»). См.: *Ioannis Cinnami* Historia. P. 115; *Бибиков М. В.* Византийский историк Иоанн Киннам… С. 52 (текст), С. 62 (пер.). Впрочем, в древнегреческом языке слово ὑ πόσπονδος означало ‘находящийся под условиями или защитою договора, перемирия’ (*Вейсман А. Д.* Греческо-русский словарь. 5-е изд. СПб., 1899 (Репр.: М., 1991). Стб. 1296).

своих полководцев. По выражению В. Г. Васильевского, «присутствие в его (Мануила I – *М. Ю.*) войске претендента Бориса, внука Мономахова, обещало, конечно, союзников в самой Венгрии и в то же время указывало на цель войны»[1502]. Эту в принципе правильную оценку уточнил К. Я. Грот: «Без сомнения, Мануил уже тогда имел в виду вероятный успех, который мог быть достигнут в войне с Угрией благодаря некоторой популярности там Бориса, которую он, понятно, был склонен ещё преувеличивать»[1503]. Как свидетельствуют византийские источники, описывающие эту войну, роль Бориса Калмановича в ней была достаточно скромной. В планы Мануила явно не входило развёртывание широкомасштабных боевых действий на землях Венгерского королевства. После захвата Землина византийская армия прекратила наступление, дожидаясь подхода войска противника, которое вновь возглавил дядя Гезы II бан Белуш. Однако последний не пошёл прямо на Землин, а двинулся в направлении Браничева (*венг*. Баранч), чтобы отрезать «ромеям» обратный путь, но Мануил разгадал намерения бана и, не дожидаясь окружения, вернулся с войском на византийскую территорию. При этом он направил один из своих отрядов под командованием Бориса Калмановича на разорение бассейна р. Темеш, т. е. в одну из областей Трансильвании.

События этой войны достаточно подробно описаны Иоанном Киннамом в его хронике, практически лишённой точных датировок. Отечественные византинисты датируют рассматриваемые события 1151 г.[1504] Что же касается их венгерских коллег, то они считают, что, скорее всего, вторжение византийского войска в Срем и набег отряда под командованием Бориса Калмановича на земли бассейна р. Темеш произошло в 1152 г., хотя не исключается и возможность проведения этих военных операций в 1150 г.[1505] Логика датиро-

---

[1502] *Васильевский В. Г.*.Труды. Т. IV. Л., 1930. С. 60–61.
[1503] *Грот К. Я*. Из истории Угрии и славянства… С. 182.
[1504] *Васильевский В. Г.* Труды. Т. IV. С. 60; *Грот К. Я*. Из истории Угрии и славянства… С. 180; *Розанов С. П.* Евфимия Владимировна и Борис Коломанович.. № 9. С. 667; *Фрейденберг М. М*. Труд Иоанна Киннама как исторический источник. С. 34; *Бибиков М. В*. Византийский историк Иоанн Киннам… С. 62–63.
[1505] МТК. 110. l. В этом академическим издании, представляющем собой наиболее полную хронологию венгерской истории с древнейших времен до 1970 г. (I том охватывает период до 1526 г.), информация о рассматриваемой войне помещена под 1152 г. с указанием на возможную дату 1150 г. Последнюю датировку

вок, предлагаемых венгерскими исследователями, довольно проста, но весома: Мануил Комнин мог совершать карательные походы на окраины Венгерского королевства лишь тогда, когда Геза II воевал с Владимиром Володаревичем, причём, только в том случае, когда король лично возглавлял венгерское войско, пришедшее в юго-западную Русь, иначе как объяснить тот факт, что византийской армии противостояли отряды во главе с баном Белушем?[1506] Последнее обстоятельство позволяет достаточно уверенно предположить, что Гезы II не было в то время в его владениях, а это имело место в 1150 или 1152 гг., но никак не в 1151 г., когда венгерский король отправил на помощь Изяславу Мстиславичу большой отряд, который благодаря неумеренному употреблению спиртного не смог организовать сопротивление напавшим на него воинам Владимира Володаревича и был почти полностью истреблен галичанами у Сапогыня[1507].

На то, что поход Мануила I на окраины Венгерского королевства, набег Бориса Калмановича на район Темеша и ответные действия пришедшего из Руси войска Гезы II произошли именно в 1152 г., указывает сам характер описания боевых действий Иоанном Киннамом: война явно происходила летом или осенью, но никак не зимой. Если бы эта кампания имела место в 1150 г., то Геза II появился бы в Венгрии не ранее середины ноября, поскольку, судя по свидетельству Ипатьевской летописи, Владимир Володаревич потерпел тогда поражение от враждебной ему коалиции перед Дмитровым днем (26 октября), после чего отправившееся на родину венгерское войско разорило по пути земли Галицкого княжества. Кроме того, Геза II, по словам летописца, объяснял своё решение покинуть Русь тем, что «Се ны*н*(ѣ) же ауже есть не веремя, рѣкы ся смерзывають, а поидемъ домови. Оже ауже рѣкы ся оустановять, а тогда, како ны с ними Б(ог)ъ дасть»[1508]. Как видно из летописной цитаты, венгерский король приводит в данном случае причины природ-

---

активно отстаивает Ф. Макк. См.: *Makk F.* Megjegyzések a II. Géza-kori magyar-bizánci konfrontácio kronológiájához. 47–50. l.; *Idem.* Magyar külpolitika (896–1196). 2. kiad. 188. l.

[1506] Впрочем, К. Я. Грот считал, что Белуш был послан за Дунай уже вернувшимся из Руси Гезой II (*Грот К. Я.* Из истории Угрии и славнства.... С. 183.

[1507] ПСРЛ. Т. I. Стб. 335–336; Т. II. Стб. 441–442.

[1508] ПСРЛ. Т. II. Стб. 406.

ного характера, а не состояние войны с Византией, как в ситуациях, когда он оправдывался перед шурином (за невозможность оказать серьезную военную помощь) в условиях резко обострившихся венгерско-византийских отношений.

О том, что Геза II во время войны с Владимиром Володаревичем ещё не знал о готовящемся нападении на его земли Мануила I, писал ещё К. Я. Грот, который подчеркивал (опираясь на данные хроники Иоанна Киннама), что «согласно своим рыцарским приемам Мануил счёл нужным начать с формального объявления войны, для чего и послал к королю угорскому письмо с вызовом и изложением его вины перед собой»[1509]. Однако саму войну К. Я. Грот датирует 1151 г., поскольку считает, что летописец при описании похода Гезы II и его русских союзников в Галицкое княжество перевёл сентябрьское летосчисление таким образом, что наступивший в Византии 1 сентября 1151 г. 6660 г. от СМ начался для летописца 1 марта 1151 г., вследствие чего вся рассматриваемая военная кампания, равно как и поход Гезы II на южную границу своего королевства, имели место в 1151 г. Ошибочность такой датировки очевидна, поскольку, как окончательно установил Н. Г. Бережков, поражение Владимира Володаревича в войне с Гезой II и его русскими союзниками произошло в 1152 г.[1510]

Таким образом, вернувшееся из юго-западной Руси венгерское войско должно было сразу же направиться на балканский театр боевых действий. Поскольку, как можно сделать вывод из свидетельства Ипатьевской летописи[1511], Геза II привёл с собой на помощь Изяславу Мстиславичу, помимо королевского войска, отряды из всех венгерских комитатов, это объединенное (и вдобавок, окрылённое победой) войско представляло для Мануила Комнина серьёзную опасность. Именно это, скорее всего, и побудило императора уклониться от большой войны с венграми, ограничившись отправкой в Трансильванию отряда во главе со злейшим врагом Гезы II Борисом Калманови-

[1509] *Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства. С. 181. При этом исследователь ссылается на: *Ioannis Cinnami* Historia. P. 113.
[1510] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 142.
[1511] ПСРЛ. Т. II. Стб. 448.

чем. Естественно, в такой непростой обстановке, которая сложилась на византийско-венгерской границе, Гезе II было не до того, чтобы выполнять данные им Изяславу Мстиславичу и его союзникам обещания. Что же касается Владимира Володаревича, то жизнь очередной раз подтвердила точность его политического расчёта. Несомненно, он получил сведения о том, что венгерский король втянулся в новый виток противостояния с византийским императором, а также о том, что Юрий Долгорукий готовит очередной поход в южную Русь. В такой ситуации у противников галичского князя уже не было возможности объединить свои силы и заставить Владимира Володаревича выполнять условия мирного договора, который был скреплен клятвой, данной на кресте св. Иштвана.

Неудавшаяся миссия папского посланника Герхоха в Венгрию и на Русь. К рассматриваемому времени относится также один из малоизвестных фактов, косвенно затрагивающий историю русско-венгерских отношений. Речь идёт о попытке папского легата Герхоха совершить поездку в Венгрию и на Русь с миссионерскими целями. Инициатором отправки миссии Герхоха (ум. в 1169) был римский папа Евгений III (1145–1153). Установить конкретные цели и задачи посольства Герхоха в названные страны не представляется возможным в силу специфичности единственного дошедшего до нас источника, в котором содержатся крайне скудные сведения об этом. Ни одна хроника или другое средневековое историческое сочинение не упоминают о миссии Герхоха, нам известно о ней лишь из сочинений самого клирика, являвшего настоятелем одного из райхерсбергских монастырей. Прославился же Герхох написанием теологических сочинений, изданных в конце XIX в. под заголовком «Избранные книжки Герхоха, настоятеля райхерсбергского»[1512].

[1512] *Gerhohi praepositi Reichersbergensis* libelli selecti / Ed. E. Sackur // MGH. Libelli de lite imperatorum et pontificum saeculis XI et XII conscripti. T. III. Hannoverae, 1897. P. 131–525.

В одном из таких сочинений – книжке X, озаглавленной «Из комментариев к псалмам», Герхох в комментарии к псалму 65[1513] вспоминает о неудаче своей миссии в Венгрию и на Русь. Рассматриваемое сочинение выдержано в духе глубоких теологических рассуждений, причём венгерский король Геза II, которого Герхох не называет по имени, представлен здесь как отрицательный персонаж, сорвавший дело распространения «семян веры церковной и учения» в «двух больших странах, венгров, а также русских»[1514]. Райхерсбергский настоятель в комментариях к поступку венгерского короля даже употребляет выражение «Иродова жестокость» (crudelitas Herodiana)[1515]. Если отбросить обличительный пафос в адрес Гезы II, которым пропитаны рассуждения Герхоха по поводу псалма 65, то выясняется, что папский легат и его свита не смогли выполнить свою миссию «из-за немилости короля венгров, прежде получившего от нас порицание и потому разгневанного на нас»[1516]. Более никаких подробностей Герхох не сообщает. Интересно, что в своих «книжках» настоятель ещё дважды упоминает венгерского короля, рассматривая его войны с византийским императором Мануилом I Комнином[1517]. При этом Геза II не подвергается такой суровой критике, как в комментариях к псалму 65.

Как указывалось выше, в сочинении Герхоха отсутствует дата его прибытия в Венгрию. Единственным временным ориентиром здесь служит указание на то, что произошло это незадолго до смерти папы Евгения III[1518], скончавшегося 8 июля 1153 г. Как можно сделать вывод из последующего текста комментариев к псалму 65, преемники Евгения III – Анастасий IV (1153–1154) и Адриан IV (1154–1159) отказались от намерения осуществить миссию в Венгрию и на Русь, задуманную Евгением III[1519].

[1513] Ibid. P. 493–496. Перевод отрывка, касающегося планов Герхоха посетить Русь, см.: *Назаренко А. В.* Несостоявшееся посольство папы Евгения III (1145–1153 гг.) на Русь // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (37). сентябрь 2009. С. 81.
[1514] Ibid. P. 493.
[1515] Ibid.
[1516] “venire non potuimus propter offensam regis Ungarici, pridem per nos increpati et ob hoc nobis irati” (Ibid.).
[1517] Ibid. P. 385, 463.
[1518] Ibid. P. 493.
[1519] Ibid.

Сведения Герхоха, касающиеся Венгрии, были введены в научный оборот ещё И. Катоной (1732–1811)[1520] и проанализированы Д. Паулером (1841–1903)[1521]. Однако оба названных историка рассматривали эту информацию, прежде всего, с точки зрения отражения в них венгерско-византийских противоречий, а также характеристики Гезы II как «жестокого варвара», которую дал ему райхерсбергский настоятель. Современные венгерские историки упоминают Герхоха в связи с историей взаимоотношений Венгрии с папским престолом, считавшим Венгрию недостаточно христианизованной[1522]. Лишь Ф. Макк комментирует фразы Герхоха о неудаче его миссии с точки зрения русского направления внешней политики Гезы II: «Препосту Герхоху Геза II не разрешил вступить на территорию королевства. У этого шага венгерского правителя были также и международные последствия, ведь папское посольство намеревалось отправиться из Венгрии на русские земли, чтобы установить связи между Римом и Киевом»[1523]. К сожалению, эти рассуждения Ф. Макк далее не развил, хотя представляется весьма плодотворным посмотреть на эту проблему с точки зрения причин появления в то время интереса папской курии к Киеву.

Самым странным в тексте райхерсбергского настоятеля является то, что Венгрия, оказывается, также нуждается в распространении «семян церковной веры и учения». Вышеназванные венгерские историки (в том числе Ф. Макк в следующей фразе после процитированной мной) обращают внимание на то, что папская курия своими заявлениями о том, что Венгрия является полуварварским государством, лишь недавно присоединившимся к христианскому миру, нанесла глубокую обиду Гезе II, что побудило его запретить миссионерскую деятельность посольства Герхоха на территории Венгерского королевства, не говоря уже о том, чтобы пропустить её дальше на Русь. Между тем, к тому времени прошло уже более полутора столетий со времени начала христианизации территории, подвластной Арпадам, и уже с эпохи Иштвана I

[1520] *Catona S.* Historia critica. T. III. Budae, 1780. P. 634.
[1521] *Pauler Gy.* A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt. I. k. 278–279, 493. l.
[1522] *Kristó Gy.* A korai feudalizmus (1116–1241). 1210. l.
[1523] *Makk F.* Magyar külpolitika (896–1196) 2. kiad. 191. l.

Святого (1000/1–1038) в стране существовала церковная организация. Поскольку уже Эндре I (1046–1060) назван в современных ему исторических сочинениях королем «белым и католическим»[1524], и после 1060 г. Венгрию более не сотрясали языческие восстания, заявления папской курии о недостаточной христианизации страны в рассматриваемое время, скорее всего, отражают недовольство Рима тем, что значительную часть христианского населения Венгрии составляют «схизматики». Неслучайно Герхох в своих комментариях к другим псалмам, где упоминается венгерский король, рассматривает войны Гезы II с Византией, поэтому «варваризация» в данном случае могла означать широкое распространение в Венгрии христианства восточного обряда.

Мнение о том, что значительная часть населения Венгерского королевства эпохи Арпадов исповедовала христианства восточного обряда, высказывалась в сочинениях учёных и публицистов еще в XVIII в., что было связано с пробуждением национального самосознания словацкого и русинского народов в империи Габсбургов, проявившегося, в том числе, в стремлении доказать более раннее приобщение к Христовой вере у названных народов, чем это произошло у венгров[1525]. Наиболее ярко эта идея выражена в книге К. Я. Грота, посвященной одному из периодов истории русско-венгерских отношений в эпоху Средневековья – 1141–1173 гг.[1526] В этой монографии, остающейся самым полным и глубоким исследованием в данной области исторического знания, красной нитью проводится мысль о том, что тогдашние венгерские короли не учитывали интересы своих многочисленных подданных, принадлежавших к христианству восточного обряда, что наносило большой ущерб как внутри Венгрии, так и с точки зрения её международного положения. Хотя миссия Герхоха и его сочинения не рассматриваются К. Я. Гротом, свидетельства папского легата, скорее всего, отчасти подтверждают правоту названного историка

[1524] Chronici Hungarici compositio saeculi XIV // SRH. Vol. I. P. 344.
[1525] Некоторые аспекты этого процесса рассматриваются в работе: *Юрасов М. К.* Изучение истории древних восточных славян в империи Габсбургов в XVIII веке.
[1526] *Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства…

Как известно, в 50-е годы XII в. сохранялось противостояние папства со Священной Римской империей. Молодой германский король Фридрих I (1152–1190), получивший впоследствии прозвище «Барбаросса», в первые годы своего правления продолжал политику своего предшественника Конрада III (1137–1152), сохраняя «союз двух империй». Эта линия не соответствовала интересам папской курии, никогда не оставлявшей идею возвращения «схизматиков» в лоно истинного христианства. Находившаяся между Германией и Византией Венгрия должна была естественным образом стремиться к укреплению связей с Римом. Однако, судя по тексту рассматриваемого отрывка из комментариев Герхоха к псалму 65, политика венгерского короля также не устраивала папу Евгения III, иначе он не отправил бы райхерсбергского настоятеля с миссией, призванной, прежде всего, показать серьёзные недостатки в деле христианизации Венгрии. Поскольку государство Арпадов официально считалось частью западно-христианского мира, папская курия, видимо, надеялась на то, что король признает эти недостатки и поможет верхушке венгерского клира их исправить. Однако Геза II, как считают венгерские историки, обиделся на критику и нелестные эпитеты в адрес своих подданных-христиан и не позволил Герхоху и его спутникам развернуть миссионерскую деятельность на землях венгерской короны.

Что же касается планов Евгения III относительно Руси, то вряд ли понтифик и его окружение ставили перед Герхохом такие же задачи, какие они надеялись решить в Венгрии. Убедить руководство Русской церкви в необходимости отказа от «схизматических заблуждений» было невозможно, однако сложившаяся в то время ситуация в русско-византийских отношениях давала папской курии шанс «оторвать» киевскую митрополию от константинопольской патриархии, хотя, как показали последующие события, перспективы этого были весьма призрачные. В Риме, скорее всего, были осведомлены о том, что Изяслав Мстиславич одержал победу над Юрием Долгоруким и окончательно утвердился в Киеве. Как известно, суздальскому князю после 1151 г. удалось вернуть себе «матерь городов русских» лишь на следующий

год после смерти племянника, т. е. в 1155 г. Юрий Владимирович, как и его сват Владимир Володаревич, были наиболее яркими представителями, условно говоря, «провизантийской партии» на Руси, в то время как Изяслав Мстиславич, навязав Русской церкви в качестве митрополита своего ставленника – «русина» Клима (Климента) Смолятича, продемонстрировал тем самым свое стремление добиться полной независимости Киева от Константинополя в церковном отношении.

Как свидетельствует Ипатьевская летопись, после окончательного разгрома Юрия Долгорукого на р. Рут(е) в 1151 г. возвращавшиеся в Киев полки Изяслава Мстиславича, Вячеслава Владимировича и их союзников вышел встречать, в том числе, и митрополит Клим[1527]. Хотя следующее упоминание в летописях непризнанного Константинополем русского митрополита относится уже ко времени после смерти Изяслава Мстиславича, у исследователей нет сомнений в том, что вплоть до окончательного утверждения в Киеве Юрия Долгорукого (март 1155 г.) Клим(ент) исполнял функции митрополита киевского и всея Руси.

Если римская папская курия была в курсе того, что земли, на которые распространялось политическое влияние Изяслава Мстиславича, фактически вышли из-под церковной власти Константинополя, она вполне могла воспользоваться благоприятной ситуацией для утверждения своего духовного авторитета. В связи с этим представляется вполне вероятным, что миссия Герхоха призвана была «прозондировать почву» в Киеве на предмет установления отношений с киевской митрополией. В таком случае вряд ли стоит сомневаться в том, что папа Евгений III готов был признать легитимность занятия митрополичьей кафедры Климом Смолятичем ради того, чтобы впоследствии постепенно подчинить Русь в церковном отношении Риму.

Отказ Владимира Володаревича от обещаний, данных им Гезе II и его русским союзникам. Изложение летописцем событий, происшедших после

[1527] ПСРЛ. Т. II. Стб. 441.

принесения Владимиром Володаревичем клятвы, в которой он признал свою зависимость от Изяслава Мстиславича, показывает, что киевские князья-соправители в борьбе с Владимиром Галицким не чувствовали себя достаточно сильными без венгерской военной помощи. В то же время характер летописного рассказа приводит читателя к мысли о том, что Изяслав и Вячеслав, в конечном счёте, вынуждены были отнестись к клятвопреступлению галицкого князя «философски». Узнав об отказе Владимира Володаревича вернуть захваченные им «русские города», Изяслав сразу же отправил к Гезе II гонца с напоминанием о королевском обещании, прекрасно понимая, что король, только что вернувшийся на родину, не отдаст своим войскам немедленно приказ идти в новый поход на Русь. Возвратившись в Киев, Изяслав сделал вид, что ничего серьёзного в поступках Владимира Володаревича, совершённых им после ухода венгерского войска, не было. Поэтому князья-соправители отпраздновали победу над Владимиром Галицким торжественными молебнами и пирами и отправили посла в Смоленск сообщить Ростиславу Мстиславичу об этом радостном событии[1528].

Ситуация, однако, была не настолько благостной для киевских князей, чтобы они могли чувствовать себя полными победителями. Отказ Владимира Володаревича вернуть захваченные им города, издревле считавшиеся частью Русской земли (в узком смысле), свидетельствовал о том, что галичский князь, несмотря на своё поражение, обладал еще значительными военными силами, достаточными для того, чтобы не бояться нового похода враждебной коалиции в его владения. Владимир так же, как и киевские князья, прекрасно понимал, что до нового прихода венгерской армии на помощь Изяславу Мстиславичу серьезной опасности на Руси для него нет. Скорее всего, Владимир Володаревич был извещён Юрием Долгоруким о намерениях послед-

[1528] «Изяславъ же поида (Х.П. поиде) къ Киеву, а ко королеви посла мужь свои, и повѣдѣ ему, оже Володимиръ съступилъ хрестного цѣлования, и рече: «Тобѣ ся ауже не ворочати ни мнѣ, но толико являю ти, оже есть съступилъ Володимеръ хрестного цѣлования. Но ты толико не забываи своего слова, еже еси реклъ». Изяславъ же приде въ Киевъ къ строеви своему Вячьславу с великою радостью и с великою честью. И похваливше Бога и его пречистую матерь, и пребыша оу велицѣ любви и оу велицѣ весельи. Изяславъ же пришедъ къ Киеву и посла къ брату своему Смоленьску, и повѣда ему, како ся с королемъ видилъ въ здоровьи и како Богъ пособилъ има побѣдити Володимира Галичьскаго» (Там же. Стб. 454–455).

него начать новую войну с правившими в Киеве братом и племянником, чтобы отомстить им за разорение Городца-Остерского. По крайней мере, галичский князь оперативно отреагировал на появление Юрия в южной Руси, отправившись в поход на Изяслава. Тем самым он подтвердил заявление летописца о том, что во время переговоров с послами Гезы II и его русских союзников он вовсе не был смертельно раненым человеком.

Таким образом, Изяслав и Вячеслав вновь оказались вынужденными воевать на два фронта. Тяжесть сложившейся для них ситуации осложняло то, что Геза II в то время при всём желании не мог оказать им никакой военной помощи. Помимо необходимости сдерживать византийский натиск на свои южные границы король должен был учитывать и неблагоприятную международную обстановку, сложившуюся для него в Центральной Европе. Отказ германского рейхстага от поддержки планов своего императора совершить поход в Венгрию отнюдь не означал исчезновение угрозы для Гезы II со стороны Священной Римской империи.

Юрию Владимировичу удалось в 1152 г. вновь собрать большую военную коалицию, в которую вошли рязанские князья во главе с Ростиславом Ярославичем, а «тако же и Половци, и Отперлюеве, и Токсобици, и вся Половецькая земля, что же *их* межи Волгою и Днѣпромъ»[1529]. Во время движения войска Юрия на юг у Глухова к нему присоединился со своими воинами верный союзник – новгород-северский князь Святослав Ольгович[1530]. Желание Владимира Володаревича как можно скорее продемонстрировать киевским князьям-соправителям свою независимость позволило Изяславу Мстиславичу избежать войны на два фронта. Слишком раннее появление галичских отрядов на границах Киевского княжества, когда войско Юрия было ещё очень далеко от Киева, дало возможность Изяславу выступить в поход против Владимира, поспешившего вернуться в свой стольный Галич[1531].

[1529] ПСРЛ. Т. II. Стб. 455.
[1530] Там же. Т. I. Стб. 338; Т. II. Стб. 456.
[1531] Там же. Т. II. Стб. 455.

Очередной поход Юрия Долгорукого на Киев оказался неудачным. Собранная им коалиция осадила Чернигов, где княжил союзник Изяслава Мстиславича Изяслав Давыдович. Простояв 12 дней под стенами города, войско Юрия (прежде всего, половцы) начало разбегаться, узнав о приближении к городу войска киевского князя. Когда же Изяслав Мстиславич подошел к Чернигову, Юрия там уже не было[1532]. После этого киевский князь и его союзники направились к Новгороду-Северскому, где принудили Святослава Ольговича, для поддержки которого Юрий оставил чисто символическую помощь (сына Василька с 50 дружинниками), просить у них мира[1533]. Расстроив планы своих врагов, намеревавшихся вынудить его воевать на два фронта, Изяслав Мстиславич мог теперь предпринять очередную попытку заставить Владимира Володаревича вернуть захваченные им города. Вскоре после возвращения в Киев из-под стен Новгорода-Северского Изяслав Мстиславич направил в Галич своего боярина Петра Бориславича «съ кр(е)*с*тъными грамотами, зане тыи же бяшеть и в Перемышли с королевы мужи водилъ къ х(рест)у»[1534]. Скорее всего, эта миссия была выполнена Петром в самом начале 1153 г., но, во всяком случае, не ранее последних дней 1152 г. К сожалению, никаких точных хронологических ориентиров на этот счет в летописях не содержится.

Изяслав поручил своему послу начать переговоры с Владимиром Володаревичем как можно доброжелательнее и официально заявить ему, что его клятвопреступление будет забыто, если он без промедления вернёт захваченные им города. В противном случае Петр Бориславич должен был вернуть галичскому князю подписанные им крестоцеловальные грамоты, что означало фактическое объявление новой войны Киевом Галичу. Однако Владимир Володаревич был решительно настроен не только не соблюдать данные им клятвы, но и отомстить своим противникам за капитуляцию, к которой они

[1532] Там же. Стб. 456–458.

[1533] Там же. Стб. 459–460. По версии Лаврентьевской летописи, значительно менее информативной, чем Ипатьевская, в описании данного сюжета, Изяслав «не оуспѣ въ ничтоже» в осаде Новгорода-Северского (Там же. Т. I. Стб. 339).

[1534] Там же. Т. II. Стб. 461.

принудили его летом 1152 г., либо «сложить свою голову»[1535]. Поскольку дальнейшие события можно было трактовать как Божье наказание князю-клятвопреступнику, летописец (в котором Б. А. Рыбаков видит самого Петра Бориславича) передаёт диалог киевского боярина с галичским князем, в ходе которого посол Изяслава Мстиславича пытался образумить Владимира Володаревича, напоминая ему о том, что он давал клятву на кресте св. Стефана (Иштвана). В ответ Владимир презрительно назвал святыню «этим малым крестиком». Когда же Петр Бориславич предупредил дерзкого князя о небесной каре за пренебрежительное отношение к христианской святыне, тот приказал ему возвращаться к своему князю[1536].

Смерть Владимира Володаревича и ее последствия. Ощущая свою политическую и военную силу и, видимо, будучи убеждённым в том, что без венгерской помощи Изяславу Мстиславичу не удастся победить его и заставить вернуть захваченные «русские» города, Владимир Володаревич постарался придать окончанию миссии Петра Бориславича как можно более бесславный характер. Он не только не дал послу «ни повоза, ни корма», но и, увидев готовящегося уехать с его княжеского двора киевского боярина, торжествующе крикнул ему вслед: «Поѣха мужь Руский, обуимавъ вся волости»[1537]. Судя по рассказу летописца, кара за такое высокомерное поведение настигла Владимира в тот же день. Возвращаясь с вечерни, на том же самом месте, откуда он кричал вслед Петру Бориславичу дерзкие слова, галичский князь внезапно почувствовал себя плохо, и во время наступления ночи Владимир Володаревич скончался. Его ближайшее окружение явно не было готово к новому обострению отношений с Киевом, поэтому посланный из Галича княжеский дружинник попросил остановившего на ночлег в Болшеве Петра Бориславича вернуться в Галич, где посол уже застал людей в траурных одеждах[1538].

[1535] Там же. Стб. 461–462.
[1536] Там же. Стб. 462.
[1537] Там же. Стб. 462–463.
[1538] Там же. Стб. 463–464.

Наследник умершего князя Ярослав (вошедший в историю под прозвищем «Осмомысл») просил Петра Бориславича передать Изяславу Мстиславичу о своей готовности признать киевского князя старшим над собой: «Ны*н*(ѣ), о*т*че, кланяю ти ся, прими мя, яко с(ы)на своего Мьстислава, такоже и мене; ать ездить Мьстиславъ подлѣ твои стремень по одинои сторонѣ, а я*з* по другои сторонѣ подлѣ твоеи стремень ѣ ждю всими своими полкы». После этого Петр Бориславич был отпущен к своему князю[1539]. Казалось бы, главная цель, которой добивался Изяслав Мстиславич – верховная власть над всеми южнорусскими землями, наконец-то достигнута, и не придётся больше регулярно просить военной помощи у венгерского короля. Однако окружение умершего галичского князя было настроено продолжать ту же политическую линию по отношению к Киеву, которую проводил Владимир Володаревич.

Хотя конкретных летописных известий по поводу того, подкрепили ли Ярослав Осмомысл и его бояре свои заявления о признании над собой верховной власти Изяслава Мстиславича возвращением последнему захваченных Владимиром Володаревичем «русских» городов до нас не дошло, у исследователей нет сомнений по поводу того, что галичская правящая верхушка не собиралась отдавать обратно недавно приобретенные территории. Безусловно, киевские князья-соправители очень надеялись на то, что Геза II сдержит своё королевское слово и вновь придет с войском в юго-западную Русь, чтобы заставить нового галицкого князя исполнить обещания, данные его отцом, но внимание венгерского короля было в тот момент приковано к южным границам его государства.

Вынужденный заключить в 1152 г. перемирие с Мануилом I, Геза II вынашивал намерения отомстить византийцам за то, что эта кампания так бесславно закончилась для венгерского войска. В следующем, 1153 г., венгерский король попытался внезапно напасть на Византию, осуществляя (как ему казалось) в глубокой тайне подготовку к походу на Балканы. Однако у Мануила были свои люди в окружении Гезы II, которые заблаговременно пре-

[1539] Там же. Стб. 465.

дупредили императора о грозящей Византии опасности. В результате, когда Геза II появился на левом, венгерском берегу Дуная, являвшегося с 1018 г. границей между двумя враждебными государствами, на противоположном берегу его уже ожидала армия Мануила Комнина[1540]. Поняв бесперспективность своей затеи, Геза II вынужден был заключить очередное перемирие с императором. Безусловно, не оставлявшие венгерского короля намерения, во что бы то ни стало, отомстить василевсу за свои неудачи на балканском театре войны заставляли его откладывать выполнение своего обещания покарать галицкого князя за клятвопреступление. Когда же Геза II узнал о «Божьей каре», настигшей Владимира Володаревича, скорее всего, он счёл необязательным вмешиваться далее в междоусобия русских князей, тем более, что молодой Ярослав Владимирович никаких клятв венгерскому королю не давал, а значит и не нарушал. Дальнейшие внешнеполитические акции Гезы II свидетельствуют о том, что он целиком сосредоточился на южном направлении, готовя каждый год новый поход на Нижний Дунай.

2. Безуспешные попытки русских союзников Гезы II получить от короля военную помощь

Последний год княжения в Киеве Изяслава Мстиславича и окончательное утверждение здесь Юрия Долгорукого. Судя по летописным свидетельствам, в 1153 г. киевский князь не предпринимал никаких попыток заставить силой Ярослава Осмомысла вернуть захваченные его отцом города, относившиеся к «Русской земле в узком смысле». Наиболее вероятными причинами этого промедления представляются, во-первых, ожидание прихода венгерского войска, поскольку король наверняка заверил послов Изяслава Мстиславича, сообщивших ему о нарушении Владимиром Володаревичем крестного целования, в том, что он выполнит своё обещание, а во-вторых, необходимость

[1540] Подробно о неудачном походе Гезы II на Византию в 1153 г. см. в: *Васильевский В. Г.* Труды. Т. IV. С. 66–67.

серьёзной подготовки к новому походу в юго-западную Русь, когда стало ясно, что Геза II не планирует оказание военной помощи своему шурину, всё более увязая в противостоянии с византийским императором.

Ни русские летописи, ни венгерские средневековые исторические сочинения ничего не сообщают о взаимоотношениях между Гезой II и Изяславом Мстиславичем в 1153 г. О том, что они сохранялись, свидетельствует происходивший из мусульманской Испании арабский проповедник и путешественник Абу Хамид Мухаммад ибн Абд ар-Рахим ал-Гарнати ал-Андалуси (1080–1169/70). Как раз в это время, с 1150 по 1153 гг. он находился у венгерского короля, который по прошествии этих трёх лет удовлетворил просьбу ал-Гарнати отпустить его к семье, проживавшей в городе Саксин, находившийся, по мнению исследователей, на месте бывшей хазарской столицы Итиля[22]. По свидетельству ал-Гарнати, отпуская его к родным, «царь *башкирд*[23] <…> послал со мной письмо к царю славян и запечатал красным золотом, на котором было изображение царя. И послал он со мной человека, которого звали Исмаил ибн Хасан <…>. И когда я прибыл в страну славян, то царь её оказал мне почёт, уважая его письмо и боясь его [царя Венгрии]. …»[24].

К сожалению, о содержании письма Гезы II к Изяславу Мстиславичу, которого следует понимать под «царём славян»[25], ал-Гарнати ничего не сообщает. Свидетельство арабского путешественника о том, что киевский князь боялся венгерского короля, вряд ли соответствует действительности. Скорее всего, ал-Гарнати передал в соответствующей фразе зависимость Изяслава Мстиславича от военной помощи, не раз оказывавшейся ему Гезой II, которая была решающим фактором побед Изяслава над своими противниками. В письме, переданном ал-Гарнати Изяславу Мстиславичу король, по всей видимости, объяснял шурину причины невозможности посылки венгерского войска на Русь в то время.

В сложившейся ситуации киевский князь не мог заставить Ярослава Осмомысла вернуть захваченные «русские» города, поскольку оставался ещё Юрий Долгорукий и союзные ему половцы, которые могли сорвать новый

поход в Галицкое княжество, заставив Изяслава Мстиславича вновь воевать на два фронта. Неслучайно Лаврентьевская и Ипатьевская летописи сообщают о том, что в 1153 (6661) г. сын Изяслава Мстислав был послан отцом в Посулье, подвергавшееся регулярным нападениям со стороны половцев[1541]. В условиях сохранявшегося противостояния между Изяславом Мстиславичем и Юрием Долгоруким лидеры черниговской ветви Рюриковичей – Святослав Ольгович и Изяслав Давыдович – заключили тогда же между собой союз. Поскольку Черниговские земли располагались между владениями Юрия и княжествами, на которые распространялась власть или влияние Изяслава Мстиславича, к тому же, Черниговщина уже не раз становилась театром боевых действий между враждебными коалициями, возглавляемыми дядей и племянником, стремление местных князей к единению было вполне естественным. Судя по последующим событиям, союз Святослава Ольговича и Изяслава Давыдовича был явно не в пользу Изяслава Мстиславича, поскольку оба князя не приняли участия в походе собранного киевским князем войска против Ярослава Осмомысла.

Дошедшие до нас летописи не содержат никаких сведений о попытках Изяслава Мстиславича заставить Ярослава Осмомысла вернуть захваченные его отцом города дипломатическим путём. Более информативна в данном случае «История Российская» В. Н. Татищева. Здесь уже в первой редакции между имеющимися также и в Ипатьевской летописи известиями о заключении Святославом Ольговичем союза с Изяславом Давыдовичем и о начале похода собранной Изяславом коалиции в Галицкое княжество[1542] содержится дополнительная информация: «Изяслав Мстиславич иде на Володимера галицкого, прият весть от Петра, иж Володимер умре, посла к Ярославу, сыну его, рекий: «Добре рекл еси, яко хощеши ми сын быти и что отца твоего Бог судил. И аз ти мира и любве не отрекаю, но возврати городы моя». И Ярослав хотя то учинити, но бояре не восхотевше, реша: «Мы не хощем князя нашего

[1541] ПСРЛ. Т. I. Стб. 340; Т. II. Стб. 465.
[1542] Там же. Т. II. Стб. 465.

в пороке видети, но что нам Бог даст». Изяслав, слыша это, нача доспевати…»[1543]. Во второй редакции «Истории Российской», где дошедшая до нас летописная информация и добавленная в первой редакции пересказываются языком, более понятным читателю XVIII в., выражение «Изяслав, слыша это» дополняется комментарием В. Н. Татищева: «Изяслав, слыша сей нечаянный ответ и уразумев, что они, продолжа время ожиданием договоров, намерены более войск собрать и венгров от союза отвратить, тотчас стал на Ярослава собираться…»[1544].

Краткий рассказ о том, что помимо известного нам по летописям посольства Петра Бориславича, во время которого умер Владимир Володаревич, Изяслав Мстиславич отправлял в 1153 г. ещё одно посольство в Галич, является уникальным. Об этом умалчивают не только летописцы, но и польские историки эпохи Возрождения, труды которых были известны В. Н. Татищеву. Вряд ли подлежит сомнению то, что Изяслав Мстиславич, получивший от своего посла заверения о признании Ярославом Владимировичем «старшинства» киевского князя, направил новое посольство в Галич, призванное заставить нового правителя беспокойной юго-западной окраины Руси подтвердить свои слова конкретными делами. Представляется маловероятным, что эта вставка была сочинена и ловко стилизована под более древний язык автором «Истории Российской». Скорее всего, В. Н. Татищев процитировал здесь не дошедший до нас летописный источник. Что же касается дополнения, сделанного историком во второй редакции рассматриваемого труда, то оно явно принадлежит перу В. Н. Татищева, который очень точно подметил суть ситуации, сложившейся между Киевом и Галичем в 1153 г.

Военная операция против Ярослава Осмомысла была предпринята уже в начале 1154 г. Согласно расчётам Н. Г. Бережкова, войско во главе с Изяславом Мстиславичем отправилось в путь «около 17 января»[1545]. Решающая бит-

---

[1543] Т*атищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. IV. С. 243.
[1544] Там же. Т. III. С. 46.
[1545] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 156.

ва этой армии с галичанами произошла 16 февраля 1154 г.[1546] под Теребовлем, на р. Сирет. Хотя Изяславу удалось захватить в плен многих галицких «мужей» (то же, но в меньшем количестве, сделали и галичане)[1547], но из-за бегства с поля боя своих братьев (Владимира и Святополка) и сына Мстислава главную задачу – принудить Ярослава Осмомысла к покорности – Изяславу Мстиславичу решить не удалось. В конечном счёте, киевскому князю пришлось возвращаться в свою столицу, куда он привёл в качестве пленников «лучших мужей» из галичан. В отличие от более молодого Гезы II, которому судьбой было отпущено ещё восемь лет жизни, и он мог позволить себе организовывать каждый год (вплоть до 1155 г.) походы на своего главного противника – Мануила I Комнина, Изяславу Мстиславичу так и не удалось отобрать у галичских князей захваченные и удерживаемые ими города «Русской земли». Последние месяцы жизни Изяслава были заполнены решением новых серьезных проблем, возникавших в междукняжеских отношениях в южной Руси.

С точки зрения истории русско-венгерских отношений, важное значение имеет сохранение Изяславом Мстиславичем за своими родственниками владимиро-волынского стола. Весной или летом 1154 г. скоропостижно скончался брат Изяслава – Святополк Мстиславич, княживший во Владимире-Волынском. Освободившийся княжеский стол занял Изяславов сын Ярослав (1154–1155)[1548]. Известие Ипатьевской летописи об этом позволяет предположить, что Изяслав Мстиславич готовил новую военную операцию, возможно, против непокорного Ярослава Осмомысла, поскольку Святополк Мстиславич умер «оу Кочерьска, пошелъ бо бѣ брату своему Изяславу в помочь». Юрий Долгорукий не хотел складывать оружие в борьбе с племянником и предпринял в 1154 г. новый поход «с Ростовци, и с Суждальци, и со всѣми дѣтми в Русь». Эта военная операция закончилась также безрезультатно, как и предыдущая. Придя опять «в Вятичи», войско Юрия столкнулось

[1546] Там же.
[1547] Описание битвы см.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 340–341; Т. II. Стб. 466–467.
[1548] ПСРЛ. Т. I. Стб. 341; Т. II. Стб. 468.

с небывалым конским мором, да и половцев на помощь суздальскому князю пришло немного. Вследствие этого Юрий вынужден был, дойдя до Козельска, отправить своего сына Глеба в Половецкую степь за более значительной подмогой, а сам возвратиться в Суздаль[1549].

Таким образом, к осени 1154 г. Изяславу Мстиславичу удалось добиться стабилизации обстановки на юге Руси. Хотя он не смог вернуть под власть Киева захваченные Владимиром Володаревичем приграничные с Галицким княжеством города, но зато в тот момент Изяславу не угрожало нападение ни с одной из враждебных ему сторон, поскольку ни у Юрия Долгорукого, ни у Ярослава Осмомысла тогда не было достаточных сил для организации похода на Киев. Однако вся эта стабильность исчезла в течение очень короткого времени, после того как Изяслав внезапно тяжело заболел и 14 ноября 1154 г. умер в Киеве. Среди его союзников не оказалось политика такого же уровня. Княживший в Смоленске брат покойного Ростислав Мстиславич (до 1127–1159) был достаточно опытным для того, чтобы управлять Киевским княжеством, но заметно уступал Изяславу и Юрию в силе характера и не мог эффективно противостоять решимости суздальского князя, во что бы то ни стало, доказать своё старшинство среди Рюриковичей и право на киевский стол.

Оставшиеся без сильного князя киевляне столкнулись с тяжёлой для них альтернативой. Всем было ясно, что единственным политиком в тогдашней Руси, способным поставить под контроль ситуацию на юге Руси, был Юрий Владимирович, которого киевляне не любили. В противном случае им оставалось довольствоваться кем-то из более слабых в политическом отношении и с точки зрения личных качеств князей. К сожалению, Изяславу Мстиславичу так и не удалось создать в южной Руси прочную политическую базу, опирающуюся на достаточные военные силы, которая позволила бы ему обеспечить закрепление власти в Киеве за его ветвью рода Рюриковичей, вернув при этом «матери городов русских» хотя бы видимость её былого величия. Скорее всего, в силу сложившихся к тому времени политических реалий, до-

[1549] Там же. Т. I. Стб. 341; Т. II. Стб. 468.

биться этого было практически невозможно. Раздробленность русских земель стала уже настолько глубокой, что, как и в других европейских государствах эпохи Средневековья, должно было пройти определённое время для появления области-лидера, вокруг которой затем произойдёт постепенное объединение страны.

Если же рассматривать ситуацию с точки зрения соотношения сил между боровшимися в то время княжескими группировками, то, безусловно, все Рюриковичи прекрасно понимали, что добиться политического преобладания даже в одной из частей тогдашней Руси (особенно на юге) возможно не просто путём создания большой коалиции князей, но и с привлечением к ней вспомогательных отрядов из Степи или соседних государств. Борьба за Киев, начавшаяся в 1149 г. между Изяславом Мстиславичем и Юрием Долгоруким, ярко показала, что первый не мог добиться успеха без венгерской военной помощи, а последний – без присоединения к его войску половецких отрядов.

Формально в Киеве после смерти Изяслава Мстиславича оставался правящим князем Вячеслав Владимирович, который, сознавая свою неспособность держать в руках все нити управления городом и княжеством, продолжавшим быть предметом устремлений многих князей, поспешил послать гонцов в Смоленск к брату умершего Изяслава Ростиславу Мстиславичу, приглашая его княжить в Киеве на тех же условиях соправительства, на которых формально держалась власть его старшего брата при фактическом полновластии.

Ростислав принял эти условия и прибыл в Киев для заключения соответствующего «ряда». Однако, по свидетельству Новгородской I летописи, его первое правление в Киеве продлилось одну неделю[1550], хотя, скорее всего, здесь имеется в виду единоличное правление Ростислава Мстиславича, которому вскоре после признания себя «младшим» киевским князем при «старшем» Вячеславе пришлось провожать в последний путь умершего дядю. Так или иначе, но кратковременное первое княжение Ростислава в Киеве закончилось его поражением от черниговского князя Изяслава Давыдовича, кото-

[1550] Там же. Т. III. С. 29, 216.

рое смоленский князь потерпел у Боловеса, пытаясь привести к покорности одного из своих соперников, также претендовавшего на власть в Киеве. В результате этого в Киеве вокняжился Изяслав Давыдович.

По мнению Н. Г. Бережкова, смерть Вячеслава Владимировича и кратковременное первое княжение Ростислава Смоленского в Киеве «произошли не раньше второй половины декабря – начала января»[1551], т. е. на рубеже 1154/1155 гг. Все эти события, однако, оказались малозначащими с точки зрения последующего развития ситуации в южной Руси. Получив сведения о смерти Изяслава Мстиславича, Юрий Долгорукий отправился в новый поход на Киев. По расчетам Н. Г. Бережкова, в январе 1155 г. он находился с собранным им войском уже «противу Смоленьску»[1552], где, по свидетельству летописей, получил известия о смерти брата Вячеслава, поражении и бегстве в своё княжество Ростислава Мстиславича и занятии киевского стола Изяславом Давыдовичем[1553]. Все эти события ярко свидетельствовали о распаде антисуздальской коалиции, сложившейся при Изяславе Мстиславиче, что способствовало достижению Юрием главной его цели – утверждения в Киеве, которое он, видимо, считал главным атрибутом «старшинства» на Руси. 20 марта 1155 г. Юрий Долгорукий вступил в Киев, власть над которым он сохранил вплоть до своей смерти, случившейся 15 мая 1157 г.

Заключение Гезой II тайного соглашения с Андроником Комнином и политические последствия этой договоренности для Руси. В то время, когда шла борьба за Киев, разгоревшаяся после смерти Изяслава Мстиславича, венгерский король продолжал попытки переломить в свою пользу ситуацию в противостоянии с византийским императором Мануилом I. В начале 1154 г. Геза II усиленно готовился к очередной войне с Византией, однако василевс на переговорах в Софии сумел склонить королевских послов к отказу от планов нападения на «империю ромеев». В казавшейся патовой ситуации, когда обе

[1551] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 156.
[1552] Там же.
[1553] ПСРЛ. Т. I. Стб. 344; Т. II. Стб. 476.

противоборствующие стороны – Венгрия и Византия – не имели достаточных сил для нанесения противнику сокрушительного поражения, в стане Комнинов обнаружился тайный союзник венгерского короля. Им оказался двоюродный брат Мануила I – Андроник Комнин. В отличие от Мануила, матерью которого была венгерская принцесса Пирошка (Ирина), Андроник имел родственников в юго-западной Руси. Его мать Ирина, скорее всего, была дочерью перемышльского князя Володаря Ростиславича (1092–1125), вышедшей замуж за сына Алексея I Комнина (1081–1118) севастократора Исаака[1554].

Андроник Комнин уже тогда видел главной целью своей жизни захват императорской власти. Ради этого он готов был пойти на союз с врагами Византии, чтобы с их помощью получить трон. Став правителем приграничных византийских областей на Дунае, Андроник вступил в тайное соглашение с Гезой II, обещав королю за поддержку передачу Венгрии Белграда, Браничева и Ниша – крепостей, составлявших костяк оборонительной системы на северо-западе тогдашних владений Византии. Выполняя условия этого договора, Геза II отправился в конце 1154 г. с большим войском на помощь Андронику. События этой войны подробно исследованы в XIX в. В. Г. Васильевским, К. Я. Гротом, Д. Паулером[1555], а также другими историками последующего времени. С точки зрения темы настоящего исследования важно, прежде всего, то, что позиция Гезы II и его двора по отношению к соседним государствам, располагавшимся к востоку и югу от владений венгерской короны, стала более сложной. Раньше враги Венгрии представлялись однозначно: Византия и её союзники на Руси, которых неофициально возглавлял Юрий Долгорукий, но самым деятельным членом этой политической группировки был Владимир Володаревич. С точки зрения насущных внешнеполитических задач Геза II до 1154 г. мог заявлять, что наиболее опасными соседями для него являются Византия и Галицкое княжество.

[1554] *Донской Д. В.* Рюриковичи. С. 195. О том, что дочь Володаря Ростиславича вышла в 1104 г. замуж за одного из сыновей Алексей I Комнина, свидетельствует ПВЛ. См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 280; Т. II. Стб. 256.

[1555] *Васильевский В. Г.* Труды. Т. IV. С. 70–73; *Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства… С. 198–201; *Pauler Gy.* A magyar nemzet története Az Árpádházi királyok alatt. 287–288. l.

С установлением тайного союза между Гезой II и Андроником Комнином ситуация на восточных и южных границах Венгрии стала не такой однозначной, как была прежде. Наличие у Андроника родственных связей с князьями юго-западной Руси заставляло венгерский двор быть более осмотрительным в отношениях с новым галичским князем. Если верна версия о том, что именно Андроник Комнин приходился внуком Володарю Ростиславичу, то Ярослав Осмомысл в таком случае был двоюродным братом Андроника. Да и само отношение к Византии у Гезы II также не было теперь однозначным. Прежде «империя ромеев» представляла для Арпадов источник постоянной военной опасности и раздражения, поскольку Мануил I не только являлся внуком венгерского короля Ласло I Святого (1077–1095), но и активно использовал в своих военных акциях против Гезы II неудачливого претендента на венгерский престол Бориса Калмановича. Теперь же Византия была представлена в глазах венгерской правящей верхушки, в том числе, и Андроником Комнином, обещавшим Гезе II не только три приграничных округа, но и превращение непримиримого врага в союзника. Конечно, в эпоху Средневековья политические союзы, как правило, были недолговечны, и вряд ли Геза II и его советники не понимали, что, захватив власть в Константинополе, Андроник может отказаться от данных им обещаний, но поддержание разлада в стане Комнинов, несомненно, было выгодно Арпадам.

В целом кампания 1154 г. на Балканах закончилась в пользу венгерского короля, однако успехи его были весьма скромными. Мануилу I не удалось помочь осаждённому венграми и их союзниками городу Браничево (*венг*. Баранч). Армией Гезы II также был разгромлен один из византийских отрядов. Главной причиной военных неудач василевса было то, что боевые действия начались поздней осенью, и императорское войско оказалось недостаточно подготовленным к этому. С поражением зимой 1154/5 г. византийского отряда, командир которого – хартуларий Василий Цинцилук был послан Мануилом I в погоню за боснийским баном Боричем, отряды которого находились в составе собранного Гезой II войска, возможно, связан уход из жизни Бориса

Калмановича. Источники не сообщают точно, на какой именно войне с венграми был застрелен неизвестным половецким воином внук Владимира Мономаха, но, судя по всему, это произошло во время рассматриваемой зимней кампании[1556].

Хотя Борис Калманович к тому времени уже давно перестал быть персонажем, относящимся к сфере русско-венгерских отношений, его смерть как бы знаменовала собой уход из реальной жизни последнего исторического деятеля, имевшего отношение к той системе взаимоотношений с Арпадами, которую пытался выстроить Владимир Мономах. Впрочем, после женитьбы Гезы II на Евфросинье Мстиславне Борис Калманович фактически превратился в политического «статиста», время от времени используемого Конрадом III или Мануилом I для того, чтобы побольнее «ужалить» венгерского короля в предпринимаемых Германией и Византией военных операциях против Венгерского королевства[1557].

Третье княжение в Киеве Юрия Долгорукого и русско-венгерские отношения. Более разительные перемены для Гезы II, с точки зрения расстановки политических сил, произошли в 1155 г. на Руси. С этого времени и вплоть до своей смерти, настигшей Юрия 15 мая 1157 г., суздальский князь пытался выстроить на юге Руси новую политическую систему, добиваясь от княживших там Рюриковичей признания своего «старшинства» путём заключения с ними мирных договоров. Аналогичное соглашение было достигнуто и с Ростиславом Смоленским. В результате на Руси сложилась обстановка, крайне неблагоприятная для дальнейшего поступательного развития русско-венгерских отношений. Представляется верной характеристика политической

[1556] *Васильевский В. Г.* Труды. Т. IV. С. 71–72. О смерти Бориса Калмановича до 1156 г., когда византийское войско понесло большой урон, сообщает Оттон Фрейзингенский (II, 31). См.: *Bischof Otto von Freising und Rahewin.* Die Taten Friedrichs oder richtiger Cronica / Hg. F.-J. Schmale. Darmstadt, 1965 [Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters; Freiherr vom Stein-Gedächtnisausgabe]. S. 386–387. Первым из отечественных историков связал смерть Бориса Калмановича с зимней кампанией 1154/5 г. В. Г. Васильевский (Труды. Т. IV. С. 90–91). Эта точка зрения была поддержана последующими исследователями. См.: *Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства… С. 200, 203–204; *Розанов С. П.* Евфимия Владимировна и Борис Колomановтич. С. 669–670.

[1557] Подробнее об обстоятельствах смерти Бориса Калмановича см.: *Юрасов М. К.* Внук Владимира Мономаха… С. 141–145. Здесь автор придерживается датировки смерти Бориса 1156 г.

ситуации, которую создал после окончательного утверждения в Киеве Юрий Долгорукий, данная М. Д. Присёлковым: «Положение Юрия было первое время блестяще: в Переяславле сидел сын его Глеб, в Вышгороде – сын Андрей, в Турове – сын Борис, на Поросье – сын Василько, в Галиче – зять Ярослав Владимирович, в Смоленске – покорный Ростислав, в Чернигове – замирившийся Изяслав, в Новгороде – сын Мстислав. Всё гнездо черниговских князей в руке Юрия, как и Владимир Мстиславич Владимирский и Ярослав Изяславич Луцкий. Только Мстислав Изяславич не явился с покорной головой к Юрию…»[1558].

Таким образом, если при правлении в Киеве Изяслава Мстиславича на юге Руси был один постоянный «оазис» враждебности по отношению к Венгрии – Галицкое княжество, то теперь остался лишь один «оазис», где сидел дружественный Арпадам князь – Владимиро-Волынское княжество, да и то ненадолго, поскольку Юрий Владимирович поставил своей целью добиться распространения своего влияния на все без исключения земли южной Руси. Через несколько месяцев после утверждения в Киеве Юрий Долгорукий организовал поход на Волынь против непокорного внучатого племянника. Мстислав Изяславич находился в то время в Пересопнице, куда пришли полки зависимых от Юрия князей, заставивших Мстислава бежать сначала в Луцк, а затем в Польшу[1559]. Однако его изгнание длилось недолго. Как опытный политик, Юрий понимал, что удерживать свое «старшинство» среди Рюриковичей в одиночку ему явно не по силам[1560]. В связи с этим он призвал к себе из Смоленска племянника Ростислава Мстиславича, предложив ему соправительство, поскольку ему более не с кем «Рускую землю оудержати»[1561]. Признавший безоговорочно первенство Юрия в предложенном ему «тандеме», Ростислав, однако, добился от дяди нормализации отношений со всей

[1558] *Присёлков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси… С. 212.
[1559] ПСРЛ. Т. I. Стб 345; Т. II. Стб. 479.
[1560] ПСРЛ. Т. I. Стб. 345; Т. II. Стб. 479.
[1561] Там же. Т. II. Стб. 479.

ветвью Мстиславичей, в том числе, с Мстиславом Изяславичем, которого Юрий также «прия в любовь»[1562].

Улаживание киевским князем отношений со всеми Рюриковичами, занявшее, скорее всего, лето–осень 1155 г., формально привело к исчезновению на Руси последнего «оазиса», где правил дружественный Арпадам князь. Восстановление Юрием Долгоруким подчинения Русской церкви Константинопольской патриархии и приезд в Киев в 1156 г. нового митрополита Константина ярко продемонстрировали провизантийскую направленность внешней политики Юрия, что в то время исключало установление им союзнических отношений с Арпадами. Однако, несмотря на кажущиеся успехи Юрия в плане прекращения борьбы за Киев, на самом деле ситуация на юге Руси была далека от полного «умиротворения». По договоренности с Юрием владимиро-волынским князем стал его племянник Владимир Мстиславич (1155–1156), который, как можно сделать вывод из свидетельства Ипатьевской летописи, надеялся добиться от Гезы II новой военной помощи для борьбы с дядей. Скорее всего, именно так следует трактовать летописные известия: «Тогда же и Володимеръ Мьстиславичь пусти матерь свою, Мьстиславлю, въ Оугры ко королеви, зятеви своему. Король же вда много имения тещи своеи»[1563]. Судя по месту расположения этих известий в Ипатьевской летописи, эта поездка, скорее всего, состоялась в конце 1155 г.

Посылка ко двору Гезы II его тёщи, скорее всего, была вызвана не только расчётом на то, что совместными усилиями его весьма деятельной жены и её матери удастся убедить короля в необходимости изменить с венгерской военной помощью политическую ситуацию в южной Руси, которая, как показано выше, стала для Венгрии весьма неблагоприятной. Если бы Владимир Мстиславич отправил ко двору Гезы II своих послов, это могло бы вызвать резкую негативную реакцию Юрия, а тут вроде бы вдова Мстислава Великого поехала навестить свою дочь и внуков, хотя вряд ли можно сомневаться в

[1562] Там же. Т. I. Стб. 345–346; Т. II. Стб. 480–481.
[1563] Там же. Т. II. Стб. 482–483.

том, что вдовствующая княгиня имела от сына конкретные указания по поводу привлечения зятя к делу выяснения междукняжеских отношений на Руси. Незадолго до визита тёщи Геза II (в первой половине 1155 г.) заключил перемирие с Мануилом Комнином сроком на пять лет[1564]. Казалось бы, после этого король вполне мог оказать военную помощь своим русским родственникам, нуждавшихся в ней в тот момент более остро, чем в своё время Изяслав Мстиславич – в разгар борьбы с Юрием Долгоруким за Киев. Однако внешнеполитическая ситуация и обстановка в южной Руси не позволяли Гезе II отправить даже часть венгерского войска на Русь.

Если говорить о положении на Руси, то венгерская правящая верхушка, безусловно, понимала, что политика замирения Юрия Владимировича со своими бывшими противниками принесла определенные плоды, а среди Мстиславичей после смерти Изяслава не было равного ему лидера. Чтобы в таких условиях «добыть» Киев для одного из своих родственников, Гезе II пришлось бы вновь посылать на Русь всё королевское войско, включая отряды из всех комитатов. При этом необходимо было учитывать и сохранение на границах Венгрии сильного Галицкого княжества, где правил зять Юрия Долгорукого Ярослав Владимирович (Осмомысл), который, как можно сделать вывод из летописных текстов, никогда не ослушивался тестя, когда тот приказывал ему выступить в поход.

Перемирие Гезы II с Мануилом I Комнином было весьма хрупким. Оба противника пытались переломить ситуацию в свою пользу. В июле 1156 г. послы византийского императора в Нюрнберге предлагали Фридриху I (Барбароссе) развязать войну с Венгрией, рассчитывая на то, что у Фридриха ещё не остыло желание «поставить на место» Гезу II, которое молодой германский император высказывал во время своего вступления на германский престол в 1152 г. Одним из поводов для совместного нападения на Венгрию стала месть за убитого Бориса Калмановича[1565] Однако время «союза двух им-

[1564] МТК. 111. 1.

[1565] Об этом свидетельствует Оттон Фрейзингенский в «Деяниях императора Фридриха». См.: *Ottonis et Rahewinin*.Gesta Friderici I imperatoris / Ed. G. Weitz, B. de Simson. Ed. 2. Hannoverae, 1912. P. 159–160. В пе-

перий» уже прошло. В. Г. Васильевский датировал прекращение этого союза 1155 г.[1566] Хотя Фридрих I, короновавшийся в 1155 г. императорской короной в Риме, не отказался от своих намерений относительно Венгрии, он решил наказать страну, которую правители Германии считали находящейся в ленной зависимости от них, собственными силами. 17 сентября 1156 г. Фридрих I преобразует Австрийское маркграфство в герцогство. Получивший новый титул Генрих II (Язомирготт) берёт на себя обязательство немедленно вторгнуться в Венгрию, если войско Гезы II отправится в поход на Священную Римскую империю[1567]. Тогда же ко двору Фридриха I бежит младший брат Гезы II – герцог Иштван, убеждавший императора дать ему войска для похода против «творящего несправедливости» венгерского короля. Весной 1157 г. герцог во главе немецкого войска выступил в поход против старшего брата, но потерпел поражение и бежал к своему покровителю.

В то время, когда Геза II жил в состоянии угрозы нападения со стороны немецких земель, в юго-западной Руси разгорелась междоусобица среди его русских родственников. В 1156 г., скорее всего, летом, Мстислав Изяславич внезапно напал на «стрыя своего» Владимира Мстиславича, княжившего во Владимире-Волынском и захватил «жену его и м(а)т(е)рь его, и всадивъ я на возы, везе я, Лучьску посла, а стрыи его Володимеръ оутече Перемышлю, а дружину его изограби и товаръ весь о*т*(ъ)я, иже бѣ принесла изъ Оугоръ Мьстиславля, а Володимиръ о*т*туда бѣжа въ Оугры к королевѣ, зятеви своему»[1568]. Нападение племянника на дядю, скорее всего, было актом мести за то, что годом ранее признавший «старшинство» Юрия Долгорукого Владимир Мстиславич участвовал в преследовании Мстислава Изяславича, вынужденного, в конечном счёте, бежать в Польшу[1569]. Захват Мстиславом Изяславичем Владимира-Волынского, вызвавший бегство княжившего там его дяди

реводе на русский язык: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. IV т. Западноевропейские источники. Составл., пер.и комм. *А. В. Назаренко*. М., 2010. С. 249–250.

[1566] Само исследование В. Г. Васильевского на эту тему называется «Из истории Византии в XII веке. Союз двух империй (1148–1155).

[1567] МТК. 111. 1.

[1568] ПСРЛ. Т. II. Стб. 484–485.

[1569] Там же. Т. I. Стб. 345; Т. II. Стб. 479.

Владимира Мстиславича в Венгрию, не повлек за собой поход венгерского войска в юго-западную Русь, хотя Владимир, как известно, был не только шурином Гезы II, но и зятем дяди короля – бана Белуша. Казалось бы, король должен был разгневаться за то, что Мстислав захватил подарки, которые он подарил своей тёще, но никаких действий для наказания дерзкого племянника королевы Геза II, судя по дошедшей до нас информации источников, не предпринял.

Как указывалось выше, в 1156 г. сложилась крайне неблагоприятная обстановка для Венгерского королевства, перед которым открывалась альтернатива: либо война с двумя империями, между которыми располагалась Венгрия, либо отражение попытки германского императора Фридриха I (Барбароссы) посадить на венгерский престол мятежного герцога Иштвана. Отправлять в такой ситуации войско для наведения порядка внутри клана Мстиславичей было бы крайне неразумно, поэтому Геза II и не стал этого делать. Отказом венгерского короля вмешаться в междоусобия на Волыни решил воспользоваться Юрий Долгорукий, вспомнивший о своем давнем обещании не оставить без волости своего племянника Владимира Андреевича – сына Андрея Доброго, княжившего в 1119–1132 гг. на Волыни. Зимой 1150/1 г. войско Юрия, в которое вошли также полки его сыновей, Владимира Андреевича и Ярослава Осмомысла, отправилось в поход на Волынь. Позднее к этой княжеской коалиции присоединился вернувшийся из Венгрии Владимир Мстиславич.

Попытка «добыть волость» Владимиру Андреевичу закончилась бесславно[1570]. Вместо волынской «отчины» Юрий, в конечном счёте, дал племяннику, чудом избежавшему гибели под Червеном[1571], Дорогобуж, Пересопницу и Погоринские города[1572]. Неспособность Юрия отобрать волость у Мстислава Изяславича привела к тому, что его авторитет среди Рюриковичей упал настолько, что начался процесс складывания против него новой коалиции, ду-

[1570] См. об этой войне: Там же. Т. I. Стб. 347; Т. II. Стб. 485–487.
[1571] Там же. Т. II. Стб. 486–487.
[1572] Там же. Стб. 488.

шою которой стал смоленский князь Ростислав Мстиславич[1573]. Кроме того, план захвата Киева вынашивал и один из представителей черниговской ветви Рюриковичей – также уже временно княживший в Киеве Изяслав Давыдович. Однако до войны дело не дошло, поскольку Юрий Долгорукий, скорее всего, был отравлен на пиру и умер 15 мая 1157 г. Его смерть вызвала новый этап борьбы за киевский стол. Наиболее авторитетный из тогдашних претендентов на власть в Киеве – Ростислав Мстиславич – не спешил покидать свой Смоленск. Непосредственным же преемником Юрия стал Изяслав Давыдович. Лишь в 1159 г., после изгнания Изяслава из Киева Мстиславом Изяславичем, последний передал киевский стол своему дяде Ростиславу Мстиславичу, прокняжившему в Киеве до своей смерти (1167).

Участие послов Гезы II в решении судьбы Ивана Берладника осенью 1158 г. С княжением в Киеве Изяслава Давыдовича прямо связан один из эпизодов в истории русско-венгерских отношений. Хотя летописные свидетельства об этом крайне скудны, они ясно дают понять, что внешнеполитические приоритеты Гезы II на русских землях к этому времени радикально изменились. Речь идёт о попытке Ярослава Осмомысла добиться от Изяслава Давыдовича выдачи ему давнего врага галицких князей – Ивана Ростиславича (Берладника), которого политически активная часть галичан ещё в 1145 г. пыталась сделать своим князем. Поскольку Владимир Володаревич (1141–1153), которому Иван приходился племянником, и его сын и преемник Ярослав Осмомысл (1153–1187) сумели отстоять галичский стол, Ивану Берладнику пришлось стать князем-изгоем, неоднократно поступавшим на службу к правителям отдельных русских земель[1574]. Сложные отношения сложились у Ивана с Юрием Долгоруким: сначала он собирал для суздальского князя дань с Новгородских земель (1149), но, поскольку Ярослав Осмомысл женился в 1150 г. на дочери Юрия Ольге, Ивану пришлось покинуть северо-восточную

[1573] Там же. Стб. 488–489.
[1574] Основные вехи жизни Ивана Ростиславича Берладника см.: *Донской Д. В.* Рюриковмчи. С. 386–387.

Русь. Ярослав же, как и следовало ожидать, использовал своё родство с Юрием для того, чтобы попытаться с помощью тестя захватить и «обезвредить» своего двоюродного брата, являвшегося для Осмомысла главным соперником, имевшим сторонников среди галичан.

В начале 1157 г. Иван Ростиславич попадает в плен к Юрию Долгорукому, приказавшему привести Берладника в Киев, чтобы передать затем в руки Ярослава Осмомысла. Однако видные деятели Русской церкви во главе с митрополитом осуждают это намерение Юрия, обвиняя его в клятвопреступлении. Пристыженный Юрий отправляет Ивана Ростиславича обратно в Суздаль, но по дороге его освобождают из-под конвоя мужи правившего тогда в Чернигове Изяслава Давыдовича (1151–1157, с перерывом). Так новым местом пребывания Берладника стал Чернигов, а после занятия его покровителем киевского стола Иван, судя по всему, последовал за ним в Киев.

Не имея сил для принуждения Изяслава Давыдовича силой к выдаче Берладника, Ярослав Осмомысл пытается организовать широкое дипломатическое давление на Изяслава, призванное ярко показать последнему, что «общественное мнение» осуждает его покровительство князю-изгою. Летописец перечисляет русских князей и иностранных правителей, поддержавших требование Ярослава выдать ему «стрьичича». Все они прислали своих послов, в том числе венгерский «король мужа своего и от Ляховъ мужь свои»[1575]. Однако достаточно представительной миссии не удалось убедить Изяслава Давыдовича, занявшего на переговорах с ней непримиримую позицию. Как пишет летописец, «Изяславъ же припрѣ всих и, отвѣтъ имъ давъ, отпусти я»[1576]. Тем не менее, Иван Берладник, опасаясь, что противникам Изяслава Давыдовича каким-то образом всё же удастся сломить сопротивление его тогдашнего покровителя, бежал в придунайские районы, считавшиеся окраиной Галицкого княжества, откуда он начал «пакостить» подданным Ярослава Осмомысла.

[1575] ПСРЛ. Т. II. Стб. 496–497.
[1576] Там же. Стб. 497.

Имеющиеся в нашем распоряжении летописные памятники более ничего не сообщают о деятельности венгерских послов на Руси после отказа Изяслава Давыдовича выдать Берладника галицкому князю. В Хлебниковском списке Ипатьевской летописи есть добавление, стоящее перед информацией о посылке Гезой II своего посла к Изяславу Давыдовичу: «коро*л* мужа посла к половце*м*, и половци с муже*м* крѣпко битися съ ни*м*, и му*ж* въротися въспя*т*…»[1577] В. Н. Татищев, имевший в своём распоряжении один из списков Ипатьевской летописи, во второй редакции «Истории Российской» после сообщения о том, что Иван Ростиславич бежал из Киева в Половецкую степь (откуда он потом перебрался на Нижний Дунай), пишет: «Ярославль посол, уведав то, подготовил посла венгерского ехать в Половцы с немалым людством. И первее великим обесчании просили, но видя, что половцы отказали, намерялись силою его взять. А половцы, вооружась, бой с ними учинили, многих побили и послов выгнали»[1578]. Скорее всего, в данном случае в тексте В. Н. Татищева присутствует типичная для него амплификация имевшихся в его распоряжении летописных сведений.

Однако, как видно из приведённого текста примечания, в названных ниже списках венгерский посол приезжает в Половецкую степь *до* начала переговоров в Киеве с Изяславом Давыдовичем, а не *после*, как это представлено у В. Н. Татищева. Возможно, список Ипатьевской летописи, находившийся в распоряжении В. Н. Татищева, был в данном случае более исправным, чем Хлебниковский и Погодинский, поскольку версия историка XVIII в. выглядит более понятной: галичский и венгерский послы отправились в Степь после того, когда переговоры провалились и Иван Берладник бежал из Киева, чтобы добиться своей цели переговорами или силой отнять князя-изгоя у половецких «князей». Если же следовать версии Хлебниковского списка (скопированной в Погодинском), то непонятно, зачем венгерский посол до нача-

[1577] Там же. Примеч. 14.
[1578] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. III. С. 65.

ла переговоров ездил в Степь и почему ему пришлось биться с половецкими «князьями».

С точки зрения темы настоящего исследования самым важным является то, что Геза II в 1158 г. открыто показал себя союзником Ярослава Владимировича, что свидетельствует о восстановлении дружественных отношений между Венгрией и Галичем, прерванных около 1146 г. – после женитьбы Гезы II на Евфросинье Мстиславне. Такой исход внешнеполитической линии венгерского короля на «русском направлении» представляется вполне закономерным. Политическое «измельчание» Мстиславичей, прежде державшихся единым фронтом против Юрия Долгорукого, но после смерти Изяслава Мстиславича не только разделившихся на лояльных и нелояльных Юрию, но и начавших воевать друг с другом, сделало их неперспективными союзниками.

На этом фоне деятельность галицкого князя Ярослава Владимировича (Осмомысла) выглядела более последовательной. Он продолжал линию своего отца на поддержку Юрия Долгорукого (пока тот был жив) и сохранение единства своего княжества. Установление тайного союза между Гезой II и двоюродным братом василевса Мануила I – Андроником Комнином – вынуждало венгерского короля изменить своё отношение к галичскому князю. С точки зрения стабильности внешнеполитического положения Венгрии, Арпады были заинтересованы в поддержании мира на северо-восточных границах своих владений, поэтому смена князя в Галиче естественным образом должна была привести к нормализации отношений между названными государственными образованиями.

В дошедших до нас источниках нет никаких известий, касающихся русско-венгерских отношений в последние три года правления Гезы II. В это время основное внимание венгерской правящей верхушки было обращено на разрешение конфликта в руководстве Католической церкви, где избранному конклавом папе Александру III (1159–1181) германский император Фридрих I Барбаросса (1152–1190) противопоставил своего ставленника Виктора IV

(признанного официально антипапой). Присоединение Гезы II к коалиции государей, поддержавших Александра III, автоматически означало резкое ухудшение отношений со Священной Римской империей. В 1161 г. истекал срок перемирия с Византией, но по обоюдному согласию Гезы II и Мануила I Комнина оно было продлено ещё на пять лет. Участие в борьбе претендентов на высшую власть в Католической церкви отвлекало внимание венгерского короля от вмешательства в русские дела.

3. Новый виток венгерско-византийского противостояния, вызванный смертью Гезы II (1162), и русские княжества

Ситуация в южной Руси в эпоху борьбы Ростислава Мстиславича за утверждение в Киеве. Затянувшийся конфликт между василевсом Мануилом I Комнином (1143–1180) и венгерским королём Гезой II (1141–1162), являвшийся, по сути своей, борьбой за гегемонию на Балканах, продемонстрировал примерное равенство сил противоборствующих сторон. Несмотря на ряд крупных побед византийского войска, одержанных им в 50-е годы XII в., нанести сокрушительное поражение венгерской армии ему так и не удалось. В связи с этим оба названных государя искали союзников в сопредельных странах, в том числе на Руси, однако сделать это было непросто. Утверждение на киевском столе в 1159 г. смоленского князя Ростислава Мстиславича не ослабило накала княжеских усобиц как в «Русской земле», центрами которой были Киев, Чернигов и Переяславль, так и в других регионах Восточной Европы. К тому времени род Рюриковичей разросся уже настолько, что представители практически всех его ветвей вынуждены были регулярно решать проблемы выделения всё новых волостей или городов умножающемуся числу княжичей, дробя некогда обширные области на всё более мелкие владения. Случаи изгнания князей из их владений стали обыденной реальностью.

Своеобразие политической ситуации на юге Руси в момент второго вокняжения в Киеве Ростислава Мстиславича (1159–1167, с перерывом), за-

ключалось в том, что фактически он был посажен на престол своим племянником – владимиро-волынским князем Мстиславом Изяславичем (1156–1170) и правителем Галича Ярославом Осмомыслом (1153–1187). Хотя Ростислав выдвинул при этом условия своего перехода из Смоленска в Киев, Мстислав лишь внешне признавал «старшинство» дяди и при каждом удобном случае вступал с ним в полемику. Так, он решительно отклонил требование Ростислава признать киевским митрополитом Константина I (1155[1579]–1159), хотя в свою очередь вынужден был отказаться от возвращения на митрополичью кафедру Клим(ент)а Смолятича – ставленника отца Мстислава Изяслава Мстиславича. В конечном счёте, были отвергнуты как Клим, так и Константин I, и принято решение просить у константинопольского патриарха нового митрополита[1580]. Проблема эта была решена достаточно быстро, поскольку киевская кафедра вскоре вновь оказалась вакантной: в том же 1159 г. Константин I, бежавший из Киева после прихода туда Мстислава Изяславича (22 декабря 1158 г.[1581]), умер в Чернигове[1582]. Таким образом, главным аспектом взаимоотношений между Киевом и Константинополем на рубеже 50–60-х годов XII в. было восстановление связей между патриархом и киевским митрополитом, служивших Византии главным инструментом политического давления на Русь. В августе 1160 г. в Киев прибыл митрополит Феодор (1160–1163), призванный положить конец церковным «нестроениям» на Руси.

Разумеется, предпринимать в такой ситуации какие-либо действия по привлечению киевского князя в качестве союзника в борьбе с Гезой II было явно преждевременным, поэтому в первые годы после вторичного прихода Ростислава смоленского на киевское княжение вряд ли в Константинополе строили подобные планы. Политическая слабость Ростислава Мстиславича ярко про-

---

[1579] Константин I был рукоположен в киевские митрополиты осенью 1155 г. и прибыл на Русь летом 1156 г. (*Поппе А*. Митрополиты и князья киевской Руси // *Подскальски Герхард*. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.) / Пер. А. В. Назаренко под ред. К. К. Акентьева. СПб., 1996. С. 456.

[1580] ПСРЛ. Т. II. Стб. 503–504.

[1581] Дату захвата Киева Мстиславом Изяславичем (22 декабря 6667 г.) сообщает Ипатьевская летопись (ПСРЛ. Т. II. Стб. 502). В данном случае летопись датирует события по ультрамартовскому стилю (*Бережков Н. Г*. Хронология русского летописания. С. 170–171).

[1582] О бегстве Константина I в Чернигов сообщает Тверской сборник (ПСРЛ. Т. XV. С. 227), а о его смерти – Воскресенская летопись (ПСРЛ. Т. VII. С. 70–71).

явилась в 1161 г., когда он вынужден был временно оставить Киев, уступив его Изяславу Давыдовичу, и вновь владимиро-волынский князь Мстислав Изяславич со своим полком, галичанами и дружинами других князей пришёл на помощь дяде и вернул ему киевский стол[1583]. Всё это не могло не способствовать падению внешнеполитической роли Киева. Тем не менее, как свидетельствует византийский хронист Иоанн Киннам, Константинополь ещё рассматривал Киев как место пребывания «архонта тавроскифов»[1584], т. е. верховного правителя русских земель, и потому василевс обратился, прежде всего, к нему за помощью в 1165 г. (см. ниже).

Прибытие на Русь митрополита Феодора означало не только прекращение противостояния Ростислава Мстиславича и Мстислава Изяславича по церковному вопросу, но и потерю суздальскими князьями положения лидеров «провизантийской партии» на Руси. Более того, Феодору пришлось бороться с церковными «нестроениями» в северо-восточной Руси, где как раз в это время проявилась «Леонтианская ересь» – попытка ростовского епископа Леона навязать своей пастве (а потом митрополиту Феодору и даже императору Мануилу Комнину) свои правила соблюдения постов[1585]. Кроме того, возможно, уже в начале 60-х годов XII в. в суздальский князь Андрей Боголюбский (1157–1174) вынашивал планы организации во Владимире-на-Клязьме второй русской митрополичьей кафедры. По крайней мере, так представляет дело памятник XVI в. – Никоновская летопись[1586].

В раннем русском летописании содержатся крайне скудные данные о деятельности митрополита Феодора, чтобы можно было оценить степень его влияния на политическую жизнь русских княжеств. В раннем летописании вообще отсутствуют сведения об этом. Лишь в Никоновской летописи содержатся известия об участии митрополита в процессе примирения Ростислава Мстиславича с черниговскими князьями Святославом Ольговичем и

[1583] ПСРЛ. Т. II. Стб. 515–518.

[1584] *Бибиков М. В*. Византийский историк Иоанн Киннам. С. 56 (текст), С. 67 (пер.). См. также: *Ioanni Cinnami* Historia. P. 236.

[1585] ПСРЛ. Т. II. Стб. 520–521.

[1586] Впервые Никоновская летопись свидетельствует об этом под 6665 г. в рассказе об избрании Андрея Юрьевича ростово-суздальским князем (ПСРЛ. Т. IX. С. 209), вторично – под 6667 г. (Там же. С. 220).

Святославом Всеволодичем «з детми», после чего «быша вси в мирѣ, в любви, и въ согласіи и въ единствѣ, укрепившеся крестнымъ цѣлованіемъ»[1587]. Скорее всего, митрополит действительно принимал участие в замирении названных князей, однако это отнюдь не означает, что он играл заметную роль в политической жизни русских земель. Он мог всего лишь обеспечивать обряд крестоцелования и произнести полагающиеся при этом речи. Так или иначе, если бы митрополит Феодор представлял собой яркую величину в тогдашней политике, это наверняка было бы отмечено уже в раннем летописании.

Таким образом, на рубеже 50–60-х годов XII в. византийское правительство ещё не могло рассчитывать на Киев как на потенциального союзника в борьбе с Гезой II. Что же касается Андрея Боголюбского, то он, несмотря на традиционные связи суздальских князей с Константинополем, также не годился в союзники Комнинам. Помимо вышеназванных причин, демонстративный отказ Андрея Юрьевича от борьбы за киевское княжение делал проблематичным привлечение его полков к военным операциям на Балканах в силу достаточной удаленности Суздальской земли от Нижнего Дуная, где продолжалось противостояние между василевсом и венгерским королем. При этом суздальский князь отнюдь не отказывался от сохранения завоёванных его отцом позиций на юге Руси. В Переяславле (Южном) княжил его младший брат Глеб Юрьевич. Кроме того, Андрей Боголюбский поддерживал союзнические отношения с Изяславом Давыдовичем – представителем одной из линий черниговских Рюриковичей, который в конце жизни оказался правителем небольшого городка и до последнего боролся с Ростиславом Мстиславичем за Киев, считая свою волость не подобающей его месту в княжеской иерархии[1588]. О том, насколько серьезно относился Андрей к союзу с

[1587] ПСРЛ. Т. IX. С. 230.

[1588] Там же. Т. II. Стб. 517. Судя по этому летописному известию, Изяславу Давыдовичу в конце жизни принадлежал лишь городок Вырь в Черниговской земле. См. об этом: *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси… С. 105.

Изяславом Давыдовичем, свидетельствует их совещание на Волоке в 1160 г.[1589]

Не поддерживая не признанного Константинополем киевского митрополита Климента Смолятича, Андрей Боголюбский проводил по отношению к Византии во многом иную политику, чем его отец Юрий Долгорукий. Поскольку матерью Андрея была половчанка (первая жена Юрия Владимировича), он не проявлял стремления поддерживать тесные связи с Византией, а использовал их для решения своих злободневных политических задач. Так, в 1161 г. Андрей Юрьевич выслал мачеху (гречанку) и её детей (Мстислава, Василька и Всеволода) из своего княжества, вынудив их эмигрировать в Византию[1590]. Судя по всему, не интересовала Андрея и проблема замещения киевской кафедры. Единственным свидетельством сохранения связей суздальского князя с Византией является присутствие его посла в ставке Мануила I в 1164 г.[1591]

На фоне ослабления Киева и временного отказа суздальских князей от вмешательства в южнорусские дела заметно выросла роль Галича, особенно в глазах соседей, боровшихся за гегемонию на Балканах. К тому времени владения галицких князей соприкасались не только с Венгрией, но и с «империей ромеев» на Нижнем Дунае. Естественно, обе державы были заинтересованы в привлечении тогдашнего правителя Галича Ярослава Осмомысла (1153–1187) на свою сторону. При этом ситуация была достаточно сложной. Как известно, с первых лет своего княжения Ярослав взял курс на нормализацию отношений с Арпадами, о чём уже говорилось выше. Кроме того, Гезу II и галицкого князя сближало то, что их родственники, оспаривавшие у них престол (герцоги Ласло и Иштван, а также Иван Берладник) скрывались в Византии.

Поскольку Ярослав Осмомысл был одним из тех, кто посадил на киевский стол Ростислава Мстиславича, между этими князьями возник союз, направ-

[1589] ПСРЛ. Т. II. Стб. 509.
[1590] Там же. Стб. 520.
[1591] Там же. Т. I. Стб. 352.

ленный против «берладников» и нападавших на земли к северу от низовьев Дуная половцев. При этом Ростислав, судя по всему, признавал эти территории владением галичского князя. Такое глубокое продвижение Ярослава на юг не могло не обеспокоить Византию. В 1162 г. к Мануилу I прибыли высланные Андреем Боголюбским его мачеха и сводные братья[1592]. По свидетельству византийского хрониста Иоанна Киннама, одному из них – Васильку – император дал во владение четыре города на Дунае[1593], чтобы тот сдерживал проникновение галичского князя в Северное Причерноморье[1594].

По мнению В. Т. Пашуто, экспансия Ярослава Осмомысла в южном направлении затрагивала интересы не только Византии, но и Венгрии, Польши и половцев[1595]. Однако все они (кроме половцев) в конечном счёте признали права галичского князя на эти территории, поскольку в противном случае там оставалось бы становище «берладников» – разбойничьей вольницы, разорявшей купеческие караваны. Солидарность многих русских князей, а также венгерского короля и польских князей в деле борьбы с понизовскими разбойниками ярко проявилась ещё в 1158 г., когда Ярославу Осмомыслу удалось организовать «дипломатическую атаку» приехавших в Киев послов названных правителей к тогдашнему киевскому князю Изяславу Давыдовичу, потребовавших от него выдачи Ивана Берладника. Последний, несмотря на то, что его покровитель «припрѣ всих», бежал сначала к половцам[1596], а затем в Византию.

Мануил Комнин не оказал Ивану Ростиславичу конкретной помощи, но и не стал выдавать или высылать его из своих владений. В конечном счёте василевс, видимо, не захотел усугублять отношения с Ярославом Осмомыслом в условиях обозначившегося сближения галицкого князя с Венгрией. Находившийся в Фессалониках Иван Ростиславич (Берладник) был в 1161 г. от-

---

[1592] Там же. Т. II. Стб. 521.
[1593] *Бибиков М. В.* Византийский историк Иоанн Киннам… С. 56 (текст), С. 67 (пер.). См. также: *Ioanni Cinnami* Historia. P. 237.
[1594] Очерки истории СССР. IX–XIII вв. М., 1953. С. 369 (автор – В. Т. Пашуто).
[1595] Там же.
[1596] ПСРЛ. Т. II. Стб. 496–497..

равлен[1597], возможно, с санкции императора «ромеев»[1598]. Известие о смерти соперника, несомненно, было встречено положительно в Галиче. Однако у Ярослава был в Византии ещё один двоюродный брат – Андроник Комнин, находившийся в то время в константинопольской тюрьме (в том числе, по обвинению в связях с Гезой II), с которым у галичского князя (как показали последующие события) сохранялись родственные связи. Последний фактор явно не способствовал улучшению отношений между Галичем и Константинополем.

Таким образом, в год смерти Гезы II (1162) Византия и Галицкое княжество находились в состоянии «мирного сосуществования». Улучшение отношений Ярослава Осмомысла с Венгрией не соответствовало планам Мануила I Комнина, однако он пока ничего не мог предпринять для восстановления союзнических отношений с Галичем, существовавших в годы княжения там Владимира Володаревича (1141–1153). Более того, Византия (как указывалось выше) в то время рассматривала Галицкое княжество как потенциальную угрозу своим владениям и, по мнению В. Т. Пашуто, пыталась «противопоставить на Дунае Осмомыслу других русских князей, в частности дав изгнанным Андреем Боголюбским суздальским князьям Василько три города «в Дунаи», а Мстиславу «волость Отскалана…[1599]»[1600]. Тем не менее, как показали последующие события, в Константинополе не отказывались от планов восстановления византийско-галицкого союза. Попытка вернуть отношения между двумя государствами к тому состоянию, в каком они находились при Владимире Володаревиче (1141–1153), произошло это уже в середине 1160-х гг., после возвращения бежавшего в Галич Андроника Комнина на родину.

Венгрия на рубеже 50–60-х годов XII в. Последние годы правления Гезы II были отмечены попытками короля наладить отношения со своими братьями.

[1597] ПСРЛ. Т. II. Стб. 519.
[1598] Такую гипотезу выдвигает В. Т. Пашуто (Очерки истории СССР. IX–XIII вв. С. 369).
[1599] Ссылка на: ПСРЛ. Т. II. Стб. 521. В данном случае летописные известия разнятся с информацией хроники Иоанна Киннама, где говорится о четырёх городах.
[1600] Очерки истории СССР. IX–XIII вв. С. 369.

Главной причиной раздоров в роде Арпадов было стремление Гезы II передать престол своему малолетнему сыну Иштвану (будущий Иштван III), несмотря на то, что в Венгрии не было закрепившейся традиции престолонаследия от отца к сыну. В данном случае многодетность Белы II (1131–1141) стала одной из причин борьбы за власть, потрясавшей Венгрию в 1163–1165 гг. Дядья принца Иштвана – герцоги Ласло и Иштван – отвергали любые попытки старшего брата компенсировать им лишение прав наследования престола повышением их статуса примерно до уровня «младших королей»[1601].

Герцог Иштван впервые появился в Византии ещё в 1158 г., после неудачной попытки найти военную помощь для борьбы за венгерский трон у германского императора Фридриха I Барбароссы (1152–1190). Мануил I Комнин (1143–1180) не только радушно принял его, но и женил на своей племяннице Марии. Вскоре в Византии оказался и герцог Ласло, скорее всего, в 1159 г.[1602] В то время Венгрия и «империя ромеев» находились в состоянии временного перемирия, которое, предположительно, было заключено в 1155 г. сроком на пять лет[1603]. Сложная международная обстановка, прежде всего, война с иконийским султаном Кылич-Арсланом II (1156–1188), не давали возможности Мануилу I оказать военную поддержку венгерским герцогам.

Поскольку боевые действия на востоке затянулись до 1161 г. и отняли у Мануила много сил и средств, он продлил в том же году перемирие с Гезой II ещё на пять лет[1604]. Эта ситуация могла бы стать благоприятной для Гезы II, не оставлявшего планов реванша василевсу за неудачные войны с ним в первой половине 50-х годов XII в., однако в тот момент у венгерского короля вновь ухудшились отношения с Германией. Хотя Фридрих Барбаросса перестал в 1158 г. поддерживать бежавшего к нему герцога Иштвана и открыто

[1601] Согласно традиции, существовавшей в роде Арпадов со времени правления Эндре I (1046–1060), наследнику венгерского престола выделялась в управление часть государства (примерно треть), где он постигал на практике искусство правления страной. Эта территория в документах называлась «дукатом» (ducatus). В. П. Шушарин переводит его (применительно к братьям Гезы II) как «герцогское держание» (в пометках на полях не изданного перевода на русский язык «Венгерской хроники» Яноша Туроци, сделанного Д. А. Дрбоглавом).

[1602] MTK. I. k. 112. l.; MT. I. k. 1214. l.

[1603] MTK. 111. l.; MT. I. k. 1531. l.

[1604] MTK. 113. l.; MT. I. k. 1532. l.

заявил об этом венгерским послам (епископу Дярфашу и удваришпану[1605] Генриху), в 1160 г. достигает своей кульминации противостояние германского императора с папством, поэтому Фридрих остро нуждался в поддержке своих действий европейскими государями.

Именно тогда (11 февраля 1160 г.) созванный в Павии альтернативный церковный собор в пику избранному конклавом папе Александру III (1159–1181) признал выдвинутого Фридрихом I антипапу Виктора IV. После этого собора германский император пытался оказывать давление на все католические государства, добиваясь признания их правителями и примасами своего ставленника. Уже 27 марта 1160 г. в Венгрию прибыл пражский епископ Даниил, посол Фридриха I Барбароссы, с целью склонить Гезу II к поддержке решений собора в Павии. Однако главой венгерской церкви – архиепископом эстергомским – был в то время Лукач (Банфи), убежденный сторонник Александра III. Оказав епископу Даниилу пышный приём, Геза II в 1160 г. уклонился от прямого ответа на вопрос о признании Виктора IV, а в следующем году венгерский король не только решительно встал на сторону Александра III, но и предложил французскому королю Людовику VII, также поддерживавшему папу Александра, союз против Фридриха Барбароссы[1606].

В таких условиях Геза II не мог воспользоваться благоприятной ситуацией на южных границах и вынужден был смириться с тем, что его братья представляют теперь для него более реальную угрозу, поскольку в случае отражения Мануилом I натиска на восточные владения Византии василевс мог направить свою армию в Венгрию для утверждения на престоле одного из бежавших к нему венгерских герцогов. Кстати, в 1161 г. некие «скифы перешли Истр (Нижний Дунай. – *М. Ю.*), чтобы совершить набег на ромеев», однако в то время Мануил I уже вернулся в свою столицу и, узнав о набеге, сразу же «устремился на скифов», которые при приближении его войска, «быст-

[1605] Удваришпаном в средневековой Венгрии называли начальника дворцовой стражи.
[1606] МТК. 113. l.; МТ. 1216. l.

ро собравшись, ушли»[1607]. По мнению историков, под упоминаемыми Киннамом «скифами» следует понимать одну из групп кочевавших к северу от Дуная половцев[1608].

Последний год правления Гезы II прошёл под знаком укрепления связей Венгрии с папским престолом. Заявив весной 1161 г. о непризнании Виктора IV, Геза II заключил с Александром III конкордат[1609]. Осенью того же года Геза II не только подтвердил послу Фридриха I Барбароссы верность Венгрии Александру III, но и отказал германскому императору в военной помощи против мятежного Милана, а после того как 1 марта 1162 г. этот город был захвачен войсками Фридриха, венгерский король дал приют части его жителей, покинувших родину[1610]. К. Я. Грот уделяет особое внимание анализу политической ситуации в Венгрии в последние годы правления Гезы II с точки зрения влияния на тогдашнюю элиту главных христианских конфессий. По мнению учёного, на землях венгерской короны издавна существовали две боровшиеся между собой «партии»: «народная» (по преимуществу славянская), стоявшая «за старую веру, старые порядки и самобытность во всём», и «западническая», преданная «латинству, западной культуре и всему иноземному»[1611]. Обострение отношений с Византией в конце 40-х годов XII в., когда Венгрия стала союзницей сицилийских норманнов, привело, по мнению К. Я. Грота, к постепенному втягиванию Гезы II в политические интересы западноевропейских государств.

В начале 1150-х годов венгерский король сближается с австрийским герцогом Генрихом Язомирготтом (1156–1177) и чешским королём Владиславом II (1140–1172) и отдаляется от Руси и Сербии. Этой тенденции во внешней политике Венгрии способствовали смерть шурина Гезы II Изяслава Мстиславича (1154) и временное отсутствие при венгерском дворе дяди короля – бана Белуша, который в 1157/8 г. вынужден был уехать на родину и до

[1607] Об этом сообщает Иоанн Киннам в книге 4 свой «Истории» (*Бибиков М. В*. Византийский историк Иоанн Киннам… С. 55 (текст), С. 66 (пер.). См. также: *Ioanni Cinnami* Historia. P. 201–202).
[1608] Обзор мнений см.: *Бибиков М. В*. Византийский историк Иоанн Киннам…. С. 127 и примеч. 186.
[1609] MTK. 113. l.; MT. 1217. l.
[1610] MTK. 113. l.
[1611] *Грот К. Я*. Из истории Угрии и славянства. С. 219.

1163 г. был правителем Сербии[1612]. По мнению К. Я. Грота и современных венгерских историков, причиной опалы Белуша было его сочувствие герцогу Иштвану, обнаружившееся при раскрытии заговора последнего против Гезы II[1613]. При этом К. Я. Грот причислял к «народной партии» и герцогов Ласло и Иштвана, что вызывает большие сомнения[1614], поскольку в источниках не содержится никаких сведений о приверженности братьев Гезы II православию. Тем не менее, по мнению К. Я. Грота, удаление из Венгрии названных близких родственников Гезы II «красноречиво свидетельствует о прочном торжестве в угорском правительстве и полнейшем влиянии на короля партии приверженцев Запада, иноземного политического влияния и латинской церкви. Давнишние старания и происки последних принесли желанные плоды. Королева Евфросинья, очевидно, не играла уже прежней влиятельной роли, да и сама, вероятна, была уже не та…»[1615].

Тема борьбы православного и католического влияний в Венгрии в XII в. проходит «красной нитью» через весь текст цитированной монографии К. Я. Грота. На основании имеющихся в нашем распоряжении источников трудно сказать, насколько исследователь близок к истине в решении этого вопроса. Что же касается тезиса о том, что Евфросинья Мстиславна «была уже не та», то его можно оспорить. Последующие события венгерской истории свидетельствуют о том, что королева принимала настолько активное участие в политической жизни страны, что её сын Бела III (1172–1196) вынужден был в 1186 г. сначала арестовать её, а затем выслать в Византию[1616]. Вместе с тем нельзя не признать, что влияние Евфросиньи на рубеже 50–60-х годов XII в. временно ослабело, и немалую роль в этом сыграло удаление от двора её единоверца бана Белуша. В последние годы правления Гезы II внешнеполитические приоритеты Венгрии переместились на западное направление. Захваченный идеей организации военного союза против Фридриха Барбароссы

[1612] KMTL. 639. l.
[1613] *Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства… С. 221, 231; KMTL. 96. l. *Makk F.* Magyar külpolitika (896–1196). 2. kiad. 194. l.
[1614] *Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства. С. 233.
[1615] Там же. С. 233–234.
[1616] MTK. 120. 1.

венгерский король, как указывалось выше, заключил очередное перемирие с Мануилом Комнином и отказался от поддержания связей с дружественными православными соседями – Сербией и русскими княжествами.

Борьба за власть в Венгрии после смерти Гезы II. 31 мая 1162 г. Геза II умирает в возрасте около 30 лет. Естественно, его сын и наследник Иштван III (1162, 1163–1172) был ещё совсем юным. Как известно, он родился в 1147 г., во время II крестового похода, и его крёстным отцом был находившийся тогда в Венгрии французский король Людовик VII. Смерть Гезы II послужила сигналом для василевса Мануила I, который сразу же по получении известия об этом отправился с войском и герцогом Иштваном в сторону Белграда (*венг*. Нандорфехервар). Евфросинье Мстиславне пришлось пожинать плоды политики своего покойного мужа, в результате которой основная масса тогдашней элиты не поддержала вдовствующую королеву и объявленного Гезой II преемника. Первое правление Иштвана III длилось один месяц или чуть больше, и, в силу сложившейся ситуации, он в то время не был коронован. Хотя венгерская знать не поддерживала ставленника византийского императора – герцога Иштвана, ей удалось договориться с Мануилом Комнином, согласившимся на занятие престола более старшим из оставшихся в живых братьев Гезы II – герцогом Ласло. Несмотря на категорический отказ примаса Венгрии – эстергомского архиепископа Лукача короновать Ласло, инаугурацию нового короля провёл (в нарушение установленной традиции) калочский архиепископ Мико – второй в иерархии средневековой венгерской католической церкви. Архиепископ Лукач за наложенный им на страну интердикт и отлучение от церкви коронованного Ласло II был посажен в тюрьму. Таким образом, самый авторитетный союзник Евфросиньи в то время ничем не мог ей помочь, и Иштвану III пришлось бежать в Австрию.

Кратковременное правление Ласло II (июль 1162 г. – январь 1163 г.) не оставило заметного следа в истории Венгрии. Это было время полного затишья во внешней политике Арпадов. Что же касается соседей Венгерского коро-

левства, то они, как это обычно бывает при смене соседнего государя, должны были «выдержать паузу», пока новый правитель не определится с составом своей свиты и внешнеполитическими приоритетами. Единственной акцией, связанной с отношениями с внешним миром при Ласло II, было обращение к нему папы Александра III с ходатайством об освобождении из тюрьмы эстергомского архиепископа Лукача. Король формально исполнил просьбу папы, приказав отпустить примаса на свободу на Рождество (25 декабря 1162 г.), но фактически Лукач в тот же день вернулся в место своего заключения, поскольку отказался отменить наложенный на Венгрию интердикт.

Смерть Ласло II 14 января 1163 г. привела к некоторому смягчению политической ситуации в стране. Эстергомский архиепископ вышел, наконец, на свободу, после чего не только решительно отказался короновать следующего из сыновей Белы II герцога Иштвана, вошедшего в историю как антикороль Иштван IV (январь–июнь 1163), но и сразу же отлучил его от церкви. В связи с этим обряд коронации вновь пришлось проводить более сговорчивому калочскому архиепископу Мико. Новый король был более желанным для Мануила I Комнина, что заметно снижало его популярность у венгерской элиты и, возможно, у части народа[1617]. После коронации Иштвана IV, состоявшейся 27 января, в поддержку находившегося тогда уже в Пожони (Братиславе) Иштвана III поднял мятеж один из знатнейших в Венгрии род Чаков[1618]. В марте 1163 г. пребывавший в Филиппополе Мануил I отправил одного из своих военачальников на помощь Иштвану IV. Этот шаг принёс «антикоролю» политический ущерб, поскольку он сам справился с мятежом Чаков, а венгерскому обществу стало ещё яснее, кто является гарантом сохранения власти Иштвана IV.

[1617] См. подробнее о ситуации в Венгрии в кратковременное правление Иштвана (Стефана) IV в кн.: *Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства. С. 278–286. При этом К. Я. Грот придерживается прежней, пересмотренной на рубеже XIX–XX вв., хронологии событий рассматриваемого времени, согласно которой Иштван IV находился у власти в 1162 г. По мнению исследователя, Иштвана IV, женившегося на племяннице василевса Мануила, могло поддерживать православное население Венгрии.

[1618] МТК. 114. 1.

Последнее обстоятельство способствовало росту симпатий к Иштвану III. К тому времени в Венгрию вернулся оставивший трон великого жупана Сербии (вассального Византии) бан Белуш, вновь занявший высшую придворную должность надора – теперь уже у своего внучатого племянника Иштвана III[1619]. Возвращение Белуша, несомненно, укрепило позиции вдовствующей королевы Евфросиньи Мстиславны. Она и Белуш, в силу своего православного вероисповедания и антивизантийских политических взглядов, объективно стремились к полной независимости Венгрии от соседних империй. Кстати, как раз в это время, в мае 1163 г., германский император Фридрих I Барбаросса готовился к походу в Венгрию, чтобы принять участие в борьбе за корону св. Иштвана[1620]. Интервенцию немецких рыцарей спасли решительные действия Иштвана III и его сторонников, нанёсших 19 июня того же года поражение войску Иштвана IV под стенами одной из венгерских столиц – Секешфехервара.

Возвращение Иштваном III верховной власти принципиально не изменило внешнеполитическую ситуацию вокруг Венгрии. Попавший в плен Иштван IV был по совету архиепископа Лукача выслан из страны и начал поиски новой военной помощи у своих прежних покровителей. Вначале он отправился к Мануилу Комнину, предложив ему Венгрию в качестве лена, однако василевс уже начал разочаровываться в своём ставленнике[1621] и, отправившись в поход на Средний Дунай, поспешил заключить мир с Иштваном III у Белграда, после чего объявил о помолвке своей дочери Марии с младшим братом Иштвана III – герцогом Белой (будущий Бела III). Иштван III и его окружение приняли предложение Мануила I и осенью 1163 г. отправили Белу в Византию. Скорее всего, они надеялись на то, что установление новых матримониальных связей с Комнинами будет способствовать нормализации отношений между двумя государствами. Однако на самом деле василевс затеял

[1619] Ibid. Хотя в 1157 г. Белуш, вероятно, поддерживал герцога Иштвана, после бегства которого он уехал в Сербию, в 1163 г. он стал надором Иштвана III, а не Иштвана IV. Последний сделал надором хорвато-боснийского бана Тамаша.
[1620] Ibid.
[1621] По свидетельству Иоанна Киннама, Мануил I Комнин посоветовал тогда Иштвану IV отказаться от своих прав на венгерский престол. См.: *Ioanni Cinnami* Historia. P. 224.

очень тонкую игру. Сделав Белу (принявшего греческое имя Алексей) «деспотом Хорватии и Далмации», Мануил всячески старался помочь ему овладеть принадлежавшими ему якобы по праву наследования византийского престола территории[1622]. Это произошло еще в конце 1163 г.[1623], а в начале следующего года хорвато-далматинский бан Ампуд вторгся в Далмацию с венгерскими войсками, намереваясь вернуть её в состав владений венгерской короны.

В марте 1164 г. Иштван IV уже просит помощь у Фридриха I Барбароссы, но германский император встаёт на сторону Иштвана III. Тогда потерявший престол венгерский «антикороль» вновь отправляется в Византию. В рамках борьбы за возвращение Хорватии и Далмации Мануил I Комнин решил вновь поддержать Иштвана IV, чтобы раздробить силы противника. Таким образом, весной 1164 г. внешнеполитическая ситуация вокруг Венгрии окончательно прояснилась. Нормализовать отношения с Византией Иштвану III не удалось, и он должен был ради сохранения престола привлечь помощь всех возможных союзников. По свидетельству источников, вступившее на территорию Венгерского королевства византийское войско во главе с Мануилом I, которого сопровождали герцог Бела-Алексей и двойник Иштвана IV, восторженно встречало местное население под руководством православных священников[1624]. Однако этого оказалось явно недостаточно для достижения цели, которую ставил перед собой василевс. Фридрих I направил на помощь Иштвану III австрийские отряды, по призыву Евфросиньи Мстиславны в войско её старшего сына влились полки, приведённые чешским королем Владиславом II, и, по свидетельству Киннама, некие «скифы, живущие у Тавра»[1625].

Последнее известие имеет прямое отношение, по крайней мере, к одному из народов Восточной Европы. Исследователи до сих пор не пришли к еди-

---

[1622] Хотя эти земли в начале XII в. вошли в состав владений венгерской короны, Византия продолжала считать их своими, поэтому Мануил Комнин противопоставил «деспота Хорватии и Далмации» управлявшему этими территориями от имени венгерского короля «бану». По свидетельству Иоанна Киннама, эти территории были завещаны Беле ещё его отцом (*Ioanni Cinnami* Historia. P. 215).

[1623] МТК. 114. l.

[1624] Ibid.

[1625] *Бибиков М. В.* Византийский историк Иоанн Киннам… С. 55 (текст), С. 66 (пер.). См. также: *Ioanni Cinnami* Historia. P. 218.

ному выводу по поводу того, кого в данном случае имеет в виду византийский хронист. Уже в XVIII в. возникла версия о том, «живущими у Тавра скифами» являются галичане, т. е. военная помощь, присланная Ярославом Осмомыслом. Так, И. Катона пишет в своей «Критической истории» (под 1163 г.)[1626], что «скифов» в рассматриваемом известии Киннама «следует понимать как русских, т. е. киевлян, из которых мать Иштвана III, Ефросинья, вела своё происхождение, или галичан, дочь князя которых тот же король просил себе в невесты, как мы видим впоследствии»[1627].

Вторую версию поддержал современник И. Катоны Й.-Х. Энгель, характеризуя внешнюю политику Ярослава Осмомысла в 1160–1167 гг. следующим образом: «Ярослав не вмешивался теперь ни в какие войны, ни в какие дела, но, если необходимо, он посылал своим родственникам и союзникам своего воеводу[1628] с войсками. Так, напр., мы обнаруживаем, что около 1163 г. Ярославовы вспомогательные отряды содействуют его зятю Стефану против Греков»[1629]. Как видно из приведённой цитаты, Й.-Х. Энгель не только не приводит никаких аргументов в доказательство своего утверждения о вмешательстве галичского князя в борьбу Иштвана III с Мануилом Комнином, но и также бездоказательно утверждает, что Иштван III был зятем Ярослава Владимировича. И. Катона в данном случае выражается точнее, поскольку, как показано ниже, дочь Ярослава так и не стала женой Иштвана III.

Отечественные историки XIX в. практически не затрагивали проблему идентификации «скифов, живущих у Тавра», поскольку не привлекали хронику Иоанна Киннама в своих исследованиях. Единственным исключением из этого правила стал К. Я. Грот. Воссоздавая в своём исследовании, посвящённом отношениям венгерских королей с соседними славянскими народами в 1141–1173 гг., картину противостояния Мануила I Комнина и Иштвана III, К. Я. Грот регулярно опирается на свидетельства Киннама, используя их,

[1626] Традиция датировать смерть Гезы II 1161 г. и последующие события борьбы Иштвана III с дядьями и их покровителем Манулом I Комнином, соответственно, на год раньше, чем они произошли на самом деле, держалась в исторической науке до конца XIX в., пока их хронология не была уточнена Д. Паулером.
[1627] *Katona S.* Historia critica regum Hungariae stirpis Arpadianae. T. IV. P. 52.
[1628] В оригинальном тексте Й.-Х. Энгеля в данном случае употреблено слово „General”.
[1629] *Engel J.-Ch.* Geschichte von Halitsch und Wladimir… Bd. I. S. 155.

прежде всего, как источник по истории венгерско-византийских отношений того времени, и приводя в сносках цитаты из оригинального текста греческого автора. Последнее обстоятельство не помешало К. Я. Гроту сделать единственное предположение о том, что в «тавроскифах» следует видеть, «вероятно, галицких Русских»[1630]. Далее историк поясняет, что «помощь пришла из галицкой Руси, куда Стефан обратился, без сомнения, по совету своей матери, королевы Евфросиньи, ещё не утратившей влияния на сына и ещё стоявшей у власти. Дружественные отношения к тогдашнему галицко-русскому князю Ярославу Владимировичу (Осмомыслу), сохранились, очевидно, как наследие Гейзы, который, как мы видели выше, оказал ему в 1158 году дипломатическую поддержку в распре с киевским князем (Изяславом Давыдовичем) из-за Ивана Берладника. Евфросинья, естественно, старалась поддерживать эти отношения к своим соплеменникам, да и у самого Стефана могли быть врожденные симпатии к Руси. Едва ли может быть сомнение, что в это самое время была не только заведена речь о браке короля угорского с дочерью князя Ярослава Галицкого, но тогда совершена и помолвка…»[1631].

Д. Паулер, одной из заслуг которого является установление более точной хронологии событий венгерской истории начала 1160-х гг., также считал упомянутых Киннамом «тавроскифов» воинами, присланными Ярославом Осмомыслом, не приводя при этом никаких ссылок на источники и не опираясь на работы своих предшественников, но объясняя это тем, что дочь Ярослава была помолвлена с Иштваном III[1632]. Традиция подобного объяснения тождествениости загадочных союзников Иштвана III с галичанами закрепилась в последующей венгерской историографии и дожила до наших дней[1633]. Примерно также считал М. С. Грушевский, писавший о том, что «Венгрия искала поддержки у Ярослава. На этом основании возник проект – женить

[1630] *Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства… С. 302.
[1631] Там же. С. 303.
[1632] *Pauler Gy.* A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt. I. k. 302. l.
[1633] См.: *Hóman B. és Szegfű Gy.* Magyar történet.. I. k. 379–380. l.; *Kristó Gy.* Az Árpád-kor haborúi. 88–90. l.; MT. 1225–1226. l.; *Makk F.* Magyar külpolitika (896–1196). 2. kiad. 201. l.; *Font M.* Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek. 179. l. См. также: *Фонт М.* Венгерско-русские политические связи в XII веке (1118–1199 гг.). С. 103.

молодого короля на Ярославне»[1634]. А. В. Флоровский писал по поводу рассматриваемых событий следующее: «Сообщение Киннама о движении русских и Владислава с его чехами на помощь уграм в 1164 г., по-видимому, не соответствует действительности, – уже в 1164 году чехи заключили договор с Мануилом Комнином»[1635]. О том, кем были эти русские, историк ничего не говорит.

В послевоенную эпоху гипотезу об участии галичских полков в отражении Иштваном III с византийского натиска поддерживали находившийся в эмиграции русский историк В. А. Мошин, а также советский византинист М. В. Левченко[1636], в то время как исследователь творчества Киннама М. М. Фрейденберг считал, что в данном случае речь идёт о кочевых придунайских племенах. Исследователь аргументировал свою точку зрения тем, что Киннам употребляет в рассматриваемой фразе выражение «τῶν πρὸς τῷ Ταύρῳ ἱδρυμένων Σκυθῶν»[1637], т. е. «совсем другое выражение, чем при характеристике русских (ср. χώρας Ταυροσκυθικῆς[1638]). Это заставляет нас видеть в упомянутых им «скифах» кочевые (возможно, половецкие) племена»[1639].

В. Т. Пашуто, опираясь (помимо хроники Киннама) на работы А. В. Флоровского и С. П. Шестакова[1640], считал, что на стороне Иштвана III в 1164 г. сражались не галичские, а волынские отряды, «тогда как послы другой, суздальской, группировки находились в ставке Мануила»[1641]. Последнее утверждение В. Т. Пашуто опирается на летописный рассказ о попытках изгнанного Андреем Боголюбским ростовского епископа Леона найти поддержку сво-

---

[1634] *Грушевський М.* Історія. України–Руси. Т. II. С. 441.

[1635] *Флоровский А. В.* Чехи и восточные славяне. С. 88. При этом дается ссылка на: *Novotný V.* České dějiny. I. 2. Praha, 1913. S. 942–944.

[1636] *Мошин В.А.* Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI–XII вв. // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. Статьи по истории и типологии русской культуры. Сост. А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский. М., 2002. С. 348 (статья вышла в 1947–1950 гг.); *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 485.

[1637] В русском переводе «у Тавра живущих скифов».

[1638] В русском переводе «страны тавроскифской».

[1639] *Фрейденберг М. М.* Труд Иоанна Киннама как исторический источник. С. 37, примеч. 88.

[1640] В работе С. П. Шестакова рассматриваются стихотворные произведения панегирического жанра, посвящённые византийским императорам из династии Комнинов. Поскольку эти стихи не имеют точных датировок, и в них прославляются, прежде всего, военные победы василевсов за много лет, они никак не могут помочь в разрешении рассматриваемой проблемы. См.: *Шестаков С. П.* Заметки к стихотворениям Codicis Marciani gr. 524 // Византийский временник. Т. XXIV (1923–1926). С. 49–50.

[1641] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 179.

им взглядам относительно правил соблюдения постов у императора Мануила, которого он нашёл на Нижнем Дунае во время похода византийского войска против Иштвана III. Как известно, в ставке василевса в то время находились послы некоторых русских князей[1642] (см. об этом ниже).

М. В. Бибиков в своём комментарии к пассажу Киннама, в котором перечисляются союзники Иштвана III в 1164 г., считает, что, «скорее всего», прав М. М. Фрейденберг, и здесь упоминаются, вероятно, половецкие племена. «Однако в XII в. «скифами у Тавра» византийцы называли и русских[1643]. В таком случае не исключено участие русских дружин в византийско-венгерских войнах этого периода (ср.: *Бибиков М. В*. Древняя Русь и Византия в свете новых и малоизвестных византийских источников // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 296 и след.). Таким же образом этот этноним интерпретируется и Ч. Брандом[1644]»[1645].

Как видно из краткого историографического обзора, вопрос о том, из какого региона Восточной Европы пришла в 1164 г. помощь Иштвану III, остаётся открытым. К сожалению, имеющиеся у нас известия источников не позволяют дать на него исчерпывающий ответ. Тем не менее, среди двух главных версий, которые выдвигают исследователи, более вероятной представляется участие в рассматриваемых событиях галичского войска, а не кочевавших в Северном Причерноморье неизвестных степняков. Поддержать эту точку зрения, сторонников которой заметно больше, чем у противоположной, меня побуждают следующие доводы.

Представляется обоснованной убеждённость большинства исследователей в том, что Галицкое княжество было в то время союзником Иштвана III. На это намекает тот факт, что среди русских послов, прибывших в ставку Мануила Комнина во время его похода в Венгрию 1164 г., не было представите-

---

[1642] См. об этом: ПСРЛ. Т. I. Стб. 352.
[1643] Ссылка на: *Бибиков М. В*. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа // Древнейшие государства на территории СССР. 1980 год. М., 1981. С. 61 и след.
[1644] Ссылка на: *Brand Ch.* Deeds of John and Manuel Comnenus by John Kinnamos. N.-Y., 1976. P. 165.
[1645] *Бибиков М. В*. Византийский историк Иоанн Киннам… С. 130, примеч. 194.

лей Ярослава Осмомысла[1646], владения которого, как известно, простирались тогда до низовьев Дуная. Демонстративное отсутствие галичских послов в ставке василевса, когда армия последнего находилась в непосредственной близости от владений Ярослава Владимировича, скорее всего, свидетельствует о враждебных отношениях между Галичем и Константинополем в то время.

Самым серьёзным аргументом в пользу того, что Иштвану III в отражении нападения византийцев в 1164 г. помогали некие кочевники, представляется наблюдение М. М. Фрейденберга, обратившего внимание на то, что Киннам употребляет разные выражения для обозначения русских и кочевников, а именно: когда речь идет о русских, хронист использует прилагательное ταυροσκυθικῆς (‘тавроскифский’), а в данном случае употреблено выражение «живущие у Тавра скифы». Действительно, аналогичное выражение встречается у Киннама в книге IV его труда в описании событий, произошедших в 1160 г.[1647] Однако здесь имеются в виду племена, жившие у Тавра – горного массива в Малой Азии, где в древности находилась область Киликия[1648], которые никак не могли быть союзниками Иштвана III. В связи с этим возникает подозрение, что в данном случае Киннам попросту воспользовался удачным топосом, не особо задумываясь о том, что горы Тавр и область Таврида (соврем. Крым) находятся в разных регионах и даже в разных частях света (в современном понимании).

Несомненно, сильным аргументом в пользу участия именно галичских отрядов в событиях 1164 г. на венгерско-византийском порубежье является последующая попытка установления матримониальных связей между Ярославом Осмомыслом и Иштваном III. Поскольку основные события, связанные с помолвкой венгерского короля с дочерью Ярослава Владимировича, относятся к следующему, 1165 г., с большой долей вероятности это можно расценивать как закономерное следствие помощи, оказанной галичским князем со-

[1646] См. об этом: ПСРЛ. Т. I. Стб. 352. В Лаврентьевской летописи в этом рассказе упоминаются послы киевского, суздальского, переяславского и черниговского князей.
[1647] *Бибиков М. В.* Византийский историк Иоанн Киннам… С. 55 (текст), С. 65 (пер.).
[1648] Там же. Примеч. 184 на С. 127.

седнему государю. К тому же году относится упоминание в королевском дипломе «графа Рутена», на которое обратил внимание М. Волощук, связавший появление этого знатного русского при королевском дворе с поисками Евфросиньей иностранной военной помощи для Иштвана III[1649].

Какова была роль Евфросиньи Мстиславны в этом процессе, сказать трудно. Источники подтверждают лишь факт непосредственного обращения вдовствующей королевы к правителю Чехии Владиславу II. Как известно, Евфросинья, как сестра Изяслава Мстиславича, боровшегося с отцом Ярослава Осмомысла Владимиром Володаревичем, должна была поддерживать антигалицкие настроения при дворе своего мужа Гезы II. Однако заметное улучшение галицко-венгерских отношений после смерти сначала Владимира Володаревича (1153), а затем и Мстислава Изяславича (1154), вполне могли побудить Евфросинью Мстиславну отправить послов к Ярославу Владимировичу, не только как к наиболее близкому восточному соседу, но и как к князю, проводившему в то время антивизантийскую политику.

4. Византия, Венгрия и русские княжества в середине – второй половине 1160-х гг.

Действия византийской дипломатии по созданию широкой антивенгерской коалиции. Крах попыток Мануила I Комнина утвердить на венгерском престоле своих ставленников – дядьёв Иштвана III – нисколько не уменьшил его стремления добиться того, чтобы корона св. Иштвана принадлежала зависимому от него представителю рода Арпадов. Объявив о желании назначить своим наследником брата Иштвана III Белу-Алексея, василевс продолжал поддерживать Иштвана IV, однако последний в результате быстрых и решительных действий венгерского войска был окружён и затворился в крепость Землин (*венг.* Зимонь), где и умер 11 апреля 1165 г., возможно, вслед-

[1649] *Волощук Мирослав.* «Русь» в Угорському королівстві… С. 145.

ствие отравления[1650]. Его смерть знаменовала собой уход с венгерской политической арены поколения детей Белы II. В момент смерти Иштвана IV ему на помощь двигалось византийское войско, отправленное Мануилом Комнином. Руководимая Иоанном Дукой армия «ромеев» захватывает в первой половине 1165 г. Боснию и Далмацию, а к концу лета отвоёвывает Землин и всю область Срем (*венг*. Серемшег), после чего на захваченных у Иштвана III балканских территориях создается византийская фема. Все эти действия проходят под лозунгом возвращения Беле-Алексею принадлежащих ему по праву наследника престола земель. Не имевший сил для войны с превосходящим его по силам противником Иштван III вынужден был заключить очередное перемирие с Мануилом I. В конце 1165 г. Мануил, у которого тогда ещё не было мужского потомства, официально объявляет своей наследницей дочь Марию, помолвленную с Белой-Алексеем.

В таких крайне тяжёлых внешнеполитических условиях правительство Иштвана III активно ищет союзников за границей. 1 августа 1165 г. венгерские послы находятся при дворе Фридриха I Барбароссы, где присутствовали также австрийский герцог Генрих Язомирготт и чешский король Владислав II. Тогда же (скорее всего, по инициативе Евфросиньи Мстиславны) была предпринята попытка женить Иштвана III на дочери Ярослава Осмомысла, которая отдельно рассматривается ниже. Единственным источником, свидетельствующим о том, какие действия были предприняты галичским князем для установления матримониальных связей с венгерским королём, является хроника Иоанна Киннама. В книге 5 этого исторического сочинения подробно описаны активные действия Мануила I Комнина, стремившегося всеми способами разрушить складывавшийся на северных границах Византии венгерско-галицкий союз. При этом василевс столкнулся с ещё одной проблемой: в Галиче появился его двоюродный брат Андроник Комнин, который, несомненно, имел сторонников в Византии и мог быть использован врагами

[1650] МТК. I. 115.1.

империи так же, как Иштван IV во время попыток его возведения на венгерский престол с византийской помощью.

Бегство Андроника Комнина в Галич датируется современными византинистами 1165 г., поскольку Киннам рассказывает о нём в контексте событий, происшедших в этом году[1651]. Самым ранним из русских письменных источников, сохранивших известия о пребывании Андроника у Ярослава Осмомысла, является Ипатьевская летопись, где рассказом о бегстве Андроника из «Царягорода» начинается статья под 6673 г.[1652], что, в случае признания датировки этой статьи соответствующей мартовскому стилю, также соответствует 1165 г. Однако ещё в XIX в. А. А. Куник высказал точку зрения, согласно которой Андроник Комнин появился на Руси в 1164 г., поскольку это «как нельзя лучше согласуется с сообщениями источников о жизни Андроника в следующие годы»[1653]. Мнение А. А. Куника было поддержано Н. Г. Бережковым, поскольку «промежуточное положение статьи (6673 г. – *М. Ю.*) между ультрамартовскими статьями служит основанием для того, чтобы признать её тоже ультрамартовской, т. е. излагающей события 6672 (1164/5) мартовского года»[1654]. В. А. Мошин считал, что в Ипатьевской летописи в рассматриваемом случае следует видеть 6673 сентябрьский год[1655], который начался 1 сентября 1164 г., а закончился 31 августа 1165 г. Правда, при этом историк не приводит никаких доказательств такого предположения.

Мне представляется, что между датировками рассматриваемых событий, предлагаемыми летописеведами и византинистами, нет существенных расхождений. Дело в том, что Иоанн Киннам, повествуя о пребывании Андроника у «тавроскифов», говорит вначале о прибытии родственника и тёзки василевса – Мануила Комнина – к «архонту тавроскифов», что вполне могло произойти уже после наступления 1165 г., а затем рассказывает читателю о

[1651] *Бибиков М. В.* Византийский историк Иоанн Киннам… С. 55, 66.
[1652] ПСРЛ. Т. II. Стб. 524.
[1653] *Куник А. А.* О прибытии Андроника в Галич в 1164 году // Учёные записки Академии наук по I и III отделениям. Т. II (1854). Вып. 5. С. 788–789; *Он же.* Основание Трапезундской империи в 1204 году // Там же. С. 716.
[1654] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 176–177.
[1655] *Мошин В. А.* Русские на Афоне. С. 348.

том, что Андроник бежал к Ярославу из константинопольской тюрьмы, где провёл девять лет[1656]. В связи с этим представляется наиболее вероятным, что само бегство опального родственника василевса произошло ещё в 1164 г. Что же касается летописной версии о том, что в том же 6673 (ультрамартовском) году Андроник покинул Галич вместе с присланными Мануилом двумя митрополитами, то оно, скорее всего, является результатом типичного для русских летописцев стремления рассказать весь небольшой сюжет под одним годом, даже если он по времени охватывает события нескольких лет. Таким образом, Андроник Комнин появился в Галицком княжестве в 1164 г., а покинул его через несколько месяцев, уже в 1165 г.

Иоанн Киннам, описавший рассматриваемые события более подробно, упоминает в своём рассказе трёх князей – Примислава, Росислава и Иеросла-ва. Второй и третий из названных Рюриковичей уверенно идентифицируются с княжившим в Киеве Ростиславом Мстиславичем (1159–1167) и правителем Галича Ярославом Владимировичем (1153–1187). Проблема идентификации Примислава, по всей видимости, вряд ли будет исчерпывающе решена исследователями, поскольку дошедшие до нас источники не дают для этого никаких ориентиров. Попытки доказать, что под именем Примислава скрывается один из сербских династов, волынский князь Мстислав Изяславич, луцкий князь Ярослав Изяславич или Ярослав Осмомысл, не убедили большинство историков[1657]. Тем не менее, М. В. Бибиков – комментатор новейшего отечественного издания текстов хроники Иоанна Киннама, касающихся истории народов Восточной Европы, склоняется к мнению о том, что «наиболее вероятна идентификация Примислава с Ярославом Галицким. Однако возможная порча текста (…) не позволяет давать твёрдое обоснование этому предположению»[1658].

Так или иначе, но напуганный тесным сближением Иштвана III с галичским князем Мануил Комнин решил действовать быстро и решительно,

---

[1656] *Бибиков М. В*. Византийский историк Иоанн Киннам… С. 55 (текст), С. 66 (пер.).
[1657] Обзор мнений см.: Там же. С. 134–135 (примеч. 211).
[1658] Там же. С. 135 (примеч. 211).

стремясь нанести удар сразу по трём «целям»: добиться военной помощи от Ростислава Мстиславича, чтобы создать угрозу для Ярослава Осмомысла, если он не присоединится к антивенгерской коалиции; выманить из Галича Андроника, который, как известно, был заточён в Константинополе на девять лет в темницу, в том числе, за тайный союз с Гезой II – отцом Иштвана III; расстроить во что бы то ни стало брак дочери Ярослава Осмомысла с юным венгерским королём. При этом василевсу пришлось пойти на значительные жертвы, прежде всего, морального характера, простив двоюродного брата за прежние интриги.

Судя по рассказу Киннама, византийский посол Мануил Комнин прибыл сначала к Ростиславу Мстиславичу, названному хронистом в первых фразах посвящённого ему отрывка «архонтом тавроскифов» (без имени). Тёзка василевса призван был напомнить «архонту о соглашениях, в [верности] которым он давал клятву василевсу, а также чтобы укорить его за дружбу с Иеросла-вом – правителем Галицы. Ибо Иеруслав не только вообще нарушил союз с ромеями, но принял и удостоил милостью Андроника…»[1659]. После этой фразы Киннам рассказывает читателю о бегстве Андроника из константинопольской тюрьмы, затем вновь возвращается к миссии Мануила Комнина. При этом можно предположить, что послы русских князей, находившиеся в 1164 г. в ставке Мануила на Нижнем Дунае, дали от имени своих правителей какие-то обещания василевсу, которые те не спешили выполнять. На это обратил внимание В. А. Мошин, считавший, что уже в 1164 г. перечисленные в летописи русские князья обещали военную помощь Мануилу I против венгров[1660].

Последующий текст книги 5 хроники Иоанна Киннама является самым трудным для понимания исследователей, в связи с чем считаю целесообразным привести его целиком: «Тот Мануил пришел к Примиславу как по названным [причинам], так и с целью привести оттуда вспомогательное войско

[1659] Там же. С. 55 (текст), С. 66 (пер.).
[1660] *Мошин В. А.* Русские на Афоне. С. 349–350.

для ромеев. Ему было предписано переговорить и с самим архонтом Таврос-кифской страны Росиславом. И он, действительно, добился своей цели. Чрезвычайно обрадованные, что такого [высокого] посла отправил к ним василевс, они обещали выполнить всё, что угодно василевсу. Василевс не обошёл поэтому вниманием и Иеруслава…»[1661].

Из приведённого отрывка ясно следует, во-первых, что Примислав, Росислав и Иеруслав – три разных князя; во-вторых, что Примислав не является ни «архонтом» (киевским князем), ни правителем «Галицы». Поскольку у Примислава посол Мануил Комнин появился раньше, чем у Ростислава киевского, можно предположить, что волость Примислава находилась, скорее всего, южнее Киева, т. е. ближе к Византии. Крайне маловероятно видеть в Примиславе волынского князя Мстислава Изяславича, ибо попасть на Волынь византийскому послу можно было либо через Галицию, либо через Киевское княжество, что не подтверждается свидетельствами Иоанна Киннама. К тому же Мстислав приходился двоюродным братом Иштвану III, как и луцкий князь Ярослав Изяславич.

Представляется весьма вероятным, что под именем Примислава скрывается кто-то из князей, известный нам только по его христианскому имени. Одним из князей такого рода был сидевший тогда в Переяславле Глеб Юрьевич (1155–1169). Возможно, но маловероятно, что его русское имя было Примислав или похожее на это, хотя в письменных источниках по истории Древней Руси такое имя не встречается. Общеизвестно, что Византия долго не признавала Бориса и Глеба святыми православного пантеона, поэтому нежелание византийского хрониста называть Глеба Юрьевича его христианским именем выглядит так же естественно, как употребление Киннамом этнонима «тавроскифы» для обозначения жителей Древней Руси. Впрочем, Киннам называет всех русских князей, которых посетил в 1165 г. Мануил Комнин, их русскими именами.

[1661] *Бибиков М. В*. Византийский историк Иоанн Киннам… С. 55 (текст), С. 66 (пер.).

Наиболее же вероятным объяснением того, что под именем Примислава скрывается Глеб Юрьевич, мне представляется сочетание звуковой близости слов «Примислав» и «Переяславль» вкупе с характерным для Киннама вольным обращением с именами собственными, что ярко проявилось в использовании им одного и того же топоса в описании событий в Киликии и на венгерско-византийском порубежье, о чём уже говорилось выше. Киннам никогда не был на Руси и излагал в своей хронике информацию, полученную из «вторых рук». При этом ему могло быть известно, что одной из сербских областей управлял князь Первослав, имя которого он передал как Примислав (Πριμίσθλαβος)[1662]. В связи с этим можно предположить, что информатор Киннама рассказал ему о князе Переяславля, которого хронист принял за «князя Примислава».

Поскольку Переяславль (Южный) находится ниже по течению Днепра, чем Киев, вполне естественно, что двигавшегося по пути «из варяг в греки» византийского посла первым из русских князей должен был встретить переяславский князь Глеб Юрьевич, после чего Мануил, поднявшись выше по течению, прибыл в Киев к Ростиславу Мстиславичу. Как известно, посол Глеба Юрьевича был в 1164 г. в числе представителей русских князей, отправленных к василевсу Мануилу I[1663], когда тот очередной раз пытался посадить на венгерский престол Иштвана IV. Кроме того, Глеб Юрьевич известен в то время как князь, во всём послушный Ростиславу Мстиславичу, что вполне соответствует тону рассказа византийского хрониста о Примиславе, который не является «архонтом Тавроскифской страны». Здесь необходимо оговориться, что в данном случае речь идет только о том Примиславе, который упоминается в рассказе о миссии посла Мануила Комнина на Русь. Дело в том, что Примислав появляется в той же хронике ещё раз в повествовании о деятельности императора Мануила Комнина по разрушению планов заключения брака между дочерью Ярослава Осмомысла и Иштваном III. В послед-

[1662] О том, что Примислав = Първослав, писал С. П. Шестаков (*Шестаков С. П.* Византийский посол на Русь Мануил Комнин // Сборник в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1913. С. 379–381.
[1663] ПСРЛ. Т. I. Стб. 352.

нем случае хронист явно допускает ошибку, начиная рассказ об «Иеронславе», который потом вдруг оказывается «Примиславом»[1664].

Судя по характеру повествования Иоанна Киннама, Ростислав Мстиславич не соблюдал соглашения, «в [верности] которым он давал клятву василевсу»[1665]. Как указывалось выше, скорее всего, послы киевского князя обещали Мануилу I Комнину в 1164 г. военную помощь против венгров. Кроме того, византийский посол должен был «укорить» Ростислава «за дружбу Ярославом – правителем Галицы. Ибо Ярослав не только вообще нарушил союз с ромеями, но принял и удостоил милостью Андроника…»[1666]. Таким образом, на первом этапе возложенной на него миссии посол Мануил Комнин должен был разрушить сложившийся союз Ростислава Мстиславича с Ярославом Осмомыслом, потенциально выгодный Иштвану III. Одновременно византийский посол «пришел к Примиславу… с целью привести оттуда вспомогательное войско для ромеев. Ему было предписано переговорить о помощи и с самим архонтом Тавроскифской страны Росиславом». По мнению Киннама, посол Мануил «действительно добился цели. Чрезвычайно обрадованные, что такого [высокого] посла отправил к ним василевс, они обещали выполнить всё, что угодно василевсу»[1667]. Как показали последующие события, мнение Иоанна Киннама об успешности миссии Мануила Комнина не было подтверждено последующими действиями русских князей.

Судя по повествованию Киннама, посол Мануил Комнин не имел отношения к процессу возвращения на родину Андроника Комнина. Это косвенно подтверждается сведениями Ипатьевской летописи, согласно которой за Андроником «присла ц(еса)рь два митрополита, вабя и к собѣ. Ярославъ же пусти к нему с великою ч(е)*с*тью, приставивъ к нему пискупа своего Кузму и мужа своя передния»[1668]. Столь резкая перемена в отношении василевса Мануила к двоюродному брату, получившему полное прощение и вновь при-

[1664] *Бибиков М. В*. Византийский историк Иоанн Киннам… С. 55–56 (текст), С. 66–67 (пер.).
[1665] Там же. С. 55 (текст), С. 66 (пер.).
[1666] Там же.
[1667] Там же.
[1668] ПСРЛ. Т. II. Стб. 524.

ближенного к престолу, в условиях готовившегося очередного похода византийского войска в Венгрию, скорее всего, была вызвана опасностью возобновления союза Андроника с венгерским королем.

Судьба планировавшегося матримониального союза дочери Ярослава Осмомысла с Иштваном III. Свидетельство Ипатьевской летописи о торжественном возвращении Андроника Комнина на родину, что должно было символизировать возобновление союзнических отношений между Галичем и Константинополем, скорее всего, не означало полного отказа Ярослава Владимировича от намерения выдать свою дочь замуж за венгерского короля. Более того, сравнение летописного рассказа с повествованием Иоанна Киннама наводит на мысль о том, что оказанный Ярославом византийским послам почёт, подобающий представителям великой державы, был показным и отражал не более чем стремление галичского князя не осложнять отношения с южным соседом. Представляется наиболее вероятным, что действия, направленные на разрушение матримониального союза между Арпадами и галичскими Рюриковичами, были предприняты василевсом одновременно с отправкой своего родственника с миссией на Русь. Скорее всего, императорское письмо Ярославу Осмомыслу было доставлено адресату митрополитами, прибывшими в Галич за Андроником Комнином. Такое впечатление создаётся при чтении посвящённого этому отрывка из хроники Иоанна Киннама – единственного источника, подробно повествующего об умелых действиях императора Мануила по разрушению галицко-венгерского союза.

Сообщив об успехе миссии Мануила Комнина к «Примиславу» и «Росиславу», хронист далее продолжает: «Василевс не обошёл поэтому вниманием и Иерослава, различными уловками он возбудил его против Стефана, направив ему следующее [послание]: «Мы не уподобимся тебе в недружелюбии, которое ты без всякой нужды явил по отношению к нам, когда пренебрёг словами и договорами, в которых ты клялся прежде. Я ставлю [тебя] перед лицом [твоего] бесчестия, [поскольку] ты сам рискуешь оказаться совершен-

но обесчещенным. Знай, что ты отдаёшь свою дочь за короля пеонцев[1669] – человека злонравного и ужасно ненадёжного в помыслах, ибо он никогда и никак не внимал ни праву, ни истине. А человеку, чуждому как естеству, так и законам, я считаю, легко сделать всё, во что он ни был бы вовлечён. Итак, да не женится Стефан на твоей дочери! Да не совершит по отношению к ней ничего имеющего законные [основания]! Если же женится, то будет с ней связан не более чем как с распутницей. Ибо тот, кто так погрешил по отношению к вашей державе, не постыдившись недавно данные клятвы обратить в шутку, – подумай, как бесчеловечно поступит он по отношению к тебе!»[1670].

Трудно сказать, насколько точно Иоанн Киннам передал текст письма, отправленного Мануилом Комнином Ярославу Осмомыслу, но думается, что, по крайней мере, суть этого послания передана достаточно верно. Обращает на себя внимание покровительственный тон, в котором василевс обращается к галичскому князю. Истоки подобного обращения вполне понятны: Мануил как бы напомнил Ярославу, что его отец был «подданным союзником» (ὑ πόσπονδος) Византии, о чём также известно из сочинения Киннама[1671].

Однако вряд ли Ярослава Владимировича могли испугать и заставить отменить помолвку своей дочери с венгерским королём жёсткие требования Мануила I Комнина. Неспособность императора «ромеев» в течение многих лет нанести сокрушительное поражение Иштвану III свидетельствовала о том, что у него вряд ли хватит сил для успешного ведения войны с венгерско-галицкой коалицией. Тем нет менее, как уверяет Иоанн Киннам, именно посланное Мануилом письмо побудило Ярослава Осмомысла (названного в данном случае, как указывалось выше, Примиславом) отказаться от установления матримониальных связей своей дочери с Арпадами. В продолжении только что цитированного текста Киннам пишет: «Выслушав эти слова с ка-

[1669] Пеонцы – одно из названий венгров в византийской литературе. Пеония = Венгрия.
[1670] *Бибиков М. В*. Византийский историк Иоанн Киннам… С. 55–56 (текст), С. 67 (пер.).
[1671] Там же. С. 52 (текст), С. 62 (пер.).

кой-то варварской простотой[1672], Примислав тотчас же был убеждён и на зятя стал коситься, как на врага, и согласился помогать всеми силами в войне против него»[1673]. Поскольку планировавшийся брак так и не был заключен, остается предположить, что письмо Мануила I Ярославу Осмомыслу, по меньшей мере, вызвало недоверие последнего к будущему зятю.

Таким образом, если верить Иоанну Киннаму, все русские князья, к которым обратился за помощью византийский император, согласились поддержать его в борьбе с Иштваном III. Столь лёгкое выполнение миссии по созданию антивенгерской коалиции представляется во многом не соответствующим действительности. У русских князей того времени не было никаких причин воевать за интересы Византии на Среднем и Нижнем Дунае. Скорее всего, посол Мануил Комнин чем-то заплатил за обещание Ростислава Мстиславича и «Примислава» послать свои полки на помощь «империи ромеев», о чём умалчивает цитируемый хронист. Ещё менее реальным выглядит объяснение Киннамом отказа Ярослава Осмомысла от брака его дочери с Иштваном III и совсем нереальным – мгновенный переход галичского князя на сторону василевса. Рассуждения М. В. Левченко по этому поводу представляются очень близкими к реальности: «Было ли это действительно так, неизвестно. Во всяком случае, в этих словах Киннама сказались всё высокомерие и хвастливость византийца XII в. Инсинуация Мануила, по-видимому, всё-таки возымела какое-то действие. Предполагавшийся брак расстроился»[1674]. Что же касается присоединения Ярослава Владимировича к антивенгерской коалиции в том же 1165 г., то сам Киннам даёт исследователям повод сомневаться в этом, поскольку несколькими страницами ниже, в описании событий военного столкновения армий Иштвана III и Мануила I, он вновь сообщает, что в войске венгерского короля были «скифы» и «тавроскифы»[1675].

[1672] «Варварская простота» – топос, использовавшийся Киннамом в характеристиках «недостаточно цивилизованных» народов. См. об этом: Там же. С. 136 (примеч. 222).
[1673] Там же. С. 56 (текст), С. 67 (пер.).
[1674] *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 492.
[1675] *Бибиков М. В*. Византийский историк Иоанн Киннам… С. 56 (текст), С. 68 (пер.).

Поскольку Киннам и здесь не дал никаких пояснений по поводу того, кто конкретно скрывается в данном случае под этнонимом «тавроскифы», историки вынуждены выдвигать на этот счёт гипотезы, не имеющие под собой прочного обоснования. Что касается отечественных исследователей, то они поддерживают мнение, выдвинутое ещё в 20-е годы XX в. С. П. Шестаковым, согласно которому на стороне Иштвана III в 1165 г. сражались волынские воины[1676]. Более осторожен М. В. Бибиков, который в комментарии к употреблённому в данном случае слову «тавроскифы» пишет: «Очевидно, русские»[1677]. Разумеется, версия об участии волынских отрядов в войске Иштвана III, встретившемся в 1165 г. с армией Мануила I Комнина у города Зевгмина (Землина), представляется весьма вероятной, поскольку вдовствующая венгерская королева Ефросинья Мстиславна приходилась тётей тогдашнему волынскому князю Мстиславу Изяславичу (1156–1170). Однако не менее вероятным является и продолжение поддержки венгерского короля Ярославом Осмомыслом, ибо вряд ли сообщённая в послании василевса «правда» о «моральном облике» Иштвана III побудила галицкого князя сразу же разорвать союз с западным соседом. Некоторые исследователи заявляют о том, что сам Киннам якобы свидетельствует о том, что дочь Ярослава Владимировича в 1166 г. ещё находилась в Венгрии, но это утверждение основывается на неправильном понимании текста византийского хрониста[1678].

Рассказав о срыве планов женитьбы Иштвана III на дочери Ярослава Осмомысла, Иоанн Киннам вновь сообщает о том, что киевский князь Ростислав Мстиславич «сам стал союзником в войне против Стефана, решение о чём подтвердил клятвами»[1679]. Повтор известия о вхождении Ростислава в антивенгерскую коалицию, скорее всего, свидетельствует не о том, что в

[1676] *Шестаков С.П.* Заметки к стихотворениям Codicis Marciani. С. 50. См. также: *Флоровский А. В.* Чехи и восточные славяне. Т. I. С. 88; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 179.

[1677] *Бибиков М. В.* Византийский историк Иоанн Киннам… С. 140 (примеч. 252).

[1678] Там же. С. 136 (примеч. 220). Впрочем, сам Киннам так не утверждает. Он пишет о том, что Генрих Язомирготт «когда оказался в Пеонии (т. е. в *Венгрии. – М. Ю.*), склонил Стефана, прогнавшего тавроскифянку, жениться на своей дочери-девице (Там же. С. 57 (текст), С. 69 (пер.)). В этом же примечании М. В. Бибиков обращает внимание на то, что историки в данном случае опираются на неправильные переводы сочинения Киннама на французский и русский язык, в которых содержится такое утверждение.

[1679] Там же. С. 56 (текст), С. 67 (пер.).

Киеве побывало ещё одно византийское посольство, а о том, что письмо Мануила I Комнина было послано Ярославу Владимировичу одновременно с отправкой миссии Мануила Комнина к «Примиславу» и «Росиславу». После этого, по свидетельству того же Киннама, являющегося единственным дошедшим до нас письменным источником, воссоздающим подробную картину рассматриваемых событий, византийская дипломатия направила свои усилия на вывод Священной Римской империи из враждебной «ромеям» коалиции. Киннам, в частности, пишет: «Пока это происходило, король аламаннов Фредерик (Барбаросса. – *М. Ю.*) понял, что василевс решительно противодействует ему на западе, и, прекратив распри, заключил союз с ромеями и сам поклялся василевсу вступить в войну против Стефана»[1680]. Заключение византийско-германского соглашения в 1165 г. стало самой важной победой дипломатии Мануила Комнина. Оно довершило процесс перехода части прежних союзников Иштвана III в стан его противников.

В таких сложных условиях Иштвану III оставалось надеяться только на помощь русских родственников и кочевавших к северу от Нижнего Дуная степняков. Естественно, женитьба на дочери Ярослава Осмомысла заметно умножила бы силы, противостоявшие византийскому натиску, но, как известно, находившаяся в Венгрии Ярославна так и не стала королевой Венгрии. Весной 1166 г. венгерское войско под командованием ишпана Денеша побеждает византийские отряды, находившиеся в распоряжении стратига вновь образованной фемы Срем, и возвращает эту территорию (*венг*. Серемшег) в состав владений венгерской короны. Однако летом того же года наступление Денеша было остановлено армией под командованием Белы-Алексея – «деспота» этих территорий, в то время как две другие византийские армии вместе с присоединившимися к ним валахами опустошили Трансильванию.

Начавшаяся очередная венгерско-византийская война была остановлена герцогом Австрии и Баварии Генрихом II Язомирготтом, прибывшим в Со-

[1680] Там же.

фию по поручению Фридриха I Барбароссы, чтобы подкрепить складывавшийся новый «союз двух императоров» координацией плана их совместного выступления против сицилийских норманнов. При этом Генриху удалось добиться полного отказа Иштвана III от женитьбы на русской княжне, скреплённого его браком с дочерью Генриха Агнессой. В данном случае Иштван III не стал медлить, видимо, обязанный австрийскому герцогу своим замирением с превосходящим по силе врагом.

Русско-венгерские отношения второй половины 1160-х годов. Если рассматривать сообщаемую Киннамом информацию о блестящих успехах византийской дипломатии с точки зрения последующего развития событий, то их внешний блеск сразу меркнет. Никто из русских князей, поклявшихся, как утверждает Киннам, в верности Мануилу I Комнину и обещавших оказать ему военную помощь в борьбе с Иштваном III, не выполнил своего обещания. Единственным фактом, косвенно свидетельствующим, по крайней мере, об отсутствии враждебных отношений между Галичем и Константинополем, является поход византийской армии в 1166 г. «на гуннов, живущих у тавроскифской страны»[1681], т. е., скорее всего, в Трансильванию, который вряд ли был возможен при наличии вражды между Мануилом I и Ярославом Осмомыслом. Об участии в этом походе каких-либо вспомогательных отрядов из «Тавроскифии» сообщающий о нём Иоанн Киннам умалчивает.

Источники не сохранили сведения, которые помогли бы нам понять причины такого отношения правителей «тавроскифов», примкнувших, по уверению Иоанна Киннама, к антивенгерской коалиции в 1165 г., к своему «княжескому слову». Весьма вероятно, что определённую роль в этом сыграла Евфросинья Мстиславна – родная сестра «архонта» Ростислава Мстиславича, послы которой могли быть направлены в Киев с соответствующей миссией. Другой предполагаемой причиной отказа киевского князя от выполнения своих обещаний было его общее отношение к византийскому правительству,

[1681] Там же. С. 57 (текст), С. 68 (пер.).

которое, как известно, навязало ему в качестве митрополита грека Иоанна, в то время как он желал видеть на митрополичьей кафедре Климента Смолятича. Кроме того, сама обстановка на Руси и состояние здоровья Ростислава Мстиславича в последние месяцы его жизни также могли заставить его отказаться от посылки военной помощи Мануилу I Комнину.

Признавая факт заключения соглашений между некоторыми южнорусскими князьями и Мануилом I, Г. Г. Литаврин пишет по этому поводу следующее: «Однако неизвестно о какой-либо действительной военной помощи русских Византии против венгров и после этих сызнова заключенных договоров. Правильнее говорить о нейтралитете русских княжеств на заключительном этапе войны империи с Венгрией…»[1682]. Впрочем, отсутствие военной помощи со стороны русских князей не помешало Мануилу I Комнину добиться победы над Иштваном III. 8 июля 1167 г. византийская армия наносит сокрушительное поражение венгерскому войску под командованием ишпана Денеша, который попадает в плен. Согласно условиям заключенного вскоре мирного договора Срем остался в руках Иштвана III, но Далмация временно перешла под власть Византии. Кроме того, Иштван III вынужден был формально признать над собой суверенитет василевса. После этого, вплоть до своей смерти, случившейся в 1172 г., Иштван III не вступал в конфликт с империей «ромеев».

На Руси же в год прекращения венгерско-византийского противостояния начался процесс выстраивания новых отношений между князьями и передела владений, вызванный смертью Ростислава Мстиславича 14 марта 1167 г. Хотя у сменившего его на киевском столе Мстислава Изяславича (1167–1169) формально не было соперников, отказавшиеся от борьбы за Киев Рюриковичи в качестве компенсации за признание его старшинства потребовали от Мстислава расширения своих волостей. При этом некоторые из названных летописцем князей предварительно договаривались между собой, после чего

[1682] *Литаврин Г. Г.* Русь и Византия в XII веке // *Он же*. Византия и славяне. СПб., 1999. С. 511.

предъявляли свои требования Мстиславу[1683]. Всё это превращало власть киевского князя в чисто номинальную, с чем не хотел смириться Мстислав Изяславич, отказавшийся производить передел волостей, тем более что некоторые из «братьев» претендовали на города, входившие в состав Киевской земли. В конечном счёте, князья начали объединяться против Мстислава, чем умело воспользовался владимиро-суздальский правитель Андрей Боголюбский (1157–1174). Собрав коалицию из 11 князей, замысливших поход на Киев, он послал им на помощь своего сына Мстислава с войском. Захват Киева силами такой мощной коалиции, подвергшей древнюю столицу полному разграблению, способствовал окончательному превращению «матери городов русских» в центр далеко не самой значительной волости.

Борьба за Киев весной 1169 г., казалось бы, имеет отношение к истории русско-венгерских отношений. Если обратиться к тексту Никоновской летописи об этом событии, то в походе на Киев, помимо русских князей, участвовали также «Половци, и Угры, и Чяхи, и Ляхи, и Литва…»[1684]. О том, каков был конкретный вклад военных отрядов названных народностей в военную операцию, закончившуюся разгромом Киева, Никоновская летопись не сообщает. Что же касается более ранних летописных памятников, то Лаврентьевская летопись перечисляет только русских князей, принявших участие в весеннем походе 1169 г.[1685], а Ипатьевская из нерусских участников этого похода упоминает лишь привёденных Михалком Юрьевичем ковуев «з Бастеевой чадью»[1686].

В. Н. Татищев в обеих редакциях своей «Истории Российской» в целом следует версии Ипатьевской летописи, правда, называя Бастееву чадь «берестовыми людьми»[1687]. Отечественные историки XIX в. либо отмечали уникальность рассматриваемого известия, никак не комментируя его[1688], либо

[1683] См. об этом: ПСРЛ. Т. II. Стб. 533–535.
[1684] ПСРЛ. Т. IX. С. 237.
[1685] ПСРЛ. Т. I. Стб. 354.
[1686] ПСРЛ. Т. II. Стб. 544.
[1687] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. IV [Перв. ред.]. С. 275; Т. III [Втор. ред.]. С. 90.
[1688] Например: *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. II–III. С. 353 (примеч. 423).

вообще не привлекали эту информацию[1689]. Лишь К. Я. Грот специально остановился на свидетельстве об участии отрядов венгров и других западных соседей Руси в походе княжеской коалиции на Киев в 1169 г., высказав при этом следующие соображения: «на этом факте, если он и не сочинён, было бы, однакож, рискованно строить какие-либо выводы о новом сближении Угрии с Русью, или угорского короля с князем северо-восточной Руси. Мы думаем, скорее, что тут просто идёт речь о *наёмном* угорском отряде, как и о чешских и других наемниках. Со времени размолвки между Стефаном Гейзичем и Ярославом Галицким и сближения западно- и южнорусских князей с Византией (1164 г.) – между официальной Угрией и Русью произошло ещё большее охлаждение, и какое бы то ни было вмешательство в русские отношения шло вразрез с политическим направлением угорского правительства. Это, однакож, не исключает возможности набора наемников в Угрии – для князя Андрея и союзников – против Мстислава Изяславича, тем более что киевский князь дружил с враждебным Угрии Ярославом галицким и что его противником был его дядя Владимир Мстиславич, родной брат королевы Евфросиньи. Из уважения и любви к своей матери Стефан Гейзич и мог разрешить в своей земле набор наёмного войска в интересах её русской родни»[1690]. В примечании к цитированному отрывку К. Я. Грот продолжает развивать свою гипотезу: «По летописным известиям, в этой войне на стороне Андрея участвовал и вернувшийся уже тогда из Византийской земли брат его Всеволод Юрьевич. Не был ли он вызван оттуда братом (Андреем), и не им ли были приведены наемные отряды Угров, Чехов, Поляков? …»[1691].

Хотя К. Я. Грот выражается очень осторожно, вероятность выдвигаемой им гипотезы ничтожно мала. Общеизвестно, что в Никоновской летописи неоднократно встречается выражение «Угры, Чяхи и Ляхи», которое явно является вставкой летописца XVI в. и служит конкретной цели: сделать описываемые события (как правило, военные конфликты) более масштабными по

[1689] Например, *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. С. 234.
[1690] *Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства. С. 390.
[1691] Там же. С. 390–391 (примеч. 2).

количеству участников. Вряд ли Иштван III в момент, когда на Балканах решалась его политическая судьба, – признает ли он над собой суверенитет византийского императора или нет – мог послать военную помощь противникам своего двоюродного брата Мстислава Изяславича. Так же крайне маловероятным выглядит предположение Грота о наборе наёмников в Венгрии, поскольку столь мощная княжеская коалиция вряд ли нуждалась в поисках воинов на землях по ту сторону Карпат.

Выводы. Геза II обещал без промедления прийти с войском и наказать Владимира Володаревича в случае, если тот преступит клятву, данную им на кресте св. Иштвана и останется жив. Последнее условие, видимо, позволило королю считать себя честным человеком, несмотря на то, что войско против отказавшегося выполнять условия заключенного в 1152 г. соглашения галицкого князя он так и не послал. Смерть Владимира Володаревича зимой 1152/3 г. естественным образом освобождала Гезу II от оказания военной помощи шурину. Однако и в последующие 10 лет своего правления Геза II ни разу не откликнулся на просьбы своих русских родственников о присылке венгерского войска.

Борьба за Киев после смерти Изяслава Мстиславича (1154) никак не отразилась на русско-венгерских отношениях. В годы своего третьего киевского княжения (1155–1157) Юрий Долгорукий не установил связи с Гезой II. Лишь в 1158 г. венгерские послы участвовали в безуспешных попытках убедить тогдашнего правителя Киева Изяслава Давыдовича выдать галичскому князю Ярославу Осмомыслу его двоюродного брата Ивана Берладника. Сближение Венгрии с Галичем в то время обуславливалось не только потерей Гезой II и его окружением интереса к междоусобиям в южной Руси, но и установлением тайного союза между венгерским королём и родственником василевса Мануила I Андроником Комнином, обещавшим Гезе в случае оказания помощи в овладении византийским престолом отдать Арпадам приграа-

ничные области Византии на Балканах. Андроник, скорее всего, приходился двоюродным братом Ярославу Осмомыслу.

В 60-е годы XII в. Мануил I пытался привлечь некоторые южнорусские княжества к антивенгерскому союзу. К этому же стремилась и королева Евфросинья Мстиславна (овдовевшая в 1162 г.), которая была родной сестрой киевского князя Ростислава Мстиславича (1159–1167) и тётей владимиро-волынского князя Мстислава Изяславича. Ярослав Осмомысл поддерживал союзнические отношения с Венгрией и в 1164 г. оказал военную помощь юному венгерскому королю Иштвану III (1162, 1163–1172) в отражении нападения византийского войска, пытавшегося вернуть корону св. Иштвана своему ставленнику Иштвану IV (1163).

Привлечению Византией русских князей в качестве союзников в борьбе с Венгрией мешали также серьёзные противоречия, существовавшие между Ростиславом Мстиславичем и Константинопольской патриархией. Ростислав Мстиславич пытался сопротивляться присылке митрополитов-греков, отстаивая выбранного ещё его братом Изяславом русского клирика Климента Смолятича, или хотя бы консультаций с киевским князем в деле назначения главы Русской церкви.

Умелая, последовательная и решительная политика Мануила I Комнина, пославшего в 1165 г. в Киев своего родственника и тёзку с миссией, призванной убедить Ростислава Мстиславича и некого «Примислава» (возможно, переяславского князя Глеба Юрьевича) оказать военную помощь василевсу против венгерского короля и расстроить план заключения брака между Иштваном III и дочерью Ярослава Осмомысла, на словах переломила ситуацию в пользу Византии. По свидетельству хроники Иоанна Киннама, Ростислав Мстиславич и «Примислав» дали клятву византийскому послу направить императору военную помощь, а Ярослав Владимирович отказался от союза с венгерским королём. В действительности же Мануил так и не дождался прихода русских полков на театр боевых действий на Балканах. Сложность политической ситуации на Руси в последние годы княжения Ростислава Мсти-

славича и нежелание Ярослава Осмомысла находиться во враждебных отношениях с соседом по другую сторону Карпат побудили призванных василевсом на помощь русских князей ограничиться нейтралитетом в венгерско-византийском конфликте, что, в какой-то степени, также помогло Мануилу одержать решающую победу над Иштваном III в 1167 г.

ГЛАВА VIII

ВЕНГРИЯ И РУСЬ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ БЕЛЫ III (1172–1196)

1. Последний период гегемонии Византии на Балканах

Внешнеполитические последствия прихода к власти в Венгрии Белы III. Смерть Иштвана III, последовавшая 4 марта 1172 г., поначалу не предвещала борьбы за власть, которую некогда пришлось пережить умершему в 24-хлетнем возрасте королю. Хотя следующий по старшинству сын Гезы II (1141–1162) герцог Бела находился в то время в Византии, он был избран королём на собрании знати, прошедшем вскоре после похорон Иштвана III под председательством примаса Венгрии – эстергомского архиепископа Лукача. Это призвано было предотвратить вторжение в страну войска, которое василевс Мануил I Комнин (1143–1180) дал Беле для утверждения на венгерском престоле. После этого в Софию, где в то время стоял лагерем Бела, было направлено официальное посольство, и очередного появления византийских воинов во владениях Арпадов удалось избежать. Незадолго до смерти Иштвана III положение Белы при дворе Комнинов кардинально изменилось. Поскольку полуторагодовалый сын императора Мануила I Алексей внушал отцу надежду на то, что смена власти в Византии пройдёт естественным образом (от отца к сыну), василевс в начале 1172 г. короновал сына, лишив Белу статуса наследника престола. Для того чтобы Бела, принявший ради этого православие и имя Алексей, не имел никаких прав на занятие византийского престола, Мануил разорвал его помолвку со своей дочерью Марией, лишил Белу ранга деспота и женил его на антиохийской княжне Анне (Агнессе).

Тем не менее, Бела-Алексей ощущал свою зависимость от императора, который предложил ему помощь для утверждения на венгерском престоле. После получения вести о своем избрании королём Бела III дал клятву Мануилу в том, что никогда не станет врагом Византии. Таким образом, «империя ромеев» в то время могла быть спокойна за свои западные и северо-западные границы. С точки зрения темы настоящей работы важен тот факт, что Бела III, проведший многие годы в Византии, уважительно относился к православию. Венгерский хронист Шимон Кезаи, написавший свои «Деяния венгров» в 1282–1285 гг., называет этого короля *Bela Graecus*[1692]. Будучи союзником Комнинов, Бела III должен был поддерживать добрососедские отношения с галичским князем Ярославом Осмомыслом (1153–1187), также находившимся в союзе с империей.

Благоприятная для Венгрии международная обстановка в момент объявления Белы III новым венгерским королём не гарантировала ему спокойного начала царствования, поскольку сделанные им богатые подарки прибывшим в Софию послам архиепископа эстергомского были расценены последним как симония, из-за чего Лукач (Банфи) категорически отказался короновать возвратившегося на родину нового главу рода Арпадов. Потребовалось личное вмешательство папы Александра III (1159–1181), разрешившего провести коронацию архиепископу калочскому. Несмотря на то, что Бела заверил Лукача в том, что он никак не посягает на исключительное право примаса на совершение главного инаугурационного акта, эстергомский архиепископ покинул королевский двор[1693]. 13 января 1173 г. калочский архиепископ, имя которого не сохранилось в истории, совершил коронацию Белы III.

Хотя Бела III был следующим после Иштвана III сыном Гезы II, а значит, имел все права на занятие венгерского трона, его мать – вдовствующая королева Евфросинья Мстиславна, сохранившая своё влияние на государственные дела и после достижения её сыновьями совершеннолетия, активно поддер-

[1692] *Simonis de Keza* Gesta Hungarorum // SRH. Vol. I. P. 183.
[1693] Примирение Белы III с эстергомским архиепископом Лукачем (Лукой) произошло только в 1179 г.

живала претензии на престол герцога Гезы – младшего брата Белы III. При этом она явно рассчитывала на поддержку своих западных соседей. Во время смерти Иштвана III в Эстергоме находились герцог Баварии и Саксонии Генрих Лев (1156–1180) и австрийский герцог Генрих II Язомирготт (1141–1177)[1694]: первый из них направлялся в паломничество на Святую землю, а второй сопровождал его. Фактически мать нового короля выступила его политическим противником.

Венгерские исследователи попытались дать ответ на вопрос, почему Евфросинья Мстиславна поддерживала младшего сына вопреки установившейся в Венгрии традиции избрания на престол сыновей умершего короля согласно их старшинству. Д. Кришто пишет по этому поводу следующее: «Своим восшествием на трон Бела мог быть обязан многим факторам: помощи Мануила и Александра III, то есть двух крупных сил, а также тому, что внутри государства за него стоял лагерь, состоявший из видных светских и духовных деятелей. В то же время его младший брат Геза и его сторонники создали серьёзную внутреннюю оппозицию. Мощную опору Гезы представляло то, что его мать, королева Евфросинья, стояла на стороне противников Белы. Возможно, Евфросинью привела в лагерь Гезы любовь к воспитанному ей ребенку в противовес другому сыну, сформировавшемуся далеко от неё, под чужим влиянием, но возможно и то, что восприимчивая к политическим вопросам королева видела ситуацию так: политику Иштвана III, в формировании которой она сама сыграла деятельную роль, скорее продолжил бы Геза, но никак не Бела. Были сторонники Гезы среди ведущих должностных лиц эпохи Иштвана III, как, например, тот Лёринц, который был доверенным лицом Иштвана III, придворным ишпаном, и отказ архиепископа Лукача от коронации Белы также лил воду на мельницу Гезы. Мы не знаем, уже в 1172–1173 гг. или позднее (но, безусловно, до 1179 г.) он пришёл в один лагерь с Евфросиньей, но, во всяком случае, папа Александр III прямо заявил в 1179 г.

[1694] МТК. 116. l. О нахождении названных герцогов в Эстергоме в момент смерти Иштвана III сообщает «Славянская хроника» Арнольда Любекского (*Arnoldi* „Chronica Sclavorum” / Ed. G. H. Pertz // MGH SS. T. XXI. Hannoverae, 1861. P. 117).

Лукачу, чтобы подвергнутую отлучению от церкви королеву-мать архиепископ во всеуслышание признал свободной от церковного наказания»[1695].

Своеобразие политической ситуации в Венгрии, когда воспитывавшегося в Византии короля поддержали не только василевс, но и глава католического мира, а во враждебном ему лагере находились происходившая из Руси королева-мать и её австрийские родственники, объясняется, прежде всего, потерей Евфросиньей политических связей с родиной. Кроме того, будучи сестрой киевского князя Изяслава Мстиславича (1146–1154, с перерывами), проводившего открытую антивизантийскую политику, она никогда не ощущала конфессиональную близость с Византией, тем более проживала в стране, официально принадлежавшей к католическому миру. Женитьба её старшего сына Иштвана III на дочери австрийского герцога Генриха Язомирготта сблизила Евфросинью с западными соседями, на помощь которых она только и могла надеяться, отстаивая претензии своего младшего сына на корону св. Иштвана.

Геза попытался воспользоваться сложной ситуацией, сложившейся в Венгрии, прежде всего, конфликтом между королём и примасом. Весной 1174 г. он вторгся в страну, но был схвачен воинами короля и заключён по приказу последнего в тюрьму[1696]. Однако заключение герцога оказалось недолгим. Через очень короткое время он бежал из тюрьмы в Австрию. Произошло это вскоре после того, как австрийский герцог Генрих Язомирготт женил своего сына Леопольда на сестре Белы III и герцога Гезы Илоне (12 мая 1174 г.). Казалось бы, заключение династического брака должно нормализовать отношения между Австрией и Венгрией, но Генрих предоставил Гезе политическое убежище, что перечеркнуло положительное влияние брака Илоны и Леопольда на венгерско-австрийские отношения. Как будет показа-

---

[1695] МТ. 1241. l.

[1696] По утверждению Д. Паулера, Бела III заключил герцога Гезу вместе с матерью в крепость Браничево (*Pauler Gy*. A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt. 322. l.), однако никаких ссылок на источники историк при этом не приводит. Ниже рассматривается свидетельство Пожоньских анналов, которые датируют заключение Евфросиньи в крепость Браничево 1186 г.

но ниже, этот факт косвенно отразился на истории отношений Венгрии и Руси.

В заключение этого раздела хотелось бы обратить внимание на то, что в нашем распоряжении ничтожно мало сведений о жизни королевы Евфросиньи, достаточных для того, чтобы воспроизвести основные вехи её жизни в годы правления Белы III. Попытку написания краткой биографии Евфросиньи Мстиславны, предпринятую недавно Д. В. Донским, нельзя назвать удачной. Так, в статье, посвящённой матери Белы III[1697], историк утверждает, что «в нач. 1172 г., после переворота в Венгрии, устроенного вторым сыном Евфросинии – Белой III (ум. 23 апр. 1196), она бежит с сыном Стефаном к родственникам в Австрию. Там спустя несколько месяцев её сын умирает от отравы»[1698]. Уже в этой фразе содержится целый ряд неточностей, причиной которых является использование историком литературы, не опирающейся на сведения достоверных источников.

Прежде всего, «переворот», якобы устроенный Белой III, никак не мог произойти в *начале* 1172 г., поскольку смерть Иштвана III наступила 4 марта того же года, когда принц Бела-Алексей находился в Византии. В связи с этим Бела не мог появиться на родине раньше середины 1172 г. Никакого другого сына Стефана, кроме Иштвана III, у Евфросиньи Мстиславны не было. Самого младшего из её детей звали Арпадом, и его, скорее всего, уже не было в живых[1699]. Из каких источников Д. В. Донской взял эти известия, неясно. В конце его статьи приведена библиография, в которую включены все случаи упоминания в источниках не только Евфросиньи Мстиславны, но и Иштвана III, где его мать не упоминается. Таким образом, рассматриваемая статья в словаре Д. В. Донского содержит наряду с реальными фактами и совершенно нереальные. События, связанные с последними годами жизни Евфросиньи Мстиславны, рассматриваются ниже.

[1697] *Донской Д. В*. Рюриковичи. С. 305–306.
[1698] Там же. С. 305.
[1699] *Pauler Gy*. A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt. 322. l.

Политическая ситуация в южной Руси в начале 70-х годов XII в. Последние годы княжения Андрея Боголюбского (1157–1174) отмечены стремлением владимирского князя действовать исходя из его убежденности в своём старшинстве над всеми русскими землями. 19 августа 1170 г. умер волынский князь Мстислав Изяславич, и последние пять месяцев правления в Киеве посаженного здесь Андреем на княжение младшего брата Глеба Юрьевича прошли спокойно. Однако 20 января 1171 г. Глеб скончался, и киевский стол занял дорогобужский князь Владимир Мстиславич (15 февраля – 30 мая 1171 г.) – дядя Мстислава Изяславича, которого пригласили в Киев его племянники Давыд и Мстислав Ростиславичи – представители смоленской княжеской ветви. Как неоднократно указывалось выше, женой Владимира Мстиславича была дочь бана Белуша (Белоша) – дяди венгерского короля Гезы II (1141–1162). Учитывая то, что сестра названного князя была вдовствующей венгерской королевой, можно утверждать, что он имел в то время наиболее тесные родственные связи с Арпадами, однако воспользоваться ими за три с половиной месяца нахождения на киевском столе Владимир, естественно, не мог.

Вокняжение Владимира Мстиславича в Киеве не понравилось владимирскому князю Андрею Боголюбскому (1157–1174), который потребовал от него освободить киевский стол для княжившего в Смоленске Романа Ростиславича (1159–1180). Естественная смерть Владимира Мстиславича и приход в Киев Романа в начале июля 1171 г. способствовали временному успокоению владимирского князя, однако мирный период продлился недолго. 1173 год был отмечен масштабным конфликтом Андрея с Ростиславичами, закончившимся поражением войска собранной Андреем коалиции под стенами Вышгорода.

С этого времени суздальские князья надолго потеряли влияние в южнорусских землях, поскольку самый выдающийся правитель северо-восточной Руси Всеволод Большое Гнездо (1176–1212) достиг примерно такой же степени вмешательства в политическую жизнь южнорусских княжеств, как Андрей Боголюбский, лишь после смерти киевского князя Святослава Всеволо-

дича (1194). Ставшие же в то время хозяевами положения на юге представители смоленской ветви Мономашичей вернули себе Киев, где вновь сел Роман Ростиславич (1174–1176, с перерывом). Временному прекращению вмешательства владимирских князей в события вокруг Киева способствовала борьба за власть на северо-востоке Руси, развернувшаяся после убийства Андрея Боголюбского (29 июня 1174 г.).

С точки зрения темы настоящей работы имеет значение ситуация, сложившаяся в рассматриваемое время в пограничных с Венгрией княжествах – Галицком и Владимиро-Волынском. Что касается Волыни, то после смерти Мстислава Изяславича ему беспрепятственно наследовал сын Роман Мстиславич (1170–1205), поскольку брат умершего – княживший в Луцке Ярослав Изяславич (1155–1184), как показали последующие события, был нацелен на занятие киевского стола. В целом же ситуация на Волыни в 70-е годы XII в. была достаточно стабильной. Хотя Роман был внуком Изяслава Мстиславича – брата венгерской вдовствующей королевы Евфросиньи, он, судя по дошедшей до нас информации источников, никак не использовал свои династические связи с Арпадами. Как показали последующие события, Роман Мстиславич в значительно большей степени ощущал себя внуком Болеслава III Кривоустого (1102–1138), поэтому в случаях, когда ему требовалась военная поддержка, волынский князь прежде всего обращался к своему троюродному брату – краковскому князю Казимиру II Справедливому (1177–1194).

В отличие от спокойной Волыни в Галицком княжестве в начале 1170-х гг. разгорелся конфликт внутри княжеской семьи. Поскольку местный правитель Ярослав Осмомысл (1153–1187) предпочёл любовницу Анастасию законной жене Ольге Юрьевне, последняя бежала в 1170 г. в Польшу с сыном Владимиром и группой бояр во главе с Константином Серославичем. Беглецы пробыли во владениях Пястов восемь месяцев. За это время Владимир Ярославич договорился со Святославом Мстиславичем – младшим братом княжившего во Владимире-Волынском Романа – о том, что Святослав даст

Владимиру Червен и будет помогать ему в борьбе за галицкий стол, а Владимир, утвердившись в Галиче, отдаст Святославу Бужск.

Владимир и Ольга Юрьевна шли к Червену, когда к ним прибыл гонец с вестью о том, что в Галиче произошло восстание против Ярослава Осмомысла, в результате которого князь был арестован, его любовница «Настаска» сожжена на костре, а их сын Олег отправлен в заточение. Кроме того, восставшие избили сторонников непопулярного князя – «Чаргову чадь». Галичане заставили Ярослава поклясться на кресте «яко ему имѣти княгиню в правду»[1700]. Всё это побудило Ольгу и Владимира вернуться в Галич. Около двух лет Ярослав Владимирович выполнял условия данной им клятвы. Однако в 1173 г. Ольга Юрьевна и Владимир Ярославич вновь бегут из Галича, на этот раз в Луцк к Ярославу Изяславичу, обещавшему Владимиру «волости искати». Реакция Ярослава Осмомысла на вторичное бегство своих самых близких родственников показывает, что галичский князь за два года, прошедшие после возвращения жены и сына из Польши, заметно укрепил свое политическое положение. На этот раз Ярослав Владимирович нанял поляков, сжёг два города в Луцкой волости и потребовал от Ярослава Изяславича выдать ему непокорного сына. По свидетельству Ипатьевской летописи, луцкий князь испугался разорения своей волости, но отпустил Владимира Ярославича к дяде – Михалку Юрьевичу, княжившему тогда в Торческе. Оттуда Владимира пригласил к себе черниговский князь Святослав Всеволодович и оставил у себя до начала борьбы за власть в северо-восточной Руси после смерти Андрея Боголюбского[1701]. Что касается Ольги Юрьевны, то она, судя по всему, в Галич уже не вернулась.

С точки зрения темы настоящего исследования важен факт невмешательства венгерской короны в события, развернувшие в соседнем с Венгрией Галицком княжестве, несмотря на то, что в последние годы правления Иштвана III (1162, 1163–1172) Арпады восстановили добрососедские отношения с Га-

[1700] ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 564.
[1701] См. об этом: ПСРЛ. Т. II. Стб. 571.

личем, на что обращалось внимание в предыдущей главе. В обоих случаях бегства из Галича жены и сына Ярослава Осмомысла внешней силой, к которой обращались обе враждующие стороны, были польские князья.

Вторая половина 70-х годов XII в. была отмечена на Руси складыванием новой политической ситуации в связи с временным ослаблением влияния на общерусские дела владимирских князей. Смерть Андрея Боголюбского (1174) привела к борьбе за владимирский стол, в результате которой в северо-восточной Руси появился новый сильный правитель – Всеволод Большое Гнездо (1176–1212), которому пришлось в первые годы своего княжения преодолевать последствия недавней борьбы за власть и выстраивать отношения с рязанскими князьями, принявшими активное участие в борьбе за наследие Андрея Юрьевича. Это не давало Всеволоду возможности активно влиять на южнорусские дела, не говоря уже о проведении внешнеполитических акций на южном направлении, что косвенно способствовало утверждению в Киеве главы черниговских Рюриковичей – Святослава Всеволодовича (1176–1194), который до 1180 г. был союзником Всеволода Юрьевича в его борьбе за лидерство в северо-восточной Руси.

Что же касается самого факта перехода Киева в руки одного из потомков Олега «Гориславича», то главной его причиной был отказ смоленских Ростиславичей от борьбы за «матерь городов русских», несмотря на их явное преимущество в силах перед Святославом Всеволодовичем[1702]. Понимая шаткость своего положения, Святослав в первые годы своего киевского княжения стремится найти союзников как среди сильнейших русских князей, так и за пределами Руси. В конце 1178 г. он женит своего сына Всеволода (Чермного) на дочери краковского князя Казимира II Справедливого, а в 1179 г. Всеволод Большое Гнездо выдает за другого сына Святослава – Владимира – свою племянницу (дочь Михалка Юрьевича). Для укрепления своего положения в Киеве Святослав Всеволодович созывает в 1180 г. снем черниго-

[1702] Узнав о подходе к Киеву полков Мстислава Ростиславича в 1176 г., Святослав Всеволодич бежал из города, потеряв многих воинов при переправе через Днепр, однако Ростиславичи «не хотяче гоубити Роускои земли и кр(е)сть(ян)скои крови проливати, сгадавше [ХП приб. и] даша Киевъ С(вя)тославоу, а Романъ иде к Смол(е)ньскоу» (Там же. Стб. 605).

ских князей, на котором даёт понять Ольговичам, что он остаётся их лидером и заинтересован в их сплочении вокруг него в условиях сохранявшегося противостояния с Ростиславичами.

Участвовал ли русский отряд в войне Белы III с австрийским герцогом Генрихом Язомирготтом? Как указывалось выше, избрание Белы-Алексея на венгерский престол «по старшинству» не избавило его от притязаний на корону св. Иштвана со стороны его младшего брата – герцога Гезы, которого поддерживала их мать Евфросинья Мстиславна. После неудачного похода в Венгрию в 1174 г. Геза находился под защитой Генриха II Язомирготта (1141–1177, с 1156 – герцог). Пребывание герцога Гезы в Австрии, безусловно, представляло для Белы III угрозу нового вторжения его мятежного брата в пределы Венгерского королевства. Все попытки короля добиться от Генриха II выдачи Гезы не увенчались успехом. Тогда в 1176 г., когда пошёл уже третий год пребывания Гезы в Австрии, Бела III попытался решить эту проблему вооруженным путём.

О походе большой военной коалиции против герцога Генриха повествует т. н. «Хроника, собранная Великим пресвитером» (*Chronica collecta a Magno presbytero*)[1703], написанная в монастыре немецкого города Райхерсберга в 1195 г. и доведённая до этого же года. Здесь в начале статьи под 1176 г. можно прочитать: «Князь чехов вторгся в Австрию в месяце августе с многочисленным войском, (состоявшим из) чехов, венгров, поляков, русских и достигавшим почти 60 тысяч. …»[1704]. В. Т. Пашуто, затрагивая этот эпизод, справедливо называет организаторами похода чешского короля Собеслава II (1173–1178) и князя Конрада Зноемского[1705], поскольку на это указывает хронист. Однако, судя по характеру повествования цитируемой хроники, главную роль в рассматриваемых событиях играл венгерский король Бела III, поскольку он обладал самым сильным войском среди соседей Австрийского

[1703] Chronica collecta a Magno presbytero // MGH SS. Hannoverae, 1861. T. XVII. P. 476–523.
[1704] “A. 1176. Dux Boemorum intravit partes Orientis in mense Augusto cum exercitu multo Boemorum, Ungarorum, Polanorum, Ruzenorum, usque ad 60 ferme milia” (Ibid. P. 501).
[1705] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 185.

герцогства, заметно превосходившим армии чешского князя и польских князей. Это вторжение, однако, не заставило Генриха Язомирготта выдать венгерскому королю герцога Гезу, поэтому в конце того же года враги Генриха II вновь разорили его владения.

С точки зрения темы настоящей работы важным вопросом является установление имени князя «рузенов», направившего свое войско на помощь венгерскому и чешскому королям. В летописных памятниках и других древнерусских источниках отсутствуют какие-либо сведения об этом походе. Наиболее вероятной кандидатурой на роль союзника названных государей видится галичский князь Ярослав Владимирович. В. Т. Пашуто подкрепляет эту гипотезу следующими соображениями: «Судя по галицко-польским отношениям, это могли быть войска Осмомысла. Но вообще-то полностью разобраться в значении известий о русско-чешских отношениях можно будет после их сопоставления с чешско-польско-немецкими. Впрочем, уже и сейчас можно судить о важности сближения между Русью и Чехией, особенно для их взаимоотношений с Византийской и Германской империями. Русско-чешские культурные и церковные связи подкрепляют заключения этого рода»[1706].

Выше автором настоящей работы уже высказывалось предположение о том, что прочный союз между Белой III и Мануилом I Комнином должен был проецироваться и на отношения Арпадов к правителям, с которыми у Византии были давние союзнические отношения, в том числе к галичским князьям. Эти соображения согласуются с гипотезой В. Т. Пашуто, который в соответствующем разделе своего капитального труда по истории внешней политики Древней Руси, посвящённом русско-венгерским отношениям эпохи Белы III, не рассматривает войну 1176 г., считая её событием, относящимся к связям Чехии с русскими князьями. Однако все изложенные в настоящем разделе рассуждения противоречат точке зрения, господствующей в наши дни в чешской историографии, где принято считать, что «рузены» в рассматриваемых

[1706] Там же.

событиях 1176 г. не участвовали[1707]. Данное обстоятельство вызывает недоумение, поскольку в издании хроники, собранной Великим пресвитером, осуществленном в 1861 г. Г. Х. Пертцем и до сих пор не потерявшем своего научного значения, даже в разночтениях имеются в виду «рутены»[1708].

В немецкоязычных работах, в которых затрагивается данный сюжет, мне не встретились попытки заменить «рузенов» на саксов, они упоминаются вместе[1709]. Венгерские историки долгое время придерживались буквальной трактовки рассматриваемого свидетельства. Так, в своде средневековых источников, в которых содержатся упоминания о венграх, изданном Ф. А. Гомбошем, процитирован отрывок из «Хроники, собранной Великим пресвитером», в котором упомянуты Ruzeni[1710]. В своде упоминаний источников о Беле III, переведённых на венгерский язык, изданном в Венгрии в 1981 г., в статье хроники Великого пресвитера под 1176 г. также фигурируют «русские»[1711]. Однако в той же самой цитате, приведённой в книге Ф. Макка по венгерской истории XII в., вышедшей в свет в 2000 г., «русские» по непонятной причине пропущены, хотя поставленное в середине цитаты многоточие свидетельствует о том, что венгерский исследователь в данном случае просто не захотел приводить весь перечень участвовавших в походе этнических групп[1712].

А. В. Флоровский в своём капитальном труде по истории русско-чешских отношений X–XVIII вв. также пишет о том, что «в августе 1176 г. русские вспомогательные отряды упоминаются в составе войска, с которым князь Собеслав II и кн. Конрад Зноемский начали военные действия против Австрии – против герцога Генриха Язомиргота, это были, вероятно, наёмные вои-

---

[1707] *Bláhová Marie, Frolik Jan, Provantová Naďa*. Velké dějiny zemi koruny české. S. 646. Автором главы, в которой рассматривается это событие, является Мария Блахова.

[1708] Chronica collecta a Magno presbytero // MGH SS. T. XVII. P. 501, n. k.

[1709] В фундаментальном хронологическом справочнике по истории Австрии, составленном Вальтером Кляйнделем, в качестве союзников Собеслава II во время его вторжения в Австрию перечислены поляки, русские, саксы, венгры и штирийцы (*Kleindel Walter*. Österreich. Daten zur Geschichte und Kultur. Wien, 1978. S. 47).

[1710] *Gombos Ferenc Albin*. Catalogus Fontium Historiae Hungaricae... T. II. P. 1485.

[1711] III. Béla emlékezete. A szöveganyagot válogatotta, fordította, a bevezetőt és a jegyzeteket írta Kristó Gy. és Makk F. Bp., 1981. 91. l.

[1712] *Makk F*. A tizenkettedik század története. Bp., 2000. 160. l.

ны». В примечании к этой фразе приводит библиографию работ, авторы которых упоминают об участии русских отрядов в боевых действиях в Австрии в 1176 и там же указывает на то, что в сочинении Вацлава Новотного русские не упомянуты[1713]. Обращает на себя внимание также тот факт, что ни А. В. Флоровский, ни В. Т. Пашуто, который, судя по приведенной в его труде библиографии, также знал «Чешскую историю» В. Новотного, не приводят аргументацию названного чешского историка. Начатая В. Новотным традиция дожила до наших дней. Так, специалист по истории русско-венгерских отношений домонгольского периода М. Фонт нигде в своих работах не затрагивает эпизода об участии русских отрядов в походе Собеслава II и Конрада Зноемского в Австрию в 1176 г. В новейшем многотомном академическом издании по чешской истории с древнейших времен до наших дней при описании событий 1176 г. вместо «рузенов» в списке союзников Собеслава II указаны саксы[1714].

Заканчивая тему борьбы герцога Гезы за корону св. Иштвана, необходимо дать краткую справку о дальнейшей судьбе мятежного брата Белы III. После смерти своего покровителя Генриха II Язомирготта, последовавшей 13 января 1177 г., Геза бежал к Собеславу II – одному из организаторов разорения австрийских земель в 1176 г. Парадоксальность выбора герцога Д. Паулер объясняет следующим образом: «К Собеславу II, как к ставленнику императора Фридриха I, бежал, следовательно, герцог Геза, когда 13 января 1177 г. умер австрийский герцог Генрих, и его надежды на то, что с его помощью они попадут к Фридриху I и он сможет получить венгерскую корону ценой того, что он признает Венгрию находящейся под властью императора. Однако Собеслав II больше думал о союзе с Белой III, чем император Фридрих I, и вопреки интересам немецкой державы»[1715]. Поэтому Собеслав в том же 1177 г. выдал Гезу Беле III, вновь подвергшему брата заключению, теперь уже на более длительный срок – до 1189 г.

[1713] *Флоровский А. В.* Чехи и восточные славяне. С. 91–92. Ссылка на работу Новотного: *Novotný Václav*. České dějiny. I. 2. Praha, 1912. S. 1035.

[1714] *Bláhová Marie, Frolík Jan, Profantová Nada*. Velké dějiny zemi koruny české. S. 646.

[1715] *Pauler Gy.* A magyar nemzet története azÁrpáházi királyok alatt. 323. l.

В венгерской историографии закрепилось мнение о том, что вместе с Гезой тогда же была посажена в крепость Браничево его мать Евфросинья Мстиславна. Об этом писал еще Д. Паулер. Основания для того предположения историк видит в том, что в 1177 г. Бела III совершил жестокую расправу над сторонниками Евфросиньи: «одному из них, ишпану Вате выкалывают глаза, калочского архиепископа – Иштвана, который только ещё был избран и не посвящён в архиепископы – лишают кафедры»[1716]. Однако эта гипотеза не подтверждается однозначно сведениями источников, поэтому среди венгерских исследователей нет единства по вопросу о дате ареста Белой III своей матери. Согласно имеющейся в распоряжении историков информации, вдовствующая королева могла быть заключена в названную крепость и в середине 80-х годов XII в. (см. ниже).

Миграции русского населения во владения Арпадов при Беле III. Вопрос о том, когда на землях по другую сторону Карпат появляются предки современных русинов, до сих пор остается нерешенным, причём отчасти этому мешает политическая направленность, которую придают ему некоторые исследователи, особенно те из украинских историков, кто считает русинов не отдельной народностью, а частью украинского этноса[1717]. По моему мнению, восточные славяне жили по обеим сторонам северо-восточных отрогов Карпат ещё до «обретения родины» венграми на рубеже IX–X вв., чему есть много косвенных данных источников, которые историки либо необоснованно относят к Днепровской Руси, либо без достаточных доказательств считают недостоверными[1718].

Современные венгерские исследователи датируют начало миграций русского населения на земли венгерской короны не ранее второй половины XII в. Что же касается актового материала, подтверждающего появление в Венгерском королевстве топонимов, в которых проявляется этникон «орос»

[1716] Ibid.
[1717] См. об этом: *Поп Иван*. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Изд. 2-е. Ужгород, 2006. С. 66–74.
[1718] См. об этом: *Юрасов М. К.* Подкарпатская Русь – одна из колыбелей христианства у восточных славян. Очерки ранней истории русинов. Saarbrücken, 2013. С. 6–28.

(’русский, русин’), то самые ранние из дошедших до нас документов о королевских пожалованиях земельных владений с проживающим на них населением относятся к первой трети XIII в.[1719] Правда, как указывалось выше, историческая память венгерского народа сохранила предание о приходе в Венгрию некоторого количества русских при Калмане Книжнике (1095–1116) в качестве королевских телохранителей. Это предание отразилось в королевском дипломе от 1326 г., свидетельствующем о том, что жители деревни Надьороси считали себя потомками этих телохранителей (см. выше, гл. III).

От времени Белы III до нас дошёл один диплом, содержание которого также даёт материал для выводов о миграции русского населения на земли венгерской короны в то время. Речь идёт о документе, выданном в комитате Темеш, который датируется 1177 г. Текст диплома издан в выпуске XXIII венгерского периодического издания «Архивные публикации». Здесь можно прочитать: «…простирается по направлению к дому русского»[1720]. Как видно из приведённой цитаты, в деревне, о которой идёт речь, в то время жил только один русский (скорее всего, с семьёй), но впоследствии на его базе возникло селение под названием *Ороси*[1721].

На этом основании Д. Кришто, опираясь также на данные о единичных упоминаниях в актовом материале королевства Венгрии населённых пунктов, названия которых происходят от этнонимов «чех», «хорват» и т. п., считает, что «нельзя говорить… о поселениях с многочисленным русским (чешским, хорватским и т. п.) населением»[1722]. Таким образом, венгерский исследователь фактически отрицает возможность массового переселения русских на земли венгерской короны в то время, с чем можно согласиться. Д. Кришто, безусловно, прав, указывая на единичность упоминания русского поселянина в актовом материале XII в. Однако, по моему мнению, в данном случае возникает проблема происхождения этого русского домохозяина. Вполне воз-

[1719] *Kristó Gy.–Makk F.–Szegfű L.* Adatok „korai” helyneveink ismeretéhez // Acta Historica. T. XLIV. Szeged, 1973. 12–14. l.
[1720] „...protenditur versus domum Ruteni” (*Borsa I.* III. Béla 1177. évi könyvalakú privilegiuma az aradi kaptalan számára // Leveltari Közlemények. XXIII (1945). 213. l.).
[1721] *Кришто Дюла*. Русские в Венгрии в эпоху династии Арпадов. С. 43.
[1722] Там же.

можно, что он переселился в комитат Темеш вовсе не из Днепровской Руси, а из верховьев Тисы, где издревле проживали восточные славяне, причислявшие себя к русам[1723]. Кстати, названный комитат находился в южной части владений Арпадов[1724], непосредственно соприкасаясь с двумя банатами – административно-территориальными образованиями, которые венгерские короли основывали на вновь присоединяемых землях южных славян. От галицко-венгерской границы Темеш находился на расстоянии 350–400 км. Чтобы добраться туда из юго-западной Руси, нужно было пройти почти десяток комитатов.

Всё это, несмотря на то что вокруг «дома русского» возникло впоследствии поселение Ороси (’Русское’), не даёт никаких оснований говорить о большом размахе миграций русского населения на земли венгерской короны в XII в. Более того, географическое положение комитата Темеш убеждает меня в том, что переселиться туда мог скорее русин из бассейна Верхней Тисы, имевший определенные представления о географии своей страны, чем житель одного из русских княжеств, который, перевалив через Карпаты, отправился бы «по диагонали» из северо-восточной окраины Венгрии на её южные приграничные земли. Мест для проживания было достаточно как в соседних с Русью комитатах (Унг, Берег, Земплен, Марамарош), так и в Трансильвании, поэтому переселенцам из Днепровской Руси не нужно было отправляться так далеко почти через всю Венгрию.

2. Политическая ситуация в Юго-Восточной Европе и на Руси после смерти Мануила I Комнина

Отказ Белы III от союза с преемниками Мануила Комнина. Эпоха правления Мануила I (1143–1180) стала последним периодом расцвета Византий-

[1723] О том, что этникон «рус» мог распространяться в раннее Средневековье на всех восточных славян, писал находившийся в эмиграции русский историк А. В. Соловьёв (*Soloviev A.* Der Begriff „Russland” im Mittelalter // Studien zur älteren Geschichte Osteuropas. Teil I. Graz; Köln. 1956. S. 149–150. Его мнение поддержал В. В. Седов (*Седов В. В.* Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 526).

[1724] Центром комитата был Темешвар – соврем. Тимишоара (Румыния).

ской империи. Один из сильнейших государей своего времени, он до последних дней своей жизни держал под контролем ситуацию на Балканах, подавляя своим авторитетом и внешнеполитическими успехами инициативу венгерского короля и сербского великого жупана, стремившихся изменить соотношение сил в рассматриваемом регионе не в пользу Византии. В связи с этим венгерские исследователи датируют первый период правления Белы III 1172–1180 гг. (т. е. до смерти Мануила), характеризуя его, с точки зрения внешнеполитического положения Венгрии, как «период поддержания хороших отношений с папством и Византийской империей и непрерывной заботы о них»[1725].

Уход из жизни Мануила Комнина не только означал конец византийского диктата в Балканском регионе, но и освобождал Белу III от данной им Мануилу клятвы всегда быть союзником Византии. При этом нельзя объяснять внезапное ослабление «империи ромеев» только малолетством его преемника Алексея II (1180–1183). Несмотря на достигнутые при Мануиле Комнине победы над венграми, печенегами и половцами, освобождение от венецианского засилья и другие успехи, «Византия стояла перед внешнеполитической катастрофой. Бесконечные войны тяжело обременяли государственную казну. Войска были утомлены непрерывными походами (бегство из-под Дамиетты – пожалуй, наиболее яркий эпизод, свидетельствующий об усталости армии)»[1726].

Венгерские исследователи считают 1180 г. рубежом между первым и вторым периодами истории внешней политики Белы III. Ф. Макк в своем обобщающем труде, посвящённом внешней политике Венгрии от «обретения родины» до 1196 г., обращает внимание на то, что «наблюдаемая с конца 1180 г. венгерская экспансия была направлена против Византии, Венеции, Галича и Сербии, но в отдельном пункте (Штирии) нанесла чувствительный удар и

[1725] *Makk F.* A tizenkettedik század története. 161. l.
[1726] История Византии. Т. 2. М., 1967. С. 329 (автор главы – А. П. Каждан). В данном случае имеется в виду позорное бегство византийского войска из-под стен Дамиетты во время похода в Египет 1168 г.

по интересам Германской империи»[1727]. В цитированном отрывке Ф. Макк строго в хронологическом порядке перечисляет объекты экспансии венгерского короля, однако при этом он имеет в виду все 80-е годы XII в., а в конце 1180 г. Бела III обратил свое внимание только на Византию и Венецию.

Мануил I умер 24 сентября 1180 г. Его сыну и преемнику Алексею II было в то время 11 лет. Смерть недавнего союзника побудила Белу III начать кампанию по отвоеванию балканских областей, потерянных его отцом Гезой II и вошедших в состав Византийской империи. В конце 1180 – январе 1181 г.[1728] далматинские города, завоёванные Мануилом I, вернулись под власть венгерской короны, причем «при явном сочувствии местных жителей»[1729]. Тогда же город Зара (Задар), находящийся на одном из островов Адриатического моря, отпал от Венеции, признав своим государем Белу III. В 1182 г. венгерская армия захватывает будущую столицу Сербии Белград (*венг*. Нандорфехервар), а в следующем году союзное венгерско-сербско-боснийское войско продвигается вглубь болгарских владений Византии, дойдя до Ниша и Софии.

Причиной того, что Бела III, отвоевав Далмацию, никогда более не вернувшуюся в состав Византии, продолжал совершать набеги на империю Комнинов, по мнению исследователей, могли быть сохранившиеся у венгерского короля тайные связи со своей бывшей невестой Марией, которые старался пресечь регент при малолетнем императоре – его дядя Андроник. После того как Мария Комнина была казнена по требованию регента, Бела выступил как мститель за неё[1730].

Остановить венгерский натиск смог лишь ставший императором Андроник I Комнин (1183–1185) – после того как он сверг с престола и убил племянника. В 1184 г. Андроник послал на Средний Дунай войско под командованием Алексея Враны, которое вытеснило венгров из района Браничево

[1727] *Makk F.* Magyar külpolitika (896–1196). 2. kiad. 212. l.

[1728] Авторы академического издания «Хронология Венгрии» датируют эту военную операцию временем до февраля 1181 г. См.: MTK. I. 119. l.

[1729] История Византии. Т. 2. С. 339 (автор главы – Г. Г. Литаврин).

[1730] Там же.

(*венг*. Баранч). При этом важно отметить, что экспансионистская политика Белы III против Византии должна была сказаться на венгерско-галицких отношениях. Как известно, Андроник Комнин, скорее всего, был двоюродным братом галицкого князя Ярослава Осмомысла. Однако никаких сведений о конфликтах и вообще каких-либо контактах правителей Венгрии и Галича с начала 80-х годов XII в. до 1188 г. в дошедших до нас источниках не содержится. Единственным доказательством того, что Галич и Венгрия находились в середине 80-х годов XII в. в разных «лагерях» по отношению к Византии, служит тот факт, что во время поднятого против него в Константинополе восстания василевс Андроник пытался бежать на Русь. Вряд ли можно сомневаться в том, что единственным местом на Руси, где он мог найти приют, был Галич. Возможности киевского митрополита – грека Никифора (ок. 1183 – после 1199[1731]), вынужденного осуществлять руководство Русской Православной Церковью в условиях заметного падения политической роли Киева и антигреческой позиции, которую занял сильнейший русский князь Всеволод Большое Гнездо, были весьма ограничены.

Свержение и убийство Андроника I Комнина (12 сентября 1185 г.) привело к смене правящей династии в Византии. Пришедший к власти Исаак II Ангел (1185–1195, 1203–1204) – организатор восстания против Андроника – заметно уступал, как политик, своим предшественникам из династии Комнинов. При нём Византия вступает в период политического упадка, завершившийся её крахом в 1204 г. в связи с захватом Константинополя участниками IV крестового похода. Все эти обстоятельства создавали благоприятные условия для продолжения венгерской экспансии на балканские владения «империи ромеев». Тем не менее, свержение Андроника I Комнина побудило Белу III временно сменить вектор своей политики по отношению к Византии с враждебного на дружественный. В конце 1185 г. он выдает дочь Маргит (Маргариту) за Исаака II Ангела. При этом овдовевший к тому времени венгерский король просит себе в жены Феодору Комнину – проживавшую в мо-

[1731] Даты нахождения на кафедре даны по: *Поппэ А*. Митрополиты и князья Киевской Руси. С. 461–462.

настыре родственницу Мануила I, однако собравшийся по этому поводу византийский церковный собор не благословил этот брак. В условиях нарастания антивизантийских настроений на Балканах это решение было, безусловно, недальновидным.

Однако ослабление Византии имело для Белы III не только сугубо положительные последствия. Оно также способствовало появлению на Балканах нового государства – Болгарии, освободившейся от византийского владычества в результате народного восстания 1187 г., которое возглавили братья Петр и Асень. Правда, на первых порах интересы болгарских правителей и Белы III совпадали, поскольку у них был общий враг – Византия. Казалось бы, неоднократное проникновение предшественников Белы III в ходе балканских военных экспедиций на болгарскую территорию и экспансионистский характер политики названного короля должны были обострить отношения между Венгрией и Болгарией, но источники умалчивают об этом. По мнению болгарского историка Стояна Радева, то, что Бела III «разгромил византийское войско, в большой степени помогло успеху болгарского восстания, которое возглавили Асень и Петр, и созданию Второго Болгарского царства в 1187 г.»[1732]. К сожалению, С. Радев не уточнил в данном случае, какая именно битва имеется здесь в виду. Последний раз до болгарского восстания венгерская армия громила византийцев осенью 1183 г., после чего, как указано выше, Андронику I Комнину удалось временно отразить венгерский натиск.

Отказ православных церковных иерархов Византии санкционировать брак Белы III с Феодорой Комниной не мог не вызвать охлаждения отношений венгерского короля с зятем – василевсом Исааком II. Видимо, этим объясняется равнодушие Белы III к факту отпадения болгар от Византии. Лишь незадолго до свержения Исаака с престола (1195) Бела III по просьбе зятя обещал ему оказать военную помощь для возвращения Болгарии в состав «империи ромеев», однако после прихода к власти в Константинополе Алексея III (1195) венгерский король отказался от похода в Болгарию.

[1732] *Radev Sztojan*. Bolgárok és magyarok. Bp., 1977. 20. l.

Обострение конфликта Белы III с матерью – Евфросиньей Мстиславной. Как указывалось выше, вдова Гезы II и мать его детей Ефросинья, являвшаяся внучкой Владимира Мономаха, активно вмешивалась в политическую жизнь Венгрии. Приняв на себя бремя власти в 1162 г. по причине малолетства сына – Иштвана III, вдовствующая королева должна была отбивать попытки своих деверей – Ласло II и Иштвана IV – закрепиться на венгерском престоле. В этих условиях проявились её сильный характер и умение находить помощь за пределами страны. Однако при этом королева-мать любила всех своих детей, кроме Белы, который в возрасте 15 лет был отправлен в Константинополь с целью подготовки к занятию византийского престола. Бела-Алексей пробыл в Византии 9 лет, что способствовало охлаждению его отношений с матерью. Вдовствующая королева после смерти своего старшего сына – Иштвана III – поддерживала младшего – герцога Гезу, неоднократно пытавшемуся завладеть короной св. Иштвана с иностранной помощью, на что также обращалось внимание выше.

После смерти своего покровителя Генриха II Язомирготта герцог Геза был выдан брату Беле III чешским князем Собеславом II в 1177 г. и до 1189 г. находился в заточении. Была ли арестована вместе с ним Евфросинья Мстиславна, сказать сложно. Те венгерские историки, которые не доверяют хронологии Пожоньских анналов (см. ниже), уверены в том, что Геза и Евфросинья были отправлены в заточение одновременно. Так считают Д. Паулер, М. Вертнер, Б. Хоман, Ф. Макк и др.[1733] Поскольку Бела III дважды отправлял своего младшего брата в заточение, одни историки датируют арест Евфросиньи 1174 г. (Д. Паулер, Б. Хоман), другие – 1176 г. (М. Вертнер) или 1177 г. (Ф. Макк). При этом М. Вертнер исправляет хронологию Пожоньских анналов ровно на 10 лет (1186 на 1176), а Ф. Макк ставит в один ряд арест вдовствующей королевы с ослеплением её сторонника ишпана Ваты.

[1733] *Pauler Gy.* A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt. 322. l.; *Wertner M.* Az Árpádok családi története. 313. l.; *Hóman B. és Szegfű Gy.* Magyar történet. I. k. 410. l.; *Makk F.* A tizenkettedik század története. 161. l.

Для того чтобы связывать арест Евфросиньи с попытками её любимого сына Гезы оспорить у своего брата корону св. Иштвана, следует признать факт нахождения королевы-матери на территории, подвластной Беле III. Никаких сведений источников на этот счёт у нас нет. Если Евфросинья Мстиславна бежала вместе с Гезой в Австрию в год прихода к власти в Венгрии её нелюбимого сына Белы, то трудно себе представить, чтобы она участвовала во вторжениях Гезы во владения Белы III. На основании сведений источников можно сделать вывод о том, что вдовствующая королева в сфере внешней политики занималась более подходящим её полу поиском союзников или средств для привлечения наемного войска. Исходя из этого, можно предположить, что Евфросинья во время начала борьбы Гезы за венгерский трон, скорее всего, находилась в Австрии, герцог которой Генрих II Язомирготт до своей смерти отказывался выдать Гезу венгерскому королю.

Трагическая судьба Гезы свидетельствует о том, что возможности его матери найти любимому сыну военную помощь у соседних государей были крайне ограничены. Можно также с достаточной долей уверенности утверждать, что сестра киевского князя Изяслава Мстиславича (1146–1154, с перерывами) ко времени занятия престола её сыном Белой (1172) потеряла политические связи со своими русскими родственниками. Как рассматривалось в предыдущей главе, последние зафиксированные источниками контакты королевы с русскими князьями относятся к лету 1166 г., когда была разорвана помолвка дочери Ярослава Осмомысла с Иштваном III. Думается, Евфросинья прекрасно понимала отсутствие реальных возможностей найти поддержку для сына на родине, поскольку потомки Мстислава Великого тогда уже не обладали достаточным влиянием и большими владениями.

Возможно, после переезда герцога Гезы в Чехию мать последовала за ним. В связи с отсутствием данных источников остаётся лишь предполагать, что передача Собеславом II Гезы в руки Белы III могла побудить Евфросинью Мстиславну отправиться в Венгрию с целью добиться мира между сыновьями и освобождения Гезы из заточения. Вывод о том, что вдовствующая

королева возвратилась в Венгрию, можно сделать из факта её заключения в крепость по приказу Белы III. Представляется крайне маловероятным, чтобы король направлял специальный отряд за границу с заданием арестовать свою мать и привезти её в Венгрию. Ослепление ишпана Ваты можно объяснить тем, что после возвращения королевы-матери у неё обнаружились сторонники среди венгерской знати, которые вместе с ней поддерживали герцога Гезу, что побудило Белу III жестоко расправиться с Ватой. Впрочем, не исключена и возможность того, что Евфросинья Мстиславна во время конфликта между сыновьями никуда не выезжала из Венгрии, долгое время воздерживаясь от открытой поддержки младшего сына, и лишь заточение Гезы побудило её совершить какие-то действия, вызвавшие гнев Белы III, после чего он приказал арестовать мать и заключить её в крепость.

К сожалению, в Венгерском хроникальном своде XIV в. и других средневековых латиноязычных исторических сочинениях королевства Венгрии не содержится никаких сведений не только о последних годах жизни Евфросиньи Мстиславны, но и о борьбе герцога Гезы за корону св. Иштвана. Древнейшее из дошедших до нас произведений средневековой венгерской хронистики – Пожоньские анналы, описывая под 1186 г. деяния Белы III, сообщают: «Мать же его содержится пленницей в Браничево»[1734]. Это же историческое сочинение, созданное на рубеже XII–XIII вв., содержит ещё одно известие о Евфросинье Мстиславне, помещённое под 1187 г.: «В то же самое время мать короля высылается в изгнание в Грецию»[1735]. В примечаниях издателя (Имре Маджара) к этим известиям указывается на то, что Пожоньские анналы под 1186 г. описывают события, относящиеся к 1175 г., а под 1187 г. – к 1177 г.[1736] Других сведений о конфликте Белы III с матерью в дошедших до нас источниках не обнаруживается.

Таким образом, исследователи не доверяют хронологии Пожоньских анналов, особенно дате первого из цитированных известий. Как указывалось

[1734] „Mater vero eius tenetur captiva in Bronz” (Annales Posonienses // SRH. Vol. I. P. 127).
[1735] „Eodem tempore mater regis in exilium in Greciam mittitur” (Ibid).
[1736] Ibid. N. 4.

выше, М. Вертнер считал, что заключение Евфросиньи в темницу произошло в 1176 г., никак не аргументируя свое мнение об ошибке хрониста[1737]. В своде известий источников о Беле III, в комментариях к приведённым известиям обращается внимание на то, что Пожоньские анналы под 1186 г. описывают бегство герцога Гезы из заточения, относящееся (по уточненным данным), к 1176 г., после чего в той же статье приводится известие о том, что королева-мать содержится в Браничево[1738]. Автор статьи о Евфросинье в «Раннем венгерском историческом словаре (9–14 вв.)» М. Фонт не указывает дату заключения Ефросиньи под арест, а 1186 г. она уже датирует паломничество королевы-матери через Византию в Иерусалим[1739]. Таким образом, исследовательница всё же признает близкой к реальности датировку второго из привлекаемых известий Пожоньских анналов.

Источником, на основании которого исследователи определяют время появления матери Белы III в Византии, является один из чешских дипломов, датируемый 1186 г.[1740] В этом документе, составленном для княгини Эржебет (Елизаветы) – дочери Гезы II и Евфросиньи, вдовствующая королева названа монахиней монастыря иоаннитов в Иерусалиме. Согласно тексту рассматриваемого документа, Эржебет подарила одну чешскую церковь и владения названному иерусалимскому ордену, в котором её мать облачилась в монашескую одежду[1741]. В связи с этим можно предположить, что Евфросинья Мстиславна находилась в Браничево с 1177 по 1186 г., после чего отправилась в Византию и далее на Святую землю.

Почему Евфросинья Мстиславна не вернулась на родину, а отправилась на «святую землю», сказать трудно. Судя по дошедшим до нас скудным известиям источников, королева, прожив большую часть жизни в Венгрии, ощущала себя представительницей западноевропейского мира, и конфессиональная близость с «ромеями» (а значит и с Русью) не имела для неё никакого

[1737] *Wertner M.* Az Árpádok családi története. 313. l.
[1738] III. Béla emlékezete. 64, 185. l.
[1739] KMTL. 205. l.
[1740] CDH. T. II. Bp., 1829. P. 230.
[1741] *Györffy Gy.* A szavaszentdemeteri görög monostor XII. századi birtokösszeírása. 349. l.

значения. Возможно, она давно мечтала посетить места, связанные с жизнью Христа, и на склоне лет решила исполнить свою мечту.

Последние годы жизни галицкого князя Ярослава Осмомысла. Летописные источники не содержат никаких упоминаний о внешнеполитических акциях Ярослава Владимировича в 80-е годы XII в. Создается впечатление, что в то время на русско-польском и русско-венгерском порубежье царило полное затишье, как и в отношениях Галича с Византией. К счастью для исследователей, именно к этому времени относится яркая поэтическая характеристика, которую дал Ярославу Осмомыслу неизвестный автор «Слова о полку Игореве». Как известно, исследователи (за исключением отдельных учёных, сомневающихся в подлинности этого литературного памятника) датируют написание «Слова» не позднее 1187 гг., т. е. незадолго до смерти Ярослава Владимировича. По сути дела, сама эта смерть является одним из датирующих признаков (*terminus ante quem*) для определения времени написания «Слова о полку Игореве», хотя, скорее всего, оно было создано в 1185 г.[1742]

Автор «Слова» так обращается к Ярославу Осмомыслу: «Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подпер горы Угорскыи своими желѣзными плъкы, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены чрезъ облаки, суды рядя по Дунаю»[1743]. В этом отрывке неизвестный автор, поэтически характеризуя военную мощь галичского князя и стратегическое значение его земель, представляет нам картину величия Ярослава Осмомысла, которое наиболее ярко проявляется в его взаимоотношениях с соседними государствами. При этом подчёркивается роль Ярослава как князя, не только сдерживавшего венгерский натиск на русские земли, но и распространившего свою власть вплоть до нижнего Дуная, т. е. до северных пределов Византии. Безусловно, главной задачей художника слова является создание ярких запоминающихся образов,

[1742] *Кучкин В.А*. Слово о полку Игореве // ППИДР. С. 97.
[1743] Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век. СПб., 1997. С. 262.

но у исследователя невольно возникает вопрос: насколько адекватно поэтическое описание величия Ярослава Осмомысла реальному положению дел на галицком порубежье и насколько велика заслуга самого князя в обеспечении безопасности юго-западных границ Древней Руси?

Как указывалось выше, середина 80-х годов XII в. была в юго-восточной Европе временем прогрессирующего ослабления Византии. Болгарское восстание 1187 г., закончившееся созданием Второго Болгарского царства, ярко показало, что удержать власть «империи ромеев» над землями к югу от Нижнего Дуная уже невозможно. О том, что Византия едва справляется с обороной своих северо-восточных границ, ярко свидетельствует сообщение Никиты Хониата, согласно которому Андроник I Комнин умолял киевского митрополита Никифора склонить русских князей к походу на половцев[1744].

Что касается Белы III, то он в рассматриваемое время был занят решением внешнеполитических проблем на юге, пытаясь не только вернуть земли, перешедшие под контроль Комнинов при Иштване III, но и расширить пределы Венгерского королевства на Балканах. После свержения и убийства Андроника I Комнина Бела III устанавливает союзнические отношения с новым византийским императором Исааком II Ангелом (1185–1195, 1203–1204), выдав за него свою дочь Маргит (Маргариту) и прося себе в жены Феодору Комнину – проживавшую в монастыре родственницу Мануила I Комнина[1745]. В качестве приданого за дочь венгерский король возвращает Византии отвоёванные им Белград и Браничево[1746]. Всё это свидетельствует о том, что для венгерской правящей верхушки отношения с соседними русскими князьями были в то время не актуальными.

В последние годы жизни Ярослав Осмомысл и сам не предпринимал активных внешнеполитических акций, довольствуюсь распространением своей власти далеко на юг вплоть до низовьев Дуная. Сложившаяся в то время политическая ситуация на внешних границах юго-западной Руси отражена в

[1744] *Nicetae Choniatae* Historia. P. 522.
[1745] Разрешения на этот брак не дал состоявшийся в том же 1185 г. в Византии церковный собор. В 1186 г. Бела III женился на сестре французского короля Филиппа II Августа Маргарите Капет.
[1746] МТК. I. 120. l.

«Слове о полку Игореве» достаточно точно. Однако его автор, восторгаясь Ярославом Осмомыслом, явно преувеличивает роль самого этого князя. В значительной степени величие Галицкого княжества основывалось в то время на внутренней слабости и чрезмерной занятости на других направлениях внешней политики окружавших его соседей[1747].

Активная экспансия Белы III на Балканах и восстание болгар против Византии, несомненно, являлись неблагоприятными внешнеполитическими факторами для Ярослава Осмомысла, распространившего свое влияние до северо-восточных окраин «империи ромеев». Однако никакой реальной опасности для Галицкого княжества со стороны Венгрии в последние годы правления Ярослава исходить не могло: слишком уж занят был Бела III на других направлениях. Тем не менее, как показали последующие события, король прекрасно понимал стратегическое значение Галича, прежде всего, с точки зрения безопасности восточных границ своих владений и успешного проведения политики Венгрии на Балканах.

3. Вмешательство Белы III во внутрирусские дела после смерти Ярослава Осмомысла

Борьба за власть в Галиче в 1187–1188 гг. В Киевском своде (Ипатьевской летописи) сохранился краткий рассказ о том, как в последние месяцы жизни Ярослав Владимирович пытался решить с галичанами вопрос о престолонаследии. Ситуация, в которую он попал, была достаточно сложной, поскольку его старший сын, родившийся в законном браке с Ольгой Юрьевной, – Владимир, по свидетельству летописей, дважды бежал из Галича вместе с матерью (в 1171 и 1173 гг.), а в 1183 г. был изгнан отцом и проживал сначала в Путивле, откуда он совершил «анабасис» по маршруту Владимир-Волынский – Дорогобуж – Туров – Смоленск – Суздаль, закончившийся его возвращени-

[1747] Подробнее об этом см.: *Юрасов М. К.* Отражение отношений Ярослава Осмомысла с Византией и Венгрией в «Слове о полку Игореве» // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве». Материалы юбилейных чтений по истории и культуре древней и новой России 27–29 августа 2000 года. Ярославль – Рыбинск. Ярославль, 2001. С. 34–39.

ем в Путивль. В 1184 г. Владимир Ярославич при посредничестве своего зятя – новгород-северского князя Игоря Святославича (1179–1198, ум. в 1201) помирился с отцом, однако до конца своих дней Ярослав Осмомысл не доверял ему и завещал в качестве волости окраинный Перемышль, желая видеть своим преемником другого сына Олега, рождённого ему любовницей «Настаской».

Перед смертью Ярослав Владимирович собрал галицких бояр и заставил их поклясться на кресте в том, что они, когда его не будет в живых, призна́ют своим главой Олега, однако правление незаконнорожденого князя оказалось кратковременным. Ярослав Осмомысл ушёл из жизни 1 октября 1187 г., и, судя по тексту летописи, через очень короткое время после его смерти Олег был изгнан из Галича и бежал в Овруч – стольный город Рюрика Ростиславича – соправителя киевского князя Святослава Всеволодовича. В данном случае галичане явно руководствовались принципом законности рождения князя, поэтому пригласили к себе княжить Владимира Ярославича (1187–1188, 1190–1198)[1748].

Однако первое правление законного наследника Ярослава Осмомысла также оказалось недолгим. Летописец рисует образ беспутного князя, отличавшегося неумеренным потреблением вина, отобравшего жену у священника и прижившего с ней двух сыновей, но не гнушавшегося при этом и насильственным приводом на своё ложе других замужних и незамужних галичанок. За политической ситуацией в Галиче пристально следил волынский князь Роман Мстиславич (1170–1205), видимо, уже тогда строивший планы объединения под своей властью Галицкого и Волынского княжеств, а потому старавшийся создать в Галиче «партию» своих приверженцев. Внешне же,

[1748] Густинская летопись – украинский летописный свод XVII в., использовавший информацию не только Ипатьевской и Воскресенской летописей, но и ряда польских и других средневековых европейских хроник, описывает события так, что Владимир Ярославич не был приглашен галичанами, а сам изгнал Олега «Настасьича» из Галича (ПСРЛ. Т. XL.С. 102), что представляется преувеличением роли Владимира. По мнению П. С. Стефановича, Олег мог начать мстить галичанам, виновным в сожжении его матери, что и побудило галичан изгнать его (*Стефанович П. С.* Отношения князя и знати в Галицком и Волынском княжествах до конца XII в. // Средневековая Русь. Вып. 7. М., 2007. С. 206).

стремясь поддерживать добрые отношения с южным соседом, Роман выдал дочь замуж за старшего сына Владимира Ярославича[1749].

Открытая политическая деятельность в пользу Романа Мстиславича, которую вели его сторонники среди галичан на фоне беспутной жизни Владимира Ярославича, принесла свои плоды достаточно быстро. Уже в 1188 г. в Галиче вспыхнуло восстание против Владимира, который был свергнут, но не убит и поначалу даже не лишён волости, поскольку галичское боярство не было единым, и у Владимира осталась значительная доля сторонников. В этих условиях свергнутому князю предложили для возвращения престола отослать от себя попадью и её детей, пребывание которых в качестве княжеской семьи, по мнению бояр, унижало их. В ответ Владимир бежал в Венгрию, забрав с собой тех, кто вызывал ненависть его бояр[1750].

Польский хронист Винцентий Кадлубек (ок. 1160–1223) утверждает в своей хронике об исключительной роли, которую сыграл в рассматриваемых событиях тогдашний глава рода Пястов – краковский князь Казимир II Справедливый (1177–1194). Этому посвящён следующий пассаж хроники Кадлубка: «Щедрый Казимир даёт этому (Роману) за заслуги также Галицкое королевство, изгнав тамошнего короля Владимира»[1751]. В данном случае ярко проявляется характерная особенность средневековой польской хронистики – стремление преувеличить деяния наиболее значительных представителей рода Пястов. Тем не менее, ряд польских историков «полагает, что польская помощь сыграла чуть ли не решающую роль в получении Романом Галича»[1752]. По мнению же А. Б. Головко, «тенденциозность свидетельства Кадлубка, тот факт, что вскоре Казимир был вынужден оказывать действительную помощь противнику Романа Владимиру, умалчивание русских источников о польском влиянии на Руси в то время заставляет нас усомниться в

[1749] О том, кто была его мать – законная жена Владимира или попадья, источники умалчивают. О мнениях по этому поводу см.: *Головко О. Б.* Корона Данила Галицького. С. 204.
[1750] О событиях первого правления в Галиче Владимира Ярославича см.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 657, 659–660.
[1751] ”Quem (Romanum) ab meritorum insignia regno quoque Galiciensium Casimiri liberalitas insignivit, rege ipsorum Laodimiro in exsilium profligato” (*Magistri Vincentii* Chroinicon Polonorum // MPH. T. II. P. 413; *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 93 (текст), С. 106 (пер.).
[1752] *Головко А. Б.* Древняя Польша в политических взаимоотношениях… С. 84. В примеч. 68 к этому пассажу указаны историки, придерживающиеся данной точки зрения – К. Горский и С. Смолка (Там же. С. 120).

справедливости подобной оценки»[1753]. К этой точной оценке можно добавить лишь то, что магистр Винцентий своеобразно переставил событийную канву своего повествования: обращение Романа после потери Галича за помощью к Казимиру он переосмыслил как наделение Романа по воле Казимира «Галицким королевством». В результате о факте отказа краковского князя в предоставлении помощи Роману Мстиславичу Кадлубек попросту умолчал[1754].

Совсем иначе объясняет причины бегства Владимира Ярославича в Венгрию Густинская летопись. Здесь фигурируют факты, отсутствующие в Ипатьевской летописи и никак не вписывающиеся в ее событийную канву: «В то время Олгъ, или (яко полские лѣтописцы пишуть) Мстислав, ничтоже успѣвъ у Рурика Ростиславича, пойде в Ляхи ко Казимеру королю, прося его, да поможетъ ему на княжение, обѣщася ему во всем, яко своему королю и отцу, послушным быти. Казимер же король, собрався, пойде с ним ко Галичу. А Володымеръ согласися со Всеволодом Мстиславичом Бѣлзским и пойде противу королю, но побѣждены быша. Всеволодъ же возвратися въ Бѣлзъ, а Володымеръ побѣже во Угры къ Бѣли, королю Угорскому. А Олга, или Мстислава, Казимер король посади въ Галичу; но понеже не любяху его галичане, умориша его отравою, а Романа Мстиславича Володымерского призваша себѣ на княжение…»[1755].

Дошедшие до нас польские средневековые исторические сочинения не содержат версии, отраженной в Густинской летописи. Остаётся только догадываться, почему украинский книжник XVII в. считал, что польские хронисты называли Олега «Настасьича» Мстиславом. Поскольку святых с именами Олег и Мстислав тогда не было, предположение о том, что одно из этих имён

[1753] Там же. С. 84.

[1754] Ещё дальше пошёл автор Великопольской хроники (начало XIV в), представивший дело так, что Владимир был «братом по матери» не названного по имени племянника Казимира II, посаженного последним на галичский стол и отравленного Владимиром. При этом хронист утверждает, что сестра Казимира II была замужем за сыном венгерского короля, после смерти которого вышла за «некоего князя русских», путая сестёр Казимира II Юдиту и Агнешку. Исследователям до сих пор не удалось установить, о каких реальных событиях идёт речь в рассматриваемой главе 39 Великопольской хроники. См. об этом: «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях… С. 122–123 (пер.), 224–225 (комм.). В «Польской истории» Яна Длугоша под 1185 г. приводится версия Великопольской хроники с небольшими вариациями. См.: *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. С. 178–179 (текст), С. 330–331 (пер.), С. 437–438 (комм. А. В. Назаренко).

[1755] ПСРЛ. Т. XL.С. 103.

было «мирским», а другое было дано при крещении, полностью отпадает. Исследователи видят в рассматриваемых фразах Густынской летописи лишь один реальный факт – отравление галичанами Олега[1756]. Что же касается Всеволода Мстиславича Белзского, то он, как младший брат волынского князя Романа Мстиславича, вряд ли мог в то время помогать сопернику своего брата Олегу Ярославичу. В связи с этим исследователи совершенно справедливо отвергают версию Густынской летописи о причинах бегства Владимира Ярославича в Венгрию, доверяя в данном случае рассказу Ипатьевской летописи.

Итак, Владимир Галицкий появился в 1188 г. при дворе венгерского короля Белы III. Король и его окружение прекрасно знали о том, что представлял собой изгнанный князь как личность и причины нелюбви к нему галичан. Источники не сообщают нам подробностей переговоров Владимира с Белой, ограничиваясь минимумом информации. Так, Ипатьевская летопись пишет по этому поводу следующее: «И приде Володимеръ ко королеви. Король же поималъ Володимера и со всими полкы поиде к Галичю»[1757]. Судя по характеру последующих событий, Бела III уже тогда мог вынашивать план посажения на галицкий стол своего 12-летнего сына Андраша (Эндре). По крайней мере, так считал польский хронист Винцентий Кадлубек, написавший в своей хронике (IV, 15) о прибытии Владимира Ярославича в Венгрию: «Тот [Владимир] умоляет венгерского короля Белу помочь ему вернуться. Король [Бела] тотчас же не столько из-за сострадания к изгнаннику, сколько в надежде завладеть королевством прогоняет поставленного короля [Романа], занимает королевство, сажает [там] своего сына…»[1758].

Густинская летопись выдвигает самую пространную версию прихода принца Андраша на княжение в Галич, представляя галичан верными Влади-

---

[1756] Некоторые исследователи также считают, что содержащийся в хронике Винцентия Кадлубка рассказ о захвате посланным Казимиром II войском Берестья и посажении там на княжение не названного по имени русского князя, вскоре отравленного горожанами (IV, 14) повествует о последних месяцах жизни Олега «Настасьича». См. об этом: *Стефанович П. С.* Отношения князя и знати… С. 206–207.

[1757] ПСРЛ. Т. II. Стб. 661.

[1758] „Qui a Bela, Pannoniorum rege, restitutionis implorat auxilium. Illico rex non tam exsulantis commiseratione, quam regni ambitu, regem substitutum propulsat, regnum occupant, filium suum instituit…" (*Magistri Vincentii* Chronicon Polonorum. P. 413; *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 93 (текст), С. 106 (пер.).

миру Ярославичу: «Володымер же Ярославичь Галицкий, егда услыша о смерти Мстислава въ Галичу, моли короля угорского, да поможетъ ему на княжение Галицкое отчее. Король же лестию обѣщался и посла съ полки своими Андрея, сына своего, в Галич, и таи поима и окова Володымера Ярославича и въсади въ порубъ, я ко галичаномъ посла грамоту ложную от лица Володымерова, глаголя: «Азъ, Володымер, возвѣщаю вам, галичаномъ, аки другомъ моим любимымъ, яко иду к вам на княжение со любовию и в мирѣ, аще и со Угры, но никто же от вас да сумнитъся, но яко отец ко чадом своимъ иду на княжение мое». … Въ то время галичане не имѣюще князя и мняху, яко во правду Володымер ихъ князь идеть к ним со Угры, сего ради невозбранно пустиша Угровъ во градъ, с ними же Андрей королевичъ въшедъ въ Галич безъ Володымера. И повелѣ галичаномъ к себѣ крестъ цѣловати»[1759]. Поскольку никаких параллелей этой версии в других источниках, в том числе польских, не обнаруживается, налицо явный продукт фантазии книжника XVII в., попытавшегося выставить венгров и их короля в наиболее неприглядном виде. Неслучайно в Густинской летописи, в отличие от Ипатьевской, рассказ о насилиях мадьяр над местным населением приведён не после описания безуспешной попытки Ростислава «Берладничича» захватить Галич, а сразу же за сообщением о приходе принца Андраша в город[1760].

Роман Мстиславич, узнав о том, что венгерское войско, которое возглавил лично Бела III, уже перешло Карпаты, бежал из Галича во Владимир-Волынский вместе со своими сторонниками-галичанами, забрав имущество Владимира Ярославича. Однако в стольном городе Волынской земли уже сидел Всеволод Мстиславич, которому Роман, уходя в Галич, гордо заявил, целуя крест: «Боле ми того не надобѣ Володимерь»[1761]. Веря в нерушимость данной братом клятвы, Всеволод не пустил Романа в город, вынудив его отправиться в Польшу. Поскольку помощи у своих польских родственников

[1759] ПСРЛ. Т. XL. С. 103.
[1760] Ср.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 665 и Т. XL. С. 103.
[1761] ПСРЛ. Т. II. Стб. 660–661.

Роман Мстиславич не нашёл, ему пришлось обратиться с аналогичной просьбой к своему тестю Рюрику Ростиславичу[1762].

А. В. Майоров так характеризует политическую ситуацию, сложившуюся в Галиче после того, как туда пришла весть о переходе королевского войска через Карпаты: «Приближение венгерских полков, надо думать, стало причиной некоторой перемены в настроениях галичан и способствовало появлению среди них «приятелей» Владимира, о чём можно судить по словам В. Н. Татищева, объясняющим причину бегства из Галича Романа Мстиславича: «Роман, услыша, что король со Владимиром идет, и ведая, что в галичанех есче много Владимиру приятелей, не смея онаго ожидать, но убрался со всеми своими людьми»[1763]. Не стоит преувеличивать роль этих «приятелей»: они сумели лишь напугать Романа, который теперь не рискнул полагаться на поддержку галичан, но они ничего не смогли и, видимо, не слишком-то старались сделать для восстановления своего князя на галицком столе»[1764].

Судя по приведённым А. В. Майоровым цитатам, он воспринимает информацию В. Н. Татищева как источник, причём ссылается в данном случае (как и в анализе других сюжетов, связанных с временной оккупацией венграми Галича при Беле III, которые рассматриваются ниже) исключительно на вторую редакцию многотомного труда историка XVIII в., которая, как известно, содержит значительно больше чисто авторских амплификаций и прямых дополнений к имевшимся в распоряжении В. Н. Татищева сведениям источников. Если же мы обратимся к параллельному тексту первой редакции «Истории Российской», то он значительно короче и внушает больше доверия: «Слышав же Роман, иж король идет и уже за горою, не моги стати противо ему, бежа из Галича в Володимер и с галичаны многими»[1765]. Практически в первой редакции своего многотомного труда В. Н. Татищев ничего не домысливает в описании рассматриваемого сюжета к тексту того списка Ипатьевской летописи, которым он пользовался. Что же касается второй редакции

[1762] Там же. Стб. 661.
[1763] Ссылка на: *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. III. С. 146.
[1764] *Майоров А. В.* Галицо-Волынская Русь. С. 284.
[1765] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. IV. С. 310.

этого сочинения, то утверждение В. Н. Татищева о том, что Роман ушёл из Галича по причине многочисленности оставшихся в городе сторонников Владимира Ярославича, является не более чем гипотезой историка XVIII в., поддержанной А. В. Майоровым без приведения каких-либо аргументов.

Начало правления в Галиче принца Андраша (Эндре). Бела III, придя в Галич, «не посади в немь Володимера, но даде весь нарядъ Галичанамъ и посади в немь с(ы)на своего АндрѢя»[1766]. В скупом летописном пассаже переданы не только серьёзность намерений венгерского короля относительно Галича, но и точный расчёт Белы III и его окружения, которые хорошо разбирались в тонкостях политической ситуации, сложившейся в Галиче. Безусловно, придти в Галич в роли завоевателя и объявить его частью владений венгерской короны Бела III не мог. Необходимо было продемонстрировать оставшимся в городе галичанам преимущества правления принца Андраша, который должен был показать себя более приемлемым для горожан князем, чем Роман Мстиславич.

Если вспомнить историю походов предшественников Белы III на русские земли, то венгерские короли до 1188 г. никогда не ставили своей целью посадить на княжеский стол представителя рода Арпадов. Видимо, линия Карпатских хребтов представляла собой слишком серьёзную преграду для того, чтобы эффективно поддерживать венгерскую власть в завоёванных землях по другую сторону Карпат. Тем не менее, Бела III пошёл на такой «эксперимент». Что же побудило короля распространить свою экспансию на Галич?

Историки, жившие в XIX в., пытались дать ответ на этот вопрос. Н. М. Карамзин писал об этом так: «Давно Короли Венгерские, быв и друзьями и неприятелями мужественных, умных Князей Галицких, от Василька до Ярослава, завидовали их стране плодоносной, богатой также солью, которая издревле шла в южную Россию и в соседственные земли. Бела обрадовался

[1766] ПСРЛ. Т. II. Стб. 661.

случаю присоединить такую важную область к Венгрии»[1767]. Д. Паулер пишет о том, что Бела III в разгар подготовки к III крестовому походу: «попробовал – как раз в 1188 г. – распространить свои владения на северные Карпаты, ведь уже до того, во времена его выдающегося отца, очень много венгерской крови пролилось там, но всегда за других и без того, чтобы Венгрии была бы от этого какая-нибудь польза»[1768]. Безусловно, приведённые рассуждения выглядят вполне правдоподобными, но представляется, что в данном случае целью Д. Паулера было найти идеологическую базу для аннексии Галицкого княжества. Вместе с тем в действиях Белы III можно увидеть и далеко идущие намерения стратегического характера.

Внешнеполитические успехи Венгерского королевства на Балканах после смерти Мануила I Комнина, вхождение Боснии и других славянских областей в состав владений Арпадов, хорошее знание Белой III православия и византийских политических традиций, а также ситуации в южнорусских княжествах могли побудить венгерского короля предпринять попытку создания «плацдарма» для последующего распространения своей власти за Карпаты. Возможно, одной из причин, побудивших Белу III посадить на галицкий стол сына Андраша, был далёкий политический расчёт на последующее завоевание Болгарии. Пока болгарские земли входили в состав Византии, Бела неоднократно совершал туда походы. Как указывалось выше, известие о своем избрании на венгерский престол Бела-Алексей встретил, находясь в болгарском городе Средец (Софии). Зная о том, что политическое влияние галицких князей распространяется вплоть до устья Дуная, Бела III в случае закрепления своей власти над Галичем, мог использовать военный потенциал Галицкого княжества для вторжения в Болгарию не только с северо-запада, но одновременно и с северо-востока, что поставило бы только что возникшее Второе Болгарское царство в крайне тяжёлое положение.

[1767] *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. II–III. С. 395–396.
[1768] *Pauler Gy.* A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt. I. k. 329. l.

Придя с войском в Галич, король смог лично убедиться в том, что жители города разобщены, Владимир Ярославич крайне непопулярен, Роман Мстиславич противостоять венгерскому войску не может, а его сторонники бежали вместе с ним из города. Всё это не могло не вызвать у короля и его окружения соблазн воспользоваться необычайно благоприятной ситуацией. Не следует забывать и о том, что матерью Белы III была Евфросинья Мстиславна, а значит, он считал себя вправе (по примеру своего отца Гезы II) вмешиваться в междоусобицы русских князей. Весьма вероятно, что он знал русский язык.

Многие исследователи, прежде всего, украинские, убеждены в том, что Бела III с самого начала вынашивал планы присоединения Галича к землям венгерской короны (Д. Зубрицкий, М. Кордуба, Н. Ф. Котляр, В. Т. Пашуто)[1769], с чем категорически не согласен А. В. Майоров. Последний также отвергает распространённое в историографии мнение о том, что приход Белы III с принцем Андрашем в Галич вызвал возмущение горожан, о чём пишут в своих работах А. М. Андрияшев, М. С. Грушевский, И. П. Крипьякевич, Н. Ф. Котляр[1770]. Действительно, источники не содержат никаких сведений о проявлениях протеста галичан во время прихода к ним венгерского войска во главе с королём в 1188 г. Что же касается оспаривания А. В. Майоровым первого утверждения своих коллег, то оно представляется менее убедительным. Рассматривая процесс утверждения Андраша на галичском столе в ракурсе воззрений т. н. «школы И. Я. Фроянова», согласно которым главенствующую роль в политической жизни домонгольской Руси играли территориальные общины, являвшиеся фундаментом общественной жизни и государственного порядка[1771], А. В. Майоров рассуждает следующим образом:

«Прежде чем посадить в Галиче своего сына, король «даде весь нарядъ Галичанамъ». Что кроется за этой загадочной фразой источника? Основным значением выражения «наряд» в древнерусском языке является: «Порядок,

[1769] Библиографию см.: *Майоров А. В*. Галицко-Волынская Русь. С. 281 и примеч. 77.
[1770] Библиографию см.: Там же. С. 281 и примеч. 78.
[1771] Там же. С. 607.

устройство, правопорядок, организация»[1772]. С таким значением данное слово используется в летописях, начиная с самых ранних известий о призвании варяжских князей и их деятельности по устроению Русской земли. …

Как видим, установление «наряда» или отсутствие такового – это проблема общественной важности, затрагивающая общие интересы самых различных категорий населения, общины в целом. Поэтому мы не можем согласиться с теми исследователями, кто утверждает, будто установления венгерского короля в Галиче касались одних только бояр. «Управу дал галицким боярам», – так квалифицировал действия короля М. С. Грушевский[1773]. «Венгерский король Андрей, захватив Галичину, поручил управление боярам», – читаем у Крип´якевича[1774]. Ещё менее основательно выглядит интерпретация В. Т. Пашуто: венгерский король, захватив Галич, «дал «весь наряд» в управление тем боярам, которые отпустили заложников в Венгрию»[1775].

По нашему убеждению, «весь наряд», о котором говорит летописец, предназначался всей галицкой общине. На это указывает и термин «Галичане», который по смыслу шире, чем «галицкие бояре», и, как мы уже видели, относится к самым широким слоям свободного населения. Прежде чем посадить в Галиче своего сына, король Бела устанавливает мир и порядок, что должно было найти выражение в договоре со всей вечевой общиной[1776]. Точно так же поступают и русские князья, добивающиеся расположения общины. …

Сказанное характеризует венгерского правителя и его сына отнюдь не как завоевателей, а галичан отнюдь не как порабощенную массу. Местная городская община полностью сохранила свою политическую силу, что подтверждается также и последующими событиями. Следовательно, венгерский ко-

---

[1772] Ссылка на: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. М., 1983. С. 227. В последующих фразах А. В. Майоров приводит летописные примеры заключения князьями договоров с «землей» или «людьми» (Там же. С. 282).

[1773] Ссылка на: *Грушевский М.* Історія України–Руси. Т. II. С. 449.

[1774] Ссылка на: *Крип´якевич І. П*. Галицько-Волинське князівство. Київ, 1984. С. 85. Во 2-м издании этой работы эта фраза находится на С. 111 (*Крип´якевич Иван*. Галицько-Волинсьен князівство. Вид. друге. Львів, 1999).

[1775] Ссылка на: *Пашуто В. Т.* // Очерки истории СССР. IX–XIII вв. С. 59 (страница указана ошибочно, на самом деле – С. 372).

[1776] Ссылка на: *Фроянов И. Я*. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. Под ред. А. Я. Дегтярева. СПб., 1995. С. 570.

ролевич мог занять галицкий стол не силой оружия, сломив сопротивление горожан, а с обоюдного согласия, в основе которого лежала какая-то договорённость, удовлетворившая общину. Слова источника о том, что король Бела «даде весь нарядъ Галичанамъ» можно воспринимать как свидетельство предоставления галицкой общине и её лидерам – боярам – каких-то более широких политических прав в сравнении с существовавшей ранее практикой»[1777].

Как видно из приведённой пространной цитаты, где представлены практически все точки зрения по поводу договора, заключенного Белой III с галичанами, А. В. Майоров объясняет характер взаимоотношений венгерского короля с теми, кого он хотел видеть своими подданными, исключительно с позиций теории И. Я. Фроянова, представляя события 1187–1189 гг. как очередное доказательство правильности этой теории. Можно согласиться с критикой А. В. Майоровым утверждений о том, что Бела III заключил соглашение лишь с галицкими боярами или только с теми из бояр, кто дал королю своих заложников. В источниках нет никаких конкретных указаний на этот счёт. Слово *тали* (’заложники’) в описании рассматриваемых событий не встречается, хотя в приведённом ниже рассказе о неудачной попытке Ростислава Ивановича («Берладничича») изгнать венгров из Галича есть намёк на то, что король мог взять заложников из числа галичан[1778].

Попытки же А. В. Майорова представить заключение «наряда» Белы III с галичанами как результат переговоров сплочённой городской общины с иностранным государем, проходивших на равноправной основе, выглядят малоубедительными. Нужны аналогии, которых А. В. Майоров не приводит. Летописец же ярко показывает раздробленность галицкого общества на несколько «партий». Галичане не смогли даже одномоментно изгнать из города Владимира Ярославича, пойдя на переговоры с ним после поднятого против него восстания. Как показали последующие события, внутренние противоречия, раздиравшие галичскую «общину», привели, в конечном счёте, к разре-

[1777] *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. С. 282–283.
[1778] А. В. Майоров не сомневается в том, что Бела III взял заложников из числа галицких бояр, поскольку такая практика была обычной для тогдашних междукняжеских отношений (Там же. С.288–289).

шению политического кризиса в Галиче путём вмешательства внешних сил. В связи с этим остаюсь во мнении, что Бела III лишь внешне оформил политические отношения с галичанами, показав уважение к местным традициям, но утверждения о том, что галицкая «община» на равных вела переговоры с королём в условиях отсутствия внутреннего единства и силы, способной противостоять венграм, выглядят необоснованными. Кстати, венгерская исследовательница М. Фонт переводит летописную фразу «даде весь наряд Галичанамъ» как «давал всё, в чём была потребность у галичан»[1779]. Хотя этот перевод не совсем точный, подобная трактовка, с точки зрения планов Белы III включить Галич в состав владений Арпадов, также представляется весьма вероятной.

Таким образом, политическая ситуация в Галиче в 1188 г. ещё более усложнилась. Обозначившаяся после смерти Ярослава Осмомысла тенденция к сокращению числа претендентов на галицкий стол в пользу Романа Мстиславича (изгнание Олега «Настасьича», затем Владимира Ярославича) сменилась появлением в юго-западной Руси новой политической силы, пришедшей из-за границы. Бела III, для которого появление на границах его державы объединенного Галицко-Волынского княжества представляло потенциальную угрозу, несомненно, знал о неудачах Романа в деле поиска военной помощи и рассчитывал на то, что нейтрализация Владимира Ярославича обеспечит постепенное закрепление венгерского правления в Галиче. Как отмечает летописец, заключив договор с галичанами, король «Володимера поя с собою во Оугры опять, ноужею о*т*(ъ)има добытокъ, и всади его на столпъ и с женою его. Король же бѣ велик грѣхъ створи(лъ)[1780], крестъ цѣловалъ к Володимероу…»[1781]. Винцентий Кадлубек сообщает об этом более кратко: «…изгнанника же, дабы не чинил препятствия, (Бела III. – *М. Ю.*) связав, за-

[1779] На языке оригинала: ”mindent adott, amire a halicsiaknak szüksége volt” (*Font M.* Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek. 182. l.).
[1780] Буквы *лъ* стерты, а над ними поставлена точка.
[1781] ПСРЛ. Т. II. Стб. 661.

ключает в Венгрии в темницу»[1782]. Что касается Густинской летописи, то автор приведённого здесь параллельного текста, у которого не было Ипатьевской летописи, поместил Владимира Ярославича вместо башни в «поруб»[1783].

А. В. Майоров так объясняет то, что Беле III удалось беспрепятственно увезти из Галича Владимира Ярославича и посадить там своего сына Андраша: «Выбор галичан не покажется странным, если учитывать их негативное отношение в тот момент к Владимиру Ярославичу, только что изгнанному из города и теперь пытавшемуся вернуть себе княжеский стол с помощью иноземцев. Об общем негативном отношении галичан к Владимиру можно судить по приведённым В. Н. Татищевым словам короля Белы, обвинившего Владимира в том, что тот «вел его (на Галич. – *А. М.*) лестно…»[1784]. Это, на наш взгляд, было вызвано именно отсутствием среди галичан симпатий к Владимиру, без чего трудно было добиться для него галицкого стола. В то же время условия договора с королевичем Андреем, видимо, были для галичан предпочтительнее условий договора с волынским князем Романом, что также должно было влиять на выбор общины. Вот почему не противоречит действительному ходу событий сообщение В. Н. Татищева, что прибывший в Галич король Бела был «принят от всех с честию»[1785].

Соглашаясь в целом с данным утверждением А. В. Майорова, считаю целесообразным, исходя из темы настоящего исследования, обратить внимание также и на то, как повествующие о галицких событиях 1188 г. средневековые источники и В. Н. Татищев объясняют причину ареста Белой III Владимира Ярославича. Если Ипатьевская летопись ограничивается (как видно из приведённой выше цитаты) лишь сведениями об аресте и заключении Владимира, за которыми следует осуждение короля за клятвопреступление, то в Густинской летописи, несмотря на более пространный рассказ о лукавстве вен-

---

[1782] "...exsulem, ne sit impedimento, vinctum ergastulo in Hungaria includit" (*Magistri Vincentii* Chronicon Polonorum. P. 413; *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 93 (текст), С. 106 (пер.).

[1783] ПСРЛ. Т. XL. С. 103.

[1784] Ссылка на: *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. III. С. 146.

[1785] Ссылка на ту же страницу. *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. С. 283–284. В данном случае «татищевское известие», на которое ссылается А. В. Майоров, содержится уже в первой редакции цитируемого им труда. См.: *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. IV. С. 310.

герского короля, фраза о клятвопреступлении отсутствует. В. Н. Татищев приводит уже в первой редакции своего многотомного труда следующее свидетельство: «Король… Володимера поя во Угры… преступив к нему крестное целование и умысли ложная, рекучи, яко Володимер веде его в Галич на льсти и протори не даде…»[1786]. Скорее всего, историк XVIII в. придумал факт обвинения Белой III Владимира Ярославича в том, что он не возместил расходы, которые понёс король, оказывая военную помощь изгнанному галичскому князю. Если это действительно является реальным фактом, то Бела сделал это явно с целью представить непопулярного князя перед галичанами в ещё более неприглядном виде.

Думается, Бела III прекрасно понимал, что власть его сына над Галичем не может быть гарантирована только договором с жителями города. Поскольку Роман Мстиславич был зятем одного из князей-соправителей Киевской земли – Рюрика Ростиславича, последний мог оказать ему военную помощь в деле возвращения Галича. Действительно, по свидетельству Ипатьевской летописи, Роман после бегства из Галича обратился к тестю с просьбой отпустить к нему Романова сына Ростислава с дружиной. Рюрик отправил вместе с Ростиславом воеводу Славна Борисовича, однако Роман Ростиславич послал часть своего войска на осаду Пресненска, куда вскоре пришли венгры и союзные им галичане. В результате эта часть предоставленного Роману войска была захвачена в плен, что привело к провалу всей операции[1787]. Однако дальновидный Бела III не удовлетворился этим успехом, понимая, что сильнейшие князья южной Руси – Святослав Всеволодич и Рюрик Ростиславич – ещё не вступили в борьбу за Галич.

По свидетельству Киевского свода, с которого начинается статья под 6697 г.[1788], «присла король ко Святославу, тако река: «Брате, пришли сына своего ко мнѣ. Чимъ ты ся есмь обещалъ, то ти исполню, яко ти есмь крест

[1786] Там же. Во второй редакции этого труда то же самое сказано языком XVIII в. (Там же. Т. III. С. 146).
[1787] ПСРЛ. Т. II. Стб. 661–662.
[1788] Летописное повествование о борьбе за власть в Галиче в 1188 г. охватывает статьи под 6695–6697 гг. См. об этом: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 203–205.

цѣловалъ». Святославъ же оутаився Рюрика, оуохотяся творяше, яко же дадять емоу Галичь, и посла сына своего Глѣба ко королеви»[1789]. Таким способом Бела III намеревался вбить клин между киевскими соправителями, учитывая то, что глава черниговских Ольговичей тяготился вынужденным двоевластием. Как видно из текста летописи, Святослав Всеволодович пошёл на установление тайных связей с венгерским королём, причём сделал это, судя по всему, в самые первые дни после появления Белы III в столице юго-западной Руси[1790]. Однако Рюрику стало известно об этом, и он послал за Глебом «Святослава Володимерича, преставя к немоу мужь свои, а на Святослава нача насылати, тако река: «Како еси послалъ сына своего ко королеви, а со мною не спрошався, состоупился еси рядоу»[1791]. Венгерский король достиг своей тайной цели, ибо далее летописец отмечает: «и бывши распрѣ мнозѣ», хотя князьям-соправителям внешне удалось вскоре уладить отношения и заключить мирное соглашение. При этом Святослав Всеволодович так оправдывался перед Рюриком Ростиславичем: «Брате и сватоу, язъ сына своего послалъ не на тя поводитъ короля, но язъ послалъ на свое ороудье. Аже хочеть (так! – *М. Ю.*) ити на Галичь, да се азъ с тобою готовъ». В замирении Святослава и Рюрика активное участие принял митрополит Никифор II, побуждавший обоих князей объединиться и пойти походом на Галич: «Се иноплеменьници отъяли отчиноу вашю, а лѣпо вы бы потроудитися»[1792].

Замирившись, князья-соправители отправились отвоёвывать наследие Ярослава Осмомысла, однако по дороге так и не смогли договориться по поводу того, кто будет княжить в Галиче после изгнания из него венгров. Святослав Всеволодович предлагал Рюрику Ростиславичу обосноваться в юго-

---

[1789] ПСРЛ. Т. II. Стб. 662.

[1790] Д. И. Зубрицкий и М. С. Грушевский полагали, что венгерский король предлагал Святославу Всеволодичу Перемышль или Теребовль (*Зубрицкий Д.* История древняго Галичско-русского княжества. Ч. 2. С. 126–127; *Грушевський М.* Історія України–Руси. Т. II. С. 450). По мнению С. М. Соловьёва, «король обещал поделиться с Святославом, и последний мог думать, что Бела уступит ему Галич, а сам возьмёт Перемышль или другие какие-нибудь волости» (*Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. Т. II. С. 499 и примеч. 353). А. Б. Головко считает, что Бела III хотел создать систему совместного венгерско-черниговского контроля над Галичем (*Головко О. Б.* Корона Данила Галицького. С. 209).

[1791] ПСРЛ. Т. II. Стб. 662–663.

[1792] Там же. Стб. 663. По свидетельству Густинской летописи, митрополит настаивал на передаче Галича Роману Мстиславичу (Там же. Т. XL. С. 103).

западной Руси, оставив ему Киевщину, однако Рюрик категорически отверг этот вариант. Споры по поводу «шкуры неубитого медведя» достигли такой остроты, что союзники, не дойдя до Галича, вконец разругались друг с другом и разошлись, чем полностью воплотили в жизнь тайный замысел Белы III, стремившегося отвести угрозу нападения на Галич коалиции русских князей.

Как указывалось выше, повествование о событиях, произошедших в 1188 г. в Галиче, охватывает в Ипатьевской летописи три годовых статьи под 6695–6697 гг. Н. Г. Бережков объясняет это тем, что в её тексте «сохранились следы того, что источник её сообщений о галицко-волынских делах придерживался счета осенними, сентябрьскими годами. … Мартовский 6696 г. совпадал в первой своей половине со второй половиною 6696 сентябрьского года, во второй половине – с первой половиной 6697 сентябрьского года. В галицко-волынском источнике, надо полагать, между сообщениями о насилиях венгров в Галиче и сообщением об обращении галицких «мужей» к Ростиславу Берладничичу находилось обозначении очередного сентябрьского года – 6697. Это обстоятельство и дало основание южнорусскому сводчику XIV в. поставить после сообщения о насилиях венгров обозначение 6697 и таким образом открыть в своем труде новую статью»[1793].

В приведённой цитате из труда Н. Г. Бережкова, несмотря на высокую вероятность предложенного им объяснения, имеется явная ошибка. В тексте Ипатьевской летописи обозначение 6697 г. находится между сообщениями о возвращении Романа Мстиславича во Владимир-Волынский (в результате ухода из города его брата Всеволода Мстиславича) и обращением Белы III к Святославу Всеволодовичу с просьбой прислать к нему сына. Так или иначе, если прав Н. Г. Бережков, последнее событие должно относиться к сентябрю 1188 г. или, если быть более осторожным, к осени того же года.

[1793] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 205.

Неудачная попытка вокняжения в Галиче Ростислава Ивановича («Берладничича»). Казалось бы, венгерский король создал необходимую базу для утверждения своего сына в качестве галичского князя всерьёз и надолго. Однако галичан по какой-то причине не устраивала иноземная власть, о чём источники умалчивают. А. В. Майоров считает, что жители Галича должны были разочароваться в иноземной власти, узнав о планах венгерского короля разделить их волость со Святославом Всеволодовичем, но не поясняет, что именно разочаровало галичан[1794]. Эту точку зрения считает наиболее правдоподобной П. С. Стефанович[1795]. По мнению М. Фонт, Бела III «мог находиться на территории Руси несколько месяцев, пока нападения изгнанного Романа одно за другим не потерпели неудачу. А отражение этих нападений Романа Мстиславича – скорее, дело многочисленного венгерского войска, находившегося там с королем, чем небольшого отряда, оставленного в качестве свиты герцога Андраша»[1796]. С этим мнением трудно не согласиться, учитывая разгром отрядов, которые Роману дал его тесть Рюрик Ростиславич, уже на приграничной территории Галицкого княжества.

Скорее всего, после ухода Белы III из Галича местные горожане сразу почувствовали себя не просто подданными венгерского короля, но и жителями отдалённой окраины владений Арпадов. Сложившаяся в Венгерском королевстве со времени правления Иштвана I Святого (1000/1–1038) традиция деления страны на замковые округа, банаты и другие территориальные образования, возглавляемые королевскими чиновниками или наследниками престола (в лучшем случае – преданными королю лидерами местной знати) никак не «стыковалась» с политическими традициями галичан, имевших большой опыт выстраивания взаимоотношений с княжеской властью с учётом реального соотношения политических сил в Галицком княжестве. Поскольку после смерти Ярослава Осмомысла перевес был явно на стороне бояр, они почувст-

---

[1794] *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. С. 290. В данном случае А. В. Майоров поддерживает гипотезу Д. Зубрицкого, считавшего, что Бела III готов был уступить Святославу Перемышльскую или Теребовльскую волость. См.: *Зубрицкий Д.* История древнего Галичско-Русского княжества. Ч. 2. С. 126–127.
[1795] *Стефанович П. С.* Отношения князя и знати в Галицком и Волынском княжествах…. С. 215.
[1796] *Font M.* Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek. 180–181. l.

вовали себя вправе выбирать себе князя по собственному усмотрению. Принцу Андрашу и его окружению, воспитанному на других политических традициях, было трудно прививать в Галиче элементы венгерской комитатской системы, согласно которой глава замкового округа – ишпан – фактически был королевским чиновником. Кроме того, поскольку почти все городские поселения в Венгрии были центрами комитатов, там так и не сложилось свободных городов, за исключением портов в завоеванной Далмации и нескольких городов на окраинах страны, которые основали переселившиеся во владения Арпадов немцы. Несмотря на заключенный с жителями Галича «наряд», пришедшим на Русь венграм во главе с принцем Андрашем было трудно понять политические традиции галичан, пытавшихся сохранить элементы вечевой демократии.

Возможно, самолюбию какой-то части галичан поначалу польстило пребывание у них правителя соседнего государства, пытавшегося наладить с ними политический диалог, тем более что силу венгерского войска они испытали на себе в годы княжения в Галиче Владимира Володаревича (1141–1153). Если Бела III знал родной язык своей матери и использовал его в общении с теми, кого хотел видеть своими подданными, то это, несомненно, должно было способствовать росту его популярности в Галиче. Однако король, охваченный общеевропейской идеей освобождения попавшего в руки мусульман Иерусалима, пробыл здесь недолго, а оставленный им в качестве местного правителя принц Андраш не имел достаточного политического опыта, чтобы наладить отношения с местным населением.

Так или иначе, но в том же 1188 г. галичане решили пригласить на княжение сына Ивана Берладника (двоюродного брата Ярослава Осмомысла) Ростислава «Берладничича», находившегося в то время в Смоленске у Давыда Ростиславича. Поскольку Ростислав Иванович был фактически князем-изгоем во втором поколении, он, не раздумывая, «испросися оу Давыда»[1797]. Взяв два города в «Галицкой Украине», Ростислав направился в сторону Га-

[1797] ПСРЛ. Т. II. Стб. 663.

лича, однако соотношение сил в городе оказалось не в его пользу. Как свидетельствует летописец, «моужи же Галичкие не бяхоуть вси во одинои мысли, но чіи бяхоуть сынове и братьия оу короля, то ти держахоуться крѣпко по королевичи»[1798]. Из этого можно сделать вывод о том, что «наряд» Белы III учитывал интересы разных групп галичан. Как видно из летописного известия, Бела III, заключая соглашение с галичанами, предусмотрительно взял часть представителей местной знати в заложники. Он мог также предложить знатным галичанам должности в формировавшейся местной (уже венгерской) администрации. Возможно, именно эти акции, напоминавшие галичанам о том, что их город оккупирован иноземцами, изменила их отношение к венгерскому королю, несмотря на заключенное соглашение с ним. Судя по всему, жители Галича уже были готовы принять к себе князя-изгоя, связанного со смоленскими Ростиславичами, чтобы только избавиться от власти мадьяр.

Ко времени прихода Ростислава Ивановича к Галичу Белы III уже не было на Руси. Европейские государи в 1188 г. активно готовились к очередному (третьему) крестовому походу. Поскольку Венгрия с самого начала крестоносного движения была страной, через которую пролегал главный сухопутный маршрут движения «воинов Христовых» в Палестину, Беле III необходимо было сосредоточиться на подготовке к приёму отрядов рыцарей. После 21 января 1188 г. английский король Генрих II Плантагенет (1154–1189) известил Белу III о своем намерении проследовать вместе с французским королем Филиппом II Августом (1180–1223) через венгерскую территорию во главе крестоносного войска. При этом английский король просил венгерского предоставить рыцарям необходимое количество продовольствия, дабы избежать грабежей местного населения[1799]. Естественно, Бела III должен был на время воздержаться от активной внешней политики, поскольку, как показывал опыт предыдущих походов, лишь «конвоирование» королевской армией

[1798] Там же. Стб. 663–664.
[1799] МТК. I. 121. l.

проходящего через Венгрию крестоносного войска позволяло свести к минимуму приносимый им ущерб.

В связи со смертью Генриха II Плантагенета в 1189 г. оказалось, что хлопоты Белы III были излишними, поскольку его преемник Ричард I Львиное Сердце (1189–1199) избрал другой путь на Восток, а Филипп II Август присоединился со своим войском к английским рыцарям. Тем не менее, в условиях всеобщей подготовки католической Европы к походу на мусульман возможности оказания Белой III военной помощи сыну Андрашу (Эндре) были ограниченными. Следует также учитывать и факт участия венгерских отрядов в III Крестовом походе, поскольку Бела III не менее других европейских государей был потрясён захватом Иерусалима султаном Салах-эд-дином и принял на себя обет участия в походе в Палестину. Правда, как выяснилось позже, большая их часть вскоре была отозвана королём в связи с тем, что крестоносцы вступили в конфликт с зятем Белы III – византийским императором Исааком II Ангелом[1800]. В целом же 1189 г. оказался для венгерского короля очень насыщенным на события. 31 мая в Венгрию прибыл с огромным войском Фридрих I Барбаросса. В течение июня он находился на венгерской территории[1801], что сковывало значительную часть военных сил Белы III и не давало ему возможности оказать эффективную помощь сидевшему в Галиче сыну. Тем не менее король не оставлял без внимания и ситуацию в юго-западной Руси, понимая недостаточность оставленных с Андрашем военных отрядов.

Ипатьевская летопись сообщает по этому поводу следующую информацию: «В то же время прислалъ король полкы Оугорския многи сынови в помочь, бояся князии Роускыхъ. Слышавъ же се, королевичь и воевъды Оугорьскыя, ажь идеть Ростиславъ к Галичю по свѣтоу Галичькихъ моужь. Королевич же, (не) имя имъ вѣры, поча ихъ водити ко крестоу. Правии же целоваша, не вѣдаюче, а виноватии – блюдоучися Оугоръ»[1802]. Ростислав

[1800] Ibid.
[1801] Ibid.
[1802] ПСРЛ. Т. II. Стб. 664.

«Берладничич» подошел к Галичу с малой дружиной, рассчитывая на то, что галичские мужи начнут в массовом порядке переходить на его сторону. Однако число приехавших к нему из Галича бояр оказалось весьма скромным, да и те бросили его, увидев, что основная масса галичан осталась верной принцу Андрашу. Дружинники Ростислава Ивановича заявили ему о том, что галичане обманули его, и призвали своего князя отступить, но Ростислав решил биться до последнего за город, которым владели его предки. С отчаянностью обречённого он бросился в гущу сражения с венграми и союзными им галичанами и был тяжело ранен[1803].

Когда раненного князя принесли в Галич, жители города подняли восстание против венгров, «хотяче и изотяти оу Въгоръ и прияти собѣ на княжение. Оугре же оусмотривше его и приложивше зелье смертьное к ранамъ, и с того оумре…»[1804]. Отравление венграми Ростислава Ивановича резко изменило политическую позицию галичан, придав ей ярко выраженный антивенгерский характер. Как отмечает летописец, венгры увидели «лесть Галичькоую, аже Галичанѹ́ ищють собѣ князя Роуского»[1805]. Это означало провал всей политики Белы III по отношению к Галичу, жители которого, в конечном счёте, заявили о нежелании видеть принца Андраша своим князем. Это, в свою очередь, переполнило чашу терпения находившихся в Галиче венгров, понявших бесперспективность попыток мирного встраивания этой волости в политическую систему монархии Арпадов, и они резко изменили своё отношение к местному населению, установив в городе режим ничем не ограниченного произвола. Как сообщает Киевская (Ипатьевская) летопись, «Оугре… почаша насилье дѣяти во всемъ. И оу моужии Галичкыхъ почаша отимати жены и дщери на постелѣ к собѣ. И в божницахъ почаша кони ставляти и в ызбахъ, иная многа насилья дѣяти»[1806]. Как выражается в связи с этим Н. М. Карамзин, «правление Андреево, дотоле благоразумное, снисходитель-

[1803] Там же. Стб. 664–665.
[1804] Там же. Стб. 665.
[1805] Там же.
[1806] Там же.

ное, обратилось в насилие. Венгры мстили Галичанам, как изменникам, нагло и неистово…»[1807]

Подобное поведение никак не могло способствовать укреплению венгерской власти в Галиче, однако ярко демонстрировало факт отсутствия на Руси в то время князя, который мог бы стать знаменем борьбы за изгнание интервентов и объединить вокруг себя галичан. Период венгерского произвола и насилий продлился в Галиче несколько месяцев или более года, поскольку в историографии нет единого мнения по поводу того, когда Владимир Ярославич вернул себе галицкий стол – в августе 1189 или в августе 1190 г. (этот вопрос рассматривается ниже). Летописные памятники не сообщают о каких-либо попытках русских князей организовать в то время поход на Галич. Да и сами галичане уже не обращались к ним за помощью, видимо, не зная, на кого ещё можно сделать ставку.

Бегство Владимира Ярославича из венгерского плена. Ощущение безнадёжности ситуации, в которую попали галичане в 1189 г., должно было развеяться, когда они получили известие о том, что изгнанный ими князь бежал из заточения, хотя сил, достаточных для свержения венгерской власти, как в Галиче, так и у самого Владимира, тогда не было. Под 6698 г. Киевский свод помещает краткий рассказ о том, как Владимир Ярославич убежал «из Оугоръ изъ вежѣ каменое. Тоу бо держашеть и король и с попадьею его и с двѣ има дѣтятема. Поставленъ бо бѣ емоу шатеръ на вежи. Он же, изрѣзавъ шатеръ, и сви собѣ оужище и свѣсися оттоудоу доловь. От сторожіи же его бяста емоу два во приязнь, яже и доведоста землі Немѣчкыя ко цареви Нѣмѣцкомоу»[1808].

Винцентий Кадлубек также сообщает о бегстве сына Ярослава Осмомысла из заточения, умалчивая о его пребывании в Германии: «В конце концов [Владимир], подкупив стражу, совершает тайный побег из темницы и, только

[1807] *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. II–III. С. 397.
[1808] ПСРЛ. Т. II. Стб. 666.

претерпев многочисленные лишения, с опасностью для самой своей несчастной жизни обретает спасительную гавань там, где опасался мелей»[1809]. После этого в хронике Кадлубка следует описание многочисленных бед, которые принёс Польше изгнанный из Галича князь, причем магистр Винцентий утверждает в конце своего «лирического отступления», что Владимир Ярославич за свои преступления против поляков «был изгнан Казимиром»[1810], что вызывает вопрос о времени изгнания галицкого князя, на который автор настоящей работы пытается ответить ниже.

Прибытие Владимира Ярославича к германскому императору Фридриху I Барбароссе (1152–1190) было глубоко продуманным шагом. По свидетельству летописца, «царь же оувѣдавъ, оже есть сестричичь великомоу князю Всеволодоу Соуждальскомоу, и прия его с любовью и с великою честью»[1811]. По мнению Д. В. Донского, Фридрих в данном случае учитывал факт неприязненных отношений дяди Владимира – суздальского князя Всеволода Большое Гнездо – к Византии, которую германский император считал в то время одним из своих главных врагов[1812], что представляется преувеличением. А. В. Назаренко в рассуждениях по этому поводу ставит акцент на то, что «довольно подробное сообщение об этом событии в Киевском летописном своде, восходящее, надо думать, к галицкому летописанию, объясняет расположение Фридриха Барбароссы к Владимиру Ярославичу не традициями галицко-немецких дружественных связей, а близким родством галицкого князя с владимиро-суздальским Всеволодом Юрьевичем Большое Гнездо»[1813].

Поскольку одним из вассалов Фридриха Барбароссы был в то время краковский князь Казимир II Справедливый (1177–1194), император поручил

[1809] „Qui aedituorum custodela muneribus illecta, clanculo tandem elabitur et vix demum per plurima iactatus laborum dispendia, in ipso confragosioris vitae periculo, ubi syrtes verebatur, portum salutis reperit" (*Magistri Vincentii* Chronicon Polonorum // MPH. T. II. P. 413; *Щавелева Н. И.* Польские латиноязщычные средневековые источники. С. 92 (текст), С. 106 (пер.).

[1810] „...sceleris auctor in exsilium est a Casimiro actus..." (*Magistri Vincentii* Chronicon Polonorum // MPH. T. II. P. 414; *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 93 (текст), С. 107 (пер.).

[1811] ПСРЛ. Т. II. Стб. 666.

[1812] *Донской Д. В.* Рюриковичи. С. 192.

[1813] *Назаренко А. В.* Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX – середина XIII в.): состояние проблемы и перспективы дальнейших исследований // Из истории русской культуры. Т. I. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 272.

последнему помочь Владимиру Ярославичу вернуть галицкий престол. При этом сын Ярослава Осмомысла также признал вассальную зависимость от Германской империи и обязался платить Фридриху по 2000 гривен серебра ежегодно[1814]. По мнению А. Б. Головко, именно обещанная дань, а не родственные связи Владимира Ярославича с Всеволодом Большое Гнездо, сыграла решающую роль в поддержке Фридрихом свергнутого галицкого князя.

Забегая вперед, можно сказать, что зависимость Владимира от Германии оказалась чистой формальностью, и её признание нужно было князю-изгою лишь для того, чтобы получить военную помощь. У нас нет никаких сведений о том, чтобы добивавшийся возвращения Галича князь платил регулярную дань Германской империи, особенно после гибели Фридриха Барбароссы. Вряд ли такое значительное количество серебра могло быть у князя, только что бежавшего из венгерской темницы, хотя нельзя исключать того, что после возвращения галицкого стола Владимир Ярославич мог послать обещанную сумму один раз – чтобы не выглядеть неблагодарным. Поскольку в следующем, 1190-м году Фридрих I Барбаросса погиб в Малой Азии во время движения в Святую землю в составе участников III Крестового похода, вряд ли, узнав об этом, Владимир Ярославич не отказался от уплаты дани новому германскому правителю Генриху VI (1190–1197), тем более, что тот находился большую часть своего правления в Италии.

Поскольку хронология событий III крестового похода установлена довольно точно, исследователи могут примерно датировать бегство Владимира Галицкого из Венгрии в Германию. 31 мая 1189 г. Фридрих I Барбаросса во главе войска немецких крестоносцев вступил на территорию Венгрии. Исходя из этого, *terminus ante quem* времени прибытия Владимира к Фридриху – май 1189 г. К этому же времени относится и единственное дошедшее до нас свидетельство включения Галича в состав державы Арпадов. В выданном 2 мая 1189 г. в находившемся на одном из островов Адриатического моря г. Зара (Задаре) дипломе Бела III назван «славнейшим королем Венгрии, Дал-

[1814] ПСРЛ. Т. II. Стб. 666.

мации, Рамы и Галации»[1815]. По мнению исследователей, под Галацией в данном случае следует понимать Галицкое княжество. При этом М. С. Грушевский обращает внимание не только на то, что других свидетельств официального признания Арпадами Галича частью венгерского королевства нет, но и на то, что рассматриваемый диплом был выдан местным епископом, а не королём, что вызывает у украинского историка сомнения в точности приведённого в данном документе королевского титула[1816]. Таким образом, нельзя с полной уверенностью заявлять, что Галицкое княжество было официально включено в состав владений венгерской короны.

Поскольку главными союзниками Владимира Ярославича в его военной операции по возвращению отцовского престола стали поляки, это событие не обошли своим вниманием польские средневековые источники. Самым ранним из них является хроника Винцентия Кадлубка – современника рассматриваемого похода. При этом, в соответствии с традициями тогдашней польской хронистики, на которые обращалось внимание выше, Казимиру, бывшему тогда лидером в роде Пястов, придаётся не только главная, но и исключительная роль в деле возвращения Владимиру Ярославичу Галича. Что же касается магистра Винцентия, то он ещё приправляет свое описание изрядной порцией пассажей дидактического характера, рассказывая читателю о безнравственных поступках «короля Владимира». Тем не менее, «так как он мольбами отдаётся под власть благочестивого Казимира, ему удается добиться снисхождения, на которое он, казалось, не мог надеяться. Получает он не только прощение за свое сумасбродство, но и благоволение священного оракула»[1817]. Как видно из приведённой цитаты, Винцентий Кадлубек умалчивает о роли Германии в деле предоставления военной помощи Владимиру Яро-

---

[1815] „...gloriosissimi regis Ungariae, Dalmatiae, Ramae et Galaciae" (CDH. T. 2. Budae, 1829. P. 247.

[1816] *Грушевський М.* Історія України–Руси. Т. II. С. 449 и примеч. 1.

[1817] „Quia tamen ad piisimum Casimiri numen supplex confugit, desperatae licet veniae successus illi non defuit. Non solum enim temeritatis indultionem; sed et consolatricis beneficium gratiae apud sacrum principis oraculum assequitur" (*Magistri Vincentii* Chronicon Polonorum // MPH. T. II. P. 414; *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 93 (текст), С. 107 (пер.).

славичу, хотя есть мнение, что в выражении «священный оракул» следует видеть намёк на Фридриха I Барбароссу[1818].

Когда Владимир Ярославич вернулся на галицкий стол? Если в отношении времени бегства сына Ярослава Осмомысла из башни, куда его заточил Бела III, у исследователей есть надёжный хронологический ориентир, о котором говорилось выше, то время возвращения Владимира на галицкий стол датируется источниками по-разному. При этом явственно проявляются две версии событий, произошедших между бегством Владимира из Венгрии и возвращением галицкого князя в свой стольный город. Первую версию, которую условно можно назвать «краткой», излагает Ипатьевская летопись, вторую («пространную») приводят польские хронисты, прежде всего, Винцентий Кадлубек. Автор повествующего об этих же событиях текста Густинской летописи кратко пересказывает информацию имевшихся в его распоряжении польских источников.

Принципиально две названных версии различаются между собой двумя чертами: польские источники умалчивают о пребывании Владимира Ярославича в Германии, но много внимания уделяют «пакостям», которые причинил потерявший стол князь владениям Казимира II, а из рассказа Киевского свода можно сделать вывод о том, что краковский князь оперативно исполнил повеление Фридриха Барбароссы, в результате чего непонятно, когда Владимир успел сотворить все эти «пакости». Если датировать возвращение Владимира Ярославича в Галич 6 августа того же 1189 г., когда он бежал из заточения, получается, что на все стадии рассматриваемой операции ушло не более полугода, а если Владимир появился при дворе Фридриха I в мае 1189 г., то этот срок сокращается до 3-х месяцев. Этому категорически противоречит «пространная» версия польских хронистов, в сочинениях которых отсутствует погодная запись событий. Однако уже составители Густинской летописи,

[1818] См. комментарий А. Белёвского к этому выражению в первом издании свода польских средневековых источников: MPH. T. II. P. 414.

проанализировав информацию имевшихся в их распоряжении польских источников, написали о том, что Владимир Ярославич пробыл в заточении два года[1819]. Разумеется, их слова в данном случае следует понимать как двухлетнее отсутствие князя на галицком столе, поэтому книжники XVII в. датируют возвращение Владимира в Галич 1190 г.

Что касается мнений исследователей, то до конца XIX в. в историографии господствовала датировка рассматриваемых событий 1190 г., опиравшаяся на традиционный пересчёт летописных дат путём вычитания из них 5508 или 5509 (если событие произошло в январе или феврале) лет: 6698 г. от С. М. = 1190/1 г. от Р. Х.[1820] М. С. Грушевский первым из историков попытался обосновать датировку времени возвращения Владимира Ярославича на галицкий стол 1189 г., опираясь на то, что Ипатьевская летопись под тем же годом сообщает о выступлении Фридриха Барбароссы в крестовый поход, на основании чего делается вывод об ошибке в летописной дате[1821]. После выхода в свет фундаментальной работы Н. Г. Бережкова, который также отстаивает датировку возвращения Владимира 1189 г., в историографии утвердилась эта дата[1822].

Между тем, концепцию Н. Г. Бережкова относительно хронологической канвы событий, связанных с изгнанием венгров из Галича с польской помощью, нельзя признать единственно верной. Во-первых, историк в данном случае фактически повторяет аргументацию М. С. Грушевского, во-вторых, никаких твёрдых хронологических ориентиров, подтверждающих отнесение рассматриваемых событий к 1189 г., Н. Г. Бережков не приводит, а следующее после описания триумфального возращения Владимира Ярославича в

[1819] „В лѣто 6698. [1]190. Володымер Ярославич Галицкий изъбѣже из Угоръ со женою и дѣтми, сѣдѣвъ тамо въ порубѣ лѣтъ двѣ” (ПСРЛ. Т. XL. С. 103).

[1820] См., напр.: *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. IV. С. 312; Т. III. С. 149–150. Правда, при этом В. Н. Татищев и участие Фридриха I в III крестовом походе датировал тем же годом. См. также: *Карамзин Н. М.* История Государства Российского Т. II–III. С. 398; *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. Т. II. С. 301. Из историков XX в. эта датировка встречается у Г. В. Вернадского (*Вернадский Г. В.* История России. Киевская Русь. Тверь–Москва, 1996. С. 248).

[1821] *Грушевський М.* Історія України–Руси. Т. II. С. 452–453 и примеч. 2.

[1822] См., напр.: *Котляр Н. Ф.* Формирование территории и образование городов… С. 87; *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. С. 293; *Головко А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях… С. 85; *Он же* Корона Данила Галицького. С. 211–212; *Стефанович П. С.* Отношения князя и знати в Галицком и Волынском княжествах…. С. 217.

Галич известие, помещённое под тем же 6698 г. (о браке Давыда Ольговича с Игоревной), исследователь отнёс уже к 1190 г., опять же, без опоры на твёрдые хронологические ориентиры. Кроме того, Н. Г. Бережков не привлекает при анализе информации данной статьи Ипатьевской летописи никаких других нарративных источников[1823].

Что касается польских историков, то они, не сомневаясь в достоверности рассказов Ипатьевской летописи и Кадлубка, пытаются датировать нападения Владимира Ярославича на польские земли либо временем его первого правления в Галиче (1187–1188)[1824], либо 1197/1198 г., когда вновь обострились конфликты на польско-русском пограничье[1825]. Н. И. Щавелева, не затрагивая проблему датировки нападений Владимира Ярославича на владения Казимира II в период между бегством Владимира из венгерского заточения и его возвращением на галицкий стол, комментирует рассматриваемый рассказ Кадлубка так: «На наш взгляд, хронист мог намеренно очернить русского князя, чтобы подчеркнуть достоинства Казимира. В изложении Кадлубка присутствует логика. По крайней мере объяснимо нежелание Казимира споспешествовать своему оскорбителю и обращение того к императору. Хронист в очередной раз указывает на милость и благочестие возлюбленного правителя, простившего богохульника Владимира, который должен был опасаться божьей кары»[1826]. В рассуждениях исследовательницы непонятно выражение «нежелание Казимира споспешествовать своему оскорбителю и обращение того к императору». По свидетельству Ипатьевской летописи, Владимир Ярославич бежал из Венгрии в Германию, и он обратился сначала к Фридриху I Барбароссе, а потом к Казимиру, сообщив ему повеление императора об оказании военной помощи изгнанному князю.

Таким образом, удовлетворительного объяснения заметных расхождений между «краткой» и «пространной» версиями рассказа о возвращении Влади-

---

[1823] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 205.
[1824] Так считает Б. Кюрбис (*Mistrza Wincentego* Kronika Polska. P. 203, prz. 178).
[1825] *Labuda G.* Zaginiona Kronika w Rocznikach Jana Długosza. S. 23.
[1826] *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 133 и примеч. 7. Здесь же приведена ссылка на: *Hertel J.* Podstawy społeczne polaka średniowiecznego w swietle kronik Mistrza Wincentego i wielkopolskiej // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Historia. T. XVII. Z. 117. Toruń, 1980. S. 59.

мира Ярославича на галичский стол исследователи до сих пор не дали. Что же касается аргумента, на котором строится датировка этих событий 1189 г., то он весьма зыбкий. Дело в том, что фраза Ипатьевской летописи: «В то же лѣто иде ц(е)*с*(а)рь Немѣцкыи со всею своею землею битися за гробъ Г(о)*с*(поде)нь»[1827] может относиться ко всему походу Фридриха I, который начался 31 мая 1189 г. и был прерван в связи со смертью императора, наступившей 10 июня 1190 г.

Если рассматривать «краткую» и «пространную» версии деятельности Владимира Ярославича от бегства из венгерской неволи до триумфального возвращения на отцовский стол с точки зрения внешнеполитического контекста этих событий, то они хорошо дополняют друг друга. При этом следует учитывать незнание автором соответствующего текста Киевского свода подробностей взаимоотношений Владимира с Казимиром, а также стремление Винцентия Кадлубка и более поздних польских хронистов умолчать о вассальной зависимости (пусть даже формальной) краковского князя от германского императора.

Как указывалось выше, Владимир Ярославич бежал из венгерского плена накануне ухода немецкого рыцарского войска в III крестовый поход. Фридрих I Барбаросса приказал Казимиру II помочь Владимиру в возвращении отцовского стола, но в связи с участием германского императора в походе в «Святую землю» краковский князь мог позволить себе не исполнять приказ императора, не сомневаясь в том, что охваченный всеобщим воодушевлением Фридрих отложит наказание непослушного вассала до возвращения из Палестины, что произойдет не раньше, чем через два года. В таком случае изгнанный князь должен был остаться с горсткой соратников в окружении враждебных ему владетелей. Это вынуждало Владимира Ярославича, обосновавшегося в одном из труднодоступных районов русско-польского пограничья, совершать набеги на польские земли не только от безысходности, но и

[1827] ПСРЛ. Т. II. Стб. 667.

в качестве мести Казимиру II за отказ выполнить приказание Фридриха I Барбароссы.

Автор параллельного сюжета Великопольской хроники, взявший за основу текст Кадлубка, пытается устранить содержащуюся у магистра Винцентия непонятность по поводу того, где находился Владимир Ярославич после бегства из венгерского плена. В главе 40 Великопольской хроники содержится известие о том, что после побега из башни Владимир «находится в русских землях, довольствуясь только отцовским наследством»[1828], откуда он совершает дерзкие набеги на польские земли[1829].

В связи с этим возникает закономерный вопрос: что следует понимать под «отцовским наследством» Владимира Ярославича? Вряд ли здесь имеется в виду Галич, поскольку перед смертью Ярослав Осмомысл завещал своему законному сыну Перемышль, а незаконному – Галич. Кроме того, несмотря на то, что Олега «Настасьича» уже не было в живых, вернуться в столицу Галицкого княжества Владимир не мог, ибо там находился сильный венгерский гарнизон, обеспечивавший власть принца Андраша. В таком случае можно предположить, что сын Ярослава Осмомысла мог обосноваться в завещанном ему отцом Перемышле – приграничном городе, на удержание которого под своей властью у венгров не было сил в связи с крайне сложной обстановкой, сложившейся в Галиче. Эту версию как будто не подтверждает Ян Длугош. Рассказывая о рассматриваемых событиях в своей «Польской истории» под 1187 г., Я. Длугош пишет о Владимире Ярославиче, что после бегства из Венгрии, «попытавшись захватить крепость и свое Галицкое княжество, он был прогнан венграми, сильный гарнизон которых находился в крепости Галиче с королевским сыном Андреем, и стал кружить по русским землям, словно бродяга или беглец, не имея пристанища, где мог бы закрепиться»[1830].

[1828] «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях… С. 124.

[1829] Один из таких набегов В. Кадлубек и Великопольская хроника датируют днём Успения Богородицы, т. е. 15 августа, не указывая при этом года. См.: *Magistri Vincentii* Chronicon Polonorum // MPH. T. II. P. 414; *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 93 (текст), С. 107 (пер.); «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях… С. 124.

[1830] «Castrumque et ducatum suum Haliziensem temptans irrumpere, ab Hungaris, quorum in castro Halitz validum presidium cum filio regis Andrea erat, repulsus, incertis itineribus, non habens sedem, in qua consisteret, per

Далее Длугош, рисуя Владимира предводителем шайки разбойников, затрагивает эпизод, связанный с вторжением этого сброда в Польшу в канун для Успения Богородицы, подчёркивая, что Перемышль «был тогда под властью поляков»[1831].

Однако, по моему мнению, версия Длугоша никак не противоречит версии Великопольской хроники. Авторы этих исторических сочинений могли выбрать из имевшихся в их распоряжении источников разные факты. Не получивший от Казимира II военной помощи Владимир Ярославич, зная о том, что галичане страдают от иноземной власти, мог попытаться, понадеявшись на чудо, взять «изъездом» Галич, но получил отпор. После этого Владимир, скорее всего, обосновался в Перемышле, откуда он совершал набеги на владения Казимира II. Поскольку у краковского князя было достаточно сил, чтобы выбить из Перемышля донимавшего его Владимира, последнему, когда он стал уже по-настоящему князем-изгоем, пришлось, как в качестве мести, так и с целью выживания, нападать на приграничные земли Краковского княжества уже из окрестных лесов вместе с собравшимся вокруг него разношёрстным сбродом[1832]. В условиях, когда власть Андраша над Галичем держалась исключительно на терроре против местного населения, венгерский принц не мог отправить военный отряд для возвращения отпавшего Перемышля, жители которого сначала приняли Владимира Ярославича, а затем изгнавший его польский военный отряд.

Так или иначе, но самый дерзкий набег Владимира, о котором рассказывают польские хронисты, скорее всего, был совершён 15 августа 1189 г.[1833] Несомненно, этот набег вызвал крайне негативное отношение краковского князя к сыну Ярослава Осмомысла, и потребовалось несколько месяцев для

Ruthenorum regiones, velut vagus et profugus rotabatur" (*Ioannis Dlugossii* Annales seu Cronicae... T. II. P. 141; *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша… С. 180 (текст), С. 332 (пер.).

[1831] Ibid.; Там же.

[1832] Об этом подробно пишет Ян Длугош: «Вокруг него собралась дружина из привыкших жить разбоем или наёмничеством, а также из осуждённых преступников, с которой он начал нападать на окрестные русские области, грабя их. Но и Польская земля не была в безопаности от его насилия» (*Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша… С. 180 (текст), С. 332 (пер.).

[1833] Винцентий Кадлубек (IV, 15) и более поздние хронисты помещают в своих сочинениях известие о нападении Владимира на польские земли в день Успения Богородицы.

того, чтобы обе враждующие стороны осознали, что попали в ситуацию, близкую к патовой. По всей видимости, это произошло не ранее начала лета 1190 г. К этому времени Владимир Ярославич, осознавший бесперспективность разорения польских земель, грозившего ему в случае попадания в плен смертной казнью, мог придти к мысли о покаянии перед Казимиром II за свои грабежи, а краковский князь – к необходимости оказания помощи Владимиру в деле возвращения галицкого стола ради установления спокойствия на юго-восточных границах польских земель. При этом следует учитывать то, что решение о предоставлении военной помощи Владимиру Ярославичу влекло за собой неизбежное ухудшение отношений между Казимиром II и Белой III. Поскольку в Кракове, как будет показано ниже, существовала тогда сильная провенгерская «партия», принятие решения о помощи Владимиру Ярославичу свидетельствует о том, что в тот момент верх взяли её оппоненты.

Изгнание принца Андраша из Галича. Имеющаяся в нашем распоряжении информация об этом событии также содержится как в древнерусских, так и в средневековых польских источниках. Естественно, Винцентий Кадлубек и его продолжатели стремились показать исключительную роль поляков в деле восстановления Владимира Ярославича на галичском столе. Ипатьевская летопись данное мнение в целом подтверждает. При этом польские и древнерусские источники согласны в том, что польский отряд, с которым Владимир возвратил отцовский стол, возглавлял вельможа по имени Николай.

Магистр Винцентий сообщает об этом так: «Посланный по воле его светлости знаменитый палатин Николай выгоняет, хотя это и казалось всем на Востоке невозможным, сына короля [Белы] со всей роскошной и могущественной свитой паннонцев, а изгнанника восстанавливает в королевстве. Так одной и той же рукой он [Казимир] ему [Владимиру] … помощь и беды принёс. После этого такой ужас охватил все восточные королевства, что они,

словно дрожащие листья, трепетали под властью Казимира»[1834]. Как видно из приведённой цитаты, Кадлубка мало интересуют подробности возвращения Владимиру Ярославичу Галича, главное для него – очередной раз прославить деяния Казимира II.

Более правдоподобно описывает рассматриваемые события Киевский свод. Не отрицая участия в них поляков, летописец пишет: «Казимиръ же, приставя к немоу (Владимиру Ярославичу. – *М. Ю.*) моужь свои Миклая и посла его в Галичь. Галичьскии же моужи срѣтоша его с радостью великою, князя своего и дѣдича, а королевича прогнаша изъ земля своея. А Володимѣръ сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего на Спасовъ день…»[1835]. В пересчете на современное летосчисление Владимир Ярославич вернулся на отцовский стол 6 (или 1) августа, но, по моему мнению, произошло это не в 1189 г., как считает Н. Г. Бережков[1836], а в 1190 г., что вытекает из моих изложенных выше соображений (вряд ли, получив Галич с польской помощью в начале августа, Владимир в знак благодарности отправился разорять Польшу в середине того же месяца, это произошло в разные соседние годы). Из выражения летописца можно сделать вывод о том, что главной силой в деле изгнания принца Андраша и бывших с ним венгров были галичане, хотя не подлежит сомнению факт участия в этом польского отряда, иначе оккупанты были бы изгнаны раньше.

Понимая шаткость своего положения, Владимир Ярославич поспешил заручиться поддержкой сильнейшего русского князя – Всеволода Большое Гнездо, приходившемуся ему дядей по матери («уем»). При этом Владимир признал свою зависимость от дяди, заявляя ему: «язъ Божии и твои есмь со всим Галичемь, а во твоеи волѣ есмь всегда»[1837]. Владимирский князь заявил

[1834] „A principali namque serenitate missus palatii princes, Nicolaus ille famosissimus, et filium regis, quod cunctis videbatur Orientalibus impossibile, cum omnibus Pannoniorum pompis ac potestatibus potenter eradicate et exsulem regno restituit. Sic manus huic eadem … vulnus opemque tulit. Unde cuncta Orientalium regna tantus horror concussit, ut omnes ad Casimiri nutum plus, quam tremuli folium, contremiscerent" (*Magistri Vincentii* Chronicon Polonorum // MPH. T. II. P. 414; *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 93 (текст), С. 107 (пер.).

[1835] ПСРЛ. Т. II. Стб. 666–667.

[1836] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 205.

[1837] ПСРЛ. Т. II. Стб. 667.

о поддержке племянника и «присла ко всимъ княземъ и ко королеви, в Ляхы и води я ко крестоу на своемь сестричичѣ Галича не искати николи же под нимь. Володимеръ же оутвердився в Галичѣ, и оттолѣ не бысть на нь никого же»[1838]. При перечислении летописцем правителей, к которым Всеволод Юрьевич направил послов с извещением о взятии под своё покровительство Владимира Ярославича, скорее всего, в выражении «ко королеви» имеется в виду Бела III, поэтому после него следует поставить запятую. К такому выводу меня приводит анализ предыдущего летописного текста, в котором королём назван только правитель Венгрии, а о Казимире летописец пишет, не называя его титула. Выражение «в Ляхы», скорее всего, отображает тогдашнюю политическую ситуацию в Польше, где не было единого правителя, и страна была разделена на несколько княжеств.

Таким образом, Всеволод Большое Гнездо оказался втянутым в контекст русско-венгерских отношений. Однако роль владимиро-суздальского князя при этом не следует преувеличивать. Даже если Бела III удостоил Всеволодовых «мужей» аудиенции, нет никаких оснований утверждать об установлении политических связей между Венгрией и Северо-Восточной Русью, хотя дипломатические связи, безусловно, между двумя государствами существовали. Слишком далеко друг от друга находились названные регионы. Исходя из последующего развития событий, можно с полной уверенностью утверждать, что миссия суздальских послов достигла в данном случае лишь одной цели: Бела III более не отваживался совершать походы в русские земли.

Тем не менее, миссия Всеволодовых послов, судя по всему, произвела при дворе Арпадов сильное впечатление. Недаром Венгерский Аноним («магистр. П.»), который, как известно, был нотарием Белы III, сочиняя своё историческое произведение с элементами рыцарского романа («Деяния венгров»), сообщает о пути миграции «гуннов» (т. е. древних венгров) из «Скифии» (Восточной Европы), который пролегал, в том числе, через Суздаль[1839].

[1838] Там же.

[1839] *P. magistri*, qui Anonymi dicitur, Gesta Hungarorum // SRH. Vol. I. P. 42.

По мнению современных венгерских исследователей, рассматриваемое сочинение было написано около 1210 г.[1840], что свидетельствует о том, что и через 20 лет память о посольстве правителя Суздаля (хотя на самом деле Всеволод считался владимирским князем) ещё сохранялась – по крайней мере, у бывшего королевского нотария.

4. Русь и Венгрия в последние годы правления Белы III

Ситуация на Руси, в Кракове и Венгрии после возвращения принца Андраша на родину. В годы второго княжения в Галиче Владимира Ярославича (1190–1198/9) его внешнеполитическая активность была минимальной. Источники не содержат никаких известий об участии галичского князя в военных операциях в Польше, Венгрии и других соседних государствах. Единственный раз Владимир оказал в 1196 г. военную помощь Рюрику Ростиславичу во время его конфликта с зятем Романом Мстиславичем, вторгшись во владения последнего и разорив земли около Перемиля и Каменца[1841]. Отсутствие активных внешнеполитических устремлений у Владимира Ярославича подтверждает отсутствие каких-либо сведений о нём в польских средневековых источниках после описания возвращения его на галицкий стол палатином Николаем. Зато Винцентий Кадлубек специально обращает внимание на то, что изгнание принца Андраша и пришедших с ним в Галич венгров негативно отразилось на польско-венгерских отношениях. Правда, при этом магистр Винцентий пытается вскрыть истоки этого процесса, которые не имели прямого отношения к акту возвращения Владимиру Ярославичу галицкого стола.

По свидетельству Кадлубка, после возвращения палатина Николая из Галича в Краков вельможи Казимира II преисполнились завистью к славе палатина и постарались настроить своего князя против Николая. «Они доказыва-

[1840] *Font M.* A keresztény nagyhatalmak vonzásában. 36. l.
[1841] ПСРЛ. Т. II. Стб. 697–698.

ют, что из-за него [Николая] всё достоинство этого королевства унижено, вся основа достоинства подорвана, уверяют, что после расторжения союза с королём паннонцев решительно погибла безопасность этого королевства, говорят, что после восстановления галицкого врага, которого скорее подобало вздернуть на дыбу, нежели возвышать его на королевство, погасла вся слава лехитов»[1842]. В приведённой цитате (исключая самый её конец) не совсем понятно, о каком королевстве идет речь – Венгерском, Польском или «Галицком». Скорее всего, Кадлубек в данном случае имеет в виду Польшу, хотя, с точки зрения титулатуры её правителей, она не была тогда королевством. Как указывает Н. И. Щавелева в своих комментариях к этой цитате, «подчинение императору и поддержка по его приказу Владимира Галицкого грозили нарушением мирного договора с венгерским королём, это вызвало бунт провенгерской оппозиции вельмож и рыцарства»[1843].

Так или иначе, но в 1190 г. до военного конфликта между Казимиром II и Белой III дело не дошло. Венгерский король в это время, скорее всего, был погружён в балканские дела. Как указывалось выше, восстановление Владимира Ярославича на галицком столе произошло 6 (или 1) августа 1190 г., следовательно, находившееся на Руси венгерское войско вернулось на родину, скорее всего, в середине или в конце августа. О внешнеполитических акциях Белы III в это время источники умалчивают, ближайшее известие о его внешнеполитической деятельности относится к осени 1191 г., когда король встречался в Среме со своим зятем Исааком II Ангелом[1844]. По неизвестным причинам Казимир II лишь тогда (а не в 1190 г.) открыто заявил о разрыве отношений с Венгрией. Бела III, видимо, занятый решением балканских проблем, не среагировал на этот враждебный шаг краковского князя развязыванием конфликта с ним. Судя по известиям польских источников, в Кракове

[1842] „... Allegant, per ipsum omne huius regni decus pessumdatum, omne decoris firmamentum enervatum; asserunt Regis Pannoniorum foedere soluto, prorsus huius regni securitatem exspirasse; aiunt, Galiciensis hostis restitutione, omnen Lechitarum gloriam declinasse, quem potius deceret patibulo suffigi, quam regno sublimari" (*Magistri Vincentii* Chronicon Polonorum // MPH. E. II. P. 415; *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 93–94 (текст), С. 107 (пер.).

[1843] Там же. С. 134 и примеч. 4.

[1844] MTK. I. k. 122. l.

была достаточно сильная провенгерская «партия», требовавшая от Казимира нормализации отношений с Белой III. Как раз в это время краковского князя преследовали неудачи в борьбе с великопольским князем Мешко III Старым. По мнению исследователей, в 1191 г. Казимир был на Руси в связи с тем, что Мешко III временно захватил Краков[1845].

Отражение участия венгров в галицких событиях 1188–1190 гг. в дипломатике Белы III и Андраша (Эндре) II. В одной из недавних работ М. Фонт провела исследование королевских грамот, изданных в конце XII–XIII в. на предмет выявления в них следов пребывания венгров на территории Руси. Ей удалось обнаружить 25 грамот о пожалованиях земельных владений, владельцы которых отличились в событиях, связанных с пребыванием венгерских военных отрядов на Руси, или выполняли там дипломатические поручения[1846]. Три из них, скорее всего, были получены воинами, находившимися в венгерском отряде, пришедшем в Галич вместе с принцем Андрашем (Эндре).

Одна из выявленных М. Фонт грамот (№ 1 в составленной ей обобщающей таблице) была издана Белой III. Она единственная из 25, которая не датирована и относится к XII в. По мнению исследовательницы, жалованная грамота воину по имени Цека была составлена между 1190–1196 гг. Оригинал этой грамоты не сохранился – он погиб во время похода Бату в Венгрию (1241–1242), но её текст восстановили на основании свидетельств соседей потомков Цеки в годы правления Иштвана V (1270–1272)[1847]. «Цека мог принимать участие в походе Белы III на Галич в 1189 г. Благодаря его заслугам на Руси король выдвинул его среди королевских военных поселенцев, принадлежавших к крепости Сольнок, и причислил к мелким землевладельцам

[1845] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 162. О том, что Мешко III Старый был изгнан из Кракова с помощью волынского князя Романа Мстиславича и белзского князя Всеволода Мстиславича (племянников Казимира II), первым написал Кадлубек (IV, 16), но сведения о пребывании Казимира на Руси впервые появляются у Длугоша (*Назаренко А. В.* Комментарии. С. 439, комм. 438).
[1846] *Фонт М.* Венгры на Руси в XI–XIII вв. С. 93–94.
[1847] Там же. С. 95.

(*serviens regis*)»[1848]. Рассматриваемая грамота – одно из многочисленных свидетельств процесса размежевания среди королевских замковых людей (*iobagiones castri*), проходивший в Венгрии в эпоху классического Средневековья, когда небольшая часть иобагионов за определённые заслуги причислялась к дворянскому сословию, а остальные пополнили ряды крестьянства.

Две грамоты из списка М. Фонт были изданы в годы правления Андраша (Эндре) II (1205–1235), который, будучи принцем, в 1188–1190 гг. занимал галицкий стол. Грамота, датированная 1211 г. (№ 2), свидетельствует о том, что Фабиан и Винце оказали королю службу (*servitium*) на Руси. «Может быть, служба обозначает посольское поручение или военную службу, или то, и другое. „*Servitium in Ruscia*" помогла братьям Фабиану и Винце получить часть из земель, принадлежащих крепости Зала»[1849]. По мнению М. Фонт, Фабиан и Винце могли участвовать в походе Белы III на Галич в 1188 г. «когда будущий король Андраш был ещё герцогом (*cum tempore ducatus ipsius domini Andreae*), в годы правления отца»[1850].

Грамота, датированная 1212 г. (№ 3), упоминает Фаркаша и Петера, которые «погибли на Руси ради пользы всего государства» (*pro utilitate totius regni in Ruscia morti*) [1851]. «Поскольку они погибли в походе, их брат, Янош получил пожалование от Андраша II. В жалованной грамоте от 1212 г. могут быть переданы события либо 1205–1211 гг., либо 1188–1189 гг. – и в том, и в другом случае братья служили Андрашу»[1852]. Если оценивать степень вероятности предлагаемых датировок, то более поздняя представляется более вероятной, поскольку год издания грамоты – 1212 наталкивает на мысль о том, что Андраш II сделал земельное пожалование Яношу, узнав о гибели его братьев, когда венгерское войско вернулось из Галича. Версия о том, что ко-

---

[1848] Там же. С. 94. Грамота, на которую ссылается М. Фонт, издана в кн.: Regesta regum stirpis Arpadianae critico-diplomatica. P. 52. № 166.
[1849] *Фонт М.* Венгры на Руси в XI–XIII вв. С. 93. Текст грамоты опубликован в «Истории комитата Зала». См.: Zala vármegye története // Okleveltár. I. k. Bp., 1886. 4. l.
[1850] *Фонт М.* Венгры на Руси… С. 94–95.
[1851] Ссылка на: Regesta regum stirpis Arpadianae… T. I. P. 89, № 278.
[1852] *Фонт М.* Венгры на Руси… С. 97.

роль вспомнил о событиях, происшедших более двух десятков лет назад, крайне маловероятна, хотя полностью исключать её нельзя.

Русь и Венгрия в последние годы XII в. На закате жизни Бела III продолжает активную политическую деятельность на Балканах. В 1192–1193 гг. он ведёт войну в Сербии, ставшей к тому времени полностью независимой от Византии. Василевс Исаак II Ангел (1185–1195, 1203–1204) встаёт на сторону сербского великого жупана Стефана Немани (1168–1196), хотя ещё в 1190 г. византийское войско вторглось в Сербию и отвоевало часть сербских земель, некогда принадлежавших Византии. Важность балканского направления внешней политики Венгрии подчеркнуло назначение в 1194 г. наследного принца Имре (коронованного отцом) правителем Хорватии и Далмации.

По мнению венгерских исследователей, в 1193 г. Бела III «усиливает меры против своей матери Ефросинии»[1853]. Основанием для такого мнения служат документы монастыря св. Дмитрия на Саве, исследованные Д. Дёрффи. Судя по дошедшим до нас материалам, Евфросинья передала монастырскую церковь св. Иштвана в Секешфехерваре вместе со своими владениями иерусалимскому ордену иоаннитов (госпитальеров), что вызвало неудовольствие Белы III. Дёрффи обратил внимание на то, что в этом дипломе о дарении, датируемом исследователями 1193 г., Евфросинья не названа покойной, «следовательно, во время издания диплома она ещё была жива или, по крайней мере, в Венгрии ещё не знали о её смерти»[1854].

Поскольку Евфросинья Мстиславна передавала приютившей её крестоносной организации не только монастырь, который она в своё время достроила, но и земельные владения, Бела III внимательно ознакомился с подтверждающими эту акцию документами, что побудило его провести перепись владений крестоносцев в Венгрии. Впоследствии (между 1193 и 1196 гг.) венгерский король передаёт иерусалимскому базилитскому монастырю св.

[1853] MTK. I. k. 123. l.

[1854] *Györffy Gy.* A Szávaszentdemeteri görög monostor... 350. l., 117. jegyz. Мнение о том, что Евфросинья Мстиславна умерла не ранее 1193 г., разделяет и автор её новейшей научной биографии Д. Домбровский (*Dąbrowski D.* Op. cit. S. 170).

Теодорика права родственного монастыря св. Дмитрия на Саве (*венг*. Сава-сентдеметер).

Вообще о последних годах жизни матери Белы III имеются лишь скудные известия из церковных преданий. «3 сентября 1187 г. Иерусалим заняли войска султана Салах-ад-дина, крестоносцы и католическое духовенство покинули город. О судьбе княгини сообщает предание тамошней лавры св. Феодосия – крупнейшего монастыря, бывшего и после разрушения местом паломничества. Здесь побывал и игумен Даниил. Предание гласило, что Евфросинья умерла в 1173 (1193?) г. в монастыре св. Саввы и погребена в церкви Теотокаса при лавре св. Феодосия, а гробница её пустует, так как прах был перевезён на Русь. Но известно, что Евфросинья Мстиславна погребена в Венгрии»[1855]. По мнению В. Т. Пашуто, в монастырском предании дочери Мстислава Великого приписаны события, связанные со св. Евфросиньей Полоцкой[1856].

Незадолго до смерти Бела III вновь обратился к решению балканских проблем. В 1195 г. он обещал зятю Исааку II Ангелу помощь против восставших болгар. По этой причине венгерский король отказался участвовать в крестовом походе, который пытался организовать германский император Генрих VI (1190–1197). Свержение Исаака II с престола в том же 1195 году освободило Белу III от выполнения своего обещания. Тогда же он, наконец, принял решение участвовать в крестоносном движении, но тяжелая болезнь помешала ему осуществить данный им обет. Незадолго до смерти, последовавшей 23 апреля 1196 г., Бела III завещал совершить поход в «Святую землю» своему сыну и наследнику Имре[1857].

Что касается русских земель, то последнее десятилетие XII в. здесь характеризуется дальнейшим усложнением междукняжеских отношений. Несмотря на то, что Всеволод Большое Гнездо (1176–1212) оставался наиболее влиятельным в роде Рюриковичей, он почти не вмешивался во внутренние

[1855] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 179–180. Относительно погребения Евфросиньи Мстиславны в Венгрии ссылка на: CDH. T. V. v. 1. P. 212.
[1856] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 180.
[1857] MTK. I. k. 123–124. l.

дела южной Руси (если не считать поддержки галицкого князя Владимира Ярославича) и не предпринимал никаких внешнеполитических акций на южном направлении. Источники умалчивают о характере взаимоотношений Всеволода Юрьевича с киевским митрополитом в последнее десятилетие XII в. Похоже, южные дела перестали интересовать владимирского князя. Смерть киевского князя (и главы черниговских Ольговичей) Святослава Всеволодича, последовавшая 25 июля 1194 г., привела к серьёзным переменам в политической ситуации на юге Руси. Его фактический соправитель Рюрик Ростиславич решил разделить власть над «Русской землей» совместно со своим братом – смоленским князем Давыдом Ростиславичем. Однако Давыд умер в 1197 г., и Рюрику пришлось в одиночку выстраивать отношения с Всеволодом Большое Гнездо, осознававшим свою силу и влияние во всех русских землях.

По свидетельству Киевского свода, уже в 1195 г. владимирский князь был признан старейшим «во Володимере племени»[1858]. С этого времени начинается более активное вмешательство Всеволода Юрьевича во внутренние дела южной Руси, одним из следствий которого стала в первые годы XIII в. ожесточённая борьба между Рюриком Ростиславичем и его зятем – волынским (а с 1199 г. – галицко-волынским) князем Романом Мстиславичем. Дело в том, что Рюрик, став киевским князем, передал зятю «волость лѣ пшюю», в которую вошли такие города Киевской земли, как Торческ, Треполь, Корсунь, Богуславль и Канев. Это обидело Всеволода Большое Гнездо и Рюрик Ростиславич в том же 1195 г. по его требованию отобрал у зятя пожалованные ему владения, передав их владимиро-суздальскому князю. При этом акт нарушения клятвы, которую дал Рюрик зятю, санкционировал киевский митрополит Никифор II (ранее 1183 – после 1201)[1859].

Справедливости ради следует отметить, что Роман добровольно уступил требуемые города, но демонстративное пожалование их Всеволодом своему

[1858] ПСРЛ. Т. II. Стб. 683.
[1859] *Поппэ А*. Митрополиты и князья Киевской Руси. С. 446.

зятю и сыну Рюрика Ростиславу вызвало у Романа глубокую обиду на тестя за его готовность исполнять волю Всеволода. Попытки Рюрика Ростиславича дать зятю равноценную волость не способствовали преодолению подозрительности Романа, который отказался от нового пожалования. Владимиро-волынский князь принимает решение о войне с тестем и начинает искать союзников. Его обращение к черниговским князьям усугубляет ситуацию, причём не в пользу Романа Мстиславича, поскольку Ольговичи опасаются вступать в конфликт с Всеволодом Большое Гнездо, и Роману приходится искать помощь в Польше. Так были заложены предпосылки последующей ожесточенной борьбы за Киев, которую вели Роман Мстиславич и Рюрик Ростиславич в 1201–1205 гг.

«Татищевское известие» о попытке вмешательства венгров в борьбу за галицкое наследство в 1199 г. В раннем и позднем летописании, а также в других нарративных источниках не содержится никакой информации о русско-венгерских контактах в 90-е годы XII в. Что же касается самых последних лет названного столетия, то они вообще обделены информацией в раннем летописании, поскольку Киевский свод доводит изложение событий до 1198 г., а первое известие о реальных событиях в следующей части Ипатьевской летописи, которую принято называть Галицко-Волынской летописью, относится к 1205 г.[1860] В Лаврентьевской летописи нет никаких известий о событиях в юго-западной Руси, происшедших в последние годы XII в., как и в Московском своде конца XV в. В такой ситуации исследователи вынуждены датировать смерть Владимира Ярославича, опираясь на данные Густинской летописи (1199)[1861], которая не содержит никаких подробностей о реакции тогдашнего венгерского короля Имре (1196–1204) на смену власти в Галиче, где, как известно, утвердился в то время волынский князь Роман Мстиславич (1199–1205).

[1860] Галицко-Волынская летопись начинается с помещенного под 6709 г. рассказа о деятельности Романа Мстиславича, представляющего собой общую характеристику правления этого князя, где он сравнивается с Владимиром Мономахом (ПСРЛ. Т. II. Стб. 715–717).
[1861] ПСРЛ. Т. XL. С. 107.

Этот «недочёт» пытается «исправить» В. Н. Татищев. Уже в первой редакции своей «Истории Российской» он пишет под 6705 (1197) г., после описания действий Романа Мстиславича, направленных на утверждение на галицком столе (обращение к Рюрику Ростиславичу, поездка в Польшу и возвращение с польскими полками): «Галичане же, ожидая вести от Рюрика, послаша бо послы своя, прося сына его Ростислава, а долго ответа не взявши и слышащи, иж король угорски готовится на Галич и уже в горах полки его, прияша Романа. Он же, одарив Лешка детска и ляхов, отпусти я. А угре уведавше, возпятишася»[1862].

В примечании 423, которым В. Н. Татищев сопроводил цитированный текст, он приводит переведённые на русский язык тексты рассматриваемого сюжета в сочинениях М. Кромера и М. Бельского. Последний, по мнению В. Н. Татищева, «из Кромера, а паче из Длугоша взяв, самохвальством оное пополнил»[1863]. Таким образом историк XVIII в. даёт понять, что его изложение событий, связанных с вторичным утверждением Романа Мстиславича на галичском столе, взято не из произведений названных польских историков. Кстати, в обоих текстах нет упоминания о венграх. Что касается сочинения не упомянутого В. Н. Татищевым М. Стрыйковского, то там тоже отсутствуют какие-либо сведения об участии венгров в событиях 1199 г. вокруг Галича[1864]. Поскольку источник рассматриваемого рассказа В. Н. Татищева ни в одном из дошедших до нас письменных памятников не выявляется, можно предположить, что эти уникальные сведения были домыслены историком XVIII в.

В то же время обращают на себя внимание, во-первых, выделение В. Н. Татищевым сюжета о вторичном вокняжении Романа Мстиславича в Галиче в отдельный абзац, что означает, что он вряд ли является амплификацией; во-вторых, этот рассказ никак не связан с предшествующим и последующим эпизодами «Истории Российской»; в-третьих, он помещён в конце статьи под

[1862] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. IV. С. 325.
[1863] Там же. С. 457.
[1864] *Stryjkowski Maciej*. Kronika Polska, Litewska, Żmódska i wszystkiej Rusi. T. I. S. 209–210.

6705 (1197) г., после рассказа о событиях, происходивших в Новгороде в январе того же года, т. е. в переводе на современное летосчисление в самом начале 1198 г. Это напоминает обычную работу летописцев, которые, приведя в годовой статье сначала текст, встречающийся во многих предшествующих сводах, добавляет к нему оригинальные известия «маргинальных» исторических сочинений (в случаях, когда они не датированы, и их нельзя вставить в хронологическую канву летописной статьи). Если утверждать, что В. Н. Татищев сочинил этот рассказ от начала и до конца, то непонятны мотивы, побудившие его к такому творчеству.

Сведения о смерти Владимира Ярославича и утверждении в Галиче Романа Мстиславича можно найти в польских источниках, начиная с хроники Винцентия Кадлубка, где (как в Великопольской хронике и сочинении Яна Длугоша) содержится пространный рассказ, в котором Роман выставлен как проситель, уговоривший при помощи различных уловок захватившего Галич юного польского князя Лешка Белого отдать ему во владение Галицкое княжество[1865]. Правда, при этом ни магистр Винцентий, ни авторы Великопольской хроники не приводят года смены власти в Галиче, лишь в «Польской истории» Яна Длугоша, рассказ об этих событиях помещён под 1198 г.[1866] Никаких параллелей с рассказом В. Н. Татищева (который на порядок меньше по объёму) здесь нет, и венгры в сочинениях польских хронистов не упоминаются. Даже датировка рассматриваемых событий указывает на то, что в данном случае историк XVIII в. использовал явно не труд Длугоша, иначе он поместил бы свой рассказ под 6706 (1198) г., а не под 6705 (1197) г., как это сделано в «Истории Российской».

На основании вышеизложенного можно предположить, что в данном случае у В. Н. Татищева был в распоряжении не дошедший до нас источник, яв-

---

[1865] *Magistri Vincentii* Chronicon Polonorum // MPH. T. II. P. 437–441; *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 95–97 (текст), 110–112 (пер.).

[1866] *Ioannis Dlugossii* Annales seu Chronici... T. III. P. 168–171; *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша… С. 187–189 (текст), 340–342 (пер.).

но поздний, скорее всего, не ранее XVI в.[1867], в котором содержалась оригинальная версия событий, приведших к утверждению на галицком столе Романа Мстиславича, помещённая, в отличие от Густинской летописи, не под 6707 (1199/1200), а под 6705 (1197/8) г. То, что В. Н. Татищев взял рассматриваемый рассказ из особого источника, можно предположить, исходя из выделения этой информации в отдельный абзац, помещённый в самом конце годовой статьи, после описания новгородских событий, происшедших в январе 6705 г. Скорее всего, краткая, но весьма информативная версия неизвестного письменного памятника показалась В. Н. Татищеву отражающей реальный ход событий на фоне пространных рассказов польских хронистов, изобилующих баснословными подробностями о великих деяниях польских князей и заискивании перед ними Романа Мстиславича.

Так или иначе, но сведения о попытке венгерского короля Имре (1196–1204) вмешаться в борьбу за галицкий стол после смерти Владимира Ярославича представляются с большой степенью вероятности отражающими реальные исторические факты. Если посылка королевского войска на Русь действительно имела место, то становится понятным, почему неизвестный источник В. Н. Татищева не сообщает о том, кого поддерживали Арпады и их окружение в качестве претендента на власть в Галицком княжестве. Поскольку у нас нет сведений о связях венгерских правителей с Романом Мстиславичем и Рюриком Ростиславичем, скорее всего, Имре намеревался вновь посадить на галицкий стол своего младшего брата Андраша.

Однако соотношение сил было явно не в пользу Арпадов. Тем более, что ситуация в Венгрии в 1197–1199 гг. была настолько напряжённой, что папа Иннокентий III (1198–1216) вынужден был освободить принца Андраша от выполнения завета отца – Белы III – отправиться в поход в Святую землю,

[1867] В рассматриваемом рассказе В. Н. Татищев употребляет слово «братанична», под которой, судя по всему, имеется в виду невестка одного из двоюродных братьев Романа Мстиславича – сыновей Казимира II Справедливого Лешка Белого или Конрада Мазовецкого. В данном случае важно не то, кто именно послал военные отряды на помощь Роману, а то, что слово «братанична» не встречается в письменных памятниках XI–XV вв. См.: *Срезневский И. И*. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. М., 1958. Стб. 166; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I. С. 306. Кто употребил это слово – автор использованного В. Н. Татищевым источника или сам историк, выяснить невозможно.

пока в стране не установится спокойствие[1868]. Главной причиной внутренней нестабильности в Венгрии была борьба Андраша со старшим братом – королём Имре. Если на самом деле имел место факт посылки венгерского военного отряда после смерти Владимира Ярославича для участия в борьбе за галицкое наследство, то можно предположить, что Имре мог отправить Андраша во главе этого отряда, чтобы разрядить ситуацию внутри страны. Быстрое возвращение венгерских воинов из похода после получения известий об утверждении в Галиче Романа Мстиславича может свидетельствовать о том, что Андраш не горел желанием вновь занять галичский стол и потому сразу же воспользовался благоприятным поводом, чтобы не ввязываться в чуждую ему борьбу за Галич.

С точки зрения событийной канвы венгерской истории первых лет правления Имре, обращает на себя внимание датировка В. Н. Татищевым смерти Владимира Ярославича 1197 г. Конфликт между королём и его младшим братом разразился поздней осенью этого же года, причем Андрашу в союзе с штирийским герцогом Леопольдом VI удалось одержать в декабре победу над королевским войском в Славонии[1869]. Венгерские источники не сообщают никаких подробностей о первых месяцах правления Имре. В связи с этим возникает вопрос: не была ли одной из причин конфликта между королём и его младшим братом попытка Имре отправить Андраша на княжение в Галич после смерти Владимира Ярославича? Ведь в случае успешной реализации этого решения принц отправлялся не просто в ссылку, а должен был находиться по другую сторону линии Карпатских гор, т. е. вне Венгрии.

Выводы. В начале правления в Венгрии Белы III (1172–1196), в условиях последнего периода расцвета Византии при Мануиле I Комнине Венгрия и Галицко-Волынское княжество оказались в сфере влияния «империи ромеев», что способствовало сохранению добрососедских отношений между дву-

[1868] MTK. I. k. 124. l.
[1869] MTK. I. k. 124. l.

мя государствами. Русским князем, оказавшим в 1176 г. военную помощь чешским князьям и Беле III во время их нападений на Австрию, где укрывался младший брат венгерского короля – мятежный герцог Геза, скорее всего, был галицкий князь Ярослав Осмомысл.

После смерти Мануила I Комнина (1180) Бела III переходит к политике широкой венгерской экспансии на Балканах, оставляя на время русское направление своей внешней политики. Ситуация принципиально изменилась после смерти Ярослава Осмомысла (1187). Добившийся к тому времени гегемонии на Балканах Бела III предпринял попытку распространения владений венгерской короны на Галицкое княжество, необычайно выгодное стратегическое положение которого открывало для него перспективу последующего подчинения сбросившей власть василевсов Болгарии. Изгнанный в 1188 г. из Галича князь Владимир Ярославич искал военной помощи у венгерского короля, но был заточён в Венгрии в башню, а галицким князем по соглашению с местными жителями стал младший сын Белы III Андраш (Эндре).

Окружение Андраша вначале стремилось не обострять ситуацию в Галиче, однако политические традиции русских и венгерских городов заметно различались. Несмотря заключенный с королём «наряд», учитывавший интересы разных слоёв населения, галичане стремились сохранить «вольность в князьях» и пригласили к себе княжить двоюродного брата Владимира Ярославича Ростислава Ивановича («Берладничича»), который был отравлен венграми. После этого Андраш и его соратники установили в городе режим террора и ничем не ограниченного произвола. Всё это способствовало возвращению на галицкий стол в 1190 г. Владимира Ярославича с польской помощью.

Закрепление Владимира в Галиче сопровождалось признанием им вассальной зависимости от дяди – владимиро-суздальского князя Всеволода Большое Гнездо (1176–1212), направившего послов к правителям соседних с Галичем государств, в том числе к Беле III, с целью извещения их о покровительстве над Галицким княжеством. Известие об отправленном Всеволодом посольстве в Венгрию является последним из дошедших до нас известий о

русско-венгерских отношениях в годы царствования Белы III. Достоверных известий о контактах между Рюриковичами и Арпадами при венгерском короле Имре (1196–1204) до нас не дошло.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Династические связи Рюриковичей и Арпадов в XII в. по количеству заключенных браков немного уступали аналогичному показателю связей Рюриковичей с Пястами. В 1104 г. дочь киевского князя Святополка Изяславича Предслава вышла замуж за Алмоша – младшего брата венгерского короля Калмана Книжника (1095–1116). В 1112 г. сам Калман женился на дочери Владимира Мономаха Евфимии, но вскоре обвинил её в супружеской измене и отправил на родину, не признав отцовство над рождённым ей сыном (Борисом). Распространённое среди современных украинских историков мнение о наличии венгерской жены у основателя объединённого Галицкого княжества Владимира Володаревича (1141–1153) опирается на домысел В. Н. Татищева. Около 1146 г. дочь Мстислава Великого Евфросинья вышла замуж за венгерского короля Гезу II (1141–1162). Зимой 1150/1 г. на дочери дяди Гезы II – бана Белуша женился брат Евфросиньи Владимир Мстиславич. Во второй половине XII в. династические браки между Арпадами и Рюриковичами не заключались. Попытка галичского князя Ярослава Осмомысла (1153–1187) выдать в 1165 г. свою дочь замуж за венгерского короля Иштвана III (1162, 1163–1172) была сорвана происками византийского императора Мануила I Комнина (1143–1180).

В начале XII в. династические связи Рюриковичей, Арпадов и Пястов были настолько переплетены, что правомерно говорить о существовании тесных русско-венгерско-польских отношений. Женившийся не позднее 1091 г. на венгерской принцессе Ярослав Святополчич на рубеже XI–XII овдовел и женился на польской княжне. Его сестра Сбыслава вышла замуж за польского князя Болеслава III Кривоустого (1102–1138). В результате последнего брака венгерский принц Алмош и Болеслав III стали свояками. При этом следует отметить, что наличие родственных связей со Святополком Изяславичем не принесло Алмошу военной помощи из Руси во время его борьбы с братом Калманом за корону св. Иштвана.

2. Если не учитывать описанные выше события, связанные с заключением династических браков, то хронологическая канва остальных событий истории русско-венгерских отношений XII в., о которых сохранили упоминания источники, выглядит следующим образом.

В 1106 г. Калман Книжник по призыву Святополка Изяславича планировал принять участие в карательном походе в Половецкую степь для наказания «князя» Боняка, виновника военной катастрофы, постигшей венгров в 1099 г. под Перемышлем, но поход не состоялся из-за начала нового витка борьбы принца Алмоша за венгерский престол. В 1107–1108 гг. русские и венгерские отряды оказали военную помощь Болеславу III Кривоустому в борьбе с мятежным братом Збигневом. Заметную роль в этом сыграл сын киевского князя Ярослав Святополчич, взявший на себя командование вспомогательными военными отрядами.

Высылка Калманом Книжником дочери Владимира Мономаха Евфимии в 1113 г. на родину знаменовала собой начало периода конфронтации между Арпадами и киевскими князьями, продлившегося четверть века. Умирая, Калман Книжник завещал своему сыну Иштвану II (1116–1131) «отомстить Руси за обиды». Это вызвало сближение венгерской правящей верхушки с князьями юго-западной Руси – Васильком и Володарем Ростиславичами, матерью которых была венгерская принцесса (в источниках она названа Ланкой). Возможно, в 1119 г. Володарь совершил поход на владения Византии в союзе с Иштваном II, о чём сохранилось «татищевское известие». В 1118–1123 гг. потерявший по решению Мономаха владимиро-волынский стол Ярослав Святополчич пытался вернуть свою «отчину» с иностранной помощью, но венгерский король смог оказать её лишь в 1123 г. Осада Владимира-Волынского закончилась бесславной гибелью Ярослава из-за пренебрежения мерами безопасности. В 1126–1127 гг. Иштван II продемонстрировал своё враждебное отношение к сыну Мономаха Мстиславу Великому (1125–1132), поддержав в разгоревшейся в юго-западной Руси междоусобице Владимира

Володаревича, поскольку его брату Ростиславу помогала коалиция князей во главе с Мстиславом.

Приход к власти в Венгрии Белы II Слепца (1131–1141) ознаменовался началом авантюры внука Мономаха Бориса Калмановича, которого все европейские государи того времени, за исключением венгерских королей, считали законным сыном Калмана Книжника. В 1132 г. Борис во главе войска из своих венгерских сторонников, польских отрядов и дружины одного из русских князей (скорее всего, им был княживший во Владимире-Волынском сын Мономаха Андрей Добрый) попытался свергнуть с престола слепого короля, но был разгромлен. До 1135 г. поддержку Борису оказывал Болеслав III Кривоустый, пока его не принудил к отказу от этого германский император Лотарь III (1125–1137). Поскольку киевский стол до 1139 г. занимали дядья Бориса Калмановича, правительство Белы II, опасаясь поддержки ими племянника, решило прекратить конфронтацию с Мономашичами и оказало Ярополку Владимировичу (1132–1139) помощь против черниговского князя Всеволода Ольговича (1127–1139). Однако захват Всеволодом Киева после смерти Ярополка свёл на нет усилия по нормализации отношений между Венгрией и Киевом.

За всё время киевского княжения Всеволода Ольговича (1139–1146) Арпады не предпринимали никаких усилий для установления с ним союзнических отношений. Линию на несотрудничество с Ольговичами последовательно проводило правительство Гезы II (1141–1162). В 1144 г. венгерское войско во главе с регентом при малолетнем короле баном Белушем пришло на помощь галичскому князю Владимиру Володаревичу в его конфликте с Всеволодом Ольговичем, но Владимир потерпел поражение ещё до прихода венгров. Крайний авантюризм Владимира Володаревича оттолкнул от него Гезу II и его окружение, пошелшее на сближение с Мономашичами путём заключения династического брака короля с внучкой Владимира Мономаха. В 1146 г. Владимир Володаревич уже не получил помощи из Венгрии во время нового конфликта с Всеволодом Ольговичем. Помимо военного сотрудничества кня-

зья юго-западной Руси от Василька Ростиславича (ок. 1084–1124) до Владимира Володаревича оказывали покровительство василианскому монастырю св. Дмитрия на Саве, поставляя туда значительное количество воска.

Наиболее тесными в XII в. были русско-венгерские отношения в годы киевского княжения шурина Гезы II Изяслава Мстиславича (1146–1149, 1150, 1151–1154). Зимой 1148 г. венгерские отряды участвовали в войне Изяслава с черниговскими князьями. Летом того же года чешский князь Владислав II, возможно, пытался в Киеве склонить Изяслава к союзу против Гезы II в пользу Бориса Калмановича. Начало вооружённого конфликта Изяслава с дядей Юрием Долгоруким в 1149 г. сделало венгерского короля гарантом успехов Изяслава Мстиславича в борьбе за Киев. Дважды, в 1150 и 1151 гг. Изяслав возвращал потерянный Киев с венгерской помощью. Главным противником Гезы II на Руси был в то время галичский князь Владимир Володаревич. В 1150 г. король лично возглавил войско, совершившее успешный поход в Галицкое княжество, но в 1151 г. Владимиру удалось истребить венгров, шедших на помощь Изяславу. В 1152 г. Геза II и коалиция русских князей, возглавляемая Изяславом Мстиславичем, нанесли сокрушительное поражение Владимиру Володаревичу, заставив его признать себя вассалом киевского князя. Однако после ухода королевского войска галичский князь отказался выполнять все данные им клятвы.

После 1152 г. Геза II, обещавший незамедлительно наказать Владимира Володаревича в случае его клятвопреступления, так и не послал королевское войско на Русь. В 1153 г. король через арабского путешественника ал-Гарнати передал письмо шурину, в котором, скорее всего, объяснил причины невозможности помочь Изяславу Мстиславичу добиться от нового галичского князя Ярослава Осмомысла (1153–1187) возвращения захваченных его отцом Владимиром Володаревичем киевских городов. Смерть Изяслава (1154) способствовала новому сближению Арпадов с Галичем. Попытки его брата Владимира Мстиславича добиться в 1155 (поездка его мачехи к зятю в Венгрию) и 1156 (его бегство к королю после потери Владимира-Волынского) гг.

военной помощи от Гезы II оказались безрезультатными. В 1158 г. Геза II отправил своих представителей для участия в организованном Ярославом Осмомыслом давлении на княжившего тогда в Киеве Изяслава Давыдовича (1157–1158) с целью заставить его выдать Ярославу его двоюродного брата и претендента на галичский стол Ивана Берладника.

В развернувшейся в Венгрии после смерти Гезы II борьбе за престол между сыном умершего короля Иштваном III (1162, 1163–1172) и его дядьями вдовствующая королева Евфросинья Мстиславна не могла получить эффективной помощи из Руси, хотя одним из приближённых Иштвана III был некий «Русский граф», а в 1164 г. какой-то русский отряд (скорее всего, присланный Ярославом Осмомыслом) участвовал в конфликте венгерского короля с Мануилом I Комнином. Ярослав Владимирович, по всей видимости, оказал военную помощь Иштвану III и в его новой войне с Византией в 1165 г.

Первые сведения о русско-венгерских отношениях при Беле III (1172–1196) относятся к 1176 г., когда русский отряд (видимо, вновь присланный Ярославом Осмомыслом) участвовал в походе венгерского войска в Австрию. Новый пик интенсивности русско-венгерских отношений приходится на 1188–1190 гг., когда Бела III оказался втянутым в борьбу за Галич, разгоревшуюся после смерти Ярослава Осмомысла (1187). Надеявшийся вернуть «отчину» с венгерской помощью Владимир Ярославич (1187–1188, 1190–1198) был заточён в Венгрии, а галичский стол занял сын Белы III Андраш (Эндре). Королю удалось отбить попытки одних князей завладеть Галичем и рассорить других князей, строивших такие же планы, однако закрепить свою власть в юго-западной Руси Бела III так и не смог. В 1190 г. венгры вынуждены были покинуть Галич, который с польской помощью вернул Владимир Ярославич. Последний сразу же после возвращения «отчины» признал себя зависимым от своего дяди – владимирского князя Всеволода Большое Гнездо (1176–1212), направившего специальные посольства к претендентам на галичский стол, в том числе к Беле III, с извещением о том, что Галич отныне

находится под его особым покровительством. До нас не дошло известий о русско-венгерских контактах последнего десятилетия XII в., если не считать одного из сюжетов «Истории Российской» В. Н. Татищева о попытке венгров в 1198/9 г. вновь вмешаться в борьбу за Галич, оставленную ими в связи с вокняжением там Романа Мстиславича.

3. XII век был отмечен регулярными обострениями борьбы за корону св. Иштвана в Венгрии и за киевский и галичский престол на Руси. Наличие династических связей между Арпадами и южнорусскими князьями предполагало привлечение помощи зарубежных родственников в борьбе с местными соперниками. Однако при этом общегосударственные интересы брали верх над родственными отношениями, как у венгерских королей, так и у киевских князей. Святополк Изяславич ни разу не оказал военной помощи своему зятю Алмошу в его борьбе с братом – королём Калманом Книжником. На Руси в то время у Святополка тоже был соперник, который, хотя и не оспаривал у него самый престижный киевский стол, но был более авторитетным в сфере междукняжеских отношений – Владимир Мономах. Прославившийся своими успехами в организации действенного отпора половецкому натиску, Владимир Всеволодич, в отличие от Святополка Изяславича, ничего не добился в плане завязывания тесных связей с западными соседями Руси. Это было одной из причин отказа борьбы Мономаха за Киев после смерти его отца Всеволода (1093).

Венгерские короли в XII в., если и привлекали военную помощь из Руси, то весьма незначительную. Согласно наиболее вероятному предположению, чаще всех её оказывал в 60–70-е годы галичский князь Ярослав Осмомысл, посылавший военные отряды в Венгрию при Иштване III и Беле III. Оба названных короля боролись с оспаривавшими у них престол ближайшими родственниками (дядьями и братом, соответственно). Вмешательство венгерских королей в междоусобия русских князей было более масштабным. При этом обвинение ставшей венгерской королевой дочери Владимира Мономаха Евфимии в супружеской неверности в 1113 г. предопределило поддержку Ар-

падами в последующие четверть века врагов Мономаха и Мономашичей. В 1123 г. Иштван II, не желавший признавать Бориса Калмановича своим братом, пытался помочь вернуть Владимир-Волынский Ярославу Святополчичу, которого Мономах (вопреки достигнутой ранее между ними договорённости) лишил надежды на наследование киевского стола. Тот же король не позволил в 1126–1127 гг. перемышльскому князю Ростиславу Володаревичу победить брата – княжившего в Звенигороде (юго-западная Русь) Владимира Володаревича.

В последние годы правления бездетного Иштвана II в Венгрии начинается ожесточённая борьба за престол, в ходе которой знать выдвигает «королей», не принадлежащих к роду Арпадов, а после подавления её мятежа – сына сестры Иштвана II Саула, пока в одном из венгерских монастырей не обнаруживается ослеплённый ок. 1115 г. Калманом Книжником сын Алмоша Бела. Выбор Иштваном II своим наследником слепого двоюродного брата пришёлся по душе далеко не всем представителям венгерской знати. Часть её уже тогда (1130) стала задумываться о приглашении на престол перебравшегося из Руси в Византию Бориса Калмановича. Осознававший своё «старшинство» Борис после смерти Иштвана (1131) попытался собрать как можно больше военных сил своих сторонников в Венгрии и врагов слепого короля Белы II, но потерпел поражение в битве на р. Шайо (1132). В составе собранной им армии был один из русских князей (Андрей Добрый?), которого удалось убедить не принимать участия в сражении по причине «незаконнорожденности» его племянника Бориса. Более Рюриковичи помощи Борису не оказывали.

Неспособность Изяслава Мстиславича отстаивать целостность Киевского княжества без венгерской военной помощи привела к тому, что в 1148–1152 гг. венгерские отряды шесть раз совершали походы в южнорусские земли. Геза II, официально признававший шурина Изяслава «старейшим» по отношению к себе, фактически по своему усмотрению решал судьбу Киева и юго-западной Руси. Последовательно помогая Изяславу в борьбе с Юрием Долгоруким, король не выполнял свои обещания не допустить оказание Юрию по-

мощи галичским князем Владимиром Володаревичем, а после разгрома последнего в 1152 г. – незамедлительно наказать его в случае клятвопреступления. Смерть Владимира (1153) и Изяслава (1154) сделали для Гезы II неактуальным вмешательство в междоусобия русских князей, о чём он явственно дал понять брату Изяслава Владимиру Мстиславичу в 1155–1156 гг.

Борьба за Галич в 1188–1190 гг., в которой после 40-летнего перерыва приняли участие киевские князья, стала последним примером вмешательства Арпадов (в лице Белы III и его сына Андраша) во внутрирусские дела. В данном случае венгерская правящая верхушка впервые продемонстрировала нежелание помогать одной из «партий» внутри рода Рюриковичей, поскольку целью венгерской знати было распространение своей власти на земли по другую сторону Карпат. Эта попытка оказалась неудачной.

4. На русско-венгерские отношения в XII в. оказывали заметное влияние геополитические устремления соседних великих держав. В годы царствования первого императора из династии Комнинов – Алексея I (1081–1118) венгерским королям удалось завоевать выход в Адриатическое море, установив свою власть над горной Хорватией и далматинскими городами. Преемники Алексея I вели регулярные войны с Арпадами, стремясь не только положить пределы венгерской экспансии на Балканах, но и отвоевать все владения бывшей Восточной Римской империи. При Иоанне II (1118–1143) Византия стала приютом для претендентов на венгерский престол. Здесь проживал ослеплённый братом Калманом Книжником принц Алмош, после смерти которого (1127) его место «законного претендента» на венгерский престол занял Борис Калманович. Преобладание враждебности в отношениях между Венгрией и Византией на протяжении всего XII в. способствовало привлечению венгерскими королями русских князей для совместных военных операций против Византии. Первым таким фактом, скорее всего, стал поход перемышльского князя Володаря Ростиславича в 1119 г. на Балканы, о котором известно из «Истории Российской» В. Н. Татищева.

Наибольшего ожесточения противостояние Арпадов и Комнинов на Балканах достигло в царствование Мануила I (1143–1180). В начале этого периода отмечается также обострение отношений между Киевом и Константинопольской патриархией, кульминацией которого стало неканоническое избрание в 1147 г. киевским митрополитом «русина» Климента Смолятича – ставленника тогдашнего главы антивизантийской «партии» на Руси – киевского князя Изяслава Мстиславича. Антивизантийская основа крепкого союза Изяслава с венгерским королём Гезой II побудила к тесному сближению с Византией галичского князя Владимира Володаревича. Мануил I считал Владимира вассальным правителем и совершал карательные походы в Венгрию всякий раз после того, когда Галич становился объектом нападения венгерского королевского войска (в 1150 и 1152 гг.). Для доведения Гезы II до крайней степени раздражения василевс ставил Бориса Калмановича во главе византийской армии, разорявшей южные области владений Арпадов.

Восстановление подчинённости Киевской митрополии Константинополю во второй половине 50-х годов XII в. коренным образом изменило характер русско-венгерских отношений. В первые годы княжения в Галиче Ярослава Осмомысла (1153–1187) происходит его сближение с Арпадами, которому способствует заключение в 1154 г. тайного союза между Гезой II и мечтавшим об императорском престоле Андроником Комнином, судя по всему, приходившимся Ярославу двоюродным братом. Авантюра Андроника была вскоре раскрыта, поэтому не успела отразиться на византийско-галицких отношениях, но в 1164 г. Андроник бежит из заключения в Галицкую землю, где получает в кормление один из городов. Тогда же Ярослав Осмомысл активно занимается устройством брака своей дочери с венгерским королём Иштваном III. Мануилу I ценой помилования Андроника и убеждения Ярослава в беспутности его будущего зятя удаётся расстроить этот династический брак, но все попытки сколотить из южнорусских князей антивенгерскую коалицию на деле закончились полным провалом. Более того, кто-то из Рюриковичей, скорее всего, тот же Ярослав Осмомысл, продолжал оказывать

Иштвану III военную помощь в его войнах с Византией. Стремительное ослабление Византии после смерти Мануила I (1180) привело к прекращению вмешательства василевсов в русско-венгерские отношения. Ставший, наконец, византийским императором Андроник I Комнин (1183–1185) столкнулся с мощной экспансией Белы III на Балканах и вынужден был через киевского митрополита умолять русских князей хотя бы направить против венгров зависимых от Руси половцев.

5. «Композиция венгерских хроник XIV в.» оставила яркое описание дискуссии, развернувшейся в венгерском лагере под стенами Владимира-Волынского после гибели Ярослава Святополчича в 1123 г. Наиболее авторитетный среди магнатов Козьма из рода Пазмань заявил жаждавшему мести Иштвану II о бессмысленности этой затеи, поскольку никто из венгерской знати не останется управлять захваченным городом, и даже пригрозил Иштвану, что, если он останется и будет продолжать осаду, вернувшееся на родину «благородное сословие» изберёт себе другого короля. В заявлении Козьмы видна трезвая оценка ситуации, понимание того, что для распространения власти венгерских королей на русские земли пока не сложились благоприятные условия.

Совсем иным стало мнение венгерской правящей верхушки в 80-е годы XII в., когда Бела III развернул широкую экспансию на Балканах, где не только началось быстрое ослабление Византии, но и возникло Второй Болгарское царство. К тому времени внешнеполитические интересы Венгерского королевства на восточном направлении сузились до вмешательства в дела юго-западной Руси. Бела III всеми силами пытался в 1188–1190 гг. закрепить на галичском столе своего сына Андраша (Эндре). Южной границей Галицкого княжества в то время были самые низовья Дуная, что открывало для венгерских королей возможность напасть на Болгарию с двух сторон (северо-запада и северо-востока) и подчинить только что отпавшее от Византии государство. Эти планы Белы III остались нереализованными, не в последнюю очередь благодаря твёрдой позиции Всеволода Большое Гнездо, заявившего

о своём покровительстве над племянником – вернувшим с польской помощью Галич Владимиром Ярославичем.

6. Восточные славяне появились на землях Карпатской котловины ещё в аварскую эпоху, до прихода туда венгров. Есть основания полагать, что бóльшая бассейна Верхней Тисы в первой четверти XII в. представляла собой т. н. «Русскую марку», где проживали предки современных русинов. Единственное упоминание этой пограничной области относится к 1127 г. В рассматриваемое время продолжалось переселение жителей, прежде всего, юго-западных русских земель во владения Арпадов. В венгерских источниках XVI в. сохранились сведения о формировании после женитьбы Калмана Книжника на Евфимии Владимировне (1112) из русских воинов корпуса дворцовой стражи. О том, насколько далеко распространилось русское население по территории Венгерского королевства, ярко свидетельствует один из дипломов Белы III, датированный 1177 г., в котором упоминается «дом Русского», находившийся в комитате Темеш (Южная Венгрия), почти в 400 км от тогдашней русско-венгерской границы. Однако массовых миграций русских из Восточной Европы в Карпатскую котловину в XII в. не было.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИЗДАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Бибиков М. В. Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. М., 1997.

«Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях. Пер. Л. М. Поповой. Вступ. статья и комм. Н. И. Щавелевой. Под ред. В. Л. Янина. М., 1987.

Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. Предисл., пер. и примеч. Л. М. Поповой / Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы. М., 1961.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. IV т. Западноевропейские источники. Составл., пер. и комм. *А. В. Назаренко*. М., 2010.

Извори на българската история. Т. 14. София, 1968.

Козьма Пражский. Чешская хроника. Вступ. ст., пер. и комм. Г. Э. Санчука. М., 1962.

Коновалова И. Г. Арабские географы и путешественники XII–XIV вв. // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. Восточные источники. М., 2009. С. 127–161.

Повесть временных лет. Подг. текста, пер., статьи и комм. Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изл. 2-е. СПб., 1996.

ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е. Л., 1926–1928 [Репр.: М., 1997].

ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб., 1908 [Репр.: М., 1998].

ПСРЛ. Т. III. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова. М.–Л., 1950 [Репр.: М., 2000].

ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Новгородская Четвертая летопись. Вып. 1. Пг., 1915 [Репр.: М., 2000].

ПСРЛ. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856 [Репр.: М., 2000].

ПСРЛ. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1862 [Репр.: М., 2000].

ПСРЛ. Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. СПб., 1863 [Репр.: М., 2000].

ПСРЛ. Т. XXIII. Ермолинская летопись. М., 1910 [Репр.: М., 2004].

ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М., 1949 [Репр.: М., 2004].

ПСРЛ. Т. XXXVIII. Радзивилловская летопись. Л., 1989.

ПСРЛ. Т. XL. Густинская летопись. СПб., 2003.

ПСРЛ. Т. XLI. Летописец Переяславля-Суздальского (Летописец русских царей). М., 1995.

Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век. СПб., 1997. С. 254–267, 628–634.

Троицкая летопись. Реконструкция текста. 2-е изд. СПб., 2002.

Шахматов А. А. Повесть временных лет // *Он же*. История русского летописания. Т. I. Кн. 2. СПб., 2003. С. 527–977 (первое издание вышло в 1916 г.).

Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, пер., комм. Отв. ред. В. Л. Янин. М., 1990.

Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Книги I–VI). Текст, пер., комм. Под ред. и с доп. А. В. Назаренко. М., 2004.

Acta diplomata Graeca medii aevi sacra et profana collecta / Ed. F. Miklošić, J. Müller. 1–6. Vindononae, 1860–1890.

Alberti Aquensis Historia Hierosolymitana / Ed. P. Meyer // Recueil des Historiens occidentaux. T. 4. Paris, 1879. P. 265–713.

Albrici monachi Trium Fontium Chronica / Ed. P. Scheffer-Boihorst // MGH SS. T. XXIII. Hannoverae, 1874. P. 674–950.

Annales Magdeburgenses // Ed. G.H.Pertz // MGH SS. T. XVI. Hannoverae, 1859. P. 107–196.

Annales Posonienses / Ed. E. Madzsar // SRH. Vol. I. P. 119–127.

Arnoldi „Chronica Sclavorum” / Ed. G. H. Pertz // MGH SS. T. XXI. Hannoverae, 1861. P. 115–250.

III. Béla emlékezete. A szöveganyagot válogatotta, fordította, a bevezetőt és a jegyzeteket írta Kristó Gy. és Makk F. Bp., 1981.

Bischof Otto von Freising und Rahewin. Die Taten Friedrichs oder richtiger Cronica / Hg. F.-J. Schmale. Darmstadt, 1965 [Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters; Freiherr vom Stein-Gedächtnisausgabe].

Borsa Iván. III. Béla 1177. évi könyvalakú privilegiuma az aradi kaptalan számára // Leveltári Közlemények. XXX (1962). 205–218. 1.

Canonici Wissegradensis Continuatio Cosmae / Ed. R. Koepke // FRB. T. II. Fasc. 2. Pragae, 1874. P. 201–237.

Chronica collecta a Magno presbytero // MGH SS. Hannoverae, 1861. T. XVII. P. 476–523.

Chronici Hungarici compositio saeculi XIV / Ed. A. Domanovszky // SRH. Vol. I. P. 217–505.

Chronicon *Henrici de Mügeln* / Ed. E. Travnik // SRH. Vol. II. P. 87–223.

Chronicon Monacense / Ed. A.Domanovszky // SRH. Vol. II. P. 53–86.

Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / Studio et opera *G. Fejer*. T. III. Vol. I. Budae, 1829; T. VII. Vol. V. Budae, 1841.

Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae ac Sclavoniae. I / Red. T. Smičiklas. Zagrabiae, 1904.

Die Chronik von Böhmen des *Cosmas von Prag* / Hg. Bretholz. Berlin, 1923 [MGH. SS rer. Germ. NS. T. II].

Densuşianu N. Documenta privitoare la istoria Romanilor. T. I. Bukarest, 1887.

Diplomata Hungariae antiquissima. Accedunt epistola et acta ad historiam Hungariae pertinentia. Vol. I. Ad anno 1000 usque ad annum 1131 / Edendo operi praefuit G. Györffy. Bp., 1992.

Font Márta. Magyarok a Kijevi Évkönyvben. Szeged, 1996.

Galli Anonymi Chronicae et Gesta Ducum sive Principum Polonorum / Wyd., wstęp. i kom. opatrzył K. Maleczyński // MPH. NS. T. II. Kraków, 1952.

Gerhohi praepositi Reichersbergensis libelli selecti / Ed. E. Sackur // MGH. Libelli de lite imperatorum et pontificum saeculis XI et XII conscripti. T. III. Hannoverae, 1897. P. 131–525.

Gombos F.A. Catalogus fontium historiae Hungaricae aevo ducum et regum ex stirpe Arpad descendentium ab anno Christi 800 usque ad annum 1301. TT. I–III. Budapestini, 1937.

Hodinka Antal. Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai. Bp., 1916.

Ioannis Cinnami Epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum / Rec. A. Meineke. Bonnae, 1836.

Ioannis Dlugossii Annales seu Chronicae incliti regni Poloniae. Varsaviae, T. II. 1970. Libri III–IV; T. III. 1973. Libri V–VI / Textum rec. D. Turkowska, adiutr. M. Kowalczyk; moder. M. Plezia; comment. confec. C. Peradzka.

Johannis de Thurocz Chronica Hungarorum ab origine gentis…// *von Schwandter Johann Georg*. Scriptores rervm Hungaricarvm veteres ac genvini. Vol. I. Vindobonae, 1746. P. 39–291.

Johannes de Thurocz. Chronica Hungarorum. T. I. Textus / Ed. E. Galántai et J. Kristó. Bp., 1985.

Johannes de Thurocz. Chronica Hungarorum. T. II. Commentarii. 1. Ab initiis usque ad annum 1301. Composuit E. Mályusz, adiuvante J. Kristó. Bp., 1988.

Kronika Boguchwala / Ed. A. Bielowski // MPH. T. II. Lwów, 1872.

Kronika Wielkopolska / Wyd. B. Kürbis // MPH. NS. T. VIII. Warszawa, 1970.

The Laws of Hungary. Series I: Vol. I. Decreta regni mediaevalis Hungariae. The Laws of the Medieval Kingdom of Hungary. 1000–1301. Transl. and ed. by J. M. Bak, Gy. Bónis, J. R. Sweeney. Idyllwild, 1999.

Legenda Sancti Ladislai regis / Ed. E. Bartoniek // SRH. II. P. 507–527.

Leger L. Chronique dite de Nestor. Paris, 1889.

Magistri Vincentii Chronicon Polonorum / Ed. A. Bielowski // MPH. T. II. Lwów, 1872. P. 193–449.

A magyarok története. Tarih-i Üngürüsz. Madzsar Tarihi. Ford. *Blaskovics József*. Bp., 1982.

Mistra Wincentego Kronika Polska / Tłumaczyli K. Abgarowicz i B. Kürbis, wstęp i komentarze napisała B. Kürbis. Warszawa, 1974.

Monumenta ecclesiae Strigoniensis. T. II / Ordine chron. disposuit, dissertationibus et notis illustr. F. Knauz. Strigonii, 1882.

Des heiligen *Nestors* und seiner Fortsetzern... ältere Jahrbücher der Russischen Geschichte vom Jahre 858 bis zum Jahre 1203, übersetzt und mit Anmerkungen versehen von *Johann Benedict Scherer*. Leipzig, 1774.

Nicetae Choniatae Historia. Vol. 1–2. Berlin, 1975.

Ottonis episcopi Frisingensis Chronica sive Historia de duabus civitatibus / Ed. A. Hofmeister. Hannover, 1912 / MGH SS rer. Germ. T. 45.

Ottonis et Rahewinin.Gesta Friderici I imperatoris / Ed. G. Weitz, B. de Simson. Ed. 2 // MGH SS rer. Germ. Hannoverae, 1912.

P. magistri, qui Anonymus dicitur, Gesta Hungarorum / Ed. Ae. Jakubovich // SRH. Vol. I. Bp., 1937. P. 13–117.

Regel W. Fontes rerum Byzantiarum. T. I. Pars 1. Petropoli, 1892.

Regesta regum stirpis Arpadianae **c**ritico-diplomatica / Ed. I. Szentpétery. T. I. Bp., 1923.

Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum. Edendo operi praefuit E. Szentpétery. Vol. I–II. Bp., 1937–1938.

Simonis de Keza Gesta Hungarorum / Ed. A. Domanovszky // SRH. Vol. I. P. 129–194.

Stryjkowski Maciej. Kronika Polska, Litewska, Żmódska i wszystkiej Rusi. T. I. Warszawa, 1846.

Theiner A. Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia. 1216–1534. T. I. Roma, 1859.

Vincentii Pragensis Annales / Ed. W. Wattenbach // MGH SS. T. XVII. Hannoverae, 1861. P. 658–683.

Vincentii canonici Pragensis et Gerlachi abbatis Miloviensis Annales / Ed. J. Emler // FRB. T. II. Fasc. 2. Pragae, 1874. P. 407–460.

Wenzel G. Árpádkori Új Okmánytár. I. k. Pest, 1860.

Zala vármegye története // Okleveltár. I. k. Bp., 1886.

ЛИТЕРАТУРА

Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887.

Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885.

Баумгартен Н. А. Первая ветвь князей Галицких: потомство Владимира Ярославича // Летопись Историко-родословного общества. М., 1908. Год 8. Вып. 4 (16). С. 1–48.

Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

Бибиков М. В. Древняя Русь и Византия в свете новых и малоизвестных византийских источников // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 296–301.

Борецкий-Бергфельд Н. История Венгрии в Средние Века и Новое Время. СПб., 1908.

Будилович А. С. Тысячелетие мадьяр. СПб., 1896.

Васильевский В. Г. Из истории Византии в XII веке: Союз двух империй (1148–1155) // Славянский сборник. Вып. II. СПб., 1877. С. 210–290.

Васильевский В. Г. Труды. Т. IV. М.–Л., 1930.

Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. 5-е изд. СПб., 1899 (Репр.: М., 1991).

Из бумаг *Ю. И. Венелина*. Несколько слов о россиянах венгерских, и также одно словцо историческое о православной греко-католической церкви в Венгрии // Материалы по истории возрождения Карпатской Руси. I. С. 86–110.

Вернадский Г. В. Киевская Русь. Пер. с англ. Тверь – Москва, 1996.

Войтович Леонтий. Князівськı династії Схıдної Європи (кıнець IX – початок XVI ст.): склад, суспıльна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження. Львıв, 2000. (http://litopys.narod.ru/dynasty/dyn.htm).

Волощук Мирослав. «Русь» в Угорському королівстві (XI – друга половина XIV ст.): суспільно-політична роль, майнові стосунки, міґрації. Івано-Франківськ, 2014.

Всеобщая история искусств. Т. II. Искусство средних веков. Кн. 1. Под ред. Б. В. Вейнарна и Ю. Д. Колпинского. М., 1960.

Гиппиус А. А. К проблеме редакций Повести временных лет // Славяноведение. 2007, № 5. С. 20–44; 2008, № 2. С. 3–24.

Гиппиус А. А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. Отв. ред. Н. А. Макаров. М. – Вологда, 2012. С. 36–63.

Головко А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII в. Киев, 1988.

Головко О. Б. Корона Данила Галицького: Волинь і Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя. Київ, 2006.

Грот К. Я. Из истории Угрии и славянства в XII веке (1141–1173). Варшава, 1889.

Грот К. Я. История Венгрии // Брокгауз-Ефрон. Энциклопедический словарь. Полутом X (1892). С. 890.

Грот К. Я. Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических изучениях // Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского. СПб., 1905. С. 69–140.

Грушевський М. Історія України–Руси. Вид. 2. Т. II. У Львові, 1905.

Дашкевич Н. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным источникам. Киев, 1873.

Дашкевич Я. Р. Спорные вопросы дипломатической практики Древней Руси // ВИ. 1991. № 4. С. 100–111.

Добрянский А. И. О западных границах Подкарпатской Руси, со времен св. Владимира // ЖМНП, 1880, март. Ч. CCVIII. С. 134–159.

Домбровский Дариуш. Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.) Пер. и вступ. слово к рус. изд. К. Ю. Ерусалимского и О. А. Остапчук. СПб., 2015.

Донской Д. В. Рюриковичи. Исторический словарь. М., 2008.

Духнович А. В. «Истинная история карпато-россов или угорских русинов» издана Народолюбцем Александром Духновичем, 1853 / Подг. к печати Ф. Ф. Аристов // Русский архив, 1914, № 4. С. 529–559.

Зубрицкий Денис. История древняго Галичско-русского княжества в 3-х частях. Львов, 1852–1855.

Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. Статьи по истории и типологии русской культуры. Сост. А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский. М., 2002.

Иловайский Д. И. О славянском происхождении дунайских болгар. М., 1874.

Иловайский Д. И. Разыскания о начале Руси. М., 1876.

Иловайский Д. И. Вопрос о народности руссов, болгар и гуннов. СПб., 1881.

Исаєвич Я. Д. Історична географія Угорщини та суміжних країв XI–XIV ст. // Архівы Украіни, 1967, № 2. С. 71–74.

Исаевич Я. Д. Карпатский регион в эпоху Киевской Руси и феодальной раздробленности // Украинские Карпаты. История. Киев, 1989. С. 39–55.

История Венгрии в 3-х томах. Отв. ред. В. П. Шушарин, Т. М. Исламов, А. И. Пушкаш. Т. I. М., 1971.

История Византии в трех томах. Т. 2. М., 1967.

Казаку М., Старостина И. П. Послание Никифора, митрополита киевского, к вел. кн. Владимиру Мономаху о латинах // ППИДР. С. 234.

Калайдович К. Памятники российской словесности XII в. М., 1821. С. 157–163 (№ 16).

Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. II–III. Отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 1991.

Карнаухов Д. В. Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения. Новосибирск, 2010.

Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980.

Клосс Б. М. Повесть временных лет // ППИДР. С. 21–23.

Клосс Б. М. Летописец Переяславля Суздальского // ППИДР. С. 33–36.

Княжа доба: Історія і культура / Інститут українознавства ім. І. Крип`якевича НАН України. Відп. ред. Я. Ісаєвич. Вип. 1. Львів, 2007.

Колесов В. В. Никифор // СККДР. Вып. I. С. 278.

Корзухина Г. Ф. Русские клады. М.–Л., 1954.

Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985.

Котляр Н. Ф. Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003. С. 111–121.

Котляр Н. Ф. Княжеский двор Галича в XII веке // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4 (26). декабрь 2006. С. 50–66.

Краткая история Венгрии с древнейших времён до наших дней. Отв. ред. Т. М. Исламов М., 1991.

Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. Київ, 1984.

Крип'якевич Иван. Галицько-Волинське князівство. Вид. друге. Львів, 1999.

Кришто Дюла. Русские в Венгрии в эпоху династии Арпадов // Славяноведение, 2001, № 2. С. 22–30.

Кришто Д. Русские в Венгрии в эпоху династии Арпадов // Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время (Памяти В. П. Шушарина) / Центрально-европейские исследования. Вып. 3. М., 2004. С. 41–53.

Куза А. В. Малые города Древней Руси. М., 1989.

Куник А. А. О прибытии Андроника в Галич в 1164 году // Учёные записки Академии наук по I и III отделениям. Т. II (1854). Вып. 5. С. 787–788.

Куник А. А. Основание Трапезундской империи в 1204 году // Там же. С. 705–733.

Кучкин В. А. К спорам о Татищеве // Проблемы истории общественного движения в историографии. М., 1971. С. 246–262.

Кучкин В. А. Чудо св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Россия в средние века и новое время. Сб. статей к 70-летию члена-корр. РАН Л. В. Милова. М., 1999. С. 50–82.

Кучкин В. А. Фрагменты Киевского свода 1198 г. в составе Московского свода 1479 г. и Ермолинской летописи // ППИДР. С. 39–40.

Кучкин В.А. Слово о полку Игореве // ППИДР. С. 97.

Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.

Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV ст. Киев, 1884. Т. I (до конца XII в.).

Литаврин Г. Г. Византия и славяне. СПб., 1999.

Лихачев Д. С. Русский посольский обычай XI–XII вв. // ИЗ. М., 1946. Т. 18. С. 42–55.

Лихачева О. П. Летопись Ипатьевская // СККДР. С. 236–238.

Лонгинов А. В. Родственные связи русских князей с угорским королевским домом // *Он же*. Князь Федор-Любарт Ольгердович и родственные связи русских князей с угорским домом. Вильна, 1893. С. 39–54.

Мавро Орбини. Книга историография початия имене, славы… СПб., 1722.

Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. Под ред. И. Я. Фроянова. СПб., 2001.

Макк Ференц. К достоверности одного из сообщений киевской летописи // Acta Universitatis Szegediensis... Dissertationes Slavicae. Supplementum. Szeged, 1981. С. 9–13.

Материалы по истории возрождения Карпатской Руси. I. Сношения Карпатской Руси с Россией в I-ю половину XIX-го века. Собрал И. С. Свенцицкий. Львов, 1906.

Мошин В. А. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI – XII вв. // Byzantinoslavica. Rocn. XI, N 1. С. 32-60. См. также: Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. Статьи по истории и типологии русской культуры. Сост. А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский. М., 2002. С. 309–357.

Мошин В. А. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X–XV вв. // ТОДРЛ. Т. XIX. Л., 1963. С. 28–106.

Назаренко А. В. О «Русской марке» в средневековой Венгрии // Восточная Европа в древности и средневековье. Сб. статей. М., 1978. С. 302–306.

Назаренко А. В. Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого // Отечественная история, 1993, № 2. С. 65–79.

Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001.

Назаренко А. В. Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX – середина XIII в.): состояние проблемы и перспективы дальнейших исследований // Из истории русской культуры. Т. I. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 261–308.

Назаренко А. В. Владимир Мономах и Вельфы в конце XI в. // Средневековая Русь. Отв. ред. А. А. Горский. Вып. 7. М., 2007. С. 71–119.

Назаренко А. В. Несостоявшееся посольство папы Евгения III (1145–1153 гг.) на Русь // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (37). сентябрь 2009. С. 81.

Насонов А. Н. Об отношении летописания Переяславля-Русского к Киевскому (XII в.) // Проблемы источниковедения. Вып. VIII. М., 1959. С. 466–494.

Насонов А. Н. Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник // Проблемы источниковедения. Вып. X. М., 1961. С. 350–385.

Насонов А. Н. Малоизвестные вопросы ростово-суздальского летописания // Проблемы источниковедения. Вып. XI. М., 1962. С. 349–392.

Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. М., 1969.

Орлай И. С. История о карпато-россах или о переселении россиян в Карпатские горы и о приключениях, с ними случившихся // Северный вестник, 1804. Ч. I. С. 261. См. также: Материалы по истории возрождения Карпатской Руси. I. Сношения Карпатской Руси с Россией в I-ю половину XIX-го века. Собрал И. С. Свенцицкий. Львов, 1906. С. 56–83.

Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв. Ч. I. IX–XIII вв. М., 1953.

Очерки истории СССР. XII–XIII вв. М., 1960.

Павлушкова М. А. Русско-венгерские отношения до начала XIII в. // История СССР, 1959, № 6. С. 149–155.

Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси // *Новосельцев А. П*. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 11–76.

Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

Перфецький Е. Перемышльский літописний кодекс першоі редакціі в складі Хроніки Яна Длугоша // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Т. CXLIX. Львів, 1928. С. 31–83; Т. CLI. Львів, 1931. С. 19–56.

Петров А. Л. Когда возникли русские поселения на Угорской «Дольней земле»? // ИОРЯС. Т. XVI. Кн. 1. СПб., 1911. С. 8–27.

Петров А. Л. Об этнографической границе русского народа в Австро-Угрии, о сомнительной «венгерской» нации и о неделимости Угрии. Наброски. Пг., 1915.

Петров А. Л. Древнейшие грамоты по истории Карпато-русской церкви и иерархии 1391–1498 гг. V Praze, 1930.

Плетнева С. А. Половцы. М., 1990.

Полякова С. Г. Русско-венгерские отношения в свете династических браков XI–XIII вв. // Вестник БГУ. Ч. 2. Брянск, 2006 // http://pandia.ru/text/77/150/8209.php.

Понырко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв. Исследования, тексты, комментарии. СПб., 1992.

Поп Иван. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Изд. 2-е. Ужгород, 2006.

Попов Н. А. Мадьярский историк Владислав Салай и история Венгрии от Арпада до Прагматической санкции. СПб., 1868.

Поппе А. Митрополиты и князья киевской Руси // *Подскальски Герхард*. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.) / Пер. А. В. Назаренко под ред. К. К. Акентьева. СПб., 1996. С. 443–499.

Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Л., 1968.

Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь. Подг. текста, статьи и примеч. М. Б. Свердлова. М., 1993.

Присёлков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913 [2-е изд.: СПб., 2003]

Присёлков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940.

Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977.

Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника). М., 1966.

Розанов С. П. Евфимия Владимировна и Борис Коломанович: Из европейской политики XII в. // Известия АН, 7 серия: отделение общественных наук, 1930, № 8. С. 585–599; № 9. С. 649–671.

Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.

Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009.

Святский Д. О. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения // ИОРЯС АН. Т. 20 (1915). Кн. 2.

Седов В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) в десяти томах. Гл. ред. Р. И. Аванесов. М. Т. I. 1988; Т. II. 1989; Т. V. 2002.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. М., 1983.

Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. Т. II. М., «Полярис», 1998.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. ТТ. I-III. СПб., 1903.

Стефанович П. С. Володарь Перемышльский у поляков (1122 г.): источник, факт, легенда, вымысел // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 3 (25). С. 56–74; № 4 (26). С. 78–89.

Стефанович П. С. Отношения князя и знати в Галицком и Волынском княжествах до конца XII в. // Средневековая Русь. ОТв. ред. А. А. Горский. Вып. 7. М., 2007. С. 120–220.

Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. ТТ. II–IV. М.–Л., 1963–1964 [Репр.: М., 1994–1995].

Тимощук Б. О. Давньоруська Буковина (X – перша половина XIII ст.). Київ, 1982.

Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской» // Татищев В. Н. История Российская. Т. I. М. Л., 1962 [Репр.: М., 1994]. С. 39–53.

Толочко А. П. «История Российская» В. Н. Татищева: источники и известия. Москва–Киев, 2005.

Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1983.

Толочко П. П. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Киев, 1987.

Томенчук Богдан. Олешківська ротонда. Археологія дерев`яних храмів Галицкої земли XII–XIII ст. Івано-Франківськ, 2005.

Томенчук Б. Археологія некрополів Галича і Галицької землі. Одержавлення. Християнізація. Івано-Франківськ, 2006.

Успенский Ф. И. История Византийской империи XI–XV вв. Восточный вопрос. М., 1997.

Флоровский А. В. Чехи и восточные славяне. Очерки истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.). Т. I–II. V Praze, 1935.

Фонт М. Важнейшие политические проблемы Киевской Руси XII в. // Acta Historica. Dissertationes Slavicae. Supplementum. Szeged, 1981. С. 14–20.

Фонт М. Геза II и Изяслав Киевский // Acta Universitatis Szegediensis… Dissertationes Slavicae. Sectio Linguistica. Szeged. XV (1982). С. 79–87.

Фонт М. Политические отношения венгерского короля Гезы II с Русью // Hungaroslavica. Bp., 1983. С. 33–40.

Фонт М. Киевская летопись как источник для изучения венгерской истории // Specimina nova. Dissertationum ex Instituto Historico Universitatis Quinqueecclesiensis de Iano Pannonio nominatae. A Pécsi Janus Pannonius Tudományegyetem Történeti Tanszékének évkönyve. Pécs, 1989. С. 149–156.

Фонт М. Церковно-политические аспекты русско-венгерских отношений в XI–XIII вв. // Acta Universitatis Szegediensis… Dissertationes Slavice. Sectio Linguistica. T. XXI. Szeged, 1990. С. 55–67.

Фонт М. Венгерско-русские политические связи в XII веке (1118–1199 гг.) // Центрально-европейские исследования. Вып. 2. Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время. М., 2004. С. 86–115.

Фонт М. Венгры на Руси в XI–XIII вв. // А се его сребро. Збірник праць на пошану М. Ф. Котляра з нагоди його 70-річчя. Київ, 2002. С. 89–98.

Фрейденберг М. М. Труд Иоанна Киннама как исторический источник // ВВ. Т. 16 (1959). С. 29–51.

Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. Под ред. А. Я. Дегтярева. СПб., 1995.

Шараневич І. Історія Галицько-Волинскоі Русі від найдавніших времен до року 1453. Львів, 1863.

Шараневич И. История Галицко-Владимирской Руси. Львов, 1863.

Шахматов А. А. К вопросу об образовании русских народностей // ЖМНП, 1899. № 4. С. 301–340.

Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.–Л., 1938.

Шестаков С. П. Византийский посол на Русь Мануил Комнин // Сборник в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1913. С. 366–381.

Шестаков С. П. Заметки к стихотворениям Codicis Marciani gr. 524 // ВВ. Т. XXIV (1923–1926). С. 45–56.

Шушарин В. П. Русско-венгерские отношения в IX в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 131–180.

Шушарин В. П. Древнерусское государства в западно- и восточноевропейских памятниках // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 420–452.

Шушарин В. П. Культура XI–XV вв. // История Венгрии в трёх томах. Под ред. В. П. Шушарина, Т. М. Исламова, А. И. Пушкаша. Т. I. М., 1971. С. 255–296.

Шушарин В. П. Этническая история Восточного Прикарпатья в IX–XII вв. // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 168–179.

Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров (проблемы этнического самосознания). М., 1988. (Рукопись, депонированная в ИНИОН АН СССР № 42891 (1–2) 24. IX. 1990 г.).

Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М., 1997.

Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. Т. II. СПб., 1805.

Энциклопедический словарь. Т. XL. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1904.

Юрасов М. К. Отражение отношений Ярослава Осмомысла с Византией и Венгрией в «Слове о полку Игореве» // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве». Материа-

лы юбилейных чтений по истории и культуре древней и новой России 27–29 августа 2000 года. Ярославль – Рыбинск. Ярославль, 2001. С. 34–39.

Юрасов М. К. Изучение истории средневековой Венгрии и русско-венгерских отношений в России XVIII–XIX вв. // Неисчерпаемость источника. К 70-летию В. А. Кучкина. М., 2005. С. 335–350.

Юрасов М. К. Складывание русско-венгерской границы в X–XI вв. // Rossica Antiqua, 2006. Материалы и исследования. Отв. ред. А. Ю. Дворниченко, А. В. Майоров. СПб., 2006. С. 297–313.

Юрасов М. К. В. Н. Татищев о походах венгерского войска на Русь в 1151 г. // Галич і Галицька земля в державотворчих процесах України. Материали міжнародної наукової конференції Галич, 2006. С. 91–96.

Юрасов М. К. Сколько раз Владимир Володаревич спасался в 1152 г. бегством от войска, возглавляемого Гезой II? // Дрогичинъ 1253. Матеріали Міжнародної наукової конференції з нагоди 755-ї річиці коронації Даниила Романовича. Івано-Франківськ, 2008. С. 153–158.

Юрасов М. К. Изучение истории древних восточных славян в империи Габсбургов в XVIII веке // Средняя Европа: Проблемы международных и межнациональных отношений. XII–XX вв. Памяти Т. М. Исламова. / Отв. ред. А. С. Стыкалин. СПб., 2009. С. 101–113.

Юрасов М. К. Венгры в Закарпатье. С кем могли контактировать венгерские племена в период «обретения родины»? // Rossica Antiqua. 2010. Материалы и исследования. Отв. ред. А. Ю. Дворниченко и А. В. Майоров. СПб., 2010. С. 409–430.

Юрасов М. К. К вопросу о дате похода Мануила I Комнина в Венгрию в ответ на нападение венгерского короля Гезы II на Галич // Actes testantibus. Ювілейний збірник на пошану Леонтія Войтовича / Відпов. ред. М. Литвин (Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Збірник наукових праць. Вип. 20). Львів, 2011. С. 761–768.

Юрасов М. К. Роль Перемышля в борьбе Владимира Ярославича за возвращение Галича (1189–1190) // Przemyśl i ziemia Przemyska w strefie wplywów ruskich X – połowa XIV w. / Colloquia Russica. Series II. T. I. Kraków, 2013. С. 67–77.

Юрасов М. К. Подкарпатская Русь – одна из колыбелей христианства у восточных славян. Очерки ранней истории русинов. Saarbrücken, 2013.

Юрасов М. К. Внук Владимира Мономаха: Борис Калманович, князь авантюрист. СПб., 2017.

Юрасовский А. В. Грамоты XI – середины XIV в. в составе русских летописей // История СССР, 1982, № 4. С. 141–150;

Юрасовский А. В. К вопросу о степени аутентичности венгерских грамот XII в. Ипатьевской летописи // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1981 г. М., 1983. С. 189–194.

Acsády Ignác. A magyar birodalom története. I. k. Bp., 1903.

Angyal D., Domanovsky S., Erdélyi L., Karácsonyi J., Márki S. Az aradi „véres" országgyűlés // Sz., XLVI (1912). 773–782. l.

Archivum Europae Centroorientalis. T. 4. Warszawa, 1938.

Balzer Oswald. Genealogia Piastów. Kraków, 1895.

Baumgarten N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siécle / Orientalia Christiana. Vol. 9/1, Roma, 1927.

Baumgarten Miklós. Adalék az orosz-magyar összeköttetések történetéhez // T. Sz., 1930. 97–101. l.

Bél Mátyás. Adparatus ad historiam Hungariae. T. I. Posoniae, 1735.

Bernhardi Wilhelm. Jahrbücher der Geschichte Konrads III. Leipzig, 1883.

Bestusev Rjumin K. N. Geschichte von Russland. Übers. von Schiemann. Mitau, 1873.

Bidermann, Herman Ignac. Die Ungarischen Ruthenen, ihr Wohngebiet, ihr Erwerb und ihre Geschichte. Bd. II. Innsbruck, 1867.

Bláhová Marie, Frolik Jan, Provantová Naďa. Velké dějiny zemí koruny české. Sv. I. do roku 1197. Praha, 1999.

Bonfinius Antonius. Historia Hungarica. Viennae, 1744.

Bonkáló Alexander. Die ungarländischen Ruthenen // Ungarische Jahrbücher. Bd. 1, N 3. S. 215–232. Berlin; Leipzig, 1921.

Bonkáló A. Die Ansiedlung der ungarländischen Ruthenen // Ibid. N 4. S. 313–341.

Brand Ch. Deeds of John and Manuel Comnenus by John Kinnamos. N.-Y., 1976.

Catona Stephanus. Historia critica regum Hungariae stirpis Arpadianae. TT. 1–42. Pestini, 1779–1817. [T. III. Complectens res gestas Colomani, Stephani II, Belae II, Geisae II. Pestini, 1780; T, IV. Complectens res gestas Stephani III, Ladislai II, Stephani IV, Belae III, Emerici, Ladislai III. Pestini, 1781].

Csánki Dezső. Magyarország történelmi földrajza a Hunyadiak korában. I–III, V. k. Bp., 1890–1913.

Cornides Daniel. Regum Hungariae, qui saeculo XI. regnavere, genealogiam illustrat. ... Posoniae et Cassoviae, 1778.

Dąbrowski Dariusz. Genealogia Mścisławiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku). Kraków, 2005.

Deér József. A magyar törzsszövetség és a patrimoniális királyság külpolitikája. Kaposvár, 1928 [Repr.: Máriabesnyő–Gödöllő, 2003].

Dilich Wilhelm. Hessische Chronik. Kassel, 1605.

Dzieje Polski średniowiecznej / *Grodecki R., Zachorowski S., Dąbrowski J*. T. I. Kraków, 1926.

Engel, Johann-Christian. Geschichte von Halitsch und Wladimir bis 1772. Bd. I–II. Wien, 1792–1793.

Fessler IgnácAurél. Geschichte von Ungarn. Bd. II. Leipzig, 1867.

Font Márta. A XII. századi orosz-magyar kapcsolatok kérdéséhez. Bölcsészdoctori dissertatio (рукопись) Szeged, 1979.

Font M. A XII. századi II. Géza orosz politikája // Acta Historica. 67 (1980). 33–39. l.

Font M. Fattyú volt-e Borisz? // Interpress Magazin, 1984, N 8. 22–26. l.

Font M. Megjegyzések a XI–XIII. századi orosz-magyar kapcsolatok egyház történeti vonatkozásairól // Történeti tanulmányok Dél-Pannóniaból. II. Pécs, 1990. 29–37. l.

Font M. Politische Beziehungen zwischen Ungarn und dem Kiewer Russland 12. Jh. // Ungarn – Jahrbuch. Bd. 18. München, 1991. S. 1–18.

Font M. A kijevi évkönyv mint magyar történeti forrás // T. Sz., 1991, N 1–2. 70–83. l.

Font M. Powstanie szojuzu halicko-wengerskiego w latach dwudziestych XII wieku // Studia Historyczne, r. XXXVI. Kraków, 1993. Z. 3 (142). S. 281–286.

Font M. Magyar-orosz politikai kapcsolatok a 12. században // Aetas. Szeged, 1995. N 1. 53–75. l.

Font M. Magyarok és szlávok az Árpád-kor végeig // Árpád előtt és után. Tanulmányok a magyarság és hazája korai történetéről. Szerk. Kristó Gy. és Makk F. Szeged, 1996. 157–167. l.

Font M. A honfoglalástól Mohácsig // A Kárpát-medence etnikai és demográfiai viszonyai a honfoglalástól a török kiűzéséig. Pécs, 1998. 5–30. l.

Font M. Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek. Szeged, 2005.

Font M. A keresztény nagyhatalmak vonzásában. Közép- és Kelet-Európa 10–12. században. Bp., 2005.

Forssman J. Die Beziehungen altrussischer Fürstengeschlechter zu Westeuropa. Bern, 1970.

Gebhardi, Ludwig Albrecht. Allgemeine Weltgeschichte. Bd. I. Brünn, 1778.

Giesebrecht A. Geschichte der deutschen Kaiserzeit. Bd. IV. Braunschweig, 1872.

Gorski Kazimierz. Stosunki Kazimierza Sprawedliwego z Rusią // PNL. R. 3 (1875). S. 572–584.

Gorski K. Borys. Ustęp z dziejów XII wieku // PNL. R. IV. (1876). S. 63–82, 148–164.

Gumplowisz Maks. Borys Kolomanović, królewicz węgerski (obditka z Przegladu Historycznego). Warszawa, 1906.

Györffy György. A szávaszentdemeteri görög monostor XII. századi birtokösszeírása // A magyar Tudományos Akadémia Társadalmi-Történeti Tudományok. II (1952). 3–4. sz. 325–362. l.; III (1953). 1–2. sz. 69–104. l.

Györffy Gy. A magyar nemzetségről a vármegyéig, a törzstől az országig // Sz., CXII (1958). 12–87, 565–615. l.

Györffy Gy. Az Árpád-kori Magyarország történeti földrajza. I–IV. k. Bp., 1963–1998.

Györffy Gy. A magyar állam megszilárdulása // MT. I/2. 893–1006. l.

Hertel J. Podstawy społeczne polaka średniowiecznego w swietle kronik Mistrza Wincentego i wielkopolskiej // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Historia. T. XVII. Z. 117. Toruń, 1980. S. 51–80.

Hodinka Antal. Byzanc történetéből a XII. században. A szerb fejedelemségek állapota és viszonya Magyarország Byzánchoz a 12. középen (Az 1149 és 1150. évi hadjáratok) // TT, 1889. 143–149. l.

Hodinka A. Kálmánfi (Kolomanovics) Boris // TT. Bp., 1889. 421–439. 1.

Hodinka A. A munkácsi görög-katholikus püspökség története. Bp., 1909.

Hóman Bálint. Történetírás és forráskritika. Bp., 1938.

Hóman Bálint, Szegfű Gyula. Magyar történet. 7. kiad. I–V. k. Bp., 1941.

Hoppe J. A. Geschichte des Königreiches Galizien und Lodomerien. Wien, 1792.

Horváth Mihály. Magyarország történelme. I. k. Pest, 1871.

Huber A. Austria története. Bp., 1899.

Hübner Johann. Reale Staats-Zeitung – und Conversations Lexicon. Leipzig, 1704.

Hübner J. Genealogische Tabellen nebst denen darzu gehörigen Genealogischen Fragen, zur Erläuterung der politischen Historie und sonderbahrem Fleisse zusammen gertagen und von Anfange bis auf diesen Tag continuiret. Leipzig, 1719–1733.

Istvanffy Nicolaus. Historiarum Regni Hungariae libri XXXIV. Viennae, 1758.

Jasienica Paweł. Polska Piastów. Warszawa, 1985.

Jasiński Kazimierz. Rodowód pierwszych Piastów. Poznań, 2004.

Karácsonyi János. Halavány vonások hazánk Szent István korabeli határairól // Sz., XXV (1901). 1039–1058. l.

Karácsonyi J. A magyar nemzet történeti joga. Nagyvárad, 1916.

Kerbl Rajmund. Byzantinische Prinzessinnen in Ungarn zwischen 1050–1200 und ihr Einfluss auf das Arpadenkönigreich. Wien, 1979.

Kleindel Walter. Österreich. Daten zur Geschichte und Kultur. Wien, 1978.

Klutschewski W. O. Geschichte Russlands / Hrsg. von Fr. Braun und R. von Walter. Bd. 1–4. Stuttgart; Leipzig; Berlin, 1926.

Koch W. Jurium Hungariae in Russiam Minorem et Podoliam, Bohemiaeque in Osviensen et Zatoriensen ducatum praevia explication. Vindobonae, 1773.

Kohl W. Das Bistum Münster. 4/1. Das Domstift St. Paulus zu Münster // Germania Sacra. 17/1. Berlin – New York, 1987.

Kordé Zoltán. Anonymus // KMTL. 50–51. l.

Kollar Franz Adam. Humillimum promemoria de ortu, progressu et incolatu nationis Ruthenicae in Hungaria. Munkas, 1749.

Kollar, F. A. Vorläufige Ausführung der Rechte des Königreiches Hungarn. Wien, 1772.

Kristó Gyula. Oroszok az Árpád-kori Magyarországon // Acta Historica. LXVII, 1980. 57–66. l.

Kristó Gy. Oroszok az Árpád-kori Magyarországon // *Idem*. Tanulmányok az Árpád-korról. Bp., 1983. 191–207. l.

Kristó Gy. Az Árpád-kori háborúi. Bp., 1986.

Kristó Gy. Korai feudalizmus (1116–1241) // MT. I. k. 2. kiad. Bp., 1987. 1007–1416. l.

Kristó Gy. A Kárpát-medence és a magyarság régmúltja (1301-ig). Szeged, 1993.

Kristó Gy. Krónikakompozítió // KMTL. 382. 1.

Kristó Gy. Magyar historiográfia. I. k. Történetírás a középkori Magyarországon. Bp., 2002.

Kristó Gy. Magyarország története. 895–1301. Bp., 2003.

Kristó Gy. Nem magyar népek a középkori Magyarországon. Bp., 2003.

Kristó Gy.–Makk F. Krónikáink keletkezéstörténetéhez // T. Sz. 1972. 1. sz. 198–205. l.

Kristó Gy.–Makk F.–Szegfű L. Adatok „korai” helyneveink ismeretéhez // Acta Historica. T. XLIV. Szeged, 1973.

Kromer Marcin. De origine et rebus gestis Polonorum. Basileae, 1555.

Kürbis B. Wstęp do wydania Kroniki Wielkpolskiej // MPH. NS. T. VIII.

Labuda G. Zaginiona Kronika w Rocznikach Jana Długosza. Poznań, 1983.

Lázár Gyula. Az orosz birodalom története. I–IV. k. Temesvár, 1890–1891.

Lehoczky Tivadar. Bereg-vármegye monographiája. Ungvár, 1881. I–III. k.

Levesque, Pierre Charles. Histoire de Russie: Tirée des chroniques originales et des meilleures histoires de la nation. 6 vol. Yverdun, 1782–1786.

Lucskay Mihály. Historia Karpatho-Ruthenorum in Hungaria. TT. I–VI. Buda, 1843. Новейшее издание с параллельным переводом на украинский язык см.: Науковий збірник музею

української культури у свиднику. Annales Museai culturae Ukrainensis. 12–17. Svidnik, 1987–1992.

Madzsar Imre. Szent Imre herceg legendája // Sz., LXI (1931). 35–61. l.

Magyarország hadtörténete két kötetben. Főszerk. E. Liptai. I. k. Bp., 1984.

Magyarország története az Árpádok korában. Szerk. Szilágyi S. II. k. Bp., 1896.

Magyarország történeti kronológiája. I. k. A kezdetektől 1526-ig. 3. kiad. Főszerk. K. Benda. Bp., 1986.

Makk Ferenc. Megjegyzések II. Béla történetéhez // Acta Historica. T. XL, 1972. 31–49. l..

Makk F. Megjegyzések II. István történetéhez // Középkori kutfőink kritikus kérdései. Szerk. Horváth J., Székely Gy. Bp., 1974. 253–259. l.

Makk F. Magyar-bizánci kapcsolatok a XII. században (рукопись) Szeged, 1978.

Makk F. Megjegyzések III. István történetéhez // Acta Historica. T. LXVI (1979). 29–41. l.

Makk F. Megjegyzések Kálman külpolitikájához // Acta Historica. T. LXVII (1980). 21–30. l.

Makk F. Megjegyzések a II. Géza-kori magyar-bizánci konfrontátio kronológiájához // Acta Historica. T. LXVII (1980). 41–56. l.

Makk F. Contribution à la chronologie des conflits hungaro-byzantine au milieu du XIIe siècle // Зборник радова Византинолошког института. Београд, 1981. Кн. 20.

Makk F. A XII. századi főúri csoportharcok értékeléséhez // Acta Historica, LXXI (1981). 29–35. l.

Makk F. Borisz, egy XII. századi trónkövetelő // Acta Universitatis de Attila József nominatae. Acta Antiqua et Archaeologica. Supplementum. VI. Szeged, 1987. 61–65. l.

Makk F. Néhány megjegyzés a Kálmán-ági királyok külpolitikájához // Acta Historica, XCII (1991). 3–15. l.

Makk F. Magyar külpolitika (896–1196). Szeged, 1993 (2. kiad. – 1996).

Makk F. A Kálmán-ági királyok külpolitikájának néhány kérdése // *Idem*. A turulmadártól a kettőskeresztig. Tanulmányok a magyarság régebbi történelméről. Szeged,.1998.

Makk F. Ungarische Auβenpolitik (896–1196). Herne, 1999.

Makk F. A tizenkettedik század története. Bp., 2000.

Malecki A. Testament Bolesława Krzywoustego // PNL. R. IV. (1876). S. 1–33.

Maleczyński Karol. Bolesław Krzywousty. Kraków, 1946.

Mályusz Elemér. A Thuróczy-krónika és forrásai. Bp., 1967.

Márki Sándor. Az oroszok hazánk történetében. Nagyvarad, 1878.

Mátyás Florián. Chronica Hungarorum. Lipsiae, 1883. T. II.

Melich János. A honfoglaláskori Magyarország. Bp., 1925 (1–240. l.), 1929 (241–434. l.).

Nagy Iván Nagy-Oroszi mezőváros helynevei // Magyar Akadémiai Értesítő. 1857.

Naruszewicz, Adam Staniszław. Historyi … *Adama Naruszewica* narodu Polskiego … z rękopisma Biblioteki Pulawskiey i Josefa Hrabi Sierakowskiego … T. 1. Warszawa, 1781.

Needon C. R. Beiträge zur Geschichte Heinrichs V. Leipzig, 1885.

Novotný V. České dějiny. I. 2. Praha, 1913.

Nyulassy Ágnes. Borisz a források tükrében // Dixit et salvavi animam meam. Tanulmányok a 65 éves Szegfű László tiszteletére. Szeged, 2007. 79–98. l.

Olah Nicolaus. Hungaria, sive de originibus gentis, regionis situ, habitu atque opportunitatibus liber singularis // *Bel Matthias*. Adparatus ad historiam Hungariae. T. I. Posoniae, 1735.

Ortelius Abraham. Thesaurus geographicus recognitus et auctus. Antuerpiae, 1587.

Pauler Gyula. II. Géza orosz-görög háborui, 1148–1156 // HK., 1890. 1–19., 273–285. l.

Pauler Gy. A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt. I–II. k. Bp., 1899.

Perfeckij E. Historia Polonica Jana Dlugosza a ruské letopisectivi. V Praze, 1932.

Petrof Elek. Az orosz évkönyvek évszámitásáról // Sz., XXVI (1892). 5. sz. 365–370. l.

Pray Georgius. Annales regum Hungariae. 977–1564. I–VI. Viennae, 1763–1770.

Radev Sztojan. Bolgárok és magyarok. Bp., 1977.

Raffensperger Chr. Identity in flux: finding Boris Kolomanovich in the interstices of medieval European history // The Medieval Glob. 2016. N 1. P. 15–39.

Rüss Hartmuth. Das Reich von Kiev // Handbuch der Geschichte Russlands. Stuttgart, 1980. S. 199–429.

Scharanewitsch I. Die Hypatios Chronik als Quellen – Beitrag zur Österreichischen Geschichte. Lemberg, 1872.

Schlözer, August Ludwig. Probe russischer Annalen (Nestor und russische Geschichte betreffend). Bremen, Göttingen, 1768.

Semkowicz Aleksander. Krityczny rozbiór Dziejów Polskich Jana Długosza (do roku 1384). Kraków, 1887.

Snoch Bogdan. Synowe Krzywoustego. Warszawa, 1987.

Soloviev A. Der Begriff „Russland" im Mittelalter // Studien zur älteren Geschichte Osteuropas. Teil I. Graz; Köln. 1956. S. 149–168.

Stritter, Johann Gotthelf. Memoriae populorum, olim ad Danubium, Pontum Euxinum, paludem Maeotidem, Caucasum mare Caspium et inde magis ad septemtriones incolentium: E scriptoribus historiae Byzantinae erutae et digestae … 4 t. SPb., Acad. scientiarum, 1771–1773.

Swoboda W. Waszylko Rosztislawicz // Slownik starozytnosci slowianskich. Wroclaw; W-wa; Kraków, T. VI, Cz. 2. 1977. S. 34.

Szalay László. Magyarország története. I–IV. k. Lipcse, 1852–1854.

Geschichte Ungarns von *Ladislaus v. Szalay*, deutsch von Heinrich Wögerer. Pest, 1866.

Szaraniewicz Izidor. Die Hypatios Chronik als Quellen – Beitrag zur österreichische Geschichte. Lemberg, 1872.

Székely György. Kapcsolatok a kelet-európai népek harcaiban a feudalis német hóditók ellen a 11.–14. században // HK. 1954, 1. sz. 139–170. l.

Szentpétery Imre. Okleveltani Naptár. Bp., 1912.

Szovák Kornél és *Veszprémy László*. Kronikák, legendák, intelmek. Utószó // SRH [Repr.: Bp., 1999]. Vol. II. 721–799. 1.

Takács Miklös. Mitrovica // KMTL. 460. l.

Thállóczy Lajos. III. Béla és a magyar birodalom. Bp., 1906.

Timon Samuel. Epitome chronologica rerum Hungaricarum. Cassoviae, 1736.

Vernadsky George. Kievan Russia. New Haven, 1948 / *Vernadsky G., Karpovich M*. History of Russia. Vol. II.

Wattenbach W. Deutschlands Geschichtsquellen. Bd. II. Berlin, 1894.

Wertner Mór. Boris und Rostislav. Beitrag zur Geschichte der russisch-polnisch-ungarische Beziehungen. Berlin, 1889.

Wertner M. Szent László királynak orosz veje // Turul. 8. k. Bp., 1890. 125–129. l.

Wertner M. Az Árpádok családi története. Nagybecskerek, 1892.

Włodarski Bronisław. Rus' w planach politycznych Bolesława Krzywoustego // Zeszyty Naukowe Universitetu M. Kopernika. Toruń, 1966. Z. 20. S. 37–57.

Włodarski B. Sąsidstwo polsko-ruskie w czasach Kazimierza Sprawedliwego // Przegląd Historyczny. Warswawa, 1964. T. 60. Zesz. 1. S. 5–18.

Zeissberg H. Die polnische Geschichtsschreibung des Mittelalters. Leipzig, 1873.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ – Византийский временник.

ВИ – Вопросы истории.

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. СПб.

ИЗ – Исторические записки.

ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности Академими наук. Санкт-Петербург; Ленинград.

Л. – Ленинград.

М. – Москва.

ПВЛ – Повесть временных лет.

Пг. – Петроград.

ППИДР – Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотир. каталог-справочник. Под ред. Я. Н. Щапова. СПб., 2003.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

СККДР – Словарь книжников и книжности древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV в.). Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987.

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН. Ленинград; Санкт-Петербург.

Acta Historica – Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Acta Historica. Szeged.

Bp. – Budapest.

CDH – Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / Studio et opera *G. Fejer.*

DHA – Diplomata Hungariae antiquissima. Accedunr epistola et acta ad historiam Hungariae pertinentia. Vol. I. Ad anno 1000 usque ad annum 1131 / Edendo operi praefuit G. Györffy. Bp., 1992.

FRB – Fontes rerum Bohemicarum. Praha.

HK – Hadtörténelmi Közlemények. Budapest.

KMTL – Korai magyar történeti lexikon (9–14. század). Főszerk. Kristó Gy. Budapest, 1994.

MGH SS – Monumenta Germanie historica. Scriptores.

MGH SS rer. Germ. – Monumenta Germanie historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum.

MGH SS rer. Germ. NS – Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum Germanicarum. Nova series.

MPH – Monumenta Poloniae historica.

MPH. NS – Monumenta Poloniae historica. Nova series.

MT – Magyar történet tíz kötetben. I. k. Előzmények és magyar történet 1242-ig. Főszerk. Székely Gy. 2. kiad. Bp., 1987.

MTK – Magyarország történeti kronológiája. I. A kezdetektől 1526-ig. 3. kiad. Főszerk. K. Benda. Bp., 1986.

PNL – Przewodnik Naukowy i literacki. Lwów.

SRH – Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum. Edendo operi praefuit E. Szentpéteryю Vol. I–II. Bp., 1937–1938.

Sz. – Századok. Budapest.

T. Sz. – Történelmi Szemle. Budapest.

TT – Történelmi Tár. Budapest.